

Пол АНДЕРСОН

МАСТЕРА
АМЕРИКАНСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

Пол АНДЕРСОН

5

МАСТЕРА
АМЕРИКАНСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

МАСТЕРА
АМЕРИКАНСКОЙ
ФАНАСТИКИ

Пол Андерсон

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

В ВОСЬМИ ТОМАХ

Пол АНДЕРСОН

ТОМ
5

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

“ФАБУЛА”
1993

ББК 84.48
А 64

Серия
«МАСТЕРА АМЕРИКАНСКОЙ ФАНТАСТИКИ»
основана в 1992 году.

Включает в себя лучшие произведения наиболее известных и популярных писателей-фантастов США.

Андерсон П.

**А 64 Собрание сочинений: В 8 т. Т. 5: Пер. с англ. — М.:
ПОО «Фабула», 1993. — 464 с. — (Сер. «Мастера амери-
канской фантастики»).**

ISBN 5-86090-168-2

Пол Андерсон в любые времена будет удивлять читателей своей неистощимой выдумкой, фантазией, основанными на научном знании и предвидении, что ярко доказывается представленными в 5-м томе собрания сочинений романами: «Операция "ХАОС"», «Люди ветра», «Настанет время...».

4804010000 — Без объявл.

ББК 84.48

ISBN 5-86090-168-2

© ПОО «Фабула», 1993

© Оформление, рисунки. П. Храмцов, 1993

Операция «ХАОС»

РОМАН

ПРИВЕТ!

Если вы существуете — привет!

Скорее всего, мы вас никогда не обнаружим. Это странный эксперимент — проверка дикой гипотезы.

Но, помимо всего, это наш долг.

Я лежу, скованный сном. Лишь наполовину сознаю существование моего мира. Меня подготовили, чтобы послать призыв сквозь потоки времени, потому что то, что случилось со мной много лет назад, оставило следы на моей заурядной натуре. Они верят, что их содержащие послание мысли имеют большие шансы войти в резонанс с вашими, если будут посланы мною.

Возможность неудачи невелика. Моя заурядность полностью взяла верх над крошечным остатком манны, курящейся во мне, как слабый дымок. И в любом случае весьма неприятно, что я излучаю мысль в пустоту. Вероятно, это так.

Это скорее всего философская идея, что время имеет больше одного измерения, что могут одновременно существовать различные Вселенные, некоторые из которых совершенно чужды нам, а некоторые такие, что и отличить невозможно.

(...Почему во сне я разговариваю на этом языке? Это не моя обычная речь. Препараты вызвали странное состояние. Проклятье, когда завтра проснусь, я буду собой и не только собой. Но сейчас и всю ночь я — это я...)

Земля, где битва под Геттинсбергом выиграна Ли, а битва при Ватерлоо — Наполеоном. Или Земля, где религия Митры одержала верх над христианством. Или Земля, где вообще никогда не было Рима. Или Земля, где другие животные, а не люди, разминувшись, стали обладать разумом. Или Земля, на которой вообще не развилась разумная жизнь. Земля, принадлежащая к таким областям космоса, где иные законы природы. Для их обитателей возможно то, чего мы

никогда не сможем. Но они никогда не достигнут того, что мы делаем без затруднений...

Но должен сказать, что у гипотезы есть кое-что побольше, чем просто философские основания. Имеется подтверждение в новейшей, слишком абстрактной для меня физической теории. И есть анекдотические случаи появлений и исчезновений, наводящих на мысль, что возможны телесные перемещения от одного временного потока к другому. Бенджамин Батуст, Каспар Хаузер... То, что случилось со мной, — хотя это не самое важное. Однако вы обязаны выполнить ваш долг.

Видите ли, если параллельные миры существуют, они должны быть тесно взаимосвязаны. В противном случае гипотезу невозможно проверить и она не имеет смысла. Имея одно и то же происхождение, воплотившись в одних и тех же формах, эти миры должны иметь одну и ту же судьбу. Борьба Закона и Хаоса, какие бы разнообразные формы она ни принимала, наверняка идет во всех мирах.

Кое-чему мы научились. Мы обязаны послать вам сообщение, научить и предупредить.

Вам это может показаться всего лишь сном. То же ощущаю и я. Но все, что мне помнится, произошло на самом деле. Сомнительно, чтобы вы, те, которые окажетесь в пределах нашей досягаемости, смогли бы ответить нам. Даже если захотите. Ведь в противном случае мы бы уже получили сообщение откуда-нибудь. Но надеемся, что наше сообщение вы воспримете. Спросите себя, как простой сон может быть таким, как то, что сейчас вам снится?

У нас пока нет определенного представления о том, на что вы похожи. Но предполагаем, что вы — нечто большее, чем ничто. Вы, вероятно, живете в мирах, не слишком отличающихся от нашего. В противном случае связь была бы невозможной. Как бы я мог найти отзвуки в душах поистине чуждых существ? Нет, вы тоже должны быть людьми, обладающими при этом технологической культурой.

Вы должны, как и мы, помнить Галилея, Ньютона, Лавуазье, Ватта. Вероятно, вы тоже американцы. Но в какой-то точке мы разошлись. Был ли у вас Эйнштейн? И если был, над чем он работал после своих ранних публикаций, касающихся броуновского движения и специальной теории относительности? Такие вопросы можно задавать бесконечно.

Разумеется, и у вас возникнут такие же, касающиеся нас вопросы. Поэтому я хоть как-то расскажу вам свою историю. (Этого все равно не избежать, сумрак окутывает меня.) Несомненно, я много буду рассказывать о том, что вам известно. Может быть, вы уже знаете, как работают электрические генераторы, или как закончилась первая мировая война, или еще что-нибудь — терпите. Лучше получить слишком много сведений, чем слишком мало. Для вас это более чем жизненно важно.

Если вы существуете.

С чего начать? Полагаю, что для меня это дело началось во время

второй мировой войны. Хотя, разумеется, история прослеживается и гораздо раньше.

1

То ли очень не повезло, то ли их разведка оказалась лучше, чем ожидали, но последний налет, слолив нашу воздушную оборону, снес к дьяволу палатку корпуса Погоды. Проблемы снабжения — это проблемы снабжения. Мы не могли пополнять запасы неделями, а тем временем враг захватил контроль над погодой. Наш единственный уцелевший погодник, майор Джексон, должен был использовать то, что осталось от его стихии, чтобы защитить нас от молний. Так что приходилось принимать все, что им хотелось наслать на нас. Сейчас шел дождь.

Ничто так не обескураживает, как неизменно идущий уже неделю холодный дождь. Земля раскисла, и грязь лезла в сапоги. Они сделались такими тяжелыми, что их трудно было оторвать от земли. Униформа превратилась в вымокшую насквозь тряпку, липнущую к твоей трясущейся шкуре. Продовольственные пайки отсырели, винтовки требовали сверхзаботы. И все время слышишь, как дождь барабанит по шлему. Никогда уже не удастся забыть эту серую, без конца бьющую по телу воду. И через десять лет ветер, сулящий дождь, будет вызывать чувство подавленности.

«Одно утешение, — подумал я. — Пока идет дождь, с воздуха на нас хорошую атаку не проведешь. Несомненно, когда они будут готовы атаковать с бреющего полета, облачный покров уберут к черту. Но наши метлы появятся так же быстро, как и их ковры».

Медленно, с натугой, мы шли вперед. Вся наша дивизия, вместе с примыкающими частями, — Сорок пятая Молниеносная, краса и гордость армии Соединенных Штатов, превратилась в жалкое промокшее скопище людей и драконов, рысущих по холмам Орегона в поисках оккупантов.

Я медленно шел по лагерю. Вода сбегала с краев палаток и, булькая, стекала в окопы. Наши часовые, разумеется, надели шапки-невидимки, но я видел, как на грязи появляются отпечатки, слышал хлюпанье сапог и надоедливые однообразные проклятия.

Я миновал взлетно-посадочную полосу. Военно-воздушные силы располагались рядом с нами, чтобы сразу оказать поддержку в случае необходимости. Двое, не утруждая себя невидимостью, стояли на страже возле опрокинутого ангара. Их голубые мундиры были так же замызганы, как и мой защитный, но они были чисто выбриты, и знаки различия — крылатая метла, побеждающая злого врага, — были начищены. Они отдали мне честь, и я лениво ответил им тем же.

Сзади лежали бронированные листы. Ребята соорудили из них переносное укрытие для зверюг. Я мог видеть только пробивающийся сквозь щели пар и ощутил пакостную вонь рептилий. Драконам дождь ненавистен, и водителям приходилось тратить чертовски много времени, чтобы не выпустить их из-под контроля.

Поблизости расположилось отделение Петрологической войны — закрытый сверху загон, в котором извивались, шипели и поворачивали увенчанные гребнями головы василиски.

Лично я сомневался в практической ценности этого отделения. Нужно подвести василиска вплотную к человеку и заставить змея смотреть прямо, пока человек не окаменеет. А отражательные алюминиевые костюм и шлем, которые следует носить, чтобы защититься от излучения своих же питомцев, — это прямое приглашение вражеским снайперам.

Кроме того, углерод человеческого тела, превращаясь в кремний, дает радиоактивные изотопы. Так что вы получите, может быть, такую дозу радиации, что врачам придется уступить вас святому Джону Уорту. Тому, кто до полуночи не вылезает из своего склепа.

Кстати, если вы знаете, кремация умерла не просто как обычай — закон о национальной обороне объявил ее незаконной. Нам пришлось заниматься многими по-старинному устроенными кладбищами. Так что с прогрессом науки свобод у нас стало меньше.

Я прошел мимо инженеров, командовавших бандой зомби (мертвецы, исполняющие приказание колдуна). Те рыли очередную осушительную канаву. Я вышел к огромной палатке генерала Ванбруха. Часовой, увидев мою эмблему — тетраграмму Разведывательного корпуса и знаки различия на погонах, отдал честь и впустил меня внутрь.

Я вошел, остановился возле стола и поднял в приветствии руку. — Капитан Матучек, сэр, — сказал я.

Ванбрух взглянул на меня из-под лохматых седых бровей. Это был крепкий мужчина, с лицом, похожим на выветрившийся камень. Кадровый вояка на все сто три процента. Но мы относились к нему точно так же, как вы — к полководцам, чьи портреты оттиснуты на банкнотах.

— Вольно, — сказал он. — Садитесь. Это займет некоторое время.

Я нашел себе складной стул, сел. Два других стула были уже заняты. Сидевших на них я не знал. Один — толстяк с круглой красной физиономией и белой пушистой бородкой. Майор с эмблемой круглых кристаллов корпуса Связи. А другая — юная девушка. Несмотря на усталость я, замигав, снова посмотрел на нее.

Она того заслуживала — высокая, зеленоглазая, рыжеволосая. Лицо с высокими скулами. А фигура слишком хороша для униформы женской вспомогательной службы США. И для любой другой — тоже. Знаки различия капитана. Паук Кавалерийского корпуса... Хотите официальное название — пожалуйста, не паук, а слейпнир*.

Генерал представил нас друг другу.

* Слейпнир — в древнескандинавской мифологии — волшебный шестиногий конь.

— Майор Харриган. Капитан Грейлок. Капитан Матучек. А теперь давайте займемся делом.

Он расстелил перед нами карту. Я наклонился и посмотрел на нее. На ней были обозначены наши и вражеские позиции. Враг все еще удерживал в своих руках половину побережья Тихого океана от Аляски до Орегона, хотя положение значительно улучшилось, когда в битве при Миссисипи год назад удалось значительно потеснить захватчиков.

— Итак, — сказал Ванбрух, — я опишу вам ситуацию в целом. Задание вам предстоит опасное, и, хотя вы вызвались на него добровольцами, хочу, чтобы вы знали, насколько оно важное...

Все, что я тогда знал, — что именно я вызвался идти добровольцем. Вызвался так или иначе. Это была армия, да еще участвовавшая в такой войне, как эта. Так что я не смог бы отказаться из принципа. Когда Сарацинский Халифат напал на нас, я был не вызывающим особых нареканий актером в Голливуде. Мне бы очень хотелось вернуться к своему занятию, но сперва нужно было покончить с войной.

— Как видите, мы потеснили их, — сказал генерал, — и все оккупированные страны встrepенулись и закудаhtали, готовясь поднять восстание, как только получат шанс выиграть битву. Британия помогает в организации и вооружении подполья, а сама тем временем готовится форсировать Ла-Манш.

Русские готовят наступление с севера. Но мы должны нанести врагу решительный удар. Взломать линию фронта и погнать их. Это послужит сигналом. Если мы добьемся успеха, то с войной будет покончено уже в этом году. В противном случае она может растянуться еще года на три.

Я это знал. Вся армия это знала. Официально еще ни слова не сообщалось, но люди каким-то образом чувствуют, когда предстоит большое наступление.

Генерал неуклюже прочертил пальцем по карте:

— Девятый броневой дивизион — здесь, Двенадцатый метательный — здесь. Саламандры — тут, где, как мы знаем, они сконцентрировали своих огнедышащих. Моряки готовы высадиться на побережье и вновь захватить достаточно кракенов. Один удар — и мы их погоним.

Майор засопел в бороду и мрачно уставился в круглый кристалл. Шар был мутный и темный. Враг создавал такие помехи для наших кристаллов, что их невозможно было использовать. Мы, естественно, отвечали тем же. Капитан Грейлок нетерпеливо застучала по столу безукоризненно наманикюренным ногтем. Она была такая чистенькая и красивая, что я решил, что в конце концов я ей не нравлюсь. Во всяком случае сейчас, когда мой подбородок покрыт трехдневной щетиной.

— По-видимому, что-то идет не так, сэр, — отважился сказать я.

— Правильно, будь оно проклято, — сказал Ванбрух. — В Тролльбурге.

Я кивнул. Сарацины пока удерживали этот город. Город — ключ к позиции, оседлавший шоссе № 20 и охраняющий подступы к Салему и Портланду.

— Мне кажется, мы предлагали захватить Тролльбург, сэр, — пробормотал я.

Ванбрух нахмурился:

— Это должна сделать Сорок пятая, — проворчал он. — Если мы опростоволосимся, приятель, они сделают вылазку, отрежут Девятый и сорвут всю операцию. Кроме того, майор Харриган и капитан Грейлок из Четырнадцатого доложили мне, у гарнизона Тролльбурга есть ифрит.

Я присвистнул. Озноб пополз вдоль позвоночника. Халифат, не задумываясь, прибегал к использованию сверхъестественных сил (в частности, поэтому остальной мусульманский мир относился к сарацинам как к еретикам и ненавидел их не меньше, чем мы). Я бы никогда не подумал, что они зайдут так далеко, что сломают печать Соломона. Вышедший из повиновения ифрит может причинить невообразимые разрушения.

— Надеюсь, у них он только один... — прошептал я.

— Один, — сказала Грейлок. У нее был низкий голос, он мог бы казаться приятным, если бы она не говорила так отрывисто. — Они прочесали все Красное море, надеясь найти еще одну бутылку Соломона. Но, кажется, эта — последняя.

— Все равно плохо, — сказал я. Усилие, которое потребовалось, чтобы голос звучал ровно, помогло мне успокоиться. — Как вы это узнали?

— Мы из Четырнадцатого, — зачем-то сказала Грейлок.

Как бы то ни было, ее кавалерийский значок вызвал у меня удивление. Как правило, из всех новобранцев только кислотицы школьные учительницы (и им подобные) годятся на то, чтобы разбегаться на одиногорах.

— Я просто офицер связи, — торопливо сказал майор Харриган. — Лично я ежду на метле...

Я усмехнулся. Ни одному американскому мужику (если только он не член какого-нибудь Святого ордена) не захотелось бы сознавать, что его посчитали пригодным справиться с одиногором.

Майор свирепо посмотрел на меня и залился краской.

Грейлок продолжала, будто диктуя. Она говорила по-прежнему резко, хотя тон ее голоса несколько изменился.

— Нам повезло, что мы взяли в плен бимбаши штурмового отряда. Я допросила его.

— Они держат рот на хорошем замке, эти знатные сыны пустыни, — сказал я. Время от времени я сомневался про себя в Женевской конвенции, но мне бы не понравилась идея нарушить ее окончательно, даже если неприятель подобных угрызений совести не испытывает.

— О, мы прибегаем к жестоким мерам, — сказала Грейлок. — Мы поселили его в очень хороших условиях и очень хорошо кормили.

Но в то мгновение, когда кусок оказывался в его глотке, я превращала его в свинину. Он сломался очень быстро и подробно рассказал все, что знал.

Я громко расхохотался. Ванбрух захихикал, но она продолжала сидеть с невозмутимым видом. Трансформация органики — это всего лишь перетасовка молекул.

Атомы не изменяются, так что риска получить дозу облучения нет. Но, конечно, трансформация требует хороших знаний в области химии.

Здесь и кроется подлинная причина, почему обычно пехотинец относится к Техническому корпусу с завистью. Неприкрытая ненависть к тем, кто может превратить НЗ в отбивную или жаркое по-французски. У квартирмейстеров хватает затруднений с заклиниванием обычных пайков, чтобы еще отвлекаться на создание изысканных блюд.

— О'кей, вы узнали, что у них в Тролльбурге есть ифрит, — сказал генерал. — Какими еще они располагают силами?

— Малый дивизион, сэр. Вы бы взяли город голыми руками, если бы можно было обезвредить этого демона, — сказала Грейлок.

— Да, я знаю. — Ванбрух покосился в мою сторону. — Ну, капитан, рискнете? Если вам удастся справиться с ним, это означает по меньшей мере Серебряную Звезду... Простите, Бронзовую.

— А... — я сделал паузу, подыскивая слова. Меня больше интересовало продвижение по службе, либо полное увольнение в запас. Но, возможно, последует и такое, тем не менее... речь идет не о моей голове, это возражение стратегического порядка. — Сэр, в этой области мои знания чертовски малы. В колледже я чуть не завалил демонологию.

— Эту часть работы выполняю я, — сказала Грейлок.

— Вы?! — Я вернул на место отвисшую до самого пола челюсть, но что еще сказать, я не знал.

— До войны я была Главной ведьмой Колдовского агентства в Нью-Йорке, — холодно сказала она.

Теперь я понял, откуда у нее такие повадки. Типичная девица, сделавшая карьеру в большом городе. Не в моих силах остановить ее и генерала.

— Я знаю, как справляться с демонами на побережье. Ваша задача — в сохранности доставить меня на место и обратно.

— Да, — сказал я. — Тогда не о чем говорить.

Ванбрух прочистил горло. Ему не нравилось посылать на такое дело женщин. Но времени было мало, слишком мало, чтобы искать другую возможность.

— Честно говоря, капитан Матучек — один из лучших наших оборотней, — польстил он.

— АВЕ, ЦЕЗАРЬ, МОРИТУРИ ТЕ САЛЮТАНТ!*

* «Здравствуй, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя!» — обращение римских гладиаторов перед боем.

Нет, я подразумевал иное, но не беда. Померев, смогу не спеша придумать что-нибудь получше. Я не был испуган, точно. Помимо того что я был заколдован от страха, были всякие причины полагать, что мои шансы не хуже, чем у идущего в огонь пехотинца. Ванбрух не стал бы приносить в жертву своих подчиненных, посчитай он задание безнадежным. Но на счет перспективы я был менее оптимистичен, чем он.

— Думаю, что два ловких человека проберутся незамеченными для их стражей, — продолжал генерал. — Затем вам придется симпровизировать. Если вам удастся нейтрализовать чудовище, то мы атакуем завтра в полдень. — Затем мрачно добавил: — Если до рассвета я не получу известия, что это удалось, нам придется перегруппироваться и начать отступление, спасая все, что сможем. Вот полученная путем геодезической съемки карта города и его окрестностей.

Он не стал тратить понапрасну времени, выясняя, действительно ли я согласился идти добровольно...

2

Я вел капитана Грейлок к палатке, которую делил с двумя братьями-офицерами от падающего дождя. По долгому откосу наклонно падающего дождя ползла темнота. Мы тащились по мерзкой грязи и, пока не оказались под брезентовым покрытием, молчали. Мои товарищи по палатке были в патруле, так что места для нас хватило. Я зажег огонь Святого Эльма и сел прямо на промокшие, положенные на пол доски.

— Садитесь, — пригласил я, указывая на единственный имевшийся в нашей палатке табурет. Он был одушевленный, а купили мы его в Сан-Франциско. Не особенно проворный, он все же мог тащить на себе наше снаряжение и подходить, когда его звали. Почувствовав на себе незнакомый вес, он беспокойно заерзал, а потом снова уснул.

Грейлок вытащила пачку «Крыльев» и подняла брови. Я кивнул в знак благодарности, и во рту у меня оказалась сигарета. Лично я в походе курю «Счастливые» — самовоспламеняющиеся, — удобно, если спички окажутся отсыревшими. Когда я был на гражданке и мог себе это позволить, моей маркой были «Филипп Моррис», потому что возникающий вместе с дымком сигареты маленький, одетый в красное эльф может заодно приготовить порцию виски.

Некоторое время мы молча попыхивали дымом и слушали дождь.

— Ну, — сказал я наконец, — полагаю, у вас есть какие-нибудь транспортные средства?

— Моя личная метла, — сказала она. — Эти армейские «виллисы» мне не нравятся. Мне нравится «кадиллак». Я выжму из него больше, чем это возможно.

— У вас есть грим, пудра, безделушки?

— Только немного мела. Любое материальное средство не слишком полезно, когда его используешь против могущественного демона.

— Да? А как насчет воска, которым была запечатана бутылка Соломона?

— Не воск удерживал ифрита в бутылке, а печать. Чары создаются символом. В сущности, надо полагать, что их воздействие чисто психологическое. — Она посасывала сигарету, и на ее щеках образовались впадины.

Я начинал понимать — капитан Грейлок что называется сахарная косточка...

— У нас будет возможность проверить эту теорию сегодня ночью, — сказала она.

— Ну, ладно. Надеюсь, вам захочется прихватить с собой какой-нибудь пистолет, заряженный серебряными пулями. У них, как вы знаете, тоже есть оборотни. Я возьму пистолет-пулемет сорок пятого калибра и несколько гранат.

— Как насчет спринцовки?

Я нахмурился. Мысль об использовании святой воды в качестве оружия всегда казалась мне богохульством (хотя капитан утверждал, что ее применение против порождений Нижнего Мира допустимо).

— Бессмысленно, — сказал я. — У мусульман нет такого ритуала, и они, разумеется, не используют существ, которые ему подчиняются. С собой я возьму камеру «Поляроид».

Айк Абрамс просунул свой огромный нос в разрез палатки.

— Не хочется ли вам и леди капитану немного покушать, сэр? — спросил он.

— Что ж, конечно, хотим, — сказал я.

А сам подумал: «Скверно, что свою последнюю ночь в Видгарде я проведу как жвачное...»

Он исчез, и я объявил:

— Айк всего лишь рядовой, но в Голливуде он играл в «Зове дебрей» и «Серебряном амиане». А здесь с радостью назначил сам себя моим ординарцем.

Он принесет нам поесть.

— Знаете, — заметила она, — одно хорошо, по крайней мере, в нашу технологическую эру: нам известно, что в этой стране был хорошо распространен антисемитизм не только среди немногих свихнувшихся, но и среди обычных уважаемых граждан.

— Действительно. Особенно верили в чушь, что все евреи — трусы и на фронте их днем с огнем не сыщешь. Теперь, когда для большинства из них колдовство под запретом — по религиозным причинам (а ортодоксы волшебством вообще не занимаются), — евреев в пехоте и в рейнджерах столько, что не заметить этого просто невозможно.

Я-то подустал от того, что герои комиксов и рассказов в дешевых журналах носят еврейские имена. Разве англосаксы не принадлежат,

как и евреи, к нашей культуре? Но то, что она сказала — правильно. И это показывает, что она была чуточку больше, чем обычная машина для делания денег. Самую крошечную чуточку.

— Кем вы были на гражданке? — спросил я, главным образом потому, чтобы заглушить непрекращающийся шум дождя.

— Я уже говорила вам, — огрызнулась она, вновь свирепея. — Служила в Колдовском агентстве. Реклама, объявления и так далее.

— О, а Голливуд весь фальшивый настолько, что и насмешки не заслуживает, — сказал я.

Помочь этому я, однако, не мог. Эти деятели с Медисон-авеню, от них в конечном итоге одна головная боль. Подлинное искусство используется для того, чтобы, как пузыри, выскакивали самодовольные ничтожества. Или чтобы продавать вещи, главное достоинство которых в том, что они точно такие же, как и все остальные того же сорта.

«Общество защиты животных от жестокого обращения» борется против того, чтобы русалок дрессировали для создания волшебных фонтанов с помощью заклинаний. Как борется и против запихивания молодых саламандр в стеклянные трубки для освещения Бродвея. Но я по-прежнему полагаю, что это лучше, чем трубные вопли о духах «Маашер», которые на самом деле не что иное, как приворотное зелье.

— Вы не понимаете, — сказала она. — Это часть нашей экономики. Часть всей нашей общественной жизни. Думаете, наш средний отечественный чародей способен починить, ну, скажем, машину для поливки газонов? Нет, черт возьми! Он скорее выпустит на волю Духов воды. И если не будет противодействующих чар, затопит половину города. И тогда нам, ведьмам, приходится убеждать гидр, что они обязаны подчиниться нашему волхвованию. Я ведь уже говорила вам, что, когда имеешь дело с этими существами, эффект чисто психологический. Чтобы добиться этого, я ныряла к ним с аквалангом.

Я покосился на нее с уважением. С тех пор как человечество осознало, насколько незначительно действие холодного оружия, и началось развитие магии, мир нуждается в отчаянно смелых людях. По-видимому, она относится именно к такой категории.

Абрамс притащил две тарелки с пищевыми пайками. Вид у него был тоскливый, но я не пригласил его присоединиться к нам. Наше задание было секретным, а еще следовало обговорить детали.

Капитан Грейлок превратила кофе в мартини (недостаточно сухое), а годную лишь для собак и пехоты жратву в мясо. И хотя не следует ожидать от женщины слишком душевной тонкости, но еда была, если честно, — лучшая, что водилась у меня за весь месяц.

После коньяка она невольно расслабилась, и я понял, что ее отталкивающая холодность — просто защита от скользких типов, с которыми ей приходилось иметь дело. И мы выяснили, что зовут нас Стив и Вирджиния.

Вскоре сумерки сменились тьмой, и нам пора было идти...

Возможно, вы думаете, что это чистой воды безумие — послать двух людей (из них одна женщина) в расположение вражеских войск для выполнения такой задачи, как эта. Должно казаться, что по меньшей мере нужно было выслать бригаду рейнджеров. Но современная наука изменила войну в той же мере, как индустрию, медицину, обычную жизнь, наконец. Данное нам задание было безрассудно-отчаянным в любом случае, и мы бы особо ничего не выиграли, будь нас намного больше.

Видите ли, хотя практически каждый может научиться некоторым простейшим видам и приемам колдовства — таким как искусство управлять метлой, химчисткой, токарным станком и так далее, лишь незначительное меньшинство представителей человечества можно считать подлинными знатоками. На это требуются годы и годы учения и практики. А помимо того, необходимы врожденные способности. Это вроде превращения человека в животное. Если человек относится к тем немногим, у кого есть нужные хромосомы, превращение в присущего ему зверя осуществляется почти инстинктивно. В противном случае необходимо воздействие внешней силы.

Ученые приятели поведали мне, что Искусство заключает в себе понимание Вселенной как набора канторовских бесконечностей. Внутри каждого данного класса часть равна целому и так далее. Одна хорошо подготовленная ведьма сможет сделать все, что окажется необходимым. Большой отряд было бы просто-напросто легче засечь, а это значит — рисковать представляющими ценность кадрами. Так что Ванбрух был прав, посылая лишь нас двоих. Иногда на собственной шкуре приходится удостовериться, насколько здравы принципы военных действий...

Мы с Вирджинией повернулись спинами друг к другу — чтобы переодеться. Она облачилась в брюки и куртку, я — в эластичную вязаную одежду, годящуюся мне и в волчьей ипостаси. Мы надели шлемы, нацепили свое снаряжение и обернулись. Она прекрасно смотрелась даже в этом одеянии — зеленом и мешковатом.

— Что ж, — сказал я тихо, — пойдем?

Разумеется, страха я не испытывал. Каждый новобранец, вступая в армию, получает прививку от страха. Но то, что нас ожидало, мне не нравилось.

— Думаю, что чем раньше мы выйдем, тем лучше, — ответила она и, шагнув к выходу, свистнула.

Помело спикировало, приземлилось рядом с нами. Метла была раскрашена полосами в самые фантастические цвета. Но она и сама по себе была хороша. Пенопластовые сиденья хорошо гасили ускорение, а прекрасно спроектированные откидные спинки походили на те, что использовались на армейских машинах.

Управлял помелом приятель Вирджинии — громадный кот. Черный, как непроглядная ночь, с недоброжелательно поблескивающими глазами. Он изогнулся дугой, с негодованием зафыркал.

Погодно-предохранительные чары не давали дождю коснуться его, но пропитанный влагой воздух ему не нравился.

Вирджиния пощекотала его под подбородком.

— О, Свертальф, — прошептала она. — Хорошая киса, эльф мой драгоценный, принц тьмы... Если мы переживем эту ночь, ты будешь спать на воздушных, как облако, подушках, ты будешь пить сливки из золотой чаши...

Я взобрался на заднее сиденье, удобно устроил ноги в стремях и откинулся на спинку. Девушка, сидевшая передо мной, негромко запела, склонившись к метле. Кот наострил уши и дал полный газ двигателю. Помело резко рванулось вверх, земля провалилась, лагерь скрылся во мгле. Мы с Вирджинией обладали колдовским зрением (если точнее, видели в инфракрасном спектре), так что в освещении не нуждались.

Помело поднялось над облаками. Вверху был виден гигантский звездный свод, внизу — белесый крутящийся сумрак. Мельком я заметил пару описывающих круги «П-56». Патруль. Каждый «П-56» состоит из шести крепко связанных между собой метел, чтобы поднять груз брони и пулеметов. Мы оставили их позади и устремились к северу.

Держа на коленях автомат, я сидел, слушая визг проносившегося мимо воздуха. Внизу смутно виднелись очертания холмов. Я заметил редкие вспышки. Артиллерия вела дуэль. На таком расстоянии невозможно с помощью колдовства сбить снаряд с курса или взорвать броню. Ходили слухи, что «Дженерал Электрик» работает над прибором, способным произвести заклинание в течении нескольких микросекунд, но пока большие пушки продолжали свою беседу.

Тролльбург лежал в каких-то нескольких милях от наших позиций. Я видел его. Город расстился внизу, затемненный от наших пушек и бомбардировок. Как было бы славно, если бы у нас оказалось атомное оружие. Но пока тибетцы вращают свои колеса, молясь о предотвращении атомной войны, такого рода идеи останутся ненаучной фантастикой.

Кот вытянул трубой хвост и мяукнул. Вирджиния наискось направила метлу вниз.

Мы приземлились в гуще деревьев, и она обернулась ко мне:

— Их дозоры, должно быть, поблизости, — прошептала она. — Я не решилась приземлиться на крышу. Нас было бы слишком легко заметить. Пусть путь в город начнется отсюда.

Я кивнул:

— Годится. Подождите минутку.

Я осветил себя фонариком. Как трудно было всего десять лет назад поверить, что трансформация не зависит от того, как ярко светит луна! Затем Вирнер доказал, что этот процесс — просто один из тех, где поляризованный свет, с правильно подобранной длиной волны, воздействует на щитовидную железу. И корпорация «Поляроид» сделала очередной миллион долларов на линзах

превращения. Нелегко идти в ногу с нашим ужасным и удивительным временем, но я бы не сменил его ни на какое другое.

Обычно испытываемое ощущение — будто весь покрываешься рябью, трясешься. Меня пронзила смешанная с восторгом боль. Короткое похмельное головокружение. Атомы перегруппировались, образуя новые молекулы. Некоторые нервные окончания удлинились, другие, наоборот, исчезли. Кости на мгновение сделались текучими, мышцы растягивались словно резиновые. Затем тело стабилизировалось. Я встряхнулся, просунул хвост через клапан облегающих брюк и ткнул носом в ладонь Вирджинии. Она потрепала меня по шее, позади шлема.

— Ну что, — шепнула она. — В путь...

Я повернулся и нырнул в кустарник.

Многие писатели пытались описать возникающие при превращении ощущения, но все они потерпели неудачу. Ибо нет в человеческом языке подходящих слов. Зрение сделалось менее острым. Очертания звезд над головой расплылись, мир сделался плоским и бесцветным. Зато я ясно слышал все звуки ночи. Эти звуки превратились почти в рев, это были сверхзвуки.

Целая Вселенная запахов была в ноздри. Запах мокрой травы и почвы, где кишели спешно спасающиеся бегством полевые мыши. От мышей исходил горячий запах, чуть сладковатый. Отчетливый резкий запах оружия, масла, нефти. Неясная вонь дыма... Бедное, с притупленными чувствами человечество, полуглухое к этому изобилию!

Труднее всего передать, что представляла собой моя психика. Я был волком.

Волком, у которого нервы, жилы и инстинкты — волчьи. И волчий же, острый, хотя и ограниченный, разум. Я сохранил человеческую память, и цели мои были целями ЧЕЛОВЕКА. Но все это делалось каким-то нереальным, грезоподобным. Мне приходилось напрягать всю свою волю, чтобы не растерять их, чтобы не пуститься в погоню за первым же попавшимся зайцем. Неудивительно, что в былые времена оборотни заслужили дурную славу. Это было еще до того, как они поняли, что превращение включает и изменение психики. До того, как оборотням начали с детства давать надлежащее воспитание.

Мой вес — 180 фунтов, а закон сохранения материи соблюдается при превращениях столь же строго, как и все остальные законы природы. Так что я был весьма крупным волком. Но я с легкостью скользил сквозь кусты, мчался вдоль лугов и оврагов, тень среди прочих движущихся теней.

Я уже почти проник в город, когда уловил запах человека. Я приник к земле. Серый мех дыбом встал на загривке. Я ждал. Мимо прошел часовой. Это был высокий бородатый мужчина. Его золотые серьги слабо поблескивали в свете звезд. Обернутый вокруг шлема турбан казался огромным на фоне Млечного Пути.

Я дал ему пройти и двинулся следом, пока не увидел следующего

караульного. Часовые были расставлены вокруг всего Тролльбурга. Каждый расхаживал по периметру участка длиной сто ярдов, встречаясь на его концах с напарником. Нам будет непросто...

Какой-то неясный шум отозвался в ушах. Я пригнулся, стараясь слиться с землей. Вверху, словно привидение, проплыл один из их ковров. Я увидел два пулемета, мужчин, сидящих на корточках за ними. Ковер неспешно летел на малой высоте, описывая круг над кольцом караульных. Тролльбург хорошо охранялся.

Как бы то ни было, Вирджинии и мне необходимо было пробраться сквозь эти дозоры. Мне нужно было совершить обратное превращение, чтобы использовать всю мощь человеческого разума. Инстинкт волка повелевал мне просто наброситься на ближайшего человека, но тогда бы в мои покрытые шерстью уши вцепился весь гарнизон.

Выждать... Может быть, это действительно необходимо.

Сделав петлю, я вернулся обратно в чашу. Свертальф цапнул меня когтями и пулей взлетел на дерево. Вирджиния Грейлок испуганно вскочила, в руке ее поблескивал пистолет. Затем она расслабилась и несколько нервно рассмеялась. Я мог бы и сам, в моем теперешнем облике, использовать фонарик, висящий на шее, но ее пальцы справились с этим быстрее.

— Итак, — спросила она, когда я снова стал человеком, — что вы выяснили?

Я описал положение дел. Она нахмурилась и закусила губу. Губа, правда, была слишком хороша, чтобы с ней обращались подобным образом.

— Скверно, — сказала Вирджиния. — Я боялась чего-нибудь подобного...

— Послушайте, вы сможете быстро обнаружить этого ифрита?

— О, да. Я училась в Конголезском университете, и в совершенстве обладаю колдовским чутьем. И что из этого?

— Я отвлеку их внимание, нападую на кого-нибудь из часовых и устрою шумиху. У вас появится возможность незаметно пролезть через линию охранения. Оказавшись в городе, вы, надев шапку-невидимку...

— Нет. Их системы обнаружения не хуже наших. Невидимость давно устарела.

— М-м... думаю, вы правы. Как бы то ни было, в темноте будет легче добраться туда, где содержится ифрит. Ну, а там уж как повезет, заранее не угадаешь.

— Я подозревала, что нам предстоит что-то вроде этого, — ответила она и вдруг сказала с поразившей меня нежностью. — Но, Стив, у нас будут некоторые шансы спастись...

— Только не в том случае, если они поразят меня серебром. Правда, их пули в основном — обычный свинец. Расчет они ведут на той же основе, что и мы. В среднем каждая десятая пуля должна быть серебряной. У меня, вероятно, шансов девяносто из ста — вернуться целым и невредимым.

— Лжец, — сказала она. — Но храбрый лжец.

Я вообще не храбрый. Подмывает иногда помечтать о Кузнечной долине, об Аломо, о холме Сан-Хуан. Или о Касабланке, под которой наша численно превосходящая армия остановила три Панцирные дивизии Африканского корпуса фон Огерхауза. Подмывает — но только если ты сам уютно расположился где-нибудь в безопасности.

Предохраняющие от страха чары сползли с меня, в животе заворочался тяжелый ком, однако я не видел иной возможности сделать то, что мы обязаны сделать. Потерпи наша попытка неудачу, это означало бы военно-полевой суд.

— Когда они пустятся на охоту за мной, я собью их со следа. Собью и постараюсь вновь встретиться с вами.

— О'кей, — она вдруг встала на цыпочки и поцеловала меня.

Впечатление было ошеломляющее.

Я замер на мгновение, глядя на нее.

— Что вы делаете в субботу вечером? — Меня чуть-чуть трясло.

Она рассмеялась:

— Не забивайте себе голову, Стив. Я из кавалерии...

— Да, но война не может продолжаться до бесконечности, — я улыбнулся. Улыбнулся беспечной, насильственной улыбкой, и глаза ее внимательно остановились на мне. Зачастую полезно использовать накопившийся опыт.

Мы обсуждали все детали так тщательно, как только возможно. Вирджиния особых иллюзий не питала. Ифрита наверняка хорошо охраняли, да и сам по себе он представлял большую опасность. Рассчитывать, что нам обоим удастся увидеть восход солнца, означало не что иное, как благодушие.

Я снова принял волчий облик и ткнулся ей в руку. Она взъерошила мне мех, и я скользнул в темноту.

Я избрал часового, удалившегося на некоторое расстояние от дороги (дорогу, разумеется, перегораживала застава). По сторонам намеченной жертвы виднелись еще люди, медленно расхаживающие вперед и назад.

Я скользнул за пень, находившийся почти точно на пути часового. Ждал.

Он приблизился, и я прыгнул. Успел увидеть глаза и зубы, блестящие на бородатом лице, услышал его вскрик, уловил исходящую от него струю страха... а затем мы столкнулись. Он опрокинулся, отбиваясь. Я щелкнул зубами, целясь в глотку. Челюсти сомкнулись на его руке, и я почувствовал горячий соленый вкус крови.

Он завизжал. Я понял, что крик услышан на линии охраны. Два ближайших сарацина мчались на помощь. Я разорвал первому глотку и сжался в ком, чтобы прыгнуть на второго.

Он выстрелил. Пуля пронзила тело, оставив зазубрину острой боли. Я зашатался. Но он не знал, как ему следует обращаться с оборотнем. Ему бы упасть на колено и стрелять безостановочно, пока не настанет черед серебряной пули. В случае необходимости ему следовало отбиться от меня, пусть даже штыком, и продолжать

стрелять. А этот... Он бежал ко мне, вызывая к Аллаху своей еретической секты.

Мои мышцы сжались, и я рывком бросился на него. Проскользнул под штыком, под дулом и ударил сарацина так, чтобы свалить его. Он устоял, вцепился в мое тело и повис. Я полукругом занес левую заднюю лапу за его щиколотку и толкнул. Он упал. Я оказался сверху. Позиция, к которой всегда должен стремиться ввязавшийся в рукопашную оборотень. Я мотнул головой и, оставив на его руке глубокую рану, вырвался из захвата.

Но прежде чем я успел расставить все точки над «и», навалились еще трое. Их саперные лопатки заходили взад-вперед, вонзались мне в ребра снова и снова. Обучали их вшиво. Я прогрыз себе дорогу из этой «кучи малы» (к тому времени их накопилось уже полдюжины) и вырвался на свободу.

Сквозь запах пота и крови я уловил еле слышное дуновение духов «Шанель № 5». Про себя я рассмеялся. Вирджиния, оседлав метлу, в футе над землей на скорости обогнула свалку и была уже в Тролльбурге. Теперь моя задача — унести ноги и увести погоню. И при этом не словить серебряную пулю...

Я завыл, чтобы поиздеваться над теми, кто высыпал из стоявших вдали зданий. И прежде, чем припустить через поле, дал хорошенько рассмотреть себя. Я бежал не спеша, так, чтобы они не потеряли меня, делая зигзаги, чтобы в меня не попали. Спотыкаясь и вопя, они мчались следом.

Все, что они могли знать, — совершен налет десантников.

Их патрули перегруппировались, весь гарнизон поднят по тревоге. Но наверняка никто, за исключением нескольких отобранных офицеров, не знает об ифрите. И никто из этих офицеров не осведомлен, что мы получили о нем сведения. Так что догадаться, что мы задумали, невозможно. Может быть, нам удастся осуществить эту труднейшую операцию...

Что-то внезапно устремилось на меня сверху. Один из проклятых ковров. Он пикировал, словно ястреб, винтовки выплевывали огонь. Я кинулся по ближайшей, ведущей к лесу тропинке. Под деревья! Дайте мне забраться хотя бы под елочки, тогда я...

Не дали. Я услышал звук прыжков за спиной, учуял едкий запах... и захотелось скулить. Тигр-оборотень способен мчаться так же быстро, как и я.

На мгновение вспомнился старик проводник, который был у меня на Аляске. Если бы в мгновение ока он оказался здесь! Он был оборотень-медведь, кодыак...

Затем я развернулся и встретил тигра раньше, чем он успел наброситься на меня.

Это был огромный тигр, фунтов 500, не меньше. С огнем в глазах и громадными клыками. Он занес когтистую лапу, способную переломить мой хребет. Я кинулся вперед, укусил его и отскочил, прежде чем он успел ударить. Частью своего сознания я слышал, как враги ломились через подлесок, пытаясь отыскать меня.

Тигр прыгнул. Я уклонился и бросился к ближайшим зарослям. Возможно, я сумею пробраться там, где он не сумеет...

Он несся между деревьями за мной, бушевал и ревел.

Я увидел узкую щель между двумя гигантскими дубами, слишком маленькую для него щель, и кинулся туда. За те полсекунды, что протискивался, он догнал меня. В голове взорвались и потухли огни...

4

Я находился вне времени и пространства. Само мое тело отделилось от меня, а может, это я отделился от тела...

Как мог я осознать бесконечную вечность темноты и холода этой пустоты, коль скоро у меня не было соответствующих понятий? Как я мог испытывать отчаяние, коль скоро был не что иное, как точка, затерявшаяся в пространстве или во времени?

Нет, даже не так. Ибо здесь не было ничего. Ничего, что можно было бы осознать. Ничего, что можно было бы любить, ненавидеть или бояться. Ничего, о чем можно было бы хоть как-то поведать словами. Мертвец ощущал бы себя менее одиноким, ибо единственное, что существовало во всей Вселенной, — был я и мое отчаяние.

Но в то же время, а может, на квадриллион лет позже или и то и другое вместе, ко мне пришло сознание чего-то еще.

На меня глядел Солипсист. Беспомощный, практически ничего не осознающий, я мог лишь прикоснуться к его самомнению. Такому бесконечному, что не оставалось места даже надежде. Я вращался в бурных течениях его мыслей, слишком чужих, слишком огромных и непонятных, чтобы надеяться на спасение. Будто слышал урывками рев Ледовитого океана, в котором тонул...

— Опасность. Этот и те двое. Определенно, они могут быть ужасно опасны. Не в данный момент, когда они всего лишь способствуют уничтожению плана. Великий план, в котором эта война — всего лишь первая страница... что-то в них предостерегает, пусть и слабо, об опасности...

Если бы только я мог более ясно видеть во времени!..

Их нужно устранить, уничтожить. Что-то нужно сделать до того, как возникнет и возрастет их потенциальная возможность. Но сейчас я еще не могу ничего. Может быть, как это случается на войне, их убьют. Если нет, мне следует запомнить их и попробовать сделать что-то позднее. Сейчас у меня слишком много иных дел, я должен сохранить семена, насаженные мною в этом мире. Вражеские птицы летят во множестве на мои поля... голодные стаи. И орлы, охраняющие их со всевозрастающей дикой яростью. Вы попадетесь еще, птицы, в мои ловушки... и Тот, кто выпустил вас!

Так велика была под конец сила его ярости, что я оказался выброшенным на свободу...

Я открыл глаза. И какое-то время чувствовал лишь ужас. Меня спасла физическая боль, прогнав мысли об уже полузабытых кошмарах. Прогнав их туда, где обитают кошмары. Их сменила мысль, что после удара я какое-то время пробыл в бреду.

Человекозверь, в своей звериной ипостаси, не настолько уязвим, как полагает большинство. Кроме таких штучек, как серебро, которое является биохимическим ядом для процессов метаболизма, так сказать, в полутекучем теле, кроме этого — повреждение жизненно важного органа может повлечь за собой смерть. Это — как непрерывная ампутация, если только поблизости не окажется хирурга, который пришьет вам ампутированное обратно, до того как отомрут клетки.

Мы, однако, крепкая порода. Я, вероятно, получил удар, который сломал мне шею. Мой спинной мозг не был безвозвратно поврежден, все заживало с обычной для зверя скоростью. Беда была в том, что они взяли и тут же превратили меня в человека до того, как зажили соответствующие повреждения. Моя голова упала, меня вырвало.

— Вставай! — Чей-то сапог воткнулся мне в ребра.

Шатаюсь, я поднялся. Все мое снаряжение тут же убрали подальше, в том числе и фонарик. Несколько человек держали меня под прицелом своих ружей. Рядом стоял человек-тигр. В своем человеческом обличье он достигал почти семи футов роста и был чудовищно толст. Косоглазая от головной боли, я разглядел на нем знаки различия эмира. В те времена это было скорее воинское звание, чем титул, но, как бы то ни было, он был весьма важной персоной.

— Пойдемте, — сказал он и пошел впереди, а я, подталкиваемый, следом.

Я увидел ковры в небе, услышал вой их оборотней, рыщущих в поисках других американцев. Но меня слишком шатало, чтобы заботиться еще и об этом.

Мы вошли в город. Его тротуары глухо звучали под нашими сапогами. Мы шли к центру. Трольбург не был большим городом. Возможно, некогда в нем насчитывалось тысяч пять населения. Улицы в большинстве были пусты.

Я увидел несколько отрядов сарацин, палящих в небо из зенитных орудий. Мимо тяжело и неуклюже прополз дракон, повсюду располагались бронебойные пушки. Ни следа гражданского населения, но я знал, что с ним случилось. Привлекательные молодые женщины угодили в офицерские гаремы. Остальные мертвы либо сидят под землей, ожидая отправления на невольничьи рынки.

Когда мы добрались до отеля, где располагался вражеский штаб, головная боль утихла. Мозг снова стал ясным. При данных обстоятельствах это было сомнительным везением. Меня провели по лестнице в номер-люкс и приказали встать перед столом. Эмир сел за стол, рядом расположился юнец паша из разведки. С полдюжины охранников выстроились вдоль стен.

Эмир повернул свое огромное лицо к паше, сказав ему что-то. (Как я предположил, следующее: «Вести допрос буду я, а вы наблюдайте».)

— Итак, — сказал он на хорошем английском языке, — у нас есть несколько вопросов. Пожалуйста, назовите себя.

Я механически заявил ему, что меня зовут Шерринфорд Майкрофт, капитан армии США, и назвал свой номер.

— Это не настоящее имя, не так ли? — спросил он.

— Разумеется, нет, — ответил я. — Мне известна Женевская конвенция. Вам не удастся околдовать меня с помощью моего же имени. «Шерринфорд Майкрофт» — это мое «Джон Смит».

— Халифат не подписывал Женевскую конвенцию, — спокойно сказал эмир, — и когда джихад требует использования крайних мер... В чем состояла цель вашей вылазки?

— Не стоит требовать моего ответа, — сказал я. Можно было бы помолчать, все равно это давало выигрыш во времени Вирджинии. Но все же молчать было хуже.

— Возможно, вас удастся уговорить, — заявил он.

Происходи дело в кино, я бы ответил, что вышел на луг собирать маргаритки. И безостановочно острил бы, пока они плющили в тисках мои пальцы. Но в реальной действительности их методы были реальны.

— Ладно, — сказал я, — меня послали в разведку.

— В одиночку?

— Нет. Нас было несколько. Надеюсь, что они удрали.

Возможно, это займет его ребятишек на какое-то время, пусть порышут.

— Лжете, — быстро сказал он.

— Коль вы мне не верите, ничем не могу помочь, — пожал я плечами.

Его глаза сузились:

— Скоро я выясню, говорите ли вы правду. Если нет, то пусть тогда вас помилует Иблис.

Я не смог с собой справиться, вздрогнул, жемчужины пота выступили на моей коже. Эмир рассмеялся. Это был неприятный смех — какой-то рык с завыванием, ворочающийся в его жирной глотке. Как у тигра, забавляющегося с добычей. — Обдумайте свое решение, — посоветовал он и углубился в изучение лежащих на столе бумаг.

В комнате сделалось совсем тихо. Стражники замерли, словно отлитые из бронзы. Сонная физиономия юнца в тюрбане. За спиной эмира в окно глядела тьма ночи. Только слышны были громко тикающие часы и шорох бумаг. И, казалось, это только усугубляло тишину.

Я вымотался, голова болела, в пересохшем рту — мерзостный привкус. Я не имел права упасть, и от усилия моя крайняя физическая измотанность усугубилась еще больше. Мне пришло на ум, что эмир, должно быть, боится нас, если прилагает столько усилий, чтобы

захватить одного-единственного пленника. Честь и слава американцам. Но меня это мало утешало.

Мои глаза изучали обстановку. Особо смотреть было не на что: обычная гостиничная обстановка. Эмир загромоздил свой стол множеством всякой всячины: круглый кристалл (бесполезный, потому что мы тоже создавали помехи), прекрасной работы алмазная ваза (выкраденная из чьего-то дома), набор премилых хрустальных рюмок, коробка для сигар из кварцевого стекла, графин, наполненный чем-то, что выглядело хорошим шотландским виски. Я решил, что эмиру нравится все хрустальное и прозрачное.

Он захотел попотчевать себя сигарой, мановением руки открыл сигаретницу, и «гавана» вплыла ему в рот и самовоспламенилась. Одна за другой тащились минуты. Пепельница время от времени воспаряла вверх, чтобы получить очередную порцию пепла. Я догадался, что все, что ему сейчас нужно, это вот так медленно и лениво поднимать и опускать пепельницу. Такой толстяк, заплативший за пребывание в шкуре действительно огромного оборотня, нуждался в подобного рода комфортабельном отдыхе.

Было очень тихо. С потолка сиял ослепительный свет. В нем было нечто чудовищное, неправильное. Наши обычные, добрые производства «Дженерал Электрик» — огни Святого Эльма, сверкающие над этими увенчанными тюрбанами головами.

Я уже начал отчаиваться, когда блеснула идея. Как воплотить ее в жизнь, я пока не знал, но хотя бы просто так, для того чтобы быстрее прошло время, начал составлять заклинание.

Вероятно, прошло с полчаса (хотя мне показалось, что прошло полстолетия), когда дверь открылась и мелкими шажками вошел фаннек — маленькая лиса африканской пустыни. Эмир поднял взгляд. Посмотрел так, как будто тот использовал свой фонарик, чтобы подсветить в темном клозете.

Вошедший, естественно, оказался карликом, едва ли в фут ростом. Он простерся на полу и быстро заговорил высоким прерывистым фальцетом.

Эмир медленно развернул свой подбородок ко мне:

— Мне сообщили, что не найдено никаких признаков следов, кроме ваших. Вы лгали.

— Разве я не сказал вам? — спросил я. В горле у меня стояло ощущение, как будто там провели наждаком. Чужое у меня было горло. — Мы применяли сов и летучих мышей. Волком был только я.

— Замолчите, — сказал он невыразительно. — Я знаю не хуже вас, что летучие мыши-оборотни могут быть только вампирами и что во всей вашей армии нет пригодного для военной службы вампира.

Это была правда. Все время и без конца некоторые кабинетные генералы вопрошают, почему бы не создать подразделение дракул. Ответ тривиален. Они слишком уязвимы и легковесны, они не выносят солнечного света. Если не получают без перебоев своей

порции крови, то способны наброситься на своих же товарищей, и их невозможно использовать там, где есть солдаты-итальянцы.

Я проклял себя, но мой разум слишком оцепенел, чтобы придумать выход из этого затруднительного положения.

— Полагаю, кое о чем вы умалчиваете, — сказал эмир. Он махнул рукой графину и рюмкам. Графин вылил из себя порцию шотландского, которое эмир и принялся неторопливо потягивать.

Правящая Халифатом секта еретична еще и своим отношением к спиртным напиткам. Руководители секты утверждают, что, хотя Пророк и запретил вино, он ничего не сказал насчет пива, джина, виски, коньяка и рома.

— Придется использовать более действенные меры, — сказал наконец эмир. — Я надеялся избежать этого. Он кивнул охране.

Двое держали меня за руки. А обрабатывал паша. У него это хорошо получалось. Фаннек-оборотень наблюдал с жадностью. Эмир попыхивал своей сигарой и продолжал заниматься бумагами.

Через несколько долгих минут он приказал прекратить. Меня отпустили, даже поставили рядом стул, а он мне действительно был крайне необходим.

Я сел, тяжело дыша. Эмир мягко поглядел на меня.

— Я сожалею об этом, — сказал он. — Мне это не доставило удовольствия... — Странно, но я поверил ему. — Нам бы хотелось надеяться, что вы окажетесь более благодарным, до того как мы будем вынуждены повторить то же самое. Кстати, не хотите ли сигару?

Все та же процедура третьей степени. Отлупите человека, чтобы на нем живого места не осталось, а потом продемонстрируйте ему свою доброту. Вы изумитесь, как часто он после этого, разрыдавшись, ломается.

— Нам необходимы сведения о вашей армии и что вы планируете, — сказал эмир. — Если вы согласитесь сотрудничать и примете истинную веру, вы сможете занять среди нас почетное место. Нам, в Халифате, по душе хорошие люди. — Он улыбнулся. — Когда война кончится, вы, если того пожелаете, сможете набрать гарем в Голливуде.

— Я если я не расколуюсь? — пробормотал я.

Он простер руки:

— Тогда у вас никогда не появится желания завести гарем. Выбирать вам.

— Дайте подумать. Это все нелегко...

— Пожалуйста, думайте, — вежливо ответил он и повернулся к своим бумагам.

Я сидел, расслабившись как только можно, гнал дым сквозь глотку и с силой выдувал его обратно. Их техники смогут снять чары армии только в том случае, если я дам на то добровольное согласие. А мне его давать не хотелось.

А, предположим, окно за спиной эмира? Это значит упасть с высоты двух этажей на мостовую. Скорее всего, я просто разобьюсь

насмерть. Но это более предпочтительно по сравнению со всеми другими предоставленными мне возможностями.

Я повторил про себя составленное мною заклинание. Настоящий специалист должен знать по крайней мере один вымерший язык — латынь, греческий, классический арабский, санскрит, старонорвежский и так далее, согласно общепринятым основаниям симпатической науки. Особенно сильно на сверхъестественные феномены с помощью обычных слов не повлияешь, не считая некоторых обыденных штампов того минимума, который необходим, чтобы управиться с окружающими нас в повседневной жизни механизмами. Я в этой области специалистом не был.

Тем не менее я очень неплохо знал один чуточку экзотический диалект. Я не знал, сработает ли он, но мог попытаться. Я решился. Мышцы мои напряглись и дернулись. Столбик пепла моей сигары обломился, и, когда я поднял сигару снова, на ней собралось немного пепла от сигары эмира. Я повторил про себя рифмы, поднес сигару ко рту и пробормотал заклинание:

ГОЛЫЙ ЧИСТЫЙ ПЕПЕЛ — В ПУТЬ,
ВВЕРХ СТРЕМИТСЯ ПЕПЕЛ ВРАЗ,
ПЕПЕЛ, ПУТЬ СВОЙ НЕ ЗАБУДЬ,
ОТПРАВЛЯЙСЯ ПРЯМО В ГЛАЗ!

Я зажмурился правым глазом и поднес пылающий кончик сигары прямо к веку. Эмирская «Эль Сумо» подскочила и воткнулась в его правый глаз. Он завизжал и опрокинулся на спину.

Я вскочил. Фаннек-оборотень, благодаря тому что я прыгнул к нему, оказался в зоне моей досягаемости. Тыльной стороной ладони я врезал ему по тощей грязной шее и содрал болтающийся на ней фонарик.

Охрана взвыла и скопом пошла на меня. Я перелетел через стол и, прихватив по дороге графин, оказался рядом с эмиром. Обезумев от боли, он вцепился в меня. Его глаз превратился в страшную рану, на которую нельзя было взглянуть без ужаса.

Замахнувшись графином, я завопил:

Я СВОБОДЕН, СЛОВНО СВЕТО,
ОТПУСТИ ТОТЧАС МЕНЯ,
ДЛЯ МЕНЯ ПРЕГРАДЫ НЕТ,
И ОПЯТЬ СВОБОДЕН Я!

Закончив, я высвободился и запустил графином в охрану. Стишки были вшивые и могли бы не сработать, если бы эмир осознал, насколько они вшивые. Но я высвободился.

А затем и шар, и пепельница, и чаша, и рюмки, и все остальное отправилось вслед за графином. В воздухе было не продохнуть от битого стекла.

Ждать и смотреть, что получилось, я не собирался. Наоборот, вылетел из окна, словно дьявол, которому сказали: «Изыди!» Приземлился мячиком на обочину, подскочил и давай уносить ноги!

Солдаты были повсюду. Вслед мне дождем сыпались пули. Я наверняка поставил рекорд, пока мчался до ближайшего переуллка. Колдовским зрением усмотрел открытое окно и, извернувшись, нырнул туда. Скорчившись за подоконником, слышал, как мимо несется погоня.

Это была подсобка разграбленной бакалейной лавки. И в ней было достаточно темно для того, что я собирался сделать. Я повесил фонарик на шею, направил его на себя и совершил превращение. Преследователи вернулись через минуту, и мне следовало сделаться неуязвимым для свинца.

Став волком, я принимался в поисках другого выхода. Задняя дверь была наполовину открыта. Я скользнул туда. Двор, забитый старыми упаковками, ящиками, был хорошим убежищем. Я залег там, стараясь совладать со своей волчьей натурой, — ужасно подмывало напасть на них, ползающих совсем рядом.

Они ушли, и я попытался обдумать создавшееся положение. Велико было искушение задрав хвост бежать из этого окаянного места. Вероятно, я мог бы это сделать, ведь с формальной точки зрения свою часть поставленной перед нами задачи я выполнил. Но в действительности дело еще не закончено, и Вирджиния один на один с ифритом (если она еще жива), и...

Когда я попытался вспомнить, как она выглядит, в памяти всплыл такой образ: волчица с приятно пахнущим мехом. Я яростно затряс головой. Усталость и отчаяние волнами захлестывали мой разум — верх брали инстинкты зверя. Если я собирался что-то делать, это надо делать быстро.

Я поразмышлял, принимался во все стороны. Город был полон наводящих смущение запахов. Но я уловил слабое, отдающее серой дуновение и осторожно затрусил в том направлении. Я держался тени, и, хотя был замечен дважды, меня не окликнули. Вероятно, они полагали, что я из их шайки. Резкий запах серы делался все сильнее.

Они хранили ифрита в здании бывшего городского суда. Хорошее на вид, прочное и солидное строение. Тщательно внюхиваясь в приносимые ветром запахи, я прошел через разбитый перед зданием маленький парк. А затем стремглав пронесся через улицу и вверх по ступенькам. На площадке валялись тела четырех солдат, в глотках — раны. Возле двери припаркована машина-метла. Одна из деталей управления метлой представляет собой острый двенадцатидюймовый стержень, и Вирджиния использовала его в качестве копья.

Моя человеческая составляющая не избавилась еще от ложных романтических бредней, попятилась в ужасе, но волк в довольной усмешке оскалил зубы. Я ударил всем телом в дверь. Замок вылетел, дверь открылась. Я сунул нос в щель и едва успел отпрянуть до того, как не узнавший меня Свертальф вцепился в него когтями. Узнав меня, он резко дернул хвостом, и я проследовал мимо него в

вестибюль. Едкий запах лился с ведущей наверх лестницы. Нащупывая путь в глухой тьме, я взобрался по ней.

В помещении на втором этаже горел свет. Я толкнул неплотно закрытую дверь и вошел. Вирджиния была здесь. Задержав занавески, она как раз зажигала огни Святого Эльма. Она была весьма занята своими приготовлениями. Глянула на меня испытующе, но работать не прекратила, при этом она напевала заклинания. Я улегся своим косматым туловищем около двери и принялся наблюдать.

Она нарисовала мелом обычную для таких случаев фигуру — вроде Вашингтонского Пентагона. Внутри ее начертила Звезду Давида и поместила в центр бутылку Соломона. Бутылка выглядела невнушительно, просто старая посуда из необожженной глины. Ее полая ручка загибалась вверх и уходила внутрь бутылки. Всего-навсего «бутылка Клейна», с горлышком, запечатанным красным воском. На воске стояла Соломонова печать. Вирджиния распустила волосы, и они летучим рыжеватым облаком окружили ее бледное лицо.

Волчья часть моего сознания изумилась, почему мы просто не удираем, прихватив этот сосуд. Но человек напомнил волку, что эмир, без сомнения, принял меры предосторожности (магические, конечно), чтобы бутылку нельзя было раскупорить за пределами этой комнаты или вынести из комнаты. Мы обязаны вывести демона из строя. Обязаны сделать это как-нибудь. Но никто в нашей стране не имеет больших знаний о демонах этой расы. Вирджиния закончила петь заклинания, вытащила затычку и отпрыгнула от пятиугольника. Из посуды, кипя, повалил дым. Она едва успела отпрыгнуть, в такой спешке выбрался на волю ифрит. Я зажал хвост между ног и заворчал. Вирджиния тоже была испугана. Она изо всех сил старалась не показать этого, но я уловил запах адреналина.

Ифрит, чтобы уместиться под потолком, согнулся почти вдвое. Это было чудовищное создание с кожей серого цвета. Он был более или менее человекоподобен, но имел крылья, рога и длинные уши. У него были громадные клыки и глаза, словно тлеющие угли. К тому же он был совершенно голый. Его боевыми качествами были сила, быстрота и практическая неуязвимость.

Выпущенный на волю, он мог отразить любую атаку Ванбруха. И нанести ужасающие потери, как бы старательно мы ни окапывались в обороне. Овладеть контролем над ним впоследствии — вот подлинная проблема. Он мог бы превратить в пустыню всю страну. Но с какой стати это должно заботить сарацин? Он должен сражаться на их стороне — вот и все, что они потребовали бы у него в качестве платы за освобождение.

Он проревел что-то на арабском. Из его рта, свиваясь, вылетали клубы дыма.

Вирджиния на фоне полуразвернутых, похожих на те, что у летучих мышей, крыльев выглядела совсем крохотной. Ее голос звучал не так спокойно, как ей того хотелось бы:

— Говори по-английски, Марид. Или ты слишком невежествен?

Демон вознегодовал и обиделся:

— О отродье тысячи бабуинов!

От его громового голоса у меня чуть не лопнули барабанные перепонки.

— О, ты, бедная и трусливая, не верящая ни во что тварь. Тварь, которую я могу убить одним мизинцем! Приблизься ко мне, если смеешь!

Я был испуган не столько тем, что он крушил все подряд, сколько производимым им шумом. Его было слышно, наверное, на четверть мили.

— Замолчи, проклятый Богом! — ответила Вирджиния.

Это его чуточку потрясло. Как и большинство порождений Ада, он не мог перенести упоминания Святого имени. Но чтобы всерьез это подействовало, нужны были условия, которых мы воспроизвести не могли.

Вирджиния, подбоченясь, задрала голову навстречу огненному, направленному на нее сверху вниз взгляду:

— Вижу, что Сулейман ибн Дауд не напрасно заточил тебя. Возвращайся в свое жилище и никогда не выходи из него снова, иначе гнев Небес поразит тебя!

Ифрит презрительно усмехнулся:

— Знай, что Сулейман-мудрый уже три тысячи лет как мертв, — парировал он. — Долгие и долгие годы провел я в тесной темнице. Я, для которого не было никогда преград ни на земле, ни в небе! И вот сейчас, наконец, я получу свободу, и узнают мощь моей мести хилые потомки Адама! — Он указал на невидимую преграду. Невидимая, но в несколько миллионов «пси».

Она надежно удержит его до тех пор, пока кто-нибудь, сведущий в этих делах, не сотрет линии.

— О, ты, бесстыжая, обнажившая свое лицо проститутка, с волосами, как пламя ада! Знай, что я — Рашид Могучий, победитель Птиц Рух! Приблизься ко мне и сразись, как мужчина!

Я пододвинулся ближе к девушке, шерсть на моем загривке поднялась дыбом. Ладонь, коснувшаяся моей головы, была холодной.

— Параноидальный тип, — шепнула Вирджиния. — Большинство этих вредоносных порождений Низших Миров — психопаты. А этот еще и глуп. Надо как-нибудь схитрить — это наш единственный шанс. У меня нет никакого волшебства, которое напрямую заставило бы его подчиниться. Но... — уже громко и ифриту: — Замолчи, Рашид, и выслушай меня. Я тоже принадлежу к твоей расе и требую соответствующего к себе отношения.

— Ты? — Он фальшиво и громко расхохотался. — Ты из расы Марида?! Ну, ты, обладающая лицом, похожим на рыбу морду, если ты подойдешь ближе, я докажу, что ты не годишься даже на...

Остальное он изобразил жестом. Но было бы не по-джентльменски воспроизводить здесь это.

— Нет, выслушай меня, — сказала девушка. — Хорошо смотри и внимай мне.

Она сделала пассы и произвела формулу. Я узнал заклинание, которое не позволяет произносившему его солгать во время важного для него разговора, хотя в наших судах не используют этот способ, но я знал, что он применяется во время судебных разбирательств в других странах.

Демон тоже понял, что это такое. И я сообразил, что сарацинские эксперты накачали его английским (это повышало его боевую эффективность), добавили отрывки сведений о современном мире.

Ифрит уgomонился и начал внимательно слушать.

Вирджиния сказала подчеркнуто:

— Теперь я ничего не могу говорить, кроме правды. Ты согласен, что предмет и его обозначение — есть одно и то же?

— Да, — прогрохотал ифрит. — Это общеизвестно.

Я почувал се облегчение. Первое препятствие взято! Его не обучали принципам научной магии! Хотя, разумеется, имя находится в симпатической связи с предметом (на этом основаны заклинания и многие другие методы колдовства), но Кораибский уже в текущем столетии доказал, что слова и обозначенные ими объекты — не идентичны.

— Прекрасно, — сказала Вирджиния. — Мое имя Джинни.

Он уставился на нее в изумлении:

— Это действительно твое имя?

— Да. Будешь ли ты теперь меня слушать? Я пришла дать тебе совет. Ты знаешь, я обладаю могуществом, и я отдаю его на милость Аллаху Всемогущему, Всезнающему, Сострадающему.

Он сердито сверкнул глазами. Но, согласившись, что она принадлежит к его роду, ему приходилось сдерживать свою грубость. И даже проявлять готовность быть галантным.

Она не могла лгать, давая ему совет. Ему и в голову не пришло, что, советуя, ей достаточно было кое о чем умолчать.

— Ладно, продолжай, если хочешь, — прорычал он. — Известно ли тебе, что завтра я отправлюсь в поход, чтобы уничтожить сонмище язычников? — Сказанное подстегнуло его мечты о славе. — Я разорву и растопчу их. Я разотру их в мелкий порошок и освежую. Они узнают мощь Рашида ярkokрылого, яростного, безжалостного, мудрого...

Вирджиния терпеливо ждала, пока он перечислял все эти определения, потом мягко сказала:

— Но, Рашид, зачем ты должен убивать, разрушать и вредить? Ты не получишь взамен ничего, кроме ненависти!

В его рыке прорезался скулежный визг:

— Айе, ты говоришь правду! Весь мир ненавидит меня! Все злоумышляют против меня! Никогда Сулейман не пленил бы меня! Что бы я ни пытался сделать, всему препятствовали завистливые злопыхатели. Айе, но завтра придет день расплаты!

Вирджиния недрогнувшей рукой зажала сигарету и выпустила дым в ифрита:

— Как можешь ты доверять эмиру и его приспешникам? Он тоже

твой враг. Все, что он хочет, — чтобы ты сделался послушным орудием в его руках! А затем — обратно в бутылку!

— Почему... почему? — Тело ифрита распухло так, что закрипел искривляющийся защитный пространственный барьер.

Из ноздрей его с треском вылетели молнии. Сказанное Вирджинией не приходило ему в голову. Особым умом его раса не отличалась. Но, разумеется, грамотный психолог способен был понять, к чему приведет параноика его логика.

— Разве ты не ощущал вокруг себя враждебности на протяжении всей своей долгой жизни? — быстро продолжала Вирджиния. — Вспомни, Рашид, вспомни. Чем встретил тебя этот злобный, завистливый мир — это была жестокость, разве не так?

— Айе... Так и было. — Похожая на человеческую, голова склонилась, голос упал до еле слышного шепота. — Меня ненавидели с самого детства... Айе, моя собственная мать ударила меня крылом так, что сбила с ног!

— Возможно, это получилось нечаянно, — сказала Вирджиния.

— Нет. Она всегда предпочитала моего старшего брата... Деревенщину!

Вирджиния села, закинув ногу за ногу.

— Расскажи мне об этом, — попросила она, и в ее голосе звучало сочувствие.

Я почувствовал, как ослабела страшная сила, изнутри распиравшая барьер. Ифрит опустился на свои окорока, глаза полузакрыты. Он вновь разворачивал в памяти происшедшее за миллионолетие. А вела его туда, направляя, Вирджиния. Я не понимал, что она задумала. Она наверняка не могла бы провести психоанализ монстра всего лишь за ночь. Но...

— Айе... мне было всего лишь три сотни лет, когда я упал в яму... наверное, ее вырыли враги!

— Конечно, ты вылетел из нее? — мурлыкала Вирджиния.

Ифрит завращал глазами. Физиономия его вздернулась и покрылась морщинами, став еще уродливей.

— Я сказал, что это была яма!

— Но, во всяком случае, не озеро? — сочувственно спросила Вирджиния.

Нет! — С его крыльев посыпались молнии, грохнул гром. — Но, хоть и не эта распроклятая мерзость... но нечто темное, мокрое... нет, даже не мокрое. Это был какой-то обжигающий холод.

Я смутно понял, что девушка ухватила путеводную нить. Она опустила бледные веки, чтобы скрыть внезапный блеск глаз. Я не мог угадать, каким потрясением было случившееся для эфирного демона. Как шипели его огни и превращались в пар, пока он тонул. И как после этого он, должно быть, внушал себе, что ничего подобного не было. Но как сможет использовать это Вирджиния?

Свертальф влетел молнией в зал и затормозил, упершись всеми четырьмя лапами в пол. Шерсть на нем, до последнего волоска, стояла дыбом, мученические глаза уставились на меня. Он прошипел что-то и снова вылетел из дверей. Отмечу, что я там оказался раньше него.

Из вестибюля снизу доносились голоса. Я выглянул и увидел, что там носятся солдаты. Вероятно, они пришли выяснить, что за шум, и увидели убитых стражников. Должно быть, поскольку их было немного, они уже послали за подкреплением.

Что бы там ни пыталась сделать Джинни, но на это ей нужно было время...

Одним прыжком я выскочил и вцепился в сарацин. Образовалась вопящая и бурно шевелящаяся масса. Они меня чуть не расплющили своей массой, но челюсти оставались свободными, и я пользовался ими вовсю. А затем с тыла на них набросился оседлавший метлу Свертальф.

Кое-что из оружия сарацин мы затащили в вестибюль (челюсти пригодны и на это) и уселись ждать. Я решил, что останусь волком. Иметь руки хорошо, но еще лучше быть неуязвимым для большинства тех штучек, которыми располагали сарацины. Свертальф задумчиво обследовал пистолет-пулемет, приладил его на подпорке возле стены и согнулся над ним.

Я не спешил. Каждая минута, которую проводили мы с ним вот так, каждая минута, которую мы продержимся, отражая приближающуюся атаку, — это минута, выигранная для Джинни. Я положил голову на передние лапы и замер. Скоро, слишком скоро я услышал грохот мчащихся по тротуару солдатских сапог.

В приближающемся на подмогу отряде насчитывалось, должно быть, до сотни сарацин. Я увидел, как они колышутся темной массой, уловил отблеск звезд на стволах оружия. На короткое время они сгрудились вокруг ликвидированных нами охранников. А затем внезапно завопили и кинулись, атакуя, вверх по лестнице.

Свертальф уперся, как мог, и застрочил из пулемета. Отдача отбросила его, и он с воем прокатился через вестибюль. Но двоих уложить успел. А остальных в дверном проеме встретил я.

Ударь клыком, укуси, прыгни туда, обратно... Рви их, полосуй, рычи и рви их рожи! Они уже не спешили, неуклюже сгрудившись у входа. Еще короткий вихрь, устроенный моими зубами, и они отступили, оставив на месте с полдюжины убитых и раненых.

Я выглянул в дверное окошко и увидел моего приятеля эмира. Глаз его скрывала повязка, но он тяжеловесно носился вокруг своих людей, побуждая их к действию. Такой энергии я от него не ожидал. Небольшие группки откалывались от главного отряда и мчались куда-то в сторону. Не куда-то, а к другим входам и окнам.

Я взвыл, когда понял, что помело мы оставили снаружи. Теперь никто не сможет спастись, даже Джинни. Негодующий вой превратился в рычание, я услышал звон стекол и грохот сбивающих замки выстрелов.

Этот Свертальф оказался умной киской. Он снова взялся за свой пистолет-пулемет и ухитрился (ведь лапы его были с когтями) открыть огонь по вспышкам. Затем мы отступили к лестнице.

Они вслепую наступали на нас в темноте. Кишели вокруг, нащупывали дорогу.

Я не мешал им, но первый, кто нащупал ступени, умер бесшумно и быстро. У второго хватило времени для визга. И вслед за ним поперла вся банда...

Они не могли стрелять в такой темноте и давке без риска уложить кого-нибудь из своих. Обезумев, они атаковали лишь с помощью своих кривых сабель. И этим саблям я ничего противопоставить не мог. Свертальф вел продольную пальбу по ногам, а я рвал их, как мог, — вой и крики, укусы, треск, лязг... Аллах акбар, так сверкайте зубы в ночи!

Лестница была узкой, это помогло. Да и их раненные мешали им. Но слишком явен был их перевес. На меня одновременно лезло около сотни храбрых мужчин, и мне пришлось отступить на шаг, а потом еще и еще. Не отступи — и они окружили бы меня. Но я успел добавить к тем, что уже полегли, еще более дюжины. И за каждый фут, что приходилось отдавать, мы добавляли еще несколько. И выиграли время.

У меня не сохранилось четких воспоминаний об этой битве. О таких вещах редко помнишь. Но, должно быть, минуло около двадцати минут, прежде чем они, разъяренно вопя, откатились. У подножия лестницы стоял эмир. Он хлестал хвостом по своей ярко раскрашенной шкуре.

Я постарался сбросить с себя усталость, вцепился когтями в пол, готовясь к последней схватке. Вверх по ступенькам медленно надвигался на нас одноглазый тигр. Свертальф зафыркал. Внезапно он прыгнул через перила за спину громадной кошки и исчез во мраке. Что ж, он позаботился о целости своей шкуры.

Мы уже почти сошлись нос к носу, когда эмир занес лапу с выпущенными когтями и ударил. Я кое-как увернулся и вцепился ему в глотку. Все, чего я добился, — это полная пасть отвисавшей от тела шкуры. Но я повис на ней и постарался вгрызться глубже.

Он взревел и потряс головой. Я мотался из стороны в сторону, словно маятник. Тогда я зажмурился и сжал челюсти еще крепче. Он полоснул длинными когтями мои ребра. Я отскочил, но зубы остались на прежнем месте. Он сделал выпад и подмял меня под себя. Челюсти его лязгнули. Боль пронзила мой хвост. Я взвыл и отпустил его.

Одной лапой он пригвоздил меня к месту. Занес другую, готовясь переломить мой хребет. Каким-то чудом, обезумев от боли, я извернулся и высвободился. И ударил снизу вверх. На меня глядел, ослепительно сверкая, его неповрежденный глаз — я вышиб этот глаз из глазницы.

Он визжал! Взмахом лапы отшвырнул меня, как котенка, к перилам. Там я ~~и~~улегся почти без сознания и уже готовился испустить дух. А ослепший тигр тем временем метался в агонии. Зверь возбладал в нем над человеком, и он скатился по ступеням и учинил страшное побоище своим же собственным солдатам.

Над свалкой с сопеньем пронеслась метла. Добрый старый Свертальф! Он удрал только для того, чтобы вернуть нам средство передвижения. Я видел, как он подлетел к двери, за которой находился ифрит, и как он поднялся, покачиваясь, готовый встретить следующую волну сарацин.

Но они все еще пытались совладать со своим боссом.

Я согнулся, обрел дыхание и встал. Смотрел, обонял, слушал. Мой хвост, казалось, горел в огне. Половины хвоста как не бывало.

Пистолет-пулемет завел свою прерывистую песню. Я услышал, как клокочет кровь в легких эмира. Он был силен и умирал трудно.

«Вот тебе и конец, Стив Матучек, — подумал сидевший во мне человек. — Они сделают то, с чего должны были начать в первую очередь. Встанут внизу и начнут поливать тебя огнем. А каждая десятая пуля — серебряная...»

Эмир упал и, разинув пасть, испустил дух. Я ждал, когда его люди очухаются и вспомнят обо мне.

Над лестницей, на помеле появилась Джинни. Ее голос доносился откуда-то издалека:

— Стив! Сюда! Скорее!

Я ошеломленно помотал головой. Попытался понять, что означают эти слова. Я был слишком измотан, был слишком волком. Она сунула пальцы в рот и свистнула. Это до меня дошло. Она с помощью ремня втащила меня к себе на колени и крепко обхватила. Пилотировал помело Свертальф. Мы вылетели в окно на втором этаже и устремились в небо.

На нас набросился оказавшийся поблизости ковер-самолет. Свертальф добавил мощности, наш «кадиллак» оставил врага далеко позади, и тут я отключился...

7

Когда я пришел в себя, то лежал ничком на койке в больничной палате. Снаружи бил яркий дневной свет. Земля была мокрая и дымилась. Когда я застонал, в палату заглянул медик.

— Привет, герой, — сказал он. — Лучше оставайся пока в этом положении. Как ты себя чувствуешь?

Я подождал, когда ко мне полностью вернется сознание. Потом принял от него чашку бульона.

— Что со мной? — прошептал я. (Меня уже, разумеется, превратили в человека.)

— Можно считать, что твои дела не так уж и плохи. В твоих ранах завелась кое-какая инфекция — стафилококки, та разновидность, что поражает и человека, и собакообразных. Но мы вычистили этих зверушек с помощью нашей антибиотической техники. Помимо этого — потеря крови, шок и явно застарелое нервное истощение, через неделю-другую будешь в полном порядке.

Я лежал, размышляя. Мысли тянулись медленно и лениво. И в

основном касались того, как восхитителен на вкус этот бульон. Полевой госпиталь не может таскать с собой оборудование, от которого дохнут бактерии. Зачастую у госпиталя нет даже добавочных анатомических макетов, на которых хирург мог бы отработать симпатические операции.

— Какую технику вы имеете в виду? — спросил я.

— У одного из наших парней Злой глаз. Он смотрит на микробов в микроскоп.

Далее я не спрашивал. Знал, что через несколько месяцев «Ридер Дайджест» посвятит этому случаю лирическую тянучку.

Меня мучило другое.

— Атака... началась?

— Ата... А, это? Она состоялась два дня назад, уважаемый Рики-Тики-Тави. Тебя в это время хранили под одеялами. Мы швабрим их по всему фронту. Последнее, что я слышал, что они уже добрались до линии Вашингтона и продолжают драпать.

Я вздохнул и провалился в сон.

Меня не мог разбудить даже шум, с которым врач диктовал своей пишущей машинке...

Джинни пришла на следующий день. Верхом на ее плече ехал Свертальф. В открытую дверь палатки бил солнечный свет, и поэтому волосы Вирджинии отливали медью.

— Здравствуйте, капитан Матучек, — сказала она. — Как только освободилась, сразу же пришла узнать, как вы себя чувствуете.

Я приподнялся на локтях. Свистнула сигарета, которую мне предложила Вирджиния. Сигарета оказалась в зубах, и я медленно сказал:

— Перестань, Джинни. Сейчас еще не окончание той ночи, но думается, мы с тобой знакомы в достаточной степени.

— Да. — Она присела на койку и погладила меня по голове.

Это было восхитительно. Свертальф замурлыкал мне, и я хотел ответить ему тем же.

— Что с ифритом? — спросил я после паузы.

— По-прежнему в бутылке, — она рассмеялась, — сомневаюсь, что удастся когда-нибудь извлечь его оттуда. Если предположить, что кому-то того хочется.

— Но что ты сделала?

— Просто применила на практике принцип папы Фрейда. Если когда-то об этом напечатают, на меня ополчатся все приверженцы Юнга, сколько их есть в нашей стране... Но это сработало. Я копалась в его воспоминаниях, разбиралась в иллюзиях и скоро обнаружила, что у него гидрофобический комплекс. Не водобоязнь, связанная с бешенством, а просто страх воды, мой Пират...

— Можешь называть меня Пиратом, — проворчал я, — но если назовешь Фидо, тогда гладь по голове.

Она не спросила, с какой стати я настолько самонадеян, что претендую и далее на ее ласку. Это меня воодушевило. Правда, она залилась румянцем, но тем не менее продолжала:

— Получив ключ к его личности, я нашла простой способ сыграть на этом комплексе. Я объяснила ему, насколько распространено это вещество — вода. И как вообще трудно от нее избавиться. Он приходил в ужас все больше и больше. Когда я сказала, что тело живых существ, включая и его собственное, содержит около восьмидесяти процентов воды, дело было сделано. Он вполз в бутылку и впал в полную апатию. Помолчав минуту, она добавила задумчиво: — Мне хотелось оставить его у себя. Я бы поставила бутылку на каминную доску. А так я попросту напишу небольшую статью об использовании психиатрии в военном деле.

— Разве бомб, драконов, использования вервольфов и прочей придуманной нами дряни уже недостаточно? — спросил я с состраданием.

Бедные незатейливые стихийные Духи! Они считали себя злодеями, но им следовало бы поучиться у человеческой расы!

Что касается меня, то я мог представить, с какими неудобствами сопряжена женитьба на ведьме, но...

— Поцелуй меня...

Что она и сделала...

У меня не очень-то много осталось сувениров от этой войны. Это поганое время, и лучше о нем не вспоминать. Но один подарок на память все-таки со мной, несмотря на все старания хирургов-косметологов: когда я превращаюсь в волка, хвост у меня обрубленный... А когда я человек, то при сырой погоде стараюсь не садиться.

За это я получил «Пурпурное солнце»!

Немного, черт возьми...

8

Сейчас мы собрались для одной из интермедий. Я проскочу по ней быстро. По остальным (позже) — тоже. Зачастую они были для нас — для Джинни и меня — более интересными и важными, чем те эпизоды, когда на сцену выступает Враг. Подлинное дело человека — не борьба, не опасности, не мелодрамы. Подлинное дело — работа, особенно если человеку так повезло, что то, что он делает, доставляет ему удовольствие. Подлинное дело — это отдых и развлечения, встреча с любовью, создание семьи, те шутки, которые рассказывает человек, и неожиданные, но приятные маленькие приключения.

Однако то, что случилось с нами в этой области, вряд ли вас особенно заинтересует. У вас своя жизнь. Кроме того, тут многое касается только нас, и никого более. И еще одно: для передачи сообщения у меня есть только ночь. Еще чуть-чуть, и напряжение, возможно, станет слишком сильным. Не знаю, но без нужды рисковать не буду. Этому я научился там.

В конце концов, интермедии используют для того, чтобы вкратце изложить некоторые эпизоды.

Первый эпизод, о котором я сейчас вам расскажу, случился примерно два года назад.

Джинни и я оставались еще на службе в течение нескольких месяцев, хотя непосредственного участия в сражениях не принимали. Мы с ней не виделись, что было всего хуже для нас обоих. Все новые командировки и перемещения бросали нас то в одну, то в другую сторону.

Война продолжалась не слишком долго. Носящие халаты поняли вкус сепаратизма. И Халифат распался, как бьется брошенное на землю стекло. Революция, бунты, расколы, кровная месть, банды и постоянные военные поражения. Америке и ее союзникам не нужны были вооруженные силы, чтобы занять оставшуюся у врага территорию. Враг сам просил, чтобы его оккупировали для восстановления порядка до того, как наступит мор и голод. Благодаря нашим особым талантам, мы — Джинни и я — пересекли почти полмира, но... не вместе.

Мы потратили попусту уйму времени. Тем не менее мне понадобилось немало времени, чтобы взаправду решиться сделать ей предложение. И хотя ее ответное письмо было нежным, в нем не было «да». Осиротев очень рано, она, повзрослев, превратилась в женщину, нуждающуюся в любви. В женщину с нерастраченными запасами любви. Эта сильная духом и телом девушка не позволит, чтобы ее будущая любовь кончилась неудачей. Она не выйдет замуж, если не уверена, что это — на всю жизнь.

Почему-то меня демобилизовали раньше ее, и вновь я стал восстанавливать связи, прерванные войной. Следов войны было заметно в Соединенных Штатах на удивление мало. Хотя захватчики заняли почти половину территории, они продержались там очень недолго. А потом мы погнали их, и им было не до того, чтобы причинять значительные разрушения.

Пострадали только такие долго удерживаемые завоевателями городишки, как этот несчастный Тролльбург. По пятам за армией следовали гражданские чиновники, действовавшие быстрее и эффективнее, чем я ожидал. А может, просто сама цивилизация оказалась достаточно устойчивой. Точно так же оправляется земля от вызванных технологических опустошений.

Так что я вернулся в мир, который, если не считать нехватки некоторых продуктов (это скоро прекратилось), казался вполне знакомым. Я имел в виду внешне. Психология сделалась какой-то иной. Люди были до глубины души потрясены тем, что случилось. Потрясены, я полагаю, более глубоко, чем они сознавали сами, и значительная часть населения была выбита из равновесия. От немедленных социальных потрясений нас спасло, несомненно, само обилие появившихся эксцентрических течений. Слишком много оказалось демагогов, самозванных пророков, ложных чародеев. Сумасбродов от религии, политики и науки. Психов, с религиозным фанатизмом проповедующих новые диеты и новый образ жизни. И один Бог знает, кого еще. Все они старались изничтожить друг друга.

Некоторые, например церковь иоаннитов, большинство приверженцев которой предпочли сохранить анонимность, скоро приобрела зловещий характер.

Однако все это не привело к революционному взрыву. Нас, кто не заразился фанатизмом (но, помню, мы составляли большинство), происходившее беспокоило мало. Мы полагали, что государству самим ходом событий нужно будет пережить этот разброд и пресечь его. А тем временем мы вернулись к повседневной жизни, снова мечтая об обычном. Мы жили день за днем.

Что касается меня, то я вернулся в Голливуд. Вновь начал играть волка-оборотня для «Метро-Голдвин-Майер». Результат оказался разочаровывающим. Надевать поддельную кисточку поверх обрубленного хвоста мне казалось отвратительным. Работникам студии это тоже не нравилось.

Кроме того, они не были уверены, что я хорошо играю свои роли. И я в этом тоже не был уверен. Например, как ни мучался, но не получал полного удовлетворения от своей игры в «Дракуле», «Франкенштейне», «Человеке-волке» и в «С кем встречался Парацельс».

Не то чтобы я свысока стал поглядывать на чисто развлекательные картины, но обнаружил, что у меня появилось стремление сделать что-нибудь более серьезное.

Так что и с той и с другой стороны появились намеки, что мне пора в отставку.

Отсрочку кризису дали, вероятно, мои медали. Но героев войны было хоть пруд пруди. Кроме того, всем известно, что проявленная на войне храбрость — это в значительной мере вопрос подготовки и дисциплины. Немалое значение имело также и заклинание против страха. Но воздействие последнего снимается перед уходом в отставку, ибо гражданскому человеку приличествует скромность. Сам я не претендую на нечто большее, чем обычная доля свойственной человеку храбрости.

Примерно к этому времени демобилизовалась Джинни. Она сразу же навестила меня. Наш союз был полностью восстановлен. Правда, она не согласилась на мое повторное предложение.

— Пока нет. Стив, дорогой, нам обоим сперва нужно увидеть, что мы представляем собой в мирной жизни...

Через несколько дней у нас неожиданно состоялся очень серьезный разговор. Джинни вытянула на поверхность мои подлинные мечтания — покорить Огонь и Воздух, создать антигравитационные чары, достаточно сильные, чтобы можно было достичь иных планов. Если честно, мне всегда хотелось стать инженером. Но уже на первом году обучения деньги кончились, и кое-кто, видевший меня в любительских спектаклях, решил, что я талантливый парень, и... В общем, одно цеплялось за другое. Подобно большинству людей, я плыл по течению.

Джинни не походила на остальных. Однако и ей пришлось сейчас призадуматься. Она получила приглашение вернуться в Колдовское

агентство. Но сомнительно, чтобы ей действительно хотелось работать для большой организации. Независимое консультативное агентство, где она сама себе будет хозяйкой, — разве оно не даст ей свободу рук и возможность разрабатывать собственные идеи? Ей нужно было расширить свои позиции в чародействе, и очевидный путь к этому — получение степени доктора философии.

Деньги, накопившиеся за время нашей армейской службы, позволяли нам вернуться к учебе.

Окончательно все решилось, когда после некоторой переписки университет Трисмегиста предложил ей должность преподавателя. Ведь ею уже была получена в Конго степень магистра гуманитарных наук. Одновременно с преподаванием Джинни могла продолжать учебу. Я бухнул заявление на инженерный факультет Трисмегистовского и был принят. Несколько недель спустя Стивен Матучек и «Метро-Голдвин-Майер», вежливо рыдая, распрощались. А затем упомянутый Матучек вместе с Вирджинией Грейлок вступил на борт суперковра, отбывающего на Средний Запад.

Сперва все шло хорошо, как по маслу. Мы подыскивали недорогие, но вполне приличные комнаты поблизости друг от друга. Занятия были интересными. Свободное время мы проводили вместе. Главным образом, мы часами гуляли. Ее нежелание раннего замужества слабело такими темпами, что я видел, что к Рождеству она согласится. Как раз кончится весна, и мы сможем сыграть свадьбу.

Но затем мы получили удар прямо в солнечное сплетение. Мы знали, что большую часть преподавательского состава подмял под себя президент, Бенгт Мальзус. Это было напыщенное ничтожество, главным достижением которого было то, что опекуны университета сделали его подпевалами. Все, что Мальзус предлагал, опекуны, как правило, проводили в жизнь, не затрагивая работников, находящихся на более низком уровне. По крайней мере, не слишком затрагивая.

Но за год до этого Мальзус предписал, чтобы весь академический персонал, без малейшего исключения, принес магическую клятву повиновения правилам университета до тех пор, пока контракт считается в силе. Несколько человек наотрез отказались. Короче говоря, правила были обычные.

Жалованье хорошее. Новые обязательства предписания были нацелены на то, чтобы как-то преодолеть мятежные, психопатические и откровенно нигилистические настроения, в последнее время пугающе распространявшиеся не только среди студентов, но и среди профессорско-преподавательского состава. Джинни подписала.

Прошло что-то около двух недель, когда кто-то заметил, что мы все время гуляем вместе, и насплетничал. Джинни вызвали в кабинет президента. Он продемонстрировал ей правила. Напечатанная мелким шрифтом фраза, которую ей и в голову не пришло прочесть: «Студентам и работникам университета, включая преподавателей, не разрешается встречаться во внеучебное время». В этот вечер при встрече настроение у нас было мрачное. Естественно, на следующий день я, разметаив клерков и секретарей, прорвался в кабинет Мальзуса.

Но все было бесполезно. Он не собирался ради нас менять свои правила. Правило било наповал, поскольку клятва не допускала никаких исключений. Не разрешались встречи и со студентами иных учебных заведений, так что мой перевод в другой университет ничего бы не дал.

Единственное решение — пока не истечет срок контракта Джинни, я выпадаю из ее поля зрения. А она проявляет железную волю и не интересуется мною. Но потерять целый год? Да кто я — волк или мышь?! По этому поводу мы с ней немедленно, прямо на людях, поцапались. А когда можешь встречаться лишь случайно либо на официальных мероприятиях, выясняется, что не так-то просто кончить дело миром и поцелуями.

О, конечно, мы по-прежнему оставались добрыми друзьями. Виделись иногда в курилке, на некоторых лекциях... Настоящая «сладкая жизнь». А тем временем, как она отметила с ледяной логикой, мы остались людьми (я-то знал, что эта логика — способ самозащиты, но ничего поделать не мог). Время от времени она появлялась в обществе с каким-нибудь молодым сослуживцем. И я, бывало, ухаживал за какой-нибудь случайной девушкой.

Вот так у нас к ноябрю и обстояли дела...

9

Небо было заполнено метлами. Полиция теряла голову, пытаясь справиться с движением. Игры выпускников университета всегда вызывали большой наплыв публики. Еще довоенный «шеви» за огромным, в двести драконьих сил, «линкольном», рукоятка небесно-голубого цвета, полистиленовые прутья плюс радио. Радио тут же принялось издеваться надо мной, но я получил свободное место на парковке первым. Сунув ключ в карман, я слез с метлы и принялся мрачно слоняться в толпе.

На все время Игр Бюро Погоды оказало нам любезность. Воздух был прохладен, свеж и звонок. Над темными зданиями университетского городка большой желтой тыквой поднималась полная луна. Мне подумалось, что там, за городом, поля и леса Среднего Запада.

Там пахнет мокрой землей и струится туман. И волчья составляющая моей натуры захотела бежать отсюда и оказаться там, и гоняться за кроликами. Но по-настоящему тренированный оборотень может контролировать свои рефлексy, и поляризованный свет вызывает у него не более чем приятную нервную почесуху.

Что касается меня, импульс скоро угас в унылых раздумьях. Джинни, любимая! Если бы она оказалась сейчас рядом! Вот она идет, поднятое навстречу ветру лицо, на длинных волосах рыжий узор изморози... Да, единственная моя спутница — нелегальная фляга в заднем кармане. Какого дьявола я вообще явился на эти Игры?

Миновав Дом союза «Тма Каф Самет», я обнаружил, что нахожусь уже на территории университетского городка. Трисмеги-

стовский университет был основан, когда уже родилась современная наука, и сей факт был отражен в его планировке. Самые большие здания принадлежали факультету языкознания — потому что экзотические языки необходимы при создании более мощных, чем обычные, заклинаний. Вот почему сюда приезжают так много студентов из Африки, Азии — чтобы изучить «американский сдвиг».

Но есть здесь и два здания английского языка — искусствоведческий колледж и колледж инженерного стихосложения. Поблизости — здание торбантропологического факультета, где всегда демонстрируются интересные выставки, посвященные иностранной технике. В этом месяце — техника эскимосов, в честь приезда шамана антекоков, доктора Айингалака. В стороне — заботливо окруженный оградой факультет зоологии. Забор потому, что там помещены длинноногие и длиннорукие бестии.

Они вряд ли могут быть названы приятными соседями. Медицинский факультет обзавелся великолепным новым исследовательским центром — дар Фонда Рокфеллера. Из этого центра уже вышли такие изумительные изобретения, как поляроидные фильтрующие линзы, которые дают возможность тем, кто поражен дурным глазом, вести нормальный образ жизни.

И это только начало!

Юридический факультет казался безлюдным. Юристы всегда работают в ином мире.

Я пересек бульвар, миновал маленькое мрачное здание корпуса физических наук. Меня поприветствовал доктор Грисволд. Он медленно спускался вниз по ступенькам — маленький, высохший человек с козлиной бородкой и веселыми голубыми глазами. В блеске этих глаз, в их глубине таилось смешанное с болью недоумение. Он походил на ребенка, который никак не может до конца понять, почему никто, кроме него, не интересуется игрушками.

— А, мистер Матучек, — сказал он. — Пришли поприсутствовать при игре?

Я кивнул (не особенно любезно). Но мы шли вместе, и мне пришлось быть вежливым. Не для того, чтобы подлизаться на всякий случай. Он вел у меня занятия по физике и химии, но это как раз пустяки. Мне просто не хотелось обижать этого милого и одинокого старого чудака.

— Я тоже, — продолжил он. — Насколько понимаю, организаторы что-то задумали. Впервые будет нечто захватывающее.

— Вот как?

Он дернул головой и по-птичьи посмотрел на меня:

— Есть ли у вас какие-нибудь затруднения, мистер Матучек?.. Если в моих силах помочь вам... Знайте, я сделаю все, что в моих силах.

— Все прекрасно, — соврал я. — Во всяком случае, благодарю вас, сэр.

— Человеку зрелого возраста нелегко вернуться к учебе. Да еще когда его окружают хихикающие юнцы. Я не забываю, как вы

помогли мне в этом... м-м... инциденте в прошлом месяце. Поверьте, я вам очень благодарен.

— О, пустяки, черт возьми. Я здесь, чтобы получить образование.

Мне не хотелось перекладывать груз своих забот на его плечи. У него был достаточный запас своих собственных.

Грисволд вздохнул. Очевидно, он чувствовал мою отчужденность.

— Я часто ощущаю себя таким беспомощным, — сказал он.

— Что вы, сэр, — ответил я со старательной искренностью. — Как стала бы в Мидгарде* алхимия практической наукой, не основываясь она с начала и до конца на ядерной физике? Ведь в противном случае алхимик мог бы неожиданно для себя получить смертоносный радиоактивный изотоп. Или вещество, которое уничтожило бы половину округа.

— Разумеется, разумеется. Вы прекрасно все понимаете. Вы все знаете о нашем мире. Во всяком случае, больше, чем я. Но студенты... ладно, думаю, что это естественно. Им хочется, чтобы сказал несколько слов, сделал несколько пассов и получил то, чего желаешь. Именно таким образом. Не докучая себе ни изучением санскритской грамматики, ни периодической таблицы. Они не понимают, что никогда нельзя получить чего-то из ничего.

— Поймут. Они повзрослеют.

— Даже администрация в этом университете просто не понимает потребности физических наук. Как раз сейчас в Калифорнийском университете установлен философский камень на миллиард вольт. А здесь... — Грисволд пожал плечами. — Извините меня. Жалость к себе вызывает только презрение.

Мы вышли к стадиону. Я отдал свой билет, но отказался от очков ночного видения. У меня сохранилось колдовское зрение, полученное во время базисного обучения. Мое место оказалось на тридцатом ряду между студенточкой с мордочкой первокурсницы и старшекурсником. Мимо проплыл одушевленный лоток, и я купил горячих сосисок и взял напрокат хрустальный шар. Но шар мне нужен был не для того, чтобы в деталях видеть игру. Я пробормотал над ним, заглянул внутрь и увидел Джинни.

Она сидела напротив меня, на пятидесятом ряду. На коленях у нее покоился черный Свертальф. Вызывающие красные волосы Вирджинии выделялись ярким пятном на бесцветном фоне окружающей ее толпы. Это колдовство, эта ее особая магия была чем-то более древним и более сильным чем Искусство, но и в нем Джинни была искушена.

Ее отделяло от меня поле, в руках у меня был всего лишь дешевый стеклянный прибор, и все же сердце мое екнуло. В эту ночь с ней был доктор Алан Аберкромби, ассистент-профессор сравнительной магии: гладкий, красивый блондин, светский лев. Он крутился вокруг Джинни изо всех сил. А я исходил дымом...

* Мидгард — по древнескандинавским сказаниям — земля, отведенная для жизни человечества.

Думаю, что Свертальф ставил свои моральные качества не выше, чем Аберкромби. У меня были все намерения хранить Джинни верность, но... Узкая улочка, ты ставишь на стоянку метлу, и к тебе прижимается хорошенькая девушка. В этом случае желтые круглые глаза, сверкающие с ближайшего дерева, как-то связывают и окончательно отрезвляют. Я скоро сдался и посвящал вечера учебе или пил пиво.

О-хо-хо. Я плотнее запахнул плащ, под свежим ветром меня пробрала дрожь. В воздухе пахло какой-то бедой.

«Вероятно, — подумал я, — во всем виновато мое скверное настроение...»

И все же я чуял — в недалеком будущем быть беде.

От воплей старшекурсников чуть не лопнули барабанные перепонки. В лунном свете показались команды — «Трисмегистовские грифоны» и «Чародеи Альберта Великого». Глубокие старики недовольны тем, что в командах так много измученных образованием очкастых коротышек. Такие игроки кажутся им бесполезными в американском футболе. Вероятно, до эпохи магии команды комплектовались из динозавров. Но, разумеется, неотъемлемая и основная составляющая искусства — интеллект, и он придает спорту характерную окраску.

В этой игре были интересные моменты. «Чародеи» взлетели над землей, и их защитник превратился в пеликана. Душанович в образе кондора закогтил его на нашей двадцатке. Андриевский был лучшим в линии оленей-оборотней (он входил в большую десятку). Он держал их так, что мяч дважды оказывался вне игры.

На третий раз мячом завладел Плисудский, тут же превратившийся в кенгуру. Его игра была изумительной. Как он увернулся от игрока, пытавшегося отобрать мяч! (Малый был в шапке-невидимке, но можно было наблюдать за ним по отпечаткам его ног, как он неся в перед.) И отпасовал мяч Мстиславу.

«Чародеи» опустили пониже, они ожидали, что Мстислав превратится в ворона, чтобы забить мяч с поля. Но это было как гром среди ясного неба, когда он превратился в... свинью. В жирного борова. (Естественно, это были мелкие превращения: быстрый жест — и игрок превращается в заранее намеченное животное. Там не использовались те великие и страшные слова, которые мне, бывало, приходилось слышать в предрассветной мгле.)

Чуть позднее явная грубость с нашей стороны обошлась нам в пятьдесят ярдов. Доминго случайно наступил на афишу, которую ветер занес на поле, и проехался по именам «Чародеев». Но большого ущерба наши не потеряли, а «Чародеи» получили точно такой же пенальти, когда Троссона в азарте вынесли с поля да еще метнули вслед молнию.

К концу первого периода счет был 13:6 в пользу «Трисмегистовских грифонов», и толпа чуть не разнесла от восторга скамейки.

Я надвинул шляпу на лоб, бросил на старшекурсника нелюбезный взгляд и устался в кристалл. Джинни проявляла больше

энтузиазма, чем я. Она подпрыгивала и вопила и, казалось, не замечала, что Аберкромби своей лапой обнял ее. Или, может, это у нее не вызывало протеста? Я обиделся и надолго приложился к фляге.

На поле высыпали ликующие люди, им понадобилось устроить парад. Дудя и барабаны, совершая в воздухе сложные, тщательно продуманные эволюции своими инструментами, они двинулись традиционным маршем туда, где ждала их Королева Красоты студенческого городка. И хотя уже стало традицией, чтобы она встречала их верхом на единороге, по некоторым причинам данный номер был в этом году опущен.

Волосы поднялись у меня на затылке дыбом. Я ощутил слепой инстинктивный позыв поменять кожу на шкуру. Едва успел вовремя заставить себя остаться человеком и упал на сиденье, обливаясь холодным потом. В воздухе вдруг отчетливо завоняло опасностью. Неужели никто больше не ощущал этого?

В поисках источника опасности я сфокусировал кристалл на скандирующей команде, красм сознания я смутно услышал приветственные выкрики:

АЛЕФ, БАТ, ДАЛЕТ, ХИ, ВА!
КОМИНИ, ДОМИНИ, УРА, УРА, УРА!
ПРОТЫКАЙ ИХ, ЖАРЬ В ОГНЕ,
СЛАВНАЯ ЕДА!
ТРИСМЕГИСТОВ ЖДЕТ ПОБЕДА
НЫНЕ И ВСЕГДА!
МАКИЛРАЙТ!

— Что это такое с вами, мистер? — студентка отпрянула от меня, и я понял, что рычу.

— Ох... ничего... я надеюсь, ничего, — я старался овладеть своим лицом, не дать ему превратиться в волчью морду.

Толстоватый белокурый мальчишка среди тех, внизу, не казался страшным, но я чувствовал, что его будущее окутано крутящейся грозовой тьмой, пронизанной ударами молний и раскатами грома. Мне уже приходилось сталкиваться с ним. Хотя я не донес на него в свое время, но это именно он чуть не уничтожил химическую лабораторию Грисволда.

Зеленый первокурсник, забавник, не злой по натуре, он представлял собой несчастливую комбинацию природной способности к Искусству и крайней безответственности. Студенты-медики славилась веселыми выходками (такими, как оживший скелет, врывающийся, приплясывая, в женскую спальню). Макилрайту хотелось приобщиться к этим проделкам как можно раньше.

Грисволд показывал студентам, как обращаться с катализаторами, и Макилрайт тут же забормотал заклинание. Он хотел сыграть на каламбуре и провести в пробирке катализ. Но ошибся в расчетах и получил саблезубого тигра.

Дитя каламбура, тигр был совершенно безмозглым, и все же это была злобная, вызывающая ужас тварь.

Поняв, что все это сотворил Макилрайт, я, улучив момент и

отведя его в сторону, предупредил, что если ему вздумается снова показать класс, то я сожру его. Сожру в самом буквальном смысле этого слова. Шутка есть шутка, но не следует шутить за счет студентов, которые действительно желают учиться. Как и за счет тех милых, почтенных окаменелостей, которые пытаются учить студентов.

Предводитель парада взмахнул рукой, и из ничего выскочил столб многоцветного пламени. Столб поднялся на высоту человеческого роста, еще выше. Скачущее сияние, блеск красного, голубого, желтого, и его окружал крутящийся, состоящий из искр вихрь. Я сощурился и сумел разглядеть в пламени гибкое, размалеванное тело. Оно походило на тело ящерицы.

Студентка взвизгнула.

— Трижды благословенный Гермес, — закудахтал старшекурсник. — Что это, демон?

— Нет, Дух огня, — тихо ответил я. — Саламандра. Чертовски опасная тварь, если учесть, сколько дураков ее окружает...

Мой взгляд неотрывно следил за полем. Огненная тварь начала свои штучки. Прыгала, кувыркалась, что-то бормотала, выбрасывала длинные языки пламени. Да, рядом с ней находился пожарный — в полном церковном облачении. Он совершал свои пассы, не давая саламандре причинить вред. Все должно быть о'кей. Вроде бы...

Я зажег сигарету. Меня трясло. Скверно это — следовать примеру Лока*. Вонь опасности была мне в ноздри. Ядовитый кислый запах опасности...

Со стороны все это выглядело красиво, однако... В кристалле вновь появился Аберкромби. Он хлопал в ладоши. Но Джинни сидела нахмурясь, с озабоченным видом. Между длинными зелеными глазами залегла морщинка. Ей все это нравилось никак не больше, чем мне. Я переключил шар обратно на Макилрайта. Любящего пошутить Макилрайта.

Я был, вероятно, единственным из присутствующих, кто заметил, что произошло.

Макилрайт взмахнул своим жезлом, и у саламандры выросли крылья. Толстяк-пожарник, жестикулируя и раскачиваясь взад и вперед, оказался, естественно, на пути взмаха ее крыльев. Это было подобно столкновению с паровым котлом.

— А-а-а!

Пожарный пулей взмыл в небо. Саламандра заколыхалась. Мгновенным прыжком, утоньшаясь вверх, выросла, сделавшись выше стен. Мы увидели мельком нечто вращающееся, ослепительно блестящее, с расплывшимися очертаниями, и тварь исчезла.

Моя сигарета вспыхнула, превратилась в пламя. Я отшвырнул ее. Почти ничего не соображая, догадался выкинуть заодно и фляжку. В мгновение ока она раскалилась добела, водка вспыхнула голубым пламенем.

* Лок — восставший на других богов бог Огня.

Толпа завывала. Все отбрасывали прочь сигареты, хлопали по карманам, где воспламенялись спички, отшвыривали бутылки. Королева городка пронзительно визжала, ее тоненькое одеяние охватило пламя. Скинув платье (как раз вовремя, чтобы избежать ожогов) и причитая, помчалась по полю голая. При других обстоятельствах это зрелище меня бы заинтересовало.

Саламандра прекратила свои беспорядочные метания и материализовалась в воротах. Столбы начали дымиться. Невыносимое сияние, рев и пылающая трава. Выкрикивание заклинаний тушения огня было невыносимо. Пожарник бросился к саламандре. Из ее пасти выскочил язык пламени.

Я отчетливо услышал ее дикий хохот, и тварь снова исчезла. Диктор, которому следовало бы успокоить зрителей, истощно закричал, когда огонь вспыхнул перед его будкой. В мгновение ока пять тысяч народу, царапаясь и кусаясь, топча друг друга, кинулись к выходу. Началась давка, люди были охвачены слепым желанием вырваться отсюда.

Прыгая по скамейкам и головам, я скатился на поле. Эта бушующая на ярусах давка означала смерть.

— Джинни! Сюда, Джинни, здесь безопасно!

Она не могла расслышать меня в этом грохоте, но сама догадалась. За руку она тащила очумевшего от ужаса Аберкромби. Мы взглянули в лицо друг другу. Вокруг — огонь и разрушение. Джинни вытащила из сумочки палочку.

В своем запертом помещении кипятились грифоны. Кипятились в прямом смысле этого слова. Саламандра, материализовавшись, игриво обернулась вокруг водопроводной трубы.

Загудели сирены, и, освещенные луной, над нами засновали полицейские метлы.

Полиция пыталась обуздать панику. Одну метлу тут же подохла саламандра. Наездник снизился, соскочил. Пылающая палка с грохотом рухнула в траву.

— Боже! — закричал Аберкромби. — Саламандра вырвалась на свободу!

— Да что вы говорите? — фыркнул я. — Джинни, ты же ведьма. Ты можешь что-нибудь сделать?

— Я могла бы погасить эту скотину. Но для этого нужно, чтобы она была рядом, пока я читаю заклинание, — сказала она. Распущенные рыжие волосы обрамляли бледное, с высокими скулами лицо и в беспорядке падали на плечи. — Это наш единственный шанс уничтожить породившие ее чары... И она знает это!

Смятение захлестнуло меня. Но, вспомнив о дружестве Макилрайте, я обернулся и схватил его за шиворот.

— Совсем свихнулся? — заорал я.

Он, задыхаясь, разинул рот:

— Я ничего не делал!..

Я тряс его так, что зубы его лязгали:

— Не болтай попусту! Я все видел!

Он рухнул на землю.

— Это была всего лишь шутка, — хныкал он. — Я не знал!

«Что ж, — подумал я мрачно, — вот тебе, без сомнения, и правда. Ведь вот в чем беда с Искусством, беда с любой неразумной силой природы, которой овладеет человек, будь то огонь или динамит, атомная энергия или магия. Любой остолоп, нахватавшись знаний, пытается что-нибудь сделать. Начать-то он может... Сегодня остолопов ужасно потянуло на колдовство. Но не всегда его последствия удастся столь же легко прекратить».

Как и в любом другом учебном заведении, в Трисмегисте постоянную проблему представляли студенческие шалости. Обычно они были безобидными. Например, надев шапку-невидимку, пробраться ночью в женскую спальню.

Или выставить в окна украденные у девушек принадлежности нижнего белья. Иногда шутки бывали, пожалуй, и забавными. Например, как-то раз оживили статую прежнего президента (это был достойный и заслуженный человек), и она промаршировала по городу, распевая непристойные песни. Часто шутки были совершенно неостроумными. Так, например, когда Дин Уорсби был превращен друзьями в камень и на протяжении трех дней этого никто не замечал.

Но это уже ни в какие рамки не лезло. Саламандра могла спалить весь город.

Я обернулся к пожарнику. Тот весь изнервничался, напрасно пытаюсь остановить какое-нибудь полицейское помело. Вокруг прыгали тусклые огни, полицейские не замечали его.

— Что вы полагаете предпринять? — спросил я.

— Необходимо послать служебный рапорт, — отрывисто сказал он. — И считаю, нам понадобится Дух воды.

— У меня есть опыт работы с гидрами, — предложила свои услуги Вирджиния, — так что, я могу оказать вам полезной.

— Я тоже, — сказал я немедленно.

Аберкромби сердито уставился на меня:

— Вы-то что сможете сделать?

— Я оборотень! — рявкнул я. — Когда я волк, огонь мне не страшен. Полезная штука, не правда ли?

— Прекрасно, Стив! — Джинни улыбнулась. Старая, такая знакомая нам обоим улыбка.

Не долго думая, я сгреб ее, привлек к себе и поцеловал.

Нельзя сказать, что оплеуха была недостаточно энергичной.

Апперкот, и я сел прямо на задницу.

— Нельзя! — коротко сообщила Джинни. — Эти, черт бы их побрал, проклятые чары.

Я видел, в глазах ее металась боль. Как зверь в клетке. Но ее разум был вынужден повиноваться придуманным Мальзусом правилам.

— Это... э-э... здесь не место для женщины, — забормотал

Аберкромби. — Для такой очаровательной женщины, как ты... Разреши я провожу тебя домой, дорогая.

— Я должна это сделать, — сказала она нетерпеливо. — Что, черт возьми, творится с этими легавыми? Нам нужно убираться отсюда!

— Тогда я тоже иду с вами, — заявил Аберкромби. — Я немножко знаком с проклятиями и с благословениями. Хотя боюсь, что в этом отношении то, чем я владею, не Бог весть что. Во всяком случае, департамент Сокровищ поглядывает на мои сокровища без одобрения.

Даже в это мгновение, когда ад разверзся на земле, мне, оглушенному буйствующими раскатами грома, было радостно видеть, что Джинни не обратила ни малейшего внимания на его пресловутое остроумие. Она отрешенно нахмурилась. На рядом стоявшей скамье скорчилась Королева городка, на ней был чей-то плащ. Джинни, усмехнувшись, махнула рукой. Королева сбросила плащ и помчалась к нам.

Секунд через тридцать рядом приземлились три полицейские метлы. Пожарный скомандовал им, и вся наша группа тут же поднялась по спирали над стадионом и влетела в путаницу улиц.

Взлет был быстрым, но и за короткое время я увидел три охваченных пламенем дома.

Саламандра разгулялась...

10

Изможденная и вымазанная сажей, с искаженными лицами, вся наша компания оказалась в управлении полиции округа. Здесь уже находились шефы полиции и пожарных. Возле коммутатора бесился какой-то офицер. Джинни завернула по дороге к себе, захватить свою метлу. Теперь у нее на плече ехал Свертальф, под мышкой — том «Руководства по алхимии и метафизике». Аберкромби страшил и без того перепуганного Макилрайта. Под конец я сказал Аберкромби, чтобы он это прекратил.

— Мой долг, — завелся он. — Я, как вы знаете, исполняю обязанности воспитателя...

Я высказал предположение, что университет мог бы свободно обойтись и без фискалов. Ни к чему удивляться, что студенты не пьянствуют по притонам и не провозят контрабандой нимф. И не каждый год делают попытки сдать экзамен, спрятав под пиджаком приятеля, который бы шепотом подсказывал ответы по шпаргалке. Как бы то ни было, мне не нравятся профессиональные наушники.

— Разберетесь с ним позднее, — сказал я и пинком выставил парня за дверь. — Возможно, здесь скоро появится саламандра.

Весьма раздраженный, в комнате возник президент Мальзус и тут же требовательно проорал:

— Что все это означает? — Над его толстыми щеками подпрыгивало пенсне. — Как вам известно, сэр, я был занят подготовкой к очень важному мероприятию. На завтра намечен официальный завтрак членов «Клуба Львов», и...

— Возможно, не будет никакого завтра, — хрюкнул, обрывая его, легаш, — пока у нас вырвавшаяся на свободу саламандра...

— Сала... Нет! Это полностью противоречит установкам! Это положительно запрещено, чтобы...

Офицер у коммутатора оглянулся на нас:

— Она сейчас подожгла католическую церковь на углу Четырнадцатой и Эльма, и, Боже мой, все наше оборудование уже задействовано!

— Невозможно! — завопил Мальзус. — Демон не может приблизиться к церкви!

— Насколько глупым делается человек на нашей работе, — не скрывая злости прошипела Джинни. — Это не демон. Это Дух стихии!

Когда ей удалось вновь овладеть своей яростью, она медленно продолжала:

— Не стоит слишком надеяться, что гидра сможет победить саламандру. Но мы можем вызвать ее, чтобы она помогла бороться с пожарами. Саламандра все время будет опережать нас, но, по крайней мере, не весь город окажется уничтоженным.

— Если только саламандра не окажется слишком сильной, — влез Аберкромби. Его лицо побледнело, губы еле двигались. — Достаточно сильной, чтобы испарить гидру.

— Вызовите двух, — заикаясь, приказал Мальзус, — вызовите сотню. Я не буду требовать поданного по всем правилам официального заявления на разрешение использо...

— Эта возможность ограничена, сэр, — сказал Аберкромби, — есть условие: в зависимости от общей воплощенной массы, сдерживающие силы должны возрастать по экспоненте. В этом городе, вероятно, не найдется достаточно подготовленных специалистов, чтобы держать под контролем двух Духов одновременно. Если пробудить к жизни четырех, то городу будет грозить затопление, а саламандра просто перенесется куда-нибудь в другое место.

— Алан... — Джинни положила «Руководство» на стол, веером перелистала страницы.

Аберкромби склонился поверх ее плеч. При этом не забыл заботливо положить ладонь на ее бедро, и я проглотил, что хотел сказать.

— Алан, ты можешь вызвать для начала одну гидру, и заставить ее бороться с огнем?

— Разумеется, моя прелесть. — Он заулыбался. — Это элементарная задача.

Она обеспокоенно взглянула на него и предупредила:

— С гидрами бывает так же трудно справиться, как и с Духами огня и воздуха. Одного знания теории мало.

— У меня есть некоторый опыт, — он излучал самодовольство. —

Во время войны... Когда все это кончится, давай зайдем ко мне, чуть выпьем, и я тебе расскажу. — Его губы слегка коснулись ее щеки.

— Мистер Матучек! — завизжал Мальзус. — Прекратите, пожалуйста, отращивать клыки!

Я, взяв себя в руки, справился с яростью, действующей на меня так же, как и лунный свет.

— Послушайте, — сказал начальник полиции, — мне нужно знать, что будет дальше. Все эти неприятности из-за ваших длинноволосых, и я не желаю, чтобы ваши действия еще больше затруднили обстановку.

Я вздохнул, понимая, что Джинни и ее красавец в конце концов действительно заняты, и, вытащив сигарету, предложил:

— Разрешите, я объясню. Во время войны мне пришлось немного узнать о таких делах. Дух стихии — это то же самое, что и демон. Любой демон — это отдельное существо, обладающее, скажем так, индивидуальностью. Дух стихии есть часть одной из основополагающих сил.

Саламандра возникла из первичной энергетической матрицы и обрела временную индивидуальность. Она вернется в эту матрицу, если удастся покончить с ней. Это как пламя. До тех пор, пока она существует лишь потенциально. А когда костер погаснет, пламя вернется в первоначальные формы существования. Пусть будет разожжен новый костер, пусть даже он горит на недогоревших поленьях первого костра, но полученное пламя будет не идентично первоначальному.

Так что легко понять, почему Дух отнюдь не стремится к первоначальному состоянию.

Когда Духу удастся вырваться на свободу, как это произошло с саламандрой, он готов на все, чтобы остаться в этом мире. Готов на все, чтобы увеличить свою мощь.

— Но как саламандра могла поджечь церковь?

— Потому, что у нее нет души. Она просто физическая сила. Всякое обладающее подлинной индивидуальностью существо, будь то человек или еще кто-либо, находится под сдерживающим влиянием... э-э... определенных моральных законов природы. Так, демон не выносит вид святых символов.

Поступающий неправильно человек, живя на этом свете, использует угрызания совести. И предстает перед Судом на том свете. Но о чем заботиться пламени? А саламандра и есть не что иное, как громадный язык пламени. Она всего лишь флюктуация физических законов нашего, то есть нормального и паранормального, мира.

— Так как же ее погасить?

— Это могла бы сделать соответствующая по массе гидра. Произошла бы взаимная аннигиляция. Или саламандру могла бы погрести под собой Земля. Или мог бы сдуть оказавшийся поблизости Воздух. Трудность в том, что Огонь — самая быстрая стихия. Он перескочит в другое место до того, как ему успеет повредить какой-нибудь другой Дух. Так что у нас остается лишь одна

возможность — заклинание, возвращающее саламандру к первоначальному состоянию. Но оно должно быть произнесено в ее присутствии. И занимает около двух минут.

— А когда она услышит, что начали произносить заклинание, то испепелит заклинателя или удерет. Очень мило. Что же нам делать?

— Не знаю, шеф, — сказал я. — Одно знаю — это все равно что попытаться поцеловать в морду кобру. — Я вздохнул, чмокнул губами. Действовать надо быстро, потому что каждый пожар, зажженный тварью, служит ей пищей и добавляет новый запас энергии. Она делается все сильнее. Существуют определенные ограничения, например квадратно-кубический экран, но, пока это произойдет, она может стать слишком сильной, чтобы человечеству удалось с ней справиться...

— И что же тогда произойдет?

— Всеобщая гибель... Нет, я подразумеваю не совсем это. Люди, естественно, призовут на помощь сильных противодействующих Духов. Но только представьте, с какими трудностями будет сопряжен контроль над ними. Подумайте о случайностях и опасностях, которые невозможно предвидеть. Халифат по сравнению с ними — пустяк!

Джинни, разогнувшись, отошла от стола. Аберкромби начертил мелом на полу пентаграмму. Исходящему слюной Мальзусу было поручено простерилизовать на спичке карманный нож. (Вся идея состояла в том, чтобы взять у кого-нибудь немного крови. Кровь могла бы заменить обычно используемые снадобья, поскольку она содержит точно такие же белки.)

Девушка положила ладонь на мою руку.

— Стив, мы потратим слишком много времени, если попытаемся собрать всех местных экспертов. Боюсь, что то же самое справедливо и по отношению к полиции штата или Национальной Гвардии. Бог знает, что натворит саламандра, пока чиновники, которых ты здесь видишь, будут взывать о помощи. Но ты и я сможем по крайней мере проследить за ней. Подвергаясь при этом меньшей опасности, чем остальные. Рискнешь?

Я был согласен.

— Конечно. Саламандра не может повредить мне, если я буду волком. Особо повредить... Не сможет, если я буду осторожен. Но ты будешь держаться на заднем плане.

— Ты когда-нибудь слышал о клятве, приносимой членами нашего ордена? Пойдем.

Выходя в дверь, я бросил на Аберкромби самодовольный взгляд. Он надрезал свое запястье, начертил кровью магические знаки, а затем начал творить заклинание. Я ощутил, как по комнате пронесся влажный вихрь.

Снаружи была осенняя пора, высоко в небе стояла луна. Сразу в дюжине мест металось багровое ослепительное сияние. Зубчатыми силуэтами на его фоне виднелись крыши, и в ушах выли сирены. В вышине, освещенные мерцанием маленьких, безразличных ко всему

звезд носилось что-то, напоминающее ворох сухих листьев. Это, оседлав метлы, бегством спасались люди.

Свертальф прыгнул на переднее сиденье «кадиллака» Джинни. Я поместился сзади. И мы со свистом взмыли в небо.

Внизу, под нами, зашипело, плюясь, голубое пламя. Городские фонари погасли. По улицам хлынула вода. Она неумолимо редела, и в ее потоке подскакивал смахивающий на поплавок президент Мальзус.

— Несчастный Сатана! — Я чуть не подавился. — Что еще случилось?

Свертальф резко повел помело вниз.

— Этот идиот, — простонала Джинни, — он дал гидре размыться. Короткое замыкание... — Она сделала несколько быстрых пассивов своей палочкой.

Поток успокоился, вошел в берега. Образовалась круглая заводь. Ее десятифутовая толщина мерцала в лунном свете. Из воды выскочил Аберкромби и побрел, хлюпая, к ближайшему очагу пожара.

Я расхохотался:

— Сходи к нему на квартиру и послушай, что он тебе расскажет о своем огромном опыте...

— Не бей лежачего, — мгновенно огрызнулась Джинни. — Ошибка сделана не без твоего участия, Стив Матучек.

Свертальф вновь повернул метлу вверх. Мы неслись над дымовыми трубами. Неужели она действительно влюбилась в этого дьявола? Правильный профиль, вкрадчивый голос, ловко подвешенный язык. Все время находится рядом... Я подавил приступ боли, искоса глянул вперед, пытаюсь определить, где находится саламандра.

— Туда! — перекрикивая свист воздуха, пронзительно закричала Джинни. Свертальф задергал хвостом и зашипел.

Район университета старательно пытался скрыть свою бедность. Старые, псевдоготического стиля, отделанные деревом пещеры. Нечто среднее между особняками и меблированными комнатами. Район уже начал гореть. В темноте между уличных фонарей вспыхивали многочисленные красные звезды.

Приближаясь, мы заметили, как одна звезда взорвалась и обратилась в клуб белого пара. Гидра, должно быть, ударила в патрубок пожарного крана и смылась. У меня мелькнула еретическая мысль, что саламандра окажет обществу услугу, уничтожив этот архитектурный нонсенс. Но ведь речь идет также о жизни людей и их имущества.

Громадный, ужасный Дух раскачивался над пожираемым домом. Саламандра уже вдвое увеличилась в размерах, и на раскаленную добела сердцевину невозможно было смотреть. Вокруг узкой головы метались искры пламени.

Свертальф затормозил. Мы отлетели на несколько ярдов и теперь парили на высоте двадцати футов, на одном уровне с жаждущей пастью. Дико было видеть выгравированное на фоне ночи, освещенное

неярким сиянием лицо Джинни. Она плотнее вдвинула ступни в стремена и начала читать заклинание:

— О, Индра, Люцифер, Молох, Гефест, Дони... — ее голос был почти не слышен в грохоте обрывающейся крыши.

Саламандра услышала. Огненные глаза обратились на нас. Взглянув, она прыгнула.

Свертальф взвизгнул, когда от жара скрутило его усы (возможно, ущерб был причинен лишь его тщеславию), и развернул помело. Мы помчались прочь. Саламандра зарычала. Ее голос был похож на треск сотни одновременно горящих лесов.

Внезапно опалаящий наши спины жар прекратился. Тварь материализовалась перед нами.

Закрыв лицо Джинни, я свое собственное спрятал за ее спиной, и мы пролетели сквозь стеклянную стену сооруженного перед ней «Пивного парка». Вслед нам метнулся огненный язык. Метнулся и свернулся кольцом. Оставшаяся снаружи саламандра бушевала.

Мы скатились с метлы, огляделись. Пивная была пуста.

Темно, повсюду следы огня. Никого не было. Я увидел стоящий на прилавке доверху налитый стакан пива и выпил его залпом.

— Мог бы предложить и мне выпить, — сказала Джинни. — Алан бы предложил...

И прежде, чем я опомнился достаточно, чтобы решить, язвит ли она или просто шутит, Джинни продолжала быстрым шепотом:

— Она пыталась удрать. Собирается с силами. Она уверена в себе и надумала убить нас!

Даже в эту минуту мне хотелось сказать, что рыжие и спутанные волосы и пятна сажи на ее аристократическом носу выглядят, как ни странно, даже очень очаровательно. Но случай не казался подходящим.

— Она не вернется сюда, — выпалил я. — Все, что она может сделать, — это с помощью теплового излучения подпалить здание, а на это ей понадобится время. Пока что мы в безопасности.

— Но а... ну да. Конечно, пни горят плохо. Мне говорили, что все пивные бары университета построены из пней, армированных железом.

— Да.

Я выглянул в разбитое окно. Саламандра кинулась мне навстречу, и цветные пятна заплясали у меня перед глазами.

— Наша гостья показывает характер, — сказал я. — Ну, говори быстро свое заклинание.

Джинни покачала головой:

— Она просто отлетит за пределы слышимости. Но, может быть, удастся поговорить с ней. Понять, как...

Она подошла к окну. Корчащаяся у бара саламандра вытянула шею и зашипела. Я стоял за спиной своей девочки и чувствовал себя беспомощным и бесполезным.

Свертальф, облизывающий с прилавка пролитое пиво, поглядел на нас и насмешливо фыркнул.

— Эй, Дочь Огня! — крикнула девушка.

Рябь прошла сверху вниз по спине саламандры. Ее хвост безостановочно хлестал из стороны в сторону, поджигая растущие вдоль дороги деревья. Я не в силах описать ответивший Джинни голос. В нем был и треск, и рев, и свистящее шипение. Голос, порожденный огненным мозгом и глоткой.

— Дочь Евы, что ты можешь сказать такой, как я?

— Именем Высочайшего я приказываю тебе смириться, вернуться к своему подлинному состоянию и перестать вредить этому миру!

— Хо!.. О-хо-хо-хо! — Тварь уселась на свой зад (асфальт пошел пузырями) и прерывисто захохотала прямо в небо. — Ты, созданная из горячего материала, приказываешь мне?!

— Я располагаю силами такими могущественными, что они затушат тебя, маленькая искра. Эти силы вернут тебя в ничто, из которого ты пришла. Смирись и повинуйся, так будет лучше для тебя же.

Мне подумалось, что саламандра на мгновение действительно была поражена.

— Сильнее, чем я? — затем она заревела так, что пивная затряслась. — Ты смеешь утверждать, что существуют силы, могущественнее Огня?! Чем я, которая явилась пожрать всю Землю!

— Более могущественные и более прекрасные. Сама подумай, о Мать Пепла, ты не можешь даже войти в этот дом. Вода тебя гасит, земля уничтожает, и лишь воздух способен поддержать твое существование. Лучше сдайся, не медли...

Я вспомнил ночь охоты на ифрита. Джинни наверняка попытается выкинуть тот же фокус — разобраться в психологии бушующей и мечущейся за стенами твари. Но на что она может надеяться?

— Более прекрасные? — Хвост саламандры забился, оставляя на мостовой глубокие борозды.

Из тела саламандры вылетели огненные шары, посыпался дождь красных, голубых и желтых искр. Прямо как Четвертого Июля. Мелькнула сумасшедшая мысль: так бьется об пол ребенок в припадке истерики.

— Более прекрасные! Более могущественные. Ты посмела сказать это... А-а-а! — В нетнущемся языке пламени сверкнули раскаленные добела зубы. — Посмотрим, какой ты станешь, когда я сожгу тебя! Ты умрешь от удушья!

Голова саламандры метнулась к разбитому окну фасада. Она не смогла проникнуть сквозь железную преграду, но начала высасывать воздух. Вдыхать его и выдыхать. Волна пышущего, как из топки, жара отбросила меня назад. Я задыхался.

— Боже мой... Она хочет сожрать кислород! Оставайся здесь!

Я прыгнул к двери. Джинни пронзительно закричала. Выскочив наружу, я услышал ее слабое:

— Нет!..

На меня лился слабый свет. Прохладный, от которого я

затрепетал. Вокруг беспокойно плескались огни пожаров. Я припал к горячей обочине и содрогнулся, когда мое тело начало изменяться.

Я был волком. Волком, которого не сможет убить враг. По крайней мере, я на это надеялся. Укороченный хвост ткнулся изнутри в брюки, и я вспомнил, что некоторые раны не поддаются излечению, даже когда я принимаю звериный облик.

Брюки! Черт, будь они прокляты! В горячке я забыл о них. А вы когда-нибудь пробовали стать волком, если на вас напялена рубашка, штаны, нижнее белье — и все это рассчитано на человека?

Я изо всех сил заработал своим влажным носом. Подтяжки соскользнули и обмотались вокруг задних лап. Передние лапы запутались в галстуке, а пиджак радостно превратился во что-то, напоминающее узел.

Обезумев, я катался и рвал одежду клыками. Вдруг осознал, что передо мною выросла саламандра, ее хвост хлестнул меня по спине. Мгновенная опаляющая боль, и вместе с одеждой вспыхнула шерсть и кожа. Но тряпье сторело, и я оказался свободен. Мобильные молекулы моего тела самовосстанавливались в считанные секунды. Полагая, что я выведен из строя, саламандра уже не обращала на меня внимания. Едва понимая, что я делаю, я подхватил зубами свалившуюся с уменьшившейся ступни туфлю, приставил к ближайшему, раскаленному добела пальцу ноги саламандры и обеими лапами стал изо всех сил натягивать.

Она взревела. Развернулась кругом, готовая снова напасть на меня. Разинула пасть. Она могла перекусить меня пополам. Я быстро отскочил в сторону. Чудовище остановилось, оценило разделяющее нас расстояние. Вспыхнув, исчезло и материализовалось прямо надо мной.

Теперь мне бежать было нскуда. Я вдыхал огонь, сжигающий мое отяжелевшее тело, и корчился в агонии. Я весь превратился в пламя...

11

Одиночество. Его никак не нарушило глядящее на меня лицо. У меня нет слов, чтобы описать его. Только одно — лицо было огромным, и его глаза были глазами трупа. Но тогда я не видел его. Как и не чувствовал холода, более сильного и более мучительного, чем я чувствовал прежде. Потом я услышал голос.

Я не знал его до сих пор, пока он не настиг меня, прошедший вне времени и пространства, но и он не потряс до основания мои чувства и разум, которых у меня не было. И меня покинули всякая надежда и всякая вера.

— Гордись, Стивен. Я лично потрудились, чтобы тебя и твоих спутников настигла смерть. Для этого я сам возбудил в голове дурака мысль о шутке. Зная, что лишь такой путь обеспечит благополучное завершение проводимой мной в мире работы. Задача имела свои тонкости, и я не мог доверить ее никому. И хотя всеобщее

уничтожение — это приятно, но подлинная цель — вовсе не применять материальных бед для человечества. На самом деле мои действия по навлечению гибели на вас двоих могут оказаться хорошим аргументом, если мои слуги поддались провокации. Если они хотят вступить в отношения с тем, Другим. Но опасность, которую вы представляете, станет ясной для всех, лишь когда настанет для этого время. Я не знаю, когда это произойдет, не знаю, как можно будет определить это время. Но я знаю, что ты для нас опасен уже не будешь...

То, чем я был, съезжилось от ужаса. Оно было ничтожнее, чем самая мельчайшая часть ничего.

— И все же, — мерно гремел во мне голос, — тебе не обязательно умирать, Стивен. Я предчувствую, что эта женщина, Вирджиния, может оказаться худшим врагом, нежели ты. Да, я предвижу, что, лишившись ее, ты — не угроза Плану. Но она без тебя будет представлять не меньшую опасность, если не большую. Прими во внимание ее ловкость и сноровку, ее таланты. Она, в отличие от тебя, дважды попавшего в ловушку, не попалась ни разу. Прими во внимание также силу ее духа. Желание отомстить за тебя может побудить ее к выяснению истинной подоплеки случившегося. Или, может быть, она предпримет еще что-нибудь. Не могу сказать, что именно. Но я вижу, что, хотя ты и горишь, она в ловушке еще не полностью. Хочешь ли ты жить? Хорошо жить, Стивен?..

Что-то более слабое, чем свет, дошедший от самой дальней звезды, вспыхнуло во мне.

— Что я должен для этого сделать?

— Служить мне. Подчиняться моим чарам. Саламандра выпустит тебя, не причинив непоправимого вреда. После того как раны заживут, тебя ждет одно: долгая и счастливая жизнь. Это гарантируют мои чары. Показав, что ты свободен, вызови ее из дома. Будешь усыплять ее бдительность до тех пор, пока над нею, как над тобой раньше, не материализуется саламандра. Если ты не согласишься, то возвращайся обратно и спори заживо...

Большее, чем неизмеримая бесконечность, отделяло меня от Вирджинии. У меня не было тела, которое могло бы ответить «да» или «нет». Но точка, которой я сделался, представила, что Вирджиния испытывает ту же познанную мною муку. И от этой мысли, откуда-то из иного безвременья, вырвалась неимоверная ярость, сплавленная с неимоверной ненавистью, и все, что происходило (или этого не было?), взорвавшись, кануло в породившую его пустоту...

Думаю, что бешенство настолько пересилило муку, что я вновь стал сражаться.

Я так думаю. Мне рассказывали, что я сцепил клыки на некотором месте, которым уселась на меня бестия. Говорили, что я кусался и пытался удержать ее на месте. Но боль была слишком сильной, чтобы я мог помнить что-нибудь, кроме самой боли.

Потом саламандра исчезла. Улица была пустой и темной. Лишь

луна и вдали — уцелевший уличный фонарь. И неровный красный отблеск горящих зданий. Тихо, если не считать хруста и блеска пожаров. Когда я очнулся настолько, что вернулось обоняние, первое, что я уловил, был кислый запах дыма.

Это продолжалось несколько минут. Несожженной ткани едва хватило, чтобы восстановить остальное. Когда здоровье вернулось, моя лохматая голова лежала на коленях Джинни. Похожим на пересохший ремень языком я слабо лизнул ее руку. Будь я человеком, я предпочел бы сохранить позу, приданную мне Вирджинией. Но я обладал волчьим инстинктом и потому, приложив максимум усилий, поднялся и издал слабый хриплый вой.

— Стив... Боже Всемогуший, Стив, ты спас нас! — шептала Джинни. — Еще несколько минут, и мы бы задохнулись. У меня и сейчас словно песок в горле...

Спрыгнув с прилавка и мякнув, к нам гордо подошел Свертальф. Он выглядел так же самодовольно, как только может выглядеть кот с подпаленными усами и бакенбардами.

Вирджиния прерывисто рассмеялась и объявила:

— Но ты должен этому деятелю пинту сливок или еще что-нибудь в этом роде. Как ты склонил чашу весов в нашу сторону, так и он сделал для тебя то же самое. По крайней мере, подсказал, как помочь тебе.

Я наострил уши.

— Он открыл пивные краны, — сказала она, — а я начала наполнять кувшины и бросать их через дверь в саламандру. Это стало беспокоить ее, она стала уворачиваться. Видимо, ее ослабило действие пара и давление, когда ты пустил в ход свои челюсти. — Джинни ухватила меня за шею. — Эти секунды, пока ты удерживал ее... это же настоящий подвиг!

Пиво! Качаясь, я поднялся на ноги и потащился в глубь пивной. Ничего не понимающие Свертальф и Джинни следовали сзади. Я закусил губу и показал мордой на ближайшие стаканы.

— О, понимаю, — Джинни щелкнула пальцами, — ты хочешь пить... Ты же обезвожен. Она налила литровую кружку. Захлебываясь, я выкакал ее и показал, что хочу еще.

Джинни покачала головой:

— Ты заставил саламандру убраться, но нам еще предстоит иметь с ней дело. Далее будет простая вода.

Метаболизм моего тела перераспределит влагу. Я почувствовал, что окончательно выздоровел. И первая по-настоящему хорошая мысль — надо надеяться, что в дальнейшем пиво не будет тратиться на драку с Духами. Вторая мысль — что бы ее слова ни означали, нам следует заняться этим как можно скорее.

За все приходится платить. Беда оборотней в том, что, приняв иной облик, они, естественно, обладают звериными мозгами. Лишь сверху неглубокий поверхностный слой человеческой личности. Или, говоря проще, будучи волком, я, по человеческим меркам, отличался редкостной тупостью. Я был способен понять лишь одно: будет лучше,

если я снова превращусь в человека. Поэтому я вышел через открытую дверь в лунный свет и приступил к превращению.

Вы сталкивались когда-нибудь с разъяренной пантерой? Отборнейший мат. Я визгливо завыл и начал превращаться обратно.

— Подожди-ка, — решительно сказала Джинни. — Она сбросила с себя обгоревшее, хотя вполне еще пригодное к носке, отделанное мехом пальто.

Сомневаюсь, что когда-нибудь кого-либо одевали быстрее. Пальто очень жало в плечах, но было достаточно длинным, если я вел себя осторожно. Ночной ветер холодил мои голые колени, зато лицо по-прежнему жгла саламандра.

Это одна из причин, по которым среди моих тревог отсутствовала мысль о встреченном мною видении. Другая причина — непосредственно угрожающая нам опасность, опасность сиюминутная, реальная. Кроме того, уж очень неправдоподобно было пережитое мною. Сознательная реконструкция расплывшегося воспоминания о случившемся причиняла просто физическую боль. Даже более сильную, чем когда я вспомнил о предыдущем случае. И, наконец, не уверен, чтобы вообще хотелось думать об этом.

В голове мелькнуло: дважды, когда я умирал, терял сознание, у меня были схожие видения. Может, следует обратиться к психиатру? Нет, это было бы глупо. Увиденное — не более чем идиосинкразическая реакция на травму. Скорее всего, подобного рода травм в моей жизни больше не будет.

И я забыл обо всем этом, а затем торопливо спросил:

— Куда теперь? Проклятая тварь может быть где угодно.

— Думаю, она околачивается возле студенческого городка. Там ей достаточно места, где разгуляться, а она не слишком торопится. В путь.

Пивной зал тлел. Джинни принесла метлу, и мы взмыли в небо.

— Итак, — сказал я, — мы ничего не добились, лишь потеряли время.

— Нет, не совсем так. Я немного разобралась в ее психологии.

Под нами проносились крыши.

Джинни обернулась ко мне:

— Саламандру породили заклинания, и я не знала точно, что она собой представляет. При создании стихийного Духа можно получить практически все что угодно. Но, очевидно, руководитель парада был убежден, что саламандра должна знать английский. У нее есть даже рудиментарный интеллект. Учти при этом изменчивую природу огня. И что мы в результате получаем? Ребенка!

— Ничего себе ребенок! — проворчал я, поплотнее запахиваясь в пальто.

— Нет, нет, Стив, это же важно. Ей присущи три характерные черты, отличающие ребенка. Ограничивающие его черты. Непредусмотрительность, беззаботность, бездумность... Умная саламандра не бушевала бы. Она втихомолку и постепенно накапливала бы силы. А эта даже не понимает, что ей не следует сжигать всю планету. Либо

просто не задумывается о такого рода вещах. Потому что откуда она возьмет после всего этого кислород?

Вспомни также ее фантастическое тщеславие. Она пришла в неопишемую ярость, когда я сказала, что существуют силы более могущественные и прекрасные, чем она. Причем замечания, касающиеся могущества и красоты, разозлили ее одинаково сильно.

У нее нет способности надолго задерживать на чем-либо свое внимание. До того как начать беспокоиться о причинении нам сравнительно незначительных неприятностей, она могла бы сперва убить тебя, либо Свертальфа, либо меня. И она могла бы, когда ты вцепился в нее, скрежеща зубами, выдержать боль на короткое время, не слезать с тебя до тех пор, пока ты не погибнешь...

Ее голос дрогнул, и она торопливо продолжила:

— В то же время, пока ее внимание не рассеивалось, пока ничто не отвлекало ее, она концентрировалась только на одном исходе. Она забыла, что он лишь часть большого целого, и исключала все возможные результаты. — Джинни задумчиво кивнула. — Должен существовать какой-то путь воздействия на ее психику.

Мое собственное тщеславие не такое уж маленькое.

— Я не был сравнительно незначительной неприятностью... — проворчал я.

Джинни улыбнулась и, дотянувшись, погладила меня по щеке.

— Все хорошо, Стив, все прекрасно. Я рада, что ты такой же. Я убедилась, что ты будешь хорошим мужем.

Эта фраза здорово ободрила меня, но хотелось бы знать точно, что она подразумевала под этим.

Мы обнаружили саламандру. Там, внизу, она поджигала театр. Но пока я смотрел на нее, она, полыхнув, исчезла и вновь появилась на расстоянии мили, возле медицинского исследовательского центра. Не выдержав жара, кирпич начал покрываться стекловидной пленкой. Мы приблизились, а саламандра тем временем с раздражением ударила о стенку. Потом она вновь исчезла. Невежественная, импульсивная, как ребенок. Это адское создание.

Развернувшись над студенческим городком, мы увидели свет в окнах административного корпуса.

— Вероятно, здесь устроили штаб, — сказала Джинни. — Сейчас узнаем новости.

Свертальф приземлился на бульвар перед зданием. Мы, спотыкаясь, побрели вверх по ступеням.

Дверь охраняли вооруженные противопожарным снаряжением легавые.

— Эй, вы! — Один из них загородил нам дорогу. — Куда вы направляетесь?

— На совещание, — Джинни пригладила волосы.

— Вот как? — Полицейский взглянул на меня. — Одет и взаправду для совещания...

Все, что творилось этой ночью... Хохот полицейского переполнил чашу терпения. Я превратился в волка и тряхнул легавого за штаны.

Он замахнулся дубинкой, но Джинни превратила его в маленького боа-конструктора. Я снова превратился в человека и предоставил банде полицейских решать возникшие у них проблемы самим. Мы прошли в зал.

Зал совещаний преподавательского состава был набит битком. Мальзус собрал всех своих профессоров. Мы вошли, и я сразу же услышал его звучный голос:

— Постыдно. Власти не захотели прислушаться к моему мнению. Джентльмены! Город выступил против носящего мантию ученого. Мы обязаны защищать честь...

Мальзус замигал, увидев меня и Джинни, входящую со Свертальфом. Его лицо приобрело пурпурный цвет, когда он заметил мои торчащие из-под пальто голые колени. В самом деле, я был в блеске своей славы — отделанное норкой пальто и щетинистый подбородок.

— МИСТЕР МАТУЧЕК!!!

— Он со мной, — отрывисто сказала Джинни. — Пока вы тут заседаете, мы сражались с саламандрой.

— Возможно, чтобы победить ее, требуется нечто большее, чем мускулы, — улыбнулся доктор наук Алан Аберкромби. — Больше даже, чем мускулы волка. Как я вижу, мистер Матучек остался без штанов в самом прямом смысле этого слова...

Джинни холодно глянула на него:

— Я полагала, что ты руководишь гидрой...

— О, у нас уже достаточно специалистов, чтобы использовать одновременно трех водяных Духов, — сказал Аберкромби. — Рутинная работа. Я понял, что мое место здесь. Скоро мы без труда справимся с пожарами.

— А саламандра тем временем зажжет новые, — отрезала Джинни. — И с каждым пожаром она делается все сильнее и сильнее. Пока вы здесь сидите и благодумствуете.

— Ну, моя дорогая, спасибо, — он рассмеялся.

Я так сжал челюсти, что сделалось больно. Джинни, в ответ на смех, улыбнулась. Улыбнулась на самом деле.

— К порядку! К порядку! — гудел президент Мальзус. — Мисс Грейлок, садитесь, пожалуйста. Хотите ли вы что-нибудь добавить к дискуссии?

— Да. Теперь я понимаю, что представляет собой саламандра.

Она заняла место за дальним концом стола. Это был последний оставшийся незанятым стул. Так что мне пришлось с несчастным видом болтаться на заднем плане. Ах, если бы на ее пальто было больше пуговиц!

— Так вы знаете, как ее можно уничтожить? — спросил профессор алхимии Линден.

— Нет, но я поняла ее образ мышления.

— Нас больше интересует, как ею можно управлять, — сказал Линден. — Как мы можем, наконец, от нее избавиться? — Он

прочистил горло. — Очевидно, прежде всего нам нужно понять, какой процесс позволяет ей быстро передвигаться.

— Ну, это просто, — пыхнул трубкой Грисволд.

Его голос был заглушен басом Линдена:

— Процесс, в основе которого лежит, конечно, общеизвестное свойство взаимодействия огня со ртутью. Поскольку, в сущности, в наши дни в каждом доме есть, по меньшей мере, хоть один термометр...

— При всем моем уважении, дорогой сэр, — прервал его астролог Витторио, — должен сказать, что вы говорите сущий вздор. Дело просто в том, что Меркурий и Нептун, совпав с созвездием Скорпиона...

— Вы не правы, сэр, — возразил Линден. — Крайне не правы! Давайте справимся в «Арс тауматургика»... — Он пошарил руками в поисках своего экземпляра, но тот куда-то пропал.

Алхимику пришлось, чтобы найти книгу, пропеть адаптированный вариант заклинания, используемого племенем Добу при поисках бататов.

А Витторио тем временем вопил:

— Нет, нет и нет! Совпадение со Скорпионом, если учесть, что им противостоит Уран в своем восхождении, что я легко могу доказать... — Он подскочил к доске и принялся чертить на ней диаграмму.

— Ну вот, поехали! — вмешался метафизик Джаспер. — Не понимаю, как вы оба можете так ошибаться. Как было доказано мной в докладе, прочитанном на последней конференции «Тройственных англосаксонцев», внутренняя природа матрицы...

— Это было опровергнуто еще десять лет назад, — закричал Линден. — Средство...

— Динг эн зих... — Непонятно на каком языке.

— Уран...

Я украдкой подобрался к Грисволду и дернул его за рукав. Он последовал вслед за мной в угол зала.

— Ладно, как же действует эта окаянная тварь? — спросил я.

— В основном ответ дает квантовая механика, — прошептал он. — Согласно принципу неопределенности Гейзенберга, существует определенная вероятность нахождения фотона в какой-либо точке пространства, чтобы изменить свои пространственные координаты обычного дифракционного процесса. Наблюдается пси-переход. В результате она переходит от точки к точке, не пересекая разделяющее пространство и не появляясь в нем. Это очень напоминает скачок электрона, хотя, если быть точным, аналогия не совсем корректная, ибо меняется влияние...

— Ладно, это не важно, — вздохнул я. — Наш разговор делается чуточку беспорядочным. Не лучше ли нам...

— Заняться первоначально поставленной целью, — согласился подошедший к нам Аберкромби.

За ним к нам присоединилась Джинни.

Тем временем Линден успел подбить глаз Витторио, а Джаспер забрасывал их обоих кусками мела.

Наша оставшаяся вне схватки группа отошла поближе к двери.

— Я уже нашел ответ на нашу проблему, — сказал Аберкромби. — Но мне нужна помощь. Волшебство трансформации. Мы превратим саламандру во что-то иное, с чем мы сможем легко справиться.

— Это опасно, — сказала Джинни, — понадобятся действительно сильные заклинания, а это такая вещь, что результаты могут оказаться обратными. Что тогда случится, предсказать невозможно.

Аберкромби выпрямился и уставился на нее с благородной болью:

— Ради тебя, моя дорогая, я готов встретить любую опасность... Она посмотрела на него с восхищением.

Меня всего скрутило.

— Пойдем, — сказала она, — я тебе помогу.

Грисволд схватил меня за руку:

— Не нравится мне это, мистер Матучек, — поведал он. — Искусство трансформации слишком ненадежно. Должен, наверное, существовать какой-то иной метод, основанный на законах природы. На законах, которые можно было бы выразить качественно.

— Да, — печально сказал я. — Но что это за метод?

Я пошел к склонившимся над книгами головами Джинни и Аберкромби. Рядом вышагивали Грисволд и Свертальф, дергающий хвостом из стороны в сторону. Профессора ничего не замечали, они были слишком заняты собой.

В химическом отделе были необходимые нам вещества.

Мы вышли и проследовали мимо бесившейся втихомолку (мы их хорошо запугали) банды полицейских. Вот и наша цель. Мы вошли в отозвавшуюся эхом темноту. Лаборатория первого курса. Длинная комната, в которой рабочие столы со скамьями, полки и тишина. Грисволд включил свет.

Аберкромби осмотрелся.

— Так, нам придется затащить сюда саламандру. Она обязательно должна быть здесь, иначе мы ничего не сможем сделать.

— Действуй и будь наготове, — сказала Джинни Аберкромби. — Я знаю, как заманить сюда эту бестию. Небольшая трансформация.

Она подготовила пробирки, заполнила их различными порошками и бегло начертила на полу символы. Уже были подготовлены к работе увенчанные шарами волшебные палочки.

— Что вы надумали? — спросил я.

— Ох, не путайся под ногами! — воскликнула Джинни.

Я сказал себе, что это вызвано всего лишь слабостью и отчаянием. Но все равно было больно.

— Мы, разумеется, используем ее тщеславие. Я приготовлю римские свечи, ракеты, заряды. Выпустим в воздух все это, и, естественно, она явится продемонстрировать, что она способна сотворить еще более эффектные штучки.

Грисволд и я забились в угол. Началась большая игра. Если

честно, я был напуган. Костлявые колени крошки-ученого стучали друг о друга, выбивая дробь маршевого ритма. Даже Джинни... Да, на ее гладком лбу выступили бусины пота. Если задуманное им удастся, мы, вероятно, приговорены. С нами покончит либо саламандра, либо непредвиденная отдача заклинания. И мы понятия не имели, не сделалась ли тварь слишком большой, чтобы ее удалось трансформировать.

Подготовив свои огненные изделия, ведьма подошла к открытому настежь окну и высунулась. Голубые и красные шары, рассыпая потоки золотых искр, с шипением унеслись в небо и там взорвались.

Аберкромби закончил чертить свои диаграммы. Улыбаясь, обернулся к нам:

— Прекрасно! Все под контролем. Я обращаю энергию саламандры в материю. Как вам известно, E равняется MC^2 в квадрате. Матучек, зажгите бунзеновскую горелку и поставьте на нее мензурку с водой. Грисволд, выключите и включите свет, а потом включите полярOIDные лампы. Нам понадобится поляризованное излучение.

Мы повиновались, хотя меня корежило при виде старого, заслуженного ученого, мечущегося в качестве лаборанта согласно снисходительным указаниям этого карточного паяца. Вот уж ловкач — мечта рекламного агентства...

— Вы полностью убеждены, что это сработает? — спросил я.

— Разумеется, — он улыбнулся. — У меня есть опыт. Во время войны я был в Интендантском корпусе.

— Так, — сказал я, — но превратить грязь в солдатские пайки — это не то же самое, что трансформация этого чудовища.

Мне вдруг сделалось тошно. Я вспомнил, как он напортачил с гидрой. Я понял правду. Аберкромби был уверен, он не боялся потому, что знал слишком мало!

С минуту я не мог пошевелить ни одним мускулом. Грисволд с несчастным видом нес в руках какие-то металлические предметы. В былые дни, он, кажется, использовал их, когда проводил с первокурсниками эксперименты. Он пытался научить их обращаться с химическим оборудованием. Боже, это было так давно, кажется, миллионы лет назад...

— Джинни! — Я, спотыкаясь, кинулся к окну, возле которого стояла Вирджиния. За окном в воздухе зависла радуга. — Господи, дорогая, остановись...

Грянул гром, и в комнате появилась саламандра. Полуослепший, я отшатнулся назад.

Ужасающе выросшая саламандра заполнила всю противоположную часть лаборатории.

Поверхности столов и скамеек начали дымиться.

— Ах, так! — От крика чуть не лопнули барабанные перепонки.

Свертальф взвился на верхнюю полку и опрокинул на паразитку бутылку с кислотой. Она этого не заметила.

— Та-ак! Маленькие влажные букашки, вы пытались превзойти меня?!

Аберкромби и Джинни подняли свои волшебные палочки и выкрикнули несколько коротких слов. Заклинание трансформации.

Припав к полу в углу, я пытался хоть что-нибудь разглядеть сквозь клубы вонючего кислотного пара. И увидел: Джинни пошатнулась, а затем, спасаясь, отпрыгнула в сторону. Она явно поняла, что результат оказался не тот, которого ожидали.

Раздался взрыв, в воздух полетели осколки стекла...

Меня прикрывало тело Грисволда, а волшебство всего лишь превратило меня в волка. Джинни стояла позади скамейки на четвереньках. Она была почти без сознания, но невредима. Благодарение, вечное благодарение охраняющим нас Силам! Невредима...

Свертальф... На полке таяла пекинская болонка. Аберкромби исчез. Зато к двери мчался, стеной, шимпанзе в твидовом костюме.

На пути обезьяны грохнул взрывом огненный шар. Она завертелась, завизжала и отскочила от поднявшихся клубов пара. Саламандра изогнула спину и заревела.

Это она смеялась.

— Так вы хотели испробовать свои штучки на мне! Всемогущей, Ужасной, Прекрасной?! Ну, вы попрыгаете... как вода на раскаленной сковородке! И я, я — та сковородка, на которой вы будете поджариваться!

Почему-то отдающая низкопробной мелодрамой речь саламандры не казалась нелепой, это была обладающая детским разумом, хвастливая, бесчувственная, пожирающая все тварь, которую выпустили на Землю, чтобы она обратила в пепел и дома человека, и самого человека.

Оказавшись под поляризованным светом, я вновь превратился в человека и вскочил на ноги. Грисволд открыл водопроводный кран и, зажав пальцем, направил на саламандру струю воды. Саламандра раздраженно зашипела. Что ж, вода по-прежнему вредила ей, но потушить саламандру мы не могли, у нас было слишком мало жидкости. Теперь для этого понадобилось бы целое озеро.

Голова саламандры качнулась. Она разинула пасть, целясь в Грисволда, и длинным толчком выдохнула:

— Все суeta и тщеславие...

Я перекатился к бунзеновской горелке, на которой кипела никому не нужная мензурка. Взгляд Джинни сквозь свесившуюся на глаза обгоревшую челку. От жара комната пошла кругом, с меня потоками лил пот. Нет, не было у меня никакого озарения, мною руководил голый инстинкт и беспорядочно кувыркающиеся воспоминания.

— Убей нас! — крикнул я. — Убей, если смеешь. Наш слуга более могуществен, чем ты. Он разыщет тебя на краю света!

— Ваш слуга? — словно свивались языки пламени.

— Да... Я всерьез говорю! Да, наш слуга: огонь, который не боится воды!

Зарывав, саламандра немного отступила. Она еще не настолько окрепла, чтобы страшное имя Воды не заставило ее заколебаться.

— Покажи мне его. — Она дрожала. — Покажи... Я посмею...

— Наш слуга... маленький, но очень могущественный, — скрежетал я. — Он ярче и прекраснее тебя. И ему не страшна стихия Воды! — Я, шатаясь, добрался до банки, где лежали обломки металла. Щипцами вытащил пару кусков. — Осмелишься ли ты посмотреть на него?

Саламандра рассвирепела.

— Осмелюсь ли я? Спроси лучше, посмеет ли он сравниться со Мной?

Я глянул искоса. Джинни поднялась на ноги. Она уже схватила свою палочку, глаза ее сузились.

Тишина повисла в этой комнате, словно в ней сконцентрировалась тяжесть всего мира. И в ней пропали, сгладились все еще оставшиеся на свете звуки: и треск огня, и невнятное обезьянье бормотание Аберкромби, и негодующее твяканье Свертальфа. Щипцами я взял узкий и длинный кусок магния и поднес его к пламени горелки.

Металл вспыхнул голубовато-белым пламенем. Я отвернулся. Глаза не выдерживали ослепительного фиолетового сияния. Даже саламандра засверкала менее ярко. Зверюга было попыталась сравниться с ним, но этот подвиг был ей не под силу... Она отпрянула.

— Смотри! — Я еще выше поднял пылающий кусок.

Из-за спины донеслось быстрое бормотание Джинни:

— О, Индра, Абадонна, Люцифер...

Детский разум, не способный охватить более одного объекта в один промежуток времени... но как долго протянулся этот промежуток? Я должен полностью владеть вниманием, нам нужно 120 секунд.

— Огонь, — саламандра была обеспокоена. — Всего лишь еще один огонь. Крохотная часть породившей меня силы.

— Способна ли ты на подобное чудо?

Я сунул кусок в мензурку. Из воды вырвался клуб пара. Вода зашипела, пошла пузырями. Но металл продолжал гореть.

— ...абире экс орбис территория... — благословенно шептал Грисволд.

— Это какой-то фокус! — завизжала саламандра. — Это невозможно, если этого не могу даже Я! Нет!

— Оставайся там, где стоишь! — гаркнул я в лучших армейских традициях. — Ты все еще сомневаешься, что мой слуга настигнет тебя всюду, где бы ты ни скрылась?!

— Я убью это маленькое чудовище!

— Приступай немедленно, дружище! — согласился я. — Не хочешь ли ты устроить дуэль на дне океана?

В поднятый нами шум вплелись пронзительные свистки. В окнах появились полицейские.

— Я покажу вам! — рев едва не перешел в рыдание.

Толкнув сперва Грисволда, я нырнул под лавку. На то место, где я только что стоял, обрушился фонтан пламени.

— Цып, цып, цып, — звал я. — Все равно не сможешь поймать меня! Ты же боишься, кошка драная!

Свертальф кинул на меня негодующий взгляд.

Пол затрясся, когда Дух кинулся на меня. Саламандра не огибала столы и скамейки, а просто прожигала себе сквозь них дорогу. Огненный жар вцепился в меня, вцепился когтями в глотку. Извиваясь, я катился во тьму.

И все кончилось.

Джинни вскрикнула с триумфом:

— Амен!

И в опустевшем воздухе грохнул разряд грома.

Кренясь и шатаясь, я встал на ноги. Джинни упала мне на руки. В лабораторию полезла полиция. Грисволд проверещал, что нужно позвонить в департамент Огня и Пожаров, пока еще не все здание обратилось в дым.

Свертальф соскочил с полки. Он забыл, что пекинской болонке не присуща кошачья ловкость. В итоге в его выпученных глазах кипело глубокое и праведное негодование...

12

Снаружи, на бульваре, было прохладно. Мы сидели в покрытой росой траве. Я смотрел на луну и думал, как это много и удивительно — жить. Лицо Джинни светилось нежностью. Мы едва ли обращали внимание на тех, кто бежал мимо, крича, что саламандра исчезла. Мы почти не слышали трезвона церковных колоколов, возвещавших новость людям и небу.

Пробудил нас своим лаем Свертальф.

Джинни тихо рассмеялась:

— Бедняга! Как только смогу, сразу же превращу его в кота. Но сейчас у меня есть более неотложные дела. Идем, Стив.

Грисволд, убедившийся, что его бесценная лаборатория уже в безопасности, следовал за нами, тактично сохраняя дистанцию. Свертальф остался на месте. Полагаю, что он просто не мог двигаться, его слишком потрясла мысль, что могут быть дела более важные, чем превращение его обратно в кота.

Доктор Мальзус встретил нас на полдороге, как раз под одним из фонарей Святого Эльма. Лунный свет неровно высвечивал его лицо. Пенсне блесло.

— Моя дорогая мисс Грейлок! — начал он. — Это действительно правда, что вы отвели от общества нависшую над нами угрозу? Ваши действия в высшей степени заслуживают внимания. В славные анналы этого славного заведения, в котором я имею честь быть президентом...

Подбоченясь, Джинни повернулась к нему и пригвоздила на месте ледяным взглядом, с каким он наверняка никогда не сталкивался.

— Похвалы следует адресовать мистеру Матучеку и доктору Грисволду. Так я и информирую прессу. Не сомневаюсь, что у вас

появится желание рекомендовать увеличение ассигнований на имеющие громадное значение исследования доктора Грисволда.

— Ох, но, право... — заикаясь, начал ученый, — я не...

— Замолчите, вы, простофиля, — шепнула Джинни. И громко: — Лишь благодаря проявленной смелости и дальновидности, лишь благодаря его приверженности основополагающим современным теориям, глубокому знанию законов природы... Мальзус, остальное вы сможете добавить сами. Не думаю, чтобы вы были особенно популярны, если и далее будете держать возглавляемый доктором Грисволдом отдел на голодном пайке.

— О... действительно... в конце концов... — Президент распрямил плечи. — Я уже собирался внимательнейшим образом обсудить высказанную вами идею. Точнее, она будет рекомендована к утверждению на ближайшем заседании правления.

— Я поддержу вас в этом, — сказала Джинни. — Далее: это дурацкое правило, ограничивающее отношения преподавателей и студентов. Мистер Матучек в недалеком будущем станет моим мужем...

Бац! Я попытался вновь обрести дыхание.

— Дорогая мисс Грейлок, — забрызгал слюной Мальзус. — Правила приличия, пристойность... у него неприличен даже внешний вид.

Я с ужасом понял, что я в суматохе каким-то образом даже потерял пальто Джинни.

Появились двое легавых, они тащили кого-то волосатого, бьющегося в их руках... Третий нес свалившуюся с шимпанзе одежду.

— Простите, мисс Грейлок. — Это было сказано чрезвычайно почтительным тоном. — Мы нашли эту потерявшуюся обезьяну и...

— Ах, да. — Джинни рассмеялась. — Нам придется вернуть ей прежний облик, но не прямо сейчас. Стив больше нуждается в этих брюках.

Я нырнул в штаны, словно змея в нору.

Джинни обернулась с ангельски сладкой улыбкой к Мальзусу:

— Бедный доктор Аберкромби, — вздохнула она. — Вот что случается, когда имеешь дело со сверхъестественными силами. Полагаю, сэр, что у вас нет правил, запрещающих представителям профессорско-преподавательского состава проводить исследования?

— О, нет, — сказал президент дрожащим голосом. — Разумеется, нет. Наоборот, мы надеемся, что наши сотрудники в своих публикациях...

— Ну, конечно, полагаю, что наиболее интересные исследовательские проекты будут предусматривать изучение трансформации. Допускаю, что это немного опасно. Волшебство трансформации может привести к нежелательным результатам, как это случилось с доктором Аберкромби.

Джинни оперлась на свою волшебную палочку, задумчиво скользя взглядом по дерну.

— Может случиться, да, есть маленькая вероятность, что в

обезьяну превратитесь вы, дорогой доктор Мальзус. Или, например, в червя. В длинного скользкого червя. Но мы не позволим, чтобы эти обстоятельства препятствовали развитию науки. Не так ли?

— Что?! Но...

— Естественно, — мурлыкала ведьма, — если бы мне предоставляли возможность общаться с моим женихом так, как мне хочется, то у меня не было бы времени на подобного рода исследования.

Чтобы признать поражение, Мальзусу пришлось потратить лишних пятьдесят слов. Покосившееся величие — он не сдавался до тех пор, пока над студенческим городком не погас последний отблеск фонаря.

Джинни неторопливо скользнула по мне взглядом:

— Правило не может быть официально отменено вплоть до завтрашнего утра, — шепнула она. — А тогда... ты сможешь пропустить несколько лекций?

— Ка...ак? — сказал доктор Алан Аберкромби.

Затем появился полный негодования Свертальф и загнал его на дерево...

13

Сейчас — короткая интермедия. Первый учебный год закончился для нас. Джинни гордилась моими сплошными пятерками по шаманизму и математическому анализу. Она помогала мне в критические моменты по колдовским языкам. (Грисволд оказал мне такую же услугу по электронике.) Поскольку мы решили сыграть нашу свадьбу в июне, Джинни пришлось кое-что изменить в своих учебных планах.

Думайте о бывшей высокооплачиваемой нью-йоркской ведьме все что угодно, но не считайте ее наивной. Конечно, у Джинни был характер. Приобрела она и своего рода опыт. Однако специализировалась она в тех областях Искусства, где помимо упрямой верности и чистоты характера требуется также и невинность. Такого рода специалистки оплачиваются соответственно. Теперь моей девочке, которая соединила лед и пламень, придется сделаться всего лишь новобрачной. Ну и что из этого? В следующем году она приобретет необходимые знания и компенсирует свое замужество.

Мы не могли полностью скрыть от средств массовой информации нашу роль в тушении саламандры. Но Мальзус, оглушительно трубачий, что университет спас этот прекрасный городок от гибели, страстно желал нашей дружбы. И с его помощью мы ухитрились сбить газетчиков с толку. Так что скоро общественность перестала нами интересоваться.

Грисволд чуть не тронулся, получив ассигнований больше, чем он, по его мнению, заслуживал.

Заодно его возмущало, что мы получили меньше, чем заслуживали.

Это продолжалось до тех пор, пока мы не узнали, что выделенные ему деньги необходимы на модернизацию отделов, а врученные нам — всего лишь для того, чтобы гарантировать наше уединение. Кроме того, нам хотелось быть уверенными, что правило, касающееся свиданий, так и останется аннулированным. И что в прочих аспектах наша жизнь в Трисмегисте не окажется невыносимой.

Так что пришлось заключить с Мальзусом молчаливое соглашение о сотрудничестве: не дать прилипнуть к нему клейму труса, а напротив, способствовать восстановлению его чувства собственного достоинства.

Вот так, быстро, и протекли зима и весна. Все было чудесно и изумительно.

Я мог бы пропустить весь этот период, но не могу удержаться от того, чтобы не остановиться на... на, по крайней мере, одном моменте.

— Нет, — сказал я партнеру и другу моей невесты. — Медовый месяц мы проведем без тебя.

Он прижал уши и возмущенно сказал:

— Фрр-мя!

— Ты прекрасно проведешь весь месяц в этой квартире. Управляющий обещал кормить тебя каждый вечер. В то же время, когда он ставит молоко для домового. И не забывай, что, если приходит домовой, ты не должен за ним охотиться. Ты делал это уже три раза подряд, когда мы с Джинни уходили обедать. После последнего случая добрый народец превратил наше мартини в сладкую воду.

Свертальф сверкнул желтыми глазами и забил по бокам хвостом. Я вообразил, что такое для кота те, кто, черт возьми, величиной с мышь и спасается бегством, словно мышь... Что ж, они должны рассчитывать, что с ними не будут обходиться, словно с мышами.

— Он будет приходить сюда, чтобы стирать пыль и менять твой же песок, — напомнил я самым непреклонным голосом. — Ты можешь покидать квартиру, если тебе захочется свежего воздуха. В любую минуту бери метлу и лети в дымовую трубу. Но домовый неприкосновенен, запомни это, хвостун. И если я, вернувшись, узнаю, что ты гонялся за ним, то превращусь в волка, и ты будешь отсиживаться на дереве, понял?

Свертальф дернул хвостом в мою сторону, а затем поставил его вертикально.

В комнату вошла Вирджиния Грейлок, которая несколько часов назад (не могу поверить) стала миссис Матучек. Я увидел ее: высокую, изящную, тонкую, в белом платье, увидел ее прекрасное лицо и облако рыжих волос, падающих на плечи.

Я был так ошеломлен, что воспринял ее голос, как симфоническую поэму.

Ей пришлось повторить:

— Дорогой, ты абсолютно уверен, что мы не можем взять его с собой? Это такое испытание для его нервов!

Я очухался достаточно, чтобы ответить:

— Его нервы сделаны из оружейной стали. Это прекрасно, что он

хочет спать с нами в одной постели... Когда мы вернемся, допускаю, что это разумно... Но неразумно, если весь мой медовый месяц на моем животе будут находиться пятнадцать фунтов веса черного колдовского кота. Кроме того, что еще хуже, он предпочитает твой живот...

Джинни залилась румянцем:

— Будет непривычно и странно, если я, после стольких лет, останусь без него. Он мой близкий друг. Если он обещал вести себя хорошо...

Свертальф, успевший забраться на стул, терся об ее бедро и мурлыкал. Мне в голову пришла неплохая мысль. И все же я опустил поднятую было ногу.

— Он не способен вести себя хорошо. И он не нужен тебе. Мы же собираемся забыть обо всем на свете, забыть о делах, так ведь? Я не буду штудировать никаких текстов, не стану навещать моих товарищей-оборотней. Мы даже не посетим семейство койотов-оборотней из Акапулько, тех, которые приглашали нас. Ты не собираешься ни заниматься колдовством, ни посещать шабаши. Мы с тобой будем вдвоем, и я не хочу, чтобы твоя мохнатая штучка... — я моментально осекся.

Но Джинни ничего не заметила. Она лишь вздохнула, и, кивнув, начала гладить спину коту.

— Хорошо, дорогой, — сказала она, и будто в ней щелчком возродилось былое. — Решил напялить семейные кальсоны? Наслаждайся, покуда сможешь.

— Намерен это делать всегда, — похвастался я.

Она вздернула голову:

— Всегда? — Потом поспешно добавила: — Нам пора отправляться. Все упаковано.

— Давай, супруга, — согласился я.

Она показала мне язык.

Я погладил Свертальфа.

— До свидания, дурачок. Надеюсь, ты не в обиде?

Он легонько куснул мою руку и заявил, что не согласен.

Джинни крепко обняла его, затем схватила меня за руку и торопливо повлекла к двери.

Дом, в который нам предстояло потом вернуться, находился вблизи Трисмегиста. Наша квартира была на третьем этаже. Наша состоявшаяся утром свадьба была тихой и скромной. Несколько друзей в церкви, потом завтрак у кого-то из них дома. А затем мы сказали им: «До свидания». Нью-йоркские родственники Джинни и мои — в Голливуде были богаты. Они скинулись и подарили нам персидский ковер. Подарок нас несколько потряс, но покажите нам новобрачных, которым бы не хотелось немного роскоши.

Ковер лежал на лестничной площадке под лучами солнца, его краски пылали. На заднем конце громоздился багаж. Мы уютно усьлились бок о бок на подушках из полимеризованной морской пены. Джинни прошептала слова команды. Ковер двинулся так плавно, что

я не заметил, как мы поднялись в небо. Ковер не обладал такой скоростью, как спортивная модель помела, но триста драконьих сил вынесли нас из города за считанные минуты.

Под нами разворачивались громадные районы Среднего Запада. Здесь и там, словно серебряные ленты, блестели реки. Мы неслись, и ни ветерка не проникало сквозь защитный экран. Джинни выскользнула из платья. Она была одета только солнцем. И теперь я понял теорию транзитного переноса. Отсутствие чего-то имеет столь же реальное значение, как и наличие.

Мы летели на юг и купались в солнечном свете. Когда наступили сумерки, мы остановились и поужинали в очаровательном ресторанчике. Нам не хотелось останавливаться в помело-отеле, и мы полетели дальше.

Ковер был мягкий, толстый, покойный. Я хотел было поднять откидной верх, но Джинни сказала, что если мы спустимся пониже, то там будет теплее. И она оказалась права.

Небо было усеяно звездами. А потом поднялась большая желтая луна, и в ее свете половина звезд исчезала. Воздух был наполнен шепотом, внизу была темная земля, и мы слышали, как поет слитный хор кузнечиков. И все, что будет потом, нас не интересовало...

14

Я точно знал, куда мы направляемся. Мой фронтовой друг, Хуан Фернандец, нашел хорошее применение приобретенным в армии знаниям. Он служил в секции пропаганды и создал там немало превосходных сценариев. Теперь он готовил уже не посылаемые на врага кошмары, а сонные серии.

Передачи пользовались популярностью, и заказчики хорошо платили Хуану. По сути, все любили Хуана, если не считать психоаналитиков. Теперь, когда научные исследования привели к созданию эффективной противوماгической техники, психоанализ устарел. Хуан в прошлом году соорудил в стране своих предков дачный домик. Домик был выстроен почти на самом побережье Соноры — это одно из наиболее красивых мест Мидгарда.

Фернандец пригласил меня сюда на этот месяц, и мы с Джинни запланировали на этот срок наш медовый месяц.

В полдень следующего дня мы пошли на посадку. К западу голубым и белым огнем играл калифорнийский залив. Продолженная прибоем широкая полоса песчаного пляжа, и громаздящиеся ярус за ярусом утесы, и, наконец, вся разворачивающаяся к востоку страна — сухая, застывшая, внушающая страх. А вознесенный над спадающим к берегу склоном домик был окружен зеленью.

Джинни захлопала в ладоши.

— О, я никогда бы не поверила, что такое возможно.

— Вы, жители восточных штатов, не знаете, как велика страна. — Я был полон самодовольства.

Она заслонила от спящего солнца и указала:

— А что там такое?

Мой взгляд не мог оторваться от ее руки, я просто вспомнил. Над утесами, примерно в миле к северу от нашего домика и на несколько футов выше, громоздились полуосыпавшиеся стены, окруженные горами камней. В северном углу хмуро встречала ветер торчащая обломанным зубом башня.

— Ла Форталеза, — сказал я. — Построена испанцами в семнадцатом веке. Какого-то дона осенила идея разбогатеть, разрабатывая этот край. Он воздвиг замок в качестве опорного пункта и резиденции. Привез жену из Испании. Но все пошло плохо, и замок вскоре оказался покинутым.

— Давай мы его обследуем.

— Хорошо, если тебе хочется.

Джинни положила руку мне на плечо.

— Стив, почему у них все пошло плохо? Что им противодействовало?

— О... ничего. Я не особенно интересовался Форталезой. Даже будучи человеком, я ощущал там что-то враждебное. Однажды, приняв волчий облик, я отправился туда после наступления темноты, и... это было омерзительно. Это ощущалось не столько физически, сколько... А, не будем об этом.

— Испанцы в те времена обращали туземцев в рабство, — сказала она задумчиво, — не так ли? Вообрази, сколько человеческих смертей видал этот замок. И эти смерти оставили на нем свой след. Но это было уже давным-давно. Мы осмотрим его. Руины очень живописны, и выглядят они отсюда потрясающе. Если тебя действительно беспокоят привидения...

— Дорогая, забудем об этом! Я не подвержен суевериям!

И мы поселились в этом домике и действительно забыли об этом.

Дом был построен под монастырь — белые стены и красная черепичная крыша. Он был окружен двором, где весело играл фонтан, вокруг которого располагался сад. Зелень травы и листьев, красный, белый, пурпурный, золотой узор цветочных клумб завершали красоту дома. Мы были совершенно одни. Почва была насыщена Землей и Водой, следовательно в уходе не нуждалась. Две другие стихийные силы кондиционировали в доме воздух. Кроме того, чистота там тоже поддерживалась волшебными силами (дорогостоящее это удовольствие — закливание чистоты).

Поскольку Джинни временно выбыла из магической деятельности, она приготовила завтрак по-мексикански из привезенных нами припасов. Она была так прелестна в шортах, купальнике и переднике с оборочками, что у меня не хватило духу вылезти с предложениями поучить ее готовить. Джинни громко крикнула от восторга, когда грязная посуда сама полетела на кухню. Она даже пошла за ней следом — вдруг какая-нибудь из тарелок захочет упасть вместо воды на пол.

— Это самая современная посудомойка, о которой я когда-либо слышала, — воскликнула Джинни.

Во второй половине дня у нас было много свободного времени, и мы отправились купаться в прибое. Когда солнце село, мы вскарабкались по желтой скале обратно. Это скала была как лестница, ведущая в небо. Мы проголодались, и я поджарил на углях бифштексы. Мы молчали. Потом мы ушли в патио и оттуда, сидя на сбитых из досок стульях, любовались на море и держались за руки, и звезды высыпали на небо, чтобы приветствовать нас.

— Давай, когда взойдет луна, сменим кожу на шкуру и чуть порезвимся, — предложил я. — Из тебя выйдет очаровательная волчица. Я бы, гм... ну, не важно!

Она покачала головой:

— Я не могу, Стив, дорогой.

— Ты наверняка сможешь. Конечно, понадобится пустить в ход волшебство, но...

— В том-то и дело. У тебя человековолчьи гены. Все, что тебе нужно для изменения, — это поляризованный свет. Но для меня изменение означает большую трансформацию, и... Не знаю. Я чувствую, что не смогу этого сделать. Даже не могу сейчас вспомнить формулы. Вообще ничего не смогу вспомнить. Все, что я знала, смешалось и улетучилось даже в большей степени, чем я ожидала. Мне придется заново пройти курс обучения по самым элементарным вещам. А сейчас... меня может изменить только профессионал.

Я вздохнул. Ведь я надеялся, что мы превратимся в волков. Нельзя по-настоящему узнать мир, если пользуешься только человеческими чувствами и разумом, если не используешь ощущения, присущие зверю. А ведь Джинни, разумеется, часть этого мира... Что ж!

— О'кей, — сказал я. — Тогда позднее, когда ты вновь станешь специалистом.

— Конечно. Мне очень жаль, дорогой. Но если хочешь пробежаться в волчьем облике сам — беги.

— Без тебя, нет.

Она тихо рассмеялась:

— А вдруг у тебя появятся блохи?

Она наклонилась, чтобы укусить меня за ухо.

И тут мы услышали шаги.

Я вскочил на ноги. То, что я бормотал при этом, особым гостеприимством не отличалось. Под бархатным небом, по змеей уходящей в глубь страны тропинке, к нам приближалась какая-то тень.

«Что за черт, — подумал я. — Кто-то из расположенной отсюда в десяти милях деревни? Но...»

Когда я человек, мой нос очень нечуток по моим же волчьим стандартам, но запах, который я вдруг уловил, мне не понравился. Не то чтобы это был неприятный запах. Наоборот, от его острого

аромата полускрытое сумерками лицо Джинни сделалось еще прекраснее. И все же что-то во мне противилось.

Я шагнул навстречу входившему в наше патио незнакомцу. Он был среднего для мексиканца роста, то есть ниже меня. Он двигался так грациозно, что производил шума меньше, чем струйка дыма, и я подумал: «Не ягуар ли оборотень он?» Его гибкое тело было облачено в безукоризненно белый костюм. Сверху — темная накидка, лицо затемнено широкополой шляпой. Затем пришелец снял шляпу и поклонился, лицо его оказалось в луче падающего из окна света.

Я никогда еще не встречал такого красивого мужчину. Высокие скулы, греческий нос, заостренный подбородок, широко расставленные с зеленоватым оттенком глаза, в которых прыгали золотые искры. Кожа блее кожи моей жены, и гладкие, светлые, пепельного оттенка волосы. Я усомнился: мексиканец ли он. Скорее последний представитель некогда существовавшей, а теперь начисто забытой расы.

— Буэнос ночес, сеньор, — грубовато сказал я. — Пардон, пероно хабламос эспаньол. — Это была не совсем правда, но мне не хотелось разводить вежливую болтовню.

Я не мог сказать, был ли ответивший мне голос тенором или контральто, но в любом случае в нем звучала музыка:

— Поверьте мне, добрый сэр, я владею всеми, которые мне могут понадобиться, языками. Молю простить меня, но, увидев издали, что дом освещен, я взял на себя смелость предположить, что вернулся его хозяин. И я решил навестить его, дабы по-соседски поприветствовать.

Выговор был столь же архаичен, как и построение фраз. Гласные, например, звучали по-шведски, хотя в предложениях отсутствовал присущий шведскому ритм. Сейчас, однако, я был удивлен сказанными словами.

— По-соседски?

— Обстоятельства сложились так, что мы — я и моя сестра — живем в том древнем замке.

— Что? Но... — я остановился.

Фернандец не упоминал ни о чем подобном, но, с другой стороны, он и сам не был здесь уже много месяцев. Он купил несколько акров у мексиканского правительства, которому принадлежали и Фортале-за, и окружающие земли.

— Вы приобрели этот замок?

— Несколько комнат замка обеспечили нам вполне комфортабельное существование, сэр, — уклонился он. — Мое скромное имя — Амарис Маледикто.

Его рот так четко очерчен, что было трудно заметить, как полные губы искривились в улыбке. Если бы не запах, бьющий мне в ноздри, я был бы окончательно покорен.

— Вы и ваша леди являетесь гостями сеньора Фернандеца? Добро пожаловать.

— Мы временно поселились в этом доме, — Джинни говорила как-то по-детски, задыхаясь.

Я бросил на нее украдкой взгляд и в желтом, падающем из окна свете увидел, что глаза ее блестят и что она пристально смотрит ему в глаза:

— Нас... Нас зовут Вирджиния... Стивен и Вирджиния Матучек.

С каким-то холодным недоумением я подумал, что новобрачным почему-то кажется, что если они теперь именуются «миссис», то это должно производить впечатление. «Миссис такая-то», и с этой уверенности их не сдвинешь.

— Это очень мило с вашей стороны, что вы навестили нас... Пешком в такую даль. Ваша сестра, она тоже придет?

— Нет, — сказал Маледикто. — И, честно говоря, ей было бы неприятно ваше общество: весьма вероятно, что ее уязвило бы зрелище такой красоты, как ваша. Ваша красота породила бы у нее тоску и зависть.

Ночь была наполнена ароматами цветов. Над головой, над вершинами острых утесов, сверкали звезды, внизу шумело окутанное туманом громадное море. И как ни странно, речь Маледикто не казалась ни дерзкой, ни надуманной. В его словах не было ничего, кроме абсолютной правды. В полусумраке, сгустившемся над патио, я увидел, что Джинни залилась румянцем. Она отвела глаза от глаз Маледикто. Ее ресницы затрепетали, словно птичьи крылья, и она смущенно ответила:

— Вы так добры. Не хотите ли присесть?

Он снова поклонился и мягко опустился на стул, перелившись, словно вода.

Я дернул Джинни за рукав, подтолкнул ее к дому и зашипел с яростью:

— О чем ты думаешь? Теперь мы не избавимся от этого типа на протяжении часа!

Она, не обращая ни малейшего внимания на сказанное, страхнула мою руку таким гневным жестом, которого я не помнил со времен нашей последней ссоры.

— Не выпьете ли немного коньяка, сеньор Маледикто? — спросила она, улыбнувшись ему своей лучезарной улыбкой. — Я принесу. А может быть, хотите сигару? У Стива — «Префектос».

Я сидел, пока она суетилась внутри дома. Какое-то мгновение я был слишком разъярен, чтобы выговорить хоть слово, но заговорил Маледикто:

— Очаровательная девушка, сэр. В высшей степени восхитительное создание.

— Она моя жена, — взорвался я. — Мы приехали сюда, чтобы в одиночестве провести наш медовый месяц...

— О, прошу вас, не подозревайте меня, — его довольный смех смешался, казалось, с бормотанием моря.

Он сидел в тени, и я мог разглядеть только неясные, расплывчатые очертания — черное и белое.

— Я все понимаю и не осмеливаюсь испытывать ваше терпение. Не исклучено, что позже, когда вы познакомитесь с моей сестрой, вам доставит удовольствие...

— Я не играю в бридж.

— Бридж? А, верно, вспомнил. Это новая карточная игра, — он изобразил рукой гипнотический знак отрицания. — Нет, сэр, мы ни других, ни себя не должны заставлять делать то, чего они не хотят. Например, мы не можем прийти с визитом туда, где существует некто, не желающий, пусть даже и невысказанно, нашего появления.

Кроме того, как смог бы человек, поселившийся в таком жилище, как наше, узнать что-либо, кроме того, что у него появились соседи? И теперь я не в силах ответить на вежливое приглашение вашей леди неблагодарным отказом. Не беспокойтесь, сэр, мой визит продлится очень недолго.

Что ж, как всегда, вежливость смягчает гнев. Маледикто мне по-прежнему не нравился, но теперь я мог анализировать свои мотивы, и моя враждебность по отношению к нему уменьшилась. Ярость превратилась в какое-то громадное неприятное чувство третьего лишнего. Что-то, исходящее от него, возможно, его духи, заставляли меня желать Джинни более, чем когда-либо прежде.

Но ярость вновь вспыхнула, когда принесшая коньяк Джинни начала вертеться вокруг него. Она щебетала слишком громко и слишком много смеялась, и, наконец, принялась настойчиво зазывать его к нам завтра обедать.

Я угрюмо прислушивался к их беседе. Он говорил гладко, вкрадчиво, остроумно, но ни разу не ответил прямо на касающиеся лично его вопросы. Я сидел и репетировал, что я выскажу, когда он уберется.

Наконец он поднялся:

— Не смею больше беспокоить вас. Кроме того, дорога на Форталезу проходит по скалам, а я знаком с ней недостаточно хорошо. Так что для того, чтобы не сбиться с пути, придется идти немедленно.

— Но это может быть опасно. — Джинни повернулась ко мне. — Ты должен проводить его до дома.

— Не осмелюсь позволить себе доставить вам подобное затруднение, — возразил Маледикто.

— Это минимум того, что мы можем для вас сделать. Я настаиваю, Амарис. Это не займет у тебя много времени, Стив. Ты говорил, что тебе хочется пробежаться в лунном свете, и, глянь — луна почти поднялась.

— О'кей, о'кей! — гаркнул я так нелюбезно, как только возможно.

Действительно, на обратном пути я смогу превратиться в волка и несколько сбить свою злость. Если же я попытаюсь с нею спорить прямо сейчас и выскажу все, что чувствую, наша вторая часть ночи будет... Это будет скорее не ссора, а Армагеддон.

— Пойдемте.

Он поцеловал ей руку. Она попрощалась таким нежным, таким дрожащим голосом, словно влюбленная первый раз школьница.

У него был фонарик. Он бросал маленькую прыгающую лужицу света, выхватывая из сгущающейся перед нами темноты то камни, то кучно растущие побеги полыни. Лунное зарево над восточным краем разгоралось все ярче. Я почувствовал, как звенели мои нервы. Какое-то время мы наискось поднимались по склону. Тишину нарушало лишь поскрипывание наших туфель.

— Вы не побеспокоились взять с собой светильник, сэр, — сказал наконец Маледикто.

Я хмыкнул. С какой стати говорить ему о колдовском зрении. Я также ничего не сказал ему о том, что я волк-оборотень, которому, чтобы переменить обличье, не нужно иметь фонарик.

— Итак, вам придется взять мой, — продолжал он, — в противном случае обратный путь может оказаться чрезвычайно опасным.

Я знал это. Обычный человек был бы как слепой на этой тропе — даже при ярком лунном свете. Тропа почти стерлась, разглядеть ее было трудно, и все вокруг сделалось искривленным и заполнилось тенями. Если человек потеряет голову, он будет бродить, сбившись с пути, до самого рассвета или, скорее всего, свалится в пропасть и разобьет себе череп.

— Я зайду за вами завтра вечером. — Маледикто удовлетворенно вздохнул. — Ах, сэр, ваше прибытие сюда — это такое редкое счастье. Новобрачные так сильно переполнены любовью, а Сибелита томила, пылая, столь же долго, как и Амарис.

— Ваша сестра? — спросил я.

— Да. Не хотите ли, если вас не затруднит, встретиться с ней этой ночной порой?

— Нет.

Снова воцарилась тишина. Мы спустились в окруженное утесом ущелье. Там было темно, как в желудке. Я уже не видел ничего, кроме тусклого отблеска воды, а сверху лунного сияния. В свете холодных и очень далеких звезд рассмотрел утесы, что возвышаются надо мной. Утесы походили на клыки. Казалось, что мы с Маледикто — последние, оставшиеся в живых.

Он остановился. Его фонарик вдруг потух.

— Доброй ночи, сеньор Матучек, — крикнул он. Его смех звенел, и в нем звучали одновременно зло и красота.

— Что? — Сбитый с толку, я заморгал, всматриваясь во мрак. Тьма сомкнулась вокруг меня. — Что вы имеете в виду, черт побери? Мы еще не дошли до замка!

— Нет. Отправляйтесь туда, если вы того хотите... и если сможете.

Я услышал, как он отправился по тропинке обратно. Камешки под его ногами уже не хрустели. Шаги были мягкие, быстрые, словно прыжки зверя. Он направлялся обратно к нашему дому.

Мгновение я стоял, словно вылитая из свинца статуя. Я слышал

малейшее движение воздуха, шорох полыни. Слышал океан. Затем грохот сердца заглушил все другие звуки.

— Д Ж И Н Н И! — завизжал я и кинулся вслед за ним. Ноги соскользнули со скалы, я упал, разбив до крови руки. Шатаясь, поднялся. Отвесные утесы и обрывы швырнули обратно мои проклятья. Спотыкаясь, я спустился вниз по откосу, продираясь сквозь кустарники и кактусы. Я споткнулся обо что-то, снова упал. На этот раз я ударился головой о булыжник. Удар не был серьезным, но боль пронзила все тело, в глазах взорвались огни, и минуты две-три я лежал без сознания.

15

И тогда я почувствовал в ночи чье-то присутствие. И сквозь безнадежность одиночества, что струилось отовсюду и захлестывало мою душу, я различил натянутую струной надежду.

Мой пристальный взгляд скользнул по переходящему в пропасть откосу. За пропастью тускло мерцало море. Рассудок мой большей частью вернулся. Маледикто искусно убрал меня со сцены. Вероятно, и убил бы, не будь моей тренировки, не принадлежи я к особому виду гомо сапиенс. Этого он не предполагал. У меня было в запасе чуть больше, чем он догадывался. Например, колдовское зрение.

Я пробормотал формулу и почувствовал, как сетчатка глаза изменилась. Теперь я мог видеть на милях. Разумеется, то, что я видел, было нечетким, расплывшимся. Человеческий глаз не может должным образом сфокусироваться в лучах инфракрасного света. Но я начал узнавать местность. Я приблизительно определил путь и помчался к дому.

Было жутко. Я бежал слишком медленно, а Маледикто передвигался с недоступной для человека скоростью.

Над холмами поднималась луна. Было почти полнолуние. Изменение произошло раньше, чем я осознал, что хочу этого. Я не стал останавливаться, чтобы раздеться, на ходу сорвал с себя одежду и понес ее в пасти. Побывавшая в волчьих челюстях, она тут же превратилась в лохмотья. Остались лишь шорты, но тогда мне такое не приходило в голову.

Глаза волка не позволяли мне видеть так далеко. Но обоняние вело меня по утоптанной траве, по собственному следу.

Вдруг до меня долетела и поразила мысль врага. Мысль более ужасная, чем любая боль:

...УСПЕХ В МОИХ РУКАХ, С ТРЕТЬЕЙ
ПОПЫТКИ... ОБА, ОН МЕРТВ, А ОНА
СОВРАЩЕНА. РАСКАЯНИЕ В ЭТОМ
СЛОМИТ ЕЕ... УГРОЗА, КОТОРУЮ МОЖНО
БЫЛО ПРЕДВИДЕТЬ В НИХ, КАК В
ПРИБЛИЖАЮЩЕМСЯ ГРОЗОВОМ ОБЛАКЕ,
ОТВЕДЕНА... НАКОНЕЦ-ТО БЕЗОПАСНОСТЬ...

Маледикто не смог бы так воздействовать на нее сам, во всяком случае, не так сильно... Не мог бы сломить ее любовь, гордость, порядочность... Нет, мою девочку вынудил так действовать сам Искуситель...

Я не знал, какое задумано зло. Но, как вспышка, мгновенно, я увидел ее наедине с Маледикто, и это сожгло и затмило все остальное: боль, слабость, здравый смысл, даже на какое-то время память о глумящемся наблюдателе. Я заревел от ярости и отчаяния, вскочил и побежал.

Мной овладело безумие берсерка. Я не осознавал, что делаю. Несомненно, и это было предусмотрено. Я должен был упасть со скалы и разбиться насмерть. Но полуживотные инстинкты и рефлексы охраняли меня. Думаю, что это было именно так. Внезапно я ощутил, что вымотался. Мне пришлось остановиться. Эта вынужденная пауза дала возможность рассудку справиться с эмоциями. Я огляделся и не обнаружил ни замка, ни нашего дома.

Затем нашел тропу и впитал еще один запах. Теперь я знал, что скрывается за непонятным благоуханием Маледикто.

Демон.

Мне не встречался прежде точно такой же запах, но моему волчьему мозгу было интересно, к какому роду принадлежит демон. В узком моем черепе оставалось пространство лишь для ненависти и спешки.

В поле зрения появился наш домик. Я прыгнул к патио. Никого не было. Выходящее на море окно спальни было открыто навстречу лунному свету... Он держал ее в своих объятиях. Она еще сопротивлялась, отталкивала его. Но глаза ее были закрыты. Она слабела.

— Нет... — шептала Джинни. — Нет. Помогите, не надо, Амарис, Амарис... — ее руки качнулись к его горлу и соскользнули на шею.

Она притянула его лицо. Обнявшись, они качнулись вниз. Мрак окутал спальню.

Я коротко взвыл и вонзил в него зубы. На вкус его кровь не была похожа на человеческую. Она была как вино, и теперь она горела и пела во мне. Я не посмел укусить его снова. Еще один такой глоток, и я, наверное, лягу, как собака, у его ног и буду просить приласкать меня.

Я пожелал превратиться в человека.

Трансформация заняла не больше времени, чем понадобилось ему, чтобы отпустить Джинни и вернуться ко мне. Хоть он и был удивлен, но рычать мне в ответ не стал. В зыбком лунном свете вырисовывалось его волшебное лицо, в глазах горели золотые искры. Он смеялся.

Добавив вес своего тела, я направил кулак в его лицо. Гладкая, медленная плоть человека! Ей ли вступать в битву с быстрой, как ртуть, жизнью, порожденной воздухом и Тьмой? Резким, точно вспышка, движением Маледикто отскочил. Его просто не было на

прежнем месте. Я врезался в стену и упал. Надо мной звучал его смех.

— Разве сия хныкающая тварь достойна обладать такой милой девицей, как ты? Молви хоть одно слово, Вирджиния, и я пинками загоню его в собачью конуру.

— Стив... — Она съежилась, вжалась в угол. Она не кинулась ко мне.

Я перекатился, вскочил на ноги. Маледикто ухмыльнулся. Обхватив Джинни за талию, привлек к себе. Она задрожала, пытаясь оттолкнуть его. Он поцеловал ее, она прерывисто вскрикнула. И снова жест сопротивления превратился в жест любви. Маледикто толкнул меня свободной рукой, и я тяжело упал. Он поставил ногу мне на голову, надавил.

— У меня нет большого желания ломать тебе кости, — сказал он. — Но если ты не будешь настолько вежлив, чтобы уступить желанию леди...

— Желанию?! — Джинни вырвалась из его рук. — Силы небесные! — вопила она. — Изыди!

Маледикто рассмеялся:

— Если моя жертва призывает святое имя вполне искренне, я должен исчезнуть, — его голос походил на журчание. — Тем не менее я, как видишь, остался здесь. То, что сокрыто глубоко внутри тебя, томится желанием ко мне, Вирджиния!

Она схватила вазу и запустила в него. Он ловко поймал ее, грохнул об меня и направился к окну.

— Айе, — сказал он. — Сейчас чары рассеялись. Но не бойся. Когда наступит более благоприятный час, я вернусь...

Мгновение, и он перепрыгнул через подоконник. Я пополз следом. Белое патио залило лунным светом. Пусто.

Я сел, поднял голову. Рядом опустилась на пол Джинни. Медленно текли минуты. Наконец я встал, включил свет. Нашел себе сигареты и тяжело сел на кровать. Возле моих колен распростерлась ничком Джинни. Я не стал даже касаться ее.

— Кто это был? — спросил я.

— Инкуб*.

Ее голова была опущена, я видел лишь рассыпавшиеся по ее спине рыжие волосы.

Пока нас не было, она надела свою самую нарядную ночную рубашку. Для кого?

Ее голос был тихим и слабым:

— Он, должно быть, обитает в развалинах. Поселился в замке вместе с испанцами. Возможно, он — виновник постигшей их неудачи.

Я втянул дым в легкие.

— Почему он не появился раньше? — спросил я громко и

* Инкубы, суккубы — демоны разврата — соответственно, мужского и женского пола.

глупо. — Ах да, конечно, у него очень ограниченные возможности действия. Семейное проклятие. Он не мог выйти за пределы владения того старого дома. А с тех пор после наступления темноты здесь никто не появлялся.

— До тех пор, пока мы... — продолжала она шепотом.

— А Хуан со своей женой были здесь лишь оказаниями. — Я неистово дымил. — Ты же ведьма. У тебя есть информация. Все, что я знаю, инкуб — демон эротики. Скажи, почему он никогда не беспокоил Фернандеца?

Она снова начала плакать, будто у нее кончилась всякая надежда. Мне подумалось, что это отчаяние вызвано также и тем, что она потеряла свою ведьмовскую силу. Она уже не была волшебницей. Мне все было ясно.

— Потому что святые символы защищают тех, кто действительно хочет защиты. Думаю, тут он сказал правду. Хуан и его жена добрые католики. Они не появятся здесь, не развесив на каждой стене по распятию. Ни у нее, ни у него — не возникает желания изменить друг другу...

Она подняла лицо. Выражение его было диким.

— Ты думаешь, что я?..

— О, не сознательно. Если бы мы догадались сразу же по прибытии развесить кресты. Если бы мы сотворили от чистого сердца молитву, мы тоже были бы в безопасности. Никогда нельзя знать заранее, будешь ли ты окружен инкубами. Но наши головы были слишком заняты, а сейчас — поздно. Полагаю, что подсознательно ты забавлялась идеей, что маленький отход от неукоснительной моногамии — это было бы не так уж и плохо...

— Стив! — Она с трудом поднялась на ноги. — В наш медовый месяц! Как ты мог сказать такое?

— Смог... — я затушил сигарету. Жаль, что не в лицо Маледикто. — А как иначе ему удалось опутать тебя своими чарами?

— И ты, Стив... Стив, я люблю тебя. Только тебя!

— Что ж, будет лучше, если ты сядешь на ковер и дашь полные обороты. Лети в Гуйамас — это ближайший город, достаточно крупный, чтобы его полиция экзарсиста* тебе помогла. Расскажи там все и попроси помощи, потому что, если я помню что-то из демонологии, раз ты попала под влияние инкуба, он последует за тобой куда угодно.

— Но ничего не было! — Она закричала так, как будто я ее ударил.

Что ж, в определенном смысле это и был удар.

— Да... Не хватило времени. В этот раз. Конечно, обладая своей колдовской силой, ты могла бы изгнать любого демона с помощью чисто светского Искусства. Но сейчас у тебя этой силы нет. Пока ты

* Экзарсист — священник по изгнанию бесов.

не пройдешь курс повторного обучения — каждый час, когда ты находишься вне Церкви, тебя должен охранять экзарсист, если только не... — Я встал.

— Что? — Близкая к безумию, она вцепилась в меня ледяными пальцами.

Я стряхнул ее. Я был слеп от ярости. Мое мужское достоинство было уязвлено вдвойне. Маледикто отлупил меня в драке и чуть было не соблазнил мою жену.

— Стив! Что ты задумал?!

— Что я могу сам избавиться от него.

— Не можешь! Ты не колдун, а он — демон!

— А я волк-оборотень. Может быть, это достаточно уравнивает наши шансы.

Шаркая, я протасился в ванную и перебинтовал там руку. Раны, впрочем, были поверхностные. А вот суставы пальцев распухли.

Джинни попыталась помочь, но я показал ей на дверь. Я понимаю, что я тогда был не прав. Но уж слишком распирала меня боль и ярость. Я только смутно понимал, что должен отправиться в Форталезу, куда, по-видимому, вернулся Маледикто. Став волком, я буду так же силен и быстр, как и он. Разумеется, кусаться я не осмелюсь. Но если представится случай превратиться в человека, использую приемы рукопашного боя, которым меня обучали в армии...

План был абсолютно безнадежен, но меня подстрекал мой собственный демон. Джинни все поняла. Ее колдовские способности частично вернулись к ней. А может, это у нее было врожденное. Безжалостное сияние огня Святого Эльма высвечивало ее абсолютно белое лицо. Она дрожала и судорожно глотала слюну.

Но вот она кивнула:

— Если иначе не можешь, то мы пойдем вместе.

— Нет! — Рык kloкотал в моем горле. — Отправляйся в Гуаймас, говорю тебе! Мало мне из-за тебя бед? Оставь меня одного. А потом я решу, хочу ли я, чтобы ты вернулась ко мне обратно!

Какое-то мгновение она пристально смотрела на меня. Пусть никогда я больше не увижу подобного взгляда. Потом она исчезла.

Я вышел из патио и превратился в волка. В воздухе висел запах демона. Я пошел по этому запаху. Путь вел в гору...

Земля была залита ослепительным лунным светом. Нос чуял запах пыли, шалфея, кактусов, осоки и бурых водорослей. Уши слышали ультразвуковой писк летучих мышей, панический топоток американского зайца. Мое естество больше не корчилось в муке. В волчьем черепе вмещаются лишь простые мысли жаждущего убивать плотоядного зверя. Я как бы переродился. Известно, что некоторые

психиатры добивались хороших результатов, временно превращая своих пациентов в животных.

Какое-то время спустя на фоне луны обрисовались изъеденные временем очертания сторожевой башни. Каждым своим нервом готовый к атаке, я вошел в то, что когда-то было воротами. Я стоял посередине пустого двора. Песок, наносимый сюда в течение столетий, сорняки, пробившиеся между плитами. Здесь и там валялись отколовшиеся камни облицовки. Ближе к центру громоздилась груда обломков, тут когда-то стояло здание. Ниже — отверстия погребов. Я осмотрел их, вернее, небрежно заглянул туда — неглубоко, но там логовища инкуба я не обнаружил.

Я завыл, бросая вызов противнику.

Кто-то мгновенно повернулся у двери, ведущей в башню. Одетый во все белое, он шагнул вперед. Я тут же отпрыгнул. Мелькнула дикая мысль: если первым же укусом я порву ему шейную вену, то тогда я наглотаюсь этой пьянящей, как вино, крови. Но он уже будет мертв...

Смех, бегущий на маленьких и легких ножках. Девушка вновь шагнула вперед.

Неправдоподобно белая на фоне черных заплесневелых стен, она стояла под водопадом льющегося сверху лунного света.

— Добрый вечер, прекрасный юноша. Я не смела надеяться на такое счастье.

Исходящий от нее аромат проник в мои легкие, в мои жилы... Я зарычал. Рык превратился в поскуливание. Я завизжал. Я завилял обручком хвоста. Она подошла ко мне, почесала у меня за ушами. Я лизнул ее руку. Вкус был ошеломляющий. Где-то, как в грохочущей громами пустыне, родилась мысль: сейчас мне ни к чему оставаться волком. Тело пронизал ток изменения. Я стал человеком.

Она была такого же роста, что и Амарис, и такая же красивая. То же самое странное лицо с заостренными подбородком. И флюоресцирующие под лунным светом глаза. Облаком, ниже талии, падали пепельные волосы, и одета она была в платье, сотканное, очевидно, скаредными на паутину пауками. Платье облегалo ее фигуру, которая... Ладно, не буду и пытаться описать ее фигуру. Думаю, секрет наполовину объяснялся движениями девушки.

— Сибелита, я полагаю... — удалось мне выдавить.

— А ты суть Стивен. Узкая изящная рука упала на мою руку и осталась там. — Ах, добро пожаловать!

Я облизал губы.

— Э-э... Ваш брат дома?

Она подвинулась ко мне.

— Какое это имеет значение?

— Я... э-э... — Идиотская мысль: невежливо объяснять женщине, какое у тебя дело к ее брату, если хочешь убить его. — Послушайте, — выпалил я, — вы и он... вы должны оставить нас в покое.

Сибелита мягко улыбнулась:

— Ах, твоя печаль — это моя печаль, Стивен. И кроме того,

неужели в душе не отыщется жалости к нам? Известно ли тебе, в чем на самом деле заключаются вечные муки? Быть созданием, в котором существуют, не смешиваясь, первичные стихии — Огонь Вожделения, Воздух Порыва, Вода Изменчивости и Темное Могущество Земли... И, имея такое естество, быть обреченной красться подобно крысе в этих руинах и выть в пустое небо... И голод, голод в течение трех лет. Если ты погибаешь от истощения, а двое прохожих выбросили те малые крохи, которые они без труда могут тебе уделить?

Я пробормотал что-то насчет ложности аналогий.

— В этом нет зла, — молила она и подвинулась еще ближе. Ее руки легли мне на плечи, грудь легко коснулась моей груди. — И нет в этом злого умысла. Это — необходимость, Стивен. Вы, смертные, тоже не безупречны. Ни один демон не осмелится приблизиться к вам, будь вы святыми, у которых не бывает нечистых мыслей. Нас влечет к тем, кто схож с нами самими.

— А... это... да... — Мне нечем было дышать. — Тут две стороны вопроса... Я хотел сказать, одна сторона, да...

Сибелита рассмеялась снова.

— Не надо, прекрасный юноша! Вот я стою в лунном свете, обнимая обнаженного, самого прекрасного в мире мужчину...

— О, Господи! — Я вспомнил, что все мое обмундирование — лишь нижнее белье. Поскольку она не отпрянула, восклицание, должно быть, не было воспринято, как молитва.

— ...Способного рассуждать на материалистические темы! Нет, вы переполнены любовью и щедры! — Сибелита отпорхнула в сторону. — У меня не должно быть перед тобой преимущества. В подлинной дружбе не должно быть преимущества. Пусть мы будем в одинаковом состоянии...

Она щелкнула пальцами, и платье исчезло. Не то чтобы это что-то сильно изменило, разве что морально. Но мораль тогда как-то казалась не относящейся к делу.

— А теперь иди ко мне, дорогой мой. Мой волк, мой первый в жизни «лоупгароу»... Не надо бы тратить так много времени на женщину, но я предчувствую так много нового, такое счастье. Иди ко мне!

Она снова бросилась мне на грудь.

Не могу сказать точно, что заставило меня ответить на ее поцелуй. Это было так, будто вокруг закружил окрашенный розовым вихрь.

Каким-то образом мне удалось собрать остатки своей воли:

— Нет! У меня есть жена!

В смехе Сибелиты послышались неприятные нотки:

— Ха-ха! Как полагаешь, чем изволит быть занятым Амарис с того момента, как ты оставил свою девку одну?

Я издал какой-то короткий, полувизгливый звук.

— Это уже прошло, — мурлыкала Сибелита, — и что сделано, то сделано. Не порицай свою жену. Она всего лишь смертная. Можешь ли ты возвыситься над своим состоянием смертного?

Передо мной за минуту мелькнуло видение Ада. Затем, едва сознавая, что происходит, я резко привлек Сибелиту к себе. Целуя, я легонько укусил ее губу и почувствовал вкус демонской крови.

— Пойдем... — напевала она. — Мой любимый, отнеси меня в башню.

Я поднял ее и пошел через двор.

— Стив! — Крик Джинни воткнулся в меня, словно нож.

Я выронил свою ношу. Сибелита шлепнулась на землю своим прекрасным задом и выпалила несколько весьма неприличных слов. Я изумленно уставился на Джинни. Она лежала, свесившись, на парившем над разрушенными воротами персидском ковре. Рыжие волосы ниспадали в беспорядке на голые плечи. И хотя я знал, что она для меня потеряна (ибо ее отнял Амарис и прежнего между нами уже никогда не будет), мне стало ясно: кроме Джинни, мне никого не нужно.

Сибелита поднялась. Она была совсем белая в лунном свете. Я более не желал ее. Пошла она у черту!

Она презрительно усмехнулась Джинни, повернулась к ней спиной и раскрыла мне свои объятия, сказав:

— Защищайся!

Я превратился в волка.

Сибелита уклонилась от моего выпада. Я снова услышал доносившийся, будто из другого мира, крик Джинни. Все мое внимание было привлечено к инкубу. Тело Сибелиты задрожало, посерело, и она тоже превратилась в волка. Она бесстыдно улыбнулась мне. Аромат самки ударил меня, словно дубиной.

Я не дал ей времени на попытку и вцепился ей в глотку. Мы покатались, сплелись в драке. Она была сильна, подвижна, упорна, но не тренирована в тонкостях рукопашного боя оборотней. Я, превращаясь в зверя, все равно владею приемами дзюдо. Я поднырнул под ее челюсти и сомкнул зубы там, где намеревался.

Кровь дьявола была сладка и отвратительна на вкус. Теперь она уже не могла возбудить мои желания. Слишком сильна была овладевшая мною любовь к жене. И ненависть к существу, с которым я сражался. И если бы вы предпочитали современную терминологию, в моих железах накопилось достаточно тестостерона и адреналина, чтобы подавить все остальные содержащиеся в ней гормоны. Я убил ее.

В последний миг я услышал, но не с помощью слуха, пронзительный вопль демона.

Грязный дух! Я почувствовал, не нервами, как взвихрилось пространство, когда демон пытался сопротивляться изменению предингеровской математической формулы и формы функции, вылетая в породивший его Нижний Континуум и оставляя в этом мире лишь массу обмена.

Быстро и безжалостно действовали мои клыки. Тело погибло, и не обладающий душой демон исчез.

Я лег возле трупа волчицы. Я задыхался. Тело страшно

корчилося. Менялась последовательность: волчица, женщина, мужчина, хвостатый и рогатый сатаноид.

Когда исчезли последние связующие силы, она задымилась и превратилась в клуб пара.

Медленно, шаг за шагом, возвращался мой изодранный в клочья разум. Я лежал на коленях моей дорогой Джинни. Наверху дружелюбно мерцали звезды, и на нас лился прохладный лунный свет, и замок был ничем иным, как грудой камней.

Я снова превратился в человека и обнял ее.

— Все хорошо, любимая, — выдохнул я. — Все хорошо. Я прикончил ее. Теперь я убью Амариса.

— Что?! — Ее мокрое лицо оторвалось от моей груди, коснулось моих губ. — Разве ты не знаешь? Ты же убил!

— А?

— Ну да. Мои познания частично вернулись ко мне... после твоего ухода, — она прерывисто вздохнула. — Инкубы и суккубы — это одно и то же. Они меняют свой пол, когда это требуется. Амарис и эта шлюха — одно и то же!

— Ты хочешь сказать, она не... он не... — Я испустил вопль, который наверняка зарегистрировал сейсмограф в Байя-Калифорнии.

Этот вопль — самая благодарственная молитва, которую я когда-либо возносил Богу.

Не то чтобы я не был готов простить свою любимую. Я ведь на себе испытал мощь демона. Но когда я узнал, что прощать-то ее не за что, у меня словно гора с плеч свалилась.

— Стив! — воскликнула Джинни. — Я тоже люблю тебя, но у меня не железные ребра...

Я вскочил на ноги.

— Мы прошли через это, — сам себе не веря, шептал я. — Мы действительно прошли через это. Мы действительно выиграли.

— О чем ты? — спросила она. Спросила по-прежнему робко, но глаза ее уже сияли светом.

— Что ж, — сказал я, — думаю, что мы получили хороший урок смирения. Теперь мы знаем собственное подсознание куда лучше, чем знает его обычный человек.

Мгновенный озноб пронзил меня. Я подумал, что никогда обычный человек не оказался бы так близко к гибели, как мы. На вторую ночь свадьбы! Но и сами по себе мы могли бы оказаться на краю гибели. Нам противостояло нечто большее, чем притязание мелкого демона. Не случайно мы оказались в его логовище. Кто-то хотел нас уничтожить.

Теперь я полагаю, что Сила, желающая погубить нас, тогда еще лишь наблюдала. Она не могла сама нанести удар. Никого, кто бы смог попытаться снова совратить нас, поблизости не было. И во всяком случае мы были здорово настроены против таких целей. Враг не мог вновь использовать глубоко кроющиеся в нас ревность и подозрение. И не мог натравить нас друг на друга. И от подозрений и ревности

мы были свободны, как никто никогда из смертных. Мы очистились от них.

Но враг был терпелив и хитер, он выволок наружу все еще оставшееся в нас зло... Освободимся ли мы от тоски и боли? Или он оставит нас в покое?

Не знаю. Но знаю, что внезапно мне открылось великолепие ночи и что меня захлестнула не оставившая места ни для чего другого волна любви к Джинни. А когда много дней спустя мне вспомнилось то, что произошло на высившемся над морем утесе, это воспоминание было таким же смутным, как и все предыдущее, и я отделался от него, решив небрежно и в шутку: забавно, что, получив по башке, я всегда вижу одну и ту же галлюцинацию.

— В итоге, любимая, я узнал, как велика твоя тревога за меня. Ты последовала сюда за мной, не зная, что может произойти... Когда я сказал, чтобы ты спасалась.

Она потерялась взъерошенной головой о мое плечо.

— И я узнала то же самое, Стив. Я рада.

Мы ступили на ковер.

— Домой, Джеймс, — сказал я. И когда Джеймс взмыл в воздух, помолчав, добавил: — Подозреваю, что ты смертельно устала.

— Ну, не особенно. Я еще слишком взвинчена... Нет, черт возьми, слишком счастлива...

Она сжала мне руку.

— Но ты, любимый мой, бедный мой...

— Я чувствую себя прекрасно, — ухмыльнулся я. — Завтра можем встать поздно. Выспимся.

— Мистер Матучек, о чем вы думаете?

— О том же, о чем и вы, миссис Матучек. — Догадываюсь (в лучах луны плохо было видно), что она залилась румянцем.

— Понимаю, очень хорошо, сэр.

Все вышло так, как мы это и предвидели...

17

Мы вернулись домой. На лето устроились на работу и уволились, когда осенью вновь начались занятия. Ничего особенно серьезного, но, например, когда Джинни забеременела, нам пришлось продать ковер. За эти два года семейной жизни с нами не происходило ничего захватывающего, когда мы оставались наедине.

А потом сиделка подвела меня к кровати, на которой лежала моя любимая. Ее всегда великолепного цвета лицо было сейчас белым от вынесенных страданий. Волосы огненным пламенем разбросаны по подушке, и, хотя на глаза не опускались веки, никогда они еще не сияли таким ярким зеленым светом.

Я наклонился, поцеловал ее так нежно, как только мог.

— Эй, ты... — прошептала она.

— Как ты себя чувствуешь? — единственное, что пришло мне в голову.

— Прекрасно. — Она рассмеялась, а потом принялась меня рассматривать. — Но ты выглядишь так, будто вся эта чушь имеет под собой основания.

Действительно, многие акушеры, когда рождается ребенок, укладывают отца в постель. Но наш врач последовал наиболее распространенному мнению, что максимум симпатической помощи жене я оказываю, когда потею в приемной. За последние месяцы я с таким остервенением учил все относящееся к этому вопросы, что стал чуть ли не специалистом. Первые роды для такой высокой и тонкой женщины, как Джинни, должны были быть трудными. Она восприняла это со своим обычным хладнокровием. В предсказании обратила внимание только на то место, где руны указывали пол ребенка, ибо, только зная его, мы не опростоволосимся с выбором имени.

— Как тебе понравилась наша дочь? — спросила она.

— Она великолепна.

— Лжец, — она тихо рассмеялась, — еще не было на свете мужчины, не ужаснувшегося, когда ему сказали, что теперь он должен именоваться отцом сморщенного комка красной плоти. — Ее рука протянулась к моей. — Но она еще станет красивой, Стив. Она такая беспомощная. Для нас она самая прекрасная на свете.

Я сказал себе, что не стоит орать прямо здесь, где в палате полно матерей.

Спасла меня своим вскриком нянька:

— Я думаю, вам лучше пока оставить вашу жену в покое, мистер Матучек. И доктор Акман предпочел бы, чтобы свидание закончилось. Ему пора идти домой...

Он ждал меня в помещении записи новорожденных. Я вошел, звуконепроницаемая дверь захлопнулась, и нянька запечатала ее, оттиснув на воске Звезду Давида. Это была современная больница, здесь принимались все меры предосторожности.

Томас Акман был седой, угловатый человек шести футов роста. Он напоминал скалу. У него были свободные манеры. Было видно, что он несколько устал. Я заметил, что под украшенным знаками зодиака халатом медика на нем были надеты белые парусиновые брюки и рубашка без галстука. Это не считая амулета, конечно.

Мы пожали руки друг другу.

— Все идет хорошо, — заверил он. — Получены результаты лабораторных анализов. Как вы понимаете, поскольку в роду матери не было человекозверей, ваши дети не станут прирожденными волками-оборотнями. Но так как девочка унаследовала от вас комплекс рецессивных генов, она будет легко поддаваться заклинаниям трансформации. Это — определенное преимущество, особенно если она, подобно матери, изберет профессию волшебницы. Но это не означает, что не должны быть приняты некоторые предосторожности. По сравнению с другими, она будет более подвержена сверхъестественным влияниям.

Я кивнул. Мы с Джинни наверняка неподобающе часто принимали участие во всех нежелательных для нас приключениях.

— Выдайте ее замуж за подходящего человека, — пошутил Акман, — и ваши внуки будут волками-оборотнями.

— Если она окажется похожей на мою старуху, — сказал я, — то, Боже, помоги тому бедняге, которого мы заставим на ней жениться. — Я говорил это, чувствуя себя полнейшим идиотом. — Послушайте, доктор, мы оба устали. Давайте оформим документы новорожденной и покончим с этим...

— Согласен. — Он сел за стол.

На пергаменте уже были написаны имена родителей, дата рождения и официальный порядковый номер, под которым ребенок числился среди других новорожденных.

— Как вы решили ее назвать?

— Валерия!

— Что ж, я предполагал, что ваша жена выберет что-то вроде этого. Ее идея, не так ли? А второе имя?

— Э-э... Мэри. Мое решение. В честь моей матери. — Я понял, что снова бормочу чушь.

— Хорошая мысль. Если ей не понравится причудливое «Валерия», будет называть себя вторым именем. Хотя подозреваю, что ей понравится.

Он сунул пергамент в машинку, впечатал оставшиеся сведения. Вздохнув, передал документ мне (при этом просыпал на него пепел из пепельницы) и очень торжественно сложил пополам первичное свидетельство с отпечатками пальцев моей дочери.

— А подлинное имя?

— Викторикс.

— А?

— Это имя всегда нравилось Джинни...

Валерия Викторикс. Последний римский легион в Британии. Последняя противостоявшая Хаосу сила, как сказала Джинни в одну из тех редких минут, когда была совершенно серьезна.

Акман пожал плечами:

— Ну, не думаю, чтобы девочка когда-нибудь назвала себя так.

— Надеюсь, не назовет никогда.

— Это произвело бы нехорошее впечатление, — согласился он. — Но не волнуйтесь. Мне пришлось видеть слишком много молодых мужей, потрясенных крайними из возможных и отрицательных последствий. А ведь на самом деле подлинное имя — не что иное, как разумная предосторожность. Нечто вроде прививки.

— Знаю. У моих родителей появилась эта мысль при моем рождении... не то чтобы кто-то злоумышленно, против обычного мирного гражданина... Но вы сами убедились, что жизнь моя была беспокойной и часто подвергалась опасностям. Поэтому насущно необходимо было принять какие-то меры. Впрочем, эти меры не всегда надежны. Медицинская наука — одна из немногих областей, где, допускаю, существует подлинный прогресс.

Акман окунул орлиное перо в сделанные из дубового галла чернила:

— Во имя птицы, олицетворяющей твою родину, и дерева молнии, — он возвысил голос, — под их и Божьей защитой, дитя сего дня, да будет твое подлинное имя известно на всей Земле лишь твоим родителям, твоему врачу и тебе самой, когда ты достигнешь совершеннолетия, — Викторикс. И пусть оно принесет тебе добрую славу и счастье. И носи его, пока не истекнут отведенные тебе годы... Амен!

Он вписал имя, присыпал доставленным из Галилеи песком и снова встал.

— Этот документ я зарегистрирую лично, — и, зевнув: — О'кей, это все.

Мы повторно пожали друг другу руки.

— Сожалею, что вам пришлось принимать младенца в такой неурочный час.

— Мы, врачи, ко всему готовы, — ответил он. Сон его оставил. Он пристально взглянул на меня. — Кроме того, я ожидал этого...

— А?

— Я уже слышал кое-что о вас и о вашей семье. И кое-что выяснил самостоятельно. Погадал на рунах. Возможно, вы этого не знали, но ребенок был зачат во время зимнего солнцестояния. И, совершенно не говоря уже об обычной наследственности, результаты гадания показывают еще что-то. Не могу понять, что. Но я был совершенно уверен, что она родится именно в эту ночь, потому что в эту ночь — Великое полнолуние. Я буду наблюдать ее с неослабевающим интересом, мистер Матучек. И советую вам особо оберегать вашу дочь. А теперь — доброй ночи...

18

В последние три года ничего примечательного у нас не было. Вернее, так бы, возможно, подумали вы. Но ведь вы как-то отличаетесь от нас. А что касается нас, то это было время, когда перед нами открылся весь мир. И одновременно — дрогнула земля под ногами.

Начну с того, что мы не ожидали рождения Валерии. Позднее мы выяснили, что Свертальф вновь принялся гоняться за домовым. В отместку добрый народец прсвратил противозачаточные таблетки Джинни в аспирин. Много позже мне подумалось, не крылось ли за этой случайностью нечто большее. Ведущие нас Силы ставят нас в положения, служащие Их целям....

Сперва Джинни намеревалась жить и далее соответственно нашим первоначальным планам. Хотя бы когда наша маленькая подрастет, чтобы на день ее можно было оставлять под присмотром приходящей няни. И она получила в Аркане степень доктора философии. Ей предложили великолепную работу. Но поскольку в нашей семье появилась дочь, и от этого никуда не денешься,

эмансипацию мамы пришлось отложить. Мы не могли доверить Валерию какой-то наемной неряхе! Пока не могли. Ни тогда, когда она впервые научилась улыбаться, ни тогда, когда она начала ползать, ни когда звуки, напоминающие бульканье и птичий щебет, превратились в настоящих смех... Позже, позже.

Я не протестовал. Был совершенно со всем согласен. Но это означало подчиниться — временно, если не навсегда, следующему: ловко устроившись, молодая чета, имевшая жирный доход (нас двое), поселившаяся в очаровательном месте и занимающаяся чем-то отвратительным. У меня появилось было намерение возобновить голливудскую карьеру, но я изумился бы, пожелай Джинни выслушать хоть слово об этой идее.

— А ты вообрази на полсекунды, — заявила она, — что мне бы захотелось стать заурядной актрисой. Сыграть в «Серебряном вожде и девушке», когда бы из меня вышел чертовски хороший инженер?!

Лично я не думал, что все, сыгранное мною в кино, так уж плохо, но в целом ответ ее меня утихомирил.

Не станет же новоиспеченный бакалавр заниматься сложными исследовательскими проблемами. Особенно если он старше остальных выпускников. Мне пришлось начать с более простого. К счастью (как мы тогда подумали), работа оказалась неожиданно хорошей.

Корпорация предсказаний «Источник Норт»^{*} — была одной из тех появившихся в последнем буме компаний, которые взяли на себя обслуживание бизнеса Информации и так далее. Первоначально маленькая, она разрасталась по экспоненциальной кривой. Помимо производства, занималась исследованиями. И в конце концов туда был приглашен и я.

Это было не просто восхитительно, но и означало первый (и неплохой) шаг к цели на пути профессиональной деятельности. Кроме того, просвещенная администрация подстрекала нас к дальнейшему приобретению знаний. Жалованье было хорошим. И вскоре мой босс, Барни Стурласон, стал моим другом.

Главный недостаток заключался в том, что нам пришлось остаться в этом во всех отношениях скучном городе. Но мы арендовали за городом комфортабельный дом, это утешало. И мы оба обладали друг другом, и у нас была маленькая Валерия. Это были хорошие годы. Точнее — в них не было ничего из ряда вон выходящего.

Вы совершенно правы, если считаете все это малозначительным. Полагаю, что человека всегда привлекало то, где таится гибель. И будет привлекать впредь. Однако иные времена заставляют вспомнить древнее китайское ругательство: «Чтоб тебе пришлось жить в эпоху перемен!»

Ни Джинни, ни я не поддались на пропагандистскую болтовню, что, коль скоро злой и безнравственный Халифат разгромлен, впереди

^{*} Норны — у древних скандинавов — боги Судьбы.

вечное торжество мира и счастья. Мы знали, что вечно, наоборот, наследие, оставленное человечеству войнами. Кроме того, мы знали, что этот конфликт был не столько причиной, сколько симптомом навалившегося на мир недомогания. Не будь христианский мир расколот, враг не смог бы захватить большую часть восточного полушария и Соединенных Штатов. По существу, Халифат был не чем иным, как секуляризованным оружием мусульманской еретической секты. Среди наших союзников было немало верующих в Аллаха.

Разумным казалось ожидать, однако, что теперь человечество осмыслит полученный им урок и оставит в стороне религиозные распри, приступит к перестройке и восстановлению. В частности, мы надеялись, что будет окончательно дискредитирована и захиреет церковь иоаннитов.

Правда, ее приверженцы тоже сражались с Халифатом. Правда и то, что они сыграли ведущую роль в движении Сопротивления на оккупированных территориях. Но они бросили вызов старым убеждениям и верованиям. Всему, на чем основывается западное общество. Так кто же в первую очередь раскалывает и ослабляет нашу цивилизацию?! И не они ли подали пример поднимающей голову идеологии Халифата, не они ли подтолкнули взрыв безумия на Среднем Востоке?

Теперь я лучше знаю, насколько следует ожидать от человечества разумных действий.

Вопреки всеобщему убеждению, угроза появилась отнюдь не внезапно. Некоторые предупреждали о ней с самого начала. Они указывали, что иоанниты сделались доминирующей силой в политике уже нескольких стран и что эти страны тут же начали относиться к нам не особенно дружелюбно. И что несмотря на это, иоанниты постепенно обращают в свою веру всю Америку.

Но мы их, в общем-то, не слушали. Мы были слишком заняты восстановлением причиненных войной разрушений. Мы решили, что те, кто трубит тревогу, — реакционеры и мечтающие дорваться до власти тираны (не исключено, что среди них были и такие). Теология иоаннитов, возможно, идиотская, говорили мы, но разве первая поправка не гарантирует свободу проповеди и вероучений? Вероятно, из-за нее, из-за иоаннитов у петристских церквей*, появились определенные трудности, но разве это не их собственная проблема?

Действительно, в наш научный век говорить об опасности, исходящей от религиозно-философской системы, якобы искусно повсюду распространяемой, системы, подчеркивающей свое стремление к миру почти так же неуклонно, как квакеры, системы, превозносящей заповедь любви к ближнему своему превыше всего прочего... Но, пожалуй, насквозь светское общество и наша опутанная

* Большинство христианских церквей базируется на вероучении, восходящем к Петру и Павлу.

ритуалами вера лишь выигрывают, восприняв кое-что из того, что проповедуют иоанниты.

Движение и его влияние разрастались. Каким-то образом соблюдающие порядок демонстрации все чаще и чаще стали превращаться в свирепые бунты. Не санкционированные профсоюзами забастовки, выдвигавшие все менее осмысленные требования, сделались всеобщим явлением. Агитация парализовывала один студенческий город за другим. И человек за человеком начинали умно толковать, что необходимо сломать безнадежно коррумпированный порядок и на его развалинах построить Рай Любви. И мы, то есть большинство народа, то великовесное большинство, которое не желает ничего, кроме того, чтобы их оставили в покое и дали возможность возделывать персональные садики, все удивлялись, как это страна сразу, буквально за одну ночь, покатила к гибели?

Брат, это случилось не в одну ночь. Даже не в одну Вальпургиеву ночь...

19

В тот июльский день я вернулся домой рано. Наша окруженная стеной улица была тихой и спокойной. Повсюду — старинные огни Святого Эльма. Дома и газоны купались в солнечном свете. Я заметил нескольких моих соседей, летящих верхом на метлах. В седельных сумках у них — покупки из бакалейной лавки и привязанные к детским сиденьям один-два ребенка. Этот способ передвижения был наиболее популярен среди молодежи нашего округа. Его предпочитали хорошенькие молодые жены. Кстати, в теплую погоду они надевали только шорты и лифчики. Залитая солнцем сцена не улучшила моего плохого настроения.

Меня переполнял гнев. Я только что выбрался из разыгравшейся около завода заварухи. А здесь было тихо. Показалась моя крыша. Там, под ней, — Джинни и Валерия. Мы с Барни выработали план, как справиться с начавшимися вчера вечером неприятностями. Я даже развеселился, представив наши дальнейшие действия. И между тем я дома.

Я влетел в открытый гараж, снизился и повесил свой «шеви» рядом с «фольксбесом» Джинни. Когда я вышел из гаража, направляясь к парадной двери, что-то, будто пушечное ядро, просвистев в воздухе, ударило меня в грудь. Я крепко обнял дочку. Вьющиеся желтые волосы, громадные голубые глаза.

— Папа! Папа!

Не потомок, а произведение искусства!

На ней был костюм херувима, и мне пришлось вести себя осторожно, чтобы не помять крылья.

Прежде, когда она летала, принимались меры предосторожности:

привязывали к столбу плюс присмотр Джинни. Каким образом ей удалось освободиться?

О! Сделав разворот на помеле, из-за угла вылетел Свертальф. Спина изогнута, хвост трубой, он ругался. Очевидно, Джинни доверила ему присматривать.

Несомненно, он вполне мог проследить за ребенком. Не выпуская ее со двора, он должен был оберегать ее от всяких неприятностей... пока она не увидела, что пришел папа.

— О'кей. — Я рассмеялся. — Хватит. Давай войдем в дом и скажем «Ау-у» маме.

— На свинке?

В прошлую осень, на день рождения Валерии, я наскреб денег на дорогостоящее колдовство. Превращала меня Джинни. До того, играя с ребенком, я превращался в волка, а вот прокатиться на толстой, украшенной цветочками свинье?.. Вся местная ребятня до сих пор обсуждала этот случай.

— Извини, нет, — пришлось ответить мне. — С такими летными качествами тебе бы следовало обратиться в Военно-воздушные силы, — и я схватил ее, пронзительно визжащую, и понес за лодыжки, а пока нес, пел: «В небе птенчик маленький, а небо вверх тормашками».

В комнате, выйдя из подсобного помещения одновременно с нами, появилась Джинни. Заглянув ей за спину, я понял, почему ей пришлось передоверить присмотр за полетами: вал стирки. Трехгодовалый ребенок пачкает массу одежды, а мы не могли позволить себе пользоваться услугами фабрики самоочистки.

Джинни пришлось одушевлять каждую вещь по отдельности, а потом проверять, не пожелали ли они связаться узлом во время намыливания и прополаскивания, и носиться вокруг нее, пока она самовысушивалась, и так далее. И поскольку такого рода представления неотразимо привлекательны для любого ребенка, она вынуждена была отправить Валерию куда-нибудь в другое место.

И тем не менее не безрассудно ли доверить опеку дитя своему приятелю? До сих пор она занималась стиркой, пока Валерия спала. Свертальф уже неоднократно доказывал, что он заслуживает полного доверия. Но, несмотря на все сидящие в нем сверхъестественные силы, он оставался большим черным котом. Всего лишь. Следовательно, на него нельзя было слишком полагаться в скучных повседневных делах. Но потом я подумал:

«Какого черта! С тех пор как Джинни перестала быть практикующей ведьмой, у бедного зверюги не так уж много развлечений. Он даже не может погоняться за другим котом, потому что никто из соседских не осмеливается драться с ним. Это поручение он, вероятно, воспринял с радостью. Джинни, как всегда, знает что делает и...»

— И я, идиот, попусту торчу здесь, теряя время, — сказал я, загребая ее в объятия.

— Что такое идиот? — спросила с пола Валерия. И, поразмыслив над этой проблемой, сказала: — Папа хороший идиот...

Свертальф глянул на нас скептически и завертел хвостом.

Рядом с Джинни я немного расслабился. Она пропустила сквозь пальцы мои волосы.

— Р-р, — пробормотала она. — Чем вызвано такое поведение, тигр?

— Сегодня можешь называть меня тигром, — сказал я, чувствуя себя все более счастливым с каждой минутой.

Джинни кинула на меня хитрый взгляд:

— Хорошо, котенок...

— Ну, подожди немного...

Она пожала плечами. Рыжие локоны качнулись.

— Если ты уж так настаиваешь, неудачливый похититель женщин...

Валерия строго посмотрела на нас и сказала, что: «Когда вы штукуетесь головами, убирайте их, чтобы не было больно...»

В этом была своя логика. Пока мы извлекали херувима из его одежды, времени объясняться не было. Потом наш потомок, перевернув вверх дном все в гостиной, устроился смотреть по хрустальному шару мультипликации. Наконец я оказался на кухне, наблюдая за Джинни, как она начинает готовить ужин. Появилась возможность побеседовать.

— Почему ты вернулся домой так рано? — спросила она.

— Как тебе понравится, если сегодня вечером мы попытаемся возродить кое-что из былого?

— Что именно?

— «Матучек и Грейлок»... Нет — «Матучек и Матучек Странный Сигнал Тревоги». Патент взят компанией «Чертова Нелепица».

— Что случилось, Стив?

— Увидишь в передаче по шару. Наступают новые времена. Они уже не просто пикетируют, они пошли дальше. Они блокируют все входы. Нашим служащим пришлось выбираться через верхние окна. В них швыряли камнями.

Джинни была удивлена и возмущена. Но сохранила хладнокровие, которое выказывала миру за пределами этого дома.

— Вы вызвали полицию?

— Конечно, вызвали. Я ведь вместе с Барни слушал передачу, в которой Робертс излагал свои мысли, что ветераны еще могут быть в чем-то полезны. Что ж, если мы так хотим, полиция может оказать нам помощь. Демонстранты вторглись в чужие владения. Окна разбиты, стены заклеены непотребными лозунгами... и так далее. С точки зрения закона наш случай вполне очевиден, но... От хлопот избавлена только оппозиция.

Хлопоты для нас, и столько, сколько угодно. Они будут сопротивляться любой попытке рассеять демонстрацию. Помнишь нью-йоркский скандал в прошлом месяце? Многие из этих типов тоже студенты. Вообрази заголовки: «Жестокая полиция выступает против

Идеалистических настроений молодежи», «Нападение на Мирную демонстрацию», «Полиция пустила в ход дубинки и Колдовство»... Пойми, вот ведь в чем самое дерьмо.

Предприятия, связанные с «Источником Норн», производят снаряжение для армии и полиции. Такое, как флюоресцирующие колдовские опознавательные метки или глаз василиска. Контракт обязывает нас вести исследования в этом направлении, но полиция и вооруженные силы служат истеблишменту. Истеблишмент — есть зло. Поэтому «Источник Норн» следует уничтожить.

Начальник полиции сказал нам, что официальное вмешательство с целью пресечь вторжение будет означать кровопролитие. А тогда вероятны волнения на Марлин-авеню... Бог знает, куда это может завести. Он попросил оставить работу до конца недели. Может, тогда гроза нас минует. Мы, вероятно, сделали бы это в любом случае. Некоторые наши служащие уже сказали инспекторам, что боятся вернуться обратно. Так вот обстоят дела...

В глазах Джинни искрами сверкнула с трудом сдерживаемая ярость.

— Если вы уступите, — сказала она, — они перейдут к следующему номеру своей программы.

— Ты все поняла верно. Мы все это понимаем. А вот как насчет мученичества? Священники иоаннитов готовы провести еще одну ханжескую церемонию, посвященную невинно пролитой крови. Крови, во всем подобной крови Агнца. В стране полно исполненных благих намерений простаков, которые задумаются, а не сбились ли они, действительно, с пути петристской церкви, если общество, которое на ней основывается, использует насилие против членов Церкви Любви. Кроме того, давай, дорогая, смотреть в лицо фактам. Против гражданского неповиновения насилие еще никогда не помогало...

— Ты вспомни, что бывает после того, как заговорят пулеметы.

— Да, конечно. Но кому захочется убеждать правительство, что последняя надежда — кровопролитие? Да скорее я сам стану иоаннитом. Итог: «Источник Норн» не может просить полицию, чтобы та очистила его владения.

Джинни резко повернула ко мне голову:

— Не похоже, чтобы тебя это особенно печалило...

Я рассмеялся:

— Нет, мы с Барни поразмыслили некоторое время над этой проблемой и кое-что придумали. Я сейчас действительно в определенном смысле доволен. В последнее время жизнь стала слишком скучной. Вот я и спрашиваю, не хочешь ли ты принять участие в одной забаве?

— Сегодня вечером?

— Да. И чем раньше, тем лучше. Подробности я тебе расскажу, когда наша юная надежда уляжется спать.

Появившаяся было улыбка Джинни увяла:

— Боюсь, что не смогу так быстро найти няньку для присмотра за ней. На этой неделе в школе выпускные экзамены.

— А если не найдешь, тогда как насчет Свертальфа? Там твой приятель тебе не понадобится. А здесь он способен делать элементарные вещи: может нести охрану, а если у нее разболится животик, то он сбегает к соседям и разбудит их всех...

— Она может проснуться и захочет нас увидеть, — возразила Джинни, хотя и не очень твердо.

Возражение я опроверг, напомнив, что мы, когда Валерии вроде бы стали сниться кошмары, купили ей охранитель сна. Маленький деревянный солдатик, с мушкетом наизготовку, стоял возле ее кровати, готовый прогнать из сна все страшное. Я не особенно верил приборам, призванным возмещать родительскую любовь и вообще родителей, но они помогали.

Джинни согласилась. Я увидел, что в ней ключом бьет энергия. Хотя она и приняла на время роль домашней хозяйки, но чистокровную скаковую лошадь не заставишь до бесконечности тащить плуг...

Вот таким образом мы сделали первый на нашем пути шаг в Ад...

20

Ночь была безлунной, звезды скрывала легкая дымка. Мы собирались недолго.

И она, и я надели черные свитера и брюки. Мы летели, выключив фары и пользуясь колдовским зрением. Это было хотя и противозаконно, но зато безопасно. Летели над городом, где созвездиями светились окна и уличные фонари. Наконец, помело пошло вниз. В этом районе расположились промышленные предприятия. Здесь было еще темнее, еще более пусто, чем обычно в эти часы. Возле магазинов и пакгаузов я не видел практически ни одного мерцавшего здесь крохотного голубоватого огонька. Добрый народец всегда пользовался предоставленной ночью возможностью, пока вокруг нет людей, заглядывать, удивляясь и восхищаясь, в окна. Сегодня что-то спугнуло их.

Испугавшее их происходило на земле «Источника». В воздухе билось тревожное, яркое, словно пламя рассвета, зарево. Когда мы приблизились, утихший было ветер вновь усилился, и донес до нас запах плоти, пота и ладана, отдающего кислотой и электрической энергией сверхъестественного. Волосы встали дыбом у меня на хребте. Импульс был так силен, что мне пришлось приложить все усилия, чтобы не превратиться в волка-оборотня.

Вокруг главного здания собралась огромная толпа. От сада, где в теплую погоду завтракали наши рабочие, ничего не осталось, кроме грязи и сигаретных окурков. Я прикинул: здесь собралось около пятисот человек. Свободного места не осталось, и приземлиться было невозможно. В целом толпа оставалась на месте, но движение отдельных тел создавало бесконечную рябь. Волнами катились слитные звуки голосов и шарканье ног.

У гаража было более свободно. Здесь и там виднелись люди, собравшиеся перекусить или выпастыся, забравшись в спальные мешки. Они сохраняли почтительное расстояние от установленного в дальнем конце сада переносного алтаря. Время от времени кто-то из них преклонял колени и кланялся алтарю.

Я протяжно присвистнул:

— Эта штука появилась уже после моего ухода.

Рука Джинни еще теснее сомкнулась вокруг моего запястья.

Службу вел иоаннитский священник. С высоты мы не могли ошибиться, увидев его белую мантию и молитвенную позу, в которой он мог оставаться часами. Руки широко раскинуты, точно у орла крылья. Мы услышали печальное высокое песнопение. Позади алтаря поблескивал высокий Т-образный крест. На самом алтаре четыре талисмана — чаша, скипетр, меч и диск. Два псаломщика размахивали кадилами, в воздухе пахло сладковатым и, как ни странно, морозным дымком.

— Что он делает? — пробормотал я.

Я никогда не утруждал себя изучением обычаев новой церкви. Не то чтобы Джинни и я были совсем уж невежественными и не знали о новых научных открытиях, доказывающих реальность Божества и всего прочего, вроде абсолютного зла, искупления и загробной жизни. Но у нас создавалось впечатление, что это лишь отрывочные сведения и за ними скрывается что-то еще. И что Бог имеет такое множество проявлений, что они едва ли доступны ограниченному человеческому пониманию.

Так что мы смело могли именовать себя унитарийцами.

— Не знаю, — ответила Джинни. Голос ее был мрачный. — Я читала что-то насчет доктрин и обрядов, но это всего лишь вершина айсберга, и то было несколько лет тому назад. Во всяком случае нужно быть причастником... Нет, много больше — посвященным. В конце концов, надо быть адептом, и лишь тогда можешь сказать, что понимаешь значение этого обряда.

Мне стало не по себе.

— Может он сбить нас?

С наступающим беспокойством я смотрел на неровное свечение, не имсющее, казалось, источников. Свечение на всю эту широкую, развернувшуюся передо мной сцену. Вокруг здания стояли дородные, одетые в синие полицейские. Несомненно, их коробило от летящих в их адрес язвительных замечаний.

Кроме того, в большинстве они, вероятно, принадлежали к традиционным церквям. Они уж точно были бы не против ареста проповедника вероучения, утверждающего, что их собственная вера должна исчезнуть.

«Нет, — ответил я сам себе. — Не может быть. Иначе легавые тотчас же упрячут его в холодную. Может быть, сейчас он предаст нас анафеме. Полагаю, что он мог бы это сделать, учитывая, что у нас свобода религии и что человек не может указывать Богу, а может

лишь просить его милости. Но вдруг он действительно творит заклинания, вызывает вредоносные колдовские силы?»

Громкий голос Джинни прервал мои размышления.

— Когда вы имеете дело с этими гностиками, — сказала она, — трудности в том, что неизвестно, где кончаются их молитвы, а начинаются заклинания. Идем на посадку, пока что-нибудь не случилось. Происходящее сейчас мне чем-то не нравится...

Я кивнул и направил помело к главному корпусу. Иоанниты меня не слишком-то беспокоили. Священник, в общем, тоже. Вероятно, они служили свою эзотерическую мессу лишь для того, чтобы воодушевить демонстрантов. Разве его церковь не заявляла, что она — Церковь Вселенской Любви? Может, она, будучи выше всего земного, действительно не нуждается в насилии? Время Ветхого Завета, время Сына — было временем искупления. Время Евангелия от Иоанна, время Духа Святого — будет временем любви и раскрытием тайны. Невзирая ни на что...

Полиция запретила полеты в непосредственной близости от места проведения демонстрации. Исключение делалось лишь для тех, кто хотел улететь отсюда.

Иоаннизм — это общественное движение. Но лишь чернь, лишь выходцы из самых низов становились иоаннитами. Для значительного большинства из них идея об отречении от этого достойного лишь презрения, грешного материалистического мира означала не что иное, как вошедшее в моду требование уничтожения этого мира. Искушение одним махом взлететь наверх и там попивать коктейль «Молотов» нередко оказывалось слишком сильным.

Естественно, мы с Джинни могли бы доказать, что имеем право явиться сюда. Даже с эскортом в случае необходимости. Но это могло бы вызвать то, чего нам хотелось избежать, — взрыв. В общем, лучше всего для нас было проскользнуть сюда незамеченными. Незаметно как для врагов, так и для друзей. Но сноровка, отличающая нашу команду, несколько поблекла. Нам следовало бы как следует собраться.

Это нам удалось. Метла, привидением скользнув по небу, влетела в гараж. Затем проникли в здание через систему вентиляции, пронизывающую здание от первого этажа до крыши. В обычных условиях наши работники входили и выходили через двери. Но сегодня двери были перекрыты дважды: телами оппозиционеров и установленными нами защитными полями. Чтобы снять эти поля, требовалось усилие высококвалифицированного чародея. Технари агентства Пинкертон колдовали не так надежно, как нам бы хотелось.

Все окна первого этажа были прикрыты ставнями. Сквозь вентиляционные отверстия доносился снизу невнятный говор, молитвенное пение.

Положив метлу, я шепнул на ухо Джинни (ее волосы щекотали мои губы, и это было восхитительно), шепнул чуть слышно:

— Знаешь, я рад, что у них здесь появился священник. Днем они распевали народные песни.

— Бедняга ты мой любимый, — она крепко сжала мою руку. — Давай посмотрим, что там еще.

Мы взглянули в выходящее в холл и на лестницу окно. Там вызывающе горел свет. Мы прошли туда. Наши шаги в пустоте звучали слишком мрачно и громко, и мы почувствовали облегчение, когда добрались до кабинета Барни Стурласона.

Его огромная туша возвышалась над письменным столом.

— Вирджиния! — прогрохотал он. — Какая приятная неожиданность! — И, явно колеблясь: — Но э-э... опасность...

— Не заслуживает внимания, как объяснил мне Стив, — перебила Джинни. — У меня впечатление, что вы собираетесь пустить в ход превосходную магию?

— Конечно, собираемся...

Я заметил, что его некрасивое лицо перекошилось от усталости. Он настаивал, чтобы я шел домой и ждал там. В этом были свои практические резоны. Были и возражения. Например, если бы дела пошли кисло и мы бы обнаружили, что нас атакуют, мне следовало бы превратиться в волка и держать оборону, пока в действие не вступит полиция. Барни остался у себя. В помощь ему было выделено несколько добровольцев, и он был уже не просто исследователь — он был босс.

— Стив объяснил вам, что мы задумали? — продолжал Барни. Он мгновенно принял решение принять предложенную Джинни помощь. — Что ж, надо будет удостовериться, что не пострадало сложное и дорогостоящее оборудование. Умалчиваю уже о полностью уничтоженных приборах, но... Вы только вообразите, сколько времени и денег уйдет на то, чтобы заново настроить каждый прибор! От рудопоисковой рогульки до вечного двигателя! Я уверен, что все надлежащим образом защищено, но независимая проверка, конечно, не помешает. Потом пройдитесь возле цехов и лабораторий и поглядите, что я мог просмотреть. Там, где нужно, поставьте их на защиту.

— О'кей. — Она была здесь достаточно часто, чтобы знать, что где находится. — Что мне будет нужно, я возьму на складе. А если понадобится помощь, попрошу мальчиков из отдела алхимии. — Она помолчала. — Подозреваю, что вы двое будете сейчас очень заняты.

— Да, я собираюсь дать им последний шанс убраться отсюда, — сказал Барни. — А если кто-то из них чрезмерно разъярится, то будет лучше, если рядом окажется Стив. Он — хороший телохранитель.

— А я по-прежнему полагаю, что ты сам себе хороший телохранитель, — фыркнул я.

— Несомненно, ты прав. Как всегда прав, — сказал Барни, — но не забывай о том, что нам нужно соблюдать законность. Я не владелец данного участка земли, я всего лишь владелец расположенного на нем предприятия. Мы действуем по инициативе наших работников. И

после того как дирекция согласилась поддержать наши действия, Джек Робертс весьма одобрил наш план. Кроме того, владельцы мы участка или нет, но применив против вторжения в наши владения колдовство, мы поступаем менее жестоко, чем если бы было пущено в ход огнестрельное оружие. То, что мы сделаем, — это не приносящие вреда оборонные меры, направленные на защиту наших детей и нашего имущества.

— Если только мы не подвергнемся прямой опасности, — сказал я.

— А это и есть то, что мы пытаемся предотвратить, — напомнил он. — Во всяком случае, поскольку существует закон, нужно, чтобы будущей свидетельнице, которой предстоит остаться в этом здании, это было бы совершенно ясно.

Я пожал плечами и стащил с себя верхнюю одежду. Под ней был надет эластичный, без швов, костюм. В нем, когда я человек, арестуют за неприличный вид, но, когда я делался волком, он не стеснял движений. Лунный фонарик, словно толстый круглый амулет, уже висел на моей шее.

Джинни крепко поцеловала меня и шепнула:

— Береги себя, тигр.

У нее не было особых причин для беспокойства. У осаждающих нас не было никакого оружия, если не считать кулаков, ног, возможно, контрабандно протасенной дубинки и так далее. То есть у них не было ничего, чего бы я мог бояться, сменив кожу на шкуру. Даже нож, пуля, клыки могли причинить мне лишь временный вред. Да и то нужны были бы особые, я бы сказал редкие, условия, вроде тех, при которых я потерял половину хвоста во время войны.

Кроме того, вероятность, что начнется драка, была очень маленькой. С какой стати оппозиционеры станут нападать на меня? Полиции бы их хватило на один зуб, а пока проворачивается затея о мученичестве, прикрыть наш завод было бы гораздо легче. Несмотря на это, голос Джинни звучал не совсем ровно, и, пока мы шли через зал, она смотрела нам вслед. Смотрела, пока мы не завернули за угол.

— Подожди секунду. — Барни открыл шкаф и извлек оттуда одеяло. Одеяло он перекинул через руку. — Если ты захочешь изменить свой облик, я наброшу его на тебя.

— С какой стати? Снаружи нет солнечного света, только огни Эльма. Этот свет не препятствует трансформации...

— После того как появился священник, свет изменился. Для полной уверенности я использовал спектроскоп. Сейчас в нем достаточно ультрафиолета, так что у тебя могут возникнуть трудности. Это результат охранительных заклинаний — на случай нашего нападения.

— Но мы не нападем...

— Разумеется, нет. С его стороны — это демагогический прием чистой воды, который выставляется напоказ. Но умный прием. Фанатики и наивные детишки, входящие в эту банду, увидели, что вокруг нас установлено защитное поле, и тут же заключили, что это

было необходимо. Итак, было вновь подтверждено, что «Источник Норн» — их враг. — Он покачал головой. — Поверь мне, Стив, этими демонстрантами управляет, словно марионетками, кто-то более сильный.

— Ты уверен, что священник сам установил поле?

— Да. Все их священники — маги. Вспомни, это входит в их обучение, и хотел бы я знать, чему их еще обучают в этих, никому не доступных, семинариях... Давай попытаемся поговорить с ним.

— Он проповедует? — Я был удивлен. — Высшие иерархии иоаннитов не раз заявляли, что если члены их церкви вмешиваются в политику, то они делают это исключительно как честные граждане.

— Знаю. А я — император Норнтон...

— Нет, действительно, — настаивал я, — эти их темные теории... Все это чрезвычайно просто, чтобы быть правдой. То, что мы видим, — это общественное волнение, недовольство людей, какие-то неопределенные изменения...

Мы вышли к главному входу. Дверь была обрамлена мозаичными стеклянными панелями. Панели, как и окна, были разбиты вдребезги, но никто не догадался заложить дыры. Наши защитные чары могли действовать беспрепятственно. Разумеется, на нас эти чары не действовали. Мы вышли на лестничную площадку прямо к тем, кто хотел заблокировать нас в здании.

Дальше нам идти было некуда. Ведущие вниз ступеньки были плотно забиты людьми. Никто на нас пока не обращал внимания. Барни похлопал по плечу тощего бородатого юнца.

— Извините, — прогремел он с высоты своего башенного роста, — разрешите?

Он выдернул из немытой руки юнца плакат, навесил на него одеяло и, подняв как можно выше, замахал этим импровизированным флагом. Цвет его лица был желто-зеленый.

Воздух, похожий на дуновение ветра перед штормом, прошел по толпе. Я видел лица, лица, лица... Лица рядом со мной, лица внизу, выплывающие из мрака, куда не доходил колеблющийся свет. Но, думаю, что виной было только то, что я торопился, или мое предубеждение, но создавалось жуткое впечатление, будто все лица — совершенно одинаковы. Всем приходилось слышать о длинноволосых мужчинах и коротко подстриженных женщинах, об их немытых телах и изношенной одежде.

Все это наличествовало в избытке. Естественно, я обнаружил обязательных в таких случаях седобородых радикалов, и их прихлебателей из студенческих общежитий, и хулиганов, и тунеядцев, и вандалов, и правдоискателей, и так далее. Но было здесь много чистых и хорошо одетых ужасно серьезных мальчиков и девочек. У всех у них — у высоких, низеньких или среднего роста — был удивленный вид, как будто они внезапно обнаружили, что участвуют в пикетировании.

И у всех у них — у высоких, низеньких, средних, богатых, бедных, гетеросексуальных или гомосексуальных, в каких-то

отношениях способных и тупых, в других — интересующихся одними вещами и лишь скучающих, когда они сталкиваются с другими вещами; обладающих бесконечными и неповторимыми наборами своих воспоминаний, мечтаний, надежд; обладающих своими страхами и своей любовью, — у них у всех была душа.

Нет, они показались одинаковыми лишь вначале, из-за своих плакатов. Не мог бы сосчитать, на скольких, наподобие спортивных табло, указывался счет, с которым выигрывает святой Иоанн, на скольких были тексты, что-то вроде «Возлюби ближнего своего» или просто «Любовь». Впрочем, различия в текстах было мало, они повторялись и повторялись. Тексты на иных плакатах были менее дружелюбны: «Дематериализуйте материалистов!», «Фабриканты оружия, рыдайте!», «Прекратить снабжать полицию рогами дьявола!», «Убейте убийц, ненавидьте ненавидящих, уничтожайте несущих уничтожение!», «Закройте это предприятие!»

И казалось, будто лица... нет, хуже, сам мозг этих людей сделался ничем иным, как набором плакатов, поперек которых были написаны эти лозунги.

Не поймите меня неправильно, я никогда не размышлял об этих юнцах как о людях, чувствующих настоятельную необходимость нанести удар прямо в брюхо Богу существующего порядка. Очень плохо, что большинство людей, старея и жирея, теряет интерес к подобным вещам. Истеблишмент зачастую нестерпимо самодоволен, ограничен и глуп. Его руки, которые он заламывает столь ханжески благодаря благочестивости, слишком часто обагрены кровью.

И еще... И еще... Есть кое-что, что будет отличать наше время от грядущих Темных времен, которые продлятся, пока не возникнет новый и, вероятно, еще худший истеблишмент, который восстановит порядок. И не надувайте самих себя, что ничего подобного не случится. Свобода — прекрасная вещь, пока она не превратится во что-то иное — в свободу вламываться в чужие дома, грабить, насиловать, поработать тех, кого вы любите. И тогда вы с восторгом встретите того, кто въедет на белом коне и начнет обещать, что перевернет и изменит вашу жизнь. И вы сами вручите ему кнут и саблю...

Поэтому наша лучшая ставка — хранить то, чем мы уже обладаем. Разве не так?

Однако, как ни печально, это создает определенные обязанности. И это — наше. Оно формирует нас. Мы можем сами не слишком хорошо сознавать это, но наверняка мы поймем. Это лучше, чем что-то для нас чужое и незнакомое. И если мы будем упорно трудиться, упорно думать, проявим чутье и добрую волю, мы сможем доказать это.

Вы не повторите нашу ошибку, не будете надеяться, что вашу жизнь смогут улучшить злобные и напуганные теоретики. Они лишат вас всего вашего богатства, приобретенного в муках жизненного опыта. Вы не станете слушать вещающих догматиков. Их предел —

реформистские движения, которые чего-то там добились то ли два поколения тому назад, то ли два столетия.

Отвернитесь от студентов, уверяющих, что у них есть ответ на все социальные вопросы, над которыми ломали головы и разбивали вдребезги сердца такие люди, как Хаммурапи, Моисей, Конфуций, Аристотель, Аверий, Платон, Фома Аквинский, Гоббс, Локк, Вольтер, Джефферсон, Линкольн и тысячи других.

Но хватит об этом. Я не интеллектуал, я всего лишь пытаюсь думать самостоятельно. Мне тягостно видеть, как полные благих намерений люди делаются орудиями в руках тех немногих, чья цель — обвести нас вокруг пальца...

Они едва не задохнулись от изумления. Горловой звук вздоха быстро прекратился и перешел в рычание. Ближайший мужчина сделал два шага в нашу сторону.

Барни взмахнул своим флагом.

— Подождите! — воззвал он. Громоподобный бас перекрыл все остальные звуки. — Перемирие. Давайте переговорим! Приведите вашего руководителя ко мне!

— Не о чем нам говорить, ты, убийца! — завизжала усеянная прыщами девица и замахнулась на меня своим плакатом.

Я успел мельком увидеть на нем надпись: «Мир и братство». Дальше читать не стал, был слишком занят, оберегая свой череп. Кто-то начал скандировать лозунг, который быстро подхватили остальные: «Долой Диотрофеса, долой Диотрофеса, долой Диотрофеса»...

Меня охватила тревога. Хотя Диотрофес лишь едва упоминался в Третьем послании Иоанна, современные иоанниты превратили его в символ противостоящих их движению церковей (несомненно, их посвященные и адепты подразумевали под этим именем и какие-то другие объекты).

Неверующие, то есть просто бунтари (они составляли большинство иоаннитов), не беспокоились о том, чтобы разобраться в таких тонкостях дела. При них Диотрофес сделался нарицательным именем ненавистной им светской власти. Или кого угодно еще, кто стал бы им поперек дороги. Этот призыв уже не раз гипнотизировал толпы, приводя их в крушащее все неистовство.

Защищая глаза от когтей девицы, я отобрал у нее плакат, извлек свой фонарик, но внезапно все изменилось. Зазвучал колокол. Чей-то выкрик. Низким был и звон, и выкрик, и в них звучало что-то, что перекрыло растущий гам.

— Мир! Храните любовь в ваших сердцах, дети. Успокойтесь, ибо здесь присутствует сам Святой дух!

Нападающие на меня попятились. Наше окружение распалось. Люди начали опускаться на колени. Стон прошел по толпе, он усиливался — это был почти оргазм, и смолк, сменившись тишиной. Подняв глаза, я увидел, что к нам приближается священник.

Он шел, держа в руке колокол, а над головой вознесшийся вверх

ранее стоявший за алтарем Т-образный крест. Так что, вместе с ним шествовал сам пригвожденный к кресту Тайны Христос.

«Ничего тут нет страшного, — мелькнула дикая мысль, — если не считать, что другие церкви назвали бы все это кощунством — придать главному символу их веры подобную форму и воздействовать на него, как на какую-то метлу, с помощью антигравитационных заклинаний...»

Однако в целом спектакль был чрезвычайно внушительным. Это было как бы олицетворением всего гностицизма. Я всегда относился к «невыразимым тайнам» иоаннитов как к невыразимому пустословию. Теперь я кое-что понял. Здесь было нечто большее, чем обычные сверхъестественные эманации. Я ощущал это каждым унаследованным от волчьей ипостаси нервом. Мне казалось, что эта сила исходила не от Всевышнего. Но тогда от кого же?

Священник остановился перед нами. Выглядел он человек человеком. Он был маленький, тощий, его мантия была ему не слишком впору. На пюгровке носа криво сидели очки. Его седые волосы были такими редкими, что я едва мог понять, где начинается его тонзура (пробритая через макушку от уха до уха полоса). Рассказывали, что такую тонзуру ввел Симеон-маг.

Сперва он повернулся к толпе.

— Разрешите мне без ненависти поговорить с этими не знающими любви джентльменами. Возможно, это послужит торжеству добродетели. — В голосе его была какая-то странная убежденность. — Тому, кто любит, не может быть неведом Бог, ибо Бог есть любовь.

— Амен! — забормотали иоанниты.

Когда маленький священник повернулся к нам, я внезапно поверил, что он и правда всерьез принимает это замечательное изречение. От его слов не пахло ложью.

Враг хорошо знает, как использовать преданную своему делу искренность. Но теперь я относился к нему с меньшей неприязнью.

За священником обозначился человек. Он улыбнулся нам и наклонил голову:

— Добрый вечер. Я — посвященный Пятого класса, Мармидон. К вашим услугам.

— Это... э-э... ваше еkkлeзиастское имя? — спросил Барни.

— Разумеется. Прежнее имя — есть первое, что следует оставить в этом мире, проходя через Врата Перехода. Если это вызывает у вас насмешки, то они меня не страшат, сэр.

— Нет, ничего подобного я даже не допускаю, — и Барни представился.

Потом представил меня. Этим дешевым способом он высказал наше желание наладить мирные отношения, поскольку и без того было легко определить, кто мы такие.

— Мы пришли, поскольку надеемся заключить соглашение.

Мармидон засветился:

— Великолепно! Изумительно! Как вы сами понимаете, я не

официальный представитель. Демонстрация организована комитетом Национальной добродетели, но я буду рад оказать вам услугу.

— Беда в том, — сказал Барни, — что наши возможности в выполнении ваших основных требований весьма ограничены. Как вы понимаете, мы не против мира во всем мире и всеобщего разоружения. Но это дело международной дипломатии. Таким же образом решать, когда нужно положить конец оккупации ранее враждебных нам стран и сколько нужно затратить средств на повышение социального благосостояния в нашей стране, должны президент и Конгресс.

Амнистией для участвующих в беспорядках должны заниматься городские власти. Вводить ли в школах курс философии и истории гностицизма, обязаны решать специально для этого назначенные представители правительства. Что касается всеобщего выравнивания и искоренения материализма, лицемерия и несправедливости... — Он пожал плечами. — Для этого нужно, по крайней мере, поправку в Конституции.

— Вы, однако, можете оказать немаловажное влияние на процесс достижения этих целей, — сказал Мармидон. — Например, вы можете пожертвовать определенную сумму в фонд Комитета Общественного Просвещения. Вы можете способствовать выдвижению на выборах достойных кандидатов и помочь финансировать их кампанию. Вы можете разрешить прозелитам обращать в истинную веру ваших служащих. Вы можете прервать отношения с дельцами, все еще проявляющими упорство. — Он распростер руки. — И если вы сделаете это, дети мои, вы спасетесь от вечного проклятья.

— Ну, может быть. Хотя пастор Карлслунд из лютеранской церкви Святого Олафа, возможно, убеждал меня в обратном, — сказал Барни. — В любом случае перечень слишком велик, чтобы провернуть все это за один день.

— Само собой, само собой, — Мармидона затрясло, так его переполняло рвение. — Мы достигнем поставленных целей постепенно, шаг за шагом. «Но пока в вас есть свет, вы можете быть детьми света». Таков единственный результат нашей сегодняшней беседы.

— Трудности в том, что вы хотите, чтобы аннулировали подписанные нами контракты, за которые мы уже получили аванс. Вы хотите, чтобы мы нарушили данное нами слово и подвели тех, кто нам доверяет...

Сказанное никак не подействовало на Мармидона. Он выпрямился во весь рост, твердо посмотрел на нас и отчеканил:

— Эти воины Духа Святого требуют, чтобы вы прекратили производство снаряжения для армии, несущей угнетение другим странам, и полиции, несущей угнетение нашей стране. Сейчас мы не просим вас ни о чем большем. И не согласимся ни на что меньшее. Данный вопрос — вне обсуждения.

— Понимаю. Ничего иного я от вас не ожидал. Но я хотел бы при свидетелях разъяснить вам ситуацию. Я хочу предостеречь вас.

Те, кто слышал эти слова, завертелись. Одни свистящим шепотом

передавали услышанное другим. Я понял, что напряжение снова возрастает.

— Если вы используете насилие против тех, кто пришел сюда, чтобы просто выразить свой протест, — объявил Мармидон, — они либо обрушат на вас силу закона, либо окончательно убедятся, что закон есть выражение интересов крупных предпринимателей... которые, говорю вам, есть, в свою очередь, порождения Сатаны.

— О, нет, нет, — ответил Барни. — Мы пониже сортом, хотите — верьте, хотите — нет. Но вы вторглись в чужие владения. Вы помешали нашей работе как раз тогда, когда нам не хватает ни времени, ни рабочих рук. Мы обязаны выполнить вытекающие из контракта обязательства, и мы попытаемся сделать все от нас зависящее. Сейчас будет проводиться эксперимент. Он может оказаться опасным. Пожалуйста, ради вашей же безопасности, очистите территорию предприятия...

Мармидон застыл.

— Если вы задумали изгнать нас с помощью несущих смерть заклинаний...

— Ничего подобного. Я точнеем образом расскажу вам, что мы задумали. Мы намерены испытать новый метод транспортировки жидкостей. Прежде чем внедрить его, мы обязаны удостовериться в его безопасности. Если система не выдержит испытания, те, у кого нет защиты, могут оказаться травмированными. — Барни возвысил голос (хотя мы знаем, что полицейские олухи и так ловят каждое слово). — Я приказываю и предупреждаю, я прошу вас. Прекратите вторжение, очистите собственность компании. В вашем распоряжении полчаса.

Мы повернулись и ушли с их глаз раньше, чем опять поднялся шум. И пока мы шли через зал, пока не достигли благословенной тишины главной алхимической лаборатории, слышали летящие вслед проклятия, насмешки, ругательства. Слышали звериный вой иоаннитов.

В лаборатории собрались отобранные Барни из числа добровольцев — дюжина ученых, техников и рабочих. Они сидели, курили, пили сваренный на бунзеновских горелках кофе. Негромко переговаривались. Когда мы вошли, они встретили нас тихими аплодисментами. Они наблюдали стычку по видеосхему.

Я поискал глазами заведующего товарными складами Айка Абрамса. Еще во время войны я знал его как хорошего парня и впоследствии предоставил ему работу на нашем предприятии.

— Все в порядке? — спросил я.

Он показал большой палец.

— Что касается меня, капитан, более чем готово. Я не могу ждать. Мгновение я рассматривал его.

— Ты действительно готов применить ЭТО против тех людей?

У него стал такой вид, будто ему плюнули в лицо.

— А вы бы не применили, будь в моем положении?

«В твоём, — подумал я, — а также в положении множества людей, но особенно — в твоём положении, Айк. Да!»

Будучи рационалистом, я питал отвращение к иррациональной сущности гностицизма. Будь я набожным христианином, я мог бы предъявить церкви иоаннитов длинный счет. Тут и ее претензии быть преемником всех прочих церквей, и отрицание всякого права этих церквей на дальнейшее существование.

И еще в большей степени, вероятно, — эзотеризм иоаннитов, отрицающих, что Бог изливает свою милость на все человечество. И рационалист, и верующий — равно могли бы протестовать против извращения церковью иоаннитов Евангелия от Иоанна, не только самой мистической, но и самой прекрасной книги Святого Писания.

Но если вы еврей, иоанниты вырывают из контекста и швыряют вам в лицо изречение вроде: «Много есть в этом мире людей, которые не признают, что Иисус Христос явился к нам во плоти. Такой человек обманщик и антихрист». И вы бы поняли, что возрождается древний кошмар антисемитизма.

Чуть смутившись, я обернулся к Биллу Харди, нашему Главному Парацельсу. Он сидел, покачивая ногой, на лабораторном стуле.

— Сколько вы получили вещества? — спросил я.

— Около пятидесяти галлонов, — ответил Билл.

— Ого! Без всякой алхимии?

— Абсолютно без всякой. Чистая и честная реакция Берцелиуса.

Допускаю, что нам просто повезло, что у нас в запасе было много исходных ингредиентов.

Я содрогнулся, вспомнив ужасный пример, приведенный им, когда обсуждался план.

— Как это отзовется на Мидгарде?

— Ну, в департаменте Производства... полным-полно всяких распоряжений. Например, от маслопроизводителя требуют принятия многих мер предосторожности против прогорклости. С процессом вы знакомы. Мешало то, что вы не хотели, чтобы реакция была сперва проведена в пробирке, а только потом, с помощью симпатических чар, было изотовлено несколько тонн этого вещества. Правительство может попытаться взять под контроль популяцию скунсов в Западных штатах и... — он замолчал.

Вошла Джинни. Ее глаза блестели. Она держала волшебную палочку, словно меч Валькирии.

— Приступим, мальчики! — В ее голосе слышался лязг металла.

— Пойдемте. — Барни приподнял свое объемистое туловище.

Вслед за ней мы пошли к контейнерам. Это были самые обычные одногаллонные канистры, такие, в каких продается жидкая краска. Но на воске, запечатавшем винтовое горло каждой канистры, была оттиснута печать Соломона, и я подсознательно ощутил, как напряжено поле сверхъестественных сил вокруг этих посуды. Казалось невозможным, чтобы ученым удалось погрузить их на тележку и вывезти.

Вместе со мной в мой отдел вошли Айк и его команда. Наспех

смонтировали аппаратуру, которая тоже не производила особо внушительного впечатления. Честно говоря, это было спаянное на скорую руку чудовище: большой, работающий на бензине электрический генератор в обрамлении катушек и пучков проводов. Для эксперимента иногда требуется больше энергии, чем способны дать заботливо экранированные силовые линии общего пользования.

Чтобы эта халтура заработала, мне пришлось снять с генератора магнитные экраны. Поэтому все, что мы сейчас имели, — это кучу железа. Никакими чарами в непосредственной близости от генератора не пахло. Айк, весь день пребывающий в своей стихии, взвалил на себя генератор и неуклюже потопал за мной следом. Он снова стал собой: протащил генератор через все залы и комнаты, и затормозил, лишь поднявшись по лестнице.

Без сомнения, ему иногда хотелось, чтобы люди никогда не открывали способа воздействовать на сверхъестественные силы (влиять на них мы научились вскоре после конца бронзового века). Он не был ортодоксом. Его вера не запрещала ему использовать колдовство. Но не был он и реформатором либо неохаосистом. Он был иудаистом консервативного толка. То есть мог использовать предметы, приведенные в повиновение с помощью колдовства кем-то другим. Но сам порождать чары не имел права. Нужно отдать ему должное, невзирая на это, он и сам работал успешно, и пользовался уважением своих подчиненных.

Он ухитрился дотащить никак не приспособленное к переноске устройство, вместе со всем добавочным оборудованием, до гаража. На его плоской крыше уже собрались все остальные. Джинни предстояло отправить канистры по назначению именно отсюда. Канистры покачивались в воздухе там, где их могли достать создаваемые генератором искажения магнитного поля.

Мы втащили его наверх. Затем осторожно установили возле светового люка. Барни обошел машину по кругу. Из-за генератора мы не могли подняться к нашим друзьям ни с помощью метлы, ни с помощью заклинаний. Пришлось подниматься по веревочной лестнице.

— Готовы? — спросил Барни. В тусклом тревожном свете на его лице поблескивали бусинки пота. Если наша затея окончится неудачей, отвечать за непредвиденные последствия придется ему.

Я проверил все соединения.

— Ну, ничего не отошло, но дай мне сперва осмотреться.

Я подошел к стоящей у низкого парапета Джинни. Внизу мутным потоком бурлила толпа. Задирали вверх исполненные ненависти плакаты и лица. Они заметили парящие над ними контейнеры и поняли, что решающий момент близок. Склонившись над алтарем, что-то делал посвященный Мармидон. Я понял, что он усиливает поставленное им защитное поле. До меня донеслись незнакомые слова:

— ...Хелифомар, мабонсарун гоф ута эннунас сацинос...

Молитва перекрывала угрюмое бормотание осаждающих.

Огни Эльма вспыхнули ярче. Насыщенный энергией воздух потрескивал, кипел, пахло грозovým ветерком озона.

На губах моей любимой появилась слабая задумчивая улыбка.

— Как бы это понравилось Свертальфу, — сказала она.

Барни неуклюже подошел к нам.

— Можно начинать, и я дам им последний шанс...

Он прокричал те же предупреждения, что и прежде. В ответ раздались пронзительные вопли. В стену застучали объедки и камни.

— О'кей, — сказал Барни. — Хватит задерживать.

Я шагнул назал, к генератору, и запустил мотор. Включил ток. Генератор запел, прерывисто задрожал. Я вдохнул отвратительный дым, и стало радостно. Хорошо, что мы не полагались на двигатели внутреннего сгорания. Мне приходилось видеть так называемые автомобили, они были построены около 1900 года, незадолго до полета первой метлы. Поверьте мне, помещения, где хранятся автомобили, не надо называть музеями. Гораздо точнее — «Хранилища ужасной нелепицы».

Громкий голос Джинни отвлек мое внимание. Он отправлял канистры в предназначенное для них место. Я их уже не видел. Теперь, равномерно распределенные по всей площади, они плавали в десяти футах над головами толпы. Джинни взмахнула волшебной палочкой. Я щелкнул главным выключателем.

Нет, чтобы очистить принадлежащую «Источнику» территорию, мы не использовали колдовство... Ток, пройдя по обмотке генератора, породил такое магнитное поле, что в радиусе ста ярдов прекратилось действие как наших, так и их чар.

Все приборы, которые могли быть повреждены, мы упрятали в помещение, обитое изнутри изолирующим материалом. Мы повторно предостерегли толпу, что проводим эксперимент с транспортировкой жидкостей, возможно, являющийся опасным. Ни один закон не мог от нас требовать, чтобы мы добавили, что эти жидкости — находящиеся под большим давлением, намеренно испорченные нами консервы. Настолько испорченные, что готовы взорваться каждую секунду. И взорвутся, когда исчезнут силы, поддерживающие защитное поле.

На самом деле мы намеренно преувеличили опасность. Мы пытались свести на нет, по крайней мере уменьшить вред, причиненный захватчикам. Ничего страшного в контейнерах не было. Может, присутствовал слабенький токсикон в такой концентрации, что об этом и говорить не стоило. Хотя... нормальное человеческое обоняние сочло бы ее достаточной, чтобы забить тревогу.

Просто безобидная смесь таких веществ, как бутил-меркаптан, трупные запахи и ароматы гниения... М-да, у всей этой органики великолепная проникающая способность. И если хоть несколько капель попадет на кожу человека, вонь не исчезнет в течение недели, а то и двух.

Донесся первый истошный визг. Настала минута моего торжества. Затем нахлынула волна зловония. Я забыл надеть противогаз, забыл,

что, даже когда я человек, мой нос все же достаточно чувствителен. Одно слабое дуновение, и я задохнулся. Меня вырвало, содержимое моего желудка разлетелось по всей крыше. Запах, в котором смешалась вонь скунса, прогорклого масла, сгнившей спаржи... Это было гниение, гибель, это были колеса Колесницы Джагорнаута, вымазанные лимбургским сыром... это было выше всякого выражения. Я едва смог натянуть на себя маску.

— Бедняга, бедный Стив, — рядом стояла Джинни.

— Они убрались? — прошипел я.

— Да... Вместе с полицией. А с ними, похоже, и половина квартала.

Я вздохнул с облегчением. Была в нашем плане слабая точка: оппозиционеры не разбегутся, а, возжелав наших жизней, вломятся в уже незащищенные двери. Узнав на собственном опыте, что мы им устроили, я теперь не думал, что такое возможно. Свою задачу работники лаборатории выполнили лучше, чем сами надеялись.

Вряд ли нужно ожидать, что они захотят вернуться. Если тебя арестовали или ты сложил голову за общее дело — ты герой, и твой пример вдохновляет всех прочих. Но если ты просто-напросто сделался таким, что не можешь поговорить с лучшим другом (потому, что он не может приблизиться на расстояние слышимости), видимо, твоя борьба за общее дело закончилась неудачей...

Я схватил Джинни, прижал к себе и принялся целовать. Черт, снова забыл о противогазе! Она распутала хоботы масок.

— Мне лучше пойти, пока эта гадость не разошлась по всему городу, надо уничтожить ее, — сказала Джинни. — Выключи свою машину и заэкранируй ее.

— А-а... да, — мне пришлось согласиться. — Мы намечали, что завод возобновит работу уже утром...

То одно обнаруживалось, то другое, но еще пару часов мы были заняты. Когда закончили, Барни раздобыл несколько бутылок и до самого рассвета мы отмечали победу. Небо в восточной стороне вспыхнуло розовым заревом, и лишь тогда мы с Джинни, шатаясь и икая, взобрались на нашу метлу.

— Домой, Джеймс.

Нас обвеивал прохладный воздух, высоко над головой разворачивался купол небес.

— Знаешь что? — сказал я через плечо. — Я люблю тебя.

— Мур-р, — она дотянулась, потерлась щекой о мое плечо. Руки скользнули по моему телу.

— Бесстыжая девка, — сказал я.

— Предпочитаешь что-нибудь в другом роде?

— Ну, нет. Но могла бы и подождать немного. Я тут с тобой чувствую себя все более развратным с каждой минутой и не имею никакой возможности удовлетворить похоть...

— О, возможность есть, — пробормотала она мечтательно. — Даже на помеле. Забыл?

— Не забыл. Но черт побери, здесь, как и на других воздушных

линиях, вот-вот все будет запружено. Зачем в поисках уединения лететь несколько миль, когда у нас рядом есть великолепная спальня?

— Верно. Твоя идея мне нравится. Всего пятнадцать минут, и нам обеспечено уединение в собственном доме... Прибавь пару, Джеймс.

Метла резко ускорила полет.

Меня переполняло счастье, и мое счастье была Джинни.

Она первая почуяла признаки сверхъестественного. Я понял лишь, что ее голова оторвалась от моих лопаток, руки отпустили мою талию, ногти сквозь рубашку вонзились в тело.

— Какого Молоха!

— Т-с! — выдохнула она.

Полет. Молчание. Легкий, но неприятный холодный ветер рассвета. Наконец она заговорила. Голос ее звучал напряженно, он был каким-то ослабевшим, растерянным:

— Уже некоторое время я чувствую что-то неладное. Возбуждение и все такое... я об этом забыла.

У меня все дрогнуло внутри, как будто я готовился к превращению в волка. Чувства и сверхчувства стали ощущать пространство. Повседневная магия плюс кое-что полученное в армии плюс чуточку более солидная инженерная подготовка. Но у человека-волка есть еще и прирожденные инстинкты и знания.

Наконец я понял.

Вокруг веяло ужасом...

Помело устремилось вниз. Мы уже поняли, что ЭТО случилось в нашем доме.

Мы соскочили с метлы на газоне перед домом. Я повернул ключ, ворвался в дверь. В доме было темно.

— Вал! — закричал я. — Свертальф!

Замки не были сломаны, стекла целы. Мечи и камни, охранявшие проходы, по которым к нам могло проникнуть сверхъестественное, находились на прежнем месте.

Но стулья были опрокинуты, вазы сметены со столов и разбиты, стены, пол, ковры — вся квартира забрызгана кровью...

Мы вбежали в комнату Валерии. Когда же увидели, что малютка спокойно спит в своей кроватке, то обнялись и расплакались.

Наконец Джинни удалось заговорить:

— Где же Свертальф? Что случилось с ним?

— Я поищу! Он совершил подвиг.

— Хорошо. — Джинни вытерла глаза.

Она оглядела царящий в детской беспорядок. Взгляд ее сделался жестоким.

— Почему она не проснулась? — спросила она голосом, какого я раньше никогда не слышал.

Я уже начал поиск. Свертальф нашелся на кухне. Линолеум был залит кровью. У кота переломаны кости, разорвана шкура, распороты брюхо. И все же он еще с хрипом дышал. Я не успел рассмотреть, какие у него еще повреждения, как раздался пронзительный крик Джинни. Я галопом помчался обратно.

Она держала ребенка на руках. Из-под спутанных золотистых локонов тускло и тупо глядели голубые глаза. Лицо Джинни так осунулось, что, казалось, кости скул сейчас прорвут кожу.

— С ней что-то случилось, — сказала Джинни, — не знаю что, но случилось...

Я постоял мгновение, чувствуя, как вдребезги разлетается Вселенная. Потом я шагнул в туалет. Там темно, а мне сейчас нужна темнота. Сорвал с себя одежду и пустил в ход фонарик. Превратившись, подбежал к ним. Нос волка впитывал их запахи. Я сел на задние лапы и взвыл.

Джинни выронила то, что держала.

И пока я совершал обратное превращение, она неподвижно стояла возле кровати.

Превратившись, я сказал:

— Я позвоню в полицию. — Я не узнал собственного голоса. — Это не Вал. Это вообще не человек...

21

Я не могу вспомнить в подробностях, что происходило в течение нескольких следующих часов.

К полудню мы оказались в моем рабочем кабинете. Начальник местной полиции почти сразу понял, что дело выходит за пределы его компетенции, и убедил нас известить ФБР. Работники Бюро тщательно, дюйм за дюймом, обследовали дом и весь участок. Лучшее, что мы могли сделать, — не путаться у них под ногами.

Я сидел на кровати, Джинни — на краю вращающегося стула. Время от времени кто-то из нас вскакивал, ходил по кругу, произносил какую-то бессмыслицу и падал обратно. Густо висел туман табачного дыма. Пепельница переполнилась окурками. В голове было пусто. Взгляд Джинни был глубоко обращен вглубь себя. В окнах — солнечный свет, трава, деревья. Все это теперь казалось нереальным.

— Тебе правда нужно что-то поесть... — сказал я в Бог знает какой раз. — Подкрепи силы.

— Поешь сам, — ответила она, глядя в никуда.

— Я не голоден.

— Я тоже.

Нас снова охватил ужас.

Резкий телефонный звонок сорвал нас с места.

— С вами хочет поговорить доктор Акман, — сказала трубка. — Будете говорить?

— Во имя самого Господа, да! — вырвалось у меня. — С видеоконтактом!

На мгновение я лишился рассудка и никак не мог сконцентрироваться на первом сообщении человека, с чьей помощью в этот мир вступила Валерия. Мой разум закрутился вокруг принципов

устройства телефона. Симпатические вибрации, когда оба абонента чарами заклинают один и тот же номер. Если пожелает — видеоконтакт с помощью магического кристалла, частичное вселение души в аппарат для передачи речи...

Рука Джинни обхватила мое запястье. Ледяная рука. Это привело меня в чувство.

Лицо Акмана выглядело почти таким же изможденным, как и лицо Джинни.

— Вирджиния, Стив... — сказал он, — у меня для вас сообщение.

Я попытался ответить. Не смог.

— Вы были правы, — сказал Акман. — Это гомункулус.

— Почему исследования заняли столько времени? — спросила Джинни. В ее голосе не было уже той силы. Просто хриплый суровый голос.

— Потому что случай беспрецедентный. Об оставленных колдунами подменышах до сих пор говорилось только в легендах. Ничто в имеющихся данных даже косвенно не указывает на причину, по какой нечеловеческий разум украл ребенка... и каким образом это сделано. И, конечно, нам неизвестна причина, по которой этот гипотетический похититель оставил вместо ребенка голема... — он вздохнул. — Вероятно, мы знаем меньше, чем полагали.

— Что вам удалось обнаружить? — В голосе Джинни вновь зазвучала решимость.

Я пристально посмотрел на нее.

— Вместе со мной, — сказал Акман, — исследования вели полицейский хирург, люди из криминалистической лаборатории, а позднее паталогоанатом из больницы университета. Вернее, я вместе с ними. Я ведь домашний врач. Несколько часов мы потратили на проверку предположений, что Валерия заколдована. Сами понимаете — подобие полное.

Данное существо не имеет разума. Линии электроэнцефалограмм практически ровные... Но оно идентично вашей дочери во всем, вплоть до отпечатков пальцев. Однако она... оно не смогло отреагировать на все наши терапевтические заклинания. Что привело нас к мысли, что это тело — имитация. Стив, мы втолковывали это вам с самого начала. Наш вывод подкреплён целой серией тестов.

Например, процентное содержание соли в тканях гомункулуса наводит на мысль, что его создатель не имеет достаточного ее количества. Окончательно вопрос был решен, когда сделали инъекцию радиоактивной Святой воды. Метаболизм и отдаленно не схож с человеческим...

Нам помогло, что он говорил таким сухим тоном.

Ужас постепенно начал приобретать пусть туманные, но очертания. Колесики мозга со скрипом пришли в движение. Как найти способ вступить в бой с похитителем?

— Что сделают с подменным? — спросил я.

— Полагаю, что власти предпочтут сохранить ему жизнь. В надежде, что... что удастся что-нибудь узнать. Понять и что-нибудь

сделать. В конце концов, если больше ничего не случится, он, несомненно, перейдет в собственность государства. Не питайте ненависти к этому бедному существу. Все, что оно есть, — бедное существо, созданное для какой-то злой цели. Но ответственности за это оно не несет.

— Если не возражаете, не будем терять времени, — резко сказала Джинни. — Доктор, у вас есть какие-нибудь идеи, как вернуть Вал?

— Нет. Это угнетает меня. — Он нахмурился. — Хотя я только медик... Что еще я могу сделать? Скажите, что? Я начну тогда немедленно.

— Можете начать прямо сейчас, — сказала Джинни. — Вы, конечно, слышали, что мой кот защищал Вал и был очень сильно изранен. Сейчас он у ветеринара, но я хочу, чтобы им занялись вы.

Акман не скрыл удивления:

— Что? Но, право же... послушайте, я не могу спасти жизнь животному, если этого не может даже специалист!

— Здесь нет проблемы. Свертальф выкарабкается, но ветеринар не подготовлен для работы с дорогостоящим, предназначенным для людей оборудованием. У него нет и самого оборудования. Я хочу, чтобы кот выздоровел как можно скорее. Если у вас нет нужных зелий или заклинаний, узнайте, как их найти. Деньгами можете не ограничиваться...

— Подожди, — сказал я, — сколько с меня высосут эти пиявки?

Она тут же оборвала меня:

— Счет оплатит «Источник». Или правительство. У них денег хватит. С подобным они еще не сталкивались. Возможно, впереди страну ждет крах. — Она выпрямилась. Мрачный взгляд, свисающие прямые волосы, одежда та же, что была прошлой ночью... и все же она снова была капитан Грейлок из Четырнадцатого кавалерийского полка Соединенных Штатов Америки. — Я не спятила, доктор. — Поразмыслите, что вытекает из того, что вы обнаружили, — продолжала она. — Не исключено, что Свертальф может дать какую-нибудь информацию о том, с чем он столкнулся. Но, конечно, только не в том случае, если он был без сознания. В конце концов, и мы обязаны быть хорошими товарищами и помочь ему всем, чем только можем.

Акман поразмыслил с минуту.

— Хорошо, — сказал он.

Он уже собрался закончить разговор, когда дверь кабинета открылась.

— Подождите-ка! — приказал чей-то голос.

Я мигом (да теперь-то к чему эта скорость) повернулся на каблуках. Я увидел твердое коричневое лицо и мускулистое тело Роберта Сверкающего Ножа. Глава местного отделения ФБР был облачен в старомодный деловой костюм. Такие костюмы в его организации — рабочая униформа. Украшенная перьями, его шляпа мела, казалось, по потолку. Смахивающая на полицейскую дубинку бутыл из выдолбленной тыквы, похлопывала по задку при каждом

шаге. Одеяло, брошенное вокруг плеч, и раскрашенная кожа щек были усеяны изображениями орлов, солнечного диска и Бог знает чего еще.

— Вы подслушивали, — обвиняющим тоном заявил я.

Он кивнул:

— Нельзя упускать ни одного шанса, мистер Матучек. Доктор Акман, вам придется соблюдать абсолютную секретность. Никаких, как вы намеревались, консультаций с не умеющими держать рот на замке шаманами и знахарями.

Джинни вспыхнула:

— Послушайте...

— Вашего кота вылечат, — тем же самым не допускающим возражений резким тоном пообещал Сверкающий Нож. — Сомневаюсь, что он может оказаться в чем-то полезным, но нельзя упускать ни единой возможности. Счет оплатит Дядя Сэм. Доктор Акман по-прежнему может руководить работой своей группы. Но я хочу, чтобы всем ее членам было ясно... Наверняка, черт возьми, ясно! Что они не должны болтать больше, чем необходимо. Задержитесь в своем кабинете, доктор. В течении часа к вашей группе присоединится оперативник.

Врач рассвирепел:

— Сколько же времени ему понадобится, чтобы убедиться, что все приглашенные мной специалисты — самые благонамеренные американцы?

— Это займет у него очень немного времени. Вы удивитесь, как много он уже о них знает. Вас также удивит, как много будет неприятностей у того, кто будет настаивать на своем праве поведать прессе или даже своим друзьям, как пойдут дальше дела. — Сверкающий Нож саркастически усмехнулся. — В наши дни любители подслушать, обладают самой изощренной аппаратурой...

Дверь он оставил приоткрытой. Было слышно, как его люди бродят по дому и о чем-то вполголоса говорят друг другу. В комнате, почему-то, чувствовался сильный кислотный запах.

— Сядьте, пожалуйста. — Сверкающий Нож оперся спиной о книжную полку, внимательно посмотрел на нас.

Чтобы овладеть собой, Джинни понадобилось заметное усилие.

— Вам не кажется, что вы действуете, как уличные грабители?

— Обстоятельства вынуждают, миссис Матучек.

Джинни закусила губу и кивнула.

— Может, перейдем к делу? — попросил я.

Суровая жестокость ненужной маской слетела со Сверкающего Ножа.

— Мы осведомлены, что у вашей жены есть определенные подозрения, — сказал он с таким выражением, что подумалось, а нет ли у него самой дочери. — Она ведьма и уже все поняла. Но не желает допускать эту мысль, пока есть хоть какая-то надежда, что ответ может быть менее ужасен. Это не обычное похищение.

— Конечно же!

— Подождите. Я сомневаюсь, относится ли вообще данный случай к категории «похищение». Возможно, он выходит за пределы юрисдикции моего Бюро. Однако, как сказала ваша жена, здесь в большой степени затронуты интересы национальной безопасности. Я свяжусь с Вашингтоном, пусть там решают. В конечном счете — хоть сам президент. А пока мы не должны раскачивать лодку.

Я перевел взгляд с него на Джинни. Снова не имеющий формы ужас. Снова — не конкретное существо, с которым можно сражаться, а просто обстановка кошмара.

— Пожалуйста... — прошептал я.

Угол рта Сверкающего Ножа быстро и страшно дернулся. Он заговорил ровной бесцветной скороговоркой:

— Мы установили, что кровь полностью принадлежит коту. Обнаружены слабые следы иоарха, то есть крови сверхъестественного существа. Не сам иоарх, но, вероятно, возникшие вследствие его воздействий пятна. Больше нам дало изучение оставленных на полу вмятин и царапин. Эти отметины мы идентифицировать не смогли, они не принадлежат ни одному из известных нам существ, как обычного, так и сверхъестественного мира.

И поверьте мне, в нашей фирме работают хорошие идентификаторы. Внешний факт состоит в том, что в дом никто не входил. Мы проверили все возможные способы проникновения... и опять-таки нам известно множество различных способов. Ничто не сломано, не снято, не просверлено. Нет и признака воздействия на символы и предметы охраны. Их поля развивают полную мощность, надлежаще настроены, ловушки в порядке, нигде ничего не нарушено.

Поэтому никто и ничто не могло пролететь в дымовую трубу, просочиться в щель, дематериализоваться, пройти сквозь стену. Или чарами заставить присматривающего за ребенком впустить его. Столь же многозначителен тот факт, что никто по соседству не видел и не слышал ничего, вызывающего тревогу. Вспомните о так называемом втором зрении сторожевых собак. Вспомните, как быстро распространяется среди них тревога. Появись на вашей улице с враждебными целями кто-нибудь сверхъестественный — поднялся бы гам, перебудивший всех на три квартала в округности. Вместо этого ваши ближайшие соседи сообщили, что слышали что-то напоминающее шум кошачьей драки...

Помолчав, Сверкающий Нож закончил:

— Наверняка наши знания в области магии неполны. Однако мы знаем достаточно о применении магии в преступных целях, чтобы сказать с уверенностью — никакого насильственного проникновения в дом не было.

— Так что же в таком случае было? — закричал я.

Вместо него ответила Джинни:

— Это пришло к нам из Адской Вселенной...

— Теоретически это могло быть и существо небесного происхождения, — Сверкающий Нож коротко и натянуто улыбнулся, — но с

философской точки зрения... это исключено. Девочку похитил кто-то из слуг дьявола.

Джинни упала на стул. Ее лицо было безжизненным, подбородок на кулаке, вторая рука безвольно уронена на колени, глаза полузакрыты. Она забормотала, будто в бреду:

— Подменыш прекрасно подтверждает вашу теорию, не так ли? Согласно современной науке, перенос материи из одного пространственно-временного континуума в другой требует соблюдения известных физических законов. Психическое излучение проникать из континуума в континуум не может. Отсюда: видения, соблазны, вдохновение и так далее. Тут действует принцип неопределенности. Но к объектам реального мира это не относится. Если осуществляется перенос из одной реальности, из одной Вселенной в другую, необходимо объект переноса заменить другим предметом. В нем должно содержаться точно такое же количество материи. Точно так же должно в точности совпадать на момент переноса и строение обоих предметов...

Лицо Сверкающего Ножа выражало тревогу.

— Сейчас неподходящее время ссориться с Всевышним, — пробормотал он.

— У меня не было и нет такого намерения, — вяло сказала Джинни. — Он всемогущ. Но могущество его слуг ограничено. Для них наверняка легче перенести предмет, не меняя его естественной формы, чем решить проблемы изменения формы, учитывая, что в нем содержится неисчислимое количество имеющих разную скорость атомов.

Гораздо легче обеспечить подобие предмета заменой. Вероятно, то же относится и к обитателям Нижнего Континуума. У них отсутствует творческое начало. По крайней мере, так утверждает петристская церковь. Насколько я понимаю, вероучение иоаннитов включает элементы манихейства. Демон мог перейти из своей Вселенной в любую точку нашего дома, поскольку естественная форма его существа — хаос. Ему для перехода не нужно было ничего, кроме обладающих высокой энтропией грязи, пыли и отбросов мусора. Выполнив задуманное, он, вероятно, возвращаясь, вернул все это обратно. Не исключено, следы этого можно заметить. Я знаю, что во время драки все в доме было перевернуто вверх дном, но было бы полезно произвести лабораторный анализ содержимого помойного ведра, песка для кота и так далее.

Фэбээронец поклонился:

— Мы уже подумали об этом и обнаружили, что содержимое всюду одно и то же.

— О, вы-то как догадались подумать об этом? При таких обстоятельствах... — Глаза Джинни раскрылись, и голос ее зазвенел, как медленно вытаскиваемая из ножен шпага: — Наша дочь в Аду, сэр. Мы намерены вернуть ее.

Я подумал о Валерии. Она одна, а вокруг визжащее и

кривляющееся нечто, жестокий и безымянный ужас. Она кричит, зовет папу и маму, а они не идут...

Я сидел на кровати, меня окружала ночь, которой не было конца, и слушал доносящийся с другого конца спальни, будто из опасной пропасти шириной во многие световые годы, слова моей любимой:

— Давайте не будем тратить время на эмоции. Я продолжу дальнейшую реконструкцию случившегося. Если я ошибусь — поправьте. Демон (возможно, их было несколько, но я принимаю, что он был один), так вот, демон вошел в наш космос в виде рассеянного скопления материи, но тут же собрался воедино компактной массой. Путем обычной трансформации он принял выбранную им форму. Можно принять как истину, что ни Вrag, ни любой из его прислуживателей (если верна петристская традиция) не стал бы мешать демону. Он мог бы принять облик какого-либо реально существующего создания.

То, что вам не удалось его идентифицировать, ничего не означает. Это существо могло быть порождено уже забытой мифологией или придумано кем-то, наделенным особо богатым воображением. Может быть, даже на другой планете. Наша семья не особенно набожна. Было бы лицемерием, а потому — бесполезно, если бы мы пытались возвести вокруг себя защитную стену из религиозных символов. Кроме того, несмотря на прежние наши схватки с одним-двумя демонами, мы не ожидали, что один из них вторгнется в обычный пригородный дом, принадлежащий обычной средней семье.

В легендах не приводится ни единого подобного случая. Так что вторжению демона ничто не препятствовало. Он располагал всего несколькими фунтами массы.

С ним мог бы справиться любой сохранивший присутствие духа человек. В крайнем случае обратил бы его в бегство.

Демону было бы не до выполнения его грязного дела, а тем временем успели бы позвонить экзарситу. Но в ту ночь ни одного взрослого человека здесь не было.

Свертальф говорить не умеет, а никакого иного средства позвать на помощь у него, очевидно, не было. Он мог бы одержать победу, но не смог справиться с существом, сплошь состоящим из клыков, когтей, шипов и брони. В конце концов, победив Свертальфа, он схватил Вал и унес ее в Нижний Континуум. Предназначенной для обмена массе была придана форма нашей дочери. Я права?

Сверкающий Нож кивнул:

— Полагаю, да.

— Что вы намерены теперь предпринять?

— Честно говоря, сейчас мы не можем сделать очень многого. Ничего не можем сделать. Мы не знаем, зачем было совершено преступление. Его мотивов.

— Вам стало известно о них прошлой ночью. Мы приобрели могущественного и опасного врага. Полагаю, что заявления иоаннитов, что их адепты владеют тайнами знаний, — истина.

Эзотеризм всегда больше ассоциировался не столько с божественным, сколько с дьявольским. Я предлагаю начать поиск с кафедрального собора.

Лицо Сверкающего Ножа, несмотря на покрывавший его слой краски, явно выразило сострадание.

— Я уже объяснил вам, миссис Матучек, когда вы впервые догадались, кто может быть ответственным за преступление, что это очень опасно — предъявить обвинение, не имея серьезных улик. Сейчас сложилась крайне деликатная ситуация. Кто может понять это лучше, чем вы? Мы не вправе допустить новых беспорядков. Кроме того... скажу, не скрывая, — это вторжение, возможно, означает начало чего-то гораздо более страшного. Гораздо более худшего, чем похищение вашей дочери...

Я приподнялся.

— Ничего не может быть хуже, — тихо сказал я.

Он не обратил на это никакого внимания. Он понимал, что сейчас главный из нас — Джинни.

— Наши знания об Адской Вселенной практически равняются нулю. Я сейчас выдам вам то, что сохраняется в глубокой тайне, так как подозреваю, что вы всегда докопаетесь до правды на основании незасекреченной информации. Лишь очень немногие из гражданских волшебников знают то, что вы сейчас услышите. Армия предприняла несколько попыток проникнуть туда. Успех был не больше, чем у института Фауста триста лет тому назад. Пробыв там считанные минуты, люди возвращались в состоянии крайнего психического шока. И не могли рассказать, что с ними случилось. А записи приборов не имели никакого смысла.

— Если только вы не примете гипотезу Никельсона, — сказала Джинни.

— Какую гипотезу?

— Гипотезу, что пространство-время в том космосе, в отличие от нашего, является неевклидовым. Что его геометрия меняется от точки к точке, — сухо пояснила Джинни.

— А, да, мне говорили, что армейские исследования пришли к выводу... — Он увидел торжество, вспыхнувшее в глазах Джинни. — Черт, ловко вы меня поймали в ловушку! — И опять непреклонным тоном: — О'кей. Вам придется понять, что мы не имеем права действовать вслепую и опрометчиво, когда в действие по трудно понятным причинам вовлечены неизвестные силы. Результаты могут оказаться катастрофическими. Я намерен доложить обо всем самому директору Бюро. Я уверен, что директор тут же доложит обо всем самому президенту. И равным образом уверен, что президент прикажет нам не терять бдительности, но, пока мы не узнаем больше — носа не высовывать...

— А как насчет Стива и меня?

— Насчет вас — все так же. Запомните, если понадобится, с вами свяжутся.

— Сомневаюсь. Какой выкуп может потребовать демон?

— Тот, кто наслал демона...

— Повторяю вам, займитесь иоаннитами!

— Займемся. Мы займемся всеми, кто попал в наше поле зрения.

Пусть это и не очень разумно, но понадобится время.

— А пока что Валерия находится в Аду!

— Если вам понадобится священник для очистки душ, наши служащие Бюро располагают священнослужителями практически всех вероисповеданий. Если хотите, я вызову сюда священника.

Джинни покачала головой:

— Спасибо, нет. Попросите их, чтобы они помолились за Вал. Вреда от этого не будет. Правда, сомневаюсь также, что это принесет пользу. Но, конечно, никакой священник не может помочь Стиву и мне. Все, что мы хотим, — это получить возможность разыскать свою дочь.

Мое сердце забилося. Оцепенение спало. Я встал.

Сверкающий Нож обхватил себя за плечи руками.

— Я не могу, конечно, допустить этого... вы двое совершили в прошлом почти неправдоподобное. Но ставки сейчас слишком велики, чтобы доверить игру дилетантам. Если вам угодно меня возненавидеть — пожалуйста. Мне будет больно, но, если это послужит вам хоть каким-нибудь утешением... Но я не позволю вам рисковать ни собственной жизнью, ни интересами общества. Вы останетесь здесь. Под стражей...

— Ты! — Я уже почти кинулся на него, но Джинни оттолкнула меня.

— Прекрати, Стив, — жестко сказала она. — Не создавай дополнительных трудностей. Мы — ты и я — сделаем вот что. Если это не помешает следствию, поедим через силу и выпьем сонного зелья. И перестанем дергаться до тех пор, пока снова не научимся думать.

Сверкающий Нож улыбнулся:

— Спасибо. Я был уверен, что вы проявите благоразумие. Я пойду потороплю на кухне, так что вы скоро сможете поесть.

Я закрыл за ним дверь. Я весь трясся от ярости.

— Какого черта нужно было разыгрывать весь этот фарс? — разбушевался я. — Если он полагает, что мы будем сидеть и ждать, пока чиновники изволят прогоготать свое разрешение...

— Тихо! — Она коснулась губами моего уха и зашептала: — Думаешь, эта поганая стража будет для нас что-нибудь значить?

— О-хо-хо! — в первый раз за все время я рассмеялся. В изданных мной звуках не было ни веселья, ни мелодичности, и все же это было нечто вроде смеха...

Нельзя сказать точно, что мы оказались под домашним арестом. Приставленный к нам хорошо воспитанный молодой мужчина обеспечивал нашу безопасность. И, когда нужно, помогал по хозяйству. Но он дал ясно понять, что, если мы попытаемся выйти из дома или передать кому-нибудь весточку, он вдруг обнаружит, что мы замыслили заговор против Всеамериканской комиссии по торговле. Тогда, как ни печально, придется арестовать нас. Он сожалеет.

У парня была хорошая колдовская подготовка. Агент ФБР должен иметь ученую степень в какой-нибудь отрасли волшебства или магии, не считая точных наук, таких как математика, например. Его начальство хотело быть уверенным, что мы не попытаемся выкинуть что-нибудь отчаянное, но Джинни ухитрилась вытянуть из него нужную информацию. Никогда не пойму, как ей удалось это сделать. Не думаю, что она пустила в ход против него чары (я имею в виду чары Искусства).

Ее чары относились скорее к другой области. И против них не мог устоять ни один мужчина с нормально работающими железами внутренней секреции. Но вот что мне по сию пору кажется невозможным — она разговаривала, улыбалась, расцвечивала искрами остроумия какую-то очень ей идущую, чуть женскую, строго отмеренную грусть.

Взмахивая ресницами, она постепенно подводила его к рассказам о его прошлых подвигах... а тем временем каждый угол дома вопил о том, что здесь нет Валерии.

Сославшись на утомление, мы покинули гостиную рано. И действительно, мы очень устали и были крайне измотаны.

— Он хорошо подготовлен в колдовстве, — шепнула моя любимая во мраке нашей спальни. — Но не в практической магии. Постараемся обвести его вокруг пальца, возьми накидку.

Я понял ее намерения. Кончились эти часы несвободы. Во мне забурилась холодная радость. Я содрал одежду и, натянув волчий костюм, надел ее поверх снова. Достал шапку-невидимку, без пользы валявшуюся уже годы... Всего лишь, казалось бы, сувенир времен войны.

Джинни подошла ко мне и крепко прижалась.

— Любимый, будь осторожен! — Ее голос дрожал, и я ощутил, что губы Джинни соленые.

Ей нужно было остаться. Ей отводилась роль разбивать возможные подозрения и действовать, если вдруг поступит требование выкупа. Джинни досталась более трудная часть задачи.

Я надел плащ. Закрывавший лицо капюшон пахнул плесенью. Если точно — не шапка-невидимка, а плащ-невидимка. Маленькие пятнышки видимости показывали, где поработала моль. Крепкий орешек.

Нужно было просто-напросто сбежать из дома, а потом мы надеялись, что будет возможность вернуться обратно. Слишком много

средств разработано в наши дни против шапки-невидимки. Для серьезного дела она уже не годится. Тут и детекторы, работающие на инфракрасных лучах, и банки с краской, взрывающиеся, если сделаешь неверный шаг, и так далее. У нашего всегда дружелюбно относившегося к нам соседа, несомненно, установлены приборы, которые поднимут тревогу, если поблизости обнаружится изменение поля невидимости.

Джинни вполголоса бормотала заклинания и еще что-то. Все необходимое она принесла в эту комнату еще днем. Объяснила это тем, что хочет как можно скорее защитить нас от враждебного нашествия.

Следующий пункт нашего плана был столь же прост. Сверхъестественные силы действуют, пока не очень велик магнетизм Земли. Магнетизм — вот тут и появляются возможности воздействия на эти силы и их изменения. Но сила магнитного поля Земли постоянна. Поэтому обычно поисковые магические приборы не предназначены для обнаружения малых количественных изменений. Джинни придумала хитрую штуку: слабое поле шапки-невидимки постепенно усиливалось по интенсивности вдвое. Теперь, по мере моего удаления от дома, интенсивность столь же постепенно будет снижаться вплоть до первоначального значения. Когда я вернусь, Джинни уничтожит всякие следы этой проделки.

В теории все было просто, а как на практике?.. Как выяснила Джинни, в доме были, видимо, установлены приборы тревоги. Понадобилась вся ее сноровка, чтобы они не сработали.

Наше бедное старое ФБР! Оно понятия не имело, что имеет дело с Джинни и нельзя принимать в расчет лишь уровень образования и наличие оборудования. У нее, помимо этого, был Талант!

Она подала сигнал, и я выскользнул в окно.

Ночной воздух был сырой, промозглый. На газоне, в колдовском сиянии уличных фонарей, блестела роса. Я услышал воющее рычание собаки. Вероятно, она почуяла запах моего плаща. И, несомненно, весь наш участок находится под наблюдением... Да, мое колдовское зрение тут же обнаружило прячущегося в тени фонаря Святого Эльма по ту сторону дороги какого-то мужчину. Я старался шлепать, как можно быстрее и тише. Шел посередине мостовой. Так меньше вероятности, что меня засечет подлец-караульный или сработает сторожевое поле.

Пройдя несколько кварталов, я оказался на безопасном расстоянии — возле местной школы. Свернув, я запрятал плащ-невидимку на помойке, неподалеку от спортивной площадки. Теперь я мог идти открыто, ничем не примечательный законопослушный обыватель, направляющийся куда-то по своим делам. Ночь близилась к концу, следовало позаботиться, чтобы меня не узнал кто-нибудь из прохожих.

Из первой же телефонной будки я позвонил в дом Барни Стурласона. Он сказал, чтобы я пришел к нему прямо сейчас. Такси я брать не стал, предпочел маршрутный ковер, ибо понимал, что,

затерявшись в толпе пассажиров, легче остаться неузнанным. На ковре я и добрался.

Барни открыл дверь. Прихожая была освещена. Желтый свет падал на широкие плечи Барни.

Он тихо присвистнул:

— Я понимаю, что тебе лучше побыть сегодня дома, подстригая кустарник. Но Стив, ты выглядишь так, будто наступил конец света. Что случилось?

— Твои семейные не должны нас слышать, — сказал я.

Он тут же развернулся на каблуках и провел меня в кабинет. Толкнув меня к обитому кожей креслу, Барни запер дверь, налил две здоровые порции шотландского виски и наконец сам опустился в кресло напротив меня.

— Итак?

Я рассказал ему. Никогда прежде на его лице не приходилось видеть мне подобной боли.

— Нет, нет... — шептал он.

Затем он встряхнулся, как медведь, готовящийся кинуться в драку, и спросил:

— Что я могу для вас сделать?

— Прежде всего, одолжи мне метлу.

— Постой... Я чувствую, что ты действуешь опрометчиво. Куда ты задумал отправиться?

— Я собираюсь лететь в Силоам и выяснить там все, что удастся.

— Я так и думал. — Барни зашевелился, кресло заскрипело под его весом. — Стив, это не шуточки. Силой проникнуть в кафедральный собор иоаннитов... Наверное, попытаться выбить признание у какого-нибудь священника... Нет. Ты только накличешь новые беды на ваши головы. И это тогда, когда Джинни нуждается в каждой крохе твоих сил и возможностей. Пусть следствие ведет ФБР. Там работают профессионалы. Допустим, улики действительно существуют. Гонясь за ними, ты их, скорее всего, попросту уничтожишь.

Взгляни фактам в лицо, и ты придешь к тому же самому заключению... — Барни внимательно поглядел на меня. — Добавь к этому моральные соображения. Ты был несогласен, когда вчерашняя толпа пыталась устанавливать свои собственные законы. Претендуешь на то, что у тебя есть такое право?

Я сделал маленький глоток, прислушиваясь к ощущению. Виски приятно обожгло горло.

— У нас с Джинни было время все обдумать, — сказал я. — Мы знали, что ты будешь возражать. Но не мешай. Я им покажу, где раки зимуют. Не хочу, чтобы это звучало драматически, но разве может с нами случиться что-нибудь худшее?

Добавь любое число к бесконечности, сколько угодно... — мне пришлось остановиться, чтобы сделать еще глоток, — и ты получишь ту же самую бесконечность. Насчет того, что у ФБР больше возможностей... Мы не собираемся метаться, словно бык на арене, — лишь бы что-нибудь делать.

Поверь, что мозги у нас тоже есть. Наверняка Бюро уже давным-давно имеет своих агентов среди иоаннитов, досье на лидеров их церкви и так далее, все, что полагается в таких случаях. Но вспомни, как несколько лет назад проходило судебное разбирательство преступлений другой церкви. Помнишь ее аббревиатуру — ХСУА? В обвинительном заключении, предъявленном церкви Генеральным прокурором, не нашлось ни единого веского доказательства. И это несмотря на то, что они открыто отрицали традиции и законы Америки.

— Иоанниты широко проповедуют свои взгляды, — сказал Барни. — Черт возьми, я и сам согласен с некоторыми их утверждениями! Наше общество сделалось слишком мирским, слишком любящим жизненные блага! Все слишком заняты деланием долларов и погоней за наслаждениями. Все увлечены сексом, и ни у кого нет времени на любовь. Огрубелые, бессердечные люди не обращают никакого внимания на неимущих...

— Барни! — рявкнул я. — Ты пытаешься отвлечь меня, расколоть, но это у тебя не пройдет. Либо ты поможешь тут же, либо я получу то, что мне нужно, но в другом месте...

Он вздохнул, нащупал трубку в кармане своего твидового жилета и принялся набивать ее:

— О'кей. Продолжай. Если мой друг не может найти защиты от незаконных... от ведущих к гибели действий руководителей иоаннитов, разве это не доказательство, что иерархия этой церкви служит дьяволу? Или, может, они просто ничего не знают?

— Гностики хвастают, что обладают никому более не подвластными силами и знаниями. Каким-то образом они привлекают на свою сторону все больше людей. И все ближе подводят страну к социальным потрясениям, ведущим к... Ладно. Главное вот что — кто еще, кроме них, может быть связан с тем, что случилось? Возможно даже, они ввязались в это дело непреднамеренно. Полагаю, было именно так. Но с тем, что случилось, они связаны.

Я наклонился к нему.

— Послушай, Барни. Сверкающий Нож признал, что торопиться с расследованием он не будет. А Вашингтон придержит на привязи эту свору еще крепче, чем хочет сам Нож. Нет сомнения, завтра он разошлет агентов расспросить иоаннитов. И как водится, ничего не узнает. Чтобы получить ордер на обыск в церкви, нужно иметь очень веское доказательство. Особенно если так много людей верят, что эта церковь несет им последнее Слово Божье.

И опять-таки, особенно если храм представляет собой лабиринт, секрет которого знают лишь посвященные различных степеней. Ну а если кому-нибудь удастся произвести обыск, что он выяснит? Тут не какая-нибудь заурядная задача. Обычные тесты на наркоманию и тому подобное неприменимы. А будь я Верховный Агент Зефира, я бы сам пригласил фэбээровцев. Пусть смотрят, где им угодно. Всюду, где это допустимо с религиозной точки зрения. Что ему это стоит.

— А чего ты можешь добиться? — вопросом ответил Барни.

— Вероятно, ничего. Но я намерен действовать сейчас, а не через неделю. И ни законы, ни общественное мнение меня не остановят. У меня есть кое-какие особые способности и есть опыт борьбы со злом. И еще — они меня не ждут. И, чтобы закончить наш спор, если там есть, что искать, то лучшие шансы найти это — у меня.

Барни, нахмуясь, разглядывал меня.

— Что касается моральной стороны дела, — сказал я, — ты, может быть, и прав. С другой стороны, я не собираюсь зверствовать, словно мнимый Агент особого назначения, супердетектив Семь-Ноль-Ноль. И, несмотря на все опасения Сверкающего Ножа, я, честно, не понимаю, как я могу спровоцировать серьезное вторжение со стороны Нижнего Мира. Это вызвало бы вмешательство Всевышнего, а Враг не пойдет на открытое столкновение. Что хуже, Барни, незаконное вторжение в чужие владения... может быть, осквернение святынь... или оставленный в аду ребенок?

Он с маху поставил стакан на край стола.

— Ты прав, — вырвалось у него, и он в удивлении захлопал глазами. — Кажется, я разбил дно у этого стакана...

— Закончили. Мне пора.

Мы встали вместе.

— Тебе нужно оружие? — предложил Барни.

Я покачал головой:

— Давай не будем впутываться в уголовщину. Против того, с кем мне придется столкнуться, оружие, вероятно, не поможет.

Мне показалось, что незачем ему объяснять, что за пазухой у меня спрятан охотничий нож, а когда я превращусь в волка, оружия у меня будет полная пасть.

— Ах, да, — сказал я, — договоримся, чтобы все было ясно. Я был у тебя. Без сомнения, это может быть установлено, если хорошо постараться, но, взяв у тебя метлу, снова исчез неизвестно куда.

Он кивнул головой и сказал:

— Верю, что тебя ждет удача. Мое помело не такое быстрое, как какая-нибудь спортивная модель, зато летит почти бесшумно. Я отрегулировал его только вчера. — Он постоял мгновение, размышляя. Сквозь окна сочилась тишина, темень. — Тем временем я тоже начну изыскивать. Билл Харди... Янис Вензель, он работает в библиотеке... Гм, мы можем привлечь к работе твоего доктора Акмана. А как насчет профессора Грисволда из университета?..

Я найду еще людей, способных держать язык за зубами. Тех, кто с радостью захочет нам помочь и готов нести любую ответственность. По крайней мере, мы соберем все незасекреченные данные, относящиеся к Нижнему Континууму. Может быть, добудем что-то из засекреченного. Мы сможем составить уравнения, выделим сведения, предположительно относящиеся к решению нашей проблемы. Потом пропустим весь массив через вычислительную машину и отсеем неработоспособные идеи. Ну, я приступаю к работе прямо сейчас...

Что можно сказать такому парню? Только «Спасибо»!

Похоже, это было вполне в характере церкви иоаннитов. Свой кафедральный собор (единственный на весь Верхний Средний Запад) они воздвигли не в Чикаго, Милуоки или в каком-нибудь городе вообще, а в совершенно пустынном месте.

Даже от нашего скромного городка его отделяло миль сто. Местоположение собора олицетворяло и символизировало отношение гностиков к этому миру как ко злу.

Идея спасения с помощью тайных ритуалов и оккультных знаний...

В отличие от петристского христианства, христианство иоаннитов само не придет к вам. Оно возводит лишь маленькие угрюмые часовни, размером едва ли больше тех будок, в которых стоят караульные. Вы сами должны прийти к христианству иоаннитов.

Вызов такого рода кажется очевидным, и поэтому, подумал я, он, вероятно, неверен. Все, что относится к гностицизму, всегда на самом деле иное, чем кажется. Вероятно, так много народу потому и тянется к иоаннитам в наши дни, что гностицизм весь состоит из загадок. Под одной маской у него обнаруживается другая, а внутри лабиринта — другой лабиринт.

Традиционные церкви создали простую и ясную теологию.

Эти церкви четко определяют смысл своих мистерий (хотя тут нужно отметить общеизвестное — что смертные, то есть мы, не могут постичь все проявления Всевышнего). Они заявляют, что, поскольку этот мир дан нам Создателем, значит, в своей основе он добрый, хороший мир. Многие его недостатки вызваны человеком, и наш долг — стремиться к совершенствованию.

Все это слишком неромантично. А иоанниты апеллируют к мечтам и грезам человека, к ребенку, всегда сидящему внутри нас. Они обещают, что, познав тайну, человек станет всемогущим, и одна часть этой тайны — отрицание этого общества.

Я относился к этому утверждению с высокомерной насмешкой, но в то же время... верил, что в нем есть большая доля правды. Однако чем больше я размышлял, тем меньше мне казалось, что это утверждение что-нибудь объясняет.

У меня было время и желание подумать. Я летел в ночи, над головой сверкали россыпью звезды, внизу — почти такая же россыпь столь же далеких огней деревень и ферм. Вокруг свистел делавшийся все холоднее воздух. Он насквозь пронизывал меня. Теперь я понимал, как мало знаю, как я был ленив в учебе, не ленился лишь получать стипендию.

Но я начал понимать и другое. Факты, уже забытые мной, всплывали в памяти и начали складываться в единую картину. Я чувствовал, что скоро буду понимать больше. Я летел и мрачно размышлял о том, что мне известно о церкви иоаннитов.

Был ли это просто идиотский культ, появившийся то ли два, то ли три поколения назад? Культ, взывавший к чему-то глубоко

погребенному в душе человека Запада? Или он действительно так древен, как утверждают иоанниты, — основан самим Христом.

Другие церкви отрицали это. Само собой, католиков, ортодоксов и протестантов нельзя рассматривать как единую общность петристов. Но общеизвестное мнение, грубо говоря, их такой общностью, в общем-то, считало. Эти церкви одинаково интерпретировали слова, с которыми Иисус обращался к своим ученикам. Они все признавали особо важную роль, которую играл Петр. Хотя, разумеется, между ними были разногласия (включая вопросы о старшинстве Апостолов), все они совершенно одинаково признавали Двенадцать учеников Иисуса.

И еще... и еще... Эти странные слова в последней части Евангелия от Иоанна:

«Тогда Петр, обернувшись, увидел, что ученик, которого Иисус любил больше других, следует за ним. И когда была вечерня, он бросился на грудь ему и спросил:

— Господи, который из нас предаст тебя?

Петр, видя это, сказал Иисусу:

— Господи, а что будет делать этот человек?

Иисус сказал ему:

— Если я хочу, чтобы он ждал, пока я приду, что тебе в этом?

Следуй за мной...

Затем начали ученики все говорить друг другу:

— Собратья, этот ученик не умрет.

Однако Иисус не сказал ему, что он не умрет, но:

— Если я хочу, чтобы он ждал, пока я приду, что тебе в этом?

Этот ученик, который свидетельствует об этом, и написал это. И мы знаем, что его свидетельство истинно...»

Мне были непонятны эти слова, и я все же не уверен, что их понимают и ученые-библеисты (безотносительно к тому, что сами они утверждают). Конечно, именно на этом направлении возникает легенда, что Господь наш что-то совершил, чего никто, кроме Иоанна, не знал. Совершил что-то, о чем не поведал другим церквям — петристским и схожим с ними. Это деяние в конце концов станет известно людям и поведет человека к новому помыслу Божьему. Возможно, нынешний культ иоаннитов целиком и полностью зародился в текущем столетии. Но иоанниты трубят, что этот культ тайно существовал уже 2000 лет.

Это утверждение почти неизбежно ассоциируется с миром потустороннего.

Гностицизм, меняя название, существовал издавна. И всегда считался еретическим течением. В своей первоначальной форме (вернее — формах) он представлял собой попытку растворить христианство в мешанине тайных восточных культов, неоплатонизме и колдовстве. Предание возводит его возникновение к Симеону-магу, упоминавшемуся в Восьмой главе Библии, воспоминания о котором приводят ортодоксов в неподдельный ужас.

Современный иоаннизм обрел сомнительную честь, воскресив это

древнее, от зари времен, религиозное течение, и прокламирует, что оно не было ошибкой, а напротив, несло людям высшую истину. Собственно, Симеон-маг не был извратителем Библии и религии, а пророком.

Насколько вероятно, что все это правда? Может быть, действительно мир стоит на пороге царства Любви? Не знаю. Откуда я могу знать? Но, поразмыслив (причем петристская церковь сыграла не меньшую роль, чем мои эмоции), я решил, что учение иоаннитов — ложь. То, что иоаннизм приобрел такое широкое распространение, я просто отнес за счет столь свойственной для человека тяги к иррациональному.

Так же проста община правдоискателей, исполняющая свои ритуалы и предающаяся различным размышлениям там, где им ничто не помешает. Община притягивает пилигримов, которые нуждаются в крове, заботе и пище. В том же нуждаются священники, псаломщики и другие. Храму (это более точное название, чем «кафедральный собор», но иоанниты настаивают на соборе, чтобы подчеркнуть то, что они являются христианами) необходимы денежные поступления.

Как правило, поступают значительные пожертвования, и эти деньги оказываются в умелых руках. Зачастую вокруг первоначально уединенного храма вырастает целый город. Так возник и Силоам, куда я направлялся.

Просто. Банально. Почему у меня возбуждают беспокойство сведения, известные любому читателю ежедневной прессы? Может, я размышляю над этим, просто чтобы не думать о Валерии? Нет. Чтобы как можно лучше разобраться в том, что бесконечно, туманно и запутанно.

Что-то там еще, что-то там за этим кроется... Неужели мне это не кажется, неужели я начал понимать их? Но если и так, то что именно я начал понимать? Я подумал о нетерпимости иоаннитов. О бунтах и мятежах, вечно устраиваемых иоаннитами. Я вспомнил, как они откровенно признают, что адепты повелевают силами, о которых и вообразить трудно. Ведь это еще более разоблачает их.

Я вспомнил рассказы об отступниках, не продвинувшихся, против их ожиданий, до высших ступеней... Что же такое страшное случилось с ними? Не было ничего преступного, ничего противоречащего нормам морали. Ничего, что щекотало бы нервы. Просто было что-то безобразное и плачевное. Было что-то подобное ненависти. Всего лишь, и потому не очень интересное для нас, посторонних.

Я думал о теологии гностиков. Вернее, той ее части, что они не скрывали. Какая-то ужасная смесь апокалиптического откровения и логики.

Иоанниты отождествляли своего Демиурга с Богом Ветхого Завета и с Сатаной.

Я подумал об Антихристе...

Но тут меня не хватило. Слишком мало, как я уже говорил, я знал о вещах. Пришлось остановиться на том, что думать об этом бесполезно. Ибо Всемогущий и сам справится с ним в любом случае, какое бы обличие он ни принимал... Где-то далеко, чуть ли не на другом краю прерии, замерцали огни. Я был рад, что полет близится к концу, а что дальше случится — не важно. Хватит с меня размышлений.

Силоам — обычные улицы, обычные дворы и дома. Под Главной аэролинией, возле границы города, написано:

«НАСЕЛЕНИЕ 5240 ЧЕЛОВЕК».

Другая вывеска возвещала, что члены «Клуба Львов» встречаются по вечерам в ресторане «Котел кобальта».

В городе имелось несколько маленьких предприятий, муниципалитет, начальная и средняя школы, пожарная часть, порядком замусоренный парк, гостиница. И большее количество заправочных станций, чем необходимо.

В деловой части города находились универсальные магазины, два кафе, банк, клиника, кабинет дантиста, аптека... Все как обычно в Америке.

Эта невзрачность подчеркивала, насколько чуждо все остальное. Близилась полночь, и в городе было как в могиле. Улицы пустынные, никто не прогуливался, не шел, взявшись за руки, не было молодых пар. Кое-где виднелись редкие полицейские метлы. И лишь кто-то один, закутанный в мантию, с капюшоном на голове, медленно брел вдоль улицы.

Дома отгородились друг от друга и от остального мира закрытыми ставнями. Горожане спали. А где не спали, там, вероятно, не смотрели в хрустальный шар, не играли в карты, не пили спиртное и не занимались любовью. Скорее всего, они молились или штудировали свои книги в надежде достичь более высокой религиозной степени, овладеть большими знаниями и мощью, обеспечить спасение своей души.

В центре города стоял кафедральный собор. Он возвышался над городом-равниной. Ничего преступного в этой картине не было. Ровные, белые, как слоновая кость, стены поднимались все выше и выше, а над ними — огромный купол. Издали окна походили на ногти.

И на каждом этаже один ряд окон. Но затем я увидел еще два мозаичных, каждое в полфасада, окна. Мрачными тонами на них были изображены тревожащие душу рисунки. На западном окне — Сандала Эмандала — священный символ буддистов. На восточном — Окно Божье. На западной же стороне вздымалась одинокая башня. На фотографиях она не производила внушительного впечатления, но теперь было видно — она едва не достигала звезд.

На стенах собора играли огни, окна тускло светились. Я услышал молитвенное песнопение. Откуда-то, как из-под толщи льда, доносились мужские голоса. С ними переплетались голоса женщин. Мелодия была мне незнакома. А слова... Нет на Земле такого языка.

...Хельфист Аларита арбар ионитоте мелихо тарасут ганадос теппура маряда селисо...

Мелодия звучала так громко, что ее было слышно, наверное, и на окраинах города. И она была нескончаемой. Хор пел непрерывно. Всегда под рукой были священники, прислужники, псаломщики, пилигримы, всегда под рукой, чтобы заменить усталого певца или певицу. Любого и любую из участников хора.

Мне стало не по себе, как подумал, что дни и ночи напролет людям приходится слушать гимны. Если человек живет в Силоаме, пусть даже не иоаннит, вероятно, его сознание скоро перестает воспринимать это пение. Но разве не будут постоянно проникать эти звуки в его думы, сны, грезы? Наконец, в самую душу?

Я не мог объяснить, что я сейчас чувствовал. Словами этого не выразишь. Но с каждым ярдом ощущение делалось все сильнее. Ощущение враждебности... или истины, которую я просто не способен воспринять?

Привратник в воротах был приятным на вид молодым человеком. Волосы как пакля, и голубые глаза. Такое в этих глазах дружелюбие, таких американцев любил описывать Уолт Уитмен.

Я припарковал метлу (участок был огромен, пуст, погружен во тьму), подошел к нему и спросил, можно ли войти. Мгновение он рассматривал меня, потом небрежно сказал:

— Вы не причастник, не так ли?

— Н-нет, — я был несколько ошеломлен.

Он захихикал:

— Да разве я знаю... Мне чего? Подождем, когда они закончат молиться Марии, потом войдем.

— Извините, я...

— Все, ладно. Веди себя тихо, никто ничего не заподозрит. В теории ты все равно проклят. Сам-то я в это не верю. Знаешь, чего я думаю? Моя девушка — методистка. Священники тянут волюнку, не разрешают мне жениться на ней. Но все равно не поверю, что ей гореть в Аду...

Тут он понял, что слишком распустил язык.

— Чего это ты явился так поздно? — спросил он. — Туристы обычно бывают у нас в дневное время.

Я решил, что он не принял обет, просто вольнонаемный. И не более фанатичен, чем обычный средний христианин. Короче говоря, принадлежит к тому большинству, какое есть в любой организации, в любой стране.

Я был готов к такому вопросу и ответил:

— Я путешествую по делам. Получил указание посетить ваш город сегодня рано утром. Задержался и прилетел сюда только сейчас. Ваш хор так знаменит, что не хотелось бы упускать случая прослушать его.

— Спасибо. — Он протянул мне брошюру. — Правила знаешь? Входить и выходить через главный вход. Займешь место в

Языческом... э-э... туристском приделе. Не шуметь, не фотографировать. Когда захочешь уйти, иди тихо тем же путем, которым пришел.

Я кивнул и пошел к двери. Мощный двор, на нем — вспомогательные здания, выстроившиеся квадратом вокруг собора. Там, где здания не соединялись впритык, между ними поднимались стены, оставляя лишь три прохода. Ворота в них были закрыты на проволоку. Учрежденческие, жилые, складские здания выглядели одинаково. Точнее — однообразно. Кое-где виднелись фигуры неспешно идущих куда-то людей. Мужчин трудно было отличить от женщин. И на тех, и на других были одинаковые рясы с затеняющими лица капюшонами.

Мне вспомнилось, что иоанниты никогда не были замешаны в любовных скандалах. И это при том, что они практиковали как секс, так и безбрачие. Ну, хорошо, их монахи и монахини не просто прошли посвящение. Они посвященные. Иоаннизм превзошел баптизм и оставил далеко позади обычные ритуалы и элементарную перемену имени (последнее соответствовало принятой в петристских церквях информации. Кстати, прежнее имя оставалось и использовалось во взаимодействиях со светскими властями).

Годами посвященные умерщвляли плоть, дисциплинировали дух, занимали свой мозг тем, что их святые книги называли божественным откровением, а неверующие именovali претенциозной чепухой. Верующие же принадлежали к другим церквям. Нередко считали это «откровение» нераспознанным дьяволопоклонством.

«Да провались оно все...» — подумал я.

Мне необходимо сконцентрироваться на том, что я обязан сделать. Нет сомнения, что эти тихие унылые фигуры в рясах в случае нужды будут действовать быстро и энергично. Невозможно отрицать подавляющее впечатление, производимое вблизи собором. А доносившееся из него песнопение заставляло думать, что оно заполняет всю ночь.

Сохранившиеся у меня чувства волка начали отказывать. И хорошо, потому что это пугало чуть ли не до смерти. Кожа покрывалась едким потом, холодные капли струйкой сбегали по телу. Резкий запах пота бил в ноздри. Весь мир окутался дымкой нереального, весь мир заполнила безжалостная мелодия.

Но Валерия оставалась в Аду...

Я остановился там, где смутный колеблющийся свет был сильнее всего, и прочитал брошюрку. В ней меня вежливо приветствовали и излагали те же правила поведения, о которых мне поведал привратник. На задней обложке был начерчен поэтажный план базилики главного здания. Схемы других помещений не приводились. Было ясно, что на всех этажах, как северной, так и южной стороны, находится много других помещений. Есть они и в башне, и даже в куполе. Не составляло секрета, что под собором располагались обширные подземелья. Там проводились обряды. Некоторые обряды, во всяком случае.

Что я еще знаю? Ничего. Чем выше духовная степень, тем больше

тайн святилища открывается посвященным. А в самые тайные святилища вход открыт только adeptам, и лишь они знают, что там происходит.

Я поднялся по ступенькам собора. Огромные двери были открыты. По обеим их сторонам торчали два здоровенных монаха. Монахи стояли неподвижно, глаза обыскивающе скользили по мне.

Длинный, с низко нависшим потолком, стерильно чистый вестибюль был совершенно пуст, если не считать купели со Святой водой. Ни радостно верещащей доски объявлений, ни приходских новостей, ни рисунков, что любят делать ученики воскресных школ. Посредине вестибюля стояла монахиня. Она указала мне на коридор, ведущий налево. Другая, стоявшая рядом с ней, переводила взгляд с меня на коробку с надписью: «Пожертвования» и обратно, пока я не опустил туда пару долларов.

В воздухе носилось что-то странное. Не только пение, запах ладана, пристальные взгляды — что-то неосоздаемое, какие-то силы, от которых напряглись все мышцы моего тела.

Я вошел в боковой придел собора. Он был огражден канатами. Скамьи в несколько рядов. Очевидно, придел предназначался для посторонних. Я был здесь один. С минуту я осматривался. Придел был огромен и производил потрясающее впечатление. Я сел. Еще несколько минут я потратил на то, чтобы постичь окружающее, в чем и потерпел неудачу.

Эффект превышал всякое понимание. Геометрия голых белых стен, колонн, свода — ее просто не с чем было соизмерить. Человек оказывался как бы в бесконечно тянущейся куда-то пещере. И в густом сумраке господствовал собор. Око Божье над алтарем и Мандала над возвышением, где находился хор. Но и они казались нереальными, они были где-то за орбитой луны, а редкие свечи мерцали, будто звезды. Пропорции, изгибы, пересечения — все служило созданию впечатления, что человек оказался в не имеющем конца лабиринте.

Раньше, на краю неба, виднелись фигуры полдюжины служек, теперь они исчезли, но, может быть, это были просто прихожане. Церковь иоаннитов намеренно унижала свою паству.

У алтаря стоял священник. Рядом — два прислужника. Взглянув на их белые мантии, я понял, что они посвященные. На расстоянии они казались совсем крохотными. А священник почему-то не казался маленьким, у него была белая борода, на плечах черно-голубая ряса. Адепт. Высокорослый, он застыл, неподвижно раскинув руки...

Мне стало страшно, я боялся его. Он молился, а может...

Кадила раскачивались, я задыхался от их дыма. Над головой хор все вел свою монотонную мелодию. Никогда в жизни я не чувствовал такого страха.

Отведя взгляд, я принудил себя внимательно оглядеть окружающее. Так, как будто это вражеская крепость, в которую необходимо проникнуть. Что бы со мной сейчас ни творилось, не здесь ли скрываются виновники того, что произошло с моей девочкой?

При мысли о Валерии во мне проснулась ярость. Ярость тут же сделалась такой сильной, что ко мне вернулась смелость. Колдовское зрение помочь мне здесь не могло. Здесь наверняка приняты все меры против подобных колдовских штук. Оставалось обычное зрение. Глаза постепенно адаптировались к полутьме. Все мои чувства, не только зрение, были натянуты и напряжены до предела.

Место, отведенное для тех, кто не принадлежит к иоаннитской церкви, было расположено как можно дальше от алтаря, в конце, по левую сторону придела собора, так что справа от меня, до самого нефа, тянулись ряды скамей. Слева, вдоль северной стены оставался проход. На возвышении, надо мной, громоподобно ревел хор. Впереди, где обрывались ряды скамеек, висел, скрывая большую часть поперечного нефа, занавес, украшенный черными звездами.

Я подумал, что ничто из увиденного не подсказывает, как проникнуть куда мне надо.

Мягкими шагами прошел мимо меня монах. Поверх рясы на нем был длинный стихарь, расшитый кабаллистическими знаками. На полдороге к поперечному нефу он остановился у плиты, на которой горели свечи, зажег еще одну свечу и простерся на полу. Прележав так несколько минут, он встал, поклонился, отступил на семь шагов и обернулся ко мне.

Я видел такое одеяние на фотографиях. Так одевались те, кто пел в хоре. Очевидно, его только что сменили, и он, вместо того чтобы тут же снять это одеяние, предпочел сперва приобщиться к Божьей милости.

Когда монах миновал меня, я направился за ним следом. Между стеной и скамьями оставалось свободное место. Нависший сверху балкон для хора отбрасывал такую густую тень, что я едва заметил, как монах проскользнул в дверь, открывшуюся в ближнем ко мне углу.

Идея блеснула словно молния. Я сел, внешне совершенно спокойный, на деле же я был напряжен до предела. Оглядел из конца в конец базилику. Никто не обращал на меня внимания. Вероятно, священник и служки не видели меня. Тут все было спроектировано так, чтобы навязчивые язычники мешали службе как можно меньше. Сквозь громкое пение я слышал шаги монаха, но мои уши не уловили поворота ключа в замке. Путь был свободен.

А что дальше? Этого я не знал. Да и не особо меня это заботило. Если меня сразу сграбастают, я турист — остолоп. Выругают и выкинут пинком под зад, и я попытаюсь найти какой-нибудь другой способ проникнуть внутрь. Если меня схватят, когда я достаточно глубоко проберусь в глубины собора, — что ж, я готов рискнуть.

Я подождал еще триста миллионов микросекунд. Я ощущал каждую из них. Надо дать монаху достаточно времени, чтобы он успел убраться отсюда. И пока длились эти секунды, я опускался на колени и сгибался все ниже и ниже, до тех пор, пока меня совершенно не скрыла спинка скамейки. И, наконец, я встал на четвереньки. Пора!

Я поспешно, хотя и не очень быстро, пополз в залитый тенью

угол. Поднявшись на ноги, оглянулся. Адепт стоял в прежней позе, он походил на мрачное привидение. Прислужники производили какие-то сложные манипуляции со священными предметами. Хор пел.

Кто-то бил себя в грудь, покидая собор через южный придел. Я подождал, пока он уйдет, затем взялся за дверную ручку. От нее исходило странное ощущение. Я очень медленно повернул ее. Дверь закрипела, но ничего не случилось. Заглянув внутрь, я увидел цепочку тусклых голубых фонарей.

Я вошел.

И оказался в прихожей. Отделенное занавесью, за ней находилось помещение больших размеров. И там, и здесь было пусто. Но такая удача не могла продолжаться долго.

Всего занавесей было три. За второй открывалась спиральная лестница, откуда доносились звуки гимна. За третьей тянулся коридор. Большая часть его была заставлена вешалками с висящими на них стихарями.

Очевидно, иоаннит, получив наставление где-то в другом месте, должен был одеть здесь стихарь и затем уже подняться на возвышение, где пел хор. Кончив петь, он возвращался тем же путем.

Если хор состоит из 601 певца, меняться поющие должны достаточно часто. Возможно, сейчас, ночью, когда хор состоит в основном из священников, более тренированных, чем энтузиасты-миряне, смены проходят не так часто. Но в любом случае мне лучше здесь не оставаться.

Костюм будет мешать, если я превращусь в волка. Снять его и оставить под этими свитерами-распашонками? Однако, если кто-то случайно увидит меня босого, в плотно прилегающей к телу одежде — «кожа волка для костюма», — ему будет трудно поверить в мои добрые намерения.

Я вытащил из-за пояса ножны, достал нож и сунул его в карман куртки. И отправился в путь...

24

Коридор тянулся вдоль всего здания. В стенах его было множество дверей. В основном там, видимо, размещались обычные кабинеты и канцелярии. Что-нибудь в этом роде. Двери были закрыты, свет погашен. На матовом стекле виднелись надписи. Так, например — «Постовая пропагандиста. Отдел 12».

Что ж, отсюда брались под контроль обширные территории. Проходя мимо одной, я услышал стук пишущей машинки. Я как-то привык слышать одно бесконечное песнопение, и вдруг — стук машинки! Это так испугало, будто я услышал стук челюстей скелета.

Планы у меня были смутные. Очевидно, Мармидон, священник, участвовавший в демонстрации у предприятий «Источника», получает указания из этого центра.

Выполнив поручение, он вернулся сюда, чтобы собрать очистили

его от греха общения с язычниками. Сложные, тщательно разработанные заклинания, волшебство которых слишком дорого для обычного человека, очистят его быстрее, чем это произошло бы естественным путем. В конце концов я мог ориентироваться только на Мармидона. Если он ни при чем, я могу угрожать на поиски в этом крольчатнике дней десять. Причем без всякой пользы.

От коридора ответвлялись идущие то вверх, то вниз лестницы. Куда они вели, указывали надписи на стенах. Я ожидал этого. Сюда, должно быть, являлось множество мирян и пришлого духовенства, у которых были какие-то дела в канцелярии и кабинетах собора, в незасекреченных отделах конечно. Еще одна надпись. Кабинет Мармидона — номер 413.

Он посвященный Пятой степени, а этот ранг расценивался достаточно высоко. Еще две ступени, и он становится кандидатом на Первую ступень, то есть на получение звания адепта. Поэтому я решил, что он не простой священник, капеллан или миссионер, а скорее принадлежит к руководящей верхушке собора. Но тут мне пришло в голову, что я не знаю, в чем состоят его обычные обязанности.

Я шел теперь с удвоенной осторожностью. На площадке третьего этажа путь преградили ворота сварной стали. Они были заперты. Не удивительно, подумал я. Добрался туда, где обитает высшее духовенство. Ворота были не так высоки, чтобы ловкий человек не смог перелезть через них.

Помещение, куда я попал, на взгляд не отличалось от расположенного ниже. Но по коже пробежали мурашки — так много было здесь энергии сверхъестественного.

Четвертый этаж не походил на Медисон-авеню. Коридор здесь был облицован кирпичом, с бочкообразного свода свисали масляные лампы, имеющие форму чаши Святого Грааля. Метались огромные тени. От стен отражалось эхо песнопения. Воздух пах как-то странно — кислотой, мускусом, дымом. Комнаты, должно быть, были здесь очень большие, двери, выполненные в виде стрельчатых арок, находились на значительных расстояниях друг от друга. На дверях были лишь таблички с именами, никаких номеров, но я решил, что порядок нумерации здесь такой же, как и всюду.

Одна дверь на моем пути оказалась открытой. Оттуда лился, неожиданный здесь яркий свет. Я сбоку заглянул туда и увидел полки и полки книг. Некоторые книги казались древними, но большинство были современными... Да, эта толстая, должно быть, «Руководство по алхимии и метафизике», а вот та — «Энциклопедия таинственного», а вон та переплетенная подборка «Души»... Что ж, каждому ученому нужна своя подручная библиотека. Но наверняка здесь проводятся очень странные исследования. Это уж такое мое счастье, что кто-то продолжал работать так поздно ночью.

Я рискнул посмотреть, кто и что там, поближе. Скользнул к косяку. В комнате находился мужчина. Один. Он был громаден, выше Барни Стурласона. Но он был стар, очень стар. Ни волос, ни бороды

у него не было. Лицо... такое лицо должно быть у мученика, у мумии Рамзеса.

Старик был облачен в рясу адепта. На столе перед ним лежала книга, но он не глядел в нее. Неподвижны были его глубоко посаженные глаза, а руки медленно двигались по странице. Я понял, что он слеп. Книга, однако, была обычной, это не был шрифт Брайля.

Свет, вероятно, включался автоматически. А может, за полками работал еще кто-то. Я тихо скользнул мимо дверей.

Кабинет Мармидона оказался всего несколькими ярдами дальше. Под его именем и рангом, на латунной дощечке, было обозначение: «ЧЕТВЕРТЫЙ ПОМОЩНИК — ЗВОНАРЬ».

Ради всего святого, этот недомерок, он что — в колокола звонит?

Дверь была заперта. Я мог бы вывинтить задвижку или шурупы, на которых держались дверные петли, для этого у меня был нож. Но лучше подождать, пока рядом совсем никого не будет. А тем временем я, пожалуй, суну нос в...

— Кто это?

Я мгновенно обернулся. В дверях своего кабинета (того, который выходил в библиотеку) стоял адепт. Он опирался на посох. Но его голос звучал как-то странно, и мне не верилось, что ему вообще нужно опираться. Меня охватила тревога. Я и забыл, каким могуществом обладают маги. А он — маг.

— Пришелец — ты кто? — припер меня к стене грохочущий бас адепта.

Я облизал пересохшие губы:

— Сэр... Ваше Преосвященство...

Посох поднялся, указывая на меня. На нем был изображен главный символ иоаннитов: крюк, перекрещенный Т-образным крестом. И это была не просто палка со знаком, это был волшебный жезл.

— От тебя веет падалью, — сказал адепт. — Я слеп, но чувствую это. От тебя веет опасностью. Назови себя.

Я коснулся ножа в кармане и фонарика превращения за пазухой. Сейчас эти предметы были для меня бесполезны. Но когда пальцы ощутили их, они сделались для меня как бы талисманами. Я хотел воспользоваться ими, если подвернется счастливый случай. Во мне вновь проснулись воля и разум. Ударами пульса прозвучала мысль: мне везет больше, чем я мог рассчитывать. Он сам заговорил со мной. Он — жуткий старик, этот сукин сын, но он человек. Какие бы силы ни повиновались ему, я держу его в поле зрения.

Тем не менее мне пришлось пару раз откашляться, прежде чем он смог услышать от меня пару слов. Слова мои, как мне показалось, звучали скомканно и неуверенно:

— Я... я прошу прощения у Его Преосвященства... Он появился так неожиданно. Не будет ли он так любезен сказать мне, где сейчас находится посвященный Мармидон?

Адепт опустил свой посох. Это было его единственное движение.

Его мертвые глаза неподвижно уставились на меня. Лучше бы он действительно был зрячим.

— Какое у тебя к нему дело?

— Извините, Ваше Преосвященство. Секретное и неотложное дело. Как узнали Ваше Преосвященство, я э-э... не совсем обычный посланец. Могу признаться, что собирался поговорить с посвященным Мармидоном в связи с э-э... трудностями, возникшими у компании «Источник Норн». Выяснилось, что это гораздо более важно, чем сперва казалось.

— Это я знаю. И знаю, конечно, когда вернется Мармидон. Я вызывал... Узнавал. Достаточно. Это тот сдвинувшийся с места камень, который может вызвать лавину.

У меня возникло дикое ощущение, что эти слова предназначались не мне, а кому-то другому. И почему это дело заставило тревожиться и его тоже? Я не осмелился потянуть время для раздумий.

— В таком случае Его Преосвященство поймет, почему я так спешу и почему я не могу нарушить клятву никому не разглашать порученное дело. Никому, даже Его Преосвященству. Если он даст мне возможность узнать, где келья Мармидона...

— Провинившийся живет отдельно от братии. Он плохо выполнил свой пасторский долг и навлек на себя гнев Святоносного. На него наложена епитимья. Пока над ним не совершат обряд очищения, можешь не искать его. — И неожиданно резко: — Ответствуй мне! Откуда ты явился? Чего добиваешься? Как это может быть, что от тебя несет опасностью?

— Я... не знаю, — заикаясь, пробормотал я.

— Ты не освящен?

— Видите ли, Ваше Преосвященство... если вы... если он, ну, возможно, тут имеет место недопонимание. Меня... мое начальство приказало мне вступить в контакт с Мармидоном. У входа мне сказали, что я могу разыскать его здесь, и дали ключ от ворот.

В эту скромную фразу мне удалось вместить куда больше наглой лжи, чем я мог надеяться. Великолепное вранье! Учítываю, что он тоже сопричастен. Он растерялся. Что делать дальше? Удивляться?

— Полагаю, что это, может быть, была их ошибка.

— Да. Низшему духовенству, естественно, ничего не сообщили... Маг задумался.

— Если Его Преосвященство скажет, куда мне идти и к кому обратиться, я больше не буду беспокоить его.

Он пришел к решению:

— Секретариат ночного аббатства, комната 107. Спроси посвященного Хезатуба. Из тех, кто сейчас там находится, ни один не обладает достаточной информацией по делу Матучека. Проконсультируйся с ним.

По делу Матучека?..

Пролепетав слова благодарности, я едва ли не бегом удалился. И пока шел по лестнице, непрерывно чувствовал между лопатками пристальный взгляд невидящих глаз. Прежде чем снова перелезть через

ворота, я позволил себе на мгновение остановиться, чтобы опомниться.

Я знал, что едва ли располагаю временем. Адепт, может, несколько дряхл, но только несколько. Вряд ли он особо обеспокоен моим появлением. Но если он решит выяснить побольше? Тогда, возможно, он не ограничится телефонным звонком брату Хезатобу. Если у меня действительно есть шанс узнать что-то, надо спешить.

Куда, однако, мне идти? Как идти? На что я рассчитывал? Пора сознаться, что эта рискованная затея слишком уж отдает донкихотством. Пора смываться.

Ну, нет! Пока есть возможность, нужно атаковать самую большую ветряную мельницу. В работу включился мозг. Нет сомнения, что верхние этажи и подвалы собора предназначены для священников самого высокого ранга. В древности приверженцы древних культов проводили главные обряды под землей. Пожалуй, лучше всего мне поискать Мармидона в подземельях собора.

Я ощутил, как на лице сама собой появилась судорожная улыбка. Ему вряд ли стали облегчать наказание, заклинаниями лишив его запаха. Вот еще одна причина полагать, что он упрятан в подвал. Упрятан слишком далеко, чтобы его можно было отыскать с помощью даже обоняния.

С помощью человеческого обоняния!

Я вернулся на первый этаж и поспешно начал спускаться вниз. Все шло как по маслу. Было уже далеко за полночь. Чародеи, должно быть, были поглощены своими делами. За немногими, может быть, исключениями.

Я уже спустился двумя этажами ниже. Здесь, видимо, помещались склады и кладовые, где хранился храмовый инвентарь и тому подобное. На одном из этажей я увидел монашку, драившую пол голыми руками. Обычная ее работа? Искупление вины? Самоуничтожение? Она была единственным человеком, которого я встретил здесь. Она меня не заметила.

Дальше по пути мне снова встретились запертые ворота. По ту сторону, за ними, лестница делалась круче. Вокруг был уже не бетон, а грубо отесанный камень. Я уже углубился в скальное основание собора. Стены были холодными до озноба, влажными. Холодным был и воздух. Современного освещения здесь не было, оно осталось там, позади. Путь мой освещали только свечи, вставленные в далеко стоявшие друг от друга железные подсвечники. Свечи были оплывшие. Снизу тянул ветерок. В тусклом свете прыгали уродливые тени. И, наконец, я был избавлен от звуков мессы. А лестница все вела вниз!

И снова бесконечно вниз.

Но вот лестница кончилась. Я ступил на пол созданной природой пещеры. Редкие голубые огни выхватывали из колеблющегося мрака очертания сталактитов и сталагмитов. Они горели в ладонях обычно дезактивизированных Рук Славы. Руки Славы были укреплены над входами в тоннели. Я знал, что высшие иерархии иоаннитов пустили в ход все свое влияние, чтобы получить разрешение полиции на эти

приборы. Действительно ли они понадобились иоаннитам для проведения исследований? Из одного тоннеля доносился шум бегущего под землей потока. Из другого сочился тусклый свет, несло ладаном, слышался чей-то дрожащий голос. Молитва, бдение, чародейство или еще что-либо?

Я не стал задерживаться, чтобы выяснить, что там такое. Быстро скинул с себя одежду и обувь. Спрятал все это в темном углу. Нож я заткнул за эластичную резинку трусов.

Направив на себя фонарь, я трансформировался. При этом я постарался, конечно, не слишком поддаваться квазисексуальным ощущениям и вбил в свою голову, для чего я совершил превращение. Чувства и мышцы зверя должны служить поставленной человеком цели.

Поэтому, как я заметил, превращение проходило трудно. Чтобы закончить его, мне понадобилось вдвое больше времени по сравнению с тем, сколько это обычно занимало. Несомненно, влияли антиколдовские заклинания. Вероятно, мне не удалось бы стать волком, если бы не мои хромосомы.

Никакого сомнения. Я снова стал волком!

И без того слабый свет потускнел так, что только мешал. Волк не так зависит от зрения, как человек. Уши, ноги, язык, каждый волос моего тела и прежде всего нос — впитывали поток информации. Пещера перестала быть ямой, где я мог бы оступиться. Любую пещеру теперь я постигал сразу.

И... да, это не ошибка. Из одного тоннеля слабо тянуло запахом тухлого мяса — отвратительным запахом. Я едва успел подавить вой вышедшего на добычу волка и затрусил к тоннелю...

25

Проход был длинным, извилистым, пересеченным множеством других тоннелей. Не веди меня мое обоняние, я бы скоро заблудился. Путь освещали испускавшие огонь Руки — над каждой выбитой в скале кельей. Но кельи встречались редко. Общеизвестно, что кандидат на Первую ступень посвящения, должен в одиночестве провести здесь сутки и лишь в отдельных случаях после этого на него снисходило благочестие и святость.

Утверждали, что так душа вознаграждается за творимые без помех молитвы и размышления. Но мне как-то не верилось, что благие влияния проникают также и в сознание. Некие запахи, едва уловимые даже моим волчьим обонянием... от них шерсть на загривке становилась дыбом.

Через некоторое время эти запахи были заглушены запахом, след которого вел меня. Когда, наконец, я добрался до источника запаха, пришлось на время задержать дыхание. Так, не дыша, я и заглянул в келью.

Тусклое голубое свечение, льющееся с пальцев над входом, давало света вряд ли больше, чем ночник в большой палате. На

соломенном тюфяке спал Мармидон. Чтобы было теплее, он укрылся рясой. Столь же грязной, как и его кожа. Помимо рясы у него был сухарь, жестяная банка с водой, чашка, иоаннитская Библия и свеча, чтобы можно было читать Библию. Должно быть, он покидал келью только тогда, когда нужно было посетить расположенную дальше по тоннелю каморку с люком. Но если бы он вообще не выходил из кельи, особенной разницы не было бы. Ф-фу!

Отступив немного, я превратил себя в человека. В этом облике зловонные испарения действовали на меня не так сильно. Да и вновь обретенный разум человека взял верх над инстинктами зверя. Кстати, Мармидон, несомненно, даже не замечал зловония.

Я вошел в его жилище. Опустившись на корточки, я потряс его за плечо. Свободной рукой вытащил нож.

— Вставай, ты!

Он забарахтался, проснулся и, увидев меня, застыл с разинутым ртом. Должно быть, я представлял собою весьма зловещее зрелище. На голое тело надето местами что-то черное и облегающее, а на лице нет и тени милосердия. А он — его лицо с ввалившимися глазами выглядело тоже неважно в этом мертвенном свете. Он не успел закричать, я зажал ему рот ладонью.

Щетина на небритой физиономии скрипела. Тело посвященного колыхалось, как тесто, и показывало мне руку.

— Тихо, — сказал я выразительно, — или я выпущу тебе кишки.

Он показал знаками, что согласен, и я отпустил его.

— М-м-мистер Матучек... — шептал он и, съевшись, все старался отползти от меня, пока не наткнулся на стену.

Я кивнул:

— Пришел потолковать с тобой.

— Я... Как... О чем, во имя Господа?

— Верни нам мою дочь в целости и сохранности.

Мармидон чертил в воздухе кресты и другие знаки.

— Вы сошли с ума? — Он нашел в себе силы внимательно посмотреть на меня и сам ответил на свой вопрос. — Нет. Я могу сказать это твердо...

— Я не одержим демоном! — прорычал я. — И не сумасшедший. Говори!

— Н-но мне нечего сказать. Ваша дочь? Я и не знал, что у вас есть дочь!

Мир закружился. Я попятился назад. Он не лгал. Он не мог лгать в таком состоянии.

— А?... — только и мог сказать я.

Он немного успокоился, пошарил вокруг в поисках очков. Нашупав, нацепил их и, опустившись на тюфяк, вновь взглянул на меня.

— Это святая правда, — сказал он настойчиво. — Почему у меня должны оказаться сведения о вашей семье? Почему кто-то из вашей семьи должен оказаться здесь?

— Потому что вы сделались моими врагами. — Во мне опять разбушевалась ярость.

Он покачал головой:

— Мы никогда не враждуем с человеком. Как мы можем сделаться его врагами? Мы используем Евангелие Любви.

Я фыркнул. Он отвел глаза.

— Что ж, — голос его дрогнул. — Все мы — сыны Адама. Мы тоже, как и любой другой, можем впасть в грех. Признаю, что тогда меня охватил гнев... когда вы... выкинули этот фокус... когда хитростью заставили нас... заставили те невинные души...

Я взмахнул ножом. Лезвие сверкнуло.

— Прекрати болтать чепуху, Мармидон! Единственная невинная душа во всем этом подлом деле — трехлетняя девочка. Ее похитили. Она в Аду!

Его рот широко открылся, глаза выпучились, как у лягушки.

— Говори! — приказал я.

Какое-то время он не мог выдать из себя ни слова, а потом, в совершеннейшем ужасе:

— Нет! Невозможно! Я бы никогда... никогда!!!

— А как насчет твоих дружков священников? Который из них?

— Никто! Клянусь. Этого не может быть...

Я кольнул его острием ножа в глотку. Он содрогнулся.

— Пожалуйста, разрешите мне узнать, что случилось. Разрешите мне попробовать помочь вам.

Я убрал нож, пошатываясь, прошел пару шагов, сел, хмуясь, потер лоб. Все это расходилось с тем, что я думал сперва.

— Послушайте, — начал я обвиняющим голосом, — вы сделали все от вас зависящее, чтобы лишить меня средств к существованию. А когда вся моя жизнь пошла под откос, что я должен подумать? Если не вы виноваты, вам лучше предоставить мне убедительные доказательства этого...

Посвященный слотнул слюну.

— Я... Да, конечно. У меня не было намерения причинять какой-либо вред. То, что вы сделали... делаете... это грех. Не обрекайте себя на вечное проклятие. И не толкайте других на такой же путь греха. Церковь не может оставить это без внимания. Ее служители... большинство из них... помогут вам во всем, что только от них зависит.

— Кончайте проповедь! — приказал я. Помимо всего прочего, я не хотел, чтобы возгоравшийся в нем пыл пересилил его страх передо мной. — Придерживайтесь фактов. Вы были посланы натравливать на нас ту банду. Вы их подстрекали!

— Нет... Хорошо, я вхожу в состав добровольцев. Когда происходили те события, мне разрешили принять в них участие. Но не для того, чтобы... чтобы сделать то, о чем вы говорите... нет, чтобы оказать помощь, помощь советом, осуществлять духовное руководство... ну и обеспечить защиту против возможного с вашей стороны колдовства... Ничего более! Вы же сами напали на нас.

— Конечно, конечно. Это мы начали пикетирование, а когда оно не сработало, силой вторглись на чужую территорию, установили блокаду, учинили факты вандализма, терроризма... Ха-ха! И действовали вы исключительно в качестве частного лица. Правда, когда вы потерпели неудачу, то нашли поддержку и утешение у своего руководства. И уже вернулись к исполнению своих обычных обязанностей.

— На меня наложена епитимья за то, что я согрешил гневом, — заявил он.

Легкая дрожь пробежала у меня по позвоночнику. Ну вот, теперь мы добрались до главного.

— Вас поместили сюда не просто потому, что вы рассердились на нас. Что вы сделали на самом деле?

Его снова охватил ужас. Он воздел бессильные руки.

— Пожалуйста... Я не могу... Нет!

Я поднес нож к его лицу.

Мармидон нахмурился и быстро сказал:

— Разгневался на вашу жестокость, упрямство... я наложил на вас всех проклятье. Проклятье Мабона. Посвященные отцы, не знаю, как они узнали о том, что я сделал, но adeпты наделены даром... Когда я вернулся, мне сказали, что последствия могут оказаться губительными. Ничего больше я не знаю. Пока я находился здесь, мне никто ничего не говорил. Никто не приходил сюда... Что, действительно были какие-то последствия?

— Как сказано... Что это за проклятье?

— Это не заклинание. Вы понимаете между ними разницу, не так ли? Заклинания, используя законы волшебства, вызывают к действию сверхъестественные силы или призывают нечеловеческие существа. Это, мистер Матучек, то же самое, что нажать спусковой крючок или свистнуть собаке. Это — как использование любого инструмента. Молитва — другое. Это мольба, обращение к Всевышнему. Проклятье — не что иное, как формула, в которой содержится просьба... ну, наказать кого-то. Всевышний, либо его ангелы, выполняют просьбу, если увидят, что человек должен быть наказан. Лишь им дано судить...

— Повторите его.

— Абсит омен! Это опасно!

— Вы только что утверждали, что само по себе оно безвредно...

— Разве вы не знаете? Молитвы иоаннитов не то же самое, что молитвы петристов. Нас осеняет особая милость Божья, его особый промысел. Мы обладаем особым знанием, мы — возлюбленные его дети. Наши молитвы могущественны сами по себе. Я не могу предсказать, что случится, если я произнесу эти слова... Пусть даже у меня нет никаких намерений, но в подобных условиях... когда нельзя проконтролировать.

«Очень может быть...» — подумал я.

Сущность гностицизма в древние времена состояла в поиске сил и власти с помощью древних знаний. В овладении мощью,

превышающей мощь самого Бога. Несомненно, Мармидон будет искренне отрицать, что его церковь возродила эту идею, но он еще не получил статуса адепта. Сами конечные тайны от него скрыты. Без особого желания я подумал, что непохоже, чтобы он был способен совершить преступление. Этот коротышка в душе был неплохим человеком.

Меня осенило. Еще полсекунды я обдумывал эту мысль. А если логически продолжить ее... Предположим, что основоположники современного гностицизма сделали какое-то открытие, вооружившее их неизвестной до сих пор мощью. Результаты убедили их, что они оказывают воздействие непосредственно на самого Бога.

Предположим далее, что они ошиблись... были введены в заблуждение. Потому что, пропади оно пропадом, идея, что смертные могут хоть как-то влиять на Всемогущего, не имеет никакого смысла. Какой вывод следует из этих предположений? Следующий: вне зависимости, знают ли они об этом или нет, благословения и проклятия иоаннитов являются в действительности не молитвами, а особо искусным, имеющим чрезвычайную силу колдовством.

— Я могу ознакомить вас с текстом. — Мармидон весь дрожал. — Вы можете прочесть его сами. Он не относится к числу запретных.

— Ладно, — согласился я.

Он зажег свечу и раскрыл книгу. Мне приходилось издали видеть иоаннитскую Библию, но никогда не выпадало случая хоть полистать ее. Иоанниты заменили Ветхий Завет чем-то таким, что даже неверующие вроде меня сочли богохульством. Обычно приводимый текст Нового Завета сопровождался множеством апокрифов, добавлением других произведений, источник которых не мог определить ни один ученый.

Трясущийся палец Мармидона коснулся отрывка в последнем разделе. Я сощурился, пытаясь разобрать мелкий шрифт. Текст на греческом шел параллельно с переводом на английский. Отдельной строчкой шли пояснения смысла слов, вроде тех, что были в распеваемом наверху гимне.

«Свят, свят, свят. Во имя семи гномов. О, Мабон, праведный, безмерно Великий ангел Духа Святого, надзирающий над изливающими гнев и хранящими тайну бездонной бездны, приди ко мне на помощь, излей горе на тех, кто причинил зло мне, чтобы могли и они познать раскаяние и дабы не страдали больше слуги скрытой от очей человеческой истины и Царства, которое грядет. Словами этими призываю тебя, Гелифомар, Мабон Сарут Эннанус Сацинос.

Амен, амен, амен...»

Я закрыл книгу.

— Не думаю, чтобы такого рода заклинания чего-нибудь стоили, — медленно сказал я.

— О, можете повторить это вслух, — выпалил Мармидон. — Вы можете. И обычный церковный причастник может тоже. Но я — звонарь, или, как вы называете, — заклинатель. Не слишком

высокого ранга, не слишком искусный, но и мне дарована определенная милость.

— Ах, так! — И я с болью и ужасом начал понимать истину. — Ваша повседневная работа состоит в том, чтобы вызывать демонов и руководить ими...

— Не демонов. Нет, нет! По большей части обычных существ сверхъестественного мира. Иногда — ангела низшего разряда.

— Вы имеете в виду существо, сказавшее вам, что оно ангел?

— Но он и есть ангел!

— Не важно! Так вот что случилось! Вы говорите, что разгневались до безумия, проклиjali нас. Прочли эту молитву темным силам. Я утверждаю, что вы, сознательно или нет, но занимались колдовством. Поскольку детекторами ничего не зафиксировано, значит этот род колдовства еще не известен науке.

Это был призыв кому-то, живущему за пределами нашей Вселенной. Что ж, вы, иоанниты, кажется, ухитрились наладить связь с иным миром. Вы верите, большинство из вас верит, что этот мир — Небеса. Я утверждаю, что вас обманывают. На самом деле этот мир — Ад!

— Нет! — застонал он.

— Помните, у меня есть основания для этого утверждения. Вот куда попало мое дитя — г Ад!

— А может быть, и нет?

— Демон отозвался на ваш зов. Случилось так, что из всех служащих «Источника Норн» лишь мой дом оказался незащищенным от нападения демона, так что месть обрушилась на нас.

Мармидон расправил хилые плечи.

— Сэр, я не отрицаю, что вашего ребенка похитили. Но если девочку украли... в результате моих опрометчивых действий, вам не следует бояться.

— Когда она находится в Аду? Предположим, мне вернут ее сию же минуту. Какой страшный след оставит на ней пребывание там?

— Нет, честное слово, не бойтесь. — Мармидон похлопал меня по руке. Угодил как раз по побелевшим суставам, обхватившим рукоятку ножа. — Если она сейчас находится в Нижнем Континууме, действия по ее возвращению сопряжены со временем. Вы понимаете, что я имею в виду?

Сам я не очень-то хорошо разбираюсь в таких вещах, но адепты глубоко проникли в их суть, и некоторую часть своих знаний они передают посвященным, начиная с Пятой степени и выше. Математическая сторона осталась вне пределов моего понимания.

Но как я припоминаю, Адская Вселенная отличается особо сложной геометрией пространства и времени. Будет не особо трудно вернуть вашу дочь в ту же секунду, из которой ее похитили. Точно так же, как и в любой другой момент времени.

Нож вывалился из моей ладони. В моей голове гудели колокола.

— Это правда?

— Да. Церковный обет не позволяет сказать мне большего.

Я закрыл лицо руками. Слезы бежали у меня между пальцами.
— Но я хочу помочь вам, мистер Матучек. Я раскаиваюсь в том, что поддался гневу.

Подняв взгляд, я увидел, что он тоже плачет.

Через некоторое время мы нашли в себе силы приступить к делу.

— Разумеется, мне не следует вводить вас в заблуждение, — объявил он. — Когда я сказал, что можно одинаково легко войти в любую точку времени, это не значит, что у вас нет трудностей. На самом деле существуют такие трудности, что преодолеть их могут лишь наши верховные адепты. Никто из ныне живущих геометров, пусть он даже гений, не сможет самостоятельно отыскать дорогу сквозь эти измерения. К счастью, однако, этот вопрос перед нами не стоит.

Я просто хотел, чтобы, успокоившись, вы все же увидели, как обстоят дела. Возможно, ваша дочь была действительно похищена в результате моего проклятья. Тогда понятна немилость, проявленная ко мне моим руководством. Но если даже так, она находится под защитой ангелов.

— Докажите, — потребовал я.

— Попытаюсь. Я снова нарушаю все правила, если учесть, что на меня наложили епитимью, а вы — неверующий. Однако я могу попробовать воззвать к ангелу.

Мармидон застенчиво улыбнулся.

— Кто знает, если вы отречетесь от своих заблуждений, возможно, девочка будет возвращена немедленно. Обращение в истинную веру человека, обладающего вашими способностями и энергией, — это было бы чудесно. Возможно, все, что случилось, соответствует цели Божьей.

Мне не очень-то понравилась идея с этим зовом. Если честно, у меня озноб побежал по коже. Мармидон может сколько угодно думать, что явившееся к нему существо — небесного происхождения. Я же так не думаю. Но, вступив на этот путь, я был готов встретиться лицом к лицу и с чем-то худшим, чем дьявол.

— Приступим.

Он открыл Библию на новой странице. Текст был мне незнаком. Преклонив колени, он начал песнопение. Пронзительная, скачущая то вверх, то вниз мелодия была по нервам.

По тоннелю порывами пронесся ветер. Огни не угасли, но темнота сгустилась. Делалось все темнее. Казалось, будто я умираю. И, наконец, я оказался в пронизанной свистом тьме. Я был совершенно один. А вокруг — нескончаемая ночь.

Внезапно появилось памятное мне бесконечное отчаяние. Никогда прежде не было оно таким сильным — ни в предыдущие три раза, ни когда похитили Валерию, ни когда умерла моя мать.

Поскольку кончилась для меня всякая надежда, я постиг тщетность всего сущего. Любовь, радость, честь — значили меньше, чем горстка пепла... их никогда не было. И во всем пустом мироздании существовал только я.

Совершенно опустошенный я...

Где-то в неизмеримой дали вспыхнул свет. Он двинулся ко мне. Искра. Звезда. Солнце. Он двинулся ко мне. Я увидел громадное, напоминающее маску лицо. Заглянул в лишенные жизни глаза. И ударами зазвучал во мне мерный голос:

— Час настал. Несмотря на ифрита, саламандру, инкуба, вопреки действиям смертных, твоя жизнь не оборвалась, Стивен. Вопреки моей воле и моим замыслам. Я предвижу, что в этом цикле развития мира среди моих злейших врагов окажешься ты. Предвижу опасность, которую ты будешь представлять моему новому великому замыслу. Я не желаю знать причины, по какой ты пытаешься уничтожить дело рук моих — бездумный ли призыв одного дурака или поспешное повиновение другому.

Но теперь ты имеешь возможность проникнуть в мою сокровенную твердыню. Страшись, Стивен.

Сам я не могу и коснуться тебя, но у меня есть могущественные слуги, и я пошлю их навстречу тебе. Более могущественные, чем те, с которыми ты сталкивался прежде. Если ты и дальше будешь идти против меня, значит, ты пойдешь навстречу собственной гибели. Возвращайся домой. Покорно, как подобает сыну Адама, смиришь со своей потерей. Породи других детей.

Перестань вмешиваться в дела, касающиеся всего человечества. Занимаясь исключительно своими собственными делами. Тогда тебя ожидает довольство, здоровье и богатство. И долго продлятся дни твои. Но все это — если ты заключишь со мной мир. Если же нет — ты погибнешь и погибнут все, кто поддерживает и любит тебя. Страшись меня!

Видение, голос, тьма — исчезли. Мокрый от пота, воняющий потом, я смутно уставился на Мармидона. Мерцали свечи... Не знаю, как я устоял на ногах. Мармидон излучал довольство и потирал руки. Мне едва удалось понять его.

— Вот! Разве я не был прав? Вы удовлетворены? Разве он не великолепен? Будь я на вашем месте, я пал бы на колени, восхваляя Бога за милосердие.

— Ч-ч-что? — выдавил я.

— Ангел! Ангел!

Я взял себя в руки. Ощущение, будто я выбрался из бешеного потока. И — пустота в сердце. Но разум по инерции продолжал работать. Повинуясь разуму, губы выговорили слова:

— Возможно, мы по-разному видели одно и то же существо. Что видели вы — увенчанную короной голову, сверкающие крылья?

Он чуть не пел.

— Ваша дочь в безопасности. Она будет возвращена вам, когда вы окончательно раскаетесь. И поскольку на нее пало благословение в ее смертной жизни, она будет причислена к лику Святых истинной церкви...

Что ж, мелькнуло у меня в голове, это, без сомнения, не в первый раз. Враг использует в своих целях людей, искренне верящих, что

они служат Богу. Как там было у Яхонтана Эдварса, жившего в давние времена в Новой Англии? «Земля в Аду вымощена черепами некрещеных детей...» Кто на самом деле был тот Иегова, которому он поклонялся?

— А что испытывали вы? — спросил Мармидон.

Нужно или нет скрывать то, что открылось мне? Вероятно, нет. Что бы это дало хорошего?

И тут наше внимание привлекли новые звуки — шум приближающихся шагов и голосов.

— Что, если его здесь нет?

— Подождем два-три часа.

— В этой гробнице?

— Все в руках Божьих, брат...

Я окаменел. Шли двое — монахи, судя по шороху их шагов, их выдавали сандалии, — огромного роста и веса, так гудел у них под ногами камень. У встреченного мною наверху адепта, видимо, возникли подозрения, или где-то зарегистрировали заклинание Мармидона и появление «ангела», а может, и то и другое вместе. Если меня намерены схватить — я предупрежден. А сейчас моя жизнь бесценна, ибо я должен вернуться домой со сведениями, которые помогут возвращению Валерии.

Я направил на себя фонарик. Изменившись, расслышал хныканье Мармидона. Хорошо, что мне некогда. Я был волк, и мои эмоции были эмоциями волка. Будь время, я бы порвал ему глотку за то, что он сделал, но...

Серой молнией я выскочил из кельи. Густой сумрак помог мне. Монахи не замечали меня, пока я не оказался почти рядом с ними. Двое, очень мясистые. У одного была палка, у другого — автоматический пистолет 45-го калибра. У этого второго я проскочил между ног. Он, не удержавшись, покатился. Его приятель с треском опустил мне на спину свою дубину. На мгновение движения мои замедлились. Должно быть, сломано ребро... Хотя это связало скорость, я устремился вперед. Пистолет выстрелил, и в камень рядом со мной ударила пуля. Если в обойме пистолета есть серебряные пули, попадание означает смерть. Нужно бежать!

Я взлетел вверх по лестнице. Монахи остались где-то позади. Но впереди уже подняли тревогу, мелодию гимна прорезал звон колоколов. Может, у моих преследователей был с собой карманный шар-переговорник? Созданный на предприятиях, принадлежащих «Источнику Норн»?

Я ворвался в прихожую первого этажа. Здесь должны быть другие двери, но я не знал, где они находятся. Волк может развивать скорость, с какой распространяются плохие новости. Я проскочил занавес, отделяющий ризницу, где пел хор, прежде, чем из канцелярии успел выглянуть кто-либо работающий в ночную смену или появился какой-нибудь заспанный монах.

Церковь бурлила. Под моим телом с треском распахнулась дверь в боковой придел. Достаточно было взглянуть. Песнопение продол-

жалось, но по нефу, крича, бежали люди. Как раз в этот момент двое закрывали ведущую в вестибюль дверь. Бежать было некуда.

Послышалось топание ног по коридору. Иоанниты не знали, куда я делся. И, конечно, были обескуражены внезапно поднятой непонятной тревогой. Тем не менее времени у меня было мало — лишь до той поры, пока кто-нибудь не догадается заглянуть сюда.

Мне пришлось в голову, как нужно действовать. Не знаю причин этого недоступного волчьему мозгу озарения. Видимо, повинуюсь инстинкту, я передней лапой щелкнул выключатель на моем фонарике. Голубые огни, горевшие в помещении, не мешали моему превращению в человека. Кинувшись обратно в ризницу, я схватил стихарь и натянул его через голову. Он оказался мне почти до пят. Ступни оставались почти голыми, но, может быть, этого никто не заметит...

Поднявшись за рекордное время на возвышение, где пел хор, я остановился в арке входа, чтобы оценить ситуацию. Мужчины и женщины были сгруппированы по голосам. У каждого или каждой в руках были сборники гимнов. Несколько таких книжек лежало на столе. Вид отсюда вниз и вверх, на купол, был потрясающий. Я не стал тратить зря ни мгновения. Выбрал себе группу, взял книжку и торжественно двинулся вперед.

Мне не удалось бы выйти сухим из воды, будь вокруг нормальная обстановка. Хористы были слишком возбуждены, их внимание было приковано к суматохе, что бурлила внизу. Мелодия, сбиваясь, неуверенно прыгала. Я нашел себе место на краю группы баритонов, открыл сборник на той же странице, что и сосед.

Лучше будет, если я начну издавать такие звуки. Это не репетиция, которая проводилась с мирянами. Я не мог даже правильно произнести большинства этих слов и заботился только о том, чтобы не очень выпадать из тона.

Сосед искоса взглянул на меня. Это был осанистый, дружелюбный на вид священник. Должно быть, подумал он, что, имея такое странное устройство ротовой полости, мне не следовало бы становиться рядом. Я одарил его слабой улыбкой.

— Тхатис эталетам тетес абеска русар, — подчеркнуто интонируя, пропел сосед.

Я ухватился за первую же попавшуюся мелодию, имеющую сходство с той, что напевал сосед. Уставившись в книжку, я как можно неразборчивей начал:

**«А ПЕРЕД СМЕРТЬЮ МОРЯК МНЕ СКАЗАЛ:
НЕ ЗНАЮ, МОЖЕТ
БЫТЬ, УБЛЮДОК МНЕ...»**

В общем контрапункте это сошло, не упоминая уже о гамме внизу. Критик отвел взгляд.

Так и продолжаем — он гимн, я — «Большое красное колесо».

Полагаю, что за проведенный здесь час мне должны проститься многие грехи. Час, решил я, как раз то не вызывающее подозрение время, которое может провести здесь певец-мирянин. А тем

временем — ушки на макушке и взгляд украдкой — я пристально следил, как продвигается охота за мной.

Обширные размеры и запутанная планировка кафедрального собора здорово сыграли мне на руку. Я мог находиться где угодно. Разумеется, при поисках было пущено в ход колдовство. Но у колдунов было мало зацепок, помимо того что рассказал обо мне Мармидон.

Я был под защитой чар одной из лучших ведьм Гильдии — Джинни. Перед моим уходом она сделала все, что только от нее зависело. Выследить меня было бы не таким простым делом даже для тех существ, которых могли позвать на помощь наиболее могущественные адепты.

Но долго я выжидать не мог. Если я вскоре не выберусь отсюда, я мертв или со мной случится нечто худшее смерти. А какой-то частью своего сознания я радовался. Видите ли, опасность мобилизовала мои силы. Отчаяние, порожденное встречей с исчадием Ада — там, в подземелье, — исчезло полностью. Главное — я жив, и я сделаю все, что только способен. Я убью каждого, кто встанет между мною и моими любимыми!

Через некоторое время главный вход опять открыли. Хотя и под присмотром монахов. Я придумал план, как обвести их вокруг пальца.

Выбравшись из хора и сняв стихарь, я снова превратился в волка. В северном коридоре снова стало пустынно. Не повезло бы иоаннитам, которые могли бы там мне встретиться. Конечно, они выставили охрану у каждой двери... и после этого их страсть к охоте охладела. Конечно, поиски продолжались, но уже без шума: спокойно и методично, не дискредитируя религиозную атмосферу собора. Мне удалось не попасться на глаза поисковиков, ведь у меня были органы чувств волка. И я стал искать окно.

На нижних этажах либо в комнатах кто-то был, либо комнаты были заперты. Я поднялся на шестой этаж. Здесь веяло такой враждой, что я едва мог вытерпеть. Но я нашел то, что искал: выходящее наружу окно в коридоре. Я прыгнул (просто ли я решился, или мне помогло отчаяние). Разбившееся стекло оставило на моей шкуре глубокие раны, но эта боль была ничто по сравнению с болью, когда я грохнулся на бетонную площадку.

Но я был волком, и повреждения не были смертельными, и калекой на всю жизнь я от них тоже не стану. Оставшееся от меня кровавое месиво застывало, вновь стало единым целым. Вокруг меня все было залито кровью (не подвергшейся регенерации). Я чувствовал слабость и головокружение. Ничего, хорошее питание, и все будет в порядке.

В небе все еще мерцали звезды. Видно было плохо. И, конечно, привратники в воротах уже оповещены. Им известно многое, а может быть, и все. Руководители иоаннитов очень хотели как можно скорее справиться с этим очень хлопотным делом.

Зубами я содрал с себя остатки одежды. Оставил только

фонарик — его хорошо скрывали космы шерсти вокруг шеи, и потрусил к воротам, через которые вошел в собор.

— Здравствуй, песик! — приветствовал меня юный привратник. — Откуда ты взялся?

Я покорно потерпел ласку его руки на своем загривке, и смылся...

В окутанной тьмой деловой части Силоама я совершил новое преступление. Проник сквозь еще одно окно, на этот раз в задней части бакалейного магазина.

Позднее я смогу компенсировать ущерб владельцу. «От неизвестного». Я нашел несколько фунтов бифштексов и съел все это. Но главное — мне нужно было какое-то транспортное средство. Превратившись в человека, я обнаружил, что у меня нет ни одного цента. Более того, я абсолютно гол. Мне пришлось позвонить Барни.

— Прилетай и забери меня, — сказал я. — Буду, обернувшись волком, ждать тебя где-нибудь в одном из этих мест... — Я назвал ему примерно с полдюжины, на тот случай, если охота на меня не ограничится стенами собора.

— Что случилось с моей метлой? — тревожно спросил Барни.

— Оставил ее на месте парковки. Сможешь завтра заявить свои права на нее.

— Сгораю от нетерпения услышать от тебя о твоих похождениях...

— Ну, могу сказать тебе, это была и ночька!..

26

Проскользнув домой, я подробно отчитался перед Джинни. Я был от усталости как бревно. Она лежала бок о бок со мной и настойчивым шепотом требовала, чтобы я рассказал все ей немедленно. Ее вопросы вытянули из меня все до последней детальки, даже то, что пролетело мимо сознания, на что я не обратил внимания.

Уже взошло солнце, когда Джинни приготовила мне завтрак и позволила отдохнуть. Я сразу уснул и проспал целые сутки. Иногда просыпался, ел, сонно озираясь, и засыпал снова.

Джинни объяснила нашему фэбээровцу, что мое состояние вызвано нервным истощением. И это не было такой уж неправдой. Заодно она убедила его и его непосредственного начальника (Сверкающий Нож находился тогда в Вашингтоне), что, если они хотят сохранить происшедшее в тайне, им не следует держать нас под замком, кое-что знали соседи, и уже поползли слухи.

Конечно, слухи можно было быстро пресечь, но до наших друзей и деловых партнеров они дойдут. И если наши знакомые встревожатся, их ворожба может принести кучу неприятностей.

В итоге разрешили принимать гостей. Когда к нам залетела миссис Делапорт, чтобы одолжить четверть пинты серы, мы

представили фэбээровца как кузена Луи и мельком упомянули, что, пока ищут проникших к нам грабителей, мы отослали Вал из города. То ночное происшествие оказалось почти незамеченным, лишь ежедневная газета поместила на одной из внутренних страниц заметку. Как бы то ни было, мне снова позволили работать, а Джинни — выходить за покупками. Нам назвали номер, по которому мы могли позвонить, если потребуется.

Но ничего, конечно, не сказали о том, кто тенью следовал за нами по пятам. «Хвосты» были подготовлены отлично, и, если бы не некоторые наши ухищрения, мы бы их вообще не заметили.

Итак, на третий день утром я явился в «Источник». Проинформировал Барни Стурласона. Он подыскал мне на этот день работу не бей лежачего. В своем кабинете я расхаживал, курил, пускал кольца (мой язык уже напоминал высушенный кожаный ремень) и пил кофе, пока он, булькая, не полился у меня из ушей. Так я проводил время, ожидая назначенную после обеда встречу. Я знал, что эта встреча действительно может многое решить. Когда по интеркому известили, что совещание начинается, я совсем потерял голову. С трудом вспомнил, что мне тоже надо туда идти... встретиться с теми, кто решит нашу судьбу.

Комната, где должно было состояться совещание, находилась наверху. Она была заколдована как против промышленного шпионажа, так и против надзора властей.

Во главе стола громоздилась туша Барни. Воротник расстегнут, сигара дымится. Собрались одиннадцать человек, это в какой-то степени гарантировало, что среди нас не затаился Иуда...

Кроме Барни, я знал троих — Грисволда, Харди, Яниса Вензеля, и немножко еще одного — доктора Нобу, метафизика, с которым мы иногда консультировались. Остальных я не знал. Один оказался адмиралом в отставке, Хью Чарльзом, специалистом по разведке. Другой — математик Фалькенберг. Третий — пастор из церкви, прихожанином которой был Барни.

Все они выглядели усталыми. Им пришлось работать, как галерным рабам. Работу они закончили буквально минуту назад. У последних двоих вид был свежий. Абсолютно ничего примечательного в их внешности не было, если не считать того, что у одного из них был небольшой чемоданчик, который он поставил на пол.

Прежде чем представить нас друг другу, Барни сделал несколько пассивов и произнес заклинание.

— О'кей, — сказал он. — Поле секретности опять на полной мощности. Заходи и присоединяйся к шабашу. — Он улыбнулся мне. — Стив, разреши мне познакомить тебя с мистером Смитом и мистером Брауном. Они — представители компании, деловые предложения которой сегодня ставятся на ваше обсуждение.

Фигуры и лица Смита и Брауна заколебались, расплылись и сделались четкими. Наваждение кончилось. В падающем из окна свете волосы Джинни отливали мерцающей медью. Доктор Акман открыл свой чемоданчик. Свертальф выскочил из него. Уже выздоровевший,

большой, черный и, как всегда, самонадеянный. Потянулся, разминая затекшие мышцы.

— Мур-р-р, — сказал он ворчливо.

Пастору захотелось приласкать его, и он протянул руку. Я не успел предостеречь его. К счастью, у Акмана вошло в привычку брать с собой аптечку.

Свертальф уселся рядом с Джинни и принялся умываться.

— Как вам удалось сделать это? — спросил с профессиональным интересом адмирал.

Джинни пожала плечами:

— Очень просто. Как вы знаете, Барни связался с доктором Акманом. Они назначили время, когда доктор должен был отменить прием больных. Он сходил в лабораторию, ветеринарную, и принес оттуда Свертальфа. Мой кот, когда нужно, умеет вести себя тихо, даже если лежит в чемодане. Мы уже убедились, что «хвоста» за доктором не было.

Свертальф самодовольно дернул хвостом.

— Тем временем в город вышла я, — продолжала Джинни. — У Барни сегодня распродажа. Самая легкая вещь на свете — это затеряться в толпе. И кто может заметить, если я чуточку поколдую? Изменив свою внешность, я встретила с доктором Акманом и изменила внешность и ему.

Свертальф задумчиво уставился на доктора.

— Потом мы пришли сюда. — Джинни слегка улыбнулась. — Барни точно знал время нашего прихода и понизил активность поля, чтобы наша маскировка не развеялась.

Джинни открыла сумочку (та очень походила на обычный конверт), вытащила косметику и посмотрелась в зеркальце. Неяркая косметика, скромное платьице — в ней трудно было заподозрить ведьму высокого полета, если только не заметить, что все это нарочитое.

— Перейдем к делу, — сказал Барни. — Мы немедленно проинформировали собравшихся о том, что тебе удалось обнаружить, Стив. С чисто научной точки зрения, твоё открытие (с учетом того, что мы выяснили) имеет чрезвычайно важное значение. Можно сказать, что наша совместная работа имеет революционное значение. — Он сделал паузу. — Но это значит, что мы вмешиваемся в политику.

— Или в религию, — сказал Янис Вензель.

— Сомневаюсь, — сказал пастор Карлслунд, — есть ли в данном случае между ними какое-нибудь различие.

Пастор был высокого роста светловолосый мужчина с внешностью настоящего ученого.

— Если иоаннитская церковь действительно есть порождение дьявола... — Грисволд поморщился. — Мне очень бы не хотелось верить в это. Я не согласен с ее догматами, но утверждение, будто это вероучение не просто ошибочно, но создано Злом, означало бы зайти слишком далеко. Вы уверены, мистер Матучек, что вы действительно встретились с Врагом?

— Во всяком случае, с одним из его наиболее высокопоставленных приближенных, — сказал я, — или, если предпочитаете, с одним из наиболее низкопоставленных. То, что я увидел и пережил в прошлые ситуации, теперь полностью укладывается в целостную картину.

— Э-э... полагаю, вы испытывали тогда значительной силы стрессы. Галлюцинации могут быть очень реальными... если ожидаешь чего-то увидеть, я имею в виду.

— Если иоанниты действуют в рамках закона, — оборвала моя жена, — почему они затаились? Личность Стива ими установлена. У них было достаточно времени, чтобы связаться с ним или подать властям жалобу. Но будто ничего и не случилось. Служащий Барни, посланный забрать метлу, взял ее там, где она была оставлена, и никто не задавал ему никаких вопросов. Утверждаю, что они не могут пойти на риск судебного разбирательства...

— Может быть, они пытаются вступить в контакт с потусторонними силами, чтобы вернуть вашу дочь? — без убеждения произнес Харди.

Адмирал Чарлз фыркнул:

— Как же! Не сомневаюсь, что Врагу захотелось, чтобы ничего из случившегося вообще бы не было. Но как это сделать? Вы говорите, мистер Матучек, что он может вернуть вашу дочь, сведя к нулю ее время пребывания в Аду? Это поразительно. Но как бы то ни было, не могу представить, что он может изменить прошлое. Время, прожитое без нее, уже прошло...

— Если мы будем вести себя тихо, это может помочь ее освобождению, — сказал Харди. — Молчание будет расценено, как выкуп.

— Какой человек согласится вступить в такого рода сделку? — спросил адмирал.

— Во всяком случае никакие соглашения с Нижним Миром невозможны, — сказал Карлслунд. — Соглашение подразумевает согласие и намерение поддерживать достигнутую договоренность. Будучи сам нечестным, дьявол не способен поверить, что человек не попытается, в свою очередь, обмануть его.

— Итак, — сказал Чарльз, — освободив Валерию, он ничего не выигрывает, зато теряет ценного заложника.

— Он уже добивался успехов, разобшив силы добра, — с горечью сказал Акман. — У меня создается впечатление, что наша встреча — на самом деле заговор и акт неповиновения правительству. Умно ли мы поступаем?

— Как я понимаю, вы считаете, что нам нужно открыться Дяде Сэму и решение полностью передоверить ему? — Моя усмешка была рождена болью.

— Сравните, какие возможности у нас и у властей, — сказал Акман. — Правильно ли мы поступаем, скрывая собранные нами сведения? От них зависит благо и жизнь всего общества.

— Разрешите, я отвечу на этот вопрос, — сказал Барни. — У

меня имеются связи в Вашингтоне, и... адмирал Чарльз, у которого таких связей еще больше, подтвердил мое предположение, как там будут развиваться события. Исходным моментом является следующее: официальный акт похищения скрывается.

Глава нашего местного ФБР — человек умный. Он сразу понял, какая будет проводиться политика, и начал действовать в соответствии с ожидаемыми директивами. Причины такой политики сложны и запутанны, но основными являются два пункта.

Первый — об Адской Вселенной почти ничего не известно. Это один из немногих... может быть, единственный случай прямого физического нападения, произведенного их миром демонов. Не вмешательство, а нападение. Никто не знает наверняка, что оно предвещает. При таких обстоятельствах необходимо действовать осторожно. Государственный департамент доказывает, что истинная подоплека событий нам полностью неизвестна.

Люди из Министерства Обороны утверждают, что нам не следует связываться и связывать себя никакими решениями до получения большей информации, и, особенно, пока не увеличены расходы на военные нужды. Президент, кабинет министров, руководящие деятели Конгресса — единодушны в том, что сейчас не следует поднимать шума. Из этого следует, что информация не должна доводиться до сведения широкой публики, чтобы не вызвать общественного беспокойства.

Второй момент касается иоаннитской церкви. Эта проблема, может быть, носит менее угрожающий характер, и тем не менее она обязательно должна быть разрешена. США — демократическая страна. Многие избиратели либо являются истинными иоаннитами, либо полагают, что иоаннизм — простое вероучение.

К тому или иному разряду относится значительное число людей, занимающих видное положение в обществе. Вспомните историю с расследованием, которое пытался провести Комитет Конгресса. Сколько из-за этого было воню и шума. Инцидент, из-за которого мы собрались здесь, наводит на мысль — правы те, кто утверждает, что церковь иоаннитов порождена Падшим в качестве средства восставления всех и каждого против каждого.

Последнее, чего желала в данной ситуации администрация, — еще раз тщательно рассмотреть все возможности, которые в конечном счете сводятся к двум. Свержение правительства либо использование мер подавления. Соблюдение секретности позволяет сохранить пока мир и спокойствие. И выиграть время...

Барни остановился, чтобы разжечь потухшую сигару. В комнате было очень тихо. Пластами плавал голубой дым, а воздух был тяжелым и несвежим. Джинни и я обменялись через стол отчаянными взглядами. Вчера мне нужно было спуститься в подвал и заменить сгоревший предохранитель.

Джинни пошла со мной потому, что в последнее время мы старались держаться вместе. На полке остались стоять некоторые вещи Валерии — она вышла из того возраста, когда они ей были

нужны, но выбросить их тогда мы не успели. Неиссякаемая бутылочка с молоком, кольцо Субербороса, самокормящая крылатая ложка, горшок с радугой вместо ручки. Мы поднялись наверх и, по нашей просьбе, предохранитель был заменен фэбээровцем.

Лежащие на столе кулаки Джинни были крепко стиснуты. Свертальф терся спиной об ее руку — медленно, плавно, не претендуя на ответное внимание.

— Вывод заключается в том, — сказал Барни, — что, есть тому возможность или нет, правительство сейчас не хочет переходить к активному действию. А может, и не только сейчас, но и вообще.

Что касается нас, то наше право и обязанность — сделать все, что от нас зависит. Поймите, доктор, с чисто формальной точки зрения мы не делаем ничего незаконного. Стив не был арестован. Он имел полное право покидать свой дом и возвращаться обратно, и если ему того хотелось — через окно и в плаще-невидимке, ни перед кем не отчитываясь. Я имел полное право одолжить ему помело. Кафедральный собор открыт для посещения посторонней публикой. Если Стив, в поисках необходимых ему сведений, проник в закрытую часть собора, он допустил самое большее — гражданское правонарушение.

Он виноват? Пусть руководители церкви преследуют его в судебном порядке. И не забывайте, что он может ответить обвинением в разбойном нападении. Для защиты собственности нельзя применять смертоносное оружие, а в него стреляли и избивали дубинкой. Соответственно, поскольку никакого преступления Стивом совершено не было, нас нельзя считать соучастниками либо укрывателями. Никто из нас не замышляет ничего преступного и не участвует в заговоре.

Заверяю вас, что скоро будет принят Закон о Национальной безопасности. И все остальное, что президент сочтет необходимым принять. Тогда нам трудно будет действовать так, как мы действуем сейчас. Но сейчас наши действия не ограничены никакими официальными запретами. А по Конституции судопроизводство «постфактум» — запрещено.

— Гм... — отозвался Акман.

— Что касается сокрытия важной для правительства информации, — продолжал Барни, — то пусть вас это не беспокоит. Ничего подобного мы не делаем. Сейчас мы тщательно анализируем собранную информацию, и, как честные граждане, мы не хотим, чтобы нас обвинили в том, что какому-то аспекту не уделено нужного внимания. И мы позаботимся, чтобы обнаруженное нами попало по нужному адресу.

— Надо ли так торопиться? — возразил Акман. — Если девочка может быть возвращена в то же мгновение, когда исчезла... не лучше ли для нее будет, если мы предоставим действовать в ее интересах правительству.

Пусть оно действует медленно и осторожно, но разве это не лучше, чем вообще ничего не добиться? Мы, плохо подготовленные

и не имеющие нужного оборудования и снаряжения, можем все испортить.

Натянутое лицо адмирала Чарльза потемнело.

— Честно говоря, — сказал он, — не думаю, чтобы власти пожелали действовать, если не произойдет никаких дальнейших инцидентов. Когда в недружелюбно относящихся к нам странах сажают, грабят и убивают в тюрьмах (в том числе и официальных лиц), правительство ограничивается протестами. С чего вы взяли, что оно пойдет на смертельный риск, чтобы выручить из Ада маленькую девочку? Сожалею, мистер Матучек, но дела обстоят именно так.

— Как бы то ни было, — взглянув на Джинни, торопливо сказал Фалькенберг (лицо моей жены было ужасно), — насколько я понимаю ситуацию, наши враги сейчас в растерянности. Действия мистера Матучека оказались для них неожиданностью.

Очевидно, Враг не может сейчас оказать им прямой помощи, не может помочь советом или даже сообщить что-либо или считает такого рода помощь неблагодарной, поскольку это может спровоцировать вмешательство Всевышнего. Несомненно, иоанниты способны творить чудеса.

Но они не всезнающи и не всемогущи. Они могут знать точно, что нам удалось сделать и что мы намерены предпринять. Но дайте время, и период растерянности кончится, защитные меры будут усилены, и, вероятно, будут приняты какие-то ответные действия.

Лицо Джинни было личиной Медузы-Горгоны.

— Что бы мы ни решили, — сказала она, — Стив и я не будем сидеть сложа руки...

— Нет, будь оно проклято! — вырвалось у меня.

Свертальф прижал уши, между бакенбардами сверкнули клыки, мех на нем стал дыбом.

— Видите? — сказал Барни собравшимся. — Я этих двоих знаю. Невозможно остановить их, разве только бросить в тюрьму. И я не уверен, что существуют тюрьмы, из которых они не смогли бы выбраться. Наверное, помешать им можно, только убив их. Допустим ли мы, чтобы такое случилось, или поможем им, пока это еще в наших силах?

Голоса сидящих вокруг стола сорвались на крик, взметнулись руки. Громче всех кричал Янис Вензель:

— У меня у самого есть дети, Вирджиния!

Взгляды всех обратились на Акмана. Он покраснел:

— Я не собираюсь предавать вас. Просто все это было для меня слишком неожиданно. Я был обязан высказать то, что думал. И я не верю, что, подстрекая родителей Валерии к самоубийству, вы чего-нибудь добьетесь. Их смерть не принесет ей ничего хорошего...

— Что вы имеете в виду? — спросил Барни.

— Разве я неправильно понял? Разве вы не намерены послать Стивена и Джинни... в Адскую Вселенную?

Меня обдало холодом. Я был готов ко всему. Я бесился, я сгорал

от желания действовать, но это так неожиданно, как будто я оказался на краю бездны. Я взглянул на Джинни. Она кивнула.

Все, кто в большей, кто в меньшей степени, оцепенели от ужаса. Потом поднялся ропот, погасший под движением руки Барни. Я едва воспринимал окружающее.

Наконец в комнате воцарилось молчание.

— Я должен извиниться перед собравшимися, — сказал Барни. Его голос звучал колоколом — размеренно и низко. — Задача, которую я поставил перед вами, заключалась главным образом в сборе и анализе всей доступной нам информации о Нижнем Континууме, с тем чтобы выяснить пути спасения девочки. Вы великолепно справились с работой. Получив информацию о том, что удалось обнаружить Стиву, вы сделали большой шаг вперед в своих исследованиях.

Вами разработана концептуальная сторона, и, вероятно, мы близки к выработке методики. Но большой объем работы не позволил всем увидеть, что именно кроется за непосредственным выполнением задания.

Вам трудно было представить, что это не просто исследование дальнего прицела, что на деле оно не ограничивается выдвижением гипотез. В конечном счете исследование заключалось в поисках возможных путей защиты против возможных нападений со стороны Адской Вселенной.

Сказанное касается большинства присутствующих, но точно так же и те, чья деятельность заключалась в рассмотрении политических и религиозных аспектов программы, не видели, как близко мы подошли к тому, чтобы непосредственно вступить в схватку с Нижним Континуумом.

Равным образом я сам прежде не понимал возможных результатов нашей работы. Но миссис Матучек тайно встретила со мной. Я обрисовал ей всю картину, и мы подробно обсудили ее и наметили план действий...

Барни отвесил короткий поклон в сторону Акмана:

— Примите мои поздравления. Вы очень проницательны, доктор. «Она все знала...», — мелькнуло у меня подобие мысли.

И, однако, никто не подозревал этого, даже я. Никто ничего не подозревал вплоть до этой минуты — потому что она так хотела. И еще обрывок мысли: «Приходилось ли другим мужьям когда-либо сталкиваться с подобными неожиданностями?»

Джинни подняла руку:

— Положение дел таково, что шансы на успех имеет только маленькая, специально подготовленная группа. — В ее голосе звучала памятная по нашей встрече решимость. — Большая группа, состоящая из не владеющих нужной сноровкой людей, не имеет никаких шансов. Нет сомнений, что такая обладающая большой подвижностью группа сможет преодолеть препятствия, недоступные для армейского подразделения или целого отряда фаустов.

— Смерть, увечье, плен в Аду — со всеми вытекающими отсюда

последствиями... — прошептал Акман. — Вы допускаете, что Стивен пойдет на это?

— Я знаю Стива достаточно хорошо, чтобы попытаться остановить его, — сказала Джинни.

Ее слова в какой-то мере помогли мне вновь овладеть собой. И не настолько я был растерян, чтобы не заметить, с каким восхищением глядели на меня собравшиеся, но основное мое внимание было направлено на то, что говорила Джинни.

— Лучшей группы, чем я и Свсртальф, найти невозможно. Если у кого-нибудь и есть надежда добиться успеха, так это у нас. Вы все можете нам должным образом подготовиться и будете ждать нашего возвращения. Если мы не вернемся, у вас останется собранная уже информация.

Не растеряйте ее, потому что она имеет важное значение для всего общества. Согласитесь, что дело касается не только нашей дочери. Далеко не только ее...

Вот главная причина, по которой вы обязаны помочь мне. Сделайте все от вас зависящее, чтобы ваши дети и внуки унаследовали не гораздо худший мир, чем тот, в котором живете вы. — Джинни полезла в сумочку. — Черт возьми, у меня нет сигарет!

К ней потянулись пачки. Она предпочла мою, и наши руки на мгновение встретились.

Акман, переплетя пальцы, неотрывно смотрел на нас. Внезапно он встал и, выдавив какое-то подобие улыбки, сказал:

— Ладно, я приношу извинения. Вы же должны понять, что моя реакция была естественной. Но вы, наверное, будете правы, полагая, что найдете способ проникнуть в Ад и вернуться обратно. Я помогу вам всем, что в моих силах. Но могу я узнать план ваших действий?

Барни слегка расслабился. Затушил окурок сигары и закурил новую.

— Можете, — сказал он. — Особенно потому, что мы должны объяснить то же самое и остальным присутствующим. Разрешите, я сначала изложу план вкратце. Затем вы сможете, в зависимости от того в какой области науки вы являетесь специалистами, развить и дополнить его. Наша Вселенная обладает прямолинейной геометрией пространства, за исключением обладающих необычными свойствами точек, таких, как, например, ядра белых Карликов.

Демоны могут передвигаться в нашем мире без всяких затруднений. Более того, они способны выкидывать фокусы с временем и пространством, что в былые дни создало им репутацию сверхъестественных созданий. Способны они на это потому, что их собственная Вселенная устроена чрезвычайно сложно и структура ее постоянно меняется. Современные исследования открыли способы войти в эту Вселенную. Но никому не известно, каким законам подчиняется там движение, как можно в ней передвигаться и как выйти оттуда. Выйти целым, невредимым и сохранившим рассудок.

Что ж, Стив выяснил, что можно войти в любую точку по времени исчисления Ада. Это открывает выход из тупика. Перед нами

появилась возможность найти, как соотносятся наш и Нижний Континуум, и это соотношение может быть математически описано. Доктор Фалькенберг составил соотношения уравнений и уже приступил к их решению. Исследования доктора Грисволда позволили наметить, как реализуются в той Вселенной физические законы.

Билл Харди делает то же самое в области химии и атомной физики. О, работа только начата, и полученные результаты не подвергались экспериментальной проверке. Но по крайней мере, мы — доктор Нобу, метафизик, и я, инженер-практик, получили возможность приступить к созданию заклинаний.

Сегодня утром мы закончили нашу работу. План предусматривает посылку в Ад экспедиции (наше волшебство обеспечит ей там определенную защиту) и быстрое возвращение ее обратно.

Такой грандиозной цели прежде никто никогда не ставил...

— План неудовлетворительный, — теперь в роли возражающего выступили Харди и Чарльз. — У вас не может быть описания Вселенной Ада. Ведь мы не в состоянии описать даже наш собственный космос. Абсолютно невозможно предвидеть, по каким сумасшедшим законам меняется там матрица в каждой точке.

— Верно, — сказал Барни.

— Следовательно, защитные меры, годные для одной точки пространства-времени, могут оказаться совершенно никчемными для всех прочих точек...

— Но не в том случае, если перемещение в пространственно-временной конфигурации будет подобрано...

— Что?! Но это же невозможно! Такого рода работа... ни один смертный...

— Верно, — сказала Джинни.

Мы изумленно воззрились на нее.

— Ключ к решению дает то, что удалось узнать Стиву в подземельях собора, — сказала Джинни. — Ваше замечание абсолютно правильно, адмирал. С такой работой ни один смертный человек справиться не может. А величайшие геометры, каких знала история, к сожалению, уже мертвы.

Над столом повисло удивленное молчание...

27

Наколдовав соответствующее Наваждение, запихнув негодующего Свертальфа в чемоданчик, мы покинули здание «Источника» на принадлежавшем компании ковре.

Время близилось к четырем. Если наша тень из ФБР не увидит нас дома к пяти-шести часам, у нее могут возникнуть подозрения. Но с этим я ничего не мог поделать.

Сперва мы приземлились у церкви Святого Олафа. Пастору Карлслунду нужно было кое-что оттуда забрать. Сидевший позади нас Янис Вензель перегнулся вперед и зашептал:

— Может быть, я невежда, но разве мольба, обращенная к святым католической церкви не оказывается действенной, чем мольба, обращенная к святым лютеран?

Этот вопрос на нашем совещании не поднимался. Карлслунд удовлетворился тем, что провел ясное различие между молитвой — мольбой к Всевышнему и заклинанием, которое должно привлечь внимание тех, кто добровольно захочет помочь нам, с одной стороны, и некромантией, то есть попыткой заставить действовать души умерших согласно нашему желанию, с другой. (Второе законом запрещено, что объясняется главным образом уступкой общему мнению. Нет достоверных сведений, что удалось хотя бы раз вызвать душу умершего. Запрет — проявление очередного религиозного предрассудка и суеверия.)

— Сомневаюсь, чтобы принадлежность к той или иной церкви имела какое-нибудь значение, — сказала Джинни. — Что такое душа? Никто не знает. Исследователи получили веские доказательства ее существования, но результаты противоречивы и не поддаются воспроизведению в контролируемых условиях. Как обычно, когда дела касаются феноменов сверхъестественного...

— Что, однако, — вмешался доктор Нобу, — в свою очередь, есть причина такого быстрого развития магии. Мы достигли сути практического понимания волшебства, а в отличие от физических силовых полей парафизики — таких, как поля подобия, поля следствия, — не ограничиваются скоростью света. Следовательно, они могут, в принципе, перемещать энергию из одной части мироздания в другую.

Вот почему ввод исчезающе малой мощности на входе может дать бесконечно большую мощность на выходе. Отсюда следует, что для овладения этими процессами понимание качественных аспектов имеет гораздо большее значение, чем количественных.

Именно поэтому после того, как мы узнаем о непостоянстве адского времени, мы с определенной долей уверенности сможем утверждать, что наши новые чары окажутся работоспособными. Что касается души, я склонен полагать, что она скорее относится к явлениям парафизического, а не сверхъестественного мира.

— Я так не считаю, — сказала Джинни. — Я бы назвала душу энергетической структурой параполя. Она формируется телом, но продолжает жить и после смерти этой исходной матрицы. Освободившись от тела, она может без труда переходить из одной Вселенной в другую. И что такое привидение, как не лишившаяся тела душа, по какой-либо причине остающаяся возле какого-нибудь определенного места?

Что такое перевоплощение, как не проникновение души в только что оплодотворенное яйцо? Что есть спасение? Это когда Всевышний позволяет душе занять место возле него. Что есть вечное проклятие? Это когда притяжение Падшего оказывает на душу большее влияние.

— Неужели? — сказал Янис.

Джинни прерывисто засмеялась.

Барни, сидевший на месте водителя, обернулся:

— Насчет вопроса, возникшего у вас на этом совещании. Хотя вы высказали его только сейчас, у вас, лютеран, нет обычной молитвы святым. Но это не значит, что вы отрицаете их вмешательство в людские дела. Иногда такое вмешательство имеет место. Возможно, католический священник или неохасидский раввин лучше знают, как просить святых о помощи. Но не могу не заметить, что я решил привлечь Джима Карлслунда к сотрудничеству потому, что знаю его многие годы. Говорить о пасторе, как о... э-э...

Все натянуто рассмеялись, потому что как раз в эту минуту руки пастора были полны экклезиастских сочинений.

Мы снова взвились в воздух, продолжая свой путь к университету Трисмегиста. Памятные мне здания, рощицы, лужайки были залиты золотом солнечного света. Сейчас, в перерыве между осенними и летними учебными семестрами, народу здесь было мало. Над студенческим городком висела тишина, ее подчеркивал далекий шум города. Казалось, века прошли с того времени, когда здесь учились мы с Джинни. Это было когда-то, в другом цикле развития мироздания.

Я искоса взглянул на Джинни, но выражение ее лица оставалось непроницаемым.

Посылался шум крыльев. Следом за нами летел ворон.

Предзнаменование? Что он предвещает? Мы приземлились, ворон сделал вираж и, хлопая крыльями, исчез вдаль.

Мы вошли в здание факультета физических наук. Коридоры и лестницы, заполненные эхом, тонули во мраке. Потому мы и выбрали это место, что здесь сейчас никого не было. Вторая причина заключалась в том, что у Грисволда были ключи от всех лабораторий и кладовых.

Карлслунд предпочел бы часовню, но было слишком много шансов, что там нас заметят. Кроме того, Джинни и Барни, посоветовавшись, решили, что религиозная сторона нашего предприятия является второстепенной.

Нам нужен был кто-нибудь, чья молитва была бы одновременно искренней и бескорыстной. В противном случае ни один святой, вероятно, не пожелает на нее отозваться. Впрочем, святые вообще редко отвечают на просьбы — сравнительно с числом молитв, ежедневно возносящихся к Небу. Всевышний ожидает, что мы сами справимся со своими проблемами. Мы полагали, там будет учтено, что мы знаем, как проникнуть в царство Врага (по крайней мере, надеялись, что знаем), и что будет учтена наша непреклонная решимость на деле использовать это знание. Слишком уж были в этом деле затронуты и интересы Неба, чтобы проигнорировать нашу просьбу. Мы надеялись...

Все качалось и плыло. Борясь с головокружением, я подумал: «Если последует удар, нам, наверное, запретят попытку».

Для молитвы мы выбрали философскую лабораторию имени Беркли. Она размещалась в недавно построенном флигеле, примы-

кавшем к древнему убогому зданию, где до инцидента с саламандрой находился отдел Грисволда. Лаборатория была большой и великолепно оборудованной. Здесь выпускники и старшекурсники физического факультета учились, как использовать сверхъестественные и параестественные силы при проведении естественнонаучных исследований. Поэтому тут имелось все, что могло понадобиться нам.

Главное помещение лаборатории представляло собой обширный, с высоким потолком зал, где вдоль стен чинно тянулись шкафы, рабочие столы. Сквозь готические окна с темно-зелеными стеклами прохладной струей лился солнечный свет. На выкрашенных в глубокий голубой цвет потолках светилась золотом схема атома Бора, окруженная зодиакальными символами. Невозможно было найти место, более далекое по духу от кафедрального собора в Силоаме. В лаборатории обычно работали схожие со мной люди. Я чувствовал, что стены лаборатории благотворно действуют на мою психику.

Грисволд запер дверь. Джинни сняла Наваждение и выпустила Свертальфа. Кот на мягких лапах направился в угол. Хвост его дергался, словно метроном. Карлслунд расстелил на столе алтарное покрывало, разложил и расставил на нем распятие, сосуды со священным хлебом и вином. Мы, остальные, принялись за работу под руководством Барни. Приняли обычные меры против глядатаев и установили защитное поле. Мы приготовились открыть двери в другую Вселенную.

Это всего лишь расхожее и неточное выражение. На самом деле нет никаких дверей, просто человек переходит из одного континуума в другой. И в конечном счете переход не зависит от какой-нибудь аппаратуры — важно лишь знать, как это делается.

Приборы — Библия, открытая на определенной странице, семисвечник (его огромные свечи были зажжены огнем, полученным от кремния и железа), пузырек с чистым, без примесей, воздухом, короб, наполненный священной землей из Иордана, арфа Пифагора — имели не столько симпатическое, сколько символическое значение.

Мне хотелось особо подчеркнуть все это. Данный факт малоизвестен, между тем он заслуживает, чтобы о нем знали все. Тут кроется одна из причин притягательности гностицизма. Догматы петристской церкви согласуются с принципами нехристианских вероучений и открытий, сделанных современной наукой. Не в наших силах принудить к чему-либо Небеса. Небо слишком велико, но и на него можно оказать влияние, если будет на то воля Всевышнего. Можно привести такое сравнение, если он сам того захочет.

Наша молитва была выражена горячей мольбой, которую Бог уже прочел в наших сердцах. В известном смысле ее цель заключалась в том, чтобы убедить нас самих, что мы действительно хотим сделать то, что задумали. Точно так же и наши заклинания лишь указывают путь какому-то Духу, который захочет помочь нам. Но заклинание не заставляет его оказывать помощь. Суть в том, что мы просто сделали все от нас зависящее.

Ад — совершенно иное дело. В физическом смысле — это

Вселенная, лежащая на более низком энергетическом уровне по сравнению с нашей (в спиритуалистическом смысле). Враг и его слуги не заинтересованы в оказании нам какой-либо помощи, если только ее конечным результатом не является шанс гибели. Силой колдовства (если обладаешь достаточной мощью) можно принудить демонов вступить на этот путь, если это послужит спасению Валерии.

Формулы призыва помощи Неба не относятся к числу общеизвестных, но и тайными они не являются. Их можно найти в соответствующих справочниках. Заклинание адских сил — нечто совершенно иное. Я не стану подробно описывать эти заклинания. Поскольку мы, конечно, знаем, что вызов сил Ада сопровождается своеобразным молитвенным ритуалом (все делается наоборот), отмечу, что тут необходимы: один из апокрифов «Либера Бенедиктардиум», факел, пузырек с воздухом, взятым из урагана, немного праха мумии, тринадцать капель крови, меч. Не стану утверждать, что в этом перечне нет ошибок.

Мы не думали, что нам понадобится весь этот хлам, но он был под рукой и служил еще одним доказательством серьезности наших намерений. А если и понадобится, то не сразу. Кроме того, надо было дать Джинни возможность ознакомиться с этими предметами. И даже при ее отточенной интуиции нужно было время, чтобы понять, как правильно следует расположить их.

Колокольчик Карлслунда позвал нас. Он был готов. Мы собрались перед импровизированным алтарем.

— Сперва я должен освятить это место, — заявил он, — и возможно более полно провести обряд богослужения.

Я взглянул на наручные часы — черт возьми, почти пять! Но возражать не осмелился. Необходимо, чтобы служба была проведена должным образом.

Пастор раздал молитвенники, мы открыли их. У меня возникло странное ощущение. Как уже упоминалось, я не верил в превосходство каких-либо догм над другими — по крайней мере, равно придерживался агностицизма. В церкви я бывал редко, но считал, что красочные ритуалы у приверженцев епископального направления выше.

Это меня устраивало. И сейчас я чуть не шепнул сперва Джинни: «Эй, это тайное богослужение или секретная служба?» Но вскоре желание шутить у меня пропало — вместе с породившим это желание возбуждением. От этого простого ритуала на меня снисходил покой и невыразимое словами благоговение. Мои мысли обратились к Богу. Так вот что такое религия... Не то чтобы в этот момент началось мое обращение, но казалось, что перед нами открывается какая-то сторона его могущества.

— Приступим к молитве.

— Отче наш, иже еси на небеси...

Стук в дверь! Сперва я даже не обратил внимания на него, но стук раздавался снова и снова, и сквозь тяжелые филенки просочился голос:

— Доктор Грисволд, вы здесь? Вас просят к телефону. Мистер Сверкающий Нож из ФБР. Говорит, что у него очень срочное и важное дело...

Пол едва не поплыл у меня под ногами. То, что я ощутил в душе, исчезло. Ноздри Джинни раздулись, она так сжала молитвенник, как будто это было оружие.

Карлслунд запнулся.

Грисволд, тихо ступая, подошел к двери и сказал привратнику или кто там был:

— Передайте ему, что я провожу важный эксперимент и не могу прервать его. Пусть он оставит свой номер, и примерно через час я позвоню ему.

«Спасибо тебе, спасибо! — кричала одна половина моего сознания. Вторая корчилась, опутанная холодными кольцами непонимания. — Где же милосердие Божье? Ты захотел, чтобы это случилось... но что есть твоя воля? Не может быть, чтобы все это было на самом деле... или люди — всего лишь марионетки в жестокой игре-головоломке?..»

Бог не мог желать крушения наших планов... нашего путешествия. Он не мог хотеть, чтобы маленькая девочка осталась в Аду. Он сделал это нечаянно, читая полицейские новости... Но жертвы преступлений уже освобождены смертью, им уже дано утешение. По крайней мере, так утверждают все церкви. Но откуда церковники знают? Может, ничего нет, кроме слепой игры, взаимодействия слепых сил? А может, Всевышний и Падший — одно и то же? А может... Нет, это в тебе говорит отчаяние, с которым ты уже сталкивался прежде, — отчаяние Ада. Держись, Матучек! Не сдавайся! Выводи своим неправильным баритоном: «Вперед, Христа Солдаты»... А если не сработает, мы попробуем что-нибудь другое.

Прилагая все усилия, мы добрались, наконец, до конца службы. Благословение. Затем Карлслунд, с трудом выговаривая слова, сказал:

— Я не уверен, что нам еще что-нибудь удастся. Необходимое благоговение утеряно.

Неожиданно ему ответил Харди:

— Пастор, ваша церковь основное значение придает вере. Но для нас, католиков, дела не менее важны.

Карлслунд не стал спорить.

— Что ж ладно... Можно попытаться. О какой помощи вы просите?

Барни, Джинни и все прочие обменялись озабоченными взглядами. Я понял, что в спешке они забыли договориться об этом. Вероятно, точное определение не казалось настолько необходимым, ибо Небо не так ограничено, как Ад. Во всяком случае, наша просьба должна быть разумной. Предпочтительно разумной.

Барни откашлялся:

— Э-э... Идея состоит в том, что настоящий ученый, например математик, и после смерти будет заниматься исследованиями, повышать квалификацию, приобретать все новые знания. Он может

достигнуть таких высот, что нам и представить трудно. Нам необходим математик, занимающий ведущие позиции в неевклидовой геометрии.

— Таким обычно считают Римана, — сказал Фалькенберг, — но он предназначал свои работы другим. Например, Гамильтону. И сам имел преемников. Мы не знаем, как далеко продвинулся несравненный Гаусс, он опубликовал лишь отрывки своих размышлений. В целом я предпочитаю Лобачевского. Он первый доказал, что геометрия не теряет внутренней согласованности, если отказаться от аксиомы о параллельных.

Насколько я помню, это произошло примерно в 1830 — 1840 годах, хотя я никогда не увлекался историей математики. Все, что было сделано позднее в этой области — неевклидовой геометрии, берет свое начало в идеях Лобачевского.

— Выбираем его, — решил Барни. — При этом примем во внимание, что остается неизвестным, можем ли мы уговорить вообще какую-либо великую душу стать нашим союзником. Вообще какую-либо, вот ведь в чем дело, — добавил он упавшим голосом, и обратился к Фалькенбергу: — Вы займитесь чарами, а мы с пастором приступим к составлению молитвы...

Все это тоже потребовало времени, зато мы оказались слишком заняты, чтобы сходить с ума, а ведь только этим и занимались с той минуты, когда служба была нарушена. Мы делали пассы, произносили заклинания, напрягали волю и ощущали, как нарастает поток энергии, устремившейся к точке прорыва. Давление энергии достигло неопишуемой силы. Это было не повседневное чародейство, это была вершина современного научного волшебства. Неизвестно откуда поползли тени. Они делались все гуще. Окна напоминали тусклые, горящие в ночи фонари. Пламя семи свечей сделалось неправдоподобно высоким, хотя света это не давало.

Символы на потолке засверкали ярче, начали медленно вращаться. С наших поднятых рук, с волшебной палочки Джинни заструились огни Святого Эльма. Такие же огни потекли, потрескивая, с шерсти сидевшего на плече Джинни Свертальфа, с ее распущенных волос. Арфа заиграла сама собой, ее струны вторили протяжной музыке сфер, свивая взад и вперед рисунок танца.

Я не увидел в темноте, кто из семи медленными размеренными шагами вышел из ряда, лишь услышал крик:

— Алеф!

Много позже:

— Вайн!

При этом выкрике мы остановились.

Арфа смолкла. Нас окутало вечное молчание бесконечного космоса. Знаки зодиака вращались все быстрее и быстрее, пока не слились, образуя Колесо Времени. Оставшаяся часть целиком сконцентрировалась на пасторе. Карлслунд встал, возвел руки перед алтарем.

— Услышь нас, о Господь Бог, обитающий на Небесах, — воззвал он.

— Тебе известно, чего мы жаждем, молим Тебя, пусть эти желания будут чистыми. Ты видишь, как стоят перед Тобой этот мужчина Стивен и эта женщина Вирджиния. Они хотят поразить врагов Твоих и избавить от заточения невинную девочку. Если Ты позволишь им это, они готовы претерпеть все муки Ада. Нет у них никакой надежды, если Ты не поможешь им.

Мы просим Тебя, пусть в диких дебрях Ада будет у них тот, кто сможет руководить ими и советовать им. Если мы не заслужили, чтобы Ты послал к ним ангела, то молим Тебя — пошли умершего слугу своего — Николая Ивановича Лобачевского, или кого-нибудь еще, кто, будучи живым, занимался научными исследованиями в той же области знаний. Молим во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Амен!

Снова воцарилась тишина. Затем распятие на алтаре вспыхнуло на мгновение ярким солнечным светом. Послышался тонкий пронзительный звук. И меня охватила волна радости, которую можно, и то отдаленно, сравнить лишь с радостью первой любви.

Но следующим сразу же раздался другой звук, он походил на шум штормового ветра. Свечи погасли, оконные стекла сделались темными, пол заколебался у нас под ногами. Свертальф отчаянно взвыл.

— Джинни! — услышал я свой крик.

И одновременно с этим криком меня закрутил водоворот образов, воспоминаний... Увенчанная луковицеобразными куполами церковь посреди беспредельной равнины. Грязная дорога между рядами низких, крытых соломой домов. Звякающий амуницией, с саблей у пояса всадник, едущий по этой дороге. Ледяная зима, в конце которой — оттепели и блеск разливающихся вод. И возвращение птичьих стай, и покрывающиеся робкой зеленью буковые леса. И беспорядочные нагромождения книг, лиц, снова рук и лиц. Женщина, которая была моей женой. Сын, умерший слишком рано. Казань — половина ее объята пламенем. Год холеры. Письмо из Геттингена.

Любовь. Неудачи. Слепота, медленно подкрадывающаяся день за днем. И все это было чуждым...

Наши зубы громко стучали. Ветер прекратился, и снова стало светло. Пропало ощущение нависшей над нами грозной силы... Ничего не понимающие, мы опять очутились в привычном мире.

Джинни бросилась в мои объятия.

— Любимая, — крикнул я ей по-русски. — Нет... Любимая, — по-английски. — Господи помилуй, — снова по-русски...

Перед глазами вихрем вращался калейдоскоп чужой памяти. На столе стоял Свертальф. Спина выгнута, хвост трубой. Его трясло не от ярости — от ужаса. Язык, зубы и горло кота странно дергались. Звуки, на которые не был способен ни один кот... Свертальф пытался заговорить.

— Почему не получилось? — загремел Барни.

Джинни удалось овладеть собой. Она махнула рукой тем, кто стоял поближе.

— Карлслунд, Харди, помогите Стиву! — крикнула она. — Док, обследуй его! Я отрывочно слышал ее голос сквозь навалившийся хаос. Друзья, поддерживая меня, довели до стула. Я рухнул на него. Приходилось прилагать усилия, чтобы дышать.

Помутнение сознания продолжалось недолго. Воспоминания о иной стране, о ином времени остановили свое беспорядочное коловращение. Они ужасали, но лишь потому, что находились вне моего контроля и были чужими.

Русский «покой» звучал в моем мозгу одновременно с английским «миром»... и я знал, что это одно и то же. Возвращалось мое мужество. Я чувствовал, что могу мыслить самостоятельно. Но звенела чужая мысль, и в ней — обертонами — я ощущал странную смесь педантизма и сострадания.

— Прошу прощения, сэр. Это перевоплощение смущает меня не меньше, чем вас. У меня не было времени, чтобы осознать, насколько велики различия, обусловленные разницей более чем в сто лет, и тем, что я оказался в совершенно ином государстве. Полагаю, будет достаточно несколько минут для предварительного ознакомления, чтобы обеспечить информационный базис для выработки приемлемого для вас модус вивенди*.

Остается заверить вас, что я сожалею о своем вторжении и постараюсь свести его последствия к минимуму. Со всем должным уважением могу добавить, то, что мне пришлось узнать о вашей частной жизни, не имеет особого значения для того, кто давно лишился земной плоти...

До меня дошло. Лобачевский!..

— К вашим услугам, сэр. Ах, да... Стивен Антон Матучек. Не будете ли вы так добры... Извините, мне необходимо ненадолго отвлечься.

Этот диалог, а также последующее взаимодействие наших двух разумов (его трудно описать словами) происходили уже на границе моего сознания. А оно снова било тревогу — слишком уж жутко было все происходящее.

Пробормотав: «Со мной все в порядке», — я движением руки отодвинул Акмана в сторону и уставился на разворачивающуюся передо мной сцену.

Свертальф находился в состоянии истерии, приближаться к нему было опасно. Джинни схватила чашку, зачерпнув из раковины воды, и выплеснула ее на кота. Он взвизгнул, соскочил со стола, метнулся в угол и там припал к полу, разъяренно сверкая глазами.

— Бедный котик, — успокаивающим тоном сказала Джинни. — Извини, я должна была это сделать. — Она разыскала полотенце. — Иди сюда, к своей мамочке, и давай вытремся.

* Модус вивенди — соглашение.

Он позволил ей подойти к себе. Джинни присела на корточки и протерла коту шерсть.

— Что это вселилось в него? — спросил Чарльз.

Джинни подняла взгляд. Рыжие волосы подчеркивали, как побледнело ее лицо.

— Хорошо сказано, адмирал. Что-то вселилось... Вода вызвала у него шок, и возобладали кошачьи инстинкты. Вселившийся Дух утратил контроль над телом. Однако он по-прежнему находится в нем. Как только Дух разберется в психосоматике Свертальфа, он попытается восстановить контроль и сделать то, для чего он явился.

— Какой Дух?

— Не знаю. Нам лучше не мешать ему.

Я встал:

— Нет, подождите. Я могу это выяснить.

Взгляды всех присутствующих обратились на меня.

— В меня, видите ли... э-э... вселился Дух Лобачевского.

— Что? — запротестовал Карлслунд. — Душа Лобачевского вселилась в ваше... Не может быть! Святые никогда...

Я отмахнулся, встал возле Джинни на колени, зажал голову Свертальфа между ладонями.

— Успокойся, никто не хочет причинить тебе вреда. Тот, кто вселился в меня, думает, что понимает, что случилось. Соображаешь? Его имя — Николай Иванович Лобачевский. Кто вы?

Мышцы кота напряглись, сверкнули клыки, комната заполнилась громким воем. Свертальф снова был близок к истерике.

— Сэр, с вашего разрешения у меня есть идея. Он не Враг. Я бы знал, если бы он был Врагом. Случившееся приводит его в замешательство, он смущен, а для того, чтобы мыслить, он располагает лишь кошачьим мозгом. Очевидно, наш язык ему не знаком. Разрешите, я попытаюсь успокоить его?

С моих губ полились журчащие и шипящие русские звуки. Свертальф вскочил, потом я почувствовал, как он понемногу расслабился под моими ладонями. А потом... он смотрел и слушал так внимательно, с таким наслаждением, будто я был не я, а мышиная норка.

Когда я замолчал, он покачал головой и мяукнул.

— Итак, он не русский, но, кажется, понял наши намерения.

«Посмотрите, — подумал я. — Используя то, что я знаю английский, вы понимаете этот язык, Свертальф тоже знает этот язык. Почему же его... ну, тот, который вселился, в отличие от вас английского не понимает?»

«Уверяю вас, сэр. Кошачий мозг в данном случае не годится. В нем нет структуры, хотя бы схожей с той, что управляет человеческой речью. Вселившейся душе и так приходится использовать чуть ли не каждую работоспособную клеточку мозга вашего Свертальфа. Но она может без затруднения использовать весь накопленный им опыт. Даже у этого маленького млекопитающего хорошая способность к

запоминанию и огромный запас памяти. Нужно только воспользоваться языком, на котором говорила при жизни душа.

«Понятно, — подумал я. — Но вы недооцениваете Свертальфа. Он долго время прожил в нашей семье. Его с рождения воспитывала и обучала ведьма. И поэтому он гораздо умнее обычного кота. Кроме того, атмосфера колдовства, в которой он прожил всю жизнь, не могла пройти бесследно».

— Прекрасно, говорите ли вы по-немецки? — обратился я и не я к коту. Свертальф с жаром кивнул.

— Ми-ей, — сказал он с выраженным акцентом.

— Добрый вечер, милостивый государь. Я — математик Николай Иванович Лобачевский, старший советник Российского Казанского университета. Рад приветствовать вас, милейший.

Последняя фраза была сказана по-французски — по всем правилам вежливости XIX столетия.

Лапа Свертальфа со скрежетом царапнула пол.

— Он хочет писать, — от изумления глаза Джинни широко распахнулись. — Свертальф, послушай... Не сердись. Не бойся. Не мешай ему делать то, что он хочет. Не сопротивляйся, помоги ему. Когда это все кончится, у тебя будет больше сливок и сардин, чем ты сможешь съесть. Обещаю. Ты же хороший котик. — Она пощекотала ему подбородок.

Не похоже было, что Свертальф полностью примирился с тем, что в его теле поселился Дух ученого. Но ласка помогла — он замурлыкал.

Пока Джинни и Грисволд были заняты приготовлениями, я сконцентрировался на обмене мыслями с Лобачевским. Остальные, потрясенные случившимся, столпились вокруг. Было неизвестно, что произойдет дальше, — и это их мучило. Я обрывками слышал, о чем они переговаривались.

— Черт возьми, никогда даже не слышал, чтобы святые являлись подобным образом, — сказал Чарльз.

— Адмирал, прошу вас, — отозвался Карлслунд.

— Что ж, это верно, — сказал Янис. — Демоны вселяются в одержимых. Но святые, в отличие от демонов, никогда не вселяются в чужое тело.

— Может быть, вселялись, — вставил Грисволд. — Мы иногда с пренебрежением относимся к доказательствам существования взаимного переноса масс при пересечении континуумов.

— Они не дьяволы, — сказал Карлслунд. — Они никогда не делали этого в прошлом.

— М-м-да, — вмешался Барни. Давайте подумаем. Дух или мысль из одной Вселенной в другую могут переходить без помех. Может быть, святые всегда так возвращаются к людям — не в телесном своем облике, а как видение?

— Некоторые, безусловно, возвращались во плоти, — сказал Карлслунд.

— Я бы предположил, — сказал Нобу, — что святые могут

использовать для создания своего тела любую материю. Например, в воздухе (добавьте несколько фунтов теплосдерживающей пыли) имеются все необходимые атомы. Вспомните, что такое святой. Насколько мы знаем, это взятая на Небо душа. Так сказать, душа, находящаяся рядом с Богом. Занимая такое высокое духовное положение, она наверняка приобретает многие замечательные способности. Ведь она может черпать из источника всякой силы и творчества.

— Но тогда им вообще не о чем беспокоиться, — сказал Чарльз.

— Господа, — сделав шаг вперед, сказала мое тело. — Прошу вас простить меня, поскольку я еще не совсем освоился с тем, что мне приходится делить с господином Матучеком тело, вы окажете мне честь, вспомнив, что это совсем не то, что владеть собственным телом. Я еще не знаю в подробностях, что именно заставило вас просить помощи.

И поскольку сейчас я нахожусь в человеческом теле, у меня нет лучше средств, чем те, которыми располагаете вы, узнать, кто этот господин, вселившийся в кота. Мне представляется, что я знаю и цель его перевоплощения, но давайте, если у вас нет возражений, подождем и вынесем решение на основании более точной информации...

— Ух ты! — Барни выдохнул воздух. — Как ты себя чувствуешь, Стив?

— Неплохо, — сказал я, — и с каждой минутой чувствую себя все лучше...

Это было весьма неточно сказано. Когда мы с Лобачевским достигли согласия, я ощутил, наряду со своими, его эмоции и мысли. Их мудрость и доброта превосходили всякое воображение. Разумеется, я ничего не мог узнать ни о его земной жизни, ни о том, что делается в сонме святых.

Мой смертный мозг и заполненная унынием душа не могли постичь этого. Самое большее, что я мог понять, — нечто вроде едва улавливаемой восприятием песни, в которой звучали непрекращающиеся мир и вечная радость. Все же попробую объяснить, чем стало для меня присутствие Лобачевского. Представьте себе своего самого старого, самого лучшего друга, и вы в общих чертах поймете, на что это похоже.

— Мы почти готовы, — сказала Джинни.

Вместе с Грисволдом она установила на столе доску Сунуя — простейшее устройство для тех, у кого вместо рук есть лишь лапы. Покачивая ногами, Джинни уселась на краю стола. У нее были очень стройные ноги. На это обратил внимание даже Лобачевский, хотя это вылилось у него в основном в то, что он принялся составлять уравнения, описывающие их форму.

Свертальф занял место возле прибора. Я, готовый задавать вопросы, наклонился над столом с другой стороны. Тишину нарушало лишь наше дыхание. Планшетка двинулась. К ней был присоединен

кусок мела, заколдованный тем же заклинанием, которое приводит в движение помело.

Выписанную фразу прочитали все.

«Я Янош Больян из Венгрии».

— Больян! — задохнулся Фалькенберг. — Господи, я совершенно забыл о нем! Не удивительно, что он... но как?..

— Это для меня большая честь. Ваша работа служила для всех большим вдохновением, — с низким поклоном сказал Лобачевский.

Ни Больян, ни Свертальф не пожелали уступить друг другу в любезности. Кот встал на задние лапы, поклонился, затем стал отдавать по-военному честь. Планшетка снова пришла в движение, выписав строку цветистых французских комплиментов.

— Кто это все-таки? — прошипел за моей спиной Чарльз.

— Я... я не помню его биографию, — так же шепотом ответил Фалькенберг. — Но припоминаю, что он был восходящей звездой на небосклоне неевклидовой геометрии.

— Я посмотрю в библиотеке, — предложил Грисволд. — Похоже, что этот обмен любезностями может продолжаться еще долгое время...

— Похоже, — шепнула мне на ухо Джинни. — Нельзя ли их чуть поторопить? Мы с тобой уже давно должны быть дома. И если зазвонит телефон — жди очередных неприятностей.

Я изложил все эти соображения Лобачевскому, который в свою очередь объяснил Больяну. Тот написал и заверил нас, что, когда возникла необходимость, он стал военным, и посему, как имперский офицер, научился действовать решительно. И что он намерен действовать решительно — в особенности когда к его чести взывает такая очаровательная девушка. И что он без страха и упрека поддерживал и намерен поддерживать впредь свою честь на любом поле сражения. Он уверяет, что за всю жизнь ни разу не уронил ее... У меня нет намерений насмеяться над великим человеком. Для того чтобы мыслить, его душа располагала всего лишь кошачьим мозгом, и воспринимала мир лишь через органы чувств Свертальфа.

Поэтому его человеческие недостатки предстали перед нами явно в преувеличенном виде. И поэтому ему так трудно было выразить свой гигантский интеллект и свое рыцарство.

Грисволд обнаружил кое-что о нем в энциклопедиях и работах, посвященных истории математики, и мы познакомились с биографией Больяна, пока он обменивался любезностями с Лобачевским.

Янош Больян родился в Венгрии в 1802 году. Тогда Венгрия была лишь одной из провинций Австрийской империи. Его отец, видный математик, близко знакомый с Гауссом, обучил Яноша технике вычислений и математическому анализу, когда ему не было еще и тринадцати.

По совету отца, Янош в пятнадцать лет поступил в Королевское инженерное училище в Вене. В двадцать лет он стал офицером королевских инженерных войск.

Он хорошо умел играть на скрипке и владеть саблей, поэтому встретиться с ним на дуэли было опасно. В 1823 году он послал отцу

наброски своей «Абсолютной науки пространства». Некоторые высказанные там идеи были использованы Гауссом в носящих философский характер работах.

Сам Больян об этом так никогда и не узнал. В «Абсолютной науке пространства» юный венгр сделал первую серьезную попытку построения неевклидовой геометрии. Он первым доказал, что аксиома о параллельных прямых не является логически необходимой.

К несчастью, его труд был опубликован только в 1933 году и то как некий аппендикс к двухтомной работе его отца. Работа была написана по-латыни и носила чудовищное название. Между тем, независимо от Больяна, сходные результаты были получены Лобачевским. Труды Больяна остались незамеченными.

Похоже, что это его расколодило. Он поселился вместе с отцом, преподавателем в Реформистском училище Мары-Базареди, и умер в 1860 году. Время его жизни совпало с эпохой нарождавшейся венгерской революции Кошута 1848 года, ее поражением и последовавшей за этим реакцией. Но в обнаруженных нами статьях ничего не говорилось о его участии в революции или хотя бы отношении к ней. Он видел отмену военного положения в 1857 году и далее рост либерализма. Правда, его страна не достигла полной национальной независимости, оставаясь в рамках двуединой монархии. Независимость была достигнута лишь через семь лет после смерти Больяна.

Хотел бы я знать, не подождала ли его душа этого события, прежде чем унестись в другие Вселенные?

Большее нам удалось обнаружить о Лобачевском. Он родился в 1803 году в Нижнем Новгороде. Его мать овдовела, когда ему было семь лет. Они переехали жить в Казань. Семья отчаянно нуждалась, и все же матери удалось дать сыну хорошее образование. В возрасте восьми лет, сдав вступительные экзамены, Николай поступил в гимназию. В четырнадцать был зачислен в местный университет. В восемнадцать получил ученую степень.

В двадцать один был назначен ассистентом профессора, а в двадцать три сам стал профессором.

В его ведении оказались университетский музей и библиотека. Разницы между ними в общем-то не было — и там, и здесь царили запустение и беспорядок. Ассигнования были очень малы. Лобачевскому пришлось немало потрудиться, и через несколько лет музеем и библиотекой гордилась вся Россия. Можно добавить, что при царе Александре в его обязанности, по-видимому, входила слежка за студентами. Он ухитрялся обходиться без доносов. И правительство было удовлетворено, и студенты обожали его. В 1826 году он стал главой университета, ректором. Он строил свой университет. Строил в буквальном смысле слова. Он так изучил архитектуру, что смог самостоятельно заниматься проектированием зданий. В 1830 году, когда разразилась холера, он принял более усиленные меры по поддержанию санитарии, чем это делалось в целом по Казани, поэтому смертность среди студентов и учащихся была невелика.

В другой раз, позднее, половина города была уничтожена пожаром. Обсерватория и важнейшие здания университета оказались разрушенными. Но Лобачевский смог спасти приборы, инструменты и книги. Двумя годами позже все утраченное было восстановлено.

Уже в 1826 году он начал разрабатывать неевклидовую геометрию. Живи он не в Казани, а в Канзасе, он все равно занялся бы ею. Весть о его открытии распространялась по Западной Европе так медленно, что менее терпеливый человек полез бы на стену, но Лобачевский был слишком занят своими делами. Между тем весть распространилась. Когда она дошла до Гаусса, она произвела на него такое впечатление, что он рекомендовал Лобачевского в члены Королевского научного общества в Геттингене. Это произошло в 1842 году. Возможно, причину нужно видеть в его независимости и в злобной подозрительности царского режима ко всему чужестранному — в 1846 году Лобачевский был отстранен от должности ректора. Ему разрешили заниматься преподавательской деятельностью — не более.

Убитый горем, он искал утешения в том, что целиком ушел в занятия математикой. Зрение ослабло. Сын умер. Лобачевский работал, мечтал и диктовал свою «Общую геометрию». Эта книга, венец всей жизни, была закончена незадолго до смерти. Умер он в 1856 году.

Разумеется, он был святым.

— Нет, Стивен Павлович, не надо преувеличивать мои заслуги. Я уверен, что немало и ошибался, и грешил. Но милость Господня не имеет границ. Я был... это невозможно объяснить. Пусть будет так. Мне позволено дальше заниматься моим любимым делом...

На доске появились новые фразы. Янош временами стирал написанное, и мел скрипел снова. Те, кто знали французский (русский и венгр сочли, что этот язык им более подходит, чем немецкий), постепенно начали понимать, что происходит. Лишь я, однако, деля с Лобачевским общее тело, понимал все в достаточной степени.

И по мере того как росло мое понимание, я все более ощущал необходимость передать его остальным. А время летело.

Лобачевский отвечал:

— Нужно торопиться, поскольку я согласен, что час поздний, а опасность ужасна, поэтому я вынужден использовать современную, отрывистую манеру разговора...

Когда был получен ответ на последующий вопрос, я подозревал присутствующих к себе. Все они, если не считать Джинни, а она сейчас выглядела чрезвычайно эффектно, и кроме сидящего у ее ног Свертальфа, представляли собой весьма жалкое зрелище. Усталые, потные, осунувшиеся. Галстуки либо ослаблены, либо просто сняты. Прически растрепаны. У большинства в руках сигареты. Я сидел на стуле, глядя на них. Возможно, у меня был вид еще более разочарованный. То, что сообщил мне влезший в мое тело святой, было поразительно. Нет, оно было просто ужасно.

— Теперь все ясно, — сказал я. — Мы ошиблись. Бог ничего не приказывал своим святым и ангелам. По крайней мере, в нашем понимании не приказывал. Появление святых обуславливается лишь молитвой. Пастор, вы-то понимали это и раньше. Но, сознательно или нет, мы полагали, что являемся более значительными персонами, чем на самом деле.

Лобачевский тут же поправил меня:

— Нет, для Него равно важно все. Но должна быть свобода выбора — даже для сил зла. Более того, существуют соображения, в силу которых... Ну, думаю, тут не совсем подходит этот термин «политика фактов». Не знаю, существует ли подходящая земная аналогия... Грубо говоря, ни Бог, ни Враг не желали своими действиями спровоцировать чрезмерно ранний Армагеддон. В течение вот уже двух тысяч лет они избегают прямого вмешательства в э-э... территории: Небо и Ад взаимно неприкасаемы, и такая политика в обозримом будущем не подлежит замене...

Наша молитва была услышана. Лобачевский — святой в прямом смысле этого слова. Он не мог сопротивляться нашей мольбе, да это ему и не запрещалось. Но и помогать нам в Аду он тоже не мог. Это запрещено. Он вправе, оставаясь в моем брэнном теле, отправиться с нами туда, но лишь как наблюдатель. Только как наблюдатель, ничего более. Он очень сожалеет. Каждый Дух должен идти своим собственным путем, ибо... Не важно. В общем, в наш континуум и в мое тело он вошел, преследуя иные цели.

Больян — другое дело. Он тоже услышал наш призыв. Ведь молитва была так свободно построена, что вполне могла быть обращена к нему. Далее, он не приобщен к сонму святых. Он говорит, что его душа находилась в чистилище. Подозревая, что мы не понимаем это место умозрительно, он объяснил, что это место, где душа не может непосредственно воспринимать мудрость Господню, но может самостоятельно добиваться своего совершенствования.

Во всяком случае, пока он не взят на Небо, но и не проклят. Таким образом, ему не запрещено принять в борьбе активное участие. Похоже, у него появился шанс на выигрыш. Он понял, о чем мы просили в нашей молитве. Понял все, даже то, что мы не высказали словами. И, как и Лобачевский, выбрал для воплощения мое тело. Но Лобачевский не знал о его намерениях. Будучи святым, он обладал большей мощью, и успел на какое-то мгновение раньше...

Я остановился, чтобы зажечь сигарету. Чего мне действительно хотелось, так это осушить галлон крепкого сидра. Глотка моя была словно пересушена и забита пылью.

— Очевидно, в случаях, подобных нашему, Дух должен поступать согласно определенным правилам. Не спрашивайте меня, почему. Уверен, что если бы вам стали известны причины, вы нашли бы их достаточно вескими. В частности, полагаю, чтобы предохранить нашу смертную плоть от чрезмерного потрясения, от перенапряжений. Одно из правил вполне очевидно. Больян не обладал силой святости, но мог создать себе сколь-нибудь пригодное тело.

Помните, доктор Нобу, вы предлагали это недавно. Вероятно, даже если бы мы приготовили все нужные вещества, он не смог бы воспользоваться ими. Единственная для него возможность открыть себя людям — это войти в чье-либо живое тело. Есть еще правило — душа не может перескакивать из одного тела в другое. Она должна оставаться в нем, пока не закончится то, из-за чего она вернулась на Землю. Больяну нужно было молниеносно принять решение. Мое тело уже было занято.

Правила приличия не позволяли ему войти в тело э-э... женщины. Если бы он вселился в кого-то, кто не собирался вместе с нами отправиться в Ад, пользы от этого было бы немного.

Хотя об этом в молитве не упоминалось, в ее обертонах он уловил, что в экспедиции должен участвовать третий человек мужского пола. И Больян устремился в его тело. Он всегда действовал быстро. И слишком поздно обнаружил, что вселился в тело Свертальфа.

Широченные, могучие плечи Барни обмякли:

— Значит, из задуманного нами ничего не вышло?

— Не обязательно, — сказал я. — Джинни — сильная ведьма. Если она поможет увеличить мощь кошачьего мозга Свертальфа, он полагает, что справится. После смерти он провел много времени, исследуя геометрию различных континуумов. В том числе таких странных и жутких, что не может даже поведать о них и намеком. Идея налета на Ад ему понравилась.

Свертальф качнул хвостом, усы его встали прямо, бакенбарды распушились.

— Значит, получилось! — закричала Джинни. — Ура-а! Ию-лю-у!

В определенной степени, да. Решимости у меня было не меньше, меньше было энтузиазма. На мрачный лад меня настраивало узнанное от Лобачевского. Я предчувствовал, что здесь много трудностей. Вряд ли просто так Враг позволил бы добиться нам успеха. Против нас будет направлена вся сила, вся его хитрость.

— Так... — с растерянным видом сказал Карлслунд. — Так, так...

Джинни прекратила свой военный танец.

Я сказал:

— Может быть, вы лучше позвоните ему, доктор Грисволд?

Маленького росточка доктор кивнул:

— Я сделаю это из своего кабинета. Вы оставайтесь здесь, будете все видеть и слышать.

Я чуть не выругался. Законно ли это? По-видимому, в какой-то мере... не запрещается.

Несколько минут нам пришлось подождать. Я крепко прижал к себе Джинни. Остальные — кто негромко переговаривался о построенном, кто в бессилии опустил на стулья. Бодрость хранил только Больян. С помощью Свертальфа он удовлетворял свое ненасытное любопытство исследованием того, что было в лаборатории.

Но на самом деле перед нами был лучший ученый, лучший математик, чем будет когда-либо любой человек на Земле, пока она

существует. Его до смерти интересовало, как на нашей планете обстоят дела. И в полный восторг он пришел, когда Янош разыскал ему подшивку «Всемирной географии».

Телефон ожил, звякнул. Мы видели все, что делал Грисволд. Я со свистом втянул воздух между зубов. Сверкающий Нож действительно вернулся.

— Извините, что заставил вас ждать, — сказал профессор. — Раньше позвонить никак не мог. Чем могу быть для вас полезен?

Фэбзэровец назвал себя, предъявив удостоверение.

— Я пытаюсь разыскать мистера и миссис Матучек. Вы знакомы с ними, не так ли?

— Ну... э-э... да. Давно их не видел, правда... — Врун из Грисволда был плохой.

— Пожалуйста, выслушайте меня, сэр. Сегодня днем я вернулся из Вашингтона. Был там в связи с их делом. Это чрезвычайно важно. Я спросил своих подчиненных. Миссис Матучек исчезла, и обнаружить ее не удалось.

Ее муж, по крайней мере некоторое время, находился в защищенном от любого надзора конференц-зале. Никто его не видел в зале после окончания рабочего времени. Я послал своего человека разыскать его, но он его не нашел. Наши люди сделали фотографии всех, кто входил в здание. Сотрудники криминалистической лаборатории среди других участников встречи опознали вас. Вы все еще уверены, что Матучека у вас нет?

— Н-нет. Их нет... Что вы хотите сделать с ними? Обвинить в уголовном преступлении?

— Пока они не окажутся в нем замешаны — нет. У меня на руках специальный приказ, предписывающий не допустить некоторых действий, которые Матучеки, вероятно, захотят предпринять. Всякий, кто окажет им помощь, как и они, в равной степени подлежит аресту.

Грисволд оказался молодцом. Он преодолел испуг и, брызгая слюной, затарактел:

— Честное слово, сэр, меня возмущает подтекст вашего заявления. В любом случае ваше предписание должно быть предъявлено тем, кого оно касается, то есть — Матучекам. Без этого оно не имеет никакой законности. До тех пор оно не ограничивает ни их действий, ни действий их сообщников.

— Верно. Не возражаете, если я приеду осмотреть помещение, в котором вы сейчас находитесь? Возможно, они все-таки там. Без вашего ведома...

— Нет, сэр, возражаю. Вам не следует приходить сюда.

— Будьте разумны, доктор Грисволд. Помимо всего прочего, наша цель состоит в том, чтобы защитить их от самих себя.

— Такого рода намерения весьма присущи теперешней администрации, и мне они очень не нравятся. До свидания, сэр.

— Эй, подождите, — голос Сверкающего Ножа сделался тише, но трудно было бы ошибиться в его тоне. — Вы не являетесь владельцем здания, в котором находитесь.

— Но я несу за него ответственность. Трисмегист является частным владением. Я могу осуществлять управление этим зданием по собственному усмотрению и запрещаю вам доступ в него. Вам и вашим подчиненным.

— Но не в том случае, если они придут с ордером на обыск, профессор.

— Тогда я вам советую поскорее получить его... — И Грисволд прервал колдовство телефона.

Мы, оставшиеся в лаборатории, поглядели друг на друга.

— Сколько у нас времени? — спросил я.

Барни пожал плечами:

— Не больше пятидесяти минут. Фэбээровцы уже в пути.

— Стоит ли нам попытаться удрать отсюда? — спросила у него Джинни.

— Я бы не стал пробовать. Все вокруг, вероятно, взято под наблюдение еще до того, как Сверкающий Нож пытался дозвониться до Грисволда. Думаю, он выждал просто для того, чтобы узнать, чем мы занимаемся. И ему приказали перейти к решительным действиям только в крайнем случае.

Джинни выпрямилась:

— О'кей. Тогда мы отправимся в Ад. — Ее верхняя губа слегка дернулась. — Нельзя упустить эту возможность. Готовиться некогда.

— А-а! — Барни хрюкнул, как будто получил удар ногой в живот. — Нет, вы сошли с ума! Без подготовки, не имея нужного снаряжения...

— Справимся с тем, что имеется здесь, — сказала Джинни. — Воспользуемся советами Больяна. Лобачевский, пока мы здесь, тоже имеет право помочь нам. Мы выиграем — на нашей стороне эффект неожиданности. Демоны не успеют организовать свои силы. Наше вторжение, повторяю, произведет на них неожиданный эффект. А раз мы выйдем из зоны действия американской юриспруденции, разве будут у Сверкающего Ножа основания заставить волшебством нас вернуться? И он не станет мешать нам. Прекращение вашей помощи, возможно, означало бы нашу смерть. Это будет убийство. Кроме того, подозреваю, он на нашей стороне. Он не в восторге от того, что ему приходится делать. Скорее, он предложит нам свою помощь. — Она подошла к Барни, обеими руками взяла его за руку и заглянула снизу вверх в его изрезанное морщинами лицо. — Не мешай нам, старый друг, — попросила она. — Необходимо, чтобы вы согласились с нами.

Было больно смотреть, как мучился Барни. Но вот он крепко выругался и отдал приказ. Люди принялись за работу.

В зал вошел Грисволд:

— Вы уже... О, вы можете отправляться прямо сейчас!

— Не можем не отправляться! — сказал я.

— Но вы не... вы даже не обеды. Вы ослабеете и... Ладно, знаю, что мне не остановить вас. Иногда работа продолжается допоздна, и

на этот случай у нас в лаборатории установлен холодильник с пищевыми припасами. Пойду посмотрю, что есть в нем...

Вот так мы и отправились штурмовать твердыню Ада.

Янис отдал Джинни свою сумку (из тех, что носят на ремне через плечо), а Барни вручил мне куртку (она была мне велика и рукава пришлось немного подрезать). Сумка и карманы куртки были набиты до отказа бутербродами с арахисовым маслом для нас, и консервами (копченая селедка) для Свертальфа-Боляна.

28

Некоторое снаряжение у нас было. В основном оно лежало в сумке Джинни. В том числе и принесенное Акманом свидетельство о рождении Валерии. Инструкции, которые он мог дать, как лучше использовать это свидетельство, были главной причиной его приглашения участвовать в совещании. Джинни положила документ пока что в свою собственную сумочку и засунула ее за бюстгальтер.

Никто, включая наших геометров, не знал наверняка, какие средства окажутся в Аду действенными, а какие — нет. Лобачевский смог сказать, что религиозные символы не обладают там силой, которую имеют здесь. Их действие основано на благодати Всевышнего, а всем известно, что никто из обитателей Ада не способен любить. Кое-что, однако, нам могло дать язычество.

Языческие понятия о чести и справедливости ничего не значили там, куда мы собирались, а вот понятие силы и искупительной жертвы — значили. И хотя века уже минули с тех пор, как последний раз отправлялась служба языческим богам, в их символах еще сохранилось достаточно силы и могущества.

Джинни, как обычно, заколола отворот платья булавкой с изображением совы, знаком того, что она — имеющая лицензию ведьма. Грисволд разыскал где-то миниатюрную пластинку зеленовато-желтого цвета. Пластинка была ацтекского происхождения, и на ней было вырезано гротескное изображение скалящей зубы змеи, покрытой перьями.

Я прикрепил пластинку к своему превращательному фонарику и спрятал под рубашку. Немного смущающийся под взглядом пастора Карлслунда, Барни выудил из кармана сделанный в форме молоточка серебряный брелок — копию тех, кто были распространены в эпоху викингов. Брелок принадлежал его жене, но таскал его с собой сам Барни — на счастье. И теперь он перекинул его цепочку через шею Свертальфа.

Не было смысла тащить с собой огнестрельное оружие. И Джинни, и я весьма неплохо стреляли, но это — в евклидовом пространстве. Если из-за меняющейся гравитации траектория выстрела меняется самым непредсказуемым образом, забудь об огнестрельном оружии, приятель. Мы вооружились, пристегнув к

поясу меча. У Джинни был тонкий, современного производства, золингеновский клинок. Он предназначался главным образом для ритуальных действий, однако и режущий край, и острие его были отточены. Мой меч, более древний, тоже обладал магической силой. Тяжелое, надежное оружие. Он и в плавании бывал — служил abordажной саблей самому Декатуру.

Воздух для дыхания тоже мог оказаться проблемой. Ад печально известен своим бесчестием. И вообще — это место во всех отношениях беспредельно грязное. В запасе у нас были дыхательные аппараты — из тех, что используют для подводного плавания. Если человек уподобляется русалке или иным подобным созданиям, лучше всего, если ему помогает маг или колдунья, способные к тому же отогнать, например, тюленя. Но тут уж как повезет.

Специалистов такого рода немного, поэтому чаще ограничиваются комплектом, состоящим из обычных баллонов и маски. Маски могут быть разными, в том числе и для различных животных. Мы разыскали еще и комплект, подходящий Свертальфу. И еще один я прикрепил к своему запасному баллону — для Валерии, если нам улыбнется удача.

На этом перечень нашего снаряжения заканчивается. Будь у нас время, мы бы смогли подготовиться лучше. И еще мы могли бы взять с собой не пару метел, а драконов, даже двух, и нагрузить на одного несколько тонн всяческого груза, чтобы во всеоружии встретить любую неожиданность, которую может предвидеть группа стратегического анализа. Однако армия уже пыталась действовать подобным образом и потерпела неудачу. У нас были сведения, которыми не располагали армейцы, и еще у нас был единственный в своем роде советник. Может быть, это сработает.

Пока мы вместе с несколькими помощниками торопливо готовились, Барни и Нобу тоже завершали приготовления к нашему перебросу. В последнюю минуту я попросил их сделать кое-что, и как можно скорее.

В центре пола была начертана фигура (не буду говорить, какая именно). Ее обрамляли расставленные правильным пятиугольником освященные свечи. Сверху издавал неприятные звуки огромный колокол. Его можно было опустить. Колокол предназначался для выброшенной из Адской Вселенной массы обмена. Возможно, это будет какое-то живое существо или некий газ. В общем, что-то, с чем будет трудно справиться.

— После нашего переноса, — сказал я, — сразу же помести сюда несколько фунтов какого-либо вещества. Конечно, если не окажется, что внутрь соваться опасно.

— Что? — в изумлении спросил Барни. — Но тогда это даст возможность преследователю совершить переход без затруднений.

— Что бы ни оказалось здесь, оно не сможет выйти за пределы пентаграммы, — напомнил я. — Мы будем действовать очень быстро. Будьте наготове, пустите в ход все свое волшебство, чтобы оно не вернулось обратно. Не знаю, что нам удастся обнаружить. Возможно,

оно будет иметь большое научное значение, а людям необходимо знать больше об Аде. Хотя скорее всего наша добыча будет равна нулю. Но все же подготовьте замену.

— Ладно. Для сумасшедшего ты рассуждаешь разумно. — Барни вытер глаза. — Проклятье, я, должно быть, подцепил какую-то аллергию.

Когда мы попрощались, сухие глаза остались лишь у Яниса. И в мозгу моем, размеренно и печально, звучала чужая мысль:

«Стив Павлович, Вирджиния Виллиамовна и кот, наверняка обладающий своей собственной душой, я больше не могу помогать вам. Теперь я обязан стать простым наблюдателем. Только наблюдателем, удовлетворяющим, свою собственную любознательность. Не буду стягивать вас горем, которое вызывает у меня эта необходимость. Вы более не будете ни сознать, ни ощущать моего присутствия. Прощайте! Да благословит вас Бог!»

Я почувствовал, как он уходит из моего сознания. Как сон, который обесцвечивается, когда вы, проснувшись, пытаетесь вспомнить его. И вскоре от него осталось лишь ощущение чего-то хорошего, происходившего со мной в течение двух-трех часов. Или нет, не совсем так. Подозреваю, что своим спокойствием в последующие минуты я обязан его незримому присутствию. Он не мог не помогать. Он был Лобачевским...

Рука об руку, держа в других свои метлы, мы с Джинни вступили в фигуру связи. Впереди шествовал Свертальф. В самой ее середине мы ознакомились, чтобы поцеловаться и шепнуть друг другу последние слова, а потом медленно натянули маски. Оставшиеся приступили к волшебству.

Зал снова окутался тьмой. Я ощутил, как скапливается энергия. Грохнул гром, заходил пол под ногами. Фигуры товарищей как бы отдалялись, и я уже висел над их головами. Сквозь усиливающийся грохот я расслышал, как моя ведьма начала читать то, что написано на пергаменте. Там стояло имя «Викторикс» и теперь силы природы переносили нас туда, где она находилась. Переносили сквозь дьявольское пространство-время.

Зал, звезды, Вселенные — весь мир начал вращаться вокруг нас. Мы находились в центре урагана. Все быстрее и быстрее вращался мир. Он превратился в одну гигантскую мельницу, а потом остался лишь рев, словно рев громадного водопада. Нас крутил, топил, засасывал бесконечный водопад и водоворот. Последний проблеск угасшего со страшной скоростью света... И когда мы достигли конца бесконечности, свет умер. А в самом конце нас ждал такой ужас, что мы никогда бы не осмелились встретиться с ним.

Никогда, если бы не наша дочь, Валерия Викторикс...

Должно быть, я на минуту потерял сознание. На минуту, а может, на миллионлетие. Внезапно я начал понимать, как будто щелкнули выключателем, что наше путешествие окончено, и мы куда-то прибыли. Куда-то, что бы это такое ни было.

Я привлек Джинни к себе. Мы смотрели друг на друга, ощупывали дрожащими пальцами. Никаких повреждений. Свертальф также был в полном порядке. Он не требовал, чтобы на него обращали внимание, значит, с ним было все в порядке. Больян тут же заставил его пуститься бегом по расширяющейся спирали, чтобы выяснить обстановку.

Я осторожно сдвинул маску, вдохнул воздух. Он был ужасающе холодным. Дул ветер, пронизывающий до самых костей, но воздух казался чистым. Если быть точным — стерильным.

Стерильность. Ею все было здесь пропитано. Небо было абсолютно беспредельно черным. Но каким-то образом мы видели звезды и планеты, похожие на безобразные груды шелка. И те, и другие — глаз видел ясно — двигались по хаотичным траекториям. Это были пятна еще более глубокой тьмы. Тьмы, которая означает не отсутствие, а отрицание света.

Мы стояли посреди голой равнины — серой, ровной, плоской, словно отлитой из железобетона. Ничего вокруг не было, если не считать рассыпанных повсюду камней. Среди камней не было двух одинаковых, но все они были неизменно уродливы.

Свет исходил от почвы. Бледный, бесцветный, не дающий теней свет. Что вдалеке — не было видно. Но равнина, казалось, продолжалась бесконечно — ни горизонта, ни препятствий. Не было ни движения, ни звука, ни сторон света — лишь тоскливый свист ветра.

Всякие мерзости мне приходилось видеть, но такое... Нет, ужаснее всего было и будет — подменыш в кровати нашей дочери...

Джинни тоже сняла маску, как и я, повесила на свой баллон. Она вся дрожала, крепко обхватив себя руками.

— Я думала, что нас в-встретит пламя, — сказала она.

Подходящее высказывание. Впрочем, в исторических случаях только такие и делаются.

— Данте описал седьмой круг Ада как место, где властвует холод, — медленно ответил я. — По-видимому, он что-то знал... Где мы?

— Не знаю. Если волшебство удалось, если вообще удалось волшебство имени... мы на какой то планете. Если только слово «планета» имеет тут какой-нибудь смысл. Вал должна быть где-то здесь. Не слишком далеко отсюда. Вернее, будет...

Мы, естественно, приложили все усилия, чтобы оказаться здесь раньше нее.

— Не похоже на то, о чем докладывали предыдущие экспедиции.

— Нет. У них иной, интересный перенос. У нас с ними были разные ритуалы. К тому же мы двигались против течения времени. Возвращаться будет легче. Свертальф исчез за ближайшим камнем. Мне это не понравилось.

— Коммен эи цурюк! — закричал я, перекрикивая свист ветра. — Ретурне ву! И без замешательства понял, что перед переносом Лобачевский впечатал в мой мозг знание немецкого и французского. Ей Богу, и русского языка тоже!

— Мяс-у, — раздалось сзади.

Я обернулся.

Кот исчез там, а сейчас он шел прямо к нам с противоположной стороны.

— Искривленное пространство, — сказала Джинни. — Смотри, Свертальф ставит лапы твердо, но путь его извилист, как будто он напился. Он движется по кривой. А ведь он всего в нескольких ярдах от нас. Что, если в нескольких милях?

Я огляделся и сощурился:

— Все выглядит прямолинейным.

— Так и должно быть, пока ты не двигаешься. Бр-р. Сделаем, чтобы потеплело.

Она вынула из сумки складную волшебную палочку. Звезда на ее конце не сверкала, лишь тлела. Но наши тела окутало исходящее от нее ласковое тепло. Если честно, сделалось, пожалуй, даже слишком жарко. Я вспотел. Видимо, Адская Вселенная обладала такой высокой энтропией, так далеко зашел процесс термодинамического распада, что и мелкое воздействие вызывало большой эффект.

Свертальф уже был рядом с нами. Оглядывая с беспокойством равнину, я пробормотал:

— Нас ожидает здесь немало трудностей. Что мы можем им противопоставить?

— Нам благоприятствуют два обстоятельства, — сказала Джинни. — Первое — колдовство переноса оказалось действительно эффективным. Его влияние еще не закончилось. Оно охраняет нас, и в какой-то степени благодаря ему обстановка кажется схожей с земной. Второе — демоны заранее хорошо знали, где и когда им ждать предыдущие экспедиции. У них было достаточно времени для подготовки всяких грязных фокусов. Мы же прокрались незаметно. — Она откинула со лба локоны и добавила твердо: — Думаю, что у нас, когда мы тронемся в путь, проблем будет полон рот.

— Да, а с какой стати похититель вернется именно сюда, в пустыню? Мы не смогли оказаться точно в нужном месте.

— Помолчи, сейчас я определяю направление.

Она подняла вверх пергамент с именем «Викторикс». Пропела заклинание. Палочка недвусмысленно повернулась в определенном направлении. Но магический шар оставался туманным. Ни намек, сколь долгий предстоит нам путь и что нас ждет впереди. Слишком чуждым здесь было время-пространство.

Мы поели, напились, отдохнули несколько минут, и в дорогу.

Джинни со Свертальфом на седельном луке держалась впереди. Я летел чуть сзади и справа. Метлы работали плохо, двигались медленно. Защитный экран приказал долго жить, и мы остались открытыми дующему справа ветру. Но зато мы успели подняться и выровнять наш полет до того, как он сделался достаточно сильным.

Сперва началось зрительное искажение. Я смотрел, и рука моя все крепче сжимала рукоять рычага управления. Свертальф, моя красавица Джинни, камни внизу — все пошло рябью, волнами, начало сужаться и растворяться, потекло. Все сделалось непристойно карикатурным. И одна грязная карикатура тут же сменялась другой — еще худшей.

Казалось, с тела шелушивались комки мяса, обвисали каплями, утоньшались, вытягивались, а потом срывались и пропадали. Звуки изменились тоже. Пронзительный свист перешел в какофонию. Вопли, гул, жужжание — будто быстро произносимые, полные угрозы слова. Я почти понимал их. Они вибрировали ниже порога восприятия, я не слышал их, но мое тело слышало. Я отвечал им, содрогаясь от ужаса.

— Не обращай внимания! — закричал я. — Это оптический эффект Допплера... — Но мой крик не смог пробиться сквозь этот хаос.

Внезапно моя любимая стала удаляться. Неслась от меня, вращаясь, словно сорванный ветром лист. Я попытался лететь за ней следом, прямо в порывы ветра, выбивающего из глаз слезы, но чем больше я отклонял курс метлы, тем быстрее уносились от меня Джинни.

— Больян, помогите! — закричал я, пытаюсь докричаться в пустоту.

И пустота поглотила меня.

Я скользил вниз по какой-то невозможно бесконечной кривой. Метла не могла выйти из пикирования.

«Нет, — старался я перебороть страх, — я не разобьюсь! Нет. Полет скоро выровняется. Выровняется, когда я буду над теми...»

Гряда камней, к которой я наискось падал, оказалась вовсе не грядой камней.

Это была горная цепь. Буря смеялась над моими усилиями. Метла подо мной тряслась. Я тянул на себя рычаг управления, мычал заклинания, но ничего не мог поделать. Мне не удастся сесть, я разобьюсь от утесы...

Видимо, я пролетел несколько тысяч миль. Не меньше — ведь иначе я бы увидел эти горные пики посреди бесконечной равнины. Джинни потеряна... Вал потеряна. Возможно, меня ждет смерть, но я не имел права терять надежду...

— Ию-у-у! — прорезалось сквозь шум и хаос.

Я крутанул и чуть не свалился с седла. Ко мне неслась Джинни. Развевающиеся волосы пылали огнем. Звезда на волшебной палочке вновь сияла, словно Сириус. Управляли помелом когтистые лапы Свертальфа, то есть — Больяна. Сверкали желтые глаза, сверкали белые клыки. Морда кота походила на морду пантеры.

Мы летели рядом. Джинни перегнулась ко мне, и наши руки встретились. Словно ток пробежал по мне от ее ладоней. Я смотрел, как управляет кот, и делал то же самое. Дома такой пилотаж привел бы к аварии. Но здесь мы лишь развернулись и начали набирать высоту.

Как это объяснить? Предположим, вы — плоскостник, мифическое создание. Хотя всякое живое существо — мифическое создание. Так вот, вы — плоскостник, живущий в пространстве двух измерений. Двух, не более. Вы живете в поверхности.

Все правильно, именно «в», если это плоскость, ее геометрия, которую мы изучали в средней школе. Параллельные линии не пересекаются, кратчайшее расстояние между двумя точками есть отрезок прямой, сумма углов треугольника равна 180 градусам и так далее.

Но теперь вообразите, что какой-то трехмерный гигант вытащил вас оттуда и опустил на поверхность, имеющую форму. Например, это может быть сфера. Вы обнаружите, что пространство изменилось самым фантастическим образом. В сфере линии определяются как меридианы и параллели, что подразумевает, что они имеют конечную длину. Расстояние между двумя точками тем меньше, чем ближе линии измерения к дуге наибольшей окружности. Сумма углов треугольника оказывается меняющейся величиной, она всегда больше 180 градусов, и так далее. Возможно, вы тут же свихнетесь.

А теперь вообразите конус, гиперболоид, тела, полученные вращением логарифмических и тригонометрических кривых, тело вращения ленты Мебиуса. Вообразите себе все, что сможете. А теперь представьте все это и планету, где воду беспрерывно вспенивают штормы, где не действуют обычные законы физики. В каждой отдельной точке поверхность имеет свою форму, которая даже не остается постоянной во времени. Превратите два измерения в три. Затем в четыре, еще одно измерение — ось времени. Возможно, темпоральных осей понадобится несколько — так полагают многие философы. Теперь добавьте гиперпространство, в котором действуют паранатуральные силы. Пусть в этом пространстве действуют законы хаоса и ненависти. И вы получите некоторую аналогию с тем, что представляет собой Адская Вселенная.

Мы тогда попали в седловую точку, и Джинни понесло в одну сторону, а меня — в другую. Наши курсы разошлись потому, что такой была кривизна пространства.

Моя попытка догнать ее была хуже чем бесполезной. В области, где я находился, линии направления к ней круто изгибались совсем в другом направлении. Я ошибся, и меня бросало от геометрии к геометрии. Оказавшись внутри громадной складки пространства, я помчался навстречу гибели.

Ни один смертный не смог бы избежать участи, которая была уготована мне. Но Больян уже не был смертным. Более ста лет назад его Дух высвободился из бесценной для каждого человека, но такой ограниченной плоти. И к природному гению его добавились знания и

мастерство, приобретенные за это время. Математику удалось достичь взаимопонимания с Джинни, воспользоваться ее помощью. И поэтому тело Свертальфа превратилось из ловушки в оружие, которым он мог распоряжаться по своему усмотрению. Больян мгновенно оценил, как меняется окружающее пространство. Составлял и решал в уме его уравнения, рассчитывал, каковы должны быть его свойства, безошибочно предвидел дальнейшие варианты кривизны пространства. И все это в мельчайшие доли секунды. Он лавировал в вихре изменений, словно футболист, рвущийся к заветным воротам.

Он победил. Не имея другого голоса, он запел песню, которую поют коты после драки с соперником и совокупления с самкой. Круто меняя курс, мы понеслись над горами и устремились к нашей цели...

Наш путь был не сахар. Мы не должны были ни на мгновение терять бдительность. Реагировать приходилось молниеносно. Нередко мы ошибались, что едва не приводило к аварии. Мне пришлось отпустить руку Джинни. Ее помело снова улетело в сторону. Потом мы на повороте едва не столкнулись: под действием мощнейшего гравитационного поля пространство резко прогнулось и наши метлы чуть не столкнулись.

От рывка глаза почти вылетели из орбит, а желудок оказался в горле. Когда сила тяжести быстро ушла, мы завертелись волчками и пролетели сквозь пространство, вместо того чтобы обогнуть его, оказавшись в совершенно ином месте. Мы попали в область, где в гиперпространстве было так мало энергии, что метлы перестали работать. Выбирались оттуда за счет энергии движения и использования аэродинамических свойств метел... Я не могу вспомнить все, что случилось.

До сих пор нам хватало сил, чтобы справиться с полетом. Мы увидели, что равнина кончается. А за ней — гряда утесов, на мили загроможденная горами скелетов пропасть, в которой, казалось, нет дна. И море лавы, над которой вспыхивали языки пламени и поднимались столбы дыма.

Мы поспешно натянули маски, пока этот едкий дым не сжег наши легкие. Но до границы равнины было еще далеко. Теперь лететь было сравнительно легко. Полет не требовал всего нашего внимания. Мы этим воспользовались. Джинни подняла шар. Бледное, разгоревшееся сияние показало, что мы близки к своей цели.

Я выпустил ее руку (мне не хотелось этого делать, но наши руки уже болели от напряжения. Не сцепи мы их тогда снова, нас бы разбросало). Некоторое время мы летели в тишине и осматривались.

Ветер остался где-то позади. Никто и ничто не нарушало тишину — только шорох разрезаемого метлами воздуха. Все более крепчал кладбищенский запах. Мы глотали тепловатый, пронизанный мерзостью воздух и задыхались. Все же дышать было можно. Небо по-прежнему было черным, а на нем — чернее самой черноты — медленно ползущие планеты. Иногда, почти над нашими головами, пролетали огромные метеориты. Скорость их полета была ненамного

выше нашей. Они пролетали и выходили за пределы тонкого слоя атмосферы этого не имеющего горизонта мира и исчезали.

Изредка вспыхивало пламя разрыва, и сумрак заполнял перекатывающийся грохот.

Наш путь по-прежнему освещало лишь испускаемое почвой унылое свечение. Мы уже летели над окраиной болота — огромного, как и все, что мы видели в этом мире. Где-то вдали виднелись другие болота, пруды, озера. И там, где на них вскипала пена гниения, поверхность тускло блестела. Высились толстые, искривленные стволы деревьев.

Их ветви переплетались. Над водой, где плавали обломки деревьев, преклоняли колени мрачные кипарисы. И мертв был тесно росший вдоль берегов камыш. Сквозь сумрак ползли желтые испарения. Центральные области болот были полностью покрыты этим туманом. Туман медленно вскипал и выбрасывал все новые языки.

Далеко впереди тревожным, красноватым отблеском вспыхивали низко нависшие облака. Внезапно пространство содрогнулось, двинулось, и мы оказались над ними.

Нас оглушили звуки, буря звуков. Вопли, бой барабанов, вой труб. В облаках открылся просвет. Там горел высокий, словно наши темные башни, костер. От него исходил страшный жар. Мне показалось, что на нас нацелен гигантский мясницкий нож. В пламени корчились и визжали какие-то существа, но я не мог разглядеть, какие именно.

Вокруг костра плясали люди — черные, тощие, как мумии, и голые. Они увидели нас, и прерывистый рев огня прорезал оглушительный крик. Тамтамы начали слитно выбивать «Бум-да-ба-бу, бум-да-ба-бу». С безлистных деревьев сорвалась стая птиц. Размером и окраской они напоминали ястребов, но их черепа и лапы с безжалостно изогнутыми когтями были лишены плоти.

Свертальф вызывающе зашипел, дал ускорение, и птицы остались позади.

Внезапно, в нескольких милях впереди, тоже начали бить барабаны. А за ними вдали — уже шепотом, еще и еще — «бум-да-ба-бу, бум-да-ба-бу».

Джинни махнула мне, и я подлетел к ней поближе. Вид у нее был мрачный.

— Если не ошибаюсь, — сказала она. — Это «говорящие барабаны», и весть о нас передается все дальше и дальше.

Моя левая рука опустилась на рукоять меча.

— Что будем делать?

— Изменим направление. Попытаемся подлететь туда с другой стороны. Ну, быстро.

После страшного жара того костра ветер, вызванный полетом, показался почти приятным. Теперь это был прохладный, чистый, уже без зловоний ветер. Мы пролетели над линией Дольмена, и воздух мгновенно снова сделался холодным. Под нами простиралась голая

вересковая пустошь. Там сражались две армии. Должно быть, они занимались этим уже не одно столетие.

На многих кольчуги и остроконечные шлемы, остальные были одеты в кожу и грубо выделанные ткани. Оружием им служили мечи, топоры, копья. До нас донесся звон металла, шарканье ног, несущие смерть звуки попавшего в цель удара. Но не было слышно ни крика, ни клича труб, ни даже надсадного, как скрежет напильника, дыхания. Устало и безнадежно мертвецы продолжали сражаться. И этой войне не было конца.

Миновав поляну, мы повернули и снова устремились к своей цели. Пронеслись над лесом виселиц и над рекой — она текла с шумом, похожим на плач. Порывами ветра до нас донесло брызги. Они были теплыми и солеными на вкус. Нам пришлось вытерпеть жар и ядовитые испарения, поднимавшиеся над системой дорог, по которым ползли какие-то механические повозки.

Нос каждой повозки почти упирался в задний конец предыдущей. Дорожная сеть достигла нескольких метров в ширину. Не знаю, какой она была длины, как и не знаю цели, для которой ее построили. Потом мы пролетели над холмами, изрытыми окопами и оставшимися после разрывов воронками. И здесь ничего не сохранилось, если не считать заржавевшей пушки и знамени, установленного в знак победы. Знамя давно выцвело. Теперь его цвет был серым.

Холмы тянулись бесконечно. Они громоздились все выше, и очередная их цепь была так высока, что нам пришлось надеть маски. Мы летели вдоль ущелья, увертываясь от падавших камней. За горами перед нами вновь развернулась новая страна. Опять бесконечная, усеянная вулканами равнина. Далеко впереди высились гигантские черные башни. На таком расстоянии они казались игрушечными. Магический шар ослепительно вспыхнул. Волшебная палочка подпрыгнула в руках Джинни, указывая на башни.

— Клянусь Гекатой, — крикнула Джинни. — Вот оно!..

30

Мы летели бок о бок. Воздух по-прежнему был холодным. Он выли и причитал, проносясь мимо нас. В его запахе было что-то сродни запаху серы и мокрого железа. Наши метлы развернулись, набрали высоту. Нога Джинни касалась моей, и наши движения были точно согласованными.

Мы глядели в шар. Свертальф-Большан вывернул голову из-под руки Джинни и тоже смотрел в него. На таком близком расстоянии, да еще когда пространство имело почти земную геометрию, магический кристалл работал хорошо. Джинни настроила шар на замок. Замок был совершенно черного цвета. Размеры и формы его были чудовищными.

Да и имел ли он форму?

Он расплзался во все стороны, тянулся вверх, подвальные этажи

глубоко уходили под землю. Остальные его части ничто не объединяло — ничто, кроме уродства: то поднимающийся над кубической башней тонкий кривой шпиль, то, как усеянный вздувшимися прыщами, купол, а вон там — громадный каменный зубец, нависший над неправильным очертанием ворот. Целые квадратные мили, воздвигнутые без всякого плана. И кишашие толпы причудливых дьяволов.

Мы попытались заглянуть сквозь стены, однако проникли недалеко. Мы разглядели похожие на пещеры извилистые лабиринты коридоров, но слишком уж все здесь было насыщено силами зла. И то нам повезло, учитывая, что хоть и смутно, но мы что-то поняли.

Вдруг из замка к нам донеслась мысль. Нет, не мысль, а волна такой муки, что Джинни громко вскрикнула, а у меня из прокушенной губы потекла кровь. Мы выключили шар и, обнявшись, ждали, пока нас не оставит дрожь.

— Не поддавайся, — сказала Джинни, высвобождаясь. — Времени у нас мало. Она вновь включила магический кристалл и произнесла заклинание предвидения.

В нашей Вселенной это колдовство срабатывало редко, но Лобачевский теоретически доказал, что координатная изменчивость Нижнего Континуума дает определенные шансы. Изображение в шаре попыло панорамой, остановилось, подвинулось крупным планом. Какой-то двор, имеющий форму неправильного семиугольника, окруженный зданиями с искривленными башнями.

Посреди двора стояло невысокое строение с бугристыми комьями-стенками, без окон, с единственной входной дверью. Над домом возвышался шпиль, напоминающий безобразную черную поганку. Шпиль превосходил окружающие здания, тень его перекрывала весь вымощенный камнями двор.

Мы не смогли заглянуть внутрь этого дома по той же причине, что и раньше. Создалось, однако, такое впечатление, что там никого нет. И мне показалось (от одной мысли по телу поползли мурашки), что дом каким-то извращенным образом соответствует нашей часовне.

— Это недвусмысленно и определенно означает, что она скоро окажется здесь, — сказала Джинни. — Нужно быстро решать, что будем делать.

— Действовать придется быстро, — отозвался я. — Дай-ка все это крупно.

Джинни кивнула. Изображение в шаре изменилось. Теперь мы смотрели сверху. Я снова увидел, как многочисленны заполняющие замок толпы. Всегда ли они бывают так возбуждены? Наверняка нет. Мы сфокусировали кристалл на одной из групп демонов. Среди них не было одинаковых. Аду в высшей степени свойственно тщеславие: у одного все тело было покрыто шипами и иглами; другой — динозавр со щупальцами; неряшливого вида толстяк, соски которого представляли крошечные скалящие зубы головки; свинья с крыльями; беспрерывно меняющая свои очертания клякса; голый мужчина со змеей вместо пениса; демон с яйцом на животе; карлик на тончайших,

футов десяти, ногах; и другие, вид которых описать почти невозможно.

Мое внимание привлекло, что большинство демонов были вооружены. Огнестрельное оружие им, по-видимому, знакомо не было, и все же и средневековое оружие может наделать в бою немало хлопот.

Меня настройку, мы видели другие такие же группы. Всюду царил совершенно неправдоподобный беспорядок. Ни дисциплины, ни хотя бы уважения друг к другу. Они метались — так без толку носится курица, когда ей отрубят голову. Каждый орал что-то свое. На бегу демоны сталкивались, и тут же с руганью начиналась драка. Ежеминутно откуда-то из внутренних помещений замка доставлялось оружие. Все чаще гротескно выглядевшие твари взлетали в воздух и начинали там описывать круги.

— Поднята тревога. Прекрасно, — сказал я. — Барабаны...

— Не думаю, что они знают, чего ожидать, — низким напряженным голосом прервала меня Джинни. — В направлении, откуда мы прилетели, никакой особой охраны не выставлялось. Разве Враг не сообщил насчет нас?

— Похоже, что он избегает лично вмешиваться в это дело, как Лобачевский, и, видимо, по тем же самым причинам. Самое большее, он может послать какую-нибудь мелочь для наблюдения. А сами демоны не могут знать наших возможностей. К тому же мы сумели оказаться здесь вовремя.

— Учти еще, что дьявольское воинство всегда отличалось тупостью. Злу не присущи ни ум, ни созидательные способности. Их предупредили о том, что нужно ждать нападения, — и погляди на эту сумятицу!

— Но не недооценивай их. Идиот тоже может убить.

Я поразмыслил:

— Вот что мы сделаем, если ты согласишься. Лети прямо туда. Сделай так, чтобы нас не видели, хотя мы это вряд ли сможем. Тогда придется действовать быстро. Пространство здесь близко к нормальному, метлы работают хорошо, хотя... Прямо во двор мы спуститься не можем, нам преградят дорогу.

Видишь тот дворец, допускаю, что эта уродина должна изображать дворец... слева, с колоннами по фасаду, похожими на кишки? Должно быть он принадлежит важной шишке. В последний момент разворачиваемся и мчимся к нашей подлинной цели. Ты влетаешь внутрь, устанавливаешь паранормальную защиту и готовишься к колдовству возвращения. Я охраняю дверь. Когда появляется Вал, ты протыкаешь мечом похитителя и хватаешь ее. Годится?

— Да. Ох, Стив, — слезы медленно поползли по ее лицу. — Я люблю тебя!

Там, в небе, мы поцеловались в последний раз, а затем бросились в атаку.

Выл разрезаемый нашими метлами воздух. Мчалась навстречу

мрачная твердыня Ада. Я услышал крик Свертальфа — крик вызова, и отозвался своим криком. Страха не было. Прочь легионы тьмы, мы пришли сюда за нашей дочерью!

Нас увидели. Карканье, кваканье, вой, встреченный снизу воплями других демонов. В воздухе замельтешили крылатые демоны.

Их становилось все больше, и вскоре их стаи совсем заслонили черные звезды — в воздухе были сотни крыльев. Но скудный разум демонов не смог сообразить, что делать дальше. Мы подлетали все ближе и ближе. Стены замка росли, они были словно граница, и мы пересекли ее!

Все силы Джинни уходили на отвращение их колдовства. Рассыпая голубые искры, в защитное поле ударила молния. Грянул гром, запахло серой. Несущие смерть облака газа вырвались из демоновых труб, окутав нас плотным шаром, и рассеялись. Я не видел, не слышал этого, но нисколько не сомневался, что на нас дождем сыпались проклятия и заклинания, что вертелись вокруг призраки и привидения — то страшные, то искушающие. Все это отскакивало от созданной Джинни защиты.

Но она была уже на пределе. Краем глаза я увидел ее белое осунувшееся лицо. Лоб и щеки залиты потом, и к ним липли волосы. Губы непрерывно шевелились, творя заклинания. В одной руке — волшебная палочка, вторая делает пассы. На переднем сиденье метался Свертальф-Большая. Еще несколько минут, и все они просто не выдержат.

Но магия сделала свое дело, догнать нас колдовством немислимо. Кинувшиеся в атаку твари, в конце концов, видимо, поняли это. Их нападение застопорилось.

А на нас стремительно пикировал орел, размером с лошадь и с головой крокодила.

Я выхватил меч, поднялся на стременах и, заорав: «Не выйдете!» — ударил.

В мече пробудилась былая сила. Удар попал в цель, да так, что мне самому чуть не вывихнуло руку. Из отрубленного крыла струей брызнула кровь. Дьявол взвыл и камнем упал вниз.

Вокруг моей правой руки обвилась змея с крыльями летучей мыши. Она не успела вонзить зубы — левой рукой я схватил ее за шею. Я — волк, даже когда остаюсь человеком. И я откусил ей голову! И тут же — едва успел вовремя, чтобы разрубить нападавшего на Джинни двухвостого ската.

Мы пронеслись, я оглянулся. Скат упал, и из брюха у него вывалились внутренности. Потом нас попыталась перехватить крылатая собака. Вскинув меч, я достал ее острием.

Завыли трубы. Хлопая крыльями, каркая, испуская пронзительную вонь, стая отступила. Началась обычная для них сумятица.

Наша стратегия сработала. Все они, и летающие, и нелетающие, — все отступили под защиту дворца. Как и было намечено, оказавшись в пределах замка, мы пролетели еще метров сто. Дворца уже не было видно. Его сплошь закрыли своими телами и крыльями

дьяволы. Подавая сигналы, я поднял меч. Мы развернулись вправо и, со свистом рассекая воздух, помчались вниз. Сзади поднялась буря криков.

Посадка была жесткой. Окруженный стенами дворик, нависавшие макушки башен и вырисовывающаяся в сумраке «часовня» выглядели грудой камней. Я соскочил с седла, кинулся к двери, схватился за ручку. Дверь со скрипом открылась, и мы ворвались внутрь.

Дом состоял из единственной комнаты. Пусто, лишь посередине алтарь. Влажные каменные стены. Открытое сверху помещение было невелико и залито непроглядными, образовавшимися от башен тенями. Над алтарем — Рука Славы, из которой лился тусклый голубой свет. На полу — начертанная пентаграмма, такая же, как мы использовали для переноса. И алтарь — такой же.

Сердце, гулко стукнув, замерло.

— Вал! — воскликнул я.

Пытаясь остановить, Джинни вцепилась в меня. Ей бы не удалось этого сделать, если бы не Свертальф, кинувшийся мне под ноги.

— Стой! — Джинни задыхалась. — Не двигайся! Это подменыш.

Я захлебывался, вдыхая воздух. Но как мне было вынести это зрелище стоящей перед алтарем детской кровати? Золотые локоны... и пустые, бессмысленные глаза. Дико было видеть это очередное... эту массу обмена. Ведь на самом деле это домашний мусор — пыль, содержимое Свертальфовой коробки с песком, кофейная гуща, использованные салфетки, бумажки, жестянки с надписью «Суп Кембелла».

Во двор хлынул кипящий поток дьяволов. Лезли через стены, врывались в ворота. Я захлопнул дверь и опустил засов хорошей прочности.

Возможно, он поможет нам выиграть несколько минут... Сколько нам нужно продержаться?

Я попытался представить происшедшее. Похититель был несомненно слабоумным — даже по критериям Ада. Он услышал проклятие Мармидона. Многие демоны, должно быть, слышали это проклятие, но никто из них не видел возможности использовать его. Лишь этот заметил уязвимое место.

— Ага! — сказал он и кинулся добывать славу.

Советоваться с теми немногими демонами, которые способны думать, он не стал. Они бы могли отговорить его. Его поступок открывал связь между Адом и церковью иоаннитов. Таким образом, весь план Врага по уничтожению религии и общества оказался под угрозой. План, над которым он работал с тех пор, когда удалось ввести в заблуждение первых приверженцев.

Будучи тупоумной, эта тварь никак не могла понять, как решить проблему импульса и количества движения переносимого тела. Масса обмена должна быть практически подобна по своему строению оригиналу — иного пути он не видел (сам по себе демон мог без помех перейти из одной Вселенной в другую). Тогда он выработал план.

Появиться в нашем доме, выяснить, как выглядит Валерия (она в это время спит), возвратиться сюда, создать ее подобие и вновь возвратиться за нашей дочерью. На выполнение первой части плана ушли-считанные секунды, но Свертальф оказался предупрежденным. Само похищение должно было произойти столь же стремительно, однако он был настороже и кинулся в драку.

В это мгновение (если это понятие вообще имеет смысл для различных Вселенных) и начался бой, в котором Свертальф, ценой своей крови, пытался защитить Валерию.

Мое горло сжалось, и я нагнулся к Свертальфу:

— Мы все опоздали, кроме тебя, — прошептал я и нежно погладил по покрытой гладкой шерстью голове.

Он досадливо дернул ушами. В данных обстоятельствах у него не было желания предаваться сантиментам. Впрочем, уши эти в равной степени принадлежали также и Яношу Больяну.

Выдвигая защиту против колдовства демонов, Джинни мелом начертила вдоль стен защитную линию. Нельзя было ни в малейшей степени повредить алтарь, колдовской знак на полу и вообще что-либо. Они необходимы для возвращения демона. Если они не повреждены, когда он в нашем космосе, нужно просто прочесть нужное заклинание. Точно так же, как такие символы и алтарь в лаборатории Грисволда необходимы для нашего возвращения. Так сказать, спасательный трос. Один Бог знает, что случится, если похититель обнаружит, что не может вернуться обратно. Ведь у него в руках наша дочь...

Оставив подменыша, он уже покинул вместе с ней наш дом. Это само собой разумеется. Но у нас не было ни малейшего намека, как именно происходит это возвращение и где он сейчас находится. Соверши мы неосмотрительный поступок, и у Врага появится шанс осуществить свой план.

Шум снаружи нарастал. Топот, удары, звон, вой, свист, хрюканье, стоны, выкрики, какой-то плеск, шипение, лай, мычание. Дверь затряслась. В нее били кулаками, ногами, копытами. Мне пора было превращаться. Я сбросил акваланг и верхнюю одежду, оставив лишь куртку Барни, обмотав ее вокруг левой руки.

Лязгая зубами, сквозь стену проплыла шестифутовая пасть. Я завопил. Свертальф зашипел, заплевался. Джинни схватила волшебную палочку, выкрикнула заклинание изгнания бесов. Пасть исчезла. Но оставалась опасность, что она появится вновь.

Джинни необходимо было установить защиту против проникающих сквозь стену демонов. Лишь потом она могла приступить к волшебству возвращения. Этот обряд нельзя было прерывать по крайней мере до тех пор, пока между этой «часовней» и оставшейся на Земле лабораторией не установится хотя бы слабое поле. В противном случае волшебство окажется бесполезным.

Установив первоначальный контакт, Джинни могла не спеша определить, как должны соотноситься Вселенные, и создать такой же баланс, чтобы мы могли перенестись обратно. Но сейчас о «не спеша»

не могло быть и речи. В результате ее защита действовала слабо и медленно.

Гвалт снаружи несколько уменьшился. Я слышал, как кто-то пролаял команду.

Глухие удары, жалобные вопли, оставшихся подгоняли дубинками. Стук в дверь усилился. Били изо всех сил. Дверь затряслась. Били таранами.

Я встал сбоку. При третьем ударе дверь соскочила с петель. Передний дьявол, выронив бревно, кувырком влетел внутрь. Он несколько походил на гигантского, величиной с человека, таракана. Быстрым ударом я рассек его пополам. Уже разрубленный, он продолжал молотить конечностями. Судорожный взмах его лапы сбил с ног следующее существо, обладающее громадными оленьими рогами. Я воспользовался помощью и без труда прикончил упавшего.

Демоны оттащили перекрывающее узкий проход бревно, но тела убитых по-прежнему мешали им. Мрак снаружи еще больше сгустился — так плотно столпились у входа демоны. Шума было поменьше, но воняло все так же отвратительно.

Вперед выступил демон, похожий на гориллу с человеческими ногами. Он вращал топором, соответствующим его росту, и сыпал ударами, какими колот дрова. Приняв стойку каратэ, я уклонился. Топор врезался в дерево, полетели осколки. Мой меч запел свою песню. Топор упал, и у гориллообразного оказались отрублены пальцы. Взвыв от боли, он набросился на меня. С гулом он воткнулся головой в стену, я же полоснул его по ахиллову сухожилию. Демон грохнулся, но я не стал добивать его. Пытаясь отползти, он мешал остальным наброситься на меня. Биение крови звонко гудело у меня в ушах.

Следующим было существо, вооруженное щитом и мечом. В течение двух или трех минут мы обменивались ударами. Это был хороший боец. Я парировал, а часть ударов принимал на куртку. Она была уже вся изрезана. Я никак не мог достать его из-за этого щита.

Лязг металла перекрывали сумасшедшие вопли снаружи. В сумраке вспыхивали искры. Я уже задыхался. Он теснил меня. Потом я понял: дождался его замаха сверху и снова присел, чуть не достав его. Он повернулся. Схватив левой рукой топор, я просунул руку ему между ног и дернул. Он грохнулся, открыв незащищенную шею, и я ударил.

Вскочив, я бросил топор в следующего монстра. Тот повалился. Стоявший сзади попытался ткнуть меня копьём. Перехватив древко, я рубанул демона по голове.

Больше желающих не было. Пока что не было. Ожесточенно передергиваясь, они крутились возле двери. Я сознавал, что долго так не выдержу. Единственный шанс — принять облик менее уязвимый — волка. Я отбросил меч и направил на себя фонарик.

Я сразу же понял, что превращение идет плохо и медленно. Адское излучение препятствовало трансформации — это была попытка. Какое-то время я был совершенно беспомощен — ни то, ни другое. Я

корчился. Дьявол с пушистой петушиной головой радостно закудахтал и, подняв кинжал, кинулся на меня. Даже будь я волком, такой удар означал бы смерть... Мимо молнией пронесся Свертальф, прыгнул демону на плечи и выцарапал глаза.

Волк! Я снова занял свой пост. Кот трусцой убрался обратно. Демонов наконец осенила идея, что воевать можно на расстоянии. В воздух полетели камни, ножи, копья — все, что попадалось под руку. В основном они промахивались. Ад — не то место, где можно было набить руку в метании. Иногда мне все же попадало. Короткая боль, и только. Seriously демоны ранить меня не могли.

Бомбардировка кончилась. Доведенные до состояния крайней истерии, демоны попытались взять нас штурмом. Пошла уж совсем сумятица. Дьяволы падали, кувыркались, вскакивали, орали. Ругань, удары наугад и просто удары... Возможно, они бы задавили нас количеством, но Джинни покончила с установлением параестественной защиты и пришла ко мне на помощь. Ее меч без промаха разил демонов, пытающихся перебраться через груды иссеченных тел.

Уже многие были убиты, многие ранены, когда, наконец, их волна откатилась. Я сел на задние лапы. Вокруг кровь, трупы, стоны. Не было даже сил пошевелить языком. Я сидел и жадно глотал воздух. Полусмеясь, полуплача, Джинни взьерошила мне мех. Кое-где дьяволы добрались когтями до ее кожи. Из царапин сочилась кровь, а изорванное платье походило на боевое знамя. Спасибо Свертальфу. Лишь благодаря его помощи неприятель не смог нанести Джинни серьезных повреждений. Я глянул. Притворяясь, что это мышь, Свертальф играл с чьим-то оторванным хвостом.

Вот что действительно важно: начертание на полу мягко светящихся линий. Конечно, они, как и всегда, не защищают от прямого физического воздействия, но колдовство нам теперь не страшно. Чтобы разрушить воздвигнутые Джинни невидимые стены, им понадобится много времени, гораздо больше, чем мы останемся здесь.

— Стив, Стив, Стив. — Джинни наконец справилась со словами. — Пожалуй, займусь приготовлениями к нашему возвращению.
— Хальт! — раздалось из темноты.

Голос был хриплый, в нем чувствовался жуткий гипнотический ритм. Ритм, который не успокаивает, а, напротив, пробуждает ярость и слепую энергию.

— Опустите оружие. Мы — парламентары.

Дьяволы, даже те, которые лежали ранеными, сразу затихли. Шум прекратился.

Стало почти совсем тихо. Те, кто мог отползти, скрылись во мраке. Я понял, что голос принадлежит главному демону, хозяину замка. Судя по тому, как беспрекословно повиновались ему эти сумасшедшие твари, он занимает высокое место среди приближенных Врара.

По плитам двора звонко простучали сапоги. Перед нами предстал главарь демонов. Меня удивило избранное им обличье.

Не только голос, но и облик у него был совсем как у человека. Облик, в котором не было ничего примечательного. Он был среднего роста, может быть, чуточку ниже. Наверное, немного одутловатое лицо. Маленькие усы щеточкой и спадающие на лоб волосы темного цвета. На нем было что-то вроде военной формы коричневого цвета без знаков различия, но к чему красная нарукавная повязка с древним знаком свастики?

Свертальф прекратил свои забавы, ошетинился. Сквозь вонь дьявола, я уловил исходящий от Джинни запах страха. Обхватив себя руками, Джинни подошла поближе. Она была выше дьявола и потому смотрела на него сверху.

— Что тебе надо? — спросила она самым высокомерным тоном.

Обращение на «ты» Джинни употребила намеренно. Она хотела оскорбить дьявола. Сама она немецкий знала плохо, но, пока Больян находится в теле Свертальфа, могла бегло изъясняться на этом языке. Ведь у нее со Свертальфом была постоянная мысленная связь. (Почему князь Ада предпочитал говорить по-немецки? Здесь кроется тайна, которой я так и не нашел.) Я достаточно сохранил в себе человеческого, чтобы следить за разговором.

— Я спрашиваю у вас то же самое, — сказал дьявол.

Местоимение «вас» можно было толковать двояко, но дьявол говорил тоном, не допускающим возражений.

— Вы вторглись на землю нашей отчизны. Вы попрали наши законы. Вы убили и искалечили наших доблестных воинов, пытавшихся осуществить право на самозащиту. Своим гнусным присутствием вы осквернили Дом Посланий. Что вы можете сказать в свое оправдание?

— Мы пришли сюда за тем, что принадлежит нам.

— Вот как? Продолжай.

Я предостерегающе зарычал, но Джинни в предупреждениях не нуждалась.

— Если я скажу больше, вы сможете найти способ помешать нам. Но, однако, хочу заверить, что мы не намерены долго оставаться здесь. Мы скоро закончим нашу миссию, — на ее лбу блестели капельки пота. — Мне... Мне кажется, что, если вы ненадолго оставите нас в покое, это послужит выгоде обеих сторон.

Дьявол топнул сапогом:

— Я должен знать! Я требую! Это мое право!

— У побежденных нет прав, — сказала Джинни. — Подумай. За оставшееся время вы не сможете проникнуть сквозь волшебную стену защиты, а силой взломать ее не успеете. Единственное, чего вы добьетесь — это новых потерь. Не могу поверить, что Верховный правитель будет доволен таким расточительством.

Дьявол начал жестикулировать, его голос возвысился почти до крика:

— Я не допущу поражений! Что касается меня, поражение не имеет права на существование. Если меня победят, то только потому, что предатели нанесли удар в спину. — Дьявол на глазах впал в транс.

Его речь превратилась в грубое, но каким-то образом завораживающее пение. — Мы прорвем железное кольцо! Мы уничтожим весь мир! Нас ждет победа! Нет капитуляции! Нет соглашению! Наши предки зовут нас — «Вперед!».

Вся банда чудовищ подхватила призыв и приветственно завопила: — Хайль!

— Если хотите предложить нам что-нибудь — предлагайте, — сказала Джинни. — В противном случае убирайтесь. Мне некогда.

По лицу дьявола прошла судорога, но он овладел собой:

— Мне не хотелось бы допустить уничтожения этого здания. В эти камни вложено много труда и много колдовской силы. Сдавайтесь добровольно, и я обещаю вам хорошее обращение.

— Какова цена вашим обещаниям?

— Мы можем обсудить, например, какие мирские блага в качестве вознаграждения получит тот, кто служит правому делу.

Свертальф мяукнул. Джинни стремительно обернулась. Я, почувствовав новый запах, тоже обернулся. Это материализовался похититель. В его лапах лежала Валерия. Она как раз просыпалась — открыла глаза, повернула голову и поднесла кулачок ко рту.

— Папа? — пробормотала она тонким сонным голосом. — Мама?

Похитившая дочь тварь была действительно невелика и на вид легковесна, но закованное в броню тело было на когтистых лапах, и две гиббоньих руки заканчивались смертоносными шипами. У нее была крошечная головка с отдаленным написанием лица.

Из многочисленных ран демона капала кровь, на обвислых губах пузырилась пена, и, пока демон не видел нас, он весь скалился в кретинской ухмылке.

Завопив по-английски: «Хозяин, на помощь!» — он бросил Валерию и попробовал спастись бегством. Свертальф преградил ему дорогу. Демон занес лапу. Кот увернулся. Тут демона и настигла Джинни. Ногой припечатала гадину к полу. Я слышал хруст. Демон истошно завопил.

Я снова был на посту. Хозяин замка попытался незаметно проскользнуть у меня за спиной. Я вырвал неплохой кусок из его икры. Он и на вкус очень походил на человека. Ретировавшись, он скрылся во тьме, где мельтешили его приведенные в ужас сподвижники.

Перекрывая их вой, он завизжал:

— Я отомщу! Я пушу в ход секретное оружие! Пусть Дом будет разрушен! Наша гордость требует удовлетворения. Мое терпение истощилось!..

Я приготовился к новой битве, и она действительно едва не началась. Но князь Ада ухитрился усмирить свою ораву. Он переорал их. Джинни была права — он не мог и дальше нести бесполезные потери.

В моем волчьем мозгу мелькнула мысль:

«Хорошо, что он не знает, что сейчас они могут оказаться

небесполезными, ибо Джинни уже не могла бы прийти мне на помощь...»

Она торопливо передала дочь Свертальфу. Девочка тут же вцепилась в волосы Джинни. Чтобы отвлечь ее, кот принялся танцевать, шутиливо подсказывать, мурлыкать. Я услышал радостный смех. Смех, в котором звучал серебряный колокольчик и кричал весенний дождик, какой бывает только весной. И еще я услышал, как Джинни начала читать заклинание.

Заклинание нельзя было прерывать. Чтобы восстановить первоначальный контакт с Землей, Джинни нужно было около пяти минут. Потом она сможет передохнуть. И снова время, необходимое на то, чтобы определить точную конфигурацию векторов и собрать требуемое количество параестественной энергии, а затем — возвращение.

Какой-то невидимый во тьме демон завопил. Пущенный наугад камень попал в меня. Камень был брошен просто так, от злости. Я застыл в дверях. Успеем ли?

Воздух содрогнулся от грохота. Земля затряслась. Мелькали тени, и пронзительно выли демоны. Я слышал панический топот их ног. Они убегали. Страх ледяной рукой сжал мое горло. Самое трудное, что было в моей жизни, — это когда я заставил себя остаться на посту.

Замок затрясся до самого основания. С зубчатых стен соскользнули сдвинувшиеся с места глыбы, грохнулись оземь, раскололись. В стенах здания прорезались щели. Оттуда выбивались языки пламени. Я задыхался, окутанный клубами дыма.

Потом дым рассеялся, и на смену ему пришел запах древнего праха.

— ...ин комине Потестатно, фиал йануа, — за спиной торопливо читала заклинание Джинни.

Задевая головой небо, возле башни замка встал гигант. Он был выше, чем самый высокий шпиль твердыни, у стен которой лежала его могила. Он был черен, и в этой тьме померкли звезды Ада. Трясущейся ногой гигант ударил в стену замка.

Стена с грохотом обрушилась. Громадными столбами взвилась к небу пыль. Земля вздрогнула. С морщинистой кожи с шумом сыпался дождь песка, грязи и камней. Его тело поросло мертвенно-бледными фосфоресцирующими грибами и плесенью. Из глазных впадин выползали и падали вниз черви. Нечем было дышать — так силен был исходящий от него запах гниения. Разложение породило жар, и гигант был весь испещрен тлеющими огнями. Он был мертв, но тело его повиновалось воле демонов.

— ...секули этермитатис, — Джинни ни разу не прервалась.

Она остановилась лишь тогда, когда это можно было сделать без опасения повредить колдовству. Вот такая у меня была Джинни! Но теперь она упала на колени рядом со мной.

— Любимый! — расплакалась она. — Ведь мы почти сумели!

Я нащупал свой фонарик. Гигант поворачивал голову из стороны

в сторону, будто мог видеть. Изъеденное лицо замерло, уставившись прямо на нас.

Я сдвинул переключатель. Превращение. Я опять человек. Гигант поднял ногу. Те, кто управлял им, старались причинить замку как можно меньше разрушений. Медленно, осторожно гигант перенес ногу через стену.

Я привлек к себе мою девочку. Моя вторая девочка смеялась и шумно возилась с котом. Зачем причинять им лишние муки...

— У нас нет шансов?

— Н-не успеваем... первичное поле установлено, н-но телесный перенос невозможен, пока я... не закончу. Я люблю тебя, люблю...

Я сжимал в руке меч Декатура. Его лезвие слабо поблескивало в испускаемом Рукой свете.

«Что ж, вот и конец нашей жизни, — подумал я. — Нам предстоит умереть здесь. Так не лучше ли встретить смерть, сражаясь? Может быть, хоть наши души сумеют выбраться отсюда?»

Души!

Я схватил Джинни за плечи и отстранил, чтобы увидеть ее лицо.

— Нам не могут помочь! — вырвалось у меня. — Ни смертные, ни ангелы — им это запрещено. Нет. Но, но... Ты ведь уже установила контакт и... энергетическое состояние этой Вселенной... Для этого не требуется много... Существа создают, которые... Они не принадлежат Небу, но все равно они враги Аду.

Глаза Джинни вспыхнули. Она резко выпрямилась. Схватив волшебную палочку и меч, вскинула их вверх и начала выкрикивать заклинания.

Нога гиганта опустилась на плиты двора. Дьяволы, те, кого не раздавила ступня, нечленораздельно вопили от ужаса. Громадные пальцы сомкнулись вокруг шпиля.

Не знаю, на каком языке было это заклинание, но закончила его Джинни выкриком на английском:

— Вы, которые знают человека! Вы, враги Хаоса! Святостью символа, который мы носим, призываю вас! И говорю вам, что дорога с Земли открыта!

Часовня качнулась. Со стен посыпались камни. Шпиля больше не было — его сорвала ладонь гиганта. Поток обломков погреб оставшихся в живых демонов. Их было много — раненых, не сумевших спастись бегством. В небе показались льющие черные сияния созвездия. Гигант на ощупь шарил по двору.

И тут пришло спасение...

Не знаю, кто они были. Возможно, их подлинный вид отличался от того, что мы видели... Стороны света, о которых я говорю дальше, — это умышленно допускаемые мною условности. Ведь говорить о сторонах света в Аду бессмысленно. И вот самое простое объяснение. На призыв Джинни отозвались какие-то существа, которые были рады возможности вторгнуться в царство Врага. Может, они были родом из нашей Вселенной, может, из какой-то другой, но, очевидно, он был и их врагом.

Мост, выстроенный Джинни, был еще слишком хрупок, чтобы выдержать человеческое тело. Но, как мне кажется, уровень энтропии Нижнего Континуума дал возможность параестественным и сверхъестественным силам действовать так, как это было невозможно в любом другом месте.

А в общем, объяснение ищите сами. Какое вам нравится. Но вот что я видел.

На западе появилась фигура царственного вида женщины. Она была одета в белое с голубой оторочкой платье. Глаза ее были серые, черты лица поражали ледяной красотой. Темные локоны венчали украшенный гребнем шлем. Острые копыта мерцало лазурью — так сияют в ночи земные звезды. На плече сидела сова. На левой руке — продолговатый, выпуклый щит. К щиту была прикреплена голова еще какой-то женщины, вместо волос — змеи, лицо искажено мукой. (Афина, воинственная богиня мудрости.)

С юга ползла гигантская змея. Гигант по сравнению с ней казался маленьким.

Глаза змеи сверкали подобно солнцам, зубы походили на белые сабли, на голове — плюмаж всех цветов радуги. Плюмаж колыбался под порывами ветра, поднимаемого ею. Там, где она ползла, шел дождь, и капли его сверкали, как драгоценные камни. Вдоль спины росли излучающие сияние перья. Чешуя — коралловая, щитки на брюхе покрыты золотом. Змея свивала кольца, хлестала хвостом. Она походила на гигантскую молнию.

Это был Кетцалькоатль, воинственный бог мудрости, земледелия и ремесел. Первоначальный бог грозы и молнии.

С севера, в колеснице, влекомой двумя козлами, мчался мужчина. Огромный, краснобородый, облаченный в шлем и кольчугу. На нем был железный пояс и рукавицы. Правил он стоя, в левой руке — держал поводья, а в правой — сжимал молот на короткой рукояти. Его плащ развевался. Это был плащ-буря. Грохот колесницы разносился по всему небу. Смеясь, краснобородый раскручивал молот и бросал его. Там, куда он падал, вспыхивал огонь, и воздух содрогался раскатами грома. Потом молот возвращался обратно к краснобородому. Это был Тор, воинственный бог грома. (Первоначально — верховное божество.)

Все трое оказались такими громадными, что едва умещались на небе. Ад затрепетал при их появлении. Дьяволы пустились в бегство. Когда удрал главарь, искусственная жизнь покинула тело гиганта. Его падение сопровождалось таким грохотом, от которого я сам не удержался на ногах, полетел наземь. Упав, гигант уничтожил большую часть замка. Наши спасители не стали задерживаться, чтобы сравнять с землей остальное, и без промедления кинулись в погоню. Не думаю, что многим удалось спастись.

Мы не стали дожидаться конца этой битвы. Джинни закончила читать заклинания и схватила Валерию. Я сунул меч Декатура в зубы — да будь я проклят, если оставлю его здесь. Посадив Свертальфа на сгиб локтя, свободной рукой я поднял с пола за

шиворот демона — похитителя Валерии, у которого была сломана нога.

— Хозяин, не убивай меня, я исправлюсь, я все скажу, я скажу все, что вы хотите, — безостановочно скулил он. Злу незнакомо чувство чести.

Джинни выкрикнула последнее слово, сделала последний пасс. Перенос!..

31

Этот перенос полностью отличался от предыдущего. Мы возвращались во Вселенную, откуда мы родом. Силы космоса не препятствовали, а, наоборот, способствовали перемещению. На мгновение мир перешел во вращение, и мы — дома.

Команда Барни по-прежнему ждала нас в лаборатории. Они отшатнулись, когда увидели нас под колоколом. Крик, плач, всхлипывания, благодарственные молитвы. Оказалось, мы отсутствовали всего лишь около двух часов. А может, и по адским меркам не больше времени? Нельзя сказать наверняка, что наши часы остановились еще до времени первого переноса. Казалось, будто миновали столетия. Но, взглянув на Джинни с Валерией, мне почудилось, что и двух-то часов не было, не было даже секунды...

Девочка недоуменно оглянулась, заморгала огромными небесно-голубыми глазами.

Меня пронизала мысль, что ужасный вид похитившей ее твари мог сильно испугать ее, повредить психику.

Дрожа, я нагнулся над ней:

— Радость моя, с тобой все в порядке?

— О, папочка, — она засветилась в улыбке. — Это было так весело. Давай снова.

Джинни отпустила ее, усадила. Склонившись, я привлек свою маленькую к себе. Она недовольно оттолкнула меня:

— Хочу кушать.

Я выпустил пленника. Когда колокол подняли, он попробовал уползти, но не мог выбраться за пределы пятиугольника. Кроме того, по моей просьбе, Джинни наложила на него чары, не дающие ему вернуться в Нижний Континуум без нашего разрешения.

Сверкающий Нож все же получил свой ордер. Он тоже ждал нас во главе целой банды фэбээровцев. Широко шагая, раздвигая мешавших, он вошел под колокол и поднял демона за здоровую ногу. Демон казался гротескно крошечным в его ладони.

— Хозяин, не убивайте, — молила тварь. — Я все расскажу... Не мучайте...

Позже мы обнаружили, что наша масса обмена, перенесенная сюда из Адской Вселенной, представляла в основном скопления щебня, грязи и так далее... Почему-то содержалось значительное количество атомарной серы, дегтя и производных нефти — легких

гидрокарбонатов. Харди и Грисволд провели немало времени, занимаясь их классификацией и определяя конфигурацию. Все они относились к разряду взрывчатых и горючих веществ. Потом по моей просьбе вся это взрывчато-горючая дрянь была основательно перемешана с обычными земными веществами.

Это было сделано, чтобы обезопасить нас на тот случай, если обмену подвергнется лишь небольшая часть всего этого (и действительно, как вы понимаете, конечная масса обмена составила всего несколько фунтов).

Барни впоследствии соорудил управляемую фотоэлементами штуковину, которая воспламеняла вещества массы обмена точно в момент выхода из нашей Вселенной. Полагаю, что той части Ада, где масса материализовалась, сильно не поздоровилось.

С возвращением Валерии, разумеется, от подменыша и следа не осталось. Бедный комок плоти, надеюсь, что тебе позволили умереть.

Но тогда я не думал об этих вещах. Убедившись, что с нашей дочерью все в порядке, мы с Джинни кинулись друг к другу в объятия. Наш первый поцелуй был прерван взрывом такой радости, такого счастья, что эхо его никогда не заглухнет в нас. И когда мы снова нашли в себе силы взглянуть на этот мир, Свертальф был только Свертальфом...

В моем мозгу раздался полный доброты голос:

«Да, за этот подвиг Янош Больян удостоился святости, и ему позволено занять место рядом с Богом. Как я рад! И как рад, друзья, что мы победили и нанесли поражение врагам Всевышнего, а также, что Валерия Стивеневна спасена. Признаюсь, что у меня есть для радости и собственные эгоистические основания. Увиденное в этом путешествии подсказало мне некоторые новые теоретические анализы... обработка...»

Я понял желание, которое Лобачевский постеснялся высказать откровенно, и сам предложил:

— Вам бы хотелось задержаться здесь еще на некоторое время?

— Честно говоря, да. На несколько дней. Потом я действительно должен вернуться обратно. Это было бы замечательно — заниматься исследованиями, став как бы снова не просто душой, а обычным человеком. Это было бы очень интересно, Стивен Павлович. Было бы крайне любопытно посмотреть, на что ты способен, оказавшись вновь человеком. Умоляю вас, уважаемый друг, не рассматривайте сказанное как просьбу. Ваша жена и Вы сами рисковали своей жизнью, испытывали такие лишения. Вы находились под страхом потери того, что значит для вас больше, чем даже ваша взаимная любовь. Вы, конечно, хотите отпраздновать вашу замечательную победу. Но, поверьте мне, я бы никогда себе не позволил такое неделикатное отношение...

Я нежно и чуть задумчиво глядел на Джинни и отвечал мысленно:

«Я понимаю, что вы подразумеваете, Ник. Я всегда готов на это — „праздновать“ со своей Джинни. Я хочу, чтобы вся наша жизнь

стала сплошным праздником, каждая мельчайшая ее секунда. И пусть так будет, пока мы совсем не состаримся. Но вы забываете, что наша грешная плоть ограничена не только духовно, но и физически. Джинни нужно как следует отдохнуть. Да и мне не мешало бы. Кроме того, мне хочется увидеть, как то, что вы напишете, появится в каком-нибудь соответствующем издании. Это будет здорово способствовать нашей популярности...»

Вот так и случилось, что сквозь Хаос Ада нас вел Больян, первый отчет о котором опубликован за подписью Лобачевского...

Не могу утверждать, что вся наша дальнейшая жизнь складывалась только счастливо и безмятежно. Вам бы понравилось стать знаменитыми? Возможно, вам знакомо все это. Репортеры, интервью по магическому кристаллу, ежедневные тонны писем, статьи, охотники за фотографиями и автографами, воинственно настроенные забулдыги, идиотские телефонные звонки, непрошенные посетители, подхалимы.

Все правильно, ну а далее перечисляйте сами. Я получил в фирме хорошую должность. Лучше, чем я, вероятно, заслужил. Джинни открыла собственную студию — об этом она всегда мечтала. В общем, особого общественного интереса мы уже не представляли.

А тем временем Валерия достигла того возраста, когда начинают дружить с мальчиками. Нам казалось, что знакомый нашей дочери достоин ее. Говорят, что такие ощущения знакомы каждому, у кого есть дочь. Все проходит через это, но я был слишком занят другими делами, чтобы слишком уж беспокоиться.

Вот и вся история. Публичная лекция-исповедь демона привела к эффективному развалу церкви иоаннитов. Конечно, оставалось еще некоторое число ее самых твердолобых приверженцев, но особого вреда они уже причинить не могли.

Впоследствии образовалось ее реформистское ответвление — во главе с моим старым знакомым Мармидоном. Эта обновленная церковь объявила, что Евангелие Любви — такое же Евангелие, как и остальные, а вера — одно из вероучений в числе других. Поскольку ни гностицизм, ни тайный сатанизм не проник туда, не думаю, чтобы Святой Петр или кроткий добряк Святой Иоанн стали бы особенно возражать.

Перед тем как вознестись из моего мозга на небо, Лобачевский продемонстрировал мне доказательства нескольких теорем. Я ничего не понял. Те, кто хоть как-то мог разобратся, утверждают, что теперь эффективность волшебства, созданного людьми Барни в те давние минувшие времена, может быть повышена вдвойне.

Нашему приятелю, Бобу Сверкающему Ножу, пришлось немало потрудиться, подготавливая почву для распространения новых научных взглядов. Но действовать ему пришлось осторожно, и предстоит еще большая работа. Нельзя безоговорочно доверяться каждому старому чудаку, наделенному от природы выдающимися способностями. И все же — правительству Соединенных Штатов (и

не только ему) известно, как можно вторгнуться в Ад, если он вынудит их к этому.

Маловероятно, чтобы армия Земли смогла завоевать Нижний Континуум, но бед неприятелю доставит она предостаточно. Итак, у нас нет оснований опасаться еще одного прямого нападения со стороны Врага.

Со стороны человека — да. Потому что есть еще люди развращенные и испорченные, подверженные искушению и соблазну. Люди-лжецы и люди-предатели. Но думаю, что, если мы сохраним свою честь незапятнанной, а порох сухим, — нам не придется испытать слишком много бед.

Оглядываясь назад, я часто не могу поверить, что это было на самом деле, что через все это прошли, со всем справились рыжеволосая ведьма, волк-оборотень с обрубленным хвостом и щеголяющий высокомерием черный кот. И тогда я вспоминаю, что Враг лишен чувства юмора. И, наоборот, уверен, что Бог любит посмеяться...

ГЛАВА 1

— Ты не можешь уехать сейчас, — сказал Дэннел Холм сыну. — Мы в любой момент можем оказаться в состоянии войны. Может быть, мы уже в нем находимся.

— Именно поэтому я и хочу уехать, — ответил молодой человек. — По всей планете по этому поводу собираются тучи круачеры. Где же мне сейчас быть, как не со своим чосом?

Произнес он это уже на другом языке. Птичьими стали не только слова. Сам акцент изменился. Он не пользовался больше языком Авалона — англиком с примесью планха, чистые гласные, резкие «р», «м», «н» и «т», как молоточки, речь углубленная, замедленная и разделенная на предложения.

Это скорее походило на то, как если бы он пытался перевести для слушателя-человека мысли итрианского мозга.

Человек, чье изображение виднелось на экране, не возразил: «Ты мог бы остаться с семьей», как он это хотел сделать, повинаясь первому побуждению. Вместо этого Дэннел Холм спокойно сказал:

— Понимаю. Ты больше не Крис, ты — Аринниан. — Лицо его после этих слов как будто постарело.

Молодой человек был глубоко задет, но экран остановил движение его пальцев.

— Я навсегда останусь Крисом, папа, — сердито бросил он. — Но при этом я Аринниан. И к тому же, если разразится война, нужно будет приготовить к ней чосы, не так ли? Я хочу помогать, я не улечу слишком далеко.

— Конечно. Счастливого пути!

— Передай привет маме и всем остальным!

— Почему бы тебе самому с ней не поговорить?

— Ну... э... я действительно очень спешу... и потом ничего

особенного ведь не происходит. Я направляюсь в горы, как обычно, и... Э...

— Конечно, — сказал Дэннел Холм. — Я им передам. А ты передай мой привет своим.

Второй марчварден Лаурианской системы выключил свой фон.

Аринниан отвернулся от прибора. На мгновение он сморщился, нервно покусывая губу. Он терпеть не мог причинять огорчения людям, которые о нем заботились. Но почему они не могут понять? Их род называет это «становиться птицей», как будто процесс получения часа является некоей модой тех, кто отрицает создавшую их расу. Даже сосчитать невозможно, сколько часов он провел, пытаясь убедить своих родителей и других родичей, мыслящих столь же ортодоксально, в том, что он расширяет и очищает свою человечность.

В памяти его возникла часть диалога:

— Пойми же, папа, две расы не могут в течение поколений населять один и тот же земной шар без того, чтобы не проникнуться глубоким взаимным пониманием. Почему ты занимаешься небесной охотой? Почему Феруну подают вино за столом? Все эти символы имеют самое глубокое значение.

— Я все это прекрасно понимаю. Ты делаешь мне честь, считая меня наивным простаком, да? Суть в том, что ты совершаешь слишком большой прыжок!

— Из-за того, что я должен стать членом Врат Бури? Послушай, люди приняли час столетие назад!

— Не в нынешнем его виде. И мой сын не был одним из них. Я бы... хотел видеть тебя, придерживающимся наших традиций.

— Кто говорит, что я их не придерживаюсь?

— Для начала, ты не повинешься больше закону людей, ты повинешься часу и его обычаям... Ладно, все это прекрасно, если ты итрианин. Боже, ты же получил хромосомы. Те, кто их получил, никогда не смогут достичь полного согласия с другой расой.

— Проклятие! Я не претендую!..

Аринниан отбросил от себя это воспоминание, как будто оно было чем-то материальным. Он с благодарностью подумал о прозаических хлопотах сборов, которые его ожидали. Если он хочет достичь Итрианских Гнезд до наступления темноты, ему уже скоро отправляться. Конечно, машина покрыла бы это расстояние меньше чем за час. Но кому хочется летать в оболочке из металла и пластика?

Он был наг. Те, кто жили как он, все более и более тяготели к отказу от одежды и использованию вместо нее разрисованной кожи. Но временами одевания бывали нужны любому. Кроме того, итрианина редко можно увидеть без пояса и сумки. В пути будет холодно, а крыльев у него нет.

Он прошел по крошечной квартирке за плащом и ботинками.

Задержавшись у письменного стола, посмотрел на лежавшие на нем бумаги: свою работу, тексты и справки, полученные из центральной библиотеки.

«Проклятие! — подумал он. — До чего же не хочется улетать сейчас, когда я почти понял, как доказать эту теорему».

Он достиг некоторых высот в математике, а мог бы достичь гораздо больших. Он часто думал о том, что тогда его разум мог бы испытывать тот итрианский экстаз, который испытывала его плоть, когда он находился в вышине. Тогда ему удалось бы пойти на компромисс, который примирил бы его с отцом. Он смог бы продолжать учебу, достиг бы своей цели и стал бы профессором математики. Чтобы получить все это, он должен был согласиться на определенную финансовую поддержку, хотя больше уже никто не надеялся, что он будет жить дома.

Остальную часть необходимой ему суммы приходилось добывать самому, и он отправился к итрианам в качестве охотника и пастуха.

Пряча улыбку, Дэннел Холм проворчал:

— У тебя светлая голова, сынок! Я не хочу видеть, как твой разум пропадает зря. В то же время он у тебя слишком загружен. Ты вечно сидишь за книгами, если не считать тех случаев, когда рисуешь или пишешь стихи, — и никаких физических упражнений. Кончится тем, что твое седалище выйдет за пределы стула, а ты этого и не заметишь. Думаю, что мне следует ощутить немного благодарности к твоим друзьям за то, что они сделали из тебя такого атлета!

— Моим соратникам по чосу, — поправил его Аринниан. Он как раз только что получил новое имя и был полон восторга и рвения. То было четыре года назад. Сегодня он с улыбкой вспоминал себя той поры.

Сегодняшний, тридцатилетний — по авалонском счету — Кристофер Холм был высоким, стройным, широкоплечим. Чертами лица, как и сложением, он пошел в мать: удлиненная форма головы, узкое лицо, тонкий нос и губы, голубые глаза, волосы цвета красного дерева (коротко остриженные, в стиле тех, кому приходилось совершать много полетов в гравитационном поясе). Борода его не была еще достаточно густой и не требовала к себе большого внимания, только регулярное смазывание лица кремом против роста волос. Его кожа, от природы совершенно белая, потемнела от постоянного пребывания на воздухе. Лаура, звезда типа G, имела лишь 72% яркости по сравнению с Солнцем и соответственно меньше излучала ультрафиолета. Но Авалон, чья орбита составляла 0,81 астрономической единицы при периоде обращения, равном 0,724 земного, получал на 10% больше полной радиации.

Прежде чем всунуть руки в лямки и застегнуть на талии пряжку, Крис внимательно проверил весь прибор.

Конусообразные цилиндры-близнецы на его спине должны были иметь полностью заряженные аккумуляторы и целиком действующие цепи. В противном случае он мог считать себя мертвецом. Ни один итрианин не смог бы удержать человека, падающего с неба.

Пару раз отдельные группы сознательно шли на риск, но то были пастухи с лассо, которые умело накидывали их на своих товарищей

в случае надобности. А просто так на удачу рассчитывать не приходилось.

О, боже! Какое счастье иметь настоящие крылья!

Он надел шлем с перьями, опустил на глаза защитные очки, жалкая замена защитной оболочки. Нож он вложил в ножны и прикрепил к бедру. Никакой опасности ждать не приходилось, возможность дуэли совершенно отпадала, потому что для Круача мир был священен: и тени не осталось от частых когда-то смертельных ссор. Но люди Врут Бури большей частью были охотниками и всегда брали с собой свои инструменты. Брать с собой провизию ему было не нужно. Все что ему было необходимо, Аринниан мог получить из общих хранилищ, в которые он тоже регулярно вкладывал свою долю, перевоза ее на грависанях.

Выйдя за порог, он оказался на уровне земли. Люди занимали достаточно много места на Авалоне, их было около десяти миллионов; итриан было четыре миллиона. И даже здесь, в Грее, который был настоящим городом, строения были низкими и широкими.

Пара высоких строений предназначалась для президента и гостей.

Аринниан включил приборы.

Подъемная сила мягко повлекла его вверх.

Поднявшись, он задержался на минуту, осматривая окрестности.

Город раскинулся на холмах, зеленых от обилия деревьев и газонов, с яркими пятнами садов, окаймляющих залив Фалкайан. Там и тут на воде виднелись лодки: они использовались только для увеселительных целей и двигались с помощью гидрофолосных парусов. Несколько грузовых кораблей, длинных и изящных, стояли у причалов под загрузкой или разгрузкой, осуществляемых разнообразными роботами. Одно судно входило в порт, судя по курсу, оно шло от Вренденских островов. Еще одно стояло у выхода в Хеспернанот, в месте, где солнце касалось его своими лучами. И везде, куда ни глянь, сапфирный цвет.

Лишь на севере и юге горизонта он переходил в пурпурный.

Лаура стояла уже низко на западе. Небо было голубым, но постепенно темнело. Длинные мазки перистых облаков высоко в небе обещали продолжение великолепной погоды.

Соленый бриз что-то шептал на ухо и охлаждал щеки.

Воздушное движение было небольшим. Мимо пролетели несколько итриан, их крылья отливали бронзой и медью. Пара людей совершали, подобно Аринниану, полеты с поясами. Издали они походили на вампиров, обернутых грудой перьев, которых приближение вечера выманило из какой-то пещеры.

Другие люди ехали на машинах — горизонтальных каплях, казавшихся средоточием деятельной неподвижности. Пронеслись, направляясь к аэропорту, два-три лайнера. Грей никогда не был оживленным местом.

Высоко наверху виднелись военные патрулирующие суда, которых не было здесь до беспорядков.

«Война против Земной империи». — Содрогнувшись, Аринниан повернул к востоку, вглубь материка.

Он уже мог различить место своего назначения: горы лежащие недалеко от линии побережья и центральной долины, похожие на обломанный берег вдоль океана неба, их пики были самыми высокими в Короне, даже на всем Авалоне, если не считать Орнезии. Их называли Андромедами, но Аринниан, используя название планхов, называл их Матерью погоды.

Внизу поплыли земли ранчо. Здесь, в окрестностях Грея, поселения итриан, тянущиеся с севера, сливались с поселениями людей, тянущимися с юга; экология тех и других смешалась с собственно авалоновой — и местность здесь походила на шахматную доску.

Поля людей, засеянные зерновыми, урожай которых снимался в конце лета, желто-коричневыми пятнами лежали среди зеленых пастбищ, на которых итриане пасли своих маунхов и майавов. Участки, засаженные деревьями — дубом и сосной, — вторгались на почти лишенные леса территории берралайцев, где еще можно было случайно увидеть бариосороида. Вид его стремительного бега отгонял все беспокойства прочь. Пусть империя нападает на суверенные владения... если только посмеет! А пока он, Аринниан, останется предназначенным ими для Айат. Конечно, чос и одиночество останутся при нем, но главное то, что он снова увидит Айат.

Не нарушая чопорность зала — столовой, — они украдкой бросили друг на друга взгляды. «Хорошо бы побродить спокойно на воздухе и стать самим собой».

Она попросила разрешения у своего отца Литрана и матери Блоусы. Хотя она и была зависима от родителей, но эта просьба была лишь данью ритуалу, а ритуал имел огромное значение.

Таким же образом Аринниан объявил представителям младшего поколения, среди которых сидел, что не чувствует склонности к тому, чтобы его сопровождали. Он и Айат вышли вместе. Это ни на миг не прервало медленное, нарушаемое лишь рассчитанными паузами течение разговора, в котором принимали участие все присутствующие. Их дружба началась уже в детстве, и все давно относились к ней как к должному.

Владение расположилось на плато Маунт Фарвью. В центре его возвышалась старая каменная башня, в которой жили старшие члены семьи и их дети. Более низкие деревянные строения, на чьих дерновых крышах цвели янтарные драконы и звездные колокольчики, предназначались для дальних родственников, вассалов и их семей.

Дальше по склону холма расположились сараи, амбары и загоны.

Все это нельзя было увидеть одновременно, потому что среди строений росли итрианские деревья: плетеная кора, медное дерево, драгоценный лист, серебрищийся в лунном свете, а при дневном освещении переливающийся ложным блеском. На клумбах росли местные, наиболее выносливые из инопланетных растений, цветы: сладко пахнущая маленькая джани, ливвел, отличающийся острым

запахом, грациозные тирфойлы и Чаша Будды, тихонько поющая, когда ветер качал ее стебелек. Если не считать этого слабого звука, все вокруг было тихо. И холодно, как всегда ночью на такой высоте. Дыхание казалось белым облачком.

Айат расправила крылья. Они были более стройными, чем обычно, хотя в размахе имели шесть метров. Это движение, естественно, заставило ее прибегнуть к помощи рук и хвоста.

— Б-р-р, — рассмеялась Айат. — Холодно! Поднимаемся! —

Она поднялась над землей, нарушив неподвижность воздуха.

— Ты забыла! — крикнул он ей вслед. — Я снял пояс!

Она опустила на платформу, построенную на вершине медного дерева.

Он, очевидно, должен был вскарабкаться туда. Он подумал, что она преувеличивает его возможности просто потому, что в таких вещах понимала меньше, чем он. Один ложный шаг в этой густой листве — и последствия будут самыми плачевными. Но он не мог отклонить брошенный ему вызов и уронить себя в ее глазах.

Ухватившись за ветку, Аринниан подтянулся и полез наверх.

Сверху он услышал ее шепот среди окружавшей ее листвы. Это придало игре особую остроту, но ему казалось, что она преувеличивает значение происходящего.

Что ж, она так высоко стояла по своему положению. Он даже сам себе не любил говорить об этом. («Почему?» — быстро пронеслось у него в мозгу.)

Достигнув платформы, он увидел, что Айат сидит в спокойной позе, опираясь на ноги и ветви. Хвост покоился на ее правой руке, и она слегка пощелкивала по нему левой.

Моргана, почти полная, мерцала белым светом над восточной сьеррой, и перья Айат в этом свете казались сверкающими. Кроме луны, вверху сверкали созвездия — Вил, Шпаги, Цирраук, и разбросанные по всему небу корабли...

Он сел подле Айат, подогнув колени. Она издала негромкий звук, означающий, что рада его присутствию. Он вложил в свой ответ всю нежность сердца.

Над чистым изгибом клюва сверкали огромные глаза.

Внезапно она замолчала. Проследив в направлении ее взгляда, он увидел новую звезду, засветившуюся в небе.

— Спутник? — спросила она. Голос ее слегка вздрогнул.

— А что же еще? — ответил он. — Я думаю, он должен быть самым последним из выведенных на орбиту.

— Сколько же их теперь всего?

— Об этом не объявляли, — напомнил он ей. Итриане никак не могли примириться с мыслью, что есть такие вещи как государственная тайна, и о том, какое значение имеет правительство, в понимании людей. Правители Ферун и Холм гораздо больше энергии тратили на вопросы часа, нежели на действительные приготовления к обороне. — Мой отец не верит в то, что их у вас может быть много.

— Трата богатства...

— Но если придут земляне...

— Ты действительно веришь в то, что они придут?

Беспокойство, которое он услышал в ее голосе, заставило его очень нежно погладить ее по голове, потом так же деликатно провести пальцами по ее холке.

Перья были теплыми и гладкими.

— Не знаю, — сказал он. — Может быть, удастся решить вопросы о границах мирным путем. Будем надеяться на это. — Последние слова были характерны скорее для англика, нежели для планха. Итриане никогда не вопрошали будущее. Аят, как и всякая образованная колонистка, тоже говорила на двух языках.

Его взгляд вновь вернулся к небесам.

Солнце находится... вот там, в Маунхе, примерно в том месте, где четыре звезды образуют рог... Как же далеко! О да, 205 световых лет. Он вспомнил, что читал об этом. Кетлен и Лаура входили в созвездие, называемое Заяц.

— Заяц, — пробормотал он. — Какая ирония.

Аят вопросительно свистнула.

Он объяснил ей, прибавив:

— Заяц является — или был — животным, который всего боится. А для нас Солнце находится под знаком большого, стерегущего время животного. Но кто на кого нападает?

— Я не слишком внимательно слежу за новостями, — сказала она тихо и не очень уверенно. — Мне все это кажется каким-то туманным. Какое нам дело до чужих столкновений? Потом, все это так внезапно... Можем ли мы стать причиной волнений, Аринниан? Может ли наш народ действовать слишком стремительно, быть слишком суровым?

Ее настроение было таким необычным — не столько для итрианского темперамента в общем, сколько для ее всегдашней жизнерадостности — что удивление ударило ему в голову подобно крепкому напитку.

— Что заставляет тебя так беспокоиться? — спросил он.

Она провела губами по ухоту, как будто надеясь найти в нем утешение. Он едва услышал сказанное ею:

— Водан.

— Что? А! Ты обручена с Воданом?

Его голос задрожал. «Что меня так потрясло? — подивился он про себя. — Он прекрасный парень. И из того же самого часа. Не нужно менять закон, обычай, традиции, никакой тоски по дому...»

Аринниан обвел взглядом край Врат Бури.

Над долинами, окруженными каменными стенами, темными и благоухающими от обилия лесов, возвышались снежные горные пики. Ближе всего к ним был склон горы с водопадом, серебрившимся в свете луны. Летающий по ночам баглер прорезал тишину криком, похожим на призыв охотничьего рожка. Равнины Лонг-Бич, арктические болота, саванна Гейлана, бесчисленные острова, составляющие

большую часть суши Авалона — как могла она отказаться от королевства своего часа?

«Нет, подожди, ты рассуждаешь как человек. Итрианин гораздо мобильнее. Собственная мать Айат родом из бассейна Саггитариуса и часто навещает эти места... Но почему я не могу думать как человек? Я и есть человек! Я нашел мудрость, правоту, счастье в некоторых итрианских путях, но ни к чему притворяться, будто я смогу быть итрианином, жениться на крылатой девушке, свить с ней орлиное гнездо».

Она говорила:

— Да нет, не так, не совсем так! Мой друг, неужели ты думаешь, что я не сообщила бы тебе о своей помолвке и не пригласила бы тебя на свадебный пир? Но он... он тот, к кому моя любовь растет все больше и больше. Ты знаешь, я решила остаться одинокой до конца обучения. — Ее привлекала трудная, но благородная профессия музыканта. — Последнее время... в общем, во время последней поры любви я много думала о нем. Я переживала ее жарче, чем когда-либо раньше, и я все время воображала себе Водана.

Аринниан почувствовал, что лицо его залилось краской. Он посмотрел на холодно сверкающий вдалеке ледник.

Она не должна была бы говорить ему подобные вещи! Это нечестно! Незамужняя итрианка или та, которая потеряла мужа, должны были оставаться вдали от мужских особей своего рода, когда на них накатывала жаркая волна. Но она также обязана была тратить лишнюю энергию на работу, учебу, размышления или...

Айат поняла его замешательство.

Она засмеялась и накрыла его руку своей.

Он ощутил нежное пожатие тонких пальцев с острыми когтями.

— Ты явно смущен. Но в чем дело?

— Тебе бы не стоило так говорить с... твоим отцом, братом... И тебе не стоило бы испытывать таких чувств! Никогда! Мечты в одиночестве, да! Но не уподобляться проститутке, обливающейся потом на кровати в дешевом отеле. Это не для тебя, Айат!

— Конечно, было бы нечестно говорить так во Вратах Бури. Я часто думаю, не следует ли мне выйти замуж так, чтобы попасть в менее строгий час. Водан, впрочем... Во всяком случае, Аринниан, дорогой, тебе я могу сказать все. Ведь правда?

— Да! В конце концов, я не настоящий итрианин...

— Недавно мы говорили с ним, — сказала она. — О свадьбе, я имею в виду. Не стоит отрицать того, что дети должны были бы быть ужасной помехой в таких условиях. Но мы хорошо летаем вместе. И наши родители давно подталкивали нас друг к другу: союз между нашими домами был бы очень удачным! Мы говорили о том, что может быть, нам стоило бы первые несколько лет остаться хриккел...

— Это не слишком хорошее решение, не так ли? — сказал он, когда она замолчала, хотя голос ее молоточками бился у него в ушах. — Конечно, постоянные телесные связи могут и не быть тем звеном, что укрепляет союзы итриан, но это не значит, что они не

важны. Ведь расставаясь друг с другом на каждый любовный период, вы тем самым отрицали бы друг друга, верно?

— Почему бы не прибегнуть к помощи противозачаточных средств?

— Нет!

Он знал, почему ее раса чаще всего с презрением отбрасывает такую возможность. Дети — родительский инстинкт был силен и у самца, и у самки — были именно тем, что привязывало их друг к другу. Если вокруг тебя смыкаются маленькие крылья и маленькая головка тычется в твой клюв, ты забываешь о неизбежных трудностях и разочарованиях брака и чувствуешь себя так, как будто брак твой молод и счастлив.

— Мы могли бы отложить все до тех пор, пока я не закончу обучение, а он не наладит свое дело, — сказала Айат.

Аринниан вспомнил: Водан, среди молодежи Врат Бури, Термиалами и Тарнами, основал лесную инженерную фирму. «Но если война неизбежна... он в морском запасе...»

Свободной рукой она машинально обняла его плечи. Опершись на локоть, он просунул руку под крылья и обнял ее напряженное тело, нашептывая ей, сестре своих детских лет, все слова утешения, которые только мог придумать.

Утром их настроение улучшилось. Мрачность была не в натуре итриан, а люди-птицы старались обучиться этому. Сегодня — кроме тех немногих, кого призывали неотложные дела — весь клан Литрана должен был лететь в горы, где встречался местный круач.

По пути к ним должны были присоединиться другие семьи Врат Бури. А по прибытии на место они должны были обнаружить другие часы. Каким бы ни был пустяковым повод к сбору — краски, восторги, частные дела, личные удовольствия, — все должны были присутствовать на этом общем собрании.

И заря была ясной, и ветер был попутным.

Призывное пение трубы! Литран сорвался с вершины башни. Люди расправили крылья, так что связки под ними напряглись, а ткань их сделалась красной от притока крови. Крылья резко пошли вниз, потом снова вверх. Итриане оторвались от земли, с шумом взлетели в воздух, подхваченные потоком ветра, образовали единый строй. Потом они плавно понеслись в восточном направлении над скалами.

Аринниан летел следом за Айат. Улыбнувшись ему, она запела. У нее был изумительный голос — его почти с полным правом можно было назвать сопрано, — заставляющий веселее петь волюнки и гитары Планха.

То, что она пела сейчас, было традиционным гимном, но он предназначался для Аринниана, потому что она исполняла его на английском, хотя он всегда чувствовал, что эти языковые трюки несколько умаляли восторг восприятия.

Свет еще невзошедшего солнца
Дарит улыбкой царящего.
Крылья его собою умоет,
Ночь отгоняя спящую.

Голубизна, этот колокол неба, .
Мир заливает волною.
Леса и луга новый день встречают
Торжественной тишиною.

Скользя сквозь буйство летящего ветра,
Кружа, как листок, плавно,
Срежь косо пласты воздушных потоков.
Утром охотиться славно!

Замри на мгновение — и быстро к цели
Единым стремительным махом.
То, что тебя наполняет весельем,
Наполнит врага страхом!

Послеполуденный жар и истома.
Тень отдохнуть манит.
Призрачный мир сновидений и грез
Внезапно реальным станет!

Вдруг этот звук, возвышающий голос,
Чертит в тебе зигзаги!
И вот уже листья наполнил смехом,
Потом живительной влагой.

Будто в каком-то священном танце
Плотные струи гнутся.
Тучи, друг друга громом встречая,
Мрачно, зловеще смеются.

Но все теснит и теснит их ветер,
Ветер вечный, нетленный.
И вот глазам открывается небо,
Высоко оно и священно!

ГЛАВА 2

Период обращения Авалона равнялся одиннадцати часам двадцати двум минутам и двенадцати секундам вокруг оси, с наклоном в двадцать один градус к плоскости орбиты. На уровне Грея, находящегося примерно на тридцать четвертой параллели северной

широты, ночи всегда были короткими, а летом — темными, и сутки пролетали как мгновения.

Дэннел Холм подумал о том, не в этом ли причина его усталости.

Возможно, что нет. Он здесь родился. Прежде здесь жили столетиями; его предки прибыли с Фалканша. Если индивидуумы были способны к изменению своих циркадиальных ритмов — как это часто приходилось ему делать в дни космических путешествий, — то и раса, конечно, могла.

Врачи утверждали, что жизнь в гравитационном поле, составляющим только 80% земного, требует от организма определенных изменений. В таких условиях следует изменение всего баланса жидкости и приспособление процесса кинестозии.

Кроме того, те изменения, которые происходили с человеком, казались самым обычным делом по сравнению с изменениями, происходившими с его собратом-колонистом. Итрианам пришлось изменить весь цикл воспроизведения, приспособив его к иному дню, весу, климату, питанию, миру. Неудивительно, что их первые несколько поколений не отличались высокой рождаемостью. И все равно они важничали, а закончилось это тем, что их раса начала поистине процветать.

Было поэтому абсурдным предположить, что человек может устать от чего-то отличного от тяжелой работы, ну, и, конечно, возраст, несмотря на все антистарители. Может быть, так оно и есть? Неужели? Когда стареешь, когда чувствуешь приближение смерти, можно ли возвращаться мыслями к ранним годам, годам начала, не думать о доме, которого ты никогда не видел, но каким-то чудом помнишь?

«Хватит, прочь подобные мысли! Кто сказал, что восемьдесят четыре — старость?» — Холм достал из кармана сигару и откусил кончик.

Затяжка, получилась слишком долгой.

Он был среднего роста и казался коренастым в оливкового цвета тунике и мешковатых брюках, какие носили все люди — члены итрианских вооруженных сил. Монголоидная ветвь его предков проявила себя в нем, наделив Холма круглой головой, широким лицом, высокими скулами, припухлостью у губ и тупым носом. Кавказская — в серых глазах, коже, остававшейся бледной, несмотря на то что он много времени проводил на охоте и в саду, и волосах, поседевших на голове, но остававшихся черными на груди.

Подобно большинству людей планеты, он не отпускал бороды.

Он углубился в разложенные перед ним последние отчеты его помощников, когда интерком загудел и голос сказал:

— Первый Маршварден Ферун хочет обсудить положение дел!

— Конечно! — Начальник Холма только что вернулся с Итри. Холм протянул было руку к экрану, но отдернул ее, проговорив: — Почему бы не лично? Я сейчас буду.

Он вышел из кабинета.

Коридор был полон звуками и мельканием фигур — флотский

персонал, гражданские служащие из лоранского адмиралтейства, — кондиционеры работали изо всех сил, так что запахи представителей обеих рас были едва различимы, кисловатый — человеческий, чуть отдающий дымом — итрианский.

Последних было больше, в связи с изменением состава населения Авалона. Но здесь собрались представители со всего доминиона, особенно из материнской его части, чтобы помочь этой приграничной планете подготовиться к кризису.

Холм заставил себя усердно отвечать на приветствия. Его вежливость превратилась в твердую валюту, ценность которой была ему известна. «Вначале это было подлинным!» — подумал он.

Караульный отдал ему честь и пропустил в апартаменты Феруна (Холм не выносил отнимающих время церемоний в своем отделе, но допускал их важность в итрианском).

Внутреннее помещение было самым типичным: просторная немногочисленная мебель, несколько строгих украшений, скамья, письменный стол и техника, снабженные орнитологическими приспособлениями. Стена не была прозрачной, но огромное окно было вделано в нее таким образом, что из него открывался прекрасный вид на Грей и сверкающие вдалеке воды залива. Ветерок был насыщен ароматом садов.

Ферун добавил к имеющимся в кабинете вещам несколько инопланетных сувениров, книжные полки, заставленные фолис — копиями образцов земной классики, которую он читал для развлечения в оригинале на трех языках.

Он был маленьким, с темными перьями, и что-то в нем было от лика на иконе.

Его чос, Миствуд, всегда был одним из самых прогрессивных на Авалоне. По части механизации он не уступал человеческим общинам, результатом чего являлись его величина и успешное развитие.

У Феруна не оставалось особого времени на поддержку традиций, религии — всего, что было связано с консерватизмом.

Все формальности он сократил до минимума, но не смог отказаться от них совсем, хотя никогда не говорил, что они ему нравятся.

Сорвавшись со своего насеста, он стремительно подбежал к вошедшему и по земному обычаю пожал ему руку.

— К-р-р, рад тебя видеть, старый разбойник! — Он говорил на планхе: итрианское горло приспособливается к англику хуже, чем человеческое (хотя, конечно, ни один человек никогда не сможет произносить звуки совершенно правильно).

— Как поживаешь? — спросил Холм.

Ферун сморщился. Однако это слово не совсем точно. Расположение его перьев было не только более сложным, чем у земных птиц, — они еще и плотнее прилегали к мускулам и нервным окончаниям, движение их давало начало целому созвездию выражений, недоступных человеку. Раздражение, беспокойство,

обескураженность — все это, во взаимосвязи друг с другом, выразило его тело.

— Ну! — Холм подошел к сконструированному специально для него стулу и сел. Во рту ощущался привкус табака. — Рассказывай!

Ногти-когти зацокали по гладкому полу. Ферун расхаживал по комнате.

— Я просмотрел все отчеты, — сказал он. — Вкратце: дела обстоят хуже, чем я того боялся! Да, они пытаются установить единое командование и вбить в голову каждого капитана мысль о необходимости полного подчинения. Но они не имеют ни малейшего понятия о том, как за это взяться!

— Бог тому свидетель, — воскликнул Холм, — что мы пытались поладить с ними эти последние пять лет! Я думал, что в этом, так называемом, флоте коммуникабельность находится на таком низком уровне, что мне придется опираться только на интуицию. Но я считал, будто реорганизация находится на полпути к завершению.

— Так оно и было, но все пошло прахом! Непомерная гордость, ссоры из-за пустяков — вот в чем беда! Мы, итриане — по крайней мере, наша доминирующая культура, — не слишком подготовлены для полной централизации. — Ферун помолчал. — В действительности, — продолжал он, — Земля, располагая гораздо большими силами, должна держать под контролем куда большие пространства, чем доминион. Но если они нападут на нас, те коммуникации превратятся для нас в ахиллесову пяту.

— Ха! А этим сумасшедшим на Итри не приходило в голову, что Империя не так глупа? Если Земля нападет, то это будет не войной, начатой Землей, а лишь горячим сектором, находящимся вблизи от наших границ.

— Мы обнаружили лишь очень слабые признаки сосредоточения сил в ближайших системах.

— Конечно, нет! — Холм ударил кулаком по ручке кресла. — Неужели они бы открыто осуществляли свои приготовления? — Вы бы обнаружили?! Они будут собираться в космосе, в нескольких парсеках от любой звезды. В нескольких световых годах от нас они могут тайно собрать достаточную силу, чтобы свободно нанести нам удар с воздуха.

— Ты говорил мне это уже много раз, — сухо сказал Ферун. — Я это обдумал. Анализировал возможные варианты. — Он перестал шагать. Некоторое время в комнате царило молчание. Желтый свет Лауры образовал полутень в форме листа.

— В конце концов, — сказал Ферун, — наши методы ведь спасли нас в период волнений.

— Нельзя сравнивать войну князьков, пиратов, жалких забияк, варваров, никогда не выходящих за пределы стратосферы, с межзвездной войной. Нельзя сравнивать все это жаждущее крови ничтожество с Имперской Землей.

— Я знаю, — ответил Ферун. — Суть в том, что итрианские методы хорошо служили нам, потому что они согласуются с

итрианской натурой. Во время моей последней поездки я начал сомневаться, не станет ли наша попытка превратиться в бледную тень соперника пустой потерей времени. Попытка делается, пойми — получишь столько деталей, что они успеют набить тебе оскомину, — но не случится ли так, что все, что она нам даст, это отсрочка. Я решил, что раз уж Авалон должен затратить все усилия на достижение кооперации, он может, в то же время, рассчитывать на помощь извне.

И наступила тишина.

Холм посмотрел на своего начальника, старинного, испытанного годами друга, и не в первый уже раз подумал, до чего же они разные.

Он поймал себя на том, что смотрит на Феруна так, как будто встретился с итрианином первый раз в жизни.

В стоячем положении марчварден имел около 120 сантиметров роста, если считать от ступней до грудной клетки. Высокая особь имела рост приблизительно 140 сантиметров, доходя Холму до середины груди. Поскольку тело несколько выдавалось вперед, истинное расстояние между клювом и хвостом было несколько больше. Весил он килограммов двадцать. Максимальный вес подобной особи не достигал и тридцати килограммов.

Голова его казалась созданием скульптора. Поскольку лоб был довольно низким, верхняя и затылочная части были несколько увеличены, чтобы вместить объемистый мозг. Вниз от ноздрей отходил небольшой выступ, почти скрытый перьями. Под ним виднелся подвижный рот, полный острых белых клыков, с алым языком.

Небольшой подбородок переходил в сильную шею. Особое внимание привлекали к себе глаза, большие, цвета меда, и густой хохолок перьев, растущих на лбу, облегающий голову до шеи. Частично он предназначался для аэродинамических целей, частично выполнял роль шлема на тонком черепе.

Выдающееся вперед туловище имело две руки. Ни по размеру, ни по форме они не походили на руки человека. Они были лишены перьевого покрова, кожа их была или темно-желтой, как у Феруна, или коричневой, или черной, как у остальных итриан. Но непохожими на человеческие их делали не руки в целом, а ладони. Каждая ладонь имела по два пальца по краям и еще по три между ними, каждый палец имел на один сустав больше, чем эквивалентный ему палец землянина, и ноготь, который точнее было бы назвать когтем, а на внутренней поверхности кистей росли небольшие дополнительные когти. Ладони казались слишком большими для этих рук, а мускулы на них играли и вились. То были настоящие хватательные инструменты, помощники зубов. Тело оканчивалось удивительной формы хвостом из перьев, достаточно твердым, чтобы в случае надобности поддерживать тело.

Огромные крылья сейчас были сложены и опущены вниз,

исполняя роль ног. В средней части каждого выступало костяное вогнутое «колесо». В период борьбы эти кости могли смыкаться вместе. В воздухе они охватывали крылья кольцами, укрепляя их.

Поскольку Ферун был особью мужского пола, его гребень выступал выше, чем у женских особей, а хвост был белый с серыми полосками. У женских же особей он бывал черным и блестящим.

— Кр-р-р!

Этот горловой звук вернул Холма к действительности.

— Что ты так смотришь?

— О, прости! — Для уроженца этой расы подобное поведение было более грубым, чем для человека. — Мои мысли блуждали далеко.

— Где же? — спросил Ферун своим обычным голосом.

— М-м-м... да ничего особенного. Я начинаю думать о том, что мой род действительно не играет большой роли для Доминиона. Может быть, нам следует найти нечто более связанное с итрианским стилем и постараться сделать из этого все что можно.

Ферун издал вибрирующий звук и шевельнул несколькими перьями. Это сочетание не имело точного эквивалента на английском, но приблизительно могло быть переведено так: «Вам подобные не являющиеся единственными нейтрианами, находящимися под нашей гегемонией. Но только вы обладаете современной технологией». Планх не был таким уж лаконичным, каким представляют его звуковые выражения.

— Н-нет! — пробормотал Холм. — Но мы... в Империи мы — лидеры! Конечно, Великая Земля включает несколько миров и колоний негуманоидов, и множество индивидуумов из различных мест получили земное гражданство, все это так. Но большинство ключевых постов занято именно людьми, а не представителями какой-либо иной расы. — Он вздохнул и посмотрел на кончик своей сигары. — Здесь, в Доминионе, что представляет собой человек? Горсточка на уединенном шарике! О, мы трудимся, мы хорошо себя проявляем, но факт остается фактом: мы не являемся таким уж значительным меньшинством в великом созвездии меньшинств.

— Ты об этом сожалешь? — мягко спросил Ферун.

— Я? Нет-нет! Этим я только хотел сказать, что Доминион располагает слишком ничтожным количеством людей, чтобы можно было организовать флот по земному типу. Мы приспособились к вам лучше, чем вы — к нам. И это неизбежный процесс!

— Я вижу тоску в твоём голосе и вижу ее в твоих глазах, — сказал Ферун, и голос его прозвучал мягче, чем он этого хотел. — Ты снова думаешь о своем сыне, ушедшем к птицам, не так ли? Ты боишься, что его младшие сестры и братья захотят последовать его примеру.

Прежде чем ответить, Холм собрался с силами:

— Ты знаешь, что я уважаю ваш образ жизни. Всегда уважал и

всегда буду уважать. И я никогда не забуду, что Итри принимала моих людей, когда Земля оказалась для них потерянной. Но и... мы тоже заслуживаем уважения. Разве не так?

Ферун подался вперед и положил руку на плечо Холма. Необходимость для человека выразить свою скорбь была ему понятной.

— Когда он — Крис — впервые стал бегать и летать с итрианами, что ж, я был рад. — Человек вздохнул. Он, не отрываясь, смотрел в окно. Время от времени он касался пальцами сигары, но жест этот был машинальный, неосознанный. — Он всегда был слишком большим книжником, слишком одиноким. Поэтому его друзья из Врат Бури, его визиты туда... Позже, когда он, Айат и их компания сновали по всяким странным уголкам планеты — что ж, казалось, что и я делал нечто в этом роде, когда был в его возрасте. Различие было лишь в том, что я не нуждался в защите сзади, когда ситуация становилась напряженной. Я думал, что он тоже может закончить флотом... — Холм покачал головой. — Я не понимал толком, что с ним происходит, а когда понял, было уже слишком поздно. Когда я прозрел, мы сильно поспорили, он убежал и прятался на островах Щита целый год. Айат помогала ему... Ведь мне не стоит продолжать, не так ли?

Жест Феруна был отрицательным.

После того, как Дэннел Холм, разгневанный, примчался в дом Литрана, осыпал их оскорблениями, именно Первому марчвардену пришлось вмешаться, успокоить обе группы и превратить дуэль в мирные переговоры.

— Нет, мне сегодня ничего не следовало говорить, — продолжал Холм. — Просто... Ровена плакала этой ночью. Потому что он ушел и не попрощался с нею. А главное, она беспокоится о том, что с ним может случиться, потому что он присоединился к чосу. Например, сможет ли он вступить в нормальный брак? Обычные девушки больше не отвечают его вкусу, а девушки-птицы... И, конечно, наши малыши. Интересы Томми полностью вращаются вокруг итрианских сюжетов. Школьный наставник приходил к нам сам, чтобы сказать, что Крис отказывается учить урок, подчиняться требованиям, ходить на консультации. А Джинни нашел себе итрианскую подружку...

— Насколько мне известно, — сказал Ферун, — люди, вошедшие в чос, как правило, ведут вполне удовлетворительную жизнь. Конечно, возникают различные проблемы. Но разве жизнь не ставит их перед нами всегда? Кроме того, число трудностей будет уменьшаться по мере того, как число подобных людей будет расти.

— Послушай, — Холм с трудом подбирал слова. — Я не имею ничего против твоего народа. Да будь я проклят, если вообще когда-нибудь имел! Никогда я не сказал и не скажу, что в том, что сделал Крис, было что-то позорное, как я бы не сказал и не подумал этого, примкни он к какому-нибудь священному ордену целebата. Но это все равно не понравилось бы мне. Для человека это неестественно. И я изучил все, что смог достать о людях-птицах! Конечно, большая

их часть провозглашала, что они счастливы. Возможно, что большинство и верило в это. Но я не могу не думать, что они никогда не узнали о том, что они потеряли!

— Пешеходы, — сказал Ферун. На планхе этого было достаточно. На англичке ему пришлось бы произнести целую фразу, нечто вроде: «Мы тоже теряем какую-то долю за счет тех, кто оставляет часы, чтобы стать индивидуумами по образу человека атомного века и жить в человеческих общинах».

— Влияние, — прибавил он, что можно было перевести: «В течение столетий Авалона немало было таких, кто формировался под влиянием вашего примера, в том числе и целые часы. Я полагаю, что это и есть главная причина того, что некоторые другие группы стали наоборот более реакционными, чем раньше».

Холм возразил:

— Разве основная идея не состояла в том, что обе расы этой колонии должны были сближаться друг с другом, чтобы стать тем, чем они стали?

— Так было записано в Договоре, и эти слова остаются там и сейчас, — Ферун выразил эту мысль двумя слогами и тремя выражениями. — Никто против этого и не возражает. Но как может совместное житье не повлечь за собой изменений?

— Да. Из-за того что Итри, в основном, и Инствуд, в особенности, сделали успехи в приспособлении к земной технологии, ты веришь в то, что для развития подобного процесса нужен лишь здравый смысл. Но все это не так просто!

— Я ничего такого не утверждал, — сказал Ферун. — Я только хочу сказать, что мы не должны тратить время попусту.

— Да, прости, если я... Я совсем не желал пускаться в разговоры, ведь мы и раньше говорили много между собой. Но дома сейчас беспокойно. — Человек поднялся с кресла, подошел к окну и посмотрел вдаль сквозь струйку дыма.

— Давай-ка вернемся к делу, — сказал он. — Я бы хотел задать несколько вопросов, касающихся различных аспектов готовности Доминиона. А тебе не мешает послушать мой рассказ о том, что здесь творилось, пока тебя не было... и посмотреть под углом этого рассказа на положение дел во всей Лаурианской системе. В чем тоже мало радостного.

ГЛАВА 3

Машина установила место своего назначения и устремилась вниз. Первоначально ее высота была такова, что сидящий в ней ездок мог различить лишь дюжину точек, пляшущих на сверкающей поверхности воды. Но когда они оказались ближе, все это скрылось за горизонтом. Теперь ему был виден лишь неровный конус Сент-Ли.

Имея в диаметре 11 308 километров, Авалон обладал пропорционально меньшим, чем у Земли, расплавленным ядром; масса в 0.6345 не могла сохранить много тепла. В то же время процесс эрозии значительно убыстрялся. Атмосферное давление на уровне моря равнялось, примерно, земному — а падало медленнее из-за гравитации, так что быстрое вращение создавало условия для неблагоприятной погоды. Благодаря всему этому поверхность земли была в основном ровной, самый высокий пик Андромеда поднимался не более чем на 4550 метров. Соответственно уменьшались массивы материков. Корона занимала едва ли восемь миллионов квадратных километров, то есть примерно территорию Австралии. В противоположном полушарии акватории Новая Африка и Новая Гейлана напоминали скорее большие острова, чем маленькие континенты. А кроме них существовало еще много мелких островков.

И все же один гигант здесь был!

В 2000 километрах западнее Грея начиналась гряда, чьи пики, прорезающие воздух, были известны под названием Орнезии. Она уходила к югу, перерезала тропическую зону и заканчивалась неподалеку от Атлантического кольца. Таким образом формировалась природная гидрологическая граница. Западная ее часть отделяла Средний океан за экватором.

Роль ее в экологических процессах была неизмеримо высока. Более того, после колонизации она стала социологическим феноменом: любое склонное к эксцентризму существо — человек ли, итрианин ли — могло уйти туда, расположиться на одном из островов и вести здесь свое собственное, независимое существование.

Часы основных территорий отличались как размерами, так и организацией и традициями. Хотя они могли являться приблизительными аналогами кланов, племен, графств, религиозных общин, республик или чего-то еще, у всех у них была общая черта: их численность не опускалась ниже тысячи членов.

В Орнезии же были простые домашние кланы, носившие определенное имя.

Когда в таких семьях вырастали дети, они могли найти себе новые независимые общества.

Естественно, подобные крайности являлись исключением. В основном кланы Высокого Неба были многочисленными и контролировали территории рыбной ловли у 30 градусов северной широты, занимая значительную часть архипелага. И внутренне они были безгранично убеждены в том, что слова «Высокое Небо» применимы к итрианам в прямом своем значении.

Воздушная машина опустилась на берег на специально огороженное место.

Шагнувшая к ней женщина была высокой, с рыжими волосами. Она была одета в сандалии, кильт и имела при себе оружие.

Табита Фалкайн видела, как опускалась машина, и теперь пошла навстречу прибывшему.

— Привет, Кристофер Холм, — сказала она на англике.

— Я прилетел как Аринниан, — ответил он на планхе. — Приятно очутиться рядом с тобой, Хилл!

Она улыбнулась:

— Извини, я не подготовилась к такой возможности. — Потом уже другим тоном она проговорила: — Ты дал мне знать, что хочешь увидеться со мной по общественным делам. Это, должно быть, имеет отношение к пограничному кризису. Я полагаю, твой круач решил, что Западная Корона и Северная Орнезия должны объединиться в защите Гесцерианского моря.

Он робко кивнул и отвел глаза.

Впереди, насколько хватало глаз, солнце сверкало на выгибающейся к небу линии берега. Группа итрианских шуатов пролетела под контролем пастуха и его ухотов. Вокруг скопления рифов сновали местные птероплеуроны.

Море катило свои волны цвета индиго, завивающиеся наверху прозрачно-зелеными барашками, а пена, выбрасываемая ими на берег, была почти белой. Такая же пена вилась вокруг траулеров.

Верхние склоны еще носили на себе следы светло-изумрудного ковра сузина. Его цепкие корни давали возможность выживать лишь немногим из других растений. Но более низкие склоны были возделаны.

Здесь краснел итрианский властергрейн, защищавший землю и шедший на корм шуатам, в то время как плоды кокосовых пальм, манго, цитрусовых предназначались для людей Высокого Неба.

Дул ветер, теплый, но свежий, насыщенный запахами соли и воды.

— Я думаю, что конференция «Птица с птицей» была бы полезна, — продолжала Табита. — Горным достаточно трудно понять морских, и наоборот. Но без помощи друг друга тяжело. Орнитоиды будут встречаться подобным образом, а? — Она подумала. — Тебе, конечно, следовало прилететь с делегацией. На твоей территории не много тебе подобных. Зачем было прилетать в одиночестве? Но из этого вовсе не следует, что ты не будешь радушно принят. И все же телефонный вызов...

— Мы... наш разговор мог бы затянуться, — сказал он. — Он мог бы длиться дни. — То, что ему было оказано гостеприимство, он принял как само собой разумеющееся: гость для всех часов был делом священным.

— Но почему именно я? Я только местная власть.

— Ты — потомок Дэвида Фалкайна.

— Это немного значит.

— Там, где живу я, много. Кроме того... В общем, нам приходилось встречаться и раньше, на больших круачах, в домах... и... мы немного знаем друг друга. Если бы мне пришлось иметь дело с совершенно незнакомым, я бы просто не знал, с чего начинать. Если

не останется ничего другого, то ты... ты сможешь мне посоветовать, к кому обратиться за консультацией, и представишь меня. Ведь так?

— Конечно! — Табита взяла обе его руки в свои. — А вообще, я рада тебя видеть, Крис!

Его сердце учащенно забилось. Он едва удержался от протяжного вздоха. «Почему я так робею в ее присутствии? Видит Бог, она привлекательна. Старше меня на несколько лет, высокая, сильная, с полной грудью и длинными ногами, отнюдь не скрываемыми короткой туникой. Нос слегка вздернут, большой рот, широко расставленные зеленые глаза под широкими бровями. Ветер развеивал ее волосы, как знамя, над коричневой, слегка обветренной кожей».

Он подумал: «Смотрит ли она на сближение также легко, как девушки-птицы Короны? Или же все еще остается девственницей? Такое казалось маловероятным! Как человек, постоянно находящийся в любовном периоде низшего порядка, мог состязаться в чистоте с Аяат?»

Он молчал.

«Но Высокое Небо — это не Врата Бури и не Горное Озеро... Впрочем, здесь, где живет Табита, у нее много соратников, подобных ей по рождению... Она часто путешествует и бывает в разных местах...» — он отогнал от себя эти мысли.

— Эгей, да ты покраснел, — рассмеялась она. — Я тебя чем-нибудь смутила? — она отпустила его руку. — Если так, то прошу меня извинить. Но ты всегда слишком серьезно относишься к подобным вещам; поверь, общественный ритуал, необходимый набор фраз — дело не смертельное!

«Ей, конечно, легко, — подумал он. — Ее предки были приняты в этот чос. Ее родители и их дети выросли в нем. Четверть его членов должна быть сейчас людьми. И они обладают влиянием — вспомнить только общество по торговле рыбой, которому дали начало она и Драун...»

— Боюсь, для веселья у нас нет времени, — сказала она. — Впереди тяжелые времена.

— Вот как?

— Империя собирается выступить против нас. Идем в дом. — Табита взяла его за руку и повела к участку.

Местные строения с тростниковыми крышами были ниже, чем большинство итрианских домов, и крепче, чем казались с виду.

— О, — сказала она, — империя основательно выросла со времен Мануэля Первого. Но я читала историю. Как территория попала под контроль? Часть — путем обычного партнерства: цивилизованные негуманоиды, подобно синтианам, находили в этом преимущество для себя. Некоторые делали это ради торговли или обмена. У некоторых цели были завоевательными, это так, но всегда — примитивные, во всяком случае, так было с большинством из тех, чья сила в космосе смехотворно меньше, чем сила Великой Земли. Ветерок против бури!

— А мы? Мой отец говорит...

— Да. Сфера Земли достигает четырехсот световых лет в

поперечнике, наша — около восьмидесяти. Из всех систем одна Империя обладает прямыми контактами с несколькими тысячами планет, наши же насчитывают не более двухсот шестидесяти. Но не считаешь ли ты, Крис, что мы знаем наши планеты лучше? Мы более компетентны. В целом наши ресурсы меньше, но наша технология хороша во всех ее проявлениях. И потом, мы лишь оговариваем свое право на границах. Если речь идет о расширении государства, они могут найти солнца и гораздо ближе к дому, которые никогда не посещали. Эти территории будет легче взять, чем гордый, хорошо вооруженный Доминион.

— Мой отец говорит, что мы слабы и не готовы.

— Ты думаешь, мы проиграли бы войну?

Крис не ответил.

Стало так тихо, что им было слышно, как скрипит песок у них под ногами.

Наконец он сказал:

— Я думаю, никто не должен вступать в войну с мыслями о поражении.

— Я не верю в то, что на нас нападут, — сказала она. — Я более высокого мнения о здравом смысле Империи.

— Все равно, нам лучше принять меры предосторожности. Одной из них является местная защита.

— Да. Но будет нелегко организовать ее среди сотен и более часов.

— Может быть, в этом сможем помочь и мы, птицы, — заметил он. — Особенно давно обосновавшиеся, как твоя семья.

— Я сочту за честь помочь, — сказала она ему. — И, собственно говоря, я не считаю, что сотрудничество часов будет чересчур уж плохим. — Она гордо вздернула подбородок, — когда речь идет о том, чтобы показать Империи, кто летает выше!

Айат и Водан летели вместе. Они были красивой парой: у обоих золотистые глаза и волосы, но он — желтовато-коричневый, а она — темно-бронзовая.

Под ними простирались земли Врат Бури: поросшие темным лесом долины, утесы и ущелья, пики, которые сверкали снежной белизной, голубишной водопадов, чьи воды походили на лезвие ножа, серебром ледников.

Ветер тянул свою песню и уносил прочь облака, позолоченные Лаурой, а воздух был свежим и острым.

Неслышными тенями неслись они по миру. Итриане пьянеют от свежего воздуха. Он наполняет их уверенностью и силой. Он заставляет расправлять их крылья до отказа, так, что ощущается напряжение мышц.

Он сказал:

— Если бы я принадлежал к роду Аринниана, я бы непременно обвенчался с тобой теперь же, до того, как взойду на корабль. Но ты

несколько месяцев не будешь в любовном периоде, а к тому времени меня, может быть, не будет в живых. Я не хочу приносить тебе горе.

— Ты думаешь, я буду меньше скорбеть, если не стану носить титул «вдовы»? — ответила она. — Я хотела бы иметь право на то, чтобы возглавлять твой памятный танец. Ибо именно я знаю, какую часть этих небес ты любишь больше всего!

— И все же могут возникнуть всякие нежелательные вопросы: обязательства по отношению к моему роду и тому подобное. Нет! Станет ли наша дружба менее крепкой от того, что какое-то время ты не будешь считаться моей женой?

— Дружба... — пробормотала она. Потом с жаром проговорила: — Той ночью я мечтала о том, чтобы мы были людьми.

— Как? Вечно вниз?

— Вечно связанные узами любви!

— Кх-Хьянг! Я питаю глубокое уважение к Аринниану, но иногда я сомневаюсь: не слишком ли много времени он проводит с тобой с самого детства. Если бы Литран не взял тебя с собой, когда у него было дело в Грее... — Увидев, как поднялся ее хохолок, Водан не договорил фразу и закончил уже другим тоном: — Да, он твой преданный друг. Это делает его и моим другом. Я лишь хочу предупредить тебя... не пытайся быть человеком.

— Нет, нет! — Айат почувствовала, что теряет высоту. Помогая себе, она взмахнула крыльями и рванулась к сверкающему за деревьями пику, так что свежий ветер заиграл и загудел вокруг нее.

Она мчалась вперед, чувствуя, как напрягается и наливается силой каждый ее мускул, наполняя тело невыразимой радостью, а небеса раскрывают ей свои объятия.

Она радостно рассмеялась.

Водан нагнал ее.

— Разве я смогла бы отказаться от этого? — весело воскликнула она. — Или ты?

Экрэм Саракотлу, имперский губернатор сектора Пакис, уже некоторое время намекал на то, что хотел бы встретиться с дочерью адмирала флота Хуана де Иесуса Кайал и Поломарес.

Она прибыла из Нью-Мексико для того, чтобы стать официальной хозяйкой и домоправительницей своего овдовевшего отца после того как он уехал из штаб-квартиры на Эсперансу и снял дом во Флервиле.

Назначенная дата была отклонена.

Дело было не в том, что адмирал не любил губернатора — они хорошо ладили между собой — или не одобрял его намерений, несмотря на его чрезвычайную гордость и пристрастие к женскому полу. Сама Луиза принадлежала к числу тех людей, которые в случае крайней необходимости пустят в ход все, чтобы защитить свою

гордость и честь. Дело было просто в том, что оба мужчины были совершенно завалены работой.

Наконец их помощники оказались настолько хорошо подготовленными, что могли, казалось, справиться с делами сами, вот тогда Кайал и пригласил Саракоглу к обеду.

Однако в последнюю минуту возникло еще одно препятствие. Адмирал позвонил домой, сказав, что вынужден задержаться в офисе на пару часов.

Губернатор уже находился в пути.

— Ваше общество давно не может идти ни в какое сравнение даже с самым чудесным обедом, — вкрадчиво проговорил Саракоглу, целуя Луизе руку. — Уверю вас, что это не имеет никакого значения.

Миниатюрная, она обладала прелестной фигурой и хорошеньким смуглым личиком. А вскоре он узнал, что, несмотря на всю свою гордость, она умела слушать мужчину и — качество еще более редкое — задавать ему поощряющие вопросы.

К этому времени они бродили по саду.

Такие кусты роз и вишневые деревья вполне могли бы расти на Земле: Эсперанса была настоящим кладом среди других планет-колоний.

Солнце Пано все еще стояло над горизонтом, находясь в периоде середины лета, лучи его падали через старую кирпичную стену. Воздух был теплым, пронизанным птичьим пением, сладким от наполняющих сад ароматов.

Высоко в воздухе проплыли одна-две машины. Но Флервиль был достаточно мал, чтобы шум его транспорта не докучал в таком удаленном от центра месте.

Саракоглу и Луиза неторопливо шли по выложенной гравием дорожке и беседовали. За ними следили, вернее, их тайно рассматривали пожилые дамы-губернантки. Однако на некотором расстоянии за ними следовали не дуэны, а полностью вооруженный горпурианский наемник, от которого не могли бы укрыться даже самые незначительные проявления флирта.

«Беда в том, — думал губернатор, — что она начинает брать курс на искренность».

Сначала это было приятно. Она побуждала говорить о себе... «Да, именно так, я являюсь графом Анатолии. Честно говоря, даже на Земле малое пэрство... Бюрократическая карьера... Может быть, я смог бы стать художником: я баловался кистью и красками... Возможно, вы пожелали бы посмотреть... Увы, вы не знаете, как получается в таких делах. От Имперской знати ждут, что она будет служить Империи. Родиться бы мне в эпоху декадентства! А? К несчастью, Империя живет настоящим...»

Внутренне он смеялся над им же устроенным представлением. Он, чей возраст равен пятидесяти трем стандартным годам, коренастый, начинающий полнеть, абсолютно лысый, с маленькими глазками, посаженными близко к гигантскому носу, он, в чьем дворце

живут две высокооплачиваемые любовницы, играет роль мальчика, играет роль «светского человека»: когда-то это его забавляло, как забавляет изысканная одежда или драгоценности. То была возможность отдохнуть от реалий будней, так и не позволивших ему улучшить свою внешность с помощью биоскальпа.

Но тут она спросила:

— Мы действительно собираемся напасть на итриан?

— А? — Стрдание в ее голосе заставило его резко повернуть голову и посмотреть на нее. — Видите ли, торговля приостановлена, но...

— Кто ее приостановил? — Сама она, не отрываясь, смотрела куда-то вперед. Голос ее слегка повысился, а легкий испанский акцент стал более заметен.

— А кто начал большую часть неприятных инцидентов? — оборонялся он. — Итриане. Поймите, речь идет не о том, что они чудовища, но по натуре они первобытны. У них нет сильной власти, нет настоящего правительства, которое могло бы сдерживать импульсы отдельных группировок. Это и явилось главным препятствием на пути достижения взаимопонимания.

— А сильны ли были усилия достичь его... с вашей стороны? — требовательно спросила она, по-прежнему не глядя на него. — Долго ли вы пытались их достичь? Мой отец ничего мне не говорит, но все и так ясно, стало ясным с тех пор, как мы сюда переехали: разве часто штаб-квартиры флота и гражданских служб сосредотачиваются на одной и той же планете? Ясно, что что-то готовится.

— Донна, — серьезно сказал Саракоглу, — когда флот космических кораблей может превратить весь мир в одну большую могилу, следует готовиться к худшему и принимать все возможные меры предосторожности. — Он помолчал. — Кроме того, обнаружено, что было бы неразумным оставаться в том состоянии взаимного игнорирования, в каком находятся Империя и Доминион. Вынужден сказать вам, что вы, такая юная, не представляете себе, что такое две совершенно изолированные системы... Мне очень жаль, но я вижу, что вы одержимы мыслью, будто Империя провоцирует войну с целью поглотить весь Итрианский доминион. Это неправда!

— А в чем же правда? — с горечью подхватила она.

— В том, что имели место кровавые инциденты, возникшие в результате споров о территории в различных областях.

— Да. Наши торговцы теряют прибыли.

— Это лишь деталь! Коммерческие споры — явление неизбежное. Гораздо серьезнее обстоит дело со спорами политическими и военными. Например, кто из нас проглотит Анторанито-Кроакоакский комплекс вокруг Бета Центавра. Обе системы к этому склонны, а ресурсы его очень бы укрепили Землю. Итриане уже получили большое подкрепление, подчинив себе Датину, и мы не хотим заполучить еще одну потенциально враждебную расу. Более того, ратифицировав эту неприятную границу, мы можем вооружаться против возможного нападения на мерсейском фланге. — Саракоглу

поднял руку, предупреждая возможный протест. — Конечно, донна, Рондхунати далек и не слишком велик. Но он растет, и вооружение его тоже растет, да и идеология его неразрывно связана с агрессивными намерениями. Обязанность Империи — заботиться о своих прапраправнучках.

— Почему мы не можем просто подписать договор, дать каждому возможность поделить все честно и благоразумно? — спросила Луиза.

Саракоглу вздохнул:

— Население планеты стало бы возражать против того, что с ним обращаются как с движимым имуществом. Ни одно правительство, предпринявшее подобную попытку, не выжило бы долго. — Он махнул рукой. — Но что более важно, так это то, что вселенная хранит в себе слишком много неведомого. Мы путешествовали сотни — в ранние времена, — а затем тысячи световых лет к особо интересным звездам. Но сколько мириад из них остаются вне поля нашего зрения? Что может случиться, когда мы обратимся к ним? Ни одно разумное правительство, человеческое ли, итрианское ли, не станет слепо протягивать руку неведомому. Нет, донна, эту проблему невозможно решить чистенько и аккуратно. Мы лишь должны как можно лучше справиться со своим незнанием. Что вовсе не означает полное подчинение Итри. Я первым выступаю за то, чтобы Итри получила право на существование, шла собственным путем, даже сохранила свои внепланетные владения. Но граница эта должна быть стабилизирована.

— Мы... устанавливали межпланетные связи... с другими... и никаких осложнений не возникало.

— Конечно. Для чего, например, нам сражаться с братьями по водороду? Они настолько экзотичны, что мы едва можем с ними общаться. Как гласит старая поговорка, две ловких, сильных расы всегда хотят заполучить одно и то же.

— Но мы можем с ними жить! Люди это делают. Делают поколениями!

— Вы имеете в виду Авалон?

Она кивнула.

Саракоглу усмотрел в этом шанс вернуть разговор в более спокойное русло.

— Да, здесь, конечно, есть интересные случаи, — улыбнулся он. — Как много вы об этом знаете?

— Очень мало, — неохотно призналась она. — Кое-что слышала здесь, кое-что — там, с тех пор, как приехала на Эсперансу. Галактика так огромна, и та ее крохотная частица, которую мы изучили...

— Вы могли бы получить возможность увидеть Авалон, — сказал он. — Он не так далеко, в десяти-двадцати световых годах. Я бы сам не отказался от этого. Общество там совершенно необычное, если не сказать уникальное!

— Неужели вы не понимаете? Если люди и итриане могут поделить одну и ту же планету...

— Это совсем другое дело. Позвольте мне снабдить вас кое-какими данными. Я тоже никогда там не бывал, но изучил много материалов.

Саракоглу глубоко вздохнул.

— Авалон был открыт пятьсот лет назад одним из кораблей Великого Обзора, прилетевшего на Итри, — проговорил он. — Он был отмечен как потенциальная колония. Но он находился так далеко от Земли, что тогда им никто не интересовался. Само это название долго не упоминалось. Итри находился на сорок световых лет дальше, это так, но казался более привлекательным: богатая планета, населенная народом, с энтузиазмом шедшим навстречу новой эре и склонным к торговым связям.

Примерно три с половиной столетия тому назад человеческое общество сделало итрианам предложение. Лесотехнической лиге предстояло еще продержаться до краха не менее пятидесяти лет, но тот, у кого неплохо работали мозги, уже предвидел надвигающийся период раздора. Эти люди, под предводительством старого опытного исследователя, желали защитить будущее своих семей, перебравшись на Авалон, под протекцию Итри, которая не должна была распасться, как цивилизация техники. Итриане согласились и, естественно, некоторые люди присоединились к населению.

Потом пришли беспорядки, коснувшиеся и Итри. Результаты были неизбежны и везде одинаковы: Земля добила мир, став Империей, Итри стал Доминионом. В то же время, держась вместе и вместе перенося ужас хаоса, авалонцы слились в одно целое. Именно это и требуется сегодня.

Они остановились у решетки, обвитой виноградными лозами.

Саракоглу сорвал кисть винограда и предложил Луизе. Она покачала головой. Он съел виноград сам.

Виноград был сладким и приятным на вкус, но немного странным: в конце концов, почва Эсперанса не была идентична почве Земли.

Солнце теперь скрылось, тени наполнили сад, ярким цветом расцвела на небе вечерняя звезда.

— Я понимаю, ваши планы «рекрификации» состоят в том, чтобы включить Авалон в состав Империи, — сказала Луиза.

— Да. Принимая во внимание его положение. — Саракоглу пожал плечами. — Кроме того, люди на нем образуют значительное большинство. Я готов предположить, что они, скорее, были бы рады присоединиться к нам, а Итри не возражала бы избавиться от них!

— Должны ли мы сражаться?

Саракоглу улыбнулся.

— Мир установить никогда не поздно, — сказал он.

Он взял ее за руку:

— Не пойти ли нам в дом? Думаю, ваш отец должен скоро вернуться. Мы можем приготовить для него шерри.

Он не стал портить ситуацию, которую можно было еще спасти, и говорить ей, что уже прошли неделя с тех пор, как корабль-курьер привез то, что он ждал: имперский указ, объявляющий войну Итри,

ко всенародному объявлению которой и готовились губернатор и адмирал.

ГЛАВА 4

Компания против Итри требовала огромного флота, собранного из всех частей Империи. Открытых сообщений об этом не было, но отдельные слухи просочились. Однако объединения на границах увеличивались в открытую, по мере усиления кризиса, а маневры были почти непрерывны.

Двигаясь вокруг Пано по орбите в десять астрономических единиц, крейсера класса «Планета», «Тор» и «Аиза», несли черные снаряды и торпедировали силовые экраны друг друга, пронизывая последние лазерными лучами и стараясь удержать направление удара до тех пор, пока бласт не разест броню, производили магнитные вспышки, чье свечение порождало смертельную радиацию, маневрировали в гравитационном поле, ныряли в гипердрайвную фазу и обратно, оттачивали каждый возможный маневр, приведенный в учебниках, и даже такие варианты, которые, как надеялось верховное командование, ни в одном учебнике еще описаны не были.

Лодки «Комета» и «Метеор», для которых крейсера были матками, тоже были очень заняты.

Чтобы увеличить заинтересованность, был назначен приз. То судно, которое компьютер сочтет победителем, должно было вместе со своими лодками отправиться на Эсперансу, где команда получила бы неделю отдыха.

Победил крейсер «Аиза».

Он послал ликующий вызов. В полумиллионе километров от него на «Метсоре», который его капитан окрестил «Звездой-охотницей», ожил механизм.

— Наконец-то воскрес! — воскликнул лейтенант Филипп Рошфор. — И при этом со славой!

— С незаслуженной, — усмехнулся артиллерийский офицер Ва Чау оф Синтия.

Его маленькое, покрытое белыми перьями тело склонилось над столом, который он убирал после еды. Кустистый хвост покачивался над голубой мордочкой.

— Что ты хочешь этим сказать? Незаслуженной? — проворчал инженер-компьютерщик КПО Абдуллах Хелу, сухощавый средних лет офицер с Хау Бразил. — В наши обязанности входит строить из себя мертвых в течение трех дней. — Теоретически лодка была уничтожена и находилась в состоянии свободного парения, ибо настоящие обломки очень осложнили бы жизнь технического персонала детектора.

— Особенно когда расклад в покер удачен? — поддел его Ва Чау.

— Больше я с вами играть не буду, сэр, — сказал Хелу. — Не обижайтесь, просто у вас слишком велик талант к насмешкам!

— Дело лишь в дате, — ответил Рошфор. — Обстоятельства есть обстоятельства! Ведь наша лодка действовала хорошо. Как и вы в покере. Так что в следующий раз и вам, и ей может повезти больше!

То была его первая лодка, его первая команда — он недавно был выдвинут на повышение за удачную операцию, и ему страшно хотелось, чтобы действия лодки произвели хорошее впечатление. И каким бы при данных обстоятельствах не было неизбежным поражение, это все равно причиняло боль.

Но они находились в лагере победивших и на счету у них было два корабля плюс отвлекающий маневр, что могло быть оценено как преимущество.

Теперь им предстояло присоединиться к «Айзе», а значит — отправиться на Эсперансу, где они знали много хорошеньких девушек, чтобы хорошо отдохнуть в заслуженный отпуск.

Маленькая каюта дрожала и гудела от шума работающих моторов. Воздух, проходивший сквозь вентиляторы, пах маслом и применяющимися для очистки воздуха химикатами.

«Метеор» был сконструирован для боевых действий как в условиях обычного пространства, так и в гипердрайве.

Космос стелился за иллюминатором во всем своем величии, пронизанный россыпью звезд, ярких, как бриллианты, собранных в прозрачной черноте то в серебристое течение Млечного пути, то в тусклые таинственные скопления сестер Галактик.

Рошфору хотелось сидеть, смотреть, дать своей душе возможность проникнуть в божественный храм Вселенной.

И он мог бы это сделать, лодка была полностью автоматизирована. Но лучше показать другим свою старательность и заинтересованность.

Он включил экран служебной связи, по которой только что началась лекция.

Человек-ксенолог появился на экране и заговорил:

— Обладающие теплой кровью, оперением, ходячие и летающие, итриане не являются птицами. Они приносят потомство живым после четырех с половиной месяцев беременности. У них нет клюва, но есть губы и зубы. Они не являются млекопитающими. Они не имеют волос и не вырабатывают молока. Губы их развиты таким образом, чтобы кормить младенцев путем извержения. И хотя у них есть устройство, напоминающее жабры, оно рассчитано не на воду, а на...

— Ох, нет! — воскликнул Хелу. — Сэр, разве у нас не будет времени позже, чтобы заняться этим? Один дьявол знает, сколько недель нам предстоит лежать на орбите, абсолютно ничего не делая.

— Война может начаться каждую минуту, — сказал Рошфор.

— А есть ли те, кто интересуется во время военных действий внешним видом или интимной жизнью своего противника? — пробормотал Синтия.

Рошфор выключил экран и огрызнулся:

— Если хотите, могу подключить к этому звук жесткого луча.

Но знание врага может стать именно тем, что спасет нас, когда начнутся военные действия. Я предлагаю вам посмотреть.

— Мне, я думаю, не мешает проверить осциллятор номер три, пока мы летим не с такой уж большой скоростью.

Лейтенант улыбнулся. Он воздержался от того, чтобы сказать Синтию: «Ты хороший парнишка! Интересно, неужели ты действительно сбежал во флот из-за ваших вечно раздраженных женщин?»

Далее он подумал так: «Система воспроизведения — половые характеристики, появление потомства — похоже, составляет значительную часть основы разумных существ. Вероятно, верным было циничное замечание насчет того, что организм — это просто молекула ДНК. Или любые химические элементы, которые наследственность может принести в этот мир... Но нет! Церковь не поверила бы в это. Биологическая наследственность располагает, а не руководит».

— Давай-ка посмотрим, как итриане работают, — сказал он вслух, потянувшись к выключателю.

— А разве вы еще не знаете, сэр? — спросил Ва Чау.

— Не совсем. Клочок пространства, который мы вроде бы исследуем, так и кишит различными расами. И кроме того, я был слишком занят, привыкая к своим новым обязанностям. — Рошфор хихикнул. — И готов признаться, я еще предвкушал и возможный отпуск!

Он включил экран.

Появился итрианин, идущий на ногах, которые росли из его крыльев.

Походка была довольно медленной и подпрыгивающей и явно не годилась для больших расстояний. Существо остановилось, протянуло руки к земле и утвердилось на четвереньках. Потом оно расправило крылья — и внезапно стало прекрасным!

Внизу и сбоку на его теле появились продольные щели. Когда крылья поднялись, защищающая их перистая завеса огошила назад, щели увеличились и походили теперь на пурпурные рты. Теперь существо занимало весь экран.

Тонкая ткань видна была так явственно, что стала заметной каждая морщинка. Когда крылья опустились, щели снова закрылись.

Голос лектора сказал: «Именно это и помогает летать такому тяжелому телу при притяжении и давлении газовой оболочки, близким к земным. Итриане более чем в два раза превышают размерами самое большое из земных летающих существ. Антибраторы, накачиваемые движениями крыльев, принимают под давлением кислород и направляют его прямо в кровь. Таким образом они выполняют функцию, более или менее подобную той, какую выполняют легкие земных животных. Итриане обладают необходимой для подъема силой, и летают быстро и красиво».

Изображение вновь отошло в глубину экрана.

Существо сильно взмахнуло крыльями и полетело быстро, как стрела.

— Конечно, — сказал сухой голос, — эта энергия может получаться в результате значительного ускорения метаболизма. За исключением того времени, когда они находятся в состоянии полета, итриане очень прожорливы. Они плотоядные, хотя в их рацион входит немалое количество сладких фруктов. Их аппетиты, без сомнения, увеличивают обычную тенденцию плотоядных жить маленькими, отделенными друг от друга группами, каждая из которых занимает большую территорию и чей инстинкт побуждает их защищать эти территории от вторжений.

Собственно, чтобы лучше понять итриан, нужно соединить все наши возможные знания с догадками об эволюции их расы.

— Больше догадок, чем знаний, — заметил Рошфор. Однако он не мог не признаться себе, что зрелище зачаровало его.

— Мы верим в то, что гомотермическая, грубо говоря, теплкровная жизнь на Итри не произошла от рептилий или рептилоидной расы, а, видимо, от амфибий, связанных, быть может, с обладающими легкими рыбами. Во всяком случае, она обладает родом жабр. Те экземпляры, которые сформировались на Земле, неизбежно теряют эту черту. Более примитивные животные ее сохраняют. Среди них были те маленькие, возможно, обитающие в болотах существа, что стали предками софонта. Поднявшись к вершинам деревьев, они могли развить перепонки и скользить на них от сука к суку. В конце концов перепонки преобразовались в крылья. Тем временем жабры трансформировались в аэрональное устройство, в суперзарядитель.

— Обычная история, — прокомментировал Ва Чау. — Неудачи на одной стадии превращаются в успехи на другой.

— Конечно, итриане могут подниматься высоко и даже парить, — сказал голос, — но этого они достигают благодаря огромной маховой площади крыльев, а ими они оперируют благодаря антибраторам.

К общим чертам относится и легкая костная система. Хотя и более сложная, она состоит из удивительно выносливого материала, чей органический компонент состоит из коллагена, из субстанции, выполняющей функции костного мозга земных млекопитающих. Животное, однако, не увеличило свой вес за счет традиционного клюва. Многие итрианские орнитоиды имеют, например, ухотов, похожих внешне на коршунов, но выполняющих функции собак. Но прасофонты напоминали обитателей джунглей.

Тот факт, что молодой рождался крошечным и беспомощным, — ибо женские особи не могут летать на большие расстояния в состоянии беременности — и явился, по-видимому, причиной образования на крыльях отростков. Детеныш мог по очереди прикрепляться к одному из родителей, когда они летели за едой. До того как научиться летать, он мог пользоваться этими отростками, чтобы вскарабкаться на дерево, спасаясь от врагов. Со временем отростки

развились в конечности, и итриане получили возможность свободно ими оперировать.

Короткий период беременности не означает, что итриане рождаются с плохо развитой нервной системой. Быстрый метаболизм полета ускоряет процесс деления клетки. Этот процесс концентрируется скорее на шлифовке отдельных частей тела, нежели на увеличении их размера.

Тем не менее младенец-итрианин требует большей заботы и большего количества еды, чем земной. Родители должны кооперироваться, искать корни полового равенства или почти равенства всех итрианских культур.

Подобным образом невозможно было бы сохранить при примитивных условиях быстрое воспроизведение потомства. Может быть, в этом причина того, что женская особь способна к овуляции через год — итрианский год равен примерно половине земного, — а не через два года после того, как родит. Половые инстинкты не играют особой роли в иные периоды, кроме этого. Тогда же они становятся бесконтрольно сильными как у женской, так и у мужской особи. После того как интеллект развился до определенной степени, стали играть немаловажную роль территориальные моменты. Родители желают в подобный период оградить своих высокородных дочерей от ищущих случая мужских особей. В дальнейшем муж и жена не желают тратить сильное, но редкое возбуждение на чужих.

Сексуальный цикл не является полностью неподвижным. Как правило, он заканчивается скорбью. Несомненно, это является находкой самой природы, желающей возместить потерю. Она как бы приносит в психику итриан черты Эроса и Токаты одновременно, и это составляет особенность именно этой расы, хотя и не очень понятную человеку. Иногда женская особь может овулировать по собственной воле, хотя подобное явление считается аморальным: в старые времена она была бы убита, теперь же ее, как правило, избегают из страха перед властью. Главным злодеем итрианской истории является существо мужского пола, которое могло по желанию достигать нужного состояния. Конечно, факт, что итриане с успехом приспособились в своем воспроизведении, как и во всем другом, к разнообразию условий колонизированных планет.

— Думаю, что мне больше нравится быть человеком, — сказал Роншфор.

— Не знаю, сэр, — ответил Ва Чау. — На первый взгляд, связь между лами выглядит более простой, чем у вашей расы или у моей: вы или в настроении, или не в настроении, и это все. Но я бы не удивился, если бы они оказались более тонкими и сложными, нежели мы с нашими эмоциями и моральными нормами, даже более взаимосвязанными со своей психологией.

— Но вернемся к эволюции, — говорил лектор. — В главных своих чертах она напоминает ту, что была пережита земной Африкой. Орнитоиды были вынуждены выйти из лесов в саванну. Здесь они эволюционировали от едоков-хищников к крупным охотникам, вроде

аналога предка человека. То, что раньше выполняло функцию ног, стало руками и принялось делать инструменты для работы. Для поддержки тела и передвижения по земле локтевые когти стали выполнять функцию ног, ступней, а крылья превратились в подобие самих ног.

И все же разумный итрианин оставался хищным существом, причем не слишком хорошо чувствовавшим себя на земле. Примитивные охотники, нападавшие сверху с копьями, стрелами и топорами. Оружия вполне хватало, чтобы справиться с самыми крупными животными. Не было нужды кооперироваться между собой для охоты на очень крупных животных. Общество оставалось разделенным на семьи или кланы, которые редко воевали между собой, да и вообще общались.

Революция, закончившая Каменный век, не имела на первом плане сельское хозяйство, как это было и в случае с человеком. Она выросла из целенаправленного выращивания и разведения крупных наземных животных, таких как маунхи, и более мелких, как длинноволосяе майавы. Это стимулировало развитие некоторых изобретений: рельс, колесо и тому подобное; жизнь вынуждала итриан прочнее укрепиться на Земле. Сельское хозяйство в основном получило направленность как средство добычи корма для скота. Излишек еды оставлялся для путешествий по делам торговли, для обмена и расширения культурных связей.

В дальнейшем комплекс социальных отношений усложнялся.

Их нельзя было назвать цивилизацией в полном смысле этого слова, потому что итриане никогда не знали настоящих городов. Благодаря своим крыльям они обладали подвижностью, которая позволила им возможность общения и работы без жителя друг около друга. Конечно, кое-какие центры неизбежно возникали: горнодобывающие, металлургические и прочие промышленные, торговые и религиозные, предназначенные для защиты в том случае, если одна группа была побеждена другой в воздушной битве. Но они всегда были маленькими, а население их непостоянным. Если не считать управляющих и гарнизона, постоянное их население составляли лишь рабы со связанными крыльями; сегодня их место заняли самоуправляющиеся машины. Перевязывание крыльев являло собой метод легкого контроля над существом. Однако, поскольку перья вырастали быстро, в обычае было давать клятву в том, что после некоторого периода службы раб получит свободу, и это способствовало миролюбивому настрою пленников. Таким образом рабство вошло в индустриальный период итрианского общества, и даже не полностью исчезло и по сей день.

«Что ж, мы возрождаем его и в Империи, — подумал Рошфор. — Согласно некоторым ограничениям закона, как наказание или как средство извлечь пользу из преступников. Как бы там ни было, мы пытаемся вернуть к жизни то, что итриане обрекают на вымирание. Насколько же мы сильнее в области морали, чем они? Насколько у

нас больше прав? — Он выпрямился в своем кресле. — Человечество — это моя раса!»

Гибкая, как ива, блондинка, чья одежда носила отпечаток эсперанской старомодной склонности к простоте, Ева Дэвиссон являла собой приятный контраст с Филиппом Рошфором, о чем им обоим было хорошо известно.

Он был высоким, довольно стройным молодым человеком с атлетически развитой мускулатурой. Черты его лица были правильными и крупными. Блестящие черные волосы хорошо гармонировали с темно-коричневой кожей лица. И он максимально модернизировал свою одежду: лихо заломленная шапочка с эмблемой Империи, отороченная золотой каймой, голубой китель, алый плащ и кушак, снежно-белые брюки, заправленные в невысокие сапожки из кожи земного быка.

Они сидели в ресторане Флервиля, возле окна, из которого открывался вид на сады и звезды.

Сонорист наигрывал что-то старинное и сентиментальное. В воздухе плыли изысканные, слегка опьяняющие ароматы. Ева с Филиппом забавлялись набором закусок и уделяли весьма серьезное внимание шампанскому. Но, однако, Ева не улыбалась.

— Этот мир населен людьми, которые верят в мир, — сказала она. — Тон ее был скорее мрачным, чем обвиняющим. — Поколениями они не содержали вооруженных сил, а полагались на добрую волю тех, кому помогли.

— Однако эта добрая воля не спасла от беспорядков, — сказал Рошфор.

— Я знаю. Я знаю! Я не стану присоединяться к тем из моих друзей, которые, узнав, что я общалась с имперским офицером, не преминут кое-что сказать.

— Если на вас нападут, это ранит сильнее. Авалон недалеко, и там большие силы.

Ее пальцы замерли на ножке бокала.

— Нападение с Авалона? Но я встречалась с этими людьми, с представителями обеих рас. Они прилетали сюда по торговым делам, на экскурсии... Я и сама не так давно летала туда. Все было так мило, что мне не хотелось возвращаться назад!

— Не думаю, чтобы манеры итриан не отразились на поведении их коллег-людей. — Рошфор постарался заставить свой голос звучать как можно более непринужденно.

Он надеялся, что это прогонит ее раздражение, вечер не должен превращаться в демонстрацию политических убеждений.

— Так же, как последние не сгладили своим примером наиболее неприятные черты итриан.

Она долго изучала его в мягком свете, прежде чем сказать:

— У меня такое впечатление, что смешанная колония не вызывает у вас одобрения.

— Ну, в некотором смысле, да. — Он готов был во всем соглашаться с ней, лишь бы это увеличило его шансы на последующий у нее успех. Однако подобный прием не казался ему честным. Он вообще не любил к нему прибегать, а в данном случае — особенно, потому что эта девушка интересовала его как личность.

— Я верю в то, что нужно быть тем, кто ты есть, и поступать соответственно.

— Вы говорите почти как человек, ощущающий свое превосходство, — сказала она, и голос ее звучал довольно холодно.

— Если ограничиться сознанием того, что человек принадлежит к ведущей расе технической цивилизации, то да, я полагаю, здесь меня можно назвать «ощущающим свое превосходство», — согласился он. — Это вовсе не означает, что мы обладаем полным правом притеснять других. Например, люди моего сорта являются лучшими друзьями ксенософонов. Мы просто не хотим их имитировать.

— Вы верите в то, что Земная Империя является силой, ведущей к добру?

— В общем, да! Она содержит в себе дьявольское! Но этого не может избежать ничто смертное! Наш долг — исправлять неверное... а также распознавать ценность того, что Империя держит в скрытом состоянии.

— Может быть, вы оставили на долю дьявольского слишком мало.

— Потому что я сам с Земли? — хмыкнул Рошфор. — Дорогая моя, вы достаточно умны для того, чтобы не считать, будто материнская система населена сугубо аристократами. Мой отец является мелким служащим Социологодинамической службы. Его карьера заставляла нас много путешествовать. Я родился в Селенополисе, который является космопортом и цианофакторным центром. Я провел несколько ярких лет на Венере, планете преступлений и власти, чье преобразование не было завершено удовлетворительным образом. Я вступил в ряды флота — не из шовинизма, а лишь ради мальчишеского желания посмотреть Вселенную — и не поступал в штурманскую школу еще два-три года. За это время я успел увидеть темные стороны многих миров. Конечно, в космосе еще полно места, чтобы можно было исправить впечатление. Так будем же исправлять его, а не рвать на части. И будем защищаться!

Он помолчал.

— Черт возьми, — честно признался он, — я надеялся отвлечь вас от серьезной темы, а сам ринулся ей навстречу.

Теперь рассмеялась девушка. Она подняла бокал.

— Давайте же поможем друг другу, — сказала она.

Так они и сделали.

Отдых Рошфора был в высшей степени приятным. И это было большой удачей, ибо когда две недели спустя он вернулся из отпуска, «Аиза» получила приказ выйти в открытый космос.

В нескольких световых годах от Пано она присоединилась к флоту, который использовал необъятные просторы космоса для того,

чтобы скрыть свои намерения. Сотни кораблей устремились по направлению к Доминиону Итри.

ГЛАВА 5

Конференция проводилась по фону. Как и большая их часть в эти дни. Такое положение дел противоречило древнему авалонскому этикету, но экономило время — а время становилось все большей и большей ценностью, думал Дэннел Холм.

Гнев проявлялся во всем. Два-три изображения на экранах перед ним, казалось, вот-вот вылезут за их рамки. Он не сомневался в том, что производил на обладателей этих изображений такое же впечатление.

Мэттью Викери, президент Парламента, сказал, нервно хрустя пальцами:

— У нас нет армии, посмею вам это напомнить, потому что мне кажется, что вы об этом забыли. Мы, по-настоящему гражданское правительство, одобрили наши меры защиты, принимавшиеся несколько лет, хотя вы знаете, что лично я всегда считал их крайними. Когда я думаю о процветании, которого мы могли бы достичь... И вы сможете построить в четвертом измерении такие базы, которые в будущем защитили бы нас против любого вторжения?

— Вы всегда склонны смотреть только в будущее, — сказал Ферун. — Та его часть, которая вскоре должна наступить, приятной не будет.

Холм скрестил ноги, откинулся на спинку кресла, выпустил клуб дыма в изображение Викери и фыркнул:

— Не нужно громких слов, вас и так переизберут, так что жаловаться не на что.

— Во всем виновато ваше крайнее легкомыслие, — объявил Викери. — Самым ошеломляющим был ваш последний приказ о выводе из Лауринской системы всех неитрианских кораблей. Вы понимаете, какую торговлю мы ведем... не только с Империей, хотя здесь особенно большая выгода, но и с неприсоединившимися цивилизациями, подобными Кроакоаку?

— Вы понимаете, как легко было бы для землян проникнуть, замаскировавшись, на орбиту Авалона? — Холм повысил голос. — Несколько тысяч мегатонн, сброшенных с такой высоты при отсутствии облачности заставили бы запалать костром половину Короны. Или же они могли проявить еще большую хитрость и приземлиться как мирные торговцы. Компьютеры сознания не слишком широко используются в наше время, когда проводится не так много исследований, но они могут быть построены, включая и побуждение к самоубийству. Подобный взрыв может быть произведен в пределах защитной системы города. Он бы вывел из строя генераторы, оставив город беспомощным. Радиоактивная пыль

отравила бы все в окрестностях. А вы, Викери, помогли отвоевать у нас половину блока, нужного нам для убежища!

— История, — сказал президент. — Что выиграет Земля от мгновенной автократии? Не то чтобы я полностью отрицал возможность войны, если мы не охладим пыл своих горячих голов. Но... В общем, возьмите эту смехотворную программу, к осуществлению которой вы всех подстрекаете. — Взгляд его обратился в сторону Феруна. — О, это дает целой куче молодежи прекрасный предлог болтаться без дела, мешать занятым людям, отдавая им категоричные приказы, ощущать свою важность и смотреть на общество как на источник доходов, но если говорить о флоте, который вы строите и всячески укрепляете, отрывая деньги от наших насущных нужд, то, если об этом флоте станет известно, земляне, возможно, никогда не захотят приблизиться к нам. Кто же тогда заменит их нам?

— Мы находимся неподалеку от их главного сектора, — напомнил ему Ферун. — Они могут ударить первыми, и удар этот будет ошеломляющим.

— Я слышал об этом столько раз, что просто не могу слушать больше. — Викери помолчал. — Спасибо вам большое, но я предпочитаю разрабатывать программу самостоятельно. Видите ли, — продолжал он более миролюбивым тоном, — я согласен с тем, что положение возникло критическое. Мы все с Авалона. Коли я чувствую уверенность в том, что ваши предложения неумны, то я говорю об этом людям и в Парламенте. Но в конце концов мы достигнем компромисса, как благоразумные существа.

Лицо Феруна сморщилось. Хорошо, что Викери не заметил этого выражения. Лъзу из Тарнов сидел с невозмутимым видом.

Холм проворчал:

— Продолжайте!

— Я должен обсудить оба ваших начинания и их последствия, — сказал Викери. — У нас не военная диктатура, и у Парламента нет никаких оснований объявлять осадное положение.

— Не было раньше, — сказал Холм. — В настоящем опасность видна, но я не думаю, что нужны крайние меры. Адмиралтейство ответственно за местную защиту и связь с вооруженными силами повсюду в Доминионе...

— Что не помешает вам остановить торговлю, увеличить армию или придумать что-нибудь еще, что помешает нормальной жизни Авалона. Мы с моими коллегами очень обеспокоены создавшимся положением и считаем, что нужно предпринять какие-то меры. Но сегодня необходимо напомнить вам о том, что вы слуги народа, а не хозяева. Если народ захочет отстранить вас от дел, он сделает это, выставив своих представителей.

— Круач уже собирался и предоставил Адмиралтейству самые широкие полномочия, — проговорил своим скрипучим голосом Лъзу из Тарнов. Он был стар, с проседью в оперении, но держался прямо и уверенно; и на экране за ним виднелся утес с ледником на вершине.

— Парламент...

— Там все еще идут дебаты, — прервал его Холм, желая покончить с делом. — У земной империи нет таких помех. Если вам нужна формулировка с точки зрения закона — что ж, считайте, что мы действуем по закону часа.

— У часов нет правительства, — сказал Викери, побагровев.

— Что такое правительство? — спросил Лъзу.

— Ну... законная власть...

— Да! Закон диктуется традициями, и это неоспоримый факт. Закон опирается на вооруженные силы, и это непреложный факт! Правительство является такой организацией, которая обязана воплощать в жизнь чаяния своего народа. Правильно ли я понял ваших философов и историков, президент Викери?

— Да... но...

— Вы, кажется, упустили из виду, что часы были не более единодушны, чем ваши человеческие фракции, — сказал Лъзу. — Поверьте мне, в них существовал, да и сейчас существует, раскол. Хотя большинство проголосовало за введение последних мер защиты, меньшинство протестовало против них: они считают — подобно вам, президент Викери, — что опасность преувеличена и не стоит нести такие большие затраты.

Лъзу молча сидел, а остальные слышали свист ветра и видели фигуры двух его внуков, летавших неподалеку. Один имел при себе обнаженную шпагу, передававшуюся от дома к дому как символ войны, другой — бластовое ружье.

Высокий Виван сказал:

— Часы отказываются вносить свою долю. Мы с моими сторонниками угрожали созвать Сэрвен против них. Если бы они не согласились, мы бы выполнили свою угрозу. Мы считаем, что серьезность положения требует этого.

Холм хмыкнул: «Раньше он мне ничего подобного не говорил!»

Ферун держался почти так же спокойно, как и Лъзу.

Викери тяжело дышал. Пот выступил на его лице. Он быстро вытер его.

«Мне почти жаль его, — подумал Холм. — Так внезапно столкнуться с такой жестокой реальностью».

Мэттью Викери следовало бы оставаться экономистом-аналитиком, а не заниматься политикой. (Тут Холм не мог не подумать о том, как удивительно изменился он сам.) Тогда он был бы безобидным и действительно приносил бы пользу: межпланетная экономика как ничто другое нуждается в знаниях и тех, кто может ей их дать.

Беда в том, что на планете, где плотность населения так мала, как на Авалоне, правительство никогда не играло такой особо важной роли, если не считать основных аспектов экологии и защиты. В последнее же время функции его несколько расширились, ибо человеческое общество изменилось под итрианским влиянием. Голоса охотно отдавались за тех лиц, которые выглядели наиболее управляемыми. Так, реакционно настроенные люди отдавали свои голоса за Викери, который с тревогой смотрел в сторону

итрианизации. (Не оправданная ли это тревога? Больше в эти неопределенные времена предложить ему было нечего!)

— Вы понимаете, что это должно остаться между нами? — сказал Лъзу. — Если начнутся разговоры, сомневающиеся часы сочтут свою гордость смертельно оскорбленной.

— Да, — прошептал Викери.

Опять установилось молчание.

Сигара Холма догорела и теперь жгла ему пальцы. Он притушил ее. Запахло паленым. Он закурил новую. «Я слишком много курю, — подумал он. — Может быть, и пью слишком много в последнее время. Но дело сделано, насколько это позволяют обстоятельства».

Викери облизал губы.

— Это дает начало... еще одной сложности? — спросил он. — Могу ли я говорить прямо? Я должен знать, является ли это намеком на то, что... вы сами можете прийти к заключению «о необходимости ответных действий»?

— У нас есть лучшее применение для нашей энергии, — сказал ему Лъзу. — Может быть, ваши усилия в Парламенте увенчаются успехом.

— Но... вы понимаете, что я не могу изменить своим принципам. Я должен иметь возможность говорить свободно.

— Это записано в соглашении, — сказал Ферун.

И хотя за этими словами последовала цитата, вставка ее не показалась многословной даже с точки зрения итрианских критериев.

— Люди, населяющие Авалон, имеют неограниченные правила свободы слова, печати, радиовещания, ограниченные только всеобъемлющим правом неприкосновенности личности и требованиями защиты от чужеземных врагов.

— Я хотел сказать... — Викери сглотнул. Годы политической деятельности не прошли для него даром. — Я хотел только сказать, что дружеская критика и предложения всегда имеют право на существование, — сказал он со всей любезностью, на которую был способен. — Как бы там ни было, мы не можем допустить даже возможность гражданской войны. Можем ли мы обсудить детали политики непартизанской кооперации?

За этими простыми словами можно было ощутить страх.

Холму показалось, что он почти способен читать мысли Викери, пытающегося постичь все значение сказанного Лъзу.

Как может суровая, могущественная, разбитая на кланы и рассеянная территориально раса регулировать свои общественные дела?

Как и на Земле, различные культуры Итри в различные периоды ее истории давали множество ответов на этот вопрос, но ни один из них не казался полностью удовлетворительным, особенно на длительный период.

Правители Планха были наиболее могущественными и прогрес-

сивными, когда прибыли первые исследователи. Некоторые, поддаваясь искушению, называют их «хеленистинами».

Легко приспособившись к современной технологии, они вскоре вовлекли других в свою систему, приспособлявая ее в то же время к изменяющимся условиям.

Это было нетрудно, потому что система не требовала строгого единства.

Внутри своего владения — состояло ли оно из ряда разбросанных земель или из единого участка земли или моря — чос был независимым. Принципы управления чосом подсказывались традицией, хотя и сама традиция медленно изменялась, как неизбежно меняется все живое. Племя анахронизм, деспотизм, свободная федерация, теократия, клан, увеличивающаяся семья, корпорация и еще множество понятий, для обозначения которых нет человеческих слов — все это включал в себя чос.

Вечное «нужно» определялось скорее обычным и общественным мнением, нежели предписанием и силой. В конце концов, семьи редко жили в тесном единстве. Таким образом, разногласия были минимальными. Обычной мерой наказания было изгнание из союза или, как исключение, рабство. Между ними лежало изгнание общее. За особый проступок, ценою в жизнь, совершивший его мог быть убит другим безнаказанно, и помощь первому расценивалась как столь же тяжкое преступление.

Другим возможным приговором было изгнание, автоматически оканчивающееся по истечении установленного срока. То было суровое наказание для итриан. С другой стороны, особо недовольные могли легко оставить дом (как удержать в небе?) и примкнуть к другому чосу, более отвечающему их вкусу.

Теперь, конечно, некоторые признанные группы должны были время от времени собираться вместе и принимать соответствующие решения. Подобным образом устраивались междучасовые диспуты, где сообща решались общеполитические и другие вопросы. Вот так в прошлом и возник Круач — периодическое собрание всех свободных взрослых.

Оно обладало рекомендательными, судебными и ограниченно законодательными правами, но не административными. Выигравшие судебные процессы удачливые покровители планов и указов могли полагаться на желание подчиниться им или на ту силу, которой им удавалось стать в глазах других.

По мере развития общества Планха, региональные сборища, подобные этим, начали выдвигать кандидатов на годовой Круач, покрывавший более обширные территории. Те, в свою очередь, посылали своих представителей в Высший Круач всей планеты, встречавшийся каждые шесть лет плюс в дополнительные и непредвиденные случаи. На каждом уровне избирался президиум. На него были возложены обязанности вносить ясность в спорные моменты (разъяснение законов, обычаев, прецедентов, решений), а также разбор всевозможных тяжб.

Эту организацию нельзя было назвать советом, потому что любой свободный взрослый мог участвовать в работе Круача на том уровне, на котором желал.

Подобное устройство не могло бы иметь место на Земле: подобие его версии появилось однажды и там, давным-давно, но закончилось кровавым поражением.

Но итриане менее болтливы, менее заняты своим делом, менее склонны к упрямству, менее перегружены опытом прошлого, чем человек. Современные средства коммуникации, компьютеры, информационные приборы, обучающие машины помогли системе распространиться вширь, по всему Доминиону.

Прежде чем она достигла подобного состояния, ей пришлось столкнуться лицом к лицу с проблемой администрации.

Необходимые общественные работы должны были иметь надлежащую материальную основу. Теоретически, чосы должны были делать добровольные вклады, на практике же оказалось, что поддержка должна быть постоянной. Поведение, причиняющее крупный вред физическому или социальному окружению, должно было быть запрещено вне зависимости от того, каким бы правильным оно не считалось в отдельных чосах или рассматривалось ими как специфическая наследственность.

И все же не существовало машины для принуждения, и итриане не мыслили о том, что нужно ее создать.

Вместо этого в тех случаях, когда несогласие принимало угрожающие размеры, виваны (члены президиума) соответствующего Круача вызывали обвиняемых на Сэрвен. Последний, проводимый после долгих размышлений и серьезнейшей церемонии, требовал присутствия каждого из проживающих на данной территории: ради их собственных интересов и особенно ради их чести, обвиняемые должны были предстать перед подобием суда.

В прежние времена Сэрвен на целый чос означал его конец — обращение в рабство тех, кто не был убит, с разделением их между победителями. Позднее он стал заканчиваться арестом и изгнанием тех, которые признавались лидерами. Но всегда он проводился под знаком высшей гордости. Если вызов на Сэрвен отклонялся, как это случалось, когда обвинение не было достаточно подтверждено фактами, чтобы можно было признать его правомочным, то требовавшие его виваны вынуждены были кончать жизнь самоубийством.

С учетом характера итриан, Сэрвен играл у них такую роль, какую играет полиция у людей. Если ваше общество не потеряло моральные качества, то насколько часто вы можете вызывать полицию?

Никто, из знавших Льзу из Тарнов, не представлял себе, чтобы он сказал неправду насчет угрозы разорвать Авалон на части.

Там, где могучий Саггитариус впадал в залив, Центаур, второй город Авалона — единственный, кроме Грея, имевший определенное название — пестрел зданиями речного, морского и космического портов, промышленного и торгового центров.

Центаур был, в основном, городом людей и походил на многие имперские города, полный толкотни, суматохи, шума, веселья, а иногда и опасностей.

Находясь в нем, Аринниан большую часть времени был вынужден быть Кристофером Холмом и вести себя так, как подсказывало ему его имя.

А теперь этого требовали и его новые обязанности.

Он не удивился назначению его верховным офицером охраны Западной Короны после организации этого рода войск; в их обществе семейные традиции были нормой.

Но что его удивляло, так это то, что он как будто справлялся со своими обязанностями довольно успешно и даже получал некоторое удовольствие, исполняя их. Он, кто всегда насмехался над «пастухами»!

Через несколько недель в его районе действовала хорошо организованная армия, постоянно проводились учения, были улажены вопросы снабжения и коммуникаций. (Конечно, большим подспорьем служило то, что большая часть авалонцев являлась завзятыми охотниками, даже если речь шла о больших группах. И то, что беспорядки оставили в память о себе военные традиции, которые нетрудно было возродить, и то, что советы старого Дэннеля всегда были к его услугам.)

Организации подобного рода возникали повсюду. Им нужно было координировать свои действия с мерами, предпринимаемыми братством Симен. Была созвана Конференция. Она работала с полной отдачей и разрешила все вопросы, поступившие на ее рассмотрение.

По окончании заседаний Аринниан сказал:

— Хилл, ты не хотела бы это отпраздновать? Может случиться так, что нам больше не представится такая возможность. — Это был отнюдь не экспромт. Он думал об этом два последних дня.

Табита Фалкайн улыбнулась:

— Конечно, Крис! Все так делают!

Они пошли по Лайвелл-стрит. Ее рука покоилась в его. Субтропическая жара заставляла кожу покрываться потом.

— Я... а почему ты чаще всего называешь меня моим человеческим именем? — спросил он. — И говоришь со мной на английском?

— Мы люди, ты и я! У нас нет перьев, чтобы пользоваться планхом по всем правилам. Почему ты против?

Несколько мгновений он колебался.

«Это сугубо личный вопрос... Нет, я полагаю, она просто снова мыслит как человек».

Он остановился и повел свободной рукой.

— Посмотри на все это и перестань философствовать, — сказал он. И тут же испугался, что проявил невежливость.

Но высокая белокурая девушка повиновалась.

Эта часть улицы пролежала вдоль канала, вода в котором была покрыта масляными пятнами и засорена отбросами.

Повсюду, куда ни глянь, баржи, а сам канал казался зажатым между двумя рядами плотно притиснутых друг к другу зданий, чьи ободранные фасады тянули свои десять-двенадцать этажей к ночному небу. Звезды и белый полумесяц Морганы терялись в ярком искусственном свете, мигании реклам и надписей (Грог, Танцы, Еда, Лучшие земные ощущения, Дом развлечений, Спешите к Марии Джуанс, Азартные игры, Обнаженные девушки...). Наземные машины заполняли дорогу, толпа текла по тротуару — моряк, летчик, сплавщик, рыбак, охотник, фермер, пьяный, еле-еле стоящий на ногах, еще один пьяный, согнутый волосатый человек, стоящий на углу и выкрикивающий что-то невнятное — бесконечный людской поток, смеющийся, болтающий, перекрывающий своими голосами шум уличного движения, шарканье ног, тьяканье громкоговорителей.

Воздух вонючий, пропитанный дымом, маслом, запахом пота, плоти и дыхания, насыщенный испарениями окрестных болотистых земель, не кажущимися зловонными там, за городом, но кажущимися таковыми здесь.

Табита улыбнулась ему как-то по-новому:

— Я называю это забавой, Крис, — сказала она. — Для чего еще мы сюда пришли?

— Ты ведь не стала бы... — Он запнулся. — Я хочу сказать, человек, подобный тебе?

Он поймал себя на том, что неотрывно смотрит на нее. Они оба были одеты в блузы без рукавов, кильт и сандалии. Одежда липла к мокрым телам, но несмотря на влажную кожу и запах женского тела, который он не мог не ощутить, в ней ясно угадывалось существо моря и открытого неба.

— Конечно же, что плохого в том, чтобы быть иногда вульгарным? — сказала она, дружелюбно улыбаясь ему. — Ты слишком пуританин, Крис!

— Нет, нет, — запротестовал он, боясь теперь, как бы она не сочла его наивным. — Разборчивый — может быть. Но я часто бывал здесь и... э... получал удовольствие. Я пытался объяснить, что я горжусь тем, что принадлежу к чосу, и не могу гордиться тем, что члены моей расы могут жить в грязи. Неужели ты не понимаешь, что это и есть то самое, древнее, чего стремились избежать пионеры.

Табита произнесла одно слово. Он отшатнулся. Айат никогда бы не сказала такого!

Девушка усмехнулась.

— О, если ты предпочитаешь, пусть будет ерунда, — продолжала

она. — Я читала записи Фалкайна. Он и его последователи не хотели ничего, кроме комнаты, в которой им бы никто не мешал. — Она подтолкнула его вперед. — Как насчет обеда, которым мы собирались заняться?

Он молча повиновался.

Он почувствовал себя несколько лучше в полумраке респектабельного Фениксауза. И немаловажным оказалось то, отметил он про себя, что в комнате было прохладно, и ее одежда уже не обрисовывала с такой откровенностью формы ее тела, как на улице.

Обслуживание было хорошим.

Она заказала коктейль «котфлауэр». Он отказался.

— Давай же, — сказала она. — Вылез из своей скорлупы!

— Нет, спасибо, я не хочу! — Он легко нашел нужные слова. — Зачем притуплять свои чувства в счастливый момент?

— Мне кажется, что я уже слышала раньше эту фразу. Поговорка Врат Бури?

— Да. Хотя, думаю, в Высоком Небе тоже не пользуются наркотиками.

— Не пользуются. Подчиняются старинным правилам. Большая часть из нас придерживается старых правил, ты же знаешь. — Некоторое время Табита внимательно смотрела на него. — Твоя беда в том, Крис, что ты слишком стараешься! Расслабься! Старайся быть своим среди тебе подобных! Много ли есть людей, с которыми ты близок? Держу пари, единицы!

Он заставил себя сдержаться.

— Последнее время я часто с ними виделся.

— Угу! И вынуждает ли к этому дело или нет — разве это плохо? Я не стала бы пытаться вмешиваться в чужую жизнь, я не хочу учить тебя уму-разуму, но факт остается фактом: мужчина или женщина, пытающиеся вести жизнь итриан, стараются впустую!

— Что ж, после трех поколений тебе, должно быть, беспокойно в твсем чосе, — сказал он, осторожно отмеривая уровень сарказма. Ты достаточно много времени проводишь в краю людей, не так ли?

Она кивнула.

— Несколько лет. Я перепробовала разные профессии: охотницы, рыбачки, старательницы, чуть ли не большую часть авалонских профессий. Я получила большую часть доли в начатом деле Драуна — и оставила ее на различных покерных столах! — Она рассмеялась. — Черт возьми! Иногда кое-что действительно легче объяснить на планхе! — И очень серьезно добавила: — Но вспомни, я была юной, когда мои родители пропали в море. Меня удочерила итрианская семья. Они и вдохновляли меня на бродячую жизнь: такая обычай Высокого Неба.

Моя верность и благодарность чосу крепла. Просто... В общем, я считала себя его членом, который, волей судеб, является человеком. В таком аспекте, у меня есть что предположить, когда... — Она прервала себя и обернулась. — А вот и моя порция! Поговорим-ка об обычных вещах, я истосковалась по этому в Сент-Ля!

— Думаю, я тоже выпью, — сказал Аринниан.

Он обнаружил, что напиток помогает.

Вскоре они весело обменивались замечаниями. Поскольку ее жизнь была куда более наполненной приключениями, чем его, ему скучать не приходилось. Бывали и в его жизни случаи, когда он мог оказаться в меньшей опасности, чем угрожало ей: когда он скрывался от родителей на осаждаемых прибоем Островах Щита или когда он встретил спадатонта на суше, имея при себе лишь копье. Но, хотя таких случаев было немного, он обнаружил, что его воспоминания произвели на нее сильное впечатление. Она никогда не совершала межпланетных путешествий, если не считать короткой поездки на Моргану.

Он, сын флотского офицера, получил возможность увидеть всю Лаурианскую систему от разрушенного солнцем Элизиума и многочисленных лун Камелота до темного, обильного кометами Утгарда. Говоря о хрупкости голубого мира Фзеации, он получил возможность процитировать строки Гомера: она пришла в восторг и просила прочитать ей еще и спрашивала, что еще написал этот парень, Гомер, и разговор перешел на книги...

Еда была смешанной, составленной из блюд обеих рас: рыба тушеная в пискоиде и томате, пирог с говядиной и шуа, салат из листьев властергрейна, груши, кофе, сдобренный белым корнем. Дополнением послужила бутылка вытяжки из него. В конце еды Аринниан, уже ставший свидетелем некоторой легкости поведения Табиты, был шокирован, когда она закурила трубку. — Как насчет того, чтобы заглянуть в «Гнездо»? — предложила она. — Мы могли бы разыскать Драуна. — Ее компаньон был начальником по охране. В Центауре она была его помощницей. Но положение часа о рангах было одновременно и более сложным, и более гибким, чем у Техников.

— Что ж, хорошо, — ответил Аринниан.

Она наклонила голову.

— Правда согласен? Я подумала, что ты предпочитаешь итрианский гангут любому месту в этом городе. — Это был единственный публичный дом, предназначенный специально для орнитонидов, гостями которого они были нечасто.

Он нахмурился.

— Я не могу не чувствовать, что таверна — это не самое лучшее место... для них, — добавил он поспешно. — Я не гордец, пойми!

— Но все же ты не возражаешь, когда люди подражают итрианам. Ух-ух! На двух крыльях не получается! — Она встала. — Давай заглянем в пивнушку «Гнездо», выпьем с другом, если встретим его, почитаем стихи. А потом — дансинг-клуб, идет?

Он кивнул, несмотря на ускорившийся пульс, довольный, что она была в радужном настроении. Никакая техника не могла позволить ему принять участие в итрианских воздушных танцах, но по полу можно передвигаться в объятиях другой птицы, и это было почти так же прекрасно. Но и такой момент навсегда потерян для него, так,

может быть, Табита — ибо в эту сумбурную ночь она была Табитой, а не Хилл с Небес...

Он слушал болтовню об общении с девушками-птицами, весьма далекими от благоговейного созерцания. Для Аринниана и ему подобных их соратницы-женщины были товарищами, сестрами. Но Табита подчеркивала его и свою человечность.

Они на такси-кэбе отправились в «Гнездо», самое высокое в городе здание с гравитационной шахтой, ибо многие прибывали сюда не на летательных аппаратах.

Таверна была защищена от дождя стеклянной крышей, сквозь которую на этой высоте звезды безбоязненно могли лить свой свет, не боясь искусственного пламени внизу. Моргана склонялась к западным землям, но все еще серебрила своим светом реку и залив.

На востоке громоздились грозные тучи, и световые блики выхватывали их из темноты причудливыми пятнами. Инсектоиды призрачной дымкой покачивались над каждым столом.

Народу было немного, тут и там виднелись неясные силуэты склоненных над стаканами с напитками, ходил слуга-робот, позвякивая стальным корпусом.

— Скучища, — разочарованно сказала Табита. — Но мы сможем поднять настроение!

Они принялись пробираться между столиками, пока Аринниан не остановился и не воскликнул:

— Хой! Водан, эхх-Хирр!

Его соратник по чосу, изумленный, поднял голову. Он выпивал в компании пухленькой особы, которая одарила вновь появившихся недовольным взглядом.

— Хорошего тебе полета, — приветствовал его Аринниан на планке, последующая фраза была вполне подходящей для англика, хотя произнесена была на англичке автоматически. — Не ожидал найти тебя здесь!

— Доброго приземления тебе, — ответил Водан. — Через несколько часов я должен быть на своем корабле. Мой транспорт отходит от базы на Хэлцнюн-айленд. Я отправлюсь пораньше, чтобы не подвергнуться риску в случае шторма. Неподалеку от дома мы попали в три дьявольских вихря подряд.

— Ты готов к битве, охотник, — сказала Табита со всей возможной вежливостью.

«Это верно, — подумал Аринниан. — Он жаждет битвы. Только... если он не смог остаться с Айат до последней минуты, по крайней мере, я бы предположил, что он должен был совершать полет в свете луны, размышляя и созерцая... о, как бы там ни было, пирушки в кругу друзей...» Он прервал себя.

Водан сделал знак своей спутнице.

— Кьенна, — сказал он. Его неофициальность была оскорблением. Она качнула крыльями, перья распрямились в печальном подтверждении.

Аринниан не мог придумать никакого извинения, давшего бы ему

возможность избежать этой компании. Он и его девушка опустились на сиденья.

Когда подкатился робот, они заказали густое, крепкое нью-африканское пиво.

— Как дуют твои ветры? — спросила Табита, попыхивая трубкой.

— Хорошо. Я желал бы этого и для тебя! — ответ Водана был точен. Он повернулся к Аринниану, и если его энтузиазм был несколько нарочитым, то он искусно это скрывал. — Ты, без сомнения, знаешь, что я последние недели был на тренировочных маневрах.

— Да. Айат не раз говорила мне об этом.

— Это было очень интересно. Мой корабль требует умения. Позволь мне рассказать тебе о нем. Один из новых торпедоносцев, подобен земным — прекрасен! Я горд, что смог увенчать его корпус тремя золотыми звездами!

«Айат» означает «Три звезды».

Водан продолжал свой рассказ.

Аринниан посмотрел на Табиту. Она и Кьенна встретились взглядами. Перья последней передали гамму чувств. Даже он смог прочесть большую часть невысказанных фраз этого «языка».

«Да, моя милочка, рожденная, чтобы ходить, Кьенна — то, что она есть, и кто ты такая, чтобы бросать вот эти свои презрительные взгляды? Чем я еще могу быть, если я, выросшая из детеныша в девушку, поняла, что мой любовный период приходит, как только я подумаю о нем, поняла, что для меня во всей Вселенной нет места, где я буду иметь право на уважение? О, да, да, я слышала об этом раньше, не беспокойся — «специальное лечение», «советы», — так вот, слаботебя, к твоему сведению: часы нечасто держат слабых, а я не собираюсь хныкать и просить о помощи. Кьенна пойдет своим путем, и этот путь будет лучшим, чем твой, которая, впрочем, не так уж от меня и отличается... Не правда ли, человек?»

Табита подалась вперед, похлопала по одной из рук, не обращая никакого внимания на ногти, улыбнулась, глядя в красноватые глаза, и пробормотала:

— Хорошей тебе погоды, девушка!

Удивленная Кьенна подалась вперед.

Какое-то мгновение казалось, что сейчас она кинется на девушку, и Аринниан потянулся к рукоятке ножа, потом она обрattилась к Водану:

— Нам лучше уйти!

— Еще рано! — итрианин великолепно скрывал свое замешательство. — Только облака могут знать, когда я снова увижу моего брата!

— Нам лучше уйти, — сказала она совсем тихо.

Аринниан мог представить себе, какие чувства бушевали в груди Водана: оскорбить ее, бросить вызов, ударить! Не убить, потому что

она была не вооружена, но в то же время это была капитуляция перед самим собой, проще чем самая простая условность...

— Нам самим придется уйти, как только мы допьем пиво, — сказал Аринниан. — Рад, что встретил тебя. Вечного тебе прекрасного ветра!

Облегчение Водана было очевидным.

Он пробормотал несколько вежливых фраз и поднялся вверх вместе с Кьенной.

Город поглотил их.

Аринниан не мог решить, что ему сказать. Он был благодарен тусклому свету, лицо его пылало жарче, чем горячий воздух. Он старался не смотреть на Табиту.

Наконец та мягко произнесла:

— Бедная потерянная душа!

— Кто, эта ночная пташка? — Он сразу же пришел в ярость. — Мне приходилось раньше встречаться с существами ее сорта. Дегенератки, жалкие преступницы! Ее счастье, если Водан не перережет ей горло в каком-нибудь из низкопробных клубов, в который она его потащит. Я знаю, что там должно случиться. Он блуждал одинокий, потерянный, житель гор, который, возможно, никогда не встречался с ей подобными. Она отметила его, проявила свое умение... ух!

— Ну а тебе-то какое дело? Я хочу сказать, что он, конечно, твой друг, но я не могу верить в то, что это патетическое существо сумеет вытянуть из него больше обычной платы. — Табита выпустила клуб дыма. — Ты знаешь, — задумчиво проговорила она, — в этом хорошо проявляются особенности итрианской культуры. Они увенчаны человеческими идеями там, где те не дают им ненормальности быстрой смерти. Но они еще не интересуются вопросами спонсорных изменений, исследований или лечений, даже простым милосердием. Когда-нибудь...

Он едва услышал последнее замечание.

— Водан должен жениться на Айат, — сказал он каким-то утробным голосом.

Табита подняла брови:

— О, на той, о которой ты мне говорил? Но не думаешь ли ты, что, услышь она об этом, она была бы рада, что он получил немного информации и опыта?

— Это неправда! Она слишком чиста! Она...

Аринниан задохнулся. Внезапно он подумал: «Почему бы не рискнуть? Теперь мне и самому нужно забыться».

— Это так немного для тебя значит? — выпалил он. — В таком случае, давай сделаем то же самое!

— Хм! — Некоторое время она изучала его. Его гнев утих, и он сделал усилие над собой, чтобы не отвести глаз от этого изучающего взгляда.

Наконец она сказала:

— Ты чем-то огорчен, не так ли, Крис? — Усмешка. — Но, во всяком случае, ты подаешь надежды.

— Прости. — Он встал. — Я не хотел быть невежливым! Я хотел дать тебе... воображаемый пример... заставить тебя понять, почему я расстроен.

— Я могла бы утешить тебя, назвав твои переживания воображаемыми, — она улыбнулась, хотя тон ее голоса был более сочувственным, чем сами слова, — но я все же не считаю это нужным. Итак, ответ будет «нет»!

— Этого я и ожидал. Мы, птицы... — Он не смог закончить, посмотрел на кружку и сделал большой глоток.

— Что ты хочешь сказать словом «мы»? — с вызовом бросила она.

— Ну, мы... наше поколение, наконец...

Когда она кивнула, волосы ее блеснули.

— Я знаю, — сказала она серьезно. — Эта нестабильность, смешанность общения, возможно, приведут к тому, что они не испытают должного уважения к своим партнерам. Речь идет лишь о мимолетном общении с птицами противоположного пола. Ты же умный мальчик, Крис! Авалоняне мало способны к самонаблюдению, но ты же должен видеть истину! Неужели ты не хочешь иметь жену и детей?

— Конечно. Я... конечно, хочу.

— Большая часть хочет этого, я уверена. Многие и раньше имели их, когда им удавалось прийти к соглашению с самим собой. Но в этом вопросе нет единства для всех. Мы, птицы, испытываем в этом аспекте меньше давления, чем люди, поэтому обычная статистика непоказательна. Проблема в наши дни становится тем более отчетливой, чем больше усиливается движение в часы, нарастая как снежный ком. И в конце концов, Крис, твой жизненный опыт ограничен. Скольких из тысяч ты знаешь настолько хорошо, что можешь описать их жизнь? Естественно, ты тыготеешь к знакомствам с тебе подобными, и особенно потому, что мы, птицы, весьма преуспели в обращении со своими душой и телом.

Трубка Табиты потухла. Она набила ее снова и закончила:

— Вот что я тебе скажу: твой случай не является ни таким уж типичным, каким тебе кажется, ни таким серьезным. Но я искренне желаю, чтобы уход в птицы не заставил других разумных людей терять годы себе во вред.

Гнев вновь овладел им. Какое право она имела говорить с ним как с мальчишкой?

— Нет, подожди-ка... — начал он.

Табита отодвинула свой стакан и встала.

— Я возвращаюсь в отель, — сказала она.

Он непонимающе уставился на нее.

— Что?

Она потрепала его по волосам.

— Прости. Но боюсь, что если мы будем продолжать в том же духе, то устроим бурю в стакане воды. Я слишком хорошо о тебе

думаю, чтобы желать подобного. Если захочешь, мы лучше встретимся другим вечером. А теперь я намереваюсь лечь в постель и заказать на экране центральной библиотеки эту штуку Гомера.

Он не стал ее отговаривать. Возможно, то спокойствие, в котором она пребывала после спора с ним, обидело его.

Пожелав ей доброй ночи весьма прохладным тоном, он направился к ближайшему фону.

Первая женщина, которую он вызвал, была занята. Оборонная промышленность требовала семи часов непрерывной работы, плюс-минус пятнадцать минут, не считая дополнительных часов. Вторая женщина испуганно сказала, что если ему нужен ее муж, она может его позвать.

Он извинился за то, что набрал неверный номер.

Третья согласилась. Она была чрезмерно пухлой, беспрерывно болтала и обладала мозгами бариосороида... Но какое это имело значение?

...Он проснулся на рассвете следующего дня. Она вспотела во сне, а дыхание ее было насыщено парами поглощенного накануне алкоголя.

«Интересно, — подумал он, — почему так жарко и душно? Что-нибудь не в порядке с кондиционером? Впрочем, было объявлено, что если придется поднять силовые экраны, то утечка энергии потребует закрытия Окружного контроля...»

— Силовые экраны!

Аринниан вскочил с кровати. Дождь сделал видимость минимальной, но он разглядел дымку за этой пеленой.

Он бросился вон из комнаты.

Записанный на пленку монотонный голос повторял снова и снова: «Война объявлена!»

Курьер из Итри принес в Грей новость: Земля известила о начале войны.

ГЛАВА 7

— Наша основная стратегия проста, — объяснил адмирал Кайал. — Я бы предпочел еще более простую: открытая битва между двумя флотами, победитель забирает все.

— Но итриане вряд ли пойдут на такую уступку, — заметил губернатор Сараколу.

— Конечно! Они же достаточно хорошо организованы для этого, прежде всего. Потом, не в их характере вести централизованные операции. Кроме того, они знают, что у них мало шансов выиграть такую битву. Они проигрывают нам в численности. Я думаю, они попытаются удержать узловые пункты. Оттуда они будут делать вылазки, набегать, уничтожать те наши небольшие соединения, которые им удастся обнаружить, ослаблять наши коммуникации. Мы не можем прямо отправиться в Доминион, когда в тылу у нас будет

существовать подобная опасность. Потому что это означает слишком большие потери. Мы можем оказаться перед лицом настоящей беды, если позволим зажать себя между внешними и внутренними их силами.

— Итак, мы начнем с захвата их ключевых баз.

— Только самых главных. Не стоит беспокоиться о крошечных новых колониях или союзниках, находящихся в глубоком тылу, что держат на своей орбите всего несколько кораблей. — Кайал включил экран. Засверкали звезды нужного им района. Тысячами они усеивали расстояние в несколько парсеков, являя собой единое пламя света, в котором лишь немногие могли различить отдельные точки.

Кайал обнаружил, что его способность в этом отношении приносила ему определенную выгоду. Что-то мог заметить компьютер, но его способность в быстрой ориентации оказалась незаменимой.

— Лаура, — ближайшая, — сказал он. — Хру и Кхрау находятся дальше, образуя вместе с первой треугольник. Дайте мне их — и я смогу направиться прямо к Книтлану. Это заставило бы Доминион стянуть все силы, которыми они располагают, чтобы защитить свой дом. А поскольку к тому времени мой тыл и коммуникации будут в достаточной безопасности, я приму решающую битву, которую жду!

— Гм-м-м! — Саракоглу потер массивный подбородок. Звук получился скрипучим: при его занятии он часто забывал вставить новый ингибитор после использования старого. — Вначале нанесем удар по Лауре?

— Да, конечно! Не всей армадой. Мы разделимся приблизительно на три равные группы. Две из них медленно двинутся по направлению к Хру и Кхрау, но не будут нападать до тех пор, пока не будет ослаблена Лаура. Сил будет достаточно во всех трех системах, но я хочу почувствовать итрианскую тактику и, к тому же, убедиться в том, что они не готовят нам какой-нибудь неприятный сюрприз, скрываемый ими до сей поры под перистой оболочкой.

— Это возможно, — согласился Саракоглу. — Как известно, наше знание о них недостаточно. Проблема шпионажа за негуманоидами... Предателей среди итриан найти почти невозможно, а компетентных — совсем исключено.

— Я все же не понимаю, почему мы не можем направить агентов в тот населенный пункт Лауры, где сконцентрировано человеческое население?

— Мы делали это, адмирал, делали! Но поскольку основная жизнь там сосредоточена в маленьких, замкнутых и плохо связанных между собой общинах, они не смогли сообщить ничего, кроме и так очевидных фактов. Вы должны понять, что авалонские люди уже не думают, не говорят и даже не ходят так, как люди Империи. Имитация их — дело непростое. И купить можно лишь очень небольшое. Кроме безопасности. Второй их командующий, парень по имени Холм, как будто совершил в прежние времена несколько продолжительных поездок по Империи, как официальных, так и

неофициальных. Насколько я понимаю, он с успехом окончил одну из наших академий. Он знает наши методы.

— И насколько я понимаю, он является причиной того, что не только лаурианский флот, но и защита планеты были намного усилены за последние несколько лет, — сказал Кайал. — Да, конечно, мы должны позаботиться о нем.

...Этот разговор произошел несколько дней тому назад. В этот день (часы показывали, что он является продолжением бесконечной звездной ночи) земляне приблизились к своему врагу.

Кайал сидел один в центре супердредноута «Валендерей». Его окружали экраны связи, закладывающая уши тишина и километры металла, машин, оружия, энергии, сквозь которые прошли несколько тысяч живых существ.

Но в этот момент он сознавал присутствие только того, что лежало вне судна. Видеоз экраны показывали ему это великолепие: темнота, драгоценная россыпь звезд — и Лаура, крошечная, удаленная на девятнадцать астрономических единиц, золотая и смеющаяся.

Корабли легли в гипердрайв и должны были появиться у солнца на гравитационном ускорении. Большая их часть летела впереди флагмана. Встречи с защитниками можно было ожидать каждую минуту.

Уголки рта Кайала опустились вниз. Он был высоким человеком, художавым, с острым носом, его вдовий хохолок и остроконечная борода побелели, хотя он едва приближался к шестидесяти. Форма его была настолько скромной, насколько это позволял ему чин.

Он курил безостановочно. Сейчас он отбросил от себя окурок последней сигареты с таким отвращением, как будто это был червяк. «Почему мне так трудно переносить этот последний период ожидания? — думал он. — Потому, наверно, что я буду в безопасности, когда мои люди начнут воевать?»

Он обратил взгляд к портрету своей покойной жены. Она была изображена стоящей перед их домом, среди высоких деревьев.

Он направился к картине, желая включить ее. Но вместо этого включил проигрыватель.

Пробудилась к жизни музыка, пьеса, которую так любили он и она, давно забытая на Земле, но совершающая триумфальное шествие по другим местам Вселенной — «Пассакалия» Баха.

Он откинулся на спинку стула, закрыл глаза и отдался музыке.

«Долг мужчины в этой жизни, — думал он, — сотворить как можно меньше зла».

Сигнал нарушил его покой. На экране появилось изображение его помощника.

— Сэр, мы получили рапорт о начале военных действий из Вангуар, квадрат три. Сообщение подтверждено. Никаких деталей.

— Хорошо, гражданин Файнберг, — сказал Кайал. — Любую важную информацию немедленно передавать мне.

Скоро ее будет так много, что ни один живой мозг будет не в состоянии справиться с ней. Тогда она пойдет сквозь фильтр —

сложный комплекс подчиненных и их компьютеров, — а он сможет надеяться лишь на то, что те детали, которые достигнут непосредственно его слуха, будут не слишком далеки от реальности. Но эти самые ранние сообщения всегда таили в себе слабую надежду, как будто в них хранился отзвук едва начавшейся битвы.

— Есть, сэр! — Экран потух.

Кайал выключил музыку.

— Пока что прощай, — прошептал он и встал. В комнате имелась еще одна его личная вещь: распятие. Он снял с головы фуражку, встал на колени и перекрестился. — Отец, прости нас за то, что мы собираемся делать, — попросил он. — Отец, будь милосердным ко всем, кому суждено умереть. Ко всем!

— Сообщение получено, командующий, — произнес итрианский голос. — Контакт с землянами состоялся в 12 секторе с направления Пики. Огонь начался с обеих сторон, но потерь, как будто, пока нет.

— Благодарю! Прошу держать меня в курсе. — Дэннел Холм выключил интерком. — Как будто от того, что я знаю, будет какая-то польза! — проворчал он.

Он быстро произвел вычисления. Свет, радио, нейтроны — всему этому понадобится восемь минут на то, чтобы пересечь астрономическую единицу. Новости сейчас доходят более чем через полтора часа. Единичная перестрелка нескольких небольших судов могла уже быть с успехом окончена, часть победителей вернулась на свои орбиты, в то время как другая их часть, вернее, их суда образовали маленькие миниатюрные пылающие солнца.

Или же, если другие суда одной из сторон находились не так далеко, они могли присоединиться к своим, все увеличивая и увеличивая радиус битвы.

Ударив кулаком по ладони другой руки, он проговорил:

— Если бы можно было установить гипнокоммуникацию... — Но такое не практиковалось. Мгновенные импульсы квантовых прыжков судна в окружении природного ограничения скорости могли быть модулированы для посылки сообщения на световой год или около этого, но не так глубоко, когда звезда имеет искаженное гравитационное поле, где рискуешь жизнью, если начнешь путешествовать релятивистски. Конечно, можно было и избежать неприятных последствий при абсолютной уверенности в повороте, но кто мог быть абсолютно уверен в ходе военных действий, во всяком случае, принимая во внимание тот факт, что Земле суждено стать более сильным противником, чем обычно, и борьба с ней вполне может окончиться печальным исходом... «Зачем я погружаюсь во всю эту грязь?»

Он спрыгнул с письменного стола, на краешке которого сидел, подошел к окну и остановился, глядя вдаль. Сигара, зажата в губах, клубилась дымом, как вулкан. День за окном был оскорбительно прекрасен. Осенний ветер нес с залива запахи соли, а воды залива

танцевали и сверкали между Лаурой и небесами. И еще ветер нес в себе запахи садов. Северные склоны холмов лежали вдаль в голубой дымке. Кто-то пролетел над ними, взмахивая крыльями.

К нему подошла Ровена:

— Ты же знал, что тебе придется остаться, дорогой. — Она все еще была тонкой и стройной, и волосы ее по-прежнему были каштановыми.

— Угу. Меня беспокоит тыл. Логическая, компьютерная, коммуникационная поддержка. Может быть, Ферун и лучше разбирается в вопросах космической войны, но именно я построил планетную защиту. Месяцами мы действовали в согласии. И не моя вина в том, что я обладаю повышенной чувствительностью.

— Холм повернулся к жене, обнял ее за талию. — Но, господи, Ро, я не думал, что это будет так тяжело.

Она притянула его голову к своему плечу и нежно погладила по седеющим волосам.

Ферун из Миствуда решил отправить домой свою жену. Марр путешествовала вместе с ним в течение всей его долгой флотской карьеры, рожая и поднимая детей на корабле-доме, что сопровождает каждый итрианский флот. Но она была больна, и врачи не обещали вылечить ее до наступления атаки. Старость неизбежна, как это ни печально. Ему очень не доставало ее силы.

Но он был слишком занят, чтобы тратить время на прощание.

— Наблюдай, — сказал он. В компьютеры только что внесены исправления согласно последним данным. Изображение передавало окружающие их планеты, солнце и ореолы искр, оставляемые кораблями. — Битва будет здесь. Здесь! Повсюду нейтринные потоки достигают наших детекторов, совершается процесс кроссочкорреляции, разъясняются затруднительные моменты.

— Информация невелика до омерзения, — сказал его племянник и помощник.

— При таком расстоянии ничего другого ожидать не приходится. Тем не менее, мы сами можем заполнить некоторые бреши, если допустим, что их адмирал достаточно благоразумен. Я почти уверен в том, что его клещи состоят из двух половин, каждая из которых движется с диаметрально противоположных направлений с севера и юга эклиптического уровня. Вот так. — Ферун указал направление. — Теперь он должен ввести резервы. Чтобы избежать создания широкой цепи со значительным риском быть преждевременно обнаруженным, они должны проходить по прямой от основного направления на Пано. И если бы этим занимался я, то поместил бы их неподалеку от эклиптики. Так что нужно ждать их нападения, по мере сближения двух частей этих клещей, вот отсюда. — Он указал область.

Они стояли на мостике, обширном, как комната. Итрианам нужно место на то, чтобы расправить крылья. Но все же они были

полностью связаны с кораблем его интеркомами, калькуляторами и офицерами. И еще более тесно связаны с той информацией, которую представлял им экран, из района, где началась бойня.

План Феруна не позволял так рано посылать супердредноут навстречу случайностям. Сила его принадлежала последнему этапу этой игры. Вот тогда-то он и намеревался показать, почему оно получило свое название, тогда, давно, в битве на Итри.

На обоих бортах судна было написано на английском: «Адова скала».

Появилась новая череда сообщений. Указывались типы судов, насколько это позволяла проанализировать нейтронная эманация.

Помощник насторожился. Хохолок его поднялся.

— Так много врагов за такой короткий промежуток времени? Дядя, новости, кажется, плохие!

— Мы этого ожидали! Не позволяй этой игрушке загипнотизировать себя. Я видал вещи и похуже. Половина меня регенерирована после полученных в битвах ранений. А я все еще копчу небо.

— Прости меня, дядя, но большая часть твоих битв была полицейскими актами в пределах Доминиона. А сейчас на нас идет сама Империя!

Ферун подумал: «Мне об этом хорошо известно. Я тоже изучал материалы о прекрасно развитой военной технике. Как практически, так и теоретически».

Вслух он сказал:

— Компьютеры, роботы, машины — это лишь поддела во время войны. Есть еще мозг и сердце.

Кладя когтями, он прошел по палубе к видеозэкрану и вгляделся в него. Его тренированный взгляд заметил среди звезд мерцание — один-единственный корабль. Вся остальная часть флота терялась в необъятности, через которую они летели.

— Начинается новый бой, — сказал он в интерком.

Ферун, не двигаясь, ждал деталей. В его голове промелькнули слова, вычитанные им в одной из земных книг, которые доставили ему столько удовольствия. «Страх перед королем подобен льющему рыку. Тот, кто вызывает его гнев, грешит против собственной души».

Часы выстраивались в дни, пока два флота своими передовыми силами ощупывали горло друг друга.

Подумайте только: при ускорении, равном одной земной гравитации, корабль, движущийся от «начальной точки», мог покрыть одну астрономическую единицу — около 149 миллионов километров — примерно за пятьдесят часов. В конце этого периода он приобретал скорость 1060 километров в секунду. За время, в два раза больше этого, он двигался с удвоенной скоростью и должен был покрыть четыре начальных расстояния. Неважно, какая часть маневренности исходит от гравитационного толчка, который действует на ту ткань тесных связей, которую мы называем «космосом» — данные такого высокого порядка быстро не изменишь.

Нельзя скидывать со счетов и огромность расстояний, даже межпланетных. Сфера радиусом в одну астрономическую единицу имеет объем примерно в тринадцать миллионов земных радиусов. Умножение этого радиуса на десять означает умножение объема на тысячу. Неважно, насколько чувствительны приборы — все равно невозможно даже провести точные измерения в пределах непосредственного окружения, не зная, где находится предмет поисков сейчас, если сигналы ограничены световой скоростью. По мере того как нарастает снежный ком неточных данных, изменяются не только параметры вычислений битвы, изменяются сами результаты. Кто-то обнаруживал, что потерял часы на путешествии, которое началось, оказалось бесполезным и даже вредным, и еще массу часов или дней на попытку сгладить неприятное последствие неудачного маневра.

Но потом, в мгновение ока, вдруг окажется, что все оказались в непосредственной близости для битвы, которая может завершиться в секунды.

«Номер семь, вперед!» — предупредил робот-диспетчер, — и «Звезда-охотница» ринулась в бой.

Ее двигатели заработали на полную мощность.

Тело Филиппа Рошфора, сидящего в кресле пилота, пронзила дрожь.

Над приборной панелью, над его шлемом и чуть сбоку, за его плечами, видеозэкраны показывали полусферу с солнцами. Лаура, свечение которой было таким ярким, что ослепляло его, походила на диск, расположенный между двумя крыльями зодиакального света.

Его радар тревоги свистнул и включился, как будто стрелка закружилась вокруг чистого шара. Сердце его подскочило в груди. Он не мог не смотреть туда. И он успел заметить движение цилиндра, направлявшегося к огромному корпусу «Аизы».

Во время рывка гравитационный экран в этой части материнского корабля должен быть включен. Но ничего, что могло бы отвести торпеду, не было в его распоряжении. Если она войдет в контакт и сдетонирует... В вакууме несколько килотонн не являются столь плачевно разрушающими, как в воздухе или в воде, да и корабль-столица бронирован и защищен против сотрясений и жара, снабжен такой плотной защитой, которая в состоянии отсечь могущую проникнуть внутрь жесткую радиацию. И все равно корабль будет серьезно ранен, возможно, покалечен, а люди получат ужасные травмы и обгорят настолько, что станут молить о смерти.

Вспыхнул энергетический луч. Хлынула мгновенная инконденсация. Сенсоры передали свою информацию нужному компьютеру. Одно из орудий Ва Чау перехватило торпеду.

— Молодец! — крикнул в интерком Рошфор. — Отлично! — Он нацелил свои детекторы на поиски лодки, которая должна была быть достаточно близко, чтобы послать метательный снаряд.

— Зарегистрировано! Установлено!

«Звезда-охотница» устремилась вперед. «Аиза» мерцала среди созвездий.

— Дай мне достаточно времени, чтобы вернуться в ряд, Абдуллах, — сказал Рошфор.

— Похоже, он о нас знает, — с каменным спокойствием сказал голос Хелу. — Все зависит от того, попытается ли он уйти или приблизиться к...

— Он ищет укрытия! — «Честно говоря, — подумал Рошфор, я бы тоже его искал, когда тяжелый крейсер выплевывает лодки. Храбр тот капитан, когда рискнул подойти поближе». — Мы можем задержать его примерно через десять минут, если допустить, что он находится в стадии наивысшего ускорения. Но я не думаю, чтобы кто-нибудь смог нам помочь, а если мы будем ждать, он удерет.

— Мы не ждем, — решил Рошфор.

Он вновь перенес все внимание на контрольные приборы, связался с контрольным пунктом и получил «добро». Тем временем он желал про себя, чтобы его пот не был таким обильным и едким. Однако страха не было. Его пульс был высоким, но ровным, и никогда он не видел звезды с такой отчетливостью и остротой. Было приятно сознавать, что он обладает той смелостью, которую развивает психотренинг Академии.

— Если победите, направляйтесь к... — последовал ряд номеров, усвоенных машиной, — и действуйте благоразумно. Мы различили там легкий боевой корабль. Мы и «Ганимед» попытаемся нейтрализовать его защиту! Удачи!

Голос умолк.

Лодка неслась все быстрее с каждой секундой, пока баллистический счетчик не указал на деселерацию.

Рошфор отдал необходимые указания.

В голове его пронесся отрывок из лекции-инструктажа: «Штурманы, оружейники, весь персонал должны принимать решения. Машины проверяют большую часть этих решений, устанавливают курсы, направляют и вводят в действие оружие, делая это быстрее и точнее, чем на то способны мускулы и нервы. Машины, компьютеры сознательного уровня могут тоже быть построены таким образом, чтобы они могли решать. Так было и в прошлом. Но поскольку их логические способности не могут быть выше ваших и моих, им всегда присуще отсутствие некоей способности к обобщению, назовите это интуицией, или внутренним зрением, или как вам будет угодно. Далее, они были слишком дорогими для того, чтобы использовать их во время войны в нужном количестве. Вы, джентльмены, являетесь разностороннейшими компьютерами, имеющими причину сражаться и выжить! Компьютеры вашего сорта могут с успехом развиваться и, не считая программирования, производиться в течение девяти месяцев в неподражаемых лабораториях».

Рошфор вспомнил, как шепнул своему товарищу, что не смеяться над бородатой остротой — крупный недостаток.

— Направление! — сказал Хелу.

Появились энергетические лучи. Куча летящих потоков, которые прокладывали световую трассу.

Часть их коснулась «Звезды-охотницы».

Автомат изменил направление лодки раньше, чем лучи успели проникнуть в тонкую обшивку. Толчок! Внутреннее поле не могло полностью компенсировать внезапно увеличившуюся акселерацию. Рошфора так вдавило в кресло, что хрустнул скафандр.

Прошло! Вернулось нормальное давление. Они были живы. Даже надобности в заплате, похоже, не было. Если их и задело, то дырка была достаточно маленькой для самозаживления.

А впереди — видимый невооруженным взглядом враг!

Руками и голосом Рошфор отдал приказ двигаться прямо к этому яркому силуэту. Он рос чудовищно быстро. Два луча отделились от него.

Рошфор не изменил направления. Он надеялся на то, что Ва Чау сможет сфокусироваться на противнике и нанести удар раньше, чем они получат серьезное повреждение.

Вспышка! Еще вспышка! Попали!

Итрианин подошел настолько близко, что люди смогли различить изображенный на нем знак: колесо, спицы которого были цветочными лепестками. «Правда, что они ставят персональные знаки на небольшие суда, подобно тому, как мы даем своим неофициальные имена. Интересно, что означает этот?»

Ему говорили, что некоторые из скоростных судов несут на борту круглые заряды. Но твердые предметы, сказывающиеся на вашем пути, не слишком опасны, если только ускорение не превращается в десятки КПС.

Судно выпустило торпеду. Ва Чау почти сразу же сбил ее. «Звезда-охотница» вздрогнула.

Взрыв был таким близким, что клубы газов закрыли экран земного корабля.

Обломки достигли и их брони, и она загудела. Потом «Звезда-охотница» прошла мимо, одна в чистом пространстве. Ее противник превратился в облако, которое редело, пока не стало совсем невидимым. Все вещественное, что от него осталось, должно было распасться на метеориты, которые в секунды исчезли из виду.

— Извините за мою восторженность, — слабым голосом сказал Рошфор. — Но это было здорово!

— Последний взрыв был совсем близко, — сказал Хелу. — Нужно, чтобы нас осмотрели, когда вернемся.

— Угу! Но пока мы свое дело закончили. — Рошфор велел лодке изменить направление. — После того, как вы, парни, себя вели, никаких страхов быть не может.

Они пока еще не появились на месте событий, когда было передано радостное сообщение и они узнали о том, что отряд лодок и мелких судов уничтожил боевой корабль противника.

ГЛАВА 8

Космические флоты противников, по мере ведения боевых действий, медленно вступали во взаимодействие и приближались друг к другу.

В установленное время корабли выстроились в определенном порядке. Они образовали не только защитный барьер, но и сеть, препятствующую проникновению ракет с водородными зарядами.

Если два соединения флотов оказывались друг от друга на расстоянии сотни километров, это считалось очень близко. Смертельные стычки между отдельными группами кораблей сделались более частыми.

Стало возможным узнать, и наверняка, какая группа кораблей вступила в игру и где. Стало возможным осуществлять всевозможные ходы и вводить противника в заблуждение.

Как заметил в отчете Саракоглу:

«Если бы каждая итрианская система обороны была столь же сложна, как у Лауры, нам мог бы понадобиться для борьбы с ней весь имперский флот. Здесь они удерживают приблизительно половину моих кораблей, что представляет собой шестую часть того, что мы собирались бросить на весь Доминион. Конечно, это не означает того, что действительные силы находятся в подобной пропорции. По нашим стандартам, их слабое место — тяжелые суда. Но эскадренные миноносцы, а еще в большей степени корветы и торпедные лодки действуют удивительно эффективно. Я очень рад, что ни одно другое солнце, кроме Кетлена, и отдаленно не может сравниться с Лаурой!

Но наши успехи все же удовлетворительны! Если не использовать (данные вы получите позже) технический язык, можно сказать, что около половины того, что осталось от флота итриан, отступило к Авалону. Мы намерены преследовать их там, избавиться от них — и тогда планета окажется в нашей власти.

Остальная часть их флота рассыпалась и ушла в космос. Вне всякого сомнения, они намереваются поспрятаться на необитаемых планетах, лунах, астероидных системах, где у них могут быть базы, и оттуда совершать партизанские вылазки. Такая ситуация вызовет только несколько мелких стычек, правительство само их отзовет. Возможно, более крупные суда, обладающие способностью к гипердрайву, будут искать где-то подкрепления. И даже это не так уж важно.

Я не преуменьшаю способностей этих людей, они сражаются умело и доблестно. Может быть, они собираются использовать планетную защиту в соединении с теми кораблями, которые движутся сейчас по направлению к родной планете. Да отговорит их от этого Бог, и не столько во имя нас, сколько во имя их собственных жен и детей. Да поможет Бог их лидерам понять необходимость скорейшей капитуляции, прежде чем мы нанесем им решительный удар!»

Полудиск Авалона, сверкающий сапфиром, кружил среди звезд — такой маленький и такой близкий. Моргана двигалась с темной стороны.

Ферун вспомнил ночные полеты над ней в обществе Марр и прошептал:

— О, луна восторга моего, луна, не знающая ущерба...

— А? — спросил Дэннел Холм, чье изображение виднелось на экране.

— Ничего... Я просто отвлекся. — Ферун перевел дыхание. — Мы переживаем тяжелые времена. Они движутся слишком быстро. Я хочу удостовериться в том, что у тебя нет серьезных возражений против плана битвы.

Лазерному лучу понадобилось несколько секунд на то, чтобы пропутешествовать между флагманом и штаб-квартирой.

Ферун вернулся к своим переживаниям.

— Как будто я не говорил! — проворчал Холм. — Ты подвел «Адову скалу» слишком близко. Прекрасная цель!

— И я тебе говорил, — ответил Феруа. — Как флагманский корабль она нам больше не нужна. — «Я хотел бы умереть, но наши потери чересчур велики!» — подумал он. — Нам не нужна ее огневая способность, нам не нужно привлекать ею внимание врага. Вот почему я не рассчитывал на то, чтобы отправить ее на Кетлен. Там она превратилась бы еще в одну единицу. Здесь же она является центром нашей позиции. Если дела повернутся к лучшему, то она выживет. Я знаю, исход игры не гарантирован, но она со своими компьютерами лучшее что у меня есть. И именно на ней я и мой штаб можем начать реализацию плана, о котором тебе известно. И спорить об этом в такое время бесполезно.

Молчание.

Моргана взошла еще выше над Авалоном, когда корабль двинулся в путь.

— Ладно.. — Холм споткнулся на полуслове. Он похудел до такой степени, что его скулы торчали, как каменные гряды среди пустыни. — Я верю.

— Дядя, рапорт о неопознанном контакте, — сказал помощник Феруна.

— Уже? — Первый маршварден Авалона повернулся к экрану. — Слышал, Дэннел Холм? Прекрасных крыльев навсегда!

Он выключил цепь, прежде чем человек успел ответить.

— А теперь, — сказал он помощнику, — я хочу, чтобы орбита этого корабля была вычислена повторно! Составить план возможного передвижения землян... с их точки зрения, в свете той информации, которую мы имеем, — и соответственно связать их с нами!

Яркие искры пронзали пространство. Не каждый разрыв, даже большинство из них не означали попадание. Но они были довольно сильны.

«Три звезды» отделилась от своего крейсера. Немедленно ее детекторы опознали присутствие предмета. Анализ занял несколько секунд.

— Земной корабль, возможно пересечение, спутников поблизости нет.

— Добыча! — пропел Водан. — Пять минут на подготовку!

Корабль наполнился гулом голосов. Две недели и худший из маневров, оставляющий лишь несколько часов для отдыха — все это явилось тяжким испытанием.

Новый вектор указывал прямо на Авалон.

Планета все увеличивалась: он летел к Айат. У него не было сомнений в победе. «Три звезды» хорошо обогрела себя кровью. Она была, естественно, больше, чем соответствующий корабль Империи — итрианам нужно было больше места, — и, соответственно, ускорение ее было немного больше. И ее огневая сила могла по этой причине достичь большой мощи — и достигла!

Водан оторвался от насеста и поднялся в воздух. Он расправил крылья. Медленно взмахнув ими, он принялся наполнять тело кислородом, делая его сильным и подвижным.

Он услышал шелест: четверо его помощников делали то же самое. Звезды сияли над ним и вокруг него.

Три предмета занимали значительную часть места в кабинете Дэннеля Холма, а теперь и такое же место в его мыслях. Карта Авалона указывала наземные сооружения. Большинство из них было замаскировано, и — он так надеялся на это, что даже помолился бы, если бы только верил в пользу подобной меры — большинство из них было неизвестно врагам. Вокруг голографического изображения плавали на многочисленных орбитах подобия пылинок. Многие станции были установлены несколько дней тому назад, перемещенные сюда из подземных автоматических заводов, которые тоже, как предполагалось, являлись тайной для врага. И, наконец, большой экран давал сведения о том, что было известно о различных кораблях.

Холм потянулся за сигаретой, но рот его и так был наполнен горечью дыма последних курений. «Выпить бы!» — подумал он. Но об этом не могло быть и речи: приемлемые для него снадобья лишь усиливали в нем состояние возбуждения, не слишком высоко поднимаемая жизненный тонус.

Он посмотрел на экран. «Да, они явно озабочены тем, чтобы поразить наш флагман, просто охотятся за ним».

Он подошел к окну.

Грей все еще лежал во тьме, но первые лучи дневного света уже ошупывали дома, бросали солнечные пятна на поверхность воды. Небо поднималось пурпурным сводом, звезды казались кляксами за защитными экранами.

Холм был один. Он был более одинок сейчас, чем когда-либо раньше, хотя его решений ожидали все люди этого мира. И он должен

был оправдать ожидания: компьютеры были лишь советчиками. Он подумал, что именно так должен чувствовать себя пехотинец, готовый выстрелить.

— Есть! — крикнул Рошфор.

Он увидел движущуюся точку света на видеоэкране. Свечение ее достигало высшего накала.

По мере того как он наблюдал за ней, она росла, превратилась в иглу, потом в спицу, потом в игрушку, потом в остроносый охотничий корабль, на боку которого сверкали три звезды.

Направление его было почти параллельным курсу «Метеора».

«Странно, — подумал Рошфор, — как близко подходит «Аиза», не встречая при этом никакого сопротивления. Собираются ли они оказать нам лишь формальное сопротивление? Я бы страшно не хотел никого убивать ради простой формальности».

Планета приближалась: слева сверкал полудиск дневного света — лазурь, бирюза, индиго, тысячи различных голубых оттенков покрывающих планету облаков, и поверхность земли — зеленая, коричневая и рыжеватая. Справа была темнота, но лунный свет таинственно мерцал над океанами воды и воздуха.

Ва Чау послал пробный луч. Никаких видимых результатов! Порядок был превосходным. Надолго он таким останется. Теперь Рошфор мог видеть вражеский корабль без помощи какой-либо оптики.

На некоторых экранах он еще только начинал появляться. Но он уверенно скользил среди звезд и был более реальным, чем вспыхивающие вокруг искорки света.

Космос сверкал на тысячу километров вокруг гигантского сфероида «Адовой скалы».

Она не пыталась повернуться, при ее массе это все равно было бесполезно.

Она шла по орбите вокруг своего мира.

Вражеский корабль выныривал, снова нырял, проходил мимо и возвращался. Их было много, а она была одна, если не считать облака вспомогательных «метеоров» и «комет». Но огневая мощь ее была великолепной. Еще более удивительными были ее приборные и компьютерные способности. Она не получила никаких повреждений. Когда секция экранов поднималась для пропуска судов, энергия орудий сразу направлялась на защиту открытого места.

Лучи поражали цель. Но ни один не мог быть удержан до приближения нового, что дало бы возможность безостановочно бить в тяжелую стенку. Бомбы, дающие смертельную радиацию, взрывались на границе защиты. Но гамма-лучи и нейтроны, слой за слоем, впитывались внутренними полями. До последнего слоя, за которым трудились живые существа, добиралось столь малое их

количество, что воздействие лучей легко устранялось с помощью самых обычных мер.

Она была построена в космосе и никогда не касалась земли. Планетоид на свой особый манер, она поражала корабль за кораблем, которые кидались на нее.

Супердредноут Кайала был сильнее остальных. Но нельзя было рисковать «Валендереем».

Главная цель всей этой горы оружия и брони состояла в том, чтобы защищать командование флотилией.

Когда сообщение достигло командующего, он изучил данные.

— Мы теряем малые суда. Она поедает их, — сказал он, главным образом сам себе. — Мне страшно не хочется посылать большие корабли. Похоже, что враг располагает защитой гораздо более развитой, чем мы предполагали. Но близость, быстрота и маневренность не дадут им того, на что они рассчитывают. Мы должны употребить все свои силы на то, чтобы вывести из строя это чудовище. И мы должны сделать это раньше, чем превратимся в настоящую угрозу для этой планеты. — Он потеревил бородку. — Итак... «Персей», «Аиза», «Минор», «Регулас», «Юпитер» и вспомогательные корабли должны выполнить эту работу... достаточно быстро и на достаточном расстоянии, чтобы успеть подготовиться к тому, что может предложить нам эта планета!

Тактические компьютеры размножили и передали его сообщение. Приказ был отдан!

Водан увидел, что торпеда прошла мимо.

— Хей, хорошо! — крикнул он. Будь их мощь чуть меньше — и встреча была бы неминуема.

Метательный снаряд начал было маневрировать, но одно из орудий уничтожило его.

Судно землян виднелось впереди, чуть левее и ниже. Приборы Водана сообщили, что боковая маневренность корабля противника более совершенна по сравнению с прямой. Командир его, по-видимому, надеялся встать на курс итрианского судна за много километров впереди, освободить череду радарных окон и создать огненный заслон такой мощности, чтобы лучи успели достичь своей цели прежде, чем будут отражены.

Поскольку итриане, подобно землянам, не сражались в скафандрах — какое живое существо может вынести в подобной оболочке более нескольких часов, не спятив при этом, — большая дыра в отсеке должна была их убить.

А сын Зиккаурха молодец, с радостью отметил Водан. Дуэль, хотя и неуклюжая и нервная, как это всегда было в космосе, велась с такой уверенностью, как будто дело происходило в атмосфере. Пока она длилась, Авалон на боковых экранах увеличился до огромных размеров. Собственно, они были к атмосфере ближе, чем допускало благоразумие. Лучше закончить это дело.

Водан понял, как это сделать.

Он начал немного замедлять ход, как будто намеревался пойти по косой, он подумал, что землянин должен будет решить так: «Он понял мой замысел. Когда я ослеплю его радар, он попытается ускользнуть от моего огня в непредсказуемом направлении. Да, но мы находимся под действием гипердрайва. Он не сможет перекрыть конус возможного изменения направления».

Для этого, однако, орудию требовался постоянный вектор. В противном случае включалось слишком много побочных факторов, и цель получала великолепную возможность ускользнуть. Тогда, если догадка Водана верна, на долю минуты его корабль получит преимущество в скорости. А преимущество в орудийной мощи у него уже есть.

Землянин вполне может ожидать появления торпеды и считать, что он легко от нее избавится. Он может не оценить того, насколько велика концентрация энергии его противника, та ее часть, которая может быть выпущена в кратчайший промежуток времени, когда все прожекторы работают на полную мощность.

Водан произвел вычисления. Оружейники приготовились.

«Метеор» ринулся вперед, гном на фоне светящегося Авалона.

Внезапно на него налетел блестящий туман. Несколько мгновений — и туман превратился в плотную завесу. И скрыл как один корабль, так и другой.

Буря длилась 30 секунд.

Металлическая пыль рассеялась. Авалон снова сверкал, огромный и спокойный.

Водан прекратил огонь, прежде чем успел выгореть его прожектор. Он использовал магнификацию и увидел дыру, зиявшую в отсеке управления вражеского корабля. Вылетела струйка белого пара. С ним все было покончено.

Радость наполнила грудь Водана.

— Мы его поразили! — закричал он.

— Он мог собрать торпеды в другом месте, — обеспокоенно предположил инженер.

— Нет! Посмотри сам, если хочешь. Его силовой отсек принял этот удар на себя, не осталось ничего, кроме электрического резервуара. Если он использует его на полную мощность, в чем я сомневаюсь, он все равно не сможет дать кораблю такую начальную скорость, чтобы тот смог причинить нам достаточно беспокойства.

— Мы его прикончим?

— Посмотрим, есть ли сопровождающие. Стандартная связь... Вызываем Имперский корабль! Вызываем Имперский корабль!

«Еще один трофей для тебя, Аят!»

«Адова скала» содрогалась и гудела. Рев наполнял ее помещения. Воздух был горьким от дыма, тяжелым от криков и громких команд, топота бегущих ног и шелеста крыльев.

Отсек за отсеком открывались в космос. Скользили переборки, отделяя искореженный металл и обезображенные тела от живых.

Она боролась, она могла бороться с помощью того, что осталось от ее автоматике, даже после того, как уйдет последний член команды — она прикрывала этот уход.

Этими последними членами были Ферун, его штаб и несколько рядовых из Миствуд.

Они пробирались по коридору, спотыкаясь и скользя. Те секции, где панели и облицовка осели под натиском обломков, лежали в темноте.

— Сколько пройдет времени, прежде чем они разорвут ее на куски? — спросил один из помощников Феруна.

— Может быть, час, — высказал тот догадку. — Тот, кто построил наш корабль, проделал неплохую работу. Конечно, Авалон вмещается гораздо раньше.

— Когда же?

— Дэннел Холм должен это решить.

Они спустились в спасательную шлюпку.

Ферун сел за пульт управления. Судно поднялось за счет внутренних полей. По бокам его интенсивно разошлись волны. Оно рванулось вперед.

Он оглянулся. Флагман был изувечен, раздавлен и смят! Местами металл расплавился до такой степени, что потерял форму. Местами он просто перестал существовать. Если бы бомбардировка могла сосредоточиться на тех местах, где защита была прорвана, мегатонна-другая взрывчатых веществ превратила бы корабль в пепел и газ. Но вероятность прямого попадания в средний ряд была слишком ничтожной, для того чтобы стоило ради нее рисковать главным судном. Лучше было бы держаться в стороне и пользоваться мощностью более мелких судов.

— Велика цена крыльям, — прошептал Ферун.

В этот миг он откинул и новые пути, и старые, и был просто итри, Миствуд, Марр, своими предками, их детьми!

Авалон ударил. Лодка подпрыгнула.

Под невыносимым огнем померкли видеоэкраны. Погас свет. Флайеры закружились, сгрудились в страхе, жаре и слепоте.

Все прошло. Лодка не получила серьезных повреждений. Включилась система заднего хода. Вернулась видимость, внешняя и внутренняя. Сбоку, на фоне разросшегося на полнеба огненного шара маячил силуэт «Адовой скалы».

Шелестящий шепот:

— Сколько... мегатонн?

— Не знаю, — сказал Ферун. — Должно быть, достаточно, чтобы избавиться от тех представителей Империи, которые нас атаковали?

— Чудо, что мы проскочили, — сказал его помощник. Каждое из перьев стояло дыбом и дрожало.

— Газы распространились на сотни километров, — напомнил Ферун. — У нас нет экранных генераторов поля. Это так. Но к тому времени, как фронт настигнет нас, никакая энергия, даже

эквивалентная нескольким миллионам градусов, не сможет серьезно поднять нашу температуру.

Все замолчали. Мелкие взрывы вспыхивали и исчезали вдалеке, пронзая пространство энергетическими шпагами.

Глаза искали ответа во взглядах других. Ферун сказал сразу всем:

— Ионизационная радиация, первичная и вторичная. Я не могу оценить, насколько большую дозу мы получили. Приборы зашкалило. Но отчитаться мы все-таки сможем.

Он весь ушел в пилотирувание. Марр ждала.

Рошфор на ощупь пробирался по коридору «Звезды-охотницы». Внутренний гравитационный генератор был выведен из строя.

Находясь в состоянии свободного падения, они стали невесомыми. И за пределами защитной оболочки все помещения были лишены воздуха. Тишина была такой полной, что он отчетливо слышал свое сердце; капли пота выступили на его лбу, щеках, носу, скапливались на лицевой части скафандра, мешая видеть, превращая свет в маслянистое пятно. Этот свет казался странным призраком в вакууме.

— Наблюдатель! — хрипло проговорил он в микрофон. — Наблюдатель, ты здесь?

— Боюсь, что нет! — отозвался в наушниках голос Хэлу из рубки.

Рошфор обнаружил маленькое тело Ва Чау за панелью, наполовину оторванной от опоры. Тот же луч, что искорежил панель, прошел сквозь скафандр и тело, настолько парализовав его, что только несколько капель крови плавали поблизости.

— С Ва Чау все? — спросил Хэлу.

— Да. — Рошфор обнял труп товарища и едва удержался от рыданий.

— От орудийного контроля что-нибудь осталось?

— Нет!

— Что ж! Думаю, я смогу выжать электроемкостную мощность в двигателе. От планеты нам на этом не удрать, но может быть, мы сможем сесть, не превратившись при этом в пар. Ну и выдумщик же я! Вам лучше вернуться на свое место, капитан!

Рошфор снял шлем, намереваясь закрыть выкаченные глаза Ва Чау, но веки не желали повиноваться. Он привязал тело к панели и вернулся на свое место.

Световой сигнал был ослепляющим. Механически, не чувствуя ничего, кроме наполняющей душу скорби, он нажал на кнопку «принято».

Англик, с акцентом, немного гортанный и звенящий:

— Имперский корабль! Вы живы? Говорит авалонянин! Назовите себя, или мы выстрелим!

— Наз... наз... — Усилим воли, подавив готовый вырваться из груди стон, Рошфор сказал:

— Говорит капитан.

— Если хотите, мы можем взять вас на борт.

Рошфор вцепился в ручки кресла. Ноги его были как ватные.

— Итри соблюдает условия ведения военных действий, — сказал нечеловеческий голос. — Вы будете допрошены, но никакого вреда вам не причинят. Если вы откажетесь, мы будем вынуждены, предосторожности ради, уничтожить вас!

— Кх-х-х... м-м-м...

— Отвечайте немедленно! Мы слишком близко к Авалону! Опасность попасть в полосу огня возрастает с каждой минутой!

— Да, — услышал Рошфор свой голос. — Конечно, мы окружены!

— Хорошо! Я наблюдаю за тем, чтобы вы не включили вновь ваш двигатель! Не делайте этого. Мы нейтрализуем скорость! Привяжитесь и прыгайте в космос! Мы нацелим на вас тянущий вант и втащим на борт по возможности быстро. Понятно? Повторите!

Рошфор повиновался.

— Вы хорошо сражались, — сказал итрианин. — Вы показали смертельную храбрость! Я сочту за честь приветствовать вас на борту моего судна. — Наступила тишина.

Рошфор вызвал Хелу.

Люди обмотались концами кабеля, сняли заслон и приготовились к свободному падению. За километры от них виднелось судно с тремя звездами на борту, летящее, как птица.

Небеса озарились вспышкой.

Когда красная дымка перестала застилать их взоры, Хелу сдавленным голосом произнес:

— Аллах акбар, аллах нибар... Они исчезли! Что это было?

— Прямое попадание! — сказал Рошфор.

Шок парализовал все его чувства, и теперь ему казалось, будто он пробуждается от глубокого сна. Но способность соображать вернулась к нему полностью.

— Они знали, что мы беспомощны и не имеем поблизости друзей. Но, несмотря на замечание, сделанное капитаном, они, должно быть, забыли оглядеться в поисках собственных друзей. Орудия планетной базы начали стрелять. Я думаю, у них много торпед-охотниц. Наш двигатель был выключен. Их — нет. Торпеда шла на лучи.

— Как, у них нет опознавательных цепей?

— Очевидно, нет! Судя по тому, что они, похоже, делают, авалоняне не стали бы приносить в жертву качество ради количества и полагаться на знание диспозиций соединений. Было бы неразумным ожидать появление корабля так близко. Границы битвы очень расширились. Я думаю, что торпеда была подготовлена здесь на случай концентрации в этом месте имперских судов.

— Гм... — Они повисли между тьмой и сиянием. — Мы потеряли свой транспорт, — сказал Хелу.

— Тогда сотворим его сами, — ответил Рошфор. — Пошли!

Несмотря на внешнее спокойствие, он был потрясен результатами авалонского ответа.

ГЛАВА 9

Лодка остановилась, гудя и содрогаясь, лишь жар и сильный запах раскаленного железа напоминали о недавнем ее движении. Рошфор не сразу это почувствовал.

Он вынырнул из ничего несколькими минутами позже. Над ним стоял Хелу.

— Все о'кей, капитан? — Вначале голос инженера показался далеким, тихим жужжанием, а пот, выступивший на лице Рошфора, дымкой затенял его глаза.

— О'кей, — пробормотал он. — Дай мне... стимулятор.

Хелу так и сделал, присовокупив к таблетке стакан воды, которая показалась чудом одревеневшему языку и воспаленному небу.

— Я был уверен, что с нами все кончено. Как тебе удалось нас посадить?

— Не помню! — был ответ Рошфора.

Стимулятор подействовал, вернув ему ясность ума и чувств плюс некоторую долю энергии. Он смог восстановить в памяти, что делал в эти последние минуты. Энергии, сохранившейся в батареях, было недостаточно, чтобы полностью контролировать скорость падения лодки на планету. Он использовал ее для контроля за состоянием корабля, для защиты его корпуса, чтобы тормозящая его атмосфера не сожгла судно. «Звезда-охотница» проскочила половину пути на тропопаузе, как камень мог бы проскочить по поверхности воды, потом устремилась по касательной, которая закончилась бы тем, чем кончается путешествие для камня — ибо починить изуродованную корму было невозможно, а изолированная аппаратная стала бы слишком тяжелой, попав в воду, если бы Филиппу Рошфору не удалось различить (теперь он это припоминал) цепь островов и суметь совершить посадку на одном из них.

Некоторое время он с благоговением впитывал в себя сознание, что он жив; потом он снял скафандр. Он и Хелу, каждый на свой лад, вознесли благодарность за свое спасение. Они добавили к ней пожелание мира душе Ва Чау.

К этому времени корпус остыл настолько, что до него можно было дотронуться рукой.

Они обнаружили, что внешний клапан был оторван, когда лодка понеслась по поверхности.

— Хороший воздух! — сказал Хелу.

Рошфор с благодарностью вдохнул его в себя. Дело было не только в том, что в рубке было жарко и душно. В живом мире ни одна регенерирующая система любого корабля не могла работать на полную мощность. Атмосфера, встретившая их сильными потоками свежего воздуха, была прохладной, ветерок — легким.

— Давление примерно равно земному, — продолжал Хелу. — Как может такая планета удерживать такое количество газа?

— Тебе, несомненно, приходилось встречаться с планетами подобного типа, — сказал Рошфор.

— Да, но я никогда не переставал удивляться. Теперь, когда Вселенная повернулась ко мне спиной, я хотел бы знать ее получше!

— Что ж, магнетизм помогает, — рассеянно объяснил Рошфор. — Поверхность маленькая, но, с другой стороны, вращение быстрое, что создает поле нужных размеров. Кроме того, полю нужно удерживать меньшее количество заряженных частиц, следовательно, и меньшее количество ультрафиолета и X-радиации. Солнце достаточно близко, но оно прохладнее, чем наше Солнце. Пики распределительных изгибов энергии находятся на более низкой частоте, а звездный дождь слабее.

Между тем он ощутил притяжение планеты.

Его вес равнялся четырем пятым земного. Когда теряешь шестнадцать килограммов, то замечаешь это сразу — вегетативный аппарат не вдруг приспосабливается к новым условиям, хотя через некоторое время подобное изменение воспринимается с радостью.

Он шагнул вперед и огляделся. Вокруг было пусто. С одной стороны островок заканчивался крутым обрывом. С другой он мягко опускался к воде, где прибой образовывал сердитую белую пену. Шум его был слышен более чем на километр. А дальше море катило свои волны к горизонту, который, несмотря на авалонский радиус, не выглядел особенно близким по сравнению с земным или горизонтом Эсперансы.

Небо над ними было голубым, более ярким, чем на Земле. Солнце висело низко и двигалось в два раза быстрее, чем то, что освещало планету людей. Диск Лауры казался несколько большим, он давал золотистый свет. Виднелась и луна, путешествующая под непривычным углом.

Рошфор знал, что она была на самом деле меньше, но из-за близкого расстояния казалась более крупной.

То там, то здесь мелькали искры — чудовищные взрывы в космосе.

Рошфор отвратил от них свой разум. Для него война, вероятно, была окончена. Так пусть же она будет окончена для всех, прежде чем увеличится количество ее жертв!

Он перенес внимание на окружающую его жизнь. Судно опустилось на ковер низкой растительности, бериллово-зеленого вещества, покрывавшего остров.

— Я полагаю, это объясняет, почему на планете нет природных лесов, — пробормотал он, — что, в свою очередь, может объяснить, почему так мало развита животная жизнь.

— Эпоха динозавров? — спросил Хелу, наблюдая за стаей пролетающих мимо неуклюжих крылатых животных. Каждое из них имело четыре ноги.

— В общем, рептилоиды, хотя у некоторых есть волосы или приличных размеров сердце. Разрастаясь, они не упускают возможность приблизиться по форме к млекопитающим или птицам. Колонистам пришлось проделать много работы, дабы создать

постоянные смешанные колонии, и они держат в запасе доброе количество земли, включая весь экваториальный континент.

— Ты что, действительно их изучал?

— Я интересовался. И... мне казалось, что я знаю, что представляют собой люди, с которыми мне предстоит воевать.

Хелу огляделся. Кустарник, кое-где деревья... Последние были невысокими и толстоствольными, или стройными и гибкими, чтобы выдерживать напор сильных ветров, которые могли возникать при быстром вращении. Сейчас здесь вполне могла быть осень: множество цветов продолжало цвести, поражая глаз буйством алого, желтого и пурпурного. С некоторых растений свешивались гроздья фруктов.

— Можем ли мы есть местную пищу? — спросил Хелу.

— Да, конечно, — ответил Рошфор. — Если бы колонисты не могли использовать природные ресурсы, они никогда бы не преуспели в своих намерениях. Конечно, кое-что пришлось добавить к местному ассортименту. Потом необходимо было развести домашних животных. Если бы мы питались исключительно авалонской пищей, то могли бы нажить кое-какие болезни. Но это не такой быстрый процесс, и я читал, что большая часть здешних растений очень вкусна! К несчастью, часть из них ядовита. Беда только в том, что я не знаю, что есть что!

— Гм! — Хелу потерял свои усики и нахмурился. — Нам лучше позвать кого-нибудь на помощь.

— Не спеши, — сказал Рошфор. — Давай вначале изучим то, что сможем. Не забудь, что лодка снабжена продовольствием на недели. Мы просто могли бы... — он замолчал. Одна мысль поразила его. — У нас есть неисполненная обязанность...

Они начали копать могилу и обнаружили, что зеленое покрытие представляет собой плотный слой, а земля под ним глинистая.

Закат превратился в пламя, прежде чем они похоронили Ва Чау.

Полная луна должна была давать достаточно света: она была расположена на такой высоте и под таким углом, что сила ее свечения должна была в три раза превышать яркость земной Луны. Сегодня светил лишь тонкий месяц, но чтению заупокойной службы помогли сверкающие белым планеты и бесчисленные звезды. Большая часть созвездий была теми же самыми, на которые Рошфор смотрел в обществе Эвы Девиссон на Эсперансе. Три-четыре парсека не расстояние для Галактики.

«Существует ли жизнь после смерти? Я должен в это верить, — подумал он. — Отец, тебе, в какой бы форме я не видел тебя, вручаем мы это существо, нашего товарища. И мы молимся о том, чтобы ты даровал ему отдых, как молим и за себя! Будь милосерден! Будь милосерден! Будь милосерден!»

Маленькие вспышки наверху становились все более далекими.

— Рассыпаться, — приказал Кайал. — Уходить! Перегруппироваться на дальнюю орбиту!

— Однако, адмирал, — запротестовал капитан из его штаба, — их корабли, они используют шанс для побега, исчезновения в глубоком космосе!

Кайал переводил взгляд с одного экрана на другой. На него смотрели разные лица. Одни из них принадлежали гуманоидам, другие — нет, но все они были лицами офицеров Земной Империи. Он обнаружил, что ему трудно встречаться с их взглядами.

— Вам придется на это согласиться, — сказал он им. — На что мы согласиться не можем, так это на те потери, которые несем сейчас. Лаура только пролог! Если ценой ее захвата является ожидание подкрепления, если мы дадим Итри время на реорганизацию, — значит, нам суждено положить эти факты в основу своей стратегии и всей этой войне предстоит стать долгой и дорогостоящей.

Он вздохнул.

— Будем честны перед собой, граждане, — сказал он. — Наше знание этой системы было никуда не годным! Мы понятия не имели о том, какие укрепления созданы на Авалоне...

На орбите находились сотни автоматических станций, чьи силы питали исключительно защитные экраны и ищущие прожекторы. Подходить к ним было смертельно опасно. Между ними и планетой сновали суда, подвозящие все, что могло быть необходимым для поддержания боевой готовности роботов.

На поверхности планеты и луны была создана шарообразная решетка детекторов, выступающих трубок, энергетического оружия, слишком объемного, чтобы его нес на борту даже самый большой космический корабль. Часть была скрыта глубоко в скалах или на дне океана, кое-что находилось на поверхности земли или воды. Возможность того, что судно или ракета подойдут из космоса незамеченными, была действительно незначительной: мегаполя защищали каждый жизненно важный район планеты.

В воздухе клубился рой патрульных судов, готовый применить оружие против каждого, кто попытается сюда вторгнуться.

— ...и защитники великолепно использовали наше невежество. Они подтолкнули нас к такой конфигурации, которая позволила им с помощью их техники нанести жестокий удар! Мы оказались в мышеловке между планетой и их кораблями! Их флот сражается с дьявольским упорством, под давлением обстоятельств он становится неправдоподобно эффективным!

У нас нет выбора! Мы должны изменить обстоятельства — и быстро! Если мы отойдем за пределы досягаемости их защиты, то преимущество в численности снова окажется на нашей стороне, и, я уверен, их флоту придется оставить внешние области системы, как это говорил капитан Кхан.

— А потом, сэр? — спросил один из людей. — Что мы будем делать потом?

— Потом займемся переоценкой, — ответил ему Кайал.

— Можем ли мы нейтрализовать их с помощью того, что находится в нашем распоряжении в настоящий момент? — поинтересовался другой.

— Не знаю, — признался Кайал.

— Как они смогли это сделать? — воскликнул человек из-за бинтов, что маской покрывали его лицо. Его корабль был среди пораженных. — Какая-то несчастная колония!.. Что там за население? Четырнадцать миллионов, большей частью ранчеры?.. Как такое стало возможно?

— Вам бы следовало это понять, — упрекнул его Кайал, хотя и мягко, потому что знал, что наркотики притупляют не только боль, но и способность мыслить. — Располагая свободной атомной энергией, совокупностью естественных ресурсов, достаточно развитой технологией, общество нуждается только в воле к созиданию. Машины производят машины. Через несколько лет вся продукция в действии; выпуск ее ограничивается лишь минеральными ресурсами, а в малонаселенном, главным образом, земледельческом мире, таком, как Авалон, в последних недостатка не будет. Я мыслю себе так, — продолжал он громко, потому что любая мысль была лучше, чем мысль о том, какие страдания не далее как сегодня перенес его флот, — что сама пасторальная экономика упрощает дело содержания в тайне тех великих усилий, которые затрачиваются на ее создание. Более развитое общество стало бы апеллировать к своей промышленности, что равносильно ее раскрытию. Авалонские лидеры, когда-то получившие карт-бланш, большинство своих приспособлений развивали с нуля, на территориях, где никто не живет. — Он кивнул. — Да, граждане, давайте признаемся себе, что нас смогли обмануть! — Он выпрямился. — Теперь мы должны спасти то, что сможем!

Началось обсуждение путей и возможностей. Несмотря на огромные потери, силы землян все еще были гигантскими. И их потенциальные возможности могли быть укреплены за счет рассредоточения в огромных объемах пространства. Организация отступления сама по себе была большой операцией. И неизбежно должны были возникнуть альтернативные ситуации, неучтенные обстоятельства, непредвиденные катастрофы битвы. Авалонские космические капитаны показали такие свои качества, что от них вполне можно было ожидать выхода из битвы не иначе как с большими потерями для врага. И то будет не тактическим маневром, а ясной демонстрацией того, что уходом своим они не предадут свой народ.

Но как только компьютеры и мелкие чиновники смогут заняться разработкой деталей, начнется подготовка к отходу. Тогда Кайал сможет побыть один.

«Или не смогу? — подумал он. — Никогда больше не смогу! Повсюду будут поджидать меня призраки!»

Нет! Этот разгром не был его виной. Он действовал, используя ложную информацию. Саракоглу... Нет, губернатор был гражданским лицом, вовлеченным в процесс сбора фактов лишь самым косвенным образом. И он постоянно работал, помогая приготовлениям. Сама флотская служба безопасности, весь флот, вся Империя являлись нитью слишком тонкой, чтобы протянуться через все пространство, такое необъятное, нечеловеческое. В конце концов, возможно, все усилия сократить мир человека были тщетными.

«Ты сделал что мог». Кайал понимал, что действовал неплохо. То, что случилось, нельзя было назвать разгромом, это было просто разочарование. Благодаря дисциплине и твердому управлению, его флот понес гораздо меньшие потери, чем мог бы. Он остался достаточно сильным. Он усвоил полученные уроки, с тем, чтобы использовать их в дальнейшем.

И все равно призраки не исчезнут!

Кайал опустился на колени: «Христос, простивший воинов, помоги мне простить себя! Святые, не покидайте меня, пока не будет выполнено дело!»

Он прервал молитву и перевел взор с распятия на картину. «А ты, Елена, ты, которая сейчас на Небесах, должна еще любить меня, ибо никогда и ничто не могло ослабить твою любовь, так наблюдай же за мной! Держи мою руку!»

Под флайерами катил свои черные воды океан. Над ними были звезды и Млечный путь, чей холодный, как иней, свет прорезал теплый воздух.

Впереди мрачным облаком обрисовывались очертания острова. Табита слышала гул прибоя, то усиливающийся, то затихающий.

— Они уверены, что эта штуковина приземлилась там? — спросил один из шести сопровождающих ее и Драуна итриан.

— Или здесь, или в море, — проворчал ее спутник. — Для чего тогда внутренняя охрана, если не для того, чтобы проверять показания детектора? А теперь тише и осторожнее! Если это была имперская лодка...

— Они ничего не смогут сделать, — заметила Табита. — Они беспомощны!

— Тогда почему они не позвали на помощь?

— Может быть, их передатчик не действует?

— А может быть, они задумали какую-нибудь игру? Я бы хотел этого. Этой ночью у нас было немало новоиспеченных мертвецов. Чем больше землян отправится в ад, тем лучше!

— Следуй приказам и заткнись, — сказала Табита.

Иногда она самым серьезным образом обдумывала проблему своего сотрудничества с Драуном. Годы знакомства с ним показали ей, что он не верит по-настоящему в богов Старой веры, не считает

нужным поддерживать традиции, как большинство людей Неба. Нет, он наслаждался самим процессом принесения в жертву. И он много раз убивал на дуэли, сам бросал вызов, какие бы это ни создавало ему осложнения впоследствии. И хотя он не злоупотреблял рабами, но нескольких держал, обращаясь с ними, как она чувствовала, никуда не годным образом.

И все же он был хорошим и, на собственный его лад, великодушным другом. Его лидерство на море великолепным образом соединялось с ее способностями управлять. Он мог быть отличным компаньоном, когда хотел. У него была милая жена, его детишки были неотразимыми и обожали свою родственницу Хилл, которая так любила их обнимать...

«А сама я безупречна? Судя по изгибам моего разума — нет!»

Они летели высоко над землей. Фотоусилители показывали ее серебристо-серую растительность, здесь и там отмеченную более высокими растениями.

На валунах капли росы принялись ловить лунный свет.

«Как он туда попал? В новостях сообщалось, что враг отброшен, но...»

Она пожалела, что не летит обнаженной в прозрачном, пронизанном нежным ароматом воздухе. Ее тело требовало одежды, кирасы, шлема, ботинок. Все это мешало, но в то же время... Хой!

— Смотрите! — указала она. — Свежий след!

Они сделали круг, пересекли дорогу, и под ними оказались обломки.

— Действительно земной! — сказал Драун.

Она увидела, как его гребешок и хвостовые перья поднялись дыбом. Он поднес к глазам бинокль:

— Двое снаружи! Хой!

— Стой! — рывкнула на него Табита, но он уже спускался.

Она обругала неуклюжесть поясов, повозилась с приборами и полетела за ним. Сзади следовали другие итриане, бластеры позвякивали у них на груди. Драун оставил свой пистолет в кобуре, а вместо него вытащил тяжелый изогнутый нож «фао» полметра длиной.

— Стоп! — крикнула Табита, перекрывая свист воздуха. — Дай им шанс сдаться!

Люди, стоящие у холмика свежевскопанной земли, подняли головы.

Драун испустил боевой клич. Рука одного человека дернулась к кобуре. И тут же на него налетел ураган. Крылья захлопали с такой силой, что воздух заклокотал. За два метра от земли Драун обратил свое падение в прыжок. Его правая рука занесла нож коротким полукругом, левая ударом ладони послала его вперед.

Голова землянина отделилась от туловища и упала, ужасающе подпрыгивая. Тело покачалось, как будто в нерешительности, истекая кровью, потом рухнуло, как кукла, у которой сломались пружины.

— Хиа-а-а-ах! — выкрикнул Драун. — Адские крылья поразят вас перед моими товарищами по чосу! Они грядут!

Второй землянин отскочил назад. Его собственное оружие было у него в руке. Он выстрелил, и вспышка разрезала темноту.

«Прежде чем они его тоже убьют...» — У Табиты не было времени на составление планов. Она была в авангарде отряда. Безумный взгляд человека и дуло его оружия было нацелено на Драуна, чья ширококрылая тень не поднялась еще для второго захода. Она налетела на него сзади, потащила вниз, крепко вцепившись в него.

Они споткнулись, пояс не мог поднять их обоих. Она почувствовала, как бровь ее задела за корень, а щека больно прохалась по земле.

Он перестал сопротивляться. Она отпустила его и склонилась над ним. О собственной боли и головокружении она не думала. Она увидела, что землянин жив, но находится в обморочном состоянии; он ударился виском о камень при падении. Кровь запеклась на кудрявых черных волосах, однако веки его дрогнули, и белки глаз отразили звездный свет. Он был высоким, темнокожим по авалонским стандартам... Люди с подобными хромосомами обычно вырастают под солнцем, более сильным, чем Лаура.

Итриане столпились поблизости, готовые наброситься в любую минуту. Табита вскочила на ноги. Она защищала землянина. Держа пистолет наготове, она выдохнула:

— Нет! Назад! Хватит убийств! Он — мой!

ГЛАВА 10

Ферун из Миствуда отчитался в Грее, устроил все свои дела и попрощался на несколько дней.

Дэннелю Холму он сказал:

— Я рад, что ты мой друг, Первый марчварден!

Губы его собеседника дрогнули.

— У тебя есть еще время, прежде чем... прежде чем...

Ферун покачал головой. Хохолок его безжизненно повис. Большая часть оставшихся перьев была тускло-белой. Он говорил едва слышным голосом, но его улыбка не изменилась:

— Нет, боюсь, что медики не смогут стимулировать регенерацию в подобном случае, когда заряд получила каждая клеточка. Жаль, что имперцы не обстреляли нас ртутными парами, хотя ты счел бы и это варварством.

«Да, вы менее восприимчивы к тяжелым металлам, чем люди, — пронеслось в голове Холма. — Но хуже переносите жесткую радиацию».

Голос продолжал, спотыкаясь:

— Сейчас меня все время держат под действием наркотиков. Большая часть тех, кто был со мной, умерла. Но прежде чем я

последую за ними, я должен передать остатки моей силы и знаний тебе.

— Мне?! — У человека перехватило дыхание. — Мне, который убил тебя!

Лицо Феруна окаменело.

— Сойди с этого насеста, Дэннел Холм! Если бы я считал, что ты на самом деле виноват, я бы не оставил тебя в кабинете... а может быть, и в живых. Любой, носящий в себе подобные глупые мысли просто опасен. Ты изучал мой план, да и пункт насчет крови тоже, не так ли?

Холм опустил на колени около друга. Основная кость стала острой, плоть вокруг нее истаяла, а кожа была лихорадочно горячей, и Дэннел чувствовал, как бьется сердце.

Ферун поднял голову. Крылья обняли человека, губы коснулись его в поцелуе.

— Ты помогал мне высоко летать, — сказал Ферун. — Если позволит война, окажи нам честь, прими участие в нашем ритуале. Прекрасных ветров навсегда!

Он вышел. Адъютант помог ему сесть в машину и повез на север, к лесам его часа, где ждала его Марр.

— Позвольте представиться, я — Хуан де Иесуса Кайал и Поломарес из Нью-Мехико, командующий морскими силами Его императорского величества в настоящей кампании. Даю вам слово земного офицера, что луч плотный, управление автоматическое. Этот разговор будет записан, но не мониторизирован, а лента будет классифицирована как секретная.

Двое, смотревших на него с экрана, молчали. Тишина была такой, что Кайал осознал присутствие окружавшего его со всех сторон металла, услышал пульс машин, почувствовал слабый химический запах дующего в вентиляторы воздуха.

«Интересно, — подумал он, — какое я произвел на них впечатление. По выражению лица этого старого итрианина — Лъзу? да, Лъзу — не понять, а он, очевидно, представляет гражданскую власть».

Это существо выглядело как мрачная статуя. Жили лишь желтые глаза в глубоких складках.

Дэннел Холм был весь в движении; то вставлял в рот сигарету, то вынимал ее, барабанил пальцами по крышке стола, левая его щека немного подергивалась. Он был измученным, небритым, мрачным, в нем не было и следа имперской аккуратности. Но в нем не было и следа робости.

Именно он спросил наконец:

— Почему?

— Почему? — в удивлении ответил Кайал. — Почему я послал вам сигнал, приглашая на конференцию? Для того чтобы обсудить условия, конечно!

— Нет, для чего такая секретность? Не могу сказать, чтобы я поверил вам в этом, как впрочем и во всем другом!

Кайал почувствовал, что у него загорелись щеки. «Я не должен сердиться».

— Как вам будет угодно, адмирал Холм! Тем не менее, наградите меня, пожалуйста, какой-то долей здравого смысла. Не говоря уж о моральной стороне массовых жертв и напрасной траты богатств, вы должны понимать, что я хочу избежать ненужных потерь. Вот почему мы избрали дальнюю орбиту вокруг Авалона и Морганы и не проявляем никаких агрессивных намерений с тех пор, как на прошлой неделе закончилась битва. Теперь, когда мы знаем свои возможности, я готов сказать! И я надеюсь, что вы тоже хорошенько подумаете. Я не интересуюсь ни славой, ни оглаской. Подобные вещи нужны только для достижения практических целей. Поэтому наши переговоры должны носить конфиденциальный характер. Надеюсь, что вы воспользуетесь возможностью говорить также откровенно, как намерен делать это я, зная, что на ваше слово можно положиться!

— На наше — да! — сказал Холм.

— Прошу вас, — взмолился Кайал. — Вы сердитесь, вы бы убили меня, если бы могли, но несмотря на все это вы прежде всего профессионал. Мы оба исполняем свой долг, каким бы неприятным он ни был.

— Ну, тогда начнем! Чего вы хотите?

— Обсудить условия, как я уже сказал. Насколько я понимаю, мы втроем не можем осуществить или распорядиться сдачей, но...

— Я думаю, вы можете, — вмешался Лъзу.

Он говорил на англическом с сухим резким акцентом.

— Если боитесь последствий военного суда, гарантируем вам психиатрическую лечебницу.

Рот Кайала открылся сам собой.

— Что вы говорите?

— Мы должны быть уверены в том, что никаких уловок нет. Я предлагаю, чтобы вы одновременно вывели свои суда на замкнутую орбиту для погрузки. Транспортные суда для погрузки могут быть приведены в состояние готовности позже.

— Вы... вы... — Кайал глотнул. — Сэр, мне сказали, что ваш собственный титул переводится примерно как «судья» или «говорящий от имени закона». Судья, сейчас не время для шуток!

— Если вы не собираетесь сдаваться, — сказал Холм, — то к чему все эти дискуссии?

— Речь идет о вашей капитуляции! — Кулак Кайала опустился на ручку кресла. — Я не собираюсь играть в словесные игры! Вы и так тянули достаточно долго! Но ваш флот был разбит! Небольшие действия с нашей стороны — и он был бы вообще загнан в угол. Мы контролируем все пространство вокруг. Помощь извне для вас невозможна. Все, что может быть безрассудно послано из других систем, будет развеяно в пыль, и командованию об этом известно. — Он подался вперед. — Нам страшно не хочется подвергать вашу планету бомбардировке. Пожалуйста, не вынуждайте нас к этому!

— Что ж, давайте, — ответил Холм. — Наши интенсенторы с радостью попрактикуются!

— Но... вы считаете, что блокраннеры смогут... смогут... О, я знаю, насколько велика планета. Я знаю, что случайные маленькие суда могут проскочить мимо ваших детекторных установок, ваших патрулей и станций. Но я знаю, какими маленькими должны быть эти суда, и насколько случаен должен быть их успех!

Холм яростно запыхтел сигаретой, прежде чем ему удалось ее раскурить.

— Да, конечно, — отрезал он. — Технический стандарт! Уничтожьте космический флот — и планете придется уступить, иначе вы превратите ее в радиоактивную пыль! Неплохая работа для человека, а? Что же, мы с моими коллегами предвидели возможность подобной войны годы назад. Мы знали, что никогда не сможем создать флот, равный вашему, хотя бы только потому, что вы, ублюдки, имеете гораздо больше населения и территории. Но защита... адмирал, вы стоите у конца долгой череды коммуникаций и складов. Пограничные миры не могут создать флот, подобный вашему. Ваш флот — детище всей Империи! Мы здесь готовились только к тому, чтобы достойно его встретить. Мы можем проглотить все, что вы намерены в нас швырнуть!

— Абсолютно?

— О'кей, допустим, при удаче, вам удастся приземлиться с боевым зарядным отделением, и оно может быть большим и грязным. Мы это выдержим, части местной охраны снабжены обеззараживающими средствами. Шанс за то, что ему удастся добиться чего-нибудь важного, равен шансу выиграть игру тройкой против королевского флеша. Ни один ваш корабль не сможет достаточно близко подойти к энергетическому прожектору, такому сильному, что он может разглядеть даже, что делается у вас в желудке! А у наших наземных фотонных генераторов нет ограничений ни в размере, ни в массе. Мы можем использовать целые реки воды, чтобы охладить их, пока их носы будут изгонять вас с нашего неба. А теперь скажите мне, почему в этом пылающем хаосе мы должны сдаваться?

Кайал сел. Он почувствовал себя так, как будто ему нанесли удар в спину.

— Неплохо было бы узнать, какие условия вы можете предложить, — монотонно сказал Лъзу.

«Спасение расы? Эти итриане должны быть чертовски гордыми, но не до безумия же». Надежда вновь ожила в Кайале.

— Условия будут самыми почетными, — сказал он. — Ваши корабли должны быть конфискованы, но они не будут использованы против Итри, а персонал может отправиться домой, причем офицеры имеют право сохранить оружие. То же самое относительно вашей защиты. Вы должны согласиться на оккупацию и кооперироваться с военным правительством, но будет приложено максимум усилий, чтобы все с уважением относились к вашим законам и обычаям; индивидуумы получают право подавать петиции с требованиями, а те

земляне, которые превысят свой статус, будут наказываться так же сурово, как авалонцы в аналогичных случаях. В общем, если население будет правильно себя вести, я сомневаюсь что оно вообще увидит имперские суда.

— А после войны?

— Такие вопросы разрешает королевская власть, но думаю, что вы будете включены в состав Реорганизованного Сектора. И вы должны знать, что губернатор Саракоглу — человек деятельный и добрый. Насколько только это будет возможным, Империя позволит развиваться местному образу жизни.

— Позволит! Весомое слово! Но пусть так. Давайте обсудим вопрос демократии. Сможем ли мы остановить возможную волну иммиграции, прежде чем она нас захлестнет?

— Пожалуй, нет. Гражданам гарантирована свобода передвижения. Это одно из положений, за которые стоит Империя. Черт возьми, нельзя же так самолюбиво преграждать путь прогрессу только потому, что вы стоите за архаизм!

— Обсуждать больше нечего. Всего хорошего, адмирал!

— Нет, подождите! Вы не можете... сами приговорить свой народ!

— Если Круач и Парламент изменят свои точки зрения, вы будете проинформированы.

— Но послушайте! Вы позволяете им умереть ни за что, — с жаром заговорил Кайал. — Эта граница должна быть укреплена. Вы, весь Доминион, Итри все равно не сможете помешать этому процессу. Вы можете только продолжать убийства, весь этот фарс. И вы будете наказаны на свое упрямство тем, что вам придется принять мир на более худших условиях, чем вы могли бы получить! Послушайте, в этом деле не одна сторона; вы войдете в состав Империи! Вы получите возможность торговать, получите широкие контакты, защиту! Соглашайтесь на сотрудничество, и у вас будет равноправное государство, со всеми привилегиями, какие только возможны. Через несколько лет все индивидуумы получат земное гражданство. Естественно, весь Авалон станет частью Великой Земли. Ради любви к богу, будьте реалистами!

— Мы и есть реалисты! — сказал Льзу.

Холм усмехнулся. Оба экрана померкли.

Несколько мгновений Кайал сидел, глядя на них невидящим взглядом. «Они не могли говорить серьезно. Не могли!» Дважды он протягивал руку к интеркому. Нужно повторить вызов. Может быть, это какое-то детское упрямство, чтобы вынудить Империю пойти еще на какие-нибудь уступки?

Рука его упала. «Нет, я отвечаю за наше собственное достоинство!»

Решение пришло само. Пусть план «Два» будет отложен. Оставить необходимые военные силы охранять Авалон. На это понадобится не так уж много судов. Единственная реальная возможность помешать переправке значительных ресурсов этого мира на Итри и защитить Империю от баз Авалона. Осада потребует

большого количества людей и кораблей, чем этого потребовала бы оккупация, но придется их потратить.

Важным было не упустить момент.

Свободные корабли должны быть немедленно отосланы к Кхрау и Хру на тот случай, если там повторятся подобные попытки. К первой системе он поведет флот сам, ко второй — его помощник. То, что они узнали здесь, очень им поможет.

И он был уверен, что в дальнейшем их ожидают быстрые победы. Служба безопасности попала впросак в деле изучения действенности авалонского оружия, но не самого факта: его скрыть было невозможно. По некоторым сведениям он знал, что остальные планеты не имели своего ворчащего Дэннеля Холма, способного за годы развить такую защиту. Он знал, что другие итрианские колонии обладают маленькими и плохо скоординированными между собой флотами, а сами миры не вооружены.

Кетлен, солнце этого сектора, являло собой большую угрозу. Но пусть себе показывает свою силу, Кайал надеялся, что враги его будут достаточно благоразумны и капитулируют раньше, чем он поразит их в самое сердце.

«А потом, после короткого перемирия, несколько искалеченных молекул подарят нам Авалон. Отлично! Лучше, чем борьба... Знают ли они об этом? Хотят ли они лишь продлить на несколько недель, не больше, иллюзию свободы? Что ж, надеюсь, цена, которую им придется за это заплатить — жизни, разрушения, реконструкция всего их общества, — надеюсь, что эта цена не покажется им непомерно большой, потому что терпение — это то, что станет для них основой дальнейшего существования!»

Перед заходом солнца Ферун покинул Миствуд.

В тот день его родной край вполне отвечал своему названию. Туман стелился холодной сырой дымкой, тянувшейся со стороны моря. Особенно густой она была вокруг деревьев, так что они казались странными и призрачными; влага капала с ветвей на опавшие листья, образуя в некоторых местах маленькие озерца прозрачной воды. Но дальше, в глубине острова, где остался Старый Авалон, раздавались звуки, пугавшие животных. Они неслись от дома Феруна.

Собирались крылья. Звук трубы прорезал тишину ночи. Впереди шли его сыновья, встречая товарищей по часу.

Они несли тело, положенное на носилки. Рядом летели его ухоты, озадаченные неподвижностью своего хозяина.

Потом шла вдова. За ней — его дочери, их мужья и взрослые сыновья, несущие факелы.

Били по воздуху крылья. Свет прорезал тьму. Шестие поднималось в воздух. Когда факелы оказались вознесенными над завесой тумана, тот обратился в голубоватый призрачный занавес над бледным, как лед, свечением на востоке. На западе, над морем, сверкали королевским пурпуром последние звезды.

А процессия продолжала подниматься, пока не достигла тех слоев воздуха, которые только можно было достичь. Здесь воздух был разреженным и холодным, но на краю мерцающего мира снежные пики Матери погоды уже согревались еще скрытым от взоров солнцем.

Кортеж направлялся к северу.

Дэннел Холм и его семья, следующие за остальными в тяжелом снаряжении и масках для дыхания, видели над собой мелькание крыльев. Они едва различали свет факелов, казавшийся им таким же далеким, как свет самых далеких звезд. Более отчетливым было биение крыльев. Если не считать этого, тишина была полной.

Они достигли земель, сохранивших свою первозданность — уступы, валуны, быстро бегущие речки.

Здесь сыновья Феруна остановились.

Раскинув крылья, парили они в первых волнах тепла еще не наступившего утра. Впереди была мать, по бокам — члены клана, сзади — чос. И вот над горами поднялось солнце.

К Феруну подлетел новый Виван Миствуда. Еще раз он протрубил сигнал и трижды выкрикнул имя умершего. Подлетела и Марр и запечатлела на лбу мужа прощальный поцелуй. Потом Виван произнес слова Новой Веры, которым было тысячи лет.

— Высоко летел твой дух над многими ветрами, но внизу настиг тебя наконец крылатый Бог охоты! Ты встретил его в гордости, ты сражался с ним доблестно, от тебя он узнал о чести! Умри же теперь, оставшееся да будет водой и листьями, да поднимется ветром. А ты, дух, останься навсегда незабвенным!

Сыновья подняли носилки. Тело упало, а за ним упали факелы.

Марр двинулась вперед и вниз, начав танец неба. Остальные последовали за ней.

Повиснув между пустотой и вечностью, Дэннел Холм сказал Кристоферу:

— А эти земляне думают, что мы не сдадимся!

ГЛАВА 11

Льзу из Тарнов заговорил:

— Мы встретились на Великом Круаче Авалона, где свободный народ может избрать свой путь. Наш враг потерял повсюду много силы, направленной против нас. Но это не победа, ибо оставшиеся суда устремятся против Доминиона.

Тем временем он оставил значительное количество судов, которые должны отрезать нас от остального мира. Вряд ли они нападут на нас. Но они будут искать и стараться уничтожить наши базы на родственных планетах и те наши военные корабли, которые остались в космосе. Мы можем до бесконечности развивать нашу защиту. И все же нельзя поручиться за то, что мы будем покорены. Возможно, что это и правда. Потом он объявил, что мы можем ожидать лучшего обращения, если сдадимся сейчас, чем если будем

продолжать войну, хотя самое лучшее, на что мы можем рассчитывать — это попасть под власть имперского закона и обычаев. И это, конечно, правда.

Те, кто говорили от вашего имени, отклонили эти предложения, так как не могли поступить иначе, пока вы все не соберетесь и не решите. Я напоминаю вам о сложностях продолжения войны и о жестоких условиях мира, которые ожидают нас в случае поражения. Более того, я напоминаю вам, что если мы все-таки продолжим сопротивление, свободному народу Авалона придется отказаться от многих своих прав и подчиниться диктату военных лидеров настолько, насколько этого потребует обстановка.

— Что говорят часы?

Он и его коллеги стояли на старинном участке, расположенном на Первом Острове Гесцериянского моря. За ними возвышался дом Дэвида Фалкайна. Перед ними зеленая лужайка полого спускалась к берегу и прибою. Но не было видно никаких кабин, никаких палаток, ни один корабль не стоял на якоре, не было потока делегатов, стремящихся занять свои места под деревьями.

На церемонии не было времени. Выбранные на региональных митингах и индивидуумы, желающие говорить, сообщались с остальными с помощью электронной техники.

Вооруженный комьютерами штаб работал на полную мощность. Несмотря на нелюбовь к речам среднего итрианина, несмотря на его всегдашнюю боязнь показаться смешным, рассуждая об очевидных вещах, все же, когда почти два миллиона взрослых оказались перед лицом такого серьезного, как этот, момента, желающих высказаться должно было оказаться столько, что без отбора ораторов выступлений хватило бы на год вперед. Тем, кому слово было предоставлено, предстояло ждать своей очереди.

Аринниан знал, что его должны вызвать. Он расположился рядом с Айат перед большим экраном. Они сидели на широкой передней скамье. За ними громоздились ряды сидений, на которых восседали члены дома Литрана и Блоусы с хозяевами во главе.

Медленно произносимые слова Лъзу только усугубляли тишину большого темного помещения, чьи стены были увешаны оружием.

И так же подчеркивал эту тишину шелест перьев, стук когтей или алатана, когда кто-нибудь слегка шевелился.

Воздух был пропитан запахом дерева и итрианских тел. Ветерок, проникающий в открытое окно, добавлял к ним еще запах сырой земли. Он шевелил свисающие с флагштоков знамена.

— Отчитаться о фактах, касающихся...

На экране возникло изображение ранчера. За ним виднелась прерия Северной Короны. Пастбище вдали, стадо нагруженных ношей циррауков, ведомое каким-то юнцом.

Появившийся на экране заговорил:

— Запасы продовольствия, сделанные на равнинах Лонг-Бич, были в этом году удовлетворительными. Прогнозы на новый сезон оптимистические. Нам удалось добиться того, что 75 процентов

запасов мяса в бункерах надежно защищены от радиации, и мы надеемся также успешно решить остальные задачи к середине зимы. Детали можно узнать в Центральной Библиотеке. Я закончил!

Снова возникло изображение Верховного Вивана, и тот вызвал следующего из выступающих.

Айат схватила Аринниана за руку. Он почувствовал, как бьется кровь в ее пальцах, когти на двух больших пальцах причиняли ему боль. Он посмотрел на нее. Бронзово-коричневый гребешок был поднят, янтарные глаза светились, как факелы. Меж полуоткрытых губ сверкали клыки.

— Сколько можно продолжать это бесполезное жужжание? — выдохнула она.

— Они должны знать всю правду, прежде чем решать, — прошептал он ей в ответ и почувствовал, что в спину ему устремились неодобрительные взгляды.

— Что решать, когда Водан в космосе?

— Ты помогаешь ему своим терпением, — сказал он и подумал:

«Интересно, кто я такой, чтобы давать советы? Хорошо, Айат была молода, я тоже, но сегодня я чувствую себя постаревшим, и так жестоко, что она не может даже надеяться на получение известия о том, с кем помолвлена, до самого конца войны. Ни один корабль не может передать сообщение на осажденный Авалон».

По крайней мере, было известно, что Водан среди тех, кто бежал. Слишком многие корабли вернулись на орбиту грудой обломков. Потери землян, конечно, были еще более значительными, благодаря ловушке Феруна и Холма. Но и итриан погибло так много, слишком много, подумал Аринниан, а что значит миллион землян?

— ...Вызывается глава охраны Западной Короны!

Он встал и сообразил, что будет гораздо удобнее, если он произнесет свою речь сидя. Он снова сел и начал говорить:

— Я — Аринниан из Врат Бури. Мы в хорошей форме, вооружены, тренируемся, принимаем рекрутов по мере их поступления. Но нам нужны дополнительные силы; поскольку еще никто не сказал об этом, я бы хотел напомнить всем, что, кроме офицеров, все несут службу по охране лишь в определенное время, причем время добровольцев может быть сокращено до такого минимума, чтобы это не мешало повседневной работе. Наша секция кооперируется с североорнезианской и теперь протянулась через весь архипелаг, и мы намерены аналогичным образом продолжить ее к югу и востоку до тех пор, пока не соединимся с Бреданом, Фьери и Островами Щита, чтобы обеспечить непрерывной защитой весь периметр Короны.

От имени моего отца, Первого маршвардена, я хотел бы указать на значительную брешь в защите Авалона. Речь идет о почти полном отсутствии охраны в экваториальной зоне. Там нет ничего, кроме нескольких прожекторов и орудий. Конечно, континент необитаем, это правда, но землянам об этом тоже известно, и если они решатся на вторжение, то вряд ли станут заботиться при этом о сохранении местной экологии. Я хотел бы получить предложения по этому поводу

и передать их дальше по нужным каналам. — Во рту у него пересохло. — Я закончил.

Он глубоко вздохнул. Айат взяла его за руку, на этот раз ее пожатие было более нежным. Судьба оказалась к нему милостивой — никто не задавал вопросов. Он вполне мог бы провести дискуссию по техническим проблемам с несколькими знающими особами, но два миллиона — многовато для человека, не обладающего политическими инстинктами.

Разговор казался бесконечным. Наконец было объявлено о голосовании, но до того момента, когда Льзу объявил о том, что, согласно данным, 83 процента высказались за продолжение сопротивления, прошло чуть меньше шести часов. Люди не могли бы проделать все это так быстро.

— Что ж, — сказал Аринниан, возвышая голос в шуме расправляемых крыльев, — ничего удивительного!

Айат схватила его за руку.

— Идем, — сказала она. — Надень пояс. Я хочу немного размять крылья перед обедом!

Лил дождь, пахнувший небом. Когда они поднялись к облакам, то оба свернули к востоку, желая отделаться от товарищей по чосу, тоже нуждавшихся в физической разминке.

Белели гребни снежных пиков и ледников, появились первые звезды, и наравне с ними сверкали несколько движущихся точек, орбитальные крепости.

Они летели в молчании, пока она не сказала:

— Я бы хотела присоединиться к охране!

— Гм?... А, да, конечно!

— Но не к летающему патрулю. Это нужное дело, я знаю, и приятное, если погода хорошая. Но мне не нужны удовольствия! Смотри, вон там поднимается Камелот. Может быть, Водан скрывается на его мертвой луне и ждет шанса рискнуть своей жизнью.

— Что бы ты предпочла? — спросил он.

Движение ее крыльев было более уверенным, чем ее голос.

— У тебя, конечно, целая прорва работы. Твой штат, несомненно, слишком мал, иначе ты бы не был так занят и не уставал бы так. Не могла бы я помочь?

— М-м... Но...

— Быть твоей ассистенткой, посыльным, секретарем? Я могу воспользоваться помощью электрокрама и через несколько дней буду готова приступить к работе.

— Нет. Это слишком трудно.

— Я постараюсь. Испытай меня. Если я не справлюсь, уволишь меня, и мы все равно останемся друзьями. Но я думаю, что смогу. Может быть, я справлюсь лучше многих других, тех, кто не знал тебя все эти годы и кто лучше подойдет для другой работы. Я смысленная и энергичная. Разве нет? И... Аринниан, мне так нужно быть с тобой! Так мне легче пережить это ужасное время! — Она потянулась к нему. Он схватил ее за руку.

— Хорошо, мой боевой друг! — И в тусклом свете звезд она была так же прекрасна, как в свете солнца или луны.

— Да, я назначу голосование на завтра, — сказал Мэттью Викери.

— И как, по-вашему, оно пройдет? — спросил Дэннел Холм.

Президент вздохнул:

— А вы как думаете? О, военная фракция в Парламенте не имеет такого большинства, как в Круаче. Некоторые члены охотнее выразят свое мнение голосованием, нежели почтой. Но я видел результаты анализа почты, телефонных звонков и... Да, вам удастся проташить свою проклятую резолюцию. Вы получите необходимую вам власть, приостановив функции гражданского правительства, чего и добиваетесь. Мне очень хочется, чтобы вы прочли хотя бы некоторые из писем или просто просмотрели бы ряд записей. Я никогда не представлял, что в душах разумных существ столько древнего безумия.

— Борьбу за свой дом вы считаете безумием?

Викери поджал губы:

— Да, когда она не может быть выиграна!

— Я бы сказал, что мы уже кое-что выиграли. Мы разгромили огромную земную армаду. Мы пытаемся достичь еще больших результатов на Итри.

— Неужели вы действительно верите в то, что Доминион способен победить Империю? Холм, Империю не пойдет на компромисс! Встаньте на эту точку зрения хотя бы на минуту, если можете, ведь Империю — единственный хранитель границ, защищающий их от вторжений варваров и чуждых цивилизаций, имеющих водородное оружие. Империю должна поддерживать веру в себя, в свою неуязвимость, иначе с ней все будет кончено.

— Мне до слез жаль Империю, — сказал Дэннел Холм, — но его Величество должен решать свои проблемы за счет кого-нибудь другого. Мы ему так просто не сдадимся! Кроме того, вы же знаете, что земляне не собираются высаживаться на Авалон.

— Им это и не нужно, — ответил Викери. — Если возникнет такая необходимость, они вернутся с новыми силами. А тем временем нам нужно прийти в себя. — Он глубоко вздохнул. — Я считаю, что ваша игра будет стоять чрезвычайно...

— Прошу вас. Во-первых, не игра, а изобретение. Во-вторых, не моя, а наша!

— Но неужели вы не понимаете, что в дальнейшем для нас не останется ничего, кроме неизбежного мира? Сейчас мы можем добиться великолепных условий. Я уже имел дело с губернатором Саракоту и знаю, что он проследит за тем, чтобы соглашение было честное. По здравому размышлению, что такого плохого в том, чтобы войти в состав Империю?

— Ну, начать с того, что мы нарушаем присягу, принесенную нами Итри. Простите, приятель, смертельная гордость не позволяет!

— Вы сидите здесь и говорите всякие устаревшие слова, но вот что я вам скажу: ветры изменений все крепчают!

— Насколько я понимаю, и эта фраза достаточно стара, — сказал Холм. — Ферун тоже знал одну старинную фразу и любил ее цитировать. Как она звучит? В их звездный час...

Табита Фалкайн оттолкнулась от пристани. Кливер и мачта заскрипели под ветром.

Светлая открытая лодка закачалась среди шипящей пены и устремилась вперед. Выйдя из бухты, она оказалась в открытом море и понеслась над волнами.

— Мы скользим! — крикнул Филипп Рошфор.

— Конечно, — отозвалась Табита. — Это гидроfoil. Держитесь! — Она надела шлем. Лодка качнулась и накренилась на один бок.

— Нет киля? Что же вы используете для горизонтальной устойчивости?

Она указала на странного вида изогнутые доски, что возвышались над каждым поручнем. Вот что! Конструкция итриан! Они знают о путях ветров больше, чем это могут вообразить себе человеческие компьютеры.

Рошфор озибался, восхищаясь панорамой вокруг. Вид был великолепен. Кругом, сколько хватало глаз, перекатывались крупные волны, синие с фиолетовыми и зелеными искорками, пронизанные солнечным светом, увенчанные белыми шапками пены. Они ворчали и вздыхали, и брызгались каплями воды, солеными на губах и такими хлесткими, что в тех местах, где они касались тела, на нем выступали красные пятна.

Воздух был прохладным, но не холодным, и напоен жизнью. Сбоку с удивительной скоростью двигались изумрудные высоты Сент-Ли.

Но, он вынужден был это признать, самым великопепным из всего окружающего была высокая загорелая девушка, которая стояла, дымя трубкой, с похожим на коршуна домашним животным на плече. На ней не было ничего, кроме кильта, развеваемого ветром, и, конечно, ножа и бластера на боку.

— Сколько, вы говорите? — спросил он.

— Около тридцати пяти километров. При такой скорости пара часов. Не стоит возвращаться раньше захода солнца, когда высыпает много звезд, так что у нас будет достаточно времени на то, чтобы хорошенечко оглядеться!

— Вы очень добры, донна, — осторожно сказал он.

Она рассмеялась:

— Нет, я рада возможности выбраться оттуда. Особенно потому, что меня очень привлекают эти морские растения. Если верить экологаи, местами они могут покрывать территорию, равную по величине среднему острову. А один рыбак говорил мне, что он видел среди таких зарослей иракена. Надеюсь, мы его найдем. Это редкое

зрелище! Они довольно миролюбивые животные, хотя мы все равно не осмеливаемся приближаться к существу такой величины.

— Я имел в виду не только эту экскурсию, — сказал Рошфор. — Вы принимаете меня, военнопленного, в своем доме как гостя.

Табита пожала плечами:

— Почему бы нет? Мы не боимся пустой болтовни. От нее все равно не будет никакого толку. — Во взгляде ее сквозила искренность. — Кроме того, я хочу узнать вас!

Внутренне сжавшись, он спросил себя, насколько хорошо она хочет его узнать.

Она помрачнела.

— И, — сказала она, — я надеюсь... что вы поймете случившееся. Вы видели, как Драун убил вашего друга. Вы должны понять, что это не бессмысленное убийство. Он очень несдержан: чуть что — и выхватывает оружие. А сейчас война.

Он выдавил из себя улыбку:

— Она будет не всегда, донна!

— Меня зовут Табита, Филипп, или Хилл, когда я говорю на планхе. Нет, конечно... Это верно. Когда вы вернетесь домой, я бы хотела, чтобы вы не думали об итрианах как о чудовищах.

— Итрианах? Вы? — он поднял брови.

— А кто же еще? Авалон принадлежит Доминиону.

— Так будет уже недолго, — сказал Рошфор и торопливо добавил: — Когда этот день придет, я сделаю все, что смогу, чтобы показать вам, что и мы, земляне, тоже не чудовища!

Он не мог понять, как она может так искренне улыбаться.

— Если подобная мысль доставляет вам радость, то что ж, думайте так. Но боюсь, что вы не найдете здесь особенно много удовольствий. Плавание, ловля рыбы, гребля, прогулки пешком... да, и чтение. Я страшно люблю книги о приключениях, и у меня их много, некоторые доставлены прямо с Земли. Но это, пожалуй, и все. Я единственный человек, имеющий постоянную резиденцию в Сент-Ли, но мои дела и обязанности по внутренней охране заставляют меня подолгу бывать в других местах.

— Я справлюсь, — сказал он.

— Конечно, со временем, — отозвалась она. — Настоящие итриане не настроены к вам враждебно. Главным образом, они смотрят на войну как на нечто неизбежное, на голод, например, когда вынужден кого-то убить ради того, чтобы накормить своих малышей, но ненавидеть его при этом не будешь. Они не станут болтать с вами запросто, но если вы захотите сыграть в шахматы, то найдете желающих.

Табита поправила парус.

— И все же, — сказала она, — авалоняне любого типа не выдумали столько массовых развлечений, сколько, как я слышала, люди Империи. И на экранх вы ничего особенного не найдете, кроме новостей, навещающих сон учебных программ и классических драм, которые, возможно, ничего для нас не значат. Так что... когда вам

станет очень скучно, скажите мне, и я устрою для вас поездку в какой-нибудь город, Грей или Центаур.

— Не думаю, чтобы это было нужно, — сказал он и мягко добавил: — Табита...

Дальнейшие его слова были искренними:

— Нет, я чувствую себя виноватым за то, что больше не скорблю о случившемся со мной, что принимаю свою фантастическую удачу, как будто так и должно быть.

— Ха! — усмехнулась она. — Когда-нибудь я подсчитаю, сколько раз вам повезло! Остров, на который вы попали, необжитый, чистый старый Авалон, плюс еще населенный экземплярами мерзостных созданий!

— Неужели вооруженный человек, находящийся все время настороже, должен бояться здешних животных?

— Ну, без сомнения, вы смогли бы подстрелить спадатонта, прежде чем он успел бы на вас наброситься, хотя рептилоида убить неважно. Но насчет пары ликозауридов я не высказалась бы так смело, а вот если бы по вашим брюкам побежал каккелек... — Табита сморщилась. — Это все наземные тропические животные. Но еще больше неприятностей могут доставить растения. Вот, например, неподалеку от того места, где вы стояли, я заметила дупло, полное сухих листьев. Вы не итрианин, чтобы вдохнуть их запах и выжить.

— Бр-р-р! — сказал он. — Какой неисправимый романтик дал название этому месту?

— Праправнучка Дэвида Фалкайна, когда он решил, что это — то место, куда нужно идти, — ответила она, и голос ее вновь звучал серьезно. — Не говоря уж ни о чем другом, проблема состояла в том, чтобы дать местной природе шанс. Это как с кентаврами, из-за которых в Экватории были введены ограничения, потому что они использовали для своих инструментов камень и кость, и может быть, через миллионы лет смогли бы стать разумными. И, между прочим, они строят свою оборону так же, как предлагали итри, охотники-итри, а не люди.

Она повела рукой.

— Посмотрите, — сказала она, — это наш мир. И он останется нашим!

«Нет, — подумал он мрачно, — ты ошибаешься, Табита-Хилл. Мой адмирал намерен нажимать на твоих итриан до тех пор, пока у них не будет иного пути, кроме как сдать все моему Императору!»

ГЛАВА 12

Через неделю после той огненной схватки земная армада двинулась вперед.

Кайал сознавал, что, несмотря на зловещее начало, его компании суждено стать классическим примером в учебнике.

Действительно, решение, принятое им относительно Авалона,

классифицировало ее совершенно однозначно. Не нужно было иметь семь пядей во лбу, чтобы поразить врага, обладая такой силой. Как и было предсказано, ни одна другая колониальная система не обладала силами, которые даже отдаленно можно было бы сравнить с защитой Лауры. Обращение с теми, что имелись в наличии, было довольно умелым, но шансов на победу у них не было.

Так что любой мясник мог бы расхотеть жизни и корабли и перемалывать своего противника в порошок в течение месяцев. Данные, собранные помощником Кайала, и его собственные заключения доказывали, что его враги именно этого от него и хотели. Они, в свою очередь, будут добиваться отсрочки, посылать свои корабли в набеги на земные эскадры, пытаться втянуть в игру третью сторону, Мерсей, например, и, в целом, пытаться сделать войну для Земли настолько дорогостоящей, чтобы та сочла мир более предпочтительным.

Кайал сомневался, чтобы это сработало, пусть даже при таких благоприятных обстоятельствах. Он знал людей, сидящих у политического руля. И все равно он считал, что его долг — избежать победы, добытой изнурением, долг перед обоими королевствами. Поэтому он полагался не на медленное и осторожное продвижение, где каждый шаг должен тщательно изучаться, прежде чем будет предпринят следующий, но на внезапный удар.

От крайних точек орбит Кхрау и Хру до Центра было несколько дней полета. Кайал оставил в каждой системе по несколько кораблей из оккупационных отрядов, главным образом технический персонал.

Силы эти казались смехотворными. Марчварден Руса собрал гораздо большие и устремился на освобождение Кхрау.

Земляне немедленно послали сообщение о случившемся. Удивительно быстро появилась большая часть основного флота, и войска Руса были уничтожены.

На Хру три часа подняли восстание. Они уничтожили часть гарнизона. Тогда ударили орудия из космоса. Понадобилось не так много выстрелов, чтобы осада имперцев была снята. Виваны были окружены и расстреляны. Это было сделано с полным уважением к их достоинству. Некоторые из них, делая последнее заявление, обратились к своим людям с призывом сотрудничать с представителями войск, что были посланы с Эсперансы на захваченные территории.

Тем временем вторгшиеся устремились к Кетлену. От главного войска отделялись части, захватывающие систему за системой. Кайал не беспокоился о том, чтобы занять большую часть из них. Он довольствовался тем, что разбивал войска их защитников, после чего направлялся дальше.

Через шесть недель солнце Итри было окружено сданными позициями.

Теперь армада углубилась во владения Доминиона, находясь более чем в 50 световых годах от ближайшей имперской базы. У орнитойдов еще не было такого шанса для изоляции врага. Если бы

они собрали все, что имели для решающей битвы, не мгновенной, конечно, но такой, которая могла бы длиться недели — они, быть может, смогли бы выиграть в численности. Но они не обладали необходимыми для этого снаряжением и боеприпасами, тогда как Империя обладала.

Кайал создал им для этого все условия. Они приняли их.

Битва с Иарро Кластер длилась восемь стандартных дней, считая от первой стычки и кончая бегством кластера на немногих уцелевших итрианских кораблях. Первые два из этих дней были лишь прелюдией, а три последних — лишь увертюрой битвы. Детали подробно изложены в отчетах. Суть же заключается в том, что Кайал в полной мере воспользовался двумя основными преимуществами. Первая заключалась в неожиданности: ему удалось скрыть, какое огромное число ракетноносцев имеется в его резерве. Вторая заключалась в организации: он играл на своем флоте, как на инструменте, уничтожая все новые и новые части плохо скоординированного войска противника.

Возможно, у него было и третье преимущество — гениальность! Когда мысль об этом пришла ему в голову, он сурово осудил себя.

Остатки сил Доминиона ринулись назад, к Кетлену. Кайал лениво преследовал их.

Итри был несколько меньше Авалона, несколько суше, облачный покров его был немного тоньше, и поэтому Земля была видна из космоса более отчетливо, коричнево-рыжеватая за дымкой, под светом более холодного и желтого, чем Лаура, солнца. И все же, плавающая среди звезд, он выглядел прелестно.

Кайал оставил видеозэкран включенным и время от времени поглядывал на него, отвлекаясь от приборов.

Верховный Виван Трауей сказал:

— Это наглость, что вы вторгаетесь в наш дом! — Англик его был гладким, но он, для полной ясности произношения, прибегнул к помощи вокализатора.

Кайал встретился со взглядом немигающих желтых глаз и ответил:

— Вы согласились на переговоры. Я верю в вашу честь. — «Я также полагаюсь на свою «Супернову» и ее эскорт. Нужно напомнить ему об этом». — Эта война — глубокая печаль для меня. Мне бы страшно не хотелось уничтожать даже самую малую часть вашего мира или отбирать жизни у ваших столь одаренных людей.

— Может быть, это не так легко и сделать, адмирал, — медленно проговорил Трауей. — У нас есть защита!

— Это известно. Виван, могу ли я говорить прямо?

— Да. И особенно потому, что, как вы понимаете, решение не может быть двойственным.

«Нет, но полмиллиона итриан втянуты в это дело, — подумал Кайал. — Мне кажется, будто я ощущаю их присутствие.

Какого рода это правительство? Его нельзя назвать демократическим в полном смысле этого слова, как вообще нельзя прикрепить к нему ни один из земных ярлыков, равно как и само слово «правительство». Можем ли мы, люди, научиться здесь чему-нибудь? Все наши попытки как будто разбиваются о стену, и единственный действенный вариант, который мы нашли — грубая простота кайзера».

— Я благодарю, Виван, — сказал Кайал, — и призываю вас и ваших людей поверить в то, что мы не станем нападать, если только нас не принудят к этому обстоятельству. Пока что причин к этому у нас нет. Цель наша достигнута. Теперь мы можем с успехом провозгласить свои права на границах. Любое возможное сопротивление было бы спорадическим и, да позвольте мне употребить это слово, патетическим! Сравнительно малая сила может блокировать Кетлен. Да, естественно, отдельные корабли могут время от времени проскакивать. Но вы будете полностью отрезаны от всех владений, союзников, связей. Подумайте, пожалуйста, о том, сколько времени Доминион смог бы продержаться при таких условиях как политическое целое!

И подумайте, пожалуйста, о том, как подобные бесконечные траты и бесконечное нервное напряжение повлияют на отношение Империи. Раньше или позже будет принято решение об отсечении источника раздражения. Я не говорю о том, справедливо это или нет, но лишь констатирую сам факт. Сам я просто буду вынужден повиноваться приказу открыть огонь. В случае особо отрицательного отношения я, впрочем, мог бы подать в отставку. Но у его Величества достаточно адмиралов.

Покой сгустился вокруг распятого Христа. Наконец Траувеи спросил:

— Вы призываете нас сдаться?

— Я призываю вас к прекращению военных действий, — ответил Кайал.

— На каких условиях?

— Взаимное прекращение огня, конечно... определенно! Пленные корабли и прочее будут задержаны Землей, но пленные обеих сторон будут возвращены. Мы оставим оккупационные войска в системах, которые мы уже захватили, и займем те миры, провозглашенные частью Империи, в которые мы еще не входили. Местные власти и население должны будут подчиниться оставленным на местах военным властям. С нашей же стороны мы гарантируем уважение к законам и обычаям, к правам на свободу слова и петиций, поощрение экономических связей, способствование возобновлению торговых отношений, как только это станет возможным, сохранение независимости любого индивидуума, желающего продавать свою собственность на открытых торгах и менять место жительства. Определенные части войск останутся возле Кетлена и время от времени будут вмешиваться и в коммерческие дела, если только им

не придется проверять, не посылаются ли куда-нибудь воинские отряды или снаряжение.

Перья пришли в движение. Кайал пожалел о том, что не умеет читать по ним. Голос по-прежнему оставался монотонным:

— Вы все же требуете сдачи.

Человек покачал головой:

— Нет, сэр, не требуем. Собственно говоря, предъявляя подобные требования, я бы просто нарушил свои полномочия. Конечные соглашения — дело дипломатов.

— Что мы выиграем, если заранее согласимся на поражение?

— Многое, — Кайал выпрямился. — Уважая ваши возможности, я не сомневаюсь в том, что вы проконсультировались с вашими специалистами по человеческой социодинамике. Грубо говоря, вам предстоит преодолеть два влияния: одно — негативного свойства; другое — позитивного. Негативным является ваше желание возобновления военных действий. Вы помните о том, что большая часть вашей промышленности все еще сосредоточена в ваших руках, что у вас осталось значительное количество кораблей, что ваш дом хорошо защищен, и прорыв этой защиты обойдется нам в значительную сумму.

Виван, люди Итри, я самым торжественным образом заверяю вас в том, что Империя не собирается уничтожать вас. Зачем нам брать такой груз на себя? Что может быть хуже, чем потеря высокоразвитой цивилизации. Мы желаем получить вашу дружбу, она нужна нам. Среди прочих причин — эта война была затеяна и для того, чтобы преодолеть причины раскола. Давайте же теперь попытаемся договориться.

Верно, что я не смогу предсказать форму грядущего мирного договора. Но я прошу вас обратиться к многочисленным заявлениям, сделанным Империей. Они достаточно ясны, ибо очевидно, что самое выгодное для Империи, чтобы на ее слово можно было положиться.

Доминиону придется отказаться от некоторых территорий. Но можно договориться о компенсации. И, конечно, везде, где ваши границы сольются с нашими, вас ждет целая вселенная.

Кайал молился о том, чтобы слова его были верно поняты. Его речь была составлена специалистами, и он потратил часы на ее заучивание. Но если эксперты ошиблись, или он не справился...

«О, Боже, помоги прекратить это убийство... и прости меня, если в глубине моего мозга все же прячется мысль о пленении этой планеты».

Траувей некоторое время сидел, не двигаясь, потом сказал:

— Это следует обдумать. Прошу вас быть поблизости на случай консультации.

Где-то на корабле ксенолог, сделавший изучение Итри делом всей своей жизни, вскочил с кресла, смеясь и плача, и закричал:

— Война окончена! Война окончена!

Над Флервилем плыл колокольный звон.

Звонили колокола большого собора. Взывались к небу ракеты и

таяли, не достигнув звезд. Толпы народа заполняли улицы. Люди были опьянены не столько вином, сколько радостью. Они дудели в рожки, они кричали и каждую женщину поцеловали не менее сотни незнакомых мужчин, внезапно в нее влюбившихся. Днем был устроен парад, и имперские войска прошли под триумфальные звуки трубы, а в небе пролетели эскадрильи воздушных машин и малых космических судов. Но в столице Эсперансы в секторе Пакис основная часть радости вылилась ночью.

Высоко на холме, в оранжерее губернаторского дворца стоял и смотрел на город Экрэм Саракоглу. Он знал, почему город плещет единой большой волной — шум доходил до него лишь как звук отдаленного прибоя, знал, почему он сверкает невиданным бриллиантом. Колонисты сохранили в себе пацифистские черты своих предков: теперь они могли перестать испытывать ненависть к своим братьям, носящим форму Империи. «Хотя, — проговорил его внутренний голос, — я готов подозревать, что громче всего в них говорит обыденное животное облегчение. Запах страха витал над этой планетой с тех пор, как на границе произошел первый инцидент, и особенно плотным он сделался после начала войны. Рейд итриан, прорвавшихся сквозь наши кордоны... мгновенно раскалившееся небо...»

— Да, — сказала Луиза, — я просто поверить не могу!

Саракоглу посмотрел на маленькую фигурку стоявшей возле него девушки.

Луиза Кармен Кайал и Поломарес не оделась в веселые тона после того, как согласилась принять его приглашение к обеду. Ее туалет был как раз нужной длины, но из простого серого вельвина. Кроме крошечного золотого крестика на груди, ее единственными украшениями были несколько искусственных бриллиантов в волосах. Они сверкали среди черных блестящих кос, как те ночные солнца, что нарушали призрачную неподвижность ночи, или как те капли слез, что повисли на ее ресницах.

Губернатор, облачивший свое тучное тело в рубашку с кружевами и рюшем, тигрово-пятнистую арктоновую куртку, зеленые иридоновые килоты, снежно-белые чулки, украсил все это драгоценностями, прикрепив их везде, где только можно было найти для этого место, осмелился погладить ее по руке:

— Вы боялись продолжения драки? Нет. Это невозможно. Итриане не безумцы. Принимая условия предложенного нами перемирия, они даже лучше, чем мы, понимали, что война для них проиграна. Ваш отец скоро будет дома. Он свое дело сделал. — Он вздохнул, надеясь, что вел себя не слишком театрально. — Моя роль, конечно, будет более прозаической!

— Из-за условий переговоров?

— Да. Не то чтобы мой статус был неограниченным. Но, как бы там ни было, мне предстоит быть представителем Земли, и Империя будет полагаться на совет моего штаба и мой собственный. В конце

концов, этот сектор будет по-прежнему граничить с Доминионом и объединять новые миры.

Взгляд ее был слишком пронзительным для таких юных глаз.

— Вы становитесь весьма важным человеком, не так ли, Ваше Превосходительство? — Тон ее голоса был если не ледяным, то во всяком случае, весьма прохладным.

Саракоглу полностью углубился в отрывание лепестков от цветка фуксии. Куст цинииамона — итрианского растения — наполнял воздух нежным ароматом.

— В общем, да, — сказал он. — Я не хочу быть нечестным с вами, донна, выказывая ложную скромность!

— Сектор будет расширяться и реорганизовываться. Вы, возможно, получите награды или рыцарские отличия. И, наконец, вполне вероятно, будете отозваны домой с предложением стать одним из советников.

— Мечты не возбраняются никому!

— Вы способствовали началу этой войны, губернатор!

Саракоглу провел ладонью по лысой голове. «Отлично, — решил он. — Если ей совершенно безразличны те шаги, которые я предпринимаю по отношению к ней, если ей безразлично, что из-за нее я послал отказы Хельге и Генриетте (конечно же, слухи об этом достигли ее ушей, хотя она не сказала ни слова и ничем не выдала своей осведомленности) — что ж, я, возможно, смогу вернуть их, или, если они не захотят вернуться, недостатка в других не будет. Несомненно, эта моя мечта о ней — просто вечное мужское нежелание признать, что я старею и толстею. Но мне давно уже известно, что является лучшим лекарством от разочарования. Но как мило она выглядит среди цветов».

— Я способствовал тому, чтобы привести это дело к удачному концу до того момента, как оно приняло бы дурной оборот, — сказал он ей. — Итриане не святые. Они следуют всегда своим интересам, насколько это позволяют им ресурсы.

— Было принесено много человеческих жертв.

— Донна, я принес Земле присягу!

Она все еще испытующе смотрела на него.

— Тем не менее, вы должны были сознавать, что это означает для вашей карьеры, — сказала она по-прежнему спокойно.

Он кивнул:

— Конечно. Но поверите ли вы мне, если я скажу, что это не упростило все для меня, а усложнило? Я думал, я действительно считал, что уточнение и спрямление границ будет благим делом. Да, я думал, что способен на большее, нежели на выполнение обыденной работы: вначале перестройка здесь, потом, если удастся, работа в политическом совете, где я смог бы провести в жизнь ряд реформ. Должен ли я был отказаться от этого дела, боясь показаться самодовольным? И неужели я так нехорош тем, что мне нравится моя работа?

Саракоглу опустил руку в карман, ища порсигар.

— Возможно, ответ на эти вопросы — «да», — закончил он. — Как может быть уверен простой смертный?

Луиза подошла к нему немного ближе.

Сердце его скакнуло, но он заставил себя удержать на губах жалкую полуулыбку.

— О, Экрэм!.. — Она запнулась. — Простите, Ваше Превосходительство!

— Нет-нет, это большая честь для меня, — сказал он.

Она не намекнула ему, чтобы он называл ее по имени, но сказала, улыбаясь сквозь слезы:

— Я прошу прощения за эти мои намеки, я вовсе не это имела в виду. Я бы ни за что не пришла бы сегодня сюда вечером, если бы не знала наверняка, что вы... честный человек!

— Я едва надеялся на то, что вы примете мое приглашение, — сказал он ей с отмеренной долей печали в голосе. — Вы могли бы праздновать это событие в кругу молодежи!

Бриллианты в ее волосах остро вспыхнули, когда она покачала головой.

— Нет, только не по такому поводу. Слышали ли вы о том, что я однажды уже была помолвлена? Он был убит во время акции два года назад. Превентивная мера, так это называлось, усмирение племен, которые отказались следовать «совету» имперского резидента... Вот как! — Она перевела дыхание. — Сегодня я просто не могла найти слов для вознесения благодарности Господу! Мир — слишком большой дар для того, чтобы выразить его словами!

— Вы дочь адмирала, — сказал он. — Вы знаете, что мир никогда не бывает даром.

— Значит, войны полезны?

Их прервал осторожный кашель.

Саракоглу оглянулся. Он ожидал увидеть лакея с коктейлями на подносе, и вид человека в морской форме озадачил его.

— В чем дело? — сердито спросил он.

— Если позволите, сэр, — нервно проговорил офицер.

— Умоляю вас простить меня, донна. — Саракоглу склонился над удивительно нежной рукой Луизы и последовал за человеком в холл.

— Итак? — спросил он.

— Курьер из армии, стоящей возле Лауры, сэр, — офицер дрожал и был бледен. — Знаете, есть пограничная планета Авалон?

— Конечно, знаю, — Саракоглу старался держать себя в руках.

— Так вот, сэр, они не сдержали слово насчет перемирия. И сейчас отказываются! Говорят, что хотят продолжать драку!

ГЛАВА 13

Худое бородатое лицо на экране проговорило с ноткой отчаяния в голосе:

— Господа, вы... вы ведете себя как настоящие безумцы!

— У нас неплохая компания, — ответил Дэннелль Холм.

— Значит, вы намереваетесь отделиться от Доминиона? — воскликнул адмирал Кайал.

— Нет! Собираемся в нем остаться. Нам здесь очень нравится! Никакой тебе имперской бюрократии!

— Но соглашения о перемирии?..

— Конечно, мы будем придерживаться его. Авалон никому не хочет причинять вреда.

Кайал плотно сжал губы:

— Знаете, нельзя так играть словами. Ваше правительство заявило, что Империя может занять эту систему, пока не будет разработано окончательное мирное соглашение.

Льзу из Тарнов наклонил седую голову к сканнеру, передававшему его изображение в офис Холма и на орбитальный корабль Кайала.

— Обычаи итриан не похожи на земные, — сказал он. — Миры Доминиона связаны друг с другом клятвами взаимной дружбы. То, что наши коллеги не могут больше помогать нам, не дает им права приказывать, чтобы мы сами отказывались от продолжения самозащиты. Но, не говоря уже ни о чем другом, наша гордость требует, чтобы мы продолжали борьбу ради той помощи, которую, возможно, сможем им оказать.

Кайал потряс в воздухе кулаком.

— Господа, — прогремел он, мне кажется, вы думаете, что мы живем в эру беспорядков, а вашими оппонентами являются варвары, не знающие ни что такое цель, ни что такое организация, и отступающие от своего, если сразу не получают того, чего хотят. Правда же состоит в том, что вы выступаете против Империи, которая мыслит на столетия вперед и правит тысячами планет. И все это может быть обращено против вас. Практически вся сила, победившая Доминион, может быть сейчас же сосредоточена в одном месте. И так будет, господа! Если вы будете настаивать, именно так и будет.

Он обвел взглядом каждого из оппонентов:

— У вас сильная защита, — сказал он, — но вы должны понять, каким образом она будет уничтожена. Соппротивление не дает вам ничего, кроме как уничтожение ваших домов, смерть миллионов. Спросили ли вы у них?

— Да, — ответил Льзу, — в промежутке между известиями о капитуляции Итри и вашим прибытием Круач и Парламент снова провели голосование. Большинство высказалось за продолжение войны.

— Насколько было велико в этот раз большинство? — резко бросил Кайал. Он увидел, как встопорщились перья и напряглись

мускулы, и понимающе кивнул: — Мне страшно не хочется вести войну с мирным населением.

Холм слотнул:

— Вот что, адмирал. Как насчет... эвакуации всех, кто не может или не хочет оставаться, прежде чем мы снова начнем драку?

Кайал сидел неподвижно. Лицо его окаменело. Когда он заговорил, то казалось, будто собственное горло причиняет ему боль.

— Нет. Я не могу позволить врагам избавляться от их же собственных обязательств.

— Вы жаждете возмездия? — спросил Лъзу. — Неужели нельзя продлить период прекращения огня до тех пор, пока не будет подписан мирный договор?

— А если по этому договору Авалон отойдет Империи, вы станете повиноваться? — вопросом на вопрос ответил Кайал.

— Возможно.

— Неприемлемо! Лучше сразу же покончить с этим делом. — Кайал колебался. — Конечно, понадобится время на то, чтобы привести все в порядок в других местах и переправить сюда армию. Учтите, период прекращения огня кончается, когда мой корабль возвратится на установленную по соглашению дистанцию. Но очевидно, что война будет иметь статус-кво, включая факты прекращения огня, с уважением к правам Авалона и Морганы, на короткий период. Я проконсультируюсь с губернатором Саракоглу. Я обещаю вам и всем авалонцам самое тщательное обсуждение проблемы и достижение как можно более разумного решения. Если вы захотите с нами связаться, вам стоит только передать согласие на переговоры. Чем скорее и в более мягкой форме оно до нас дойдет... тем более великодушным будет... обращение, на которое вы можете рассчитывать.

— Принято к сведению, — сказал Лъзу.

Последовали ритуальные церемонии, и экран с изображением Кайала померк.

Холм и Лъзу смотрели друг на друга через разделявшее их пространство. Аринниан, сидящий в глубине офиса отца, тревожно шевельнулся.

— Он действительно имел это в виду, — сказал Холм.

— Насколько верным было его заявление о дополнительных возможностях? — спросил Виван.

— Абсолютно верным. Мы не смогли бы заблокировать все их силы, в полном составе, если они обрушатся на нас. В таком случае бомбардировки могли бы достичь цели, несмотря на наши заграждения. Мы надеемся на нежелание Империи разрушать первоклассные земли... и, вероятно, от личного нежелания этого человека идти на многочисленные жертвы.

— Раньше вы говорили мне, что у нас есть план.

— Мы с моим сыном работаем над ним. Если появятся какие-нибудь надежды, то вы и остальные скоро о них услышите. А пока, думаю, вы заняты так же, как и я! Счастливых ветров!

— Летайте высоко, Дэннел Холм! — и этот экран тоже померк.

Марчварден отшвырнул сигарету, долго сидел, нахмурившись, потом встал и подошел к окну. За окном сверкал ясный зимний день. В Грее не было снегопадов, как в городах северных районов, и растительность на холмах зеленела круглый год. Но ветер дул холодный и пронизывающий. У залива мелькали белые фуражки работающих людей, развевались плащи. Наверху носились итриане в изменяющихся потоках воздуха.

Аринниан подошел к отцу, но прежде чем он смог заговорить, ему пришлось облизать губы.

— Папа, есть ли у нас шанс?

— Видишь ли, выбора у нас нет, — ответил Холм.

— Нет, есть! Мы можем проглотить нашу чертову гордость и объявить людям о том, что война окончена!

— Они бы сместили нас, Крис! Ты же сам знаешь: Итри может сдаться, потому что она не потерпела поражения. Остальные колонии могут согласиться на оккупацию, потому что все понятно, они не могут спасти положение. С нами же дело другое. — Холм подмигнул сыну сквозь клубы голубого дыма. — Ведь ты же не боишься, не так ли?

— Не за себя боюсь! За Авалон... Боюсь всей этой риторики насчет дальнейшей свободы. Насколько могут быть свободны тела, лежащие на искореженной земле?

— Мы готовимся не к уничтожению, — сказал Холм. — Мы готовимся к тому, чтобы пойти на риск уничтожения. А это совсем другое дело. Мысль состоит в том, чтобы сделать наше поражение слишком невыгодным.

— Если бы Авалон отошел Империи, а нам бы не понравились условия, то мы могли бы иммигрировать в Доминион.

Палец марчвардена указал на пейзаж за окном.

— А где ты найдешь замену вот этому? И что останется именно от этого общества, которое строили наши предки и мы сами?

Некоторое время он молча курил, потом сказал:

— Как-то мне довелось читать книгу об истории колонизации. Автор сделал интересный вывод. Он сказал, что приходится оставлять большую часть поверхности под покровом самой разнообразной растительности, она нужна для поддержания атмосферы. Эти растения являются частью экологии, так что приходится сохранять большое количество животных, а также почвенные бактерии и так далее. И пока необходимость поддерживать биосферу остается в силе, часть продовольствия и тому подобное необходимо синтезировать. Вот почему колонисты на землеподобных планетах почти всегда являются фермерами, ранчерами, лесниками, а также шахтерами и текстильщиками.

— И что же дальше? — спросил его сын.

— А то, что ты выращиваешь в своем мире поколение за поколением. Речь идет не о стенах или машинах, но о живом мире, о природе: о дереве, на которое ты впервые в жизни влез, когда был

мальчишкой; о поле, которое возделывал твой дед; о том самом холме, на вершине которого ты впервые в жизни поцеловал девушку. Твои поэты воспели это, художники изобразили, на этом основаны твои теория жизни, история, твои предки вернули этой земле свои останки, и так будет с тобой. И ты не сможешь отказаться от всего этого добровольно, а только вырвав сердце из груди.

И снова Холм посмотрел на сына.

— Я думал, что ты сильнее меня, Аринниан, — сказал он. — Что с тобой случилось?

— Тот человек, — пробормотал он. — Он не угрожал всякими ужасами, он предупреждал, умолял! Это приблизило ко мне их дома. Я увидел... мать, ребятшек, тебя, моих товарищей по часу...

«Айат, Хилл, Хилл, которая Табита! Все эти недели мы вместе работали: она, Айат и я... Три дня назад я летел между ними на проверку этой подводной военной базы. Сверкающие бронзовые крылья, развевающиеся золотые волосы. Глаза золотистые, глаза зеленые. Чистая линия килевой кости. Очертания полной груди... Она чиста. Я знаю, что это так. Я придумал массу причин, чтобы побыть с ней, встретиться с ней! Но этот проклятый речистый землянин, который живет в ее доме, со своей мишурой космополитического очарования — он слышит ее хриловатый голос неизмеримо чаще, чем я!»

— Сделай скидку на их невероятную гордость, — сказал Холм.

«Айат скорее умрет, чем сдастся».

Аринниан расправил плечи:

— Да, конечно, папа!

Холм наконец-то улыбнулся.

— В конце концов, — сказал он, — это ведь ты первый заложил камень той удивительно сложной интриги, плести которую мы намерены.

— По сути дела... План не является всецело моим. Мне пришлось поговорить с... Табитой Фалкайн, ты ее знаешь? Она полусхоту обронила замечание. Вспоминая его позже, я подумал, а что если... В общем, все было именно так.

— Гм! Похоже, это интересная девушка! Особенно учитывая то, что в такие дни она может оставаться веселой! — Холм, по-видимому, заметил мелькнувший в глазах сына огонек, потому что быстро отвернулся и сказал: — Давай-ка приниматься за работу. Прежде всего составим карту. Хорошо?

Нетрудно было угадать течение мыслей сына. Интонации его голоса, морщинки, собравшиеся вокруг его глаз — все это выдавало его. «Так, так, Крис! Наконец ты встретил девушку, которая является для тебя не просто секс-машинкой. Но посмею ли я сейчас сказать об этом Ро? Я лучше скажу, что наш сын и я снова вместе!»

В окрестности Сент-Ли зима принесла дожди. Они струились, они гремели, они смывали, они ласкали, омовение их струй было

приятно, а когда на какое-то время они прекращались, то оставляли после себя радугу.

И все же большую часть времени приходилось проводить в помещении, слушая музыку или разговаривая. А вечера были такими ясными, что невозможно было терять эти часы.

Табита и Рошфор брели вдоль берега. Пальцы их рук были сплетены. Воздух был теплым, на Рошфоре был только кильт и принадлежащий Габите кинжал у пояса, который она ему дала.

На востоке поднялась над водами Моргана. Ее сияние все застлало белой дымкой, так что те звезды, которые оставались еще видимыми, сияли матово и нежно.

Свет этот лился от горизонта к скалистым выступам, обращая их в подобие затухающих костров. Люди под ним тускло светились, а деревья сливались в единую туманную полосу. Ветра не было, и шум прибоя был уверенным и ненавязчивым, как биение сердца. Запахи листвы и почвы смешивались с запахами моря. Песок отдавал воздуху дневное тепло и слегка шелестел под их ногами.

Рошфор с тоской сказал:

— И это должно быть разрушено? Сожжено, отравлено, испелено? И ты?!

— Мы надеемся, что этого не случится, — ответила Табита.

— Я говорю тебе, я знаю, что должно последовать.

— Враг непременно применит бомбардировку?

— Без охоты. Но если вы, авалонцы, с вашей бессмысленной гордыней не оставите им выбора... — Рошфор прервал начатую фразу. — Прости меня. Мне не следовало этого говорить. Просто нервы чересчур напряжены.

Ее рука вздрогнула в его ладони.

— Я понимаю, Фил. Ты не враг!

— Что плохого в том, чтобы присоединиться к Империи? — он указал на небо. — Смотри! Там солнце, а потом еще одно, а потом еще! И все они могут быть вашими!

Она вздохнула:

— Я хотела бы...

Очень внимательно она слушала его рассказы о мирадах миров.

Внезапно она улыбнулась, и лицо ее как будто осветилось.

— Нет, я бы не хотела, — сказала она. — Я заставлю тебя сдерживать свое обещание и, когда снова наступит мир, показать мне Землю, Анзу, Хоупвелл, Цинтию, Воден, Диомерес, Викоен — все, о чем ты мне рассказывал.

— Если это будет еще возможно.

— Будет! Эта ночь слишком хороша для того, чтобы можно было думать о другом.

— Боюсь, что не могу разделять с тобой итрианское отношение к жизни, — медленно проговорил он. — И это тоже ранит!

— Разве? Я имею в виду то, что ты храбр, а же знаю, что это так, и я знаю, что ты умеешь наслаждаться жизнью. — Голос ее сделался тихим, ресницы опустились. — Да, можешь!

Он остановился, повернулся к ней, схватил другую ее руку. Они стояли, молча глядя друг на друга.

— Я попытаюсь, — сказал он, — ради тебя. Ты поможешь мне?

— Я помогу тебе во всем, Фил, — сказала она.

Они целовались и раньше, вначале легкими поцелуями радости встречи, потом более долгими. Сегодня она не мешала движениям ни его, ни своих рук.

— Фил и Хилл, — прошептала она наконец, прижавшись к нему. — Фил и Хилл! Дорогой, я знаю одно место в двух километрах отсюда. Деревья там образуют хорошее убежище, и между ними можно видеть луну и воду, а трава там густая и мягкая, как на Земле...

Он пошел за ней, едва способный поверить своему счастью.

Она рассмеялась мягким грудным смехом.

— Да, я верила в это, — сказала она. — Я ждала своего дня так долго! Ты не возражаешь против того, чтобы тебя соблазнили? Может быть, у нас действительно мало времени?

— Целой жизни рядом с тобой было бы мало, — сказал он ей.

— Теперь тебе придется помочь мне, любовь моя, — сказала она ему. — Ты первый у меня. Я всегда ждала тебя!

ГЛАВА 14

Аринниан позвал Айат с земли:

— Хой-а-а! Спускайся вниз и идем. — Он усмехнулся и добавил на англике: — Мы, Важные Исполнители, не можем зря тратить время!

Она сделала еще один круг. Солнце, бывшее ей в спину, обращало ее крылья в бронзовую бахрому с золотым ореолом по краям. «Она могла бы быть самым солнцем, — подумал он. — Или ветром, или всем диким и прекрасным, что существует над этой ферробетонной пустыней». Айат стремительно понеслась вниз, развернулась в потоке воздуха и остановилась перед ним.

Взгляд ее с тревогой задержался на торпедообразном аппарате, громоздившемся за его спиной.

— Мы должны путешествовать на этом? — спросила она.

— Поскольку нам предстоит пролететь половину окружности планеты — да, — ответил он ей. — Ты обнаружишь, что это не так уж плохо. Особенно потому, что прыжок не будет долгим. До Сент-Ли меньше часа. Ну-ка, дай мне руку.

Пальцы, чьи когти могли оцарапать его, были тонкими и теплыми. Они доверчиво легли на его ладонь. Он подвел ее к трапу. Конечно, ей и раньше приходилось летать на машинах, но всегда на круглых, хрупких и медленных, кабины которых были похожи на стеклянные пузыри.

— Вот проблема, которую чосы, подобные Вратам Бури, должны преодолеть, — сказал он. — Клаустрофобия. Вы очень ограничиваете

свои способности и возможности путешествовать, когда окружаете себя прозрачным веществом.

Она подняла голову.

— Если страдания Водана могли быть большими, то мне стыдно, что я отстаю от него, Аринниан!

— Я надеюсь, что ты увидишь то, что видел Водан. Ему нравится в космосе, не так ли?

— Д-да. Он говорил мне об этом. Мы должны непременно увидеть другие планеты после войны.

— Попробуем сегодня же убедить тебя, что в путешествии, как и в цели, есть что-то особенное... м-м-м, знаешь, Айат, две близкие по духу пары, путешествующие вместе... Ну, вот мы и здесь!

Он усадил ее в кресло помощника пилота, хотя она была его пассажиркой.

— Обычно это не бывает необходимым, — объяснил он. — Флиттер является космическим — на нем легко можно достичь Морганы, ближайших плачет, если это нужно, — так что его ускорительные поля вполне терпимы, если не считать внутреннего веса при состоянии свободного падения, но мы полетим высоко, в тех слоях атмосферы, где не создается сонический эффект. А поскольку во время войны могут нарушаться любые правила, и над нами имеется целая серия орбитальных крепостей, то...

Она склонила свой гребешок к его плечу.

— Конечно, Аринниан, — пробормотала она.

Он прикрепился, провзрил приборы, настроился и взлетел. Первые минуты полета находились под контролем, и они без труда прошли охранные прожекторы, охранявшие космопорт. Оказавшись за их пределами, он стал набирать высоту, пока верхние слои атмосферы не позволили развить максимальную скорость, обеспечивающую минимальный расход времени для достижения цели.

— О-о-х, — выдохнула Айат.

Полет их был спокойным. Видеоэкраны давали возможность созерцать пространство в нескольких направлениях. Внизу серебряным океаном стлался Авалон. Вокруг — пурпурное мерцание, солнце, луна, несколько звезд — огромное, неподвижное, спокойное пространство.

— Ты должна была видеть эти места, — сказал Аринниан.

— Да. Но это не то же самое, — Айат схватила его за руку. — Благодарю тебя, мой дорогой соратник!

«А я стремлюсь к Тэбб, чтобы рассказать ей о плане, который нам может помочь и который позволит нам работать вместе. Как смею я быть так счастлив?»

Они летели в итрианском молчании, которое умеет создавать больше понимания, чем человеческая болтовня.

Они были недалеко от цели своего назначения. Но пробившись через туман, они обнаружили, что небо над ними жемчужно-серое, а остров — скопление мягких зеленых цветов. Посадочное поле было

маленьким, высеченным среди гор в нескольких километрах от того места, где жила Табита.

Когда Крис сообщил ей о своем приезде, она обещала его встретить.

Он расстегнул костюм слегка задрожавшими пальцами. Не прекращая помогать Айат, он открыл выходной люк. Появился трап. Ветер взъерошил его волосы — теплый, сырой ветер, напоенный запахом джамби, росшей вокруг поля. Табита стояла рядом и махала ему.

Левой рукой. А правая покоилась в руке землянина.

Через полминуты она крикнула:

— Ты что, намерен простоять там весь день, Крис?

Он спустился. Они обнялись и пожали друг другу руки на человеческий манер. Тем временем ее нога касалась ноги Рошфора. На ней не было ничего, тело украшал лишь рисунок. В него входил и такой банальный фрагмент, как пронзенное стрелой сердце.

Аринниан поклонился.

— Нам нужно обсудить важный вопрос, — сказал он на планхе. — Лучше сразу пройти в дом Драуна.

Действительно, партнер и начальник Табиты ждал их у себя дома.

— Слишком много юнцов и приверженцев, — проворчал он. — Необходимо помнить о соблюдении тайны — или вообще ничего не выйдет... Хотя мы и знаем, как ты любишь общение.

— Гости в моем доме всегда желанны, — строго сказала женщина.

Аринниан подивился тому напряжению, присутствие которого он ощутил в атмосфере. Или оно в нем самом?

Драун, иссеченный шрамами, худой, не встопорщил перья, а опустил на хвост, показывая, что он сердится, не переставая поглаживать бывший при нем нож. Взгляд Табиты, устремленный на Рошфора, был, казалось, менее нежным, чем на поле, и более призывным.

Оглядевшись, Аринниан обнаружил, что гостиная несколько изменилась. Но это ему понравилось. Табита сама отделяла дом. Потолок, флюоропанель, был низким по итрианским стандартам о гармоничности пропорций. Несколько расшитых циновок лежали на полу из полированного дуба, между стенами из серного дерева огромные окна, несколько кушеток, низкие столики, каменная ваза, наполненная цветами. Все было сверкающее чистым, устранен обычный для нее домашний беспорядок, как то: стоящая не на месте испельница, валяющаяся трубка, раскрытая книга, модель корабля, которую она мастерила.

Зато сегодня он увидел несколько странных для Авалона вещей: гитару, которую, должно быть, заказывали позднее, ибо она на гитаре не играла. Занавес, отделявший ее спальню от гостиной, не был

опущен. Аринниан отметил новую двуспальную кровать, чей каркас был сделан из дерева и перьев.

Айат коснулась его плечом. Драун не нравился ей. Он ощутил излучаемое ею тепло.

— Да, — сказал он. — Нам действительно стоит держать это дело в тайне. — Он скользнул взглядом по Рошфору. — Насколько я понимаю, вы изучаете планх. Как ваши успехи?

Улыбка землянина была удивительно робкой для инопланетного врага, вскружившего голову девушке, некогда именуемой Хилл.

— Не слишком велики, — произнес он. — Я бы попытался сказать несколько слов, но боюсь, что вы найдете мой акцент чересчур ужасающим!

— Он чертовски хорошо успевает, — сказала Табита и прижалась к нему.

Обняв ее рукой за талию, Рошфор заявил:

— Я не имею ни малейшего намерения передавать ваши планы своим, гражданин... я хотел сказать, Кристофер Холм! Но мне лучше прояснить свою позицию. Я — на стороне Империи. Когда я получил офицерский чин, я принял присягу, и сейчас не собираюсь отречься от своего звания.

— Хорошо сказано, — одобрила Айат. — Так мог бы сказать мой нареченный!

— Что значит честь для землянина? — фыркнул Драун. Табита бросила на него полный ярости взгляд. Прежде чем она смогла что-либо сказать, не поняв, очевидно, сказанной на планхе фразы, землянин продолжал:

— Я думаю, что после войны я поселюсь на Авалоне. Каким бы ни был ее конец. Но я верю в то, что он может быть только один. Кристофер Холм, прежде, чем влюбиться в эту леди, я влюбился в ее планету! Смогу ли я заставить вас понять неизбежное, прежде чем ужас опустится на Тэбби и Авалон?

— Нет, — ответил Аринниан.

— Я так и думал, — вздохнул Рошфор. — О'кей! Я пойду погуляю. Часа будет достаточно?

— О да, — сказала на англичке Айат.

Рошфор улыбнулся:

— Я люблю весь ваш народ!

— Айат кивнула Аринниану.

— Я вам нужна? — спросила она. — Ты собираешься объяснить идею в целом? Я ее уже слышала. — Она издала свистящий звук, обозначающий на планхе смехок. — Вы знаете, как жены ускользают от насмешек своих мужей?

— Гм?... — сказал он. — Что же ты собираешься делать?

— Побродить с Ф... Фи-липп Хроаш Фор. Он бывал там, где сейчас Водан.

«И ты тоже?» — подумал Аринниан.

— К тому же, он мужчина Хилле и наш друг, — добавила Айат.

— Иди, если хочешь, — сказал Аринниан.

— Значит, час, — коготки постукивали, шелестели перья, когда Айат шла за землянином. Она догнала его и взяла за руку. — Идемте, нам нужно о многом поговорить, — сказала она на своем певучем английском.

Он снова улыбнулся, поцеловал Табиту и повел итрианку за пределы дома. Когда они исчезли, установилась тишина, нарушаемая лишь шелестом деревьев. Аринниан не двинулся с места. Драун глумливо усмехался. Табита порывалась в трубах, выбрала одну и закурила. Казалось, все ее внимание привлечено именно к этому занятию.

— Не нужно меня винить, — сказал Драун. — Если бы не Табита, я бы обошелся с ним так же, как и с его товарищем. Известно ли тебе, что она не позволила превратить его череп в кубок?

Табита окаменела.

— Что ж, скажи мне, когда ты устанешь от его приставаний, — продолжал Драун. — Я вскрою его живот на итрианском алтаре.

Она решительно повернулась к нему. На ее щеке белел шрам.

— Чего ты добиваешься, чтобы я положила конец нашему партнерству? — спросила она. — Или же хочешь, чтобы я вызвала тебя на дуэль?

— Табита Фалкайн имеет право сама устраивать свою жизнь, Драун, — вмешался Аринниан.

— Ак-р-рхх, может быть, я сказал не то, что хотел, — проворчал тот. Перья его встопорщились, голова склонилась набок. — Но сколько еще мы должны сидеть в этой клетке из земных кораблей?

— Столько, сколько будет нужно, — ответила Табита, все еще бледная и дрожащая. — Ты что, хочешь броситься и умереть ради собственной спеси, как герой какой-нибудь саги? Или вызвать такой штормовой налет, который уничтожил бы целый континент?

— Почему бы и нет? Наконец-то все умрет! — усмехнулся Драун. — Какой бы получился грандиозный фейерверк! Лучше бы, конечно, было послать в адские ветры Землю, но коль скоро мы не можем этого сделать...

— Я бы предпочла, скорее, проиграть войну, чем убить планету, любую планету, — сказала Табита. — И тем сильнее было бы мое желание, чем гуще населена была бы планета. — Она понизила голос и прямо посмотрела на итрианина. — Твоя беда в том, что Старая Вера усиливает каждое проявление желания убить ту войну, что будоражит в тебе... а ты не имеешь возможности это сделать!

Выражение лица и тела Драуна говорило: «Возможно, с врагами я не церемонюсь». Но вслух он ничего не сказал. Табита не хотела смотреть на него. Вместо этого она обернулась к Аринниану:

— Ты можешь изменить это положение? — спросила она. Улыбка ее была почти робкой.

Он не улыбнулся ей в ответ.

— Да, — ответил он. — Позволь мне объяснить, что мы имеем в виду...

Поскольку орнитоиды не привыкли уходить на большие

расстояния, а во время полетов продолжительные разговоры невозможны, Айат вначале повела Рошфора к яслям. После повторяющихся визитов в течение последних нескольких недель она знала дорогу. Там жили несколько циррауков, лошадь Табиты. Последняя была меньше, чем ее соседи, и походила на них только тем, что тоже была теплокровной. Но те, хотя и не были млекопитающими в прямом смысле этого слова, использовались для аналогичных целей.

— Вы смогли бы снарядить ваше животное? — спросила она.

— Да, теперь, когда я пожил здесь некоторое время. Раньше мне, похоже, приходилось видеть лошадь разве что в зоопарке. — Улыбка его была механической. — А не следует ли нам попросить разрешения?

— Зачем? Люди чоса должны соблюдать обычаи своих гостей, а во Вратах Бури не принято спрашивать, когда находишься в кругу друзей.

— Теперь мне очень хочется, чтобы мы действительно ими были.

Она подняла руку и мягко провела концом крыла по его щеке.

Они сели в седла и поскакали рядом по тропе. Листья шелестели от морского бриза, серебристые в этом ясном свете. Цокали копыта, но сырой воздух не давал подниматься пыли.

— Ты так добра, Айат, — сказал Рошфор несмело. — И больше были так добры ко мне. Добрее, чем того заслуживает военнопленный и, боюсь, они лучше ведут себя, чем повели бы себя земляне в подобной ситуации.

Айат подыскивала нужные слова. Она часто пользовалась англиком, как ради практики, так и ради уважения к собеседнику. Но сейчас проблема состояла в том, чтобы найти нужное представление. Единственная, пришедшая на ум фраза, показалась подходящей.

— Война есть война!

— Это помогает. Если ты человек, конечно, — сухо сказал он. — А этот Драун...

— О, он не ненавидит тебя... Он всегда такой. Я чувствую... жалость?.. к его жене. Нет, не жалость! Это значило бы, что я думаю о ней как о стоящей ниже меня, а я считаю ее выносливой.

— Почему она остается с ним?

— Из-за детей конечно, и, возможно, она не так уж несчастна. У Драуна должны быть хорошие черты, раз он поддерживает партнерство с Хилл, и все же я буду в браке гораздо счастливее!

— Хилл... — Рошфор покачал головой. — Боюсь, что я навлек на себя ненависть вашего... э... брата, Кристофера Холма.

Айат вздохнула.

— Ясно, что он хотел попасть туда, куда ты пришел первым. Его рана так велика, что слышно, как капает кровь.

— А ты? Ведь вы так близки!

— Конечно, я не наблюдаю за его болью с радостью. Но он справится с ней. Кроме того, боюсь, что она могла слишком сильно

его привязать. «Лучше не говорить об этом, девочка». — Айт посмотрела на человека. — По-моему, мы говорили о том, что значит быть воином там.

— Не знаю, — сказала Табита. — Звучит весьма неопределенно.

— Покажи мне стратегию, которая бы не казалась таковой, — ответил Аринниан. — Суть в том, удастся она или не удастся, нам придется изменить формы борьбы. У Империи не будет причины для бомбежек, и Авалон будет спасен. — Он посмотрел на Драуна.

Рыбак рассмеялся.

— Желаю я этого или нет, акх? — сказал он. — Что ж, думаю, любой план прекрасен, если он позволяет лично убивать землян.

— Ты уверен, что они приземлятся там, где нужно? — поинтересовалась Табита.

— Нет, конечно, мы не можем быть уверены, — отрезал Аринниан. — Мы сделаем то, что сможем, чтобы эта территория была их логическим выбором. Среди прочего, мы организуем несколько случаев дезертирства. Земляне не смогут заподозрить, что они спровоцированы нами, потому что уйти от этой планеты действительно нелегко. Ее защита предназначена для предметов, поступающих извне.

— Гм... — Табита потерла подбородок. — Если бы я была умным земным офицером, и кто-нибудь, заявляющий, что он бежал с Авалона, принес мне подобную весть, я бы подвергла его... как это они называют?... гипнопробе.

— Вне всякого сомнения, — кивок Аринниана был резок. — Но результаты будут великолепны. Мой отец отобрал особо умных людей, чтобы они об этом позаботились. Я не знаю деталей, но догадаться могу. У нас действительно есть люди, поддавшиеся панике, или такие, которые хотят сдаться, потому что убеждены, что мы поступаем безрассудно. И есть еще больше таких, которые заражены этим в меньшей степени и которым первые полностью доверяют.

Предположим... Предположим на мгновение, что мы убедим президента Викери вызвать потенциального предателя для конфиденциального разговора. Викери объясняет, что сам хотел бы бежать, но действовать открыто для него равносильно политическому самоубийству, поэтому он хочет помочь нескольким особам покинуть планету и передать секретное сообщение землянам. Понимаешь? Я не утверждаю, что это будет сделано именно таким образом, я не знаю, до какой степени мы можем доверять Викери... но мы можем оставить право выбора за людьми моего отца.

— И подобным же образом подготовлены боевые порядки, которые приблизят сказку к реальности. Прекрасно, прекрасно! — отозвался Драун.

— Именно к этому я и подходил, — сказал Аринниан. — Моя задача состоит в том, чтобы собрать лидеров внутренней охраны и скоординировать их действия.

Поднявшись, он принялся рассказывать по комнате мимо Табиты, не глядя при этом в ее сторону.

— В данном случае очень бы помогло, — проговорил он отрывисто, — если бы добавочную информацию принес им один из них.

Дыхание со свистом прорвалось сквозь ее сжатые зубы. Драун подался вперед, перенес тяжесть тела на пальцы ног.

— Да, — подтвердил Аринниан. — Речь идет о твоём драгоценном Филиппе Рошфоре. Можешь сказать ему, что я здесь потому, что очень озабочен судьбой Экватории. — Он сообщил детали. — Потом я найду какое-нибудь дело на соседних островах и улечу вместе с Айат. Наша лодка останется здесь, полностью неохраняемая. Ты ведь позволяешь ему свободно бродить по окрестностям, не так ли? Его дальнейшие действия очевидны.

Табита с такой силой сдавила трубку, что треснул черепок. Она даже не заметила этого.

— Нет, — был ее ответ.

Аринниан обнаружил, что для того, чтобы остановиться и посмотреть на нее, ему не нужно делать над собой усилия.

— Он значит для тебя больше, чем твой мир?

— Бог накажет меня, если я когда-нибудь попытаюсь вот так его использовать, — сказала она.

— Но если его благородная натура не сможет позволить себе обмануть твоё доверие, о чем же тогда тебе беспокоиться?

— Я не собираюсь ронять перед ним своё достоинство, — сказала Хилл.

— Перед этим-то пометом? — едко заметил Драун.

Взгляд ее метнулся в его сторону, а рука — к лежавшему на столе ножу.

Он отступил.

— Ладно, ладно, — пробормотал он.

Когда последовавшая за этим тишина была нарушена, все почувствовали облегчение.

Кто-то постучал в дверь. Аринниан, находившийся ближе всего, открыл ее. За дверью стоял Рошфор. За его спиной маячила лошадь и цирраук. Филипп дышал неровно, и под смуглостью кожи проступала бледность.

— Вы вернулись слишком рано, — сказал Аринниан.

— Айат... — начал Рошфор.

— Что? — Аринниан схватил его за плечи. — Где она?

— Не знаю. Я... мы скакали, разговаривали... Внезапно она вскрикнула! Крис, я никак не могу забыть этот крик! Она сорвалась с места, взмахнула крыльями и исчезла за вершинами деревьев раньше, чем я успел ее окликнуть. Я... я ждал, пока...

Табита подошла к ним. Она хотела оттолкнуть Аринниана, заметила его неподвижность, то, с какой силой его пальцы впились в плоть Рошфора, и отступила.

— Фил, — тихо сказала она. — Дорогой, подумай! Она должна была услышать что-то ужасное! Что это было?

— Не могу себе представить. — Хватка Аринниана заставляла землянина морщиться, но он не двигался. — Она попросила меня описать космический бой. Мои впечатления. Я рассказал ей о последнем бое перед нашей высадкой. Помните, я рассказывал вам то же самое.

— Было ли что-то, о чем я не спросила?

— Кажется, я не описал, как выглядела лодка, но Айат попросила меня это сделать.

— И что же?

— Я сказал ей. Разве не нужно было?

— И как же?

— На корпусе корабля находились три золотые звезды.

Аринниан выпустил Рошфора. Кулак его опустился на лицо человека. Рошфор покачнулся и упал. Аринниан выхватил было нож, но овладел собой. Рошфор, озадаченный, сел. Рот его кровоточил.

Табита опустилась возле него на колени.

— Ты не мог знать, дорогой мой, — сказала она. Она сама едва держала себя в руках. — То, о чем ты ей сообщил, было известием о смерти ее возлюбленного!

ГЛАВА 15

Ночью поднялся ветер. Поплыли облака, набрасывая сине-черные тени на плывущую среди них Моргану. Тут и там лениво поблескивали звезды. В темноте за линией берега шелестел прибой, и деревья отвечали ему глухим рокогом. Холод заставил людей одеться теплее.

Рошфор и Табита медленно брели среди дюн.

— Где она? — подавленно спросил он.

— Одна, — ответила она.

— В такую погоду? Она ведь может еще ухудшиться. Послушай, если бы Холм сразу отправился на поиски, то мы хотя бы...

— Они оба могут о себе позаботиться. — Табита плотнее запахнула плащ. — Я не думаю, чтобы Крис надеялся ее найти, если только она сама не захочет, чтобы ее нашли, а это сомнительно. Просто он должен что-то делать. И ему хочется некоторое время побыть от нас вдали. Ее скорбь заставляет скорбеть и его. Типичная итрианская черта: самому переносить первый прилив горя.

— Святые! Я все испортил, да?

Он маячил рядом с ней длинной тенью. Она протянула руку, нащупала его ладонь, и это вернуло ей ощущение радости.

— Еще раз говорю тебе: ты же не мог знать, — ответила она. — Во всяком случае, лучше, что она узнала все сейчас, чем находилась бы в неизвестности еще недели и месяцы, а потом навсегда осталась в неведении относительно его смерти. Сейчас же она знает, что он

остался чист, что погиб, одержав блистательную победу. — Она колебалась. — Кроме того, ты же не убил его! Это сделали наши же защитники. Можно сказать, что это сделала сама война. Это был как удар молнии.

— Проклятая война, — сказал он, как выплюнул. — Разве недостаточно мы еще накидали дерьма?

Она вспыхнула:

— Твой драгоценный император мог бы окончить ее в любую минуту.

— Но она окончена, если не считать Авалона. Зачем продолжать все это? Вы заставите их разнести здесь все на щепочки.

— И показывает всем остальным мирам, что на самом деле представляет из себя Империя! Это бы испортило ее дела серьезно и надолго. — Гнев Табиты угас. — Ты же знаешь, что мы делаем ставку на то, что они не чудовища, и на то, что они умеют соблюдать свой интерес. Давай не будем больше говорить об этом.

— Я готов! Тэбби, ты и Холм... я, конечно, имею в виду старого Холма, и еще других старых людей и итриан, которым совершенно безразлично, сколько умрет молодых, расплачиваясь за их глупость, за их чванство...

— Прекрати, пожалуйста!

— Не могу! Вы разрабатываете какой-то новый безумный план, который, как вы считаете, позволит одной маленькой колонии одержать верх над всеми остальными мирами. Я вот что скажу: как бы долго это ни длилось, все закончится катастрофой. Потому что битва продолжится, еще усилится... Нет, я не могу безразлично наблюдать за тем, что вы делаете!

Она остановилась. Он тоже. Вглядываясь в темноту, она пыталась разглядеть выражение лица Рошфора.

— Не беспокойся, — сказала она. — Мы знаем, к чему вы клоните!

— Знаешь? Каков же твой план?

— Я не должна тебе этого говорить, дорогой!

— Конечно, — сказал он с горечью, — но ты можешь позволить мне лежать ночами без сна, проводить один за другим отравленные горечью дни, в страхе за тебя. Послушай, я многое знаю о войне. И о психологии Высшего императорского командования. Я могу дать тебе неплохой совет относительно его реакции на ваши начинания.

Табита покачала головой. Она надеялась, что он не видит, с какой силой зубы ее впились в губу.

— Скажи мне, — настаивал он, — ну какой вред я смогу причинить? Любой мой совет... А может быть, вы не предлагаете ничего особенно безрассудного? Как бы я хотел в этом убедиться...

Ей едва удалось заставить себя сказать:

— Прошу тебя, прошу тебя!

Он положил руки ей на плечи. Лунный свет падал на его глаза, превратив их в два черных бассейна.

«Я не могу ему лгать. Или могу? Но ведь я нарушаю присягу!

Могу? Аринниан хотел, чтобы я ему кое-что сказала... Но я не испытываю тебя, Фил! Я... выбираю меньшее из зол... потому что ты не хотел бы, чтобы твоя женщина нарушила данное ею слово, ведь правда? Я дарю тебе то короткое счастье, какое могу. Ложью, что не может никак повлиять на твое поведение. Потом, когда ты узнаешь, я на коленях буду просить тебя о прощении».

Она с трудом узнала свой голос.

— Мы можем располагать твоим словом?

— Относительно неиспользования против вас полученной информации? — Несколько секунд он молчал. Волны бились за его спиной. — Да!

— Ох, нет! — Она потянулась к нему. — Я не думала...

— Я даю тебе слово, моя милая!

«В этом случае... — подумала она. — Но нет, я не могла бы сказать ему правды, не посоветовавшись сначала с Ариннианом, который, конечно же, сказал бы «нет», а Фил, без сомнения, чувствовал бы себя несчастным из-за страха за меня и, что там ни говори, за своих друзей во флоте, потому что честь не позволила бы ему предупредить их».

Она сжала кулаки под покрывающим ее плащом и поспешно проговорила:

— В общем, речь идет не о чем-то капитальном. Тебе известно насчет Экватории, ненаселенного континента. Там нет ничего, кроме крошечных установок и ничтожного количества охраны, которая главным образом, сидит в бараках, потому что несколько попыток патрулировать территорию оказались бесплодными. Крис очень обеспокоен.

— Гм... Да, я слышал, как он упоминал об этом.

— Он убедил своего отца, что защита недостаточна. При более тщательном изучении они обнаружили, что плоскогорье Скорпелуны вообще открыто. Горы, частые штормы и прочее делают его особенно изолированным. Если бы враг сконцентрировал свои силы на то, чтобы прорвать орбитальную защиту и быстро устремиться вниз, то, оказавшись примерно в пятидесяти километрах над землей, он обнаружил бы преграду всего лишь из нескольких слабых лучей и, без сомнения, вполне мог бы справиться с теми несколькими орудиями и воздушными кораблями, которые успели бы туда добраться. А оказавшись на земле, он сразу бы окопался и создал... как вы говорите?... плацдарм. Мы должны укрепить эту территорию. Вот и все!

Она замолчала. У нее закружилась голова. «Неужели я сказала все это на одном дыхании?»

— Понятно, — отозвался он спустя несколько минут. — Спасибо тебе, драгоценная моя!

Она подошла к нему и поцеловала со всей нежностью, на какую была способна.

Позже ночью ветер стал тише, небо затянуло, пошел дождь, медленный, как слезы. К утру он прекратился. Среди разлива вод медленно поднялась сонная Лаура. Она плавала в бесконечной голубизне, а каждый листок и травинка острова казались драгоценными камнями.

Айат покинула утес, на котором провела несколько последних часов. Вначале она чувствовала себя окованной и вымокшей. Но ветер, бивший ей в ноздри и антибраторы, оживили кровь, налив силой мышцы.

«Вверх, вверх», — подумала она и понеслась по спирали. Море смеялось, но остров дремал, и единственным звуком был шум ее крыльев.

«И в смерти своей, Водан, ты тоже был солнцем!»

Отчаяние ушло, воспламененное усилением ее крыльев, развеянное ветром, затопленное водой — так, как он хотел бы для нее. Она знала, что боль еще вернется, но она уже была сильнее этой боли. И под ней уже ощущалась печаль, как огонь, тлеющий под травой. И пусть она живет, пока жива Айат, пусть Водан живет в ней и после того, как в ней пробудится чувство к другому, после того, как она отдаст этому другому свою любовь.

Она сделала круг. С той высоты, на которую она поднялась, ей был виден не один остров. «Я еще не хочу возвращаться. Аринниан может ждать меня до... сумерек? — В ней ожил голод. Она потратила слишком много энергии. — Будь благословенна боль, будь благословенен голод... будь благословенна удача!»

Далеко внизу стая птероплеуонов покинула свои гнезда и устремилась на поиски пискоидов над поверхностью воды. Айат выбрала цель, и устремилась вниз. Когда она закрыла глаза пленками, чтобы защитить их, мир сделался пятнистым и немного потускнел. Но она еще острее ощутила присутствие неба, струящего потоки света, свист ветра вокруг нее. Каждая клеточка ее тела ощущала готовность, знание нужного угла, скорости, силу падения.

Ее тело знало, когда расправить крылья, когда сложить их, как и когда должны вступить в действие руки. Кинжал был ей не нужен. Шея рептилоида сломалась под вихревым натиском этой встречи.

— Водан, ты был бы рад!

Ноша мешала ей. Не будучи тяжелой, она в то же время была неудобной. Айат опустилась на отдаленную скалу, нарезала мясо и поела. Сырое, оно было простым на вкус, даже пресноватым. Прибой под ней кричал и бурлил.

Потом она полетела в глубь острова, теперь уже медленнее. Нужно было найти высокую растительность и отдохнуть среди деревьев и цветов, в нагетой солнцем тени. Потом можно будет вновь подняться в небо. И все время она будет вспоминать Водана! Поскольку они не совершили брачного обряда, она не сможет вести его похоронный танец. Поэтому сегодня она должна исполнить его одна, наедине с собой.

Она спустилась к фруктовому саду. Вода, испаряющаяся с листьев, создавала над землей дымку легкого тумана, и эта завеса

слегка колыхалась среди зелени под солнцем. Сгустившиеся запахи накрыли ее своим опахалом. Она пила сильные ароматы живой земли, и антибраторы ее справлялись с этим не хуже легких, пока у нее не закружилась голова, а кровь не забурилась и не запела.

«Водан, — грезил она, — если бы ты был здесь, возле меня, мы улетели бы вместе, и ничто бы уже не помешало нам. Мы нашли бы место, где ты смог бы укрыть меня своими крыльями».

Казалось, что он был и впрямь здесь.

Шелест крыльев, воздух, внезапно наполнившийся мужским запахом... Все поплыло перед ней. «Теряю ли я сознание? Мне лучше сесть». Она неуверенно опустилась вниз и приземлилась.

Ее окружали апельсиновые деревья, не слишком высокие и не слишком часто растущие, чьи оранжевые шары казались таинственными в глубине листвы. Земля была недавно обработана, засеяна и лежала, открытая небу. Коричневая и мягкая, она прильнула к ней. Почва была сырой, но нагретой солнцем.

Послышался шум крыльев. Чья-то тень на мгновение закрыла Лауру. Летящий опустился, Аят узнала Драуна.

Его гребешок был напряжен. Каждое перышко вокруг усмехающегося рта говорило: «Я надеялся, что смогу вот так и найти тебя, после того что случилось».

— Нет! — жалобно бросила она и расправила крылья, намереваясь улететь.

Драун уверенно двинулся вперед, широко расставив руки и изогнув пальцы.

— Прекрасная, прекрасная, — произнес он. — Хкр-р-р!

Ее крылья качнулись. Поток воздуха принес силу, но не ее силу. То была иная энергия, потрясающая ее до основания.

— Водан! — взмолилась она и вдруг оказалась на крутящейся земле. Подъем был медленным и неуклюжим. Драун настиг ее и сомкнул когти вокруг ее алатана. Они упали вместе.

Она царапнула его по лицу и потянулась за ножом. Он поймал ее за обе кисти и притянул к себе.

— Ты ведь не хочешь этого на самом деле! — его дыхание ударило в ее ухо.

— А теперь? — Он обвил руками ее шею и крепко сжал ее в объятиях. Распростершись, его крылья снова заслонили солнце, и перышки опустились ей на глаза.

Ее крылья скрылись под его оперением.

Она так плотно смежила веки, что темнота под ними заполнилась пляшущими бесформенными огнями.

«Водан, — пронеслось где-то среди гула, — я делаю вид, будто это ты».

Но Водан ни за что не ушел бы сразу после случившегося, оставив ее в горечи царапающей землю, дрожащей. Такой и нашел ее, Аят, Аринниан.

Тэбби еще спала. Холм еще искал свою несчастную подругу. Драун недавно улетел, обронив замечание, что хочет, если сможет, помочь в поисках. Все остальные разошлись по делам. Земля покоилась в лучах утреннего солнца.

Рошфор потихоньку пробрался в спальню. Табита принадлежала к тем немногим женщинам, которые хорошо выглядят в этот час. Крупное тело, коричневая кожа слишком упруга, чтобы запасть или опухнуть. Короткие белокурые волосы так разбросали свои завитки, что его пальцы тянулись поиграть с ними. Она дышала глубоко, уверенно, не сопела, хотя губы ее чуть-чуть разошлись, обнажив белую полоску зубов.

Когда он склонился над ней, то не ощутил никакого кислого запаха, только нежный, девичий. И увидел следы засохших слез.

Рот ее искривился, но боль в прикушенной губе не была такой уж сильной, не то, что в сердце. Она плакала из-за него, когда они вернулись домой...

— Сегодня тебе, конечно же, нельзя, — прошептала она, согнув руку в локте и склонившись над ним, в то время как пальцы другой ее руки бегали по щеке и груди. — А со всеми этими беспокойствами и несогласием — и подавно. Ты же так измучился! Не расстраивайся! Ты сам не знаешь, какая для тебя это травма. Подожди до завтра или до следующей ночи, Фил! Перед нами целая жизнь!

«Самая мучительная часть кошмара в моей душе — это то, что я не могу сказать тебе, почему я так тяжело это перенес, — подумал он. — Если я поцелую тебя... но ты можешь проснуться... О, святой Джоан, сожженный за ее народ, помоги мне!»

Он понял, что если помедлит еще, она действительно может проснуться. Он медленно досчитал до ста, прежде чем выскользнул из комнаты.

Крыши строений, возвышающихся за ним, казались невозможно четкими на фоне неба, в котором властвовали только солнце и свежий ветерок. Мягкие зеленые и голубые краски сверкали так, как будто были ярко-алыми. Воздух был напоен запахами зелени и моря, чьи волны перекатывались вдаль. «Нет, эта дивная красота непрочна». Рошфор быстро пошел прочь. По тропинке он направился через фруктовый сад. Скоро она должна была слиться с главной дорогой, ведущей к посадочному полю.

«Это не может окончиться удачей. Кто-то должен быть на страже, или же я не смогу проникнуть внутрь. Или же еще что-нибудь случится и окажется, что я просто вышел на прогулку. Ведь нет никакого вреда в том, чтобы посмотреть, не так ли?»

Просто посмотреть и вернуться к завтраку. И никакого зла в этом нет, только вот ее авалонянам будет позволено убить себя; может быть, и она окажется в их числе. Еще мои товарищи по флоту тоже могут умереть — без пользы, без всякой на то причины, кроме гордыни, хотя, быть может, все это можно спасти. И тогда она поймет, что я сделал это ради того, чтобы война быстро закончилась, и чтобы Табита могла жить».

Кругом было тихо. В это время года никто не работал на плантациях.

И посадочное поле тоже было пустынным. Для того небольшого количества транспорта, которое принимал Сент-Ли, вполне было достаточно автоматического контроля.

Космический флиттер был неподдалеку. Рошфор стоял неподвижно, пока в памяти его не всплыл разговор: «Только погода может быть врагом». Насчет воров здесь не беспокоятся.

А как насчет любопытных детей?

«Если кто-нибудь появится и увидит меня здесь, я смогу объяснить, что просто обеспокоился этим обстоятельством. Тэбби поверит мне».

Он подошел к небольшому трапу, используемому для разгрузки грузовых кораблей, и подвез его к корпусу ракеты. Вход был очень похож на те, к которым он привык, и он немедленно отыскал щит, который должен был скрывать внешний контроль. Он не был защищен и легко отошел в сторону. За ним была только одна кнопка. Он нажал на нее. Открылся главный клапан. Трап отъехал в сторону.

«Господи, укажи мне волю твою!»

Рошфор скрылся внутри.

Итрианское судно было весьма похоже на земную лодку. И в этом не было ничего удивительного, если вспомнить, что летающая раса училась искусству кораблестроения у человека, и что на Авалоне суда часто водили именно люди. В кабине пилота сиденья и аппаратура были пригодны для особенностей обеих рас.

Надписи были на планхе, но Рошфор разобрался в них. Через пять минут он знал, что может поднять и вести эту лодку.

Вначале он сжал кулаки. Потом принялся за дело.

ГЛАВА 16

Аринниан вел Айат обратно по земле. Его гравипояс был недостаточно надежен, чтобы удержать их в воздухе вдвоем.

Дважды она говорила ему, что может лететь или идти с какой угодно скоростью, но говорила это таким слабым шепотом, что он отвечал: «Нет». Если не считать этих слов, они больше не разговаривали.

Он не мог долго нести ее на руках. Она повисла на нем, прижавшись килевой костью к его спине, свесив руки по его плечам, как это делают маленькие итрианские дети, и он помогал ей хоть немного преодолеть притяжение планеты. Крис разорвал свою рубашку на лоскуты и смочил ее раны водой с листьев, а оставшимися «бинтами» перевязал их, чтобы остановить кровотечение. Раны не были опасными. Он ощущал тепло (даже жар) ее любовной поры, окружавшее его подобно тяжелому аромату.

«Это самое худшее, — размышлял он. — Такие условия продлятся несколько дней, а может, и пару недель. Если она неожиданно

снова столкнется с ним... Испытывает ли она угрызения совести? Она, конечно, в шоке, ей больно и стыдно, но чувствует ли она себя смертельно оскорбленной? Может ли чувствовать? Я вдруг перестал понимать свою подругу».

Путь был долгим и трудным. Он и так потратил много сил на поиски. Теперь же все его тело болело, во рту пересохло, голова казалась набитой песком. Весь мир превратился в дорогу, которую ему предстояло одолеть. В длинную-длинную дорогу, и каждый ее километр казался все более долгим. Так же все сужался мир мыслей и памяти, пока не превратился в череду предательств. Он старался не думать об этом; найдя в памяти детские стишки, приноровил их к своим шагам. «Ты срываешь и бросаешь. Ты срываешь...» Но это заставило его слишком сосредоточиться на ногах, на их боли, на тяжести в руках, на горечи во рту, и волей-неволей он вернулся к мыслям о чередке предательств. Земля — Итри, Итри — Авалон, Табита — Рошфор, Айат — Драун... Эти руки, сомкнувшиеся сейчас на его животе, руки, которые он держит в своих, совсем недавно напрягались, стараясь подтянуть поближе к себе Драуна. Этот голос, что пел для него, а сейчас был чуть слышен, извергал в тот момент стоны, как голос какой-нибудь суки... «Прекрати это! Прекрати, я сказал!»

Вид знакомого пейзажа вернул его к действительности. Никого поблизости не было видно. Удача! Он потихоньку унесет Айат. Итрианские химики создали аэрозоль, который эффективно нейтрализует действие ферментов, без сомнения, его можно будет занять у кого-нибудь из соседей. Если ему удастся заставить местных мужских особей держаться вдали от ее комнаты, пока она не отдохнет настолько, что сможет полететь с ним в лодке домой, к Вратам Бури, то все обойдется.

Двери в дом Табиты были распахнуты. Должно быть, она услышала звуки его шагов, потому что подошла к двери.

— Хэлло! — позвала она. — Ты ее нашел?.. Ой! — Она подбежала. Ему показалось, что по виду Айат Табита сразу смогла оценить обстановку. — Она в порядке?

— Нет.

Табита пошла за ними.

— Сюда, — сказала она, — на мою кровать.

— Нет! — Аринниан остановился. Если бы на нем не было ноши, он бы пожал плечами...

Айат лежала. Одно крыло было придавлено ее телом, другое раскинулось так широко, что перья его касались пола. Закрытые мембраны делали ее похожей на слепую.

— Спасибо! — Голос ее был едва слышен.

— Что случилось? — Табита склонилась над ней. Запах, который самец-итрианин мог различить за километры, достиг и ее ноздрей. — О! — Она выпрямилась. Подбородок ее затвердел. — Вот оно что.

Аринниан отыскал ванную, выпил один за другим несколько

стаканов холодной воды, принял ледяной душ. Тем временем Табита ходила по комнате, готовя все необходимое для Айат.

Когда они оба покончили с делами, то встретились в гостиной. Табита приблизила губы к самому его уху, так, что он явственно ощутил ее дыхание, и прошептала:

— Я дала ей содатив. Через несколько минут она уснет.

— Хорошо, — глухо ответил он. — Где Драун?

Табита отступила. Ее зеленые глаза расширились.

— Зачем он тебе?

— Неужели ты не догадываешься? Где он?

— Зачем тебе нужен Драун?

— Чтобы убить его.

— Ты не сделаешь этого! — крикнула она. — Крис, если это был он, то они ведь не могут собой владеть. Никто не может! Ты же знаешь! Шок и печаль вызвали овуляцию раньше времени, и тогда он воспользовался случаем, и...

— Он не просто воспользовался случаем, этот негодяй, — сказал Аринниан, — если он это сделал, то должен был отступить после первого, даже самого ничтожного сопротивления, как и подобает всякому честному мужчине, а не брать ее силой. Где он?

Табита отошла в сторону и остановилась перед телефоном. Она была бледнее, чем тогда, когда Драун над ней насмехался. Крис попытался ее отодвинуть. Некоторое время она сопротивлялась, но он был сильнее, и ей пришлось уступить.

— Дома он, ты же знаешь, — сказал Аринниан. — И под рукой кучка вооруженных друзей.

— Чтобы помешать тебе совершить безрассудство, — вздохнула Табита. — Крис, сейчас война. Он слишком важен для дела охраны. Мы... Если бы Фил был здесь, ты бы ни за что... Должна ли я пойти за оружием?

Он сел.

— Твой Рошфор не сможет мне помешать позвонить. — Она отступила. — Как и твой глупый пистолет! Успокойся!

Он знал номер и набрал его. Экран ожил: Драун и, действительно, еще парочка с бластерами. Итрианин сейчас же заговорил:

— Я этого ожидал. Ты меня слышишь? Что сделано, то сделано, и ничего постыдного в этом нет. В подобных случаях часы говорят «нет», если не считать того, что оскорбленная гордость может потребовать денежного возмещения, а с этим справится даже ребенок. Что же касается гордости, то она получила удовольствие. — Он усмехнулся и посмотрел мимо мужчины. — Ведь правда, красotka!

Аринниан оглянулся. Айат покачиваясь, выходила из спальни. Глаза ее были широко раскрыты, но затуманены наркотиком, который уже вверг ее в полубессознательное состояние. Руки ее протянулись к изображению на экране.

— Да, приходи! — прошептала она надтреснутым голосом. — Нет! Помоги мне, Аринниан, помоги.

Он не мог шевельнуться. Табита подбежала к ней и увела ее.

— Видел? — сказал Драун. — Никакого вреда. Вы, люди, как я слышал, можете брать своих женщин силой и часто это делаете. Я не создан для этого. Во всяком случае, что стоит одна наша забава по сравнению с сотнями в год ваших?

Аринниан едва удержал рвущийся наружу желудок. В груди у него жгло. Когда он заговорил, его собственные слова показались ему никчемными и далекими, хотя смысл их оставался для него совершенно ясным.

— Я видел, в каком состоянии она была.

— Ну, может быть, я немного переусердствовал. Но вы, люди, не так все понимаете. Мы, итриане, наблюдаем за вами и удивляемся. Ты понял мои намерения? Хорошо, я соглашусь заплатить за любое нанесенное ранение, любое, зафиксированное врачами. Я даже согласен обсудить с ее родителями размеры платы за оскорбленную гордость. Ты удовлетворен?

— Нет!

Драун слегка пошевелил гребешком.

— Лучше бы ты был подальше отсюда. По законам и обычаям у тебя больше нет никаких прав на улаживание этого дела.

— Я собираюсь тебя убить, — сказал Аринниан.

— Что? Подожди, биение ветра! Убийство...

— Дуэль! У нас есть свидетели. Я тебя вызываю!

— Я же сказал, что у тебя нет причин!

На сей раз Аринниан смог пожать плечами:

— Тогда ты меня вызови!

— За что?

Человек вздохнул.

— Зачем нам так соблюдать формальности? Позволь мне самому решить, какое оскорбление можно было бы считать смертельным. Вульгаризм, который я смог бы допустить, летя над тобой? Нет, слишком искусственно! Я просто выставлю наружу все твои недостатки с собственным комментарием, Драун! Потом я смогу добавить, что чос Высокого Неба — дерьмовый чос, потому что в состав его входит такой мерзавец!

— Достаточно, — сказал итрианин очень спокойно, хотя перья его стояли дыбом, а крылья вздрагивали. — Ты вызван! Перед моими богами, твоими богами памятью всех наших предков и надеждой на наших наследников я, Драун из Высокого Неба, вызываю тебя, Кристофер Холм, прозванный Ариннианом, из Врат Бури с тем, чтобы твои сила и гордость встретились с моими в битве, из которой живым должен выйти лишь один! В присутствии части тех свидетелей, которых я назову...

За спиной человека появилась Табита. С удивительной силой она схватила Аринниана и стащила его со стула. Он упал на пол, выпрямился и обнаружил, что она встала между ним и экраном. Правой рукой она вцепилась в Аринниана, а левую держала так, как

будто хотела таким же образом удержать на расстоянии врага своего компаньона.

— Вы что, с ума оба сошли? — крикнула она.

— Слова были произнесены. — Драун обнажил клыки. — Если только он не попросит у меня прощения.

— Я ни за что не буду выпрашивать у него прощение, — сказал Аринниан.

Табита стояла, задыхаясь, переводя взгляд с одного на другого. Слезы катились у нее по щекам, но она, казалось, не замечала этого. Через некоторое время ее руки опустились.

— Вы хоть согласны выслушать меня? — хриплым голосом спросила она. Они согласились. Аринниан начал дрожать от внутреннего холода. Безжизненно повисшие руки Табиты сомкнулись в кулаки. — Вы должны членам вашего чоса не свою гордость... Авалон... может... погибнуть или быть изуродованным! Подождите до конца войны! Я обещаю вам довести дело до конца!

— Что ж, я согласен, но при условии, что мне не нужно будет ни встречаться, ни разговаривать с Ходящим, — неохотно согласился Драун.

— Если ты считаешь, что мы должны сотрудничать как раньше, — сказал Табите Аринниан, — то тебе придется стать нашим посредником.

— Разве она может? — оскалился Драун. — После того, как ты отозвался о ее чосе.

— Думаю, как-нибудь смогу, — вздохнула Хилл.

Она отступила. Задача ее была выполненной. Экран потух.

К Аринниану вновь вернулась сила. Он повернулся к девушке и извиняющимся тоном произнес:

— Последнее мое оскорбление не было умышленным. У тебя я прошу прощения, тебя я умоляю о снисхождении!

Она посмотрела в его сторону, но подошла к двери и вышла из дома.

«Пошла к своему любовнику, — пронеслось в его голове. — Я найду дерево, под которым смогу отдохнуть, пока Айат не встанет и я не смогу отнести ее к флиттеру».

Грохот прокатился среди гор. Оконные стекла задрожали. Табита застыла.

Шум замер, снова стало тихо. Она побежала.

— Фил! — закричала она.

«Так, — подумал Аринниан. — Вот так! Еще одно предательство!»

— Спокойнее, лейтенант! Садитесь!

Темноволосый красивый человек напряженно застыл в кресле. Хуан Кайал опустил глаза и принялся перебирать бумаги на письменном столе. Молчание заполнило его кабинет.

«Валендерей» кружился на своей орбите вокруг Пано на

расстоянии, которое превращало это солнце в подобие яркой звезды, похожей на те, что светили на Эсперансе, где жила Луиза.

— Я прочел ваш отчет, включая транскрипцию вашего заявления, очень внимательно, лейтенант Рошфор, — сказал наконец Кайал. — Поэтому я просил, чтобы вас доставили сюда на спидстрере.

— Что я могу добавить, сэр? — голос вновь прибывшего был очень напряжен, как и его тело. Тем не менее, когда Кайал снова поднял голову и встретился с ним взглядом, он вспомнил нежное животное, виденное им однажды в Нью-Мехико, в сьерре де Лос Воскас Секос, загнанное в угол каньона, где оно ожидало приближения охотника.

— Вначале, — сказал адмирал, — я склонен был отдать личный приказ о гипнопробе, которой вы уже подверглись, когда присоединились к нашему флоту, и сейчас приношу вам за это свои извинения. Это не лучший способ обращения с нашими офицерами.

— Я понимаю, сэр, — сказал Рошфор. — Я не был удивлен, а допросы проводились очень вежливо. Вы же должны были убедиться в том, что я не лгу. — За маской его лица мелькнуло что-то живое. — Вам.

— М-м-м, да, гипнопроба обнажает даже мельчайшую деталь, не так ли? История никуда дальше не пойдет. Вы осознали свой высший долг и исполнили его.

— Почему вы решили расспросить меня лично, сэр? То небольшое, что я смогу рассказать, я отметил в своем рапорте.

Кайал откинулся на спинку кресла. Он изобразил на губах самую дружескую улыбку.

— Вы узнаете об этом. Прежде всего, я хочу получить немного дополнительной информации. Что вы пьете?

Рошфор изумился:

— Сэр?

— Скок, бурбон, чистый виски, джин, теквиду, водку, акванант и так далее, включая разнообразные экстерриториальные напитки. Может быть, какая-то особая смесь? Я полагаю, наш бортовой бар оборудован неплохо. — Поскольку Рошфор продолжал сидеть с непонимающим видом, Кайал закончил: — Дело в том, что мы вместе обедаем.

— Я? Но, адмирал, это в высшей степени любезно с вашей стороны. Да, мартини. Благодарю!

Кайал отдал распоряжение. Обычно, в те редкие случаи, когда он что-то выбирал, он заказывал маленькую порцию шерри. Он думал, что и Рошфор в обычных условиях предпочитает что-то привычное. Важно было дать мальчику возможность расслабиться.

— Закурить? — предложил он. — Сам я не курю, но не возражаю против того, чтобы курили другие, так что губернатор присылает мне эти сигареты. Он известный гурман.

— Э... благодарю вас... не перед едой, сэр!

— Как пожелаете. — Кайал принял поданные коктейли. Бокалы были большие и холодные. Он поднял свой: — Салют, ми амиго!

— Ваше здоровье... — На мгновение на неподвижном лице Рошфора появилось что-то живое. — Бон санте, месье адмирал!

Они принялись потягивать напитки.

— Давайте, давайте, не стесняйтесь, — подбодрил адмирал. — Человек, обладающий той смелостью, которую проявили вы, не должен бояться своего начальства. Ну, может быть, только своего капитана, немножко, но никак не меня! Кроме того, я не собираюсь отдавать вам приказания. Скорее, я хочу просить вас о помощи, о совете.

Рошфор был в явном изумлении.

— Не могу себе этого представить, сэр. — Кайал знаком показал ему, чтобы он продолжал пить. Его собственный бокал был почти полон. Не то чтобы он хотел напоить Рошфора, он просто хотел, чтобы тот почувствовал себя свободнее и увереннее.

— Полагаю, вы знаете, что вы единственный пленный, которому удалось бежать, — сказал адмирал. — Это понятно. С таких лодок, как ваша, они обычно берут не больше десяти-двенадцати пленных. Вам удивительно повезло! И все же, хотя вы можете не знать этого, к нам прибыли с Авалона и другие люди.

— Перебежчики, сэр? Я слышал о недовольных.

Кайал кивнул:

— Страх, жадность, а иногда заслуживающие большей похвалы причины: желание сделать все возможное, чтобы исправить положение, предотвратить дальнейший хаос. Они поступали к нам постепенно, один за другим, пока не набралась целая группа. Естественно, все были подвергнуты тщательному допросу, даже более тщательному, чем вы. Ваш психопрофиль занесен в дело, службе безопасности нужно было лишь установить, нет ли подделки.

— Там не стали бы этого делать, сэр, — сказал Рошфор. Речь его снова обрела краски. — На Авалоне самым аморальным считается задеть чью-то изначальную честь. Это стоит вашей собственной чести. — Он откинулся назад и быстро глотнул. — Прошу прощения, сэр.

— Не нужно извинений. Вы хорошо говорите, как мне бы этого хотелось. Это именно так. Впрочем, я продолжу. Первые перебежчики не представляли собой ничего интересного. Из поздних... В общем, ни к чему читать вам лекции. Достаточно одного типичного случая. Городской торговец, разбогатевший на торговле с ближними имперскими мирами. Он не возражает против того, чтобы мы захватили его планету, лишь бы война не разрушила его собственность, в результате чего восстановление стоило бы ему дополнительных налогов. Презренный тип или реалист? Неважно. Суть в том, что он владел некоторой информацией, переданной ему, чтобы он передал ее нам. Передавающими были весьма высокопоставленные официальные лица, входящие в тайную группу стоящих за заключение мира.

Рошфор наблюдал за Кайалом поверх кромки бокала.

— Вы опасаетесь ловушки, сэр?

Кайал развел руками:

— Искренность перебежчика сомнению не подлежит. Но не начинили ли его фальшивыми данными перед побегом? А ваша история — важное подтверждение той, что рассказал он.

— Относительно экваториального континента? — спросил Рошфор. — Совершенно ни к чему заставлять так трудиться ваш ум. Возможно, я не пытался бы бежать, если бы не поверил в то, что услышанное мною может сыграть решающую роль. Но я знаю очень немного.

Кайал потерял бородку:

— Вы знаете больше, чем считаете, молодой человек! Например, наши данные о вражеских огневых точках, приготовленные к первой битве за Авалон, действительно включали Экваторию в слабые пункты обороны Авалона. Вы же были на месте в течение месяца. Вы слышали разговоры. Вы видели лица, лица людей, которых вы должны были узнать. Какова действительная степень их озабоченности?

— Гм... — Рошфор отпил еще глоток. Кайал как бы мимоходом нажал кнопку, чтобы принесли еще порцию коктейля. — Видите ли, сэр, что касается леди, с которой я был, то Экватория не входила в круг ее забот. — Он торопливо продолжал. — Вот Кристофер Холм, старший сын их верховного командующего — да, я бы сказал, что он действительно много о ней беспокоился.

— Что же это за место? Особенно... как оно называется... да, район Скорпелуны. Мы собираем всю информацию, которую только можем собрать. Кругом столько миров, но никто, почему-то, не заботится о пустынных, незаселенных участках.

Рошфор порекомендовал пару книг. Кайал не стал говорить ему о том, что компьютеры Службы безопасности, должно быть, нашли их в библиотеках дни, а то и недели назад. — Ничего особенного, специфического, — продолжал лейтенант. — Насколько я понимаю, это большое засушливое плато, окруженное горами, которые на Авалоне считаются высокими. Оно находится примерно в середине континента, который, как известно адмиралу, невелик. Нет большой надежды, что там можно жить. — Он прервал свое изложение. — И нападающим жить там тоже невозможно.

— Но те, которым нужно пересечь оксаны, чтобы туда попасть, оказались бы от своего дома дальше, чем наши люди от своих кораблей, — пробормотал Кайал.

— Это очень опасный путь, сэр!

— Если мы разобьем местную защиту, он перестанет быть опасным. А горы, дающие великолепное убежище...

— Я тоже так думал, сэр! Судя по тому, что мне известно о... э... возможностях связи и транспорта, итрианские организации не могут быстро доставить туда сильное подкрепление. И это независимо от того, взволновал их мой побег или нет!

Кайал склонился над письменным столом.

— Предположим, что мы это сделаем, — сказал он. — Предположим, мы организуем базу для воздушных судов и наземных орудий. Как вы думаете, что сделают тогда авалоняне?

— Им пришлось бы сдаться, сэр, — решительно сказал Рошфор. — Они... я не стану делать вид, будто понимаю итриан, но что касается человеческого большинства — что ж, мое впечатление таково, что они стоят к Готтердермерунд гораздо ближе, чем мы, но они не безумцы. Если бы мы оказались там, на земле, если бы мы имели возможность поразить любое место и таким образом разрушить их любимую планету — а ведь именно ради любви к ней они все это и затеяли... — он покачал головой. — Приношу свои извинения. Все это такая неразбериха. Кроме того, я могу и ошибаться.

— Ваше впечатление выдержало изучение всех ксенологов, — сказал ему Кайал. — Более того, основой ему послужил личный опыт. — Прибыли новые порции. Рошфор отказался. Кайал сказал: — Пейте, прошу вас. Мне нужно, чтобы ваши воспоминания лились свободно, чтобы вы полностью рассказали мне, что представляет из себя это общество и все, что его окружает. Вам понятно, что принять решение нелегко. То, что вы можете мне поведать, конечно же, не решает дело само по себе. Тем не менее, мне нужна каждая доля факта, который я мог бы получить.

Рошфор пристально посмотрел на него.

— Вы за вторжение, не так ли, сэр? — спросил он.

— Конечно! Я не машина-убийца. И те, кто стоят надо мной — тоже!

— Я бы хотел этого. Клянусь телом Христовым. — Рошфор осенил себя крестом, глядя на распятие. — Как бы я этого хотел! — Поставив свой бокал, он добавил: — Одна просьба, сэр! Я сделаю все, что только смогу. Но если вы действительно решитесь на проведение этой операции, могу я быть в первой группе нападающих? Вам понадобится несколько «метеоров».

— Это в высшей степени опасно, лейтенант, — предупредил его Кайал. — Мы не имеем полной уверенности в том, что у них нет скрытых резервов. В то же время, мы не можем бросить значительное количество сил в первую атаку. Вы заслужили лучшего.

Рошфор поднял бокал. Он держал его так, как будто хотел не осушить, а разбить вдребезги.

— Я прошу именно того, чего заслужил, сэр!

ГЛАВА 17

Имперская армада окружила Авалон, и нападение началось.

Сразу же столкнулось множество кораблей и орудий, полетели энергетические стрелы, взорвались и потухли огненные мечи — и все это на протяжении тысяч километров. На этот раз на земле наблюдатели видели, как эти искры разгорались и с каждым часом

становились все ярче, пока не сделались такими яркими, что глазам было больно на них смотреть, а мир на мгновение превратился в средоточие синевато-бледных теней. Битва продвигалась вглубь.

Шаги ее были хорошо рассчитаны. Кайал поторопился со своим решением и собрал свои силы в рекордные сроки — за несколько дней — чтобы враг не имел времени на укрепление этой территории. Но теперь, когда он был здесь, он не хотел ненужного риска. Напротив, ему хотелось, чтобы риск был минимальным. Сложившаяся ситуация полностью отличалась от прежней. Под рукой были силы, в три раза превышавшие прежние, и не нужно было беспокоиться о том, прячутся ли во тьме, на подступах к Лаурианской системе, остатки авалонского флота. Патрули уверенно сообщили, что вражеские корабли собрались на расстоянии в одну-две астрономические единицы. Поскольку они не выказывали очевидных намерений броситься в пекло, адмирал не видел причины для их уничтожения.

Он даже не отдал приказ об окончательном уничтожении флагмана Феруна, хотя внешние роботы распознали врага и открыли огонь. Он плавал на таком расстоянии и на борту его осталось так мало снаряжения, что просто не стоило и связываться. Легче было отпустить неуклюжую старушку и те останки, которые она несла на своем борту.

Кайал сосредоточился на методическом изучении планетной защиты.

Внешней частью обороны являлись крепости: некоторые — огромные, большинство — небольшие. Орбиты их были самыми разнообразными. Их достоинством было то, что они являлись портами для космических кораблей... Их можно было постоянно поддерживать снизу. Почти все они были полностью автоматизированы, и являлись не очень гибкими, но более крепкими системами, чем плоть и нервы. Достаточное количество кораблей прошло незамеченными, прежде чем крепости открыли огонь по проходящим мимо кораблям землян.

Это, впрочем, случилось во время первой битвы. Впоследствии осаждающая часть флота получила план расположения крепостей, затем разрушила часть из них и препятствовала всяческим попыткам их восстановления. Залпы батарей с земли тоже больше не были неожиданностью. И корабли в полной мере пользовались своим главным преимуществом: мобильностью.

Основная мысль Кайала состояла в том, чтобы эскадры быстро выходили на заданные позиции. Поразив намеченную цель, они должны были немедленно менять курс и всеми силами стараться избежать ответного огня. При неудаче первой атаки должны были немедленно последовать вторая, третья, четвертая, т. е. до тех пор, пока защита не будет полностью разрушена и станция не взорвется в водоворотах пара и обломков. Не имея сейчас надобности защищать тылы и продовольственные линии, Кайал мог быть щедрым на боеприпасы — и был таковым!

Космические суда с такой маневренностью были почти неуязвимы для орудий защиты, которые должны были поразить цель

через атмосферу, преодолевая гравитацию планеты, имея на старте нулевую скорость. Авалоняне скоро поняли это и через некоторое время перестали даже пытаться сбивать корабли.

План Кайала не включал предварительного разрушения каждой орбитальной станции. Это было бы настолько дорогостоящее предприятие, что ему пришлось бы застрять на месте и ждать подкрепления из Империи, а он очень торопился.

Он решил, что хорошо бы нейтрализовать луну — и через некоторое время Моргана была окружена и подвергнута такому жесткому натиску, что горы разрушились, а долины расплавились.

В остальном имперцы охотились за теми из крепостей, которые, по их мнению, могли послужить угрозой первому десанту в установленный командующим срок. При необходимости попасть в очень маленький объект невозможно было быстро сфокусировать весь энергетический запас. Никогда ранее история не знала такого быстрого разрушения планетарной защиты, как в эти два авалонских дня.

Потери были неизбежны. Они особенно выросли, когда корабли подошли к атмосфере так близко, что действие наземных проекторов и орудий сделалось очень эффективным. Следующим шагом было обезвреживание этих установок.

Капитан Ион Мунтяну, командир огневого контроля на борту «Фобоса», дал своим офицерам короткий инструктаж, когда корабль рванулся вперед:

— Мы должны выполнить особую миссию, как вы, должно быть, догадались, принимая во внимание класс судна. Мы должны просто припечатать место, которое может доставить мальчикам хлопоты. Хотите задать вопрос, Зисей Озуми?

— Да, сэр! Два. Как и почему? Мы можем собрать значительное количество припасов и придумать много хитроумных ловушек, чтобы все это собралось вокруг мегаполей и взорвалось именно там, где это может принести больше пользы. Но речь идет о военных объектах. А города ведь должны иметь куда более сильную защиту.

— Я хочу напомнить вам о яйце и курице, Зисей! Конечно, она есть. Мощные слои защиты плюс внешние ракетные установки космос — земля. Мы будем стрелять со всей мощью, на какую способны наши орудия. Та часть этой атаки, которую я как раз собирался запрограммировать, позволит, по крайней мере, достичь нужного уровня раньше, чем нас остановят. Если нет, начнем сначала!

— Сэр! Вы же не собираетесь превратить континент в развалины?

— Нет-нет! Успокойтесь! Вспомните, что наш корабль не приспособлен для этого. Мы не получили приказа разрушать ценную собственность Его величества до такой степени, чтобы она стала совершенно негодной. Действия наши будут в высшей степени грубыми, это так, но честными и направленными только на то, чтобы обезвредить непосредственную угрозу, главным образом, радиацию.

Взрывы не могут оказать слишком большую помощь против мегаполей. Мы займемся только центральной частью города, поскольку Служба безопасности сообщает, что края его наименее опасны.

— Сэр, я не хочу вас беспокоить, но почему мы это делаем?

— Не нужно так волноваться, Озуми! Должна быть произведена посадка. Война с планетой может продолжаться еще некоторое время. Именно этот город они называют Центаур, он является их главным морским портом и основным промышленным центром. Мы не собираемся оставить его на произвол судьбы, чтобы он спокойно посылал подкрепления, которые будут воевать с нашими друзьями.

Пот выступил на лбу Озуми.

— Женщины и дети...

— Если бы враг обладал нужной долей разума, то давно бы произвел эвакуацию, — отрезал Мунтяну. — Честно говоря, мне на это наплевать! Я потерял здесь брата в прошлый раз. Если с нытьем покончено, примемся за работу!

Кьенна медленно летела над каналом Лайвелл-стрит. Опустилась ночь, та ясная ночь, что была так непохожа на обычные зимние ночи в Дельте. Звезды были видны очень ясно. Они пугали ее. Слишком много противных холодных маленьких глаз.

И на самом деле они вовсе не то, за что себя выдают, как ей говорили. С них начинается война, та война, что так изменила мир.

Вначале все было прекрасно, потому что мимо нее проходило столько итриан, наполняя ее кошелек, что временами она забывала обо всем, кроме своего любовника. В перерывах же она могла с помощью разных снадобий поддерживать себя в превосходном состоянии духа, особенно на вечеринках. Вечеринки были придуманы людьми, как она слышала (кто ей об этом сказал? Она пыталась вспомнить лицо, тело. Она смогла бы это сделать, если бы они не сливались в путанице голосов, языков и ароматного дыма). Хорошая эта была мысль! Какой вначале казалась война: любовь, смех, сон, а если просыпаешься с дурным привкусом во рту и иголками, засевшими в голове, то достаточно нескольких пилюль — и снова все хорошо!

А потом все испортилось: больше никаких морских офицеров, в гнезде пустота, как в пещере, ночь за ночью, девушке иногда хотелось кричать, но это делала за нее музыка. Люди торопятся, приходят и уходят, а те, что остаются — она была согласна даже на человеческую компанию, — держатся в тени. Темные спокойные ночи, утомительное одиночество дня, деньги, истаявшие настолько, что она едва была способна купить себе еду, не говоря уже о бутылочке или пилюле, способной поддержать ее в состоянии грез.

Взмах крыльями, еще один. Кто-то должен быть в городе, и он должен быть одинок теперь, когда снова началась битва.

— Я тоже одинока, — сказала она вслух. — Кем бы ты ни был, я люблю тебя.

Ее голос прозвучал слишком громко в этом неподвижном теплом воздухе, над маслянистой водой, мертвыми мостовыми, меж затененными стенами и под этими ужасными маленькими звездами.

— Водан? — позвала она потише. Она помнила его лучше большинства флотских, почти так же хорошо, как нескольких первых, пока остальных не стало столько, что она была просто не в состоянии их сосчитать. Он был нежен, и беспокоился о своей девушке, оставшейся дома. «Но сам он был забавный, — подумала Кьенна. — Вне всякого сомнения, звезды съели Водана!»

Она подняла гребешок. У нее была своя гордость. Она не станет ничего бояться на полуночных улицах. Вскоре затеплится заря, и тогда она осмелится уснуть.

Солнце появилось очень скоро.

Она видела его одно мгновение, пока оно заполняло небо. Потом снова ночь окружила ее, потому что глаза как будто расплавились. Она не знала об этом, так как оперение было в огне. Последовавший страшный шум поглотил ее вопль — супербыстрые молекулы воздуха всосались мегаполями, — и она не заметила, как они раздавили ее барабанные перепонки, разрушили капилляры. В своей агонии боли она не ощущала ничего. Она устремилась к каналу, потеряла равновесие и упала на дом, который казался ей единым снопом пламени. Но это не имело значения, потому что вода в канале кипела.

Помимо факторов морали и военного потенциала, нападение на Центаур должно было послужить делу спасения хотя бы части авалонских ресурсов. Все было хорошо рассчитано. Всего лишь через три часа приготовленное отверстие в защите было увеличено, и первая волна нападающих ринулась сквозь него.

Среди них был и Рошфор. Он и его наскоро собранная команда не получили особой возможности поупражняться, но они были способными людьми, а на борту «Метеора» было все необходимое для битвы. Они не вводили в действие орудия, пока не оказались ниже опасной высоты.

В пути была уничтожена пара вражеских кораблей. Хотя ни одно космическое судно не было по-настоящему хорошим для полетов в атмосфере, торпедные лодки соединяли в себе достаточную маневренность, огневую силу и людскую мощь. О машинах, управляемых роботами, говорить не приходилось.

Оказавшись близко к земле, Рошфор перевел все внимание на наземные орудия.

Внизу лежали горы, река. Земные лодки с грохотом приближались к ним, выпускали лучи и торпеды против мегаполей и бункеров, вставали на хвост, устремлялись к стратосфере и возвращались в следующем заходе.

Третья атака была не нужна.

Ряд катеров взорвался под утесами с грохотом, вызывавшим в горах обвалы.

Рошфор страшно хотел забыть о том, как прекрасен был этот каньон.

Вернувшись к Скорпелуне, он обнаружил, что весь патруль приземлился. Из транспорта, перевозившего личный состав, сочилась струя моряков и инженеров, из грузовых судов выводились машины. Наверху небо потемнело от роя патрульных судов. Последовало несколько безумных дней. За кипящей деятельностью чувствовалось истерическое возбуждение. Кто знал наверняка, что являет собой враг?

Ничего не случилось. Экранные генераторы были собраны и приготовлены к действию. Защитные проекторы и суда поставлены на позиции. Были возведены укрытия для оборудования, потом — для людей. И никакой контратаки!

Воздушная разведка и космическое оборудование сообщали о значительной вражеской активности на другом континенте и за островами. Без сомнения, что-то готовилось! Но это «что-то» не казалось сиюминутной угрозой.

Открылось второе отверстие. Вторая волна хлынула вниз. База Скорпелуны расплзлась как чернильное пятно.

Теперь, когда намерения врага стали очевидными, Кайал разрушил еще ряд орбитальных крепостей, чтобы увеличить число отверстий. После этого он рассредоточил основную часть флота по нескольким направлениям. С них он брал людей и оборудование для посылки их вниз.

Последние авалонские корабли то уходили, то возвращались — волки, изголодавшиеся до такой степени, что перестали быть угрозой. Не стоило тратить на них усилий. Поэтому имперцы повсюду воздерживались от наступательных действий. Они работали, окапывались на захваченной территории, возводили фундамент своей будущей победы так скрупулезно, что скоро он поднялся над Авалоном подобно раздражающему кулаку.

Поскольку было известно, что лейтенант Филипп Рошфор (только что получивший звание старшего) пользуется покровительством самого адмирала, его прошение о постоянном пребывании на планете было принято. Поскольку надобность в космическом торпедном судне отпала, он нашел себе место на двухместном скиммере, входящем в состав воздушного патруля.

Его партнером был морской капрал, Ахмед Разутион, девятнадцати лет, недавно прилетевший с Нью-Явы.

— Знаете, сэр, все говорили мне, что эта планета восхитительна, — сказал он подчеркнуто унылым голосом, чтобы увериться, что его начальник понял суть дела. — Поступай во флот и увидишь Вселенную, а?

— Эта территория не типична, — коротко ответил Рошфор.

Скиммер низко летел над плато Скорпелуна. Навесы были приспущены, чтобы воспрепятствовать проникновению обжигающего

воздуха. Защитные костюмы гораздо лучше помогали им в битве, нежели защищали от жары раскаленного неба, в котором плавало раскаленное солнце. Их уши улавливали только шум мотора, смешанный со свистом рассекаемого воздуха. Вдали виднелись горные пики. Голубоватые, они казались какими-то нереальными. В остальном здесь царила пустота. На красноватой земле лишь кое-где росли низкие кусты с красноватыми листьями, распространявшие сильный медицинский запах. Земля не была по-настоящему плоской. Она то поднималась, то опадала и казалась иссеченной шрамами. Вдали можно было увидеть несколько шестиногих животных, пасущихся в тени своих похожих на зонты перепонок. И больше ничего, кроме звенящей жары залежей песка.

— Есть какие-нибудь соображения насчет того, когда мы отсюда уберемся? — спросил Разутион, протягивая руку к бутылке с водой.

— Когда будем готовы, — ответил Рошфор. — Полегче с питьем! Нам осталось еще несколько часов, тебе и мне.

— Почему же враг не сдается, сэр? Парни из нашей палатки поймали их передачу на англичке. Я не слишком ее хорошо понял, у них акцент какой-то странный. Еще они услышали фразу: «У имперцев в руках не больше пяди земли». Нужно остановиться и обдумать такую фразу, а тем временем болтовня продолжается. Но самое главное, сэр, ведь в том, что мы не хотим причинять им вред. Неужели они не могут быть благоразумными и...

— Ш-ш-ш! — Рошфор поднял руку. Из мониторингового приемника донесся звук сигнала. Он настроился на эту волну.

— Помогите! О, боже, помогите!.. Инженерная группа три... дикие животные... три-четыре километра к северо-западу от лагеря... Помогите!

Рошфор развернул скиммер.

Он прибыл на место через несколько минут. Группа в десять человек в наземной машине проводила геологические исследования, выясняя глубину проникновения в почву лучей крупных орудий. Они были вооружены, но не ожидали никаких неприятностей, только отсутствие комфорта. Стая генсеподальных скакунов размерами с собаку напала на них в нескольких сотнях метров от машины.

Два человека были повержены на землю и разорваны. Трое в ужасе бежали, пытаясь добраться до машины, и были окружены поодиночке. Один из них погиб на глазах Рошфора и Разутиона. Остальные держались твердо, стоя спиной к спине и непрерывно ведя огонь. Однако этих чешуйчатых существ, казалось, было невозможно убить. Их было много, и они постепенно продвигались вперед.

Рошфор выстрелил, но попал в передатчик. Разутион стрелял более точно. И все же, прежде чем твари были убиты, погибло еще два человека.

После этого каждая группа, покидающая лагерь, сопровождалась воздушным прикрытием, и это неизбежно замедляло все операции...

— Нет, доктор, я перестал верить в то, что дело здесь в психогенетике. — Майор бросил взгляд в окно, на слишком быстрый

закат, который песчаные шторы окрасили в кровавый цвет. Ночь должна была избавить от ужасной жары и принести жуткий холод. — Вначале я готов был в это поверить, но ваши психонаркотики больше не помогают. И у все большего и большего числа людей появляются такие симптомы, но об этом вам известно лучше, чем мне. Боль в животе, раздвоение сознания, боль в мускулах, постоянная мучительная жажда. А сверх того дрожь и головокружение. Мне просто жутко говорить, как важна работа, которую я сегодня испортил.

— Я сам не способен думать как следует, — офицер-медик провел ладонью по виску. Осталась полоска сажи. — Иногда неясные видения, да?

— Считаете ли вы, что в окружающей среде есть яд?

— Конечно. Вы не были в первой волне, майор! Я был! Разведка, как и история, уверила нас в том, что Авалон достаточно безопасен. И все же поверьте моему слову, мы едва разбили лагерь, а ученые уже начали работать.

— Что насчет расспроса авалонских пленных?

— Я уверен, что это было сделано. Собственно, был произведен ряд вылазок именно для того, чтобы получить их больше для этой цели. Но кто, кроме нескольких специалистов, может знать флору и фауну самой трудной части этого континента, на которой никто не живет?

— И, конечно, этих экспертов авалонцы заботливо держат вне пределов нашей досягаемости. — Майор тяжело перевел дыхание. — Так что вам удалось обнаружить?

Медик потянулся за стимулирующей таблеткой к стоящей на столе открытой коробке.

— Речь идет о высокой концентрации тяжелых металлов в местной почве. Но здесь не о чем беспокоиться. Эту соль можно вдыхать в течение нескольких лет, прежде чем станешь испытывать потребность в лечении. Кустарник, растущий вокруг, использует эти элементы в процессе своего метаболизма, как этого и следовало ожидать, и мы предупредили о том, что его нельзя жевать или жечь. Ни одно органическое соединение не проявило себя при испытаниях как аллерген. Послушайте, биохимическое строение людей и итриан настолько сходно, что они могут есть большую часть еды друг друга. Если эта территория скрывает в себе что-то особенно смертоносное, то не считаете ли вы, что средний колонист должен был по крайней мере слышать об этом? Я с Земли, из средней части Западного побережья Северной Америки... О, боже... — на мгновение мыслями он был очень далеко от Скорпелуны. Он страхнул с себя оцепенение. — Мы жили среди олеандров. Мы выращивали их ради цветов. Олеандры ядовиты. С ними нужно было быть очень осторожными.

— Но должна же быть какая-нибудь причина, — настаивал майор.

— Мы исследуем, — сказал медик. — Если кто-то предвидел, что

эта планета настроена против оккупации, то это должно было быть изучено перед началом войны, но теперь уже поздно!

Несколько маленьких лодок из остатков авалонской эскадры проникли между блокирующих земных судов на высокой скорости при максимально возможном ускорении. Примерно половина из них была уничтожена. Остальные благополучно миновали заслон и вернулись в космос. Было известно, что они обменялись посланиями с землей. При удобном коде и с помощью лазерных лучей за секунду можно было передать большое количество информации.

— Очевидно, моих солдат раздражают эти лодки, — ворчал на свой штаб Кайал. — Так очевидно же, что если мы попытаемся охотиться на них, они разбегутся и исчезнут в огромном космосе, среди бесчисленных астероидов и лун, как делали это и раньше. И у них есть планы на будущее. Я не хочу раздвоения, джентльмены! Мы должны сосредоточить здесь всю нашу силу!

Все увеличивающееся количество данных указывало на то, что на земле и на море, под водой и в небесах колонисты готовились к решающему сражению.

Рошфор осознал вопль на несколько секунд раньше, прежде чем он отозвался в нем. Мысли ползли медленно, с трудом: «Господи, что меня мучает?» Его мускулы протестовали против сидения в скиммере. Пальцы превратились в сосиски, застывшие на приборной доске. Рядом с ним Разутион застыл в молчании. Он был таким уже несколько дней. Мягкие щеки мальчиков втянулись и были покрыты черным пухом.

И все же судно Рошфора отправилось на помощь наземному патрулю и вскоре кружило над ним в воздухе. Беда была в том, что больше ничего они сделать не могли. Энергетическое оружие убивало одной вспышкой сотни тараканоподобных существ в двадцать сантиметров длиной, чьи туловища чернели на поверхности земли среди кустарника. Но они не могли спасти людей, которых эти твари уже настигли и сожрали.

Рошфор старался, насколько это возможно, не смотреть на это зрелище. Сам он опускался ниже и подбирал на борт выживших. Разутион был слишком болен, чтобы что-то сделать.

Почуввав запах мяса, столь редкий в этой голодной стране, к главной базе устремились каккелеки. Они не могли летать, но прыгали с удивительной быстротой. Все усилия затрачивались на то, чтобы создать против них действенный кордон.

Тем временем авалоняне высадились у Экватории. Они так быстро заняли огромную территорию, что бомбардировка была бы бесполезной. Все, кто высадились на Скорпелуну, были итрианами.

Старшие офицеры-медики и планетологи собрались на военный совет. За стенами вздыхала и кружилась беззвездная ночь

равноденствия. Пыль билась о вздрагивающие металлические стены. Волны жара казались объемными сухими взрывами.

— Да, сэр, — сказал глава медиков. Его чин по рангу был почти равен адмиральскому. — Мы доказали это почти наверняка. — Он вздохнул, звук этот потерялся в общем шуме. — Если бы у нас было лучшее оборудование, другой состав... В общем, подробности я сохраняю для следствия и суда. Факт же состоит в том, что плохая информация завела нас в смертельную ловушку.

— Слишком много миров. — Гражданский планетолог покачал головой. — И каждый так велик! Кто может все знать?

— Пока вы болтаете, — сказал командующий, — люди лежат в горячке и конвульсиях. И с каждым днем таких все больше. Говорите, — голос его дрожал от гнева и едва сдерживаемых рыданий.

— Мы, конечно, подозревали отравление тяжелыми металлами, — сказал офицер-медик. — Мы провели повторные испытания. Концентрация все время казалась в пределах установленных норм. Потом вдруг...

— Не важно, — прервал его планетолог. — Вот результаты. Кусты, растущие здесь повсюду... Мы знали, что они содержат элементы, подобные мышьяку и сере. И в литературе содержались описания адского кустарника, в картинках, где говорилось о том, что он испускает отравляющие пары. Чего мы не знали, так это того, что здесь имеются образцы этого растения. Он казался точной копией своих соседей. Подумайте о розах и яблоках! Кроме того, мы понятия не имели о том, как действует этот токсин. Это, должно быть, было установлено уже после того, как было опубликовано описание, когда было выявлено какое-то органическое соединение. Объем информации в любой отрасли науки очень велик — настоящий потоп... — он внезапно замолчал.

Командующий ждал.

Вступил офицер-медик:

— Пары несут в себе металл в свободной комбинации с... с молекулярным соединением, о котором не слышал ни один из известных мне ученых. Действие их заключается в том, что они блокируют действие некоторых ферментов. Собственное действие защитной одежды аннулируется. Ни один атом металла не отталкивается. Каждый микрограмм проникает в живой организм. В то же время пациент добавочно ослабляется тем, что часть его протеиновых соединений не работают как нужно.

— Мне... понятно... — сказал командующий.

— Эвакуация, — сказал глава медиков. — И я не рекомендую ее, а говорю, что у нас нет другого выбора. Наши люди немедленно должны быть эвакуированы!

Командующий кивнул. Сам больной, чудовищно усталый, он ждал этого ответа уже несколько дней и потихоньку начал приготовления.

— Мы не сможем эвакуировать людей до завтра, — сказал он все тем же лишенным эмоции голосом. — У нас нет достаточного

количества судов. Большая их часть вернулась в космос. Кроме того, панический взлет мог бы превратить нас в мишени для авалонцев. Но мы предпримем меры против худшего. Соберем всех людей в лагере. Согласно приказу, вниз будет спущено достаточное количество кораблей. — Он не смог сдержать дрожь верхней губы.

Имперцы отступали, а их враги наносили удары.

Они не стреляли из орудий земля-земля. При создании обороны их больше интересовало оружие ближнего действия, занимающее гораздо меньше места, и воздушные суда небольших размеров с ограниченным числом членов команды. Самым крупным объектом было сосредоточение энергетических прожекторов на пиках, окружающих Скорпелуну.

Тем временем итрианские партизанские отряды устремились на плато. Члены их, гораздо менее чувствительные к странному токсину, были в полном здравии и не таскали на себе груз из космических костюмов, респираторов и платков, как это приходилось делать людям. Крылатые, они не нуждались в машинах с радарам, гразарами и магнетоскопами. Вместо этого они неожиданно могли появляться из укрытий и создавать целый заслон из огня и металла, закидывать гранатами наземные машины, прошивать пулями скиммеры и исчезать раньше, чем будет организован действенный отпор.

Но и они неизбежно несли потери.

— Хэй-ай-а-ай! — испустил вопль Драун из Высокого Неба и устремился с утеса вниз. На дне сухого оврага брела к лагерю колонна землян, уходящая от наполовину свернутой огневой точки. Пыль, клубящаяся вокруг каждого из людей, делала их больше похожими друг на друга, чем остатки униформы. Несколько бронированных машин и воздушных судов сопровождали их. Грависани везли за собой ослабевших.

— Отправить их к Адскому ветру! — Итриане устремились вниз, испуская воинственные кличи.

Драун видел, как падали люди, словно пустые мешки. Но он видел и то, как их товарищи отбивались от нападающих под прикрытием бронированной машины. «Они еще сохранили храбрость», — подумал он. Но тут ему пришла мысль о том, что при втором заходе нужно применить против них тортопитовую бомбу, сбросив ее в самую гущу людей. Вновь устремился вперед итрианский отряд. «Я иду, ребята!» — Драун помчался за остальными. Найссан упал на землю. Кровь его окрасила песок в алый цвет. Вторая атака оказалась неудачной, но, верные своим принципам, итриане отбивались от землян до последнего. Дошла очередь и до Драуна. Он стоял над Найссаном и стрелял, пока мог.

— Перевести все, что осталось, на орбиту, — сказал Кайал. — Нам нужна свобода для маневра!

Глава его штаба прочистил горло:

— Гм... адмиралу известно о вражеских кораблях?

— Да! Они на подходе. Совершенно ясно, что все те из них, что способны сесть на планету, попытаются это сделать. Остальные будут действовать в космосе.

— Не следует ли нам организовать перехват?

— Мы не можем расходовать силы. Очистка этих фортов опустошила бы большую часть наших складов. Нашим первейшим долгом является вывод людей из того кошмара, в который мы... я... их послал.

Лицо Кайала застыло.

— Если какие-нибудь соединения смогут быть освобождены от работы на орбите без ущерба для дела, то пусть уничтожают всех, кого смогут, полагаясь на энергетическое оружие. Я сомневаюсь, что в их распоряжении имеется достаточное его количество. Большая часть судов все равно последует своим путем, к нашему огорчению. — Он криво усмехнулся. — Как в нашу бытность в Академии любил говорить старый профессор Нз-Ту, — помнишь, Джим? — «Лучшим основанием для получения верного решения является наше ошибочное суждение о предмете...»

Тропические штормы Авалона были более яростными, чем того можно было ожидать от планеты с замедленным вращением. На сутки была отложена погрузка раненых и больных. Помимо возможности потерь грузовых судов, существовала вероятность того, что струи дождя убьют некоторых больных, пока они будут подниматься по трапу.

Более-менее здоровые солдаты, недавно прибывшие, сражались с водой, пытаясь сохранить дамбу. Доклады, неясные, и без конца прерываемые треском в эфире, неслись по радио один за другим.

Но все это не касалось Рошфора. Он относился к среднему классу: слишком больной, чтобы работать, но слишком хорошо себя чувствующий для немедленной эвакуации. Он покачивался на стуле среди сотен своих товарищей в вонючем жарком бункере, борясь с ознобом и тошнотой, иногда видя перед собой лицо Табиты, иногда — Ахмеда Разутиона, умершего тремя днями раньше...

Оставшиеся авалонские суда опустили в Экватории, где офицеры охраны распределяли их по местам.

Буря утихла. Первые Имперские суда поднялись с разрушенной базы. То были военные корабли, обеспечивающие безопасность полета кораблей с ранеными и больными.

Навстречу им с орбиты двинулись другие суда землян.

Авалонская воздушная и наземная защита открыла огонь. В битву вступила и космическая ее часть.

Дэннел Холм сидел у сканнера. Тот передавал его слова и

изображение на большинство мощных передатчиков планеты. Невозможно было не услышать этой передачи.

«...мы перекрыли их пути к отступлению. Вы не можете взорвать нас, не убив при этом людей, число которых мы оцениваем в четверть миллиона. Даже если мы не станем сопротивляться, половина из них не проживет до тех пор, пока вы не прекратите войну с нами. И мне просто не хочется думать об участи остальных: органические, нервные, мозговые поражения, действие которых необратимо. Вот что их ждет!

Мы можем их спасти. Мы располагаем целой сетью специальных лечебных заведений, рассредоточенных по всей планете. Постели, обслуживающий персонал, диагностическое оборудование, болеутоляющие средства, поддерживающие лечение. Мы будем рады принять у себя группы ваших инспекторов и медицинский персонал. Мы не хотим смешивать политическую игру с жизнью живых людей! В ту же минуту, как вы согласитесь на прекращение огня и вывод вашего флота из нашей системы, наши спасательные отряды направятся к Скорпелуне».

ГЛАВА 18

Палата была чистой, с достаточным количеством обслуживающего персонала, но в нее пришлось поместить сорок человек, и в ней не было экрана, впрочем, местная программа и не заинтересовала бы никого из больных. Так что у них не было другого развлечения, кроме радио и болтовни. Большинство предпочитало последнее.

Вскоре Рошфор попросил принести ему пару наушников, чтобы пользоваться данными ему книгами.

Таким образом он отключился от разговоров. Он вернулся к окружающей действительности лишь тогда, когда кто-то тронул его за плечо. «Ах, — подумал он. — Уже ленч». Он поднял глаза от «Людей Ганалы» — и увидел Табиту.

Сердце ухнуло в его груди и куда-то покатилося. У него так тряслись руки, что он едва смог снять наушники.

Она стояла среди шума и антисептических запахов как картина, рамой для которой служило открытое окно, голубизна неба и цветение весны. Простой комбинезон скрывал изгибы ее тела и природную силу. Даже по лицу ее было заметно, как она похудела. Кости выступали отчетливее, чем раньше, под более темной кожей, а волосы совсем выгорели.

— Тэбби, — прошептал он и потянулся к ней.

Она подержала его руку в своей, не сжимая ее, и почти не улыбалась.

— Хэлло, Фил, — сказала она знакомым грудным голосом. — Ты выглядишь лучше, чем я ожидала.

— Ты бы посмотрела на меня вначале. — Он плохо слышал собственные слова. — Как ты? Как все?

— Я?! Хорошо. Большинство из тех, кого ты знаешь — тоже!
Драун и Найссан погибли.

— Мне жаль, — солгал он.

Табита отпустила его руку.

— Я бы пришла раньше, — сказала она, — но пришлось ждать отпуска, и потом, немало времени ушло на то, чтобы проверить длинный список пациентов, перевезенных сюда. У нас еще много проволочек и неорганизованности. — Глаза ее были очень серьезными. — Я была уверена, что ты на Авалоне, живой или мертвый. Хорошо было узнать, что живой.

— Как же я мог остаться вдали от тебя?

Она закрыла глаза:

— Как твое здоровье? Персонал слишком занят, чтобы ухаживать за всеми.

— В общем, когда я стану несколько сильнее, меня хотят забрать в регулярный имперский госпиталь, вырезать у меня печень, а взамен дать мне новую. На это может понадобиться год — земной год, — пока я полностью не поправлюсь. Обещают, что поправлюсь.

— Великолепно! — Тон ее голоса был почти официальным. — С тобой здесь хорошо обращаются?

— Насколько это возможно. Но... мои товарищи по палате не совсем отвечают моему типу, а врачи и их помощники не могут сдерживать их страсть к болтовне. Я был чертовски одинок, Тэбби, пока ты не пришла.

— Я постараюсь навестить тебя снова. Ты же понимаешь, что я постоянно занята, а большую часть остающегося времени я вынуждена проводить в Сент-Ли, поддерживая дело.

Слабость охватила его. Он опустился на подушки, руки его упали на одеяло.

— Тэбби... ты согласилась бы подождать этот год?

Она медленно покачала головой, и снова перевела взгляд на него.

— Может быть, мне следовало притвориться, пока ты не станешь достаточно здоровым, Фил. Но я не слишком умна для этого, не слишком умею притворяться, кроме того, ты заслуживаешь лучшего обращения.

— После того, что я сделал...

— После того, что я сделала. — Она наклонилась и положила руки на его плечи. — Нет, мы не позволим ненависти встать между нами, правда?

— Тогда не можем ли мы оба простить?

— Я думаю, что мы уже сделали это. Разве ты сам не видишь? Когда боль умерла, там, где я ее чувствовала, и я снова смогла думать, я поняла, что больше ничего не осталось. О, дружба, уважение, воспоминания... Но это все!

— Разве этого недостаточно... чтобы снова начать строить?

— Нет, Фил! Теперь я понимаю тебя лучше, чем раньше. Если бы мы попытались, я знаю, что сделала бы с тобой раньше или позже. Я хочу, чтобы наши отношения остались чистыми.

Она нежно поцеловала его и встала.

Они еще немного поговорили, смущенные, а потом он отпустил ее под тем, не совсем правдивым, предлогом, что ему нужен отдых.

Когда она ушла, он закрыл глаза, предварительно надев наушники, так что поток голосов землян сразу прервался.

«Вероятно, она права, — думал он. — И моя жизнь не кончена. Надеюсь, я преодолею и это».

Он вспомнил девушку из Флервиля и понадеялся, что попадет в госпиталь на Эсперансу, когда прекращение огня превратится в мир.

Табита остановилась перед зданием больницы, держа в руках взятый ею в комнате гравипояс. Силуэт здания враждебной громадой высился на фоне очертаний Грея.

Она вспомнила протесты, когда маршварден Холм рассредоточил все промышленные объекты, начиная с военных и кончая медицинскими, когда возобновление битвы казалось неизбежным. Комментаторы указывали, что эти меры не спасут от случайностей бомбардировки и слишком громоздки.

«Мы делаем, что можем», — ворчал он и проводил свой проект в жизнь.

Это означало, что офицеры внутренней охраны должны были ему повиноваться. Они знали, что действительно у него на уме.

Там, где она стояла, склон холма полого опускался, покрытый ковром смарагдинов, розовыми кустами и чашами Будды. С холма открывался ясный вид на город и сверкающий залив Фалькайн.

Маленькие, как будто ватные, облака колыхались под бормочущим ароматным ветром.

Она вдыхала в себя его прохладу.

После Экватории он казался просто целебным. Или должен был казаться. Она почувствовала удивительную пустоту внутри.

Зашелестели крылья. Рядом с ней опустился итрианин.

— Доброго полета тебе, Хилл, — сказал женский голос.

Табита моргнула. Кто это?

— Аят! Доброго тебе приземления!

«Как монотонен ее голос, как тускло ее оперение. Я не видела ее с того дня на острове...» Табита взяла в обе руки ее когтистую руку:

— Просто удивительно, дорогая! Как ты?

Голос Аят, ее поза и мембраны дали ответ. Табита обняла ее.

— Я искала тебя, — пробормотала Аят. — Я провела всю битву дома, а потом я пасла стада, я нуждалась в одиночестве, и мне сказали, что стране нужно мясо. — Она прильнула головой к животу Табиты. — Потом я освободилась и отправилась на поиски...

Табита все гладила и гладила ее по спине.

— Я узнала, где ты служишь, и о том, что ты говорила, будто собираешься остановиться в Грее во время отпуска, — продолжала Аят. — Я ждала. Я расспрашивала в отелях. Сегодня мне сказали,

что ты здесь и будешь позже. Я подумала, что ты можешь прийти сюда, а попытка лучше, чем бесконечное ожидание.

— Что я могу сделать для тебя, подруга по цели, скажи мне.

— Это трудно. — Айат, не поднимая глаз, до боли вцепилась в руки Табиты. — Аринниан тоже здесь. Уже несколько дней он работает в штабе своего отца. Я искала его и... — Звук подавленного рыдания, хотя итриане не плачут.

Табита догадалась:

— Он тебя избегает?

— Да! Он пытается быть добрым. Это самое худшее из того, что он может сделать.

— После того, что случилось...

— Кр-а-ах! Для него я уже не та. — Айат собрала все свои силы. — И для себя. Но я надеюсь, что Аринниан понимает это лучше, чем я.

— Неужели он единственный, кто может помочь? А как твои родители, сиблинги, товарищи по часу?

— Они ко мне не изменились. Почему им было меняться? Во Вратах Бури такая, как я, рассматривается именно как неудача, а не позор или ущербность. Они не могут понять моих переживаний.

— А ты чувствуешь себя так из-за Аринниана, понимаю. — Табита посмотрела вдаль. В этот прекрасный день особенно ощущалась жажда жизни. — Что я могу сделать?

— Не знаю. Может быть, ничего. И все же, если бы ты могла с ним поговорить... объяснить... попросить у него за меня прощения...

В груди Табиты всколыхнулась волна гнева.

— Попросить? У него? Где он?

— На работе, наверное. Его дом...

— Я знаю адрес. — Табита выпустила ее из объятий и выпрямилась. — Пойдем, девочка, хватит разговоров. Сегодня прекрасный день для полета, и у меня с собой все, что нужно, а когда день кончится, я останусь с тобой там, где ты скажешь. Я посмотрю, как ты засыпаешь.

...Опустился сумрак, мазнул шафраном по серебристой глади воды, зажег ранние звезды. Табита приземлилась возле двери дома Аринниана. Окна были освещены. Она не стала звонить, просто постучала.

Он открыл. Табита увидела, что он тоже похудел. Волосы цвета черного дерева казались особенно темными в сочетании с изможденным лицом. Одет он был небрежно.

— Хилл! — воскликнул он. — Я никак... я не мог... Проходи же, проходи!

Она прошла мимо него. В комнате царил беспорядок. По-видимому, ее использовали только для того, чтобы спать и иногда торопливо есть. Он неуверенно подошел к ней. Их разговоры были короткими, чисто деловыми, и общались они только по фону, пока не началась новая битва. После этого они знали только о том, что оба живы.

— Я... я рад тебя видеть, Хилл, — выдохнул он.

— Не знаю, чувствую ли я то же самое, — сухо отозвалась она. — Сядь. Я хочу хорошенько щелкнуть тебя по носу. Дурная твоя голова!

Некоторое время он продолжал стоять, потом повиновался. Она увидела, как он напряжен, и внезапно растеряла все слова. Текли минуты, а они продолжали молча смотреть друг на друга.

Дэннелль Холм сидел перед экранами, на которых виднелись изображения Лъзу из Тарнов, Мэттью Викери из Парламента и Хуана Кайала из Империи. Четвертый только что потемнел. Он передал записанное на пленку сообщение Траувея, высшего Вивана Итри. Он умолял Авалон сдаться, прежде чем случится самое худшее и всему Доминиону будут продиктованы самые жесткие условия Империи.

— Вы слышали, господа? — спросил Кайал.

— Мы слышали, — ответил Лъзу.

Холм ощущал биение пульса в груди и висках. Не то чтобы он ускорился, но превратился в громкое и твердое тиканье.

Ему страшно хотелось сигару — недоступно, или выпить — нежелательно, или проспать год, чтобы никто не тревожил! «Во всяком случае, — пронеслось у него в голове, — мы в лучшей форме, чем адмирал. Если мне когда-то и приходилось видеть голову мертвеца, то именно на этих плечах».

— Что вы говорите? — Кайал говорил голосом старика.

— Мы не испытываем желания драться, — объявил Лъзу, — или усиливать страдания наших братьев. И все же мы не можем предать свой народ, проявивший к нам такое доверие.

— Марчварден Холм?

— Вы не посмеете возобновить нападение, пока здесь находятся ваши люди, — жестко сказал человек. — Я не хочу сказать, что мы станем их держать вечно. Я говорил вам раньше, мы не делаем заложников из мыслящих существ. И все же время и обстоятельства их освобождения должны быть хорошо продуманы.

Кайал перенес взгляд на следующий экран:

— Президент Викери?

Политик сопровождал свой ответ улыбкой.

— События вынудили меня изменить свое мнение в отношении стратегической картины, адмирал! Я остаюсь в оппозиции к абсолютистским интересам. Мой уважаемый коллега, губернатор Саракоглу, всегда производил на меня большое впечатление своей благоразумностью. Вы недавно вернулись после продолжительных переговоров с ним. Несомненно, в них принимало участие много умных, хорошо информированных особ. Неужели нет возможности достичь компромисса?

Кайал вздохнул.

— Я могу каждый день вести споры дюжинами, — сказал он. — Что в этом толку? Я использую данные мне полномочия и сразу

выложу перед вами тот максимум, который мне предложено вам сообщить.

Холм крепко вцепился в ручки кресла.

— Губернатор указал, что можно рассматривать Авалон как уже побежденный, — продолжал адмирал. — Его орбитальные укрепления больше не существуют. Его флот, как и было предложено, являет собой ряд отдельных звеньев, не имеющих для вас особого значения. Но что самое важное, имперские соединения находятся сейчас на вашей планете!

Не остается ничего, кроме нескольких формальностей технического характера. Наши раненые и медики могут получить название оккупационных сил. За вашими военными приспособлениями может быть установлен надзор: один-два человека на каждой стадии могут провести соответствующие переделки и взять их под контроль. И так далее. Вам должна быть понятна основная мысль.

— Спасение собственной карьеры, — буркнул Холм. — Ладно. Почему бы нет? А что потом?

— Необходимость сформулировать условия мира остается в силе, — произнес измученный голос. — Могу сказать вам под строгим секретом, что губернатор Саракоглу послал в Империю самые настоятельные рекомендации относительно неаннексирования Авалона.

Викери начал было что-то бормотать.

Льзу сидел как каменный.

Холм перевел дыхание и откинулся на спинку кресла.

Они это сделали. Им удалось.

Бс лтовня, конечно, будет продолжаться и дальше, с бесконечными кивками. Неважно! Авалон останется итрианским — останется свободным!

«Я мог бы зарыдать, — подумал он. — Может быть, потом, сейчас я слишком устал».

Огромным счастьем, спокойным и глубоким, было сознание того, что сегодня он сможет отправиться домой, к Ровене!

ГЛАВА 19

Не было никаких откровений, драматических признаний и примирений, но этот час врезался в память Аринниана.

Работа для отца перестала быть всепоглощающей. Он обнаружил, что и сам может использовать свободное время, которое заработал, и вернуться к своим занятиям. Потом он решил, что нет ничего более непрактичного, чем практичность, неверно понятая.

Табита согласилась с ним. Она тоже перестала быть чрезмерно занятой. Однако она вынуждена была вернуться на свой остров и заняться привидением в порядок дел, и не столько своих, сколько дел семьи своего компаньона.

Крис зашел за Айат в комнату, которую она снимала.

— Э... не хотела бы ты... э... немного поплавать?

— Да, — ответила она каждым своим движением.

Когда лодка оставила бухту, пошел дождь. Чайки низко летали над оливково-темными волнами, выхватывали из воды разную живность. Волны бугрились под низко нависшим небом и опускались, поднимая кучу брызг, которые потом бежали по спине холодными струями.

— Стоит ли плыть дальше? — спросил он.

— Я бы хотела. — Айат старалась не смотреть на Криса. Других кораблей не было видно, как и флайеров. — Так приятно побыть здесь одним.

Он кивнул. Он отдохнул, волосы его были чистыми, свежесть вернулась к его лицу.

Она посмотрела на него поверх разделявшей их кабины.

— Ты что-то хочешь мне сказать? — произнесла она с помощью двух слов и тела.

— Да. — Тиллер дрогнул в его пальцах. Планх освобождал его от необходимости произносить еще какие-то слова.

— Мой товарищ по цели, мой товарищ по цели, — вздохнула она. — Я рада. — Она распростерла крылья и сразу же их убрала.

— Навсегда, — сказал он с благоговением.

— Я не желала бы для тебя ничего лучше, чем Хилл, — проговорила Айат и, придвинувшись немного ближе, сказала: — Но тебя что-то волнует?

Он закусил губу.

Айат ждала.

— Скажи мне... — Он слегка подался вперед, глядя на палубу. — Ты видишь нас со стороны. Могу ли я быть тем, что она заслуживает?

Она ответила не сразу. Удивленный тем, что не получил тут же «да», Аринниан молча поднял глаза. Он не осмелился прервать течение ее мыслей.

Волны гудели, дождь смеялся.

Наконец она сказала:

— Я верю, что она сможет сделать так, что ты будешь ее достоин!

Он почувствовал боль от этих слов.

Она стала извиняться, что получилось не совсем то, что она хотела сказать.

— Мне давно казалось, — сказала она ему, — что тебе нужен кто-то, как Хилл, чтобы показать тебе .. показать тебе, как... что-то, что неверно для моего народа, но верно и полно смысла жизни для вашего.

Он собрал все свое мужество, чтобы ответить ей:

— Я знаю продолжение этой теории. Теперь она вплотную подошла к блистательному факту. О, я ревновал раньше! Это есть и сейчас, будет, может быть, до самой моей смерти, я не могу помочь себе. Айат, сестра моя, все дело в том, что она не ты, а ты — не она, и это так хорошо, что вы обе — то, что вы есть!

— Она дала тебе мудрость. — Итрианка сгорбилась под дождем.

Аринниан увидел ее печаль и воскликнул:

— Позволь мне продолжить! То, что произошло с тобой...

Она подняла голову и дико глянула на него.

— Было ли это хуже, чем то, что произошло с ней? — бросила она с вызовом. — Я не прошу жалости из-за глупости в прошлом, но я действительно считаю, что судьба моя была гораздо тяжелее, чем ваша. Годами я думала, будто физическая любовь может быть дурной.

— Айт, теперь мы можем сказать правду друг другу. Я хочу, чтобы ты разделила со мной мои надежды.

Она спрыгнула с кабины, подошла к нему и обняла крыльями. Голову она положила ему на плечо. Капли дождя блестели на ее гребешке, как корона.

Договор был подписан во Флервиле в один из последних зимних дней. Церемонии были самыми скромными, и итрианская делегация отбыла почти в тот же самый час.

— Они не были очень уж обижены, — объяснил Экрэм Саракоглу Луизе Кайал, отклонившей его предложение присутствовать на церемонии. — Они принимают потерю философски. Но мы не можем попросить их придерживаться наших взглядов. — Он потянулся за сигаретой. — Честно говоря, сам я был только рад избавиться от этих проволок!

Собственно, он сделал заявление по телевидению и тем избежал всяческих церемоний. Общество, подобное эсперанскому, имело обыкновение отмечать формальное окончание периодов враждебности долгими парадами и хвалебными службами.

Все это было позади. Погода продолжала оставаться прохладной, и Луиза согласилась пойти пообедать. Она сказала, что отец нездоров, что, хотя он любил и уважал этого человека, не слишком расстроило Саракоглу.

Они прошли в сад, он и она, как часто делали это раньше. Вокруг расчищенных тропинок снег белел на клумбах и кустах, на вершине стены, но уже потихоньку таял. Кое-где вода собиралась в ручейки. Цветов не осталось, воздух хранил холодную сырость, небо было мрачно-серого цвета. Под ним царила такая тишь, что звуки шагов казались неправдоподобно громкими.

— Кроме того, — добавил он, — было большим облегчением видеть, как Авалон и его когорта грузились на свой корабль. Люди из секретной службы, которых я нанял для охраны, тайно ликовали!

— Вот как? — она посмотрела вверх, и он залюбовался ее блестящими глазами, чуть вздернутым носом, губами, как всегда немного приоткрытыми, как будто в детском изумлении. Но говорила она честно — слишком искренне и слишком много, черт подери! — Я знаю, что против них было высказано несколько идиотских анонимных угроз. Вы поэтому беспокоились?

Он кивнул.

— Я достаточно знаю свою драгоценную Эсперансу. Вы и сами

достаточно повидали и наслушались разговоров об «оголтелых милитаристах».

Он подумал: «Интересно, меховая шапка прикрывает его лысину или напоминает ей о ней. Может быть, следовало решиться на скальповую операцию?»

Встревоженная, она спросила:

— Забудут ли они когда-нибудь... Обе стороны?

— Нет, — ответил он. — Но острота ощущений уйдет. У нас слишком много общих интересов, у Земли и Итри, чтобы превращать семейную схватку в кровавую вражду. Во всяком случае, я на это надеюсь.

— Мы ведь были более великодушны, чем должны были бы быть. Ведь правда? Мы позволили им сохранить Авалон! Разве это не считается?

— Должно считаться. — Саракоглу криво усмехнулся, последний раз затянулся сигаретой и отбросил ее в сторону. — Хотя всем понятно, что в игру вовлечены вопросы практической политики. Авалон доказал свою неудобоваримость. Аннексия вызвала бы бесконечные неприятности, тогда как сейчас им положен конец. Более того, при таких условиях Империя выигрывает некоторые ценные пункты, которые помогут торговле. В противном же случае настаивать на них было бы просто невозможно.

— Я знаю, — сказала она чуть нетерпеливо.

Он усмехнулся:

— Вы уже знаете, что я люблю слушать собственные разглагольствования.

Вид у нее был все более задумчивым.

— Я бы хотела посетить Авалон.

— Я тоже. Особенно с точки зрения социологических исследований. Мне интересно, не является ли эта планета знаменем будущего? — Каким образом?

Он продолжал медленно идти вперед, не забывая о том, что ее рука покоится в его.

— Из-за новой культуры, которую они создают. Или которая создает себя. Нельзя планировать или направлять новое течение в истории. Мне интересно, не явилось ли это источником их сопротивления... как сплав, во много раз более крепкий, чем любая его составляющая, взятая отдельно. У нас есть Галактика, космос, полный...

«Боже! Что за каша из метафор!» — пронеслось в его мозгу. Он внутренне рассмеялся и закончил:

— Я вовсе не считаю, что пришел к какому-то правильному решению. Я не предполагаю даже, что встречу с радостью тот факт, что Авалон должен быть оставлен с Итри.

— Как же это так? — недоуменно спросила Луиза. — Вы ведь сами только что сказали, что это был единственный путь!

— Конечно, может быть, я всего лишь выражал естественный пессимизм человека, выполнившего задание Правительственного

Дома просто неудовлетворительно. И все же от раздумий никуда не денешься. Авалонцы, обе расы, похоже, считают себя более итрианами, чем жители самого Итри. Мне кажется, что будущие их поколения дадут Доминиону несоразмерно большую долю руководителей, особенно адмиралов. Будем надеяться, что они не принесут с собой добавочный груз — реваншизм! И в мирных условиях Авалон, единственный по своей уникальности мир, несомненно может дать много большее, чем просто большую долю в торговле — он может дать свой мозг! И последствия предвидеть невозможно.

Она сильно жала его руку:

— Ваши слова заставляют меня радоваться, что я не политик!

— Но ваша радость не может и наполовину быть равной той, которую я испытываю по этому же поводу, — сказал он. — Давайте же оставим эту, хоть и столь важную, тему. Давайте поговорим хотя бы о вашей поездке на Авалон. Я уверен, что это можно устроить через несколько месяцев.

Она повернулась и посмотрела прямо ему в лицо. Потом она отвернулась снова. Прошла минута, а она все молчала.

— В чем дело? — спросил он, испугавшись.

— Я уезжаю, Экрэм, — сказала она. — Скоро — и навсегда!

— Что? — он едва сдержался, чтобы не вцепиться в ее руку.

— Отец! Сегодня он послал прошение об отставке.

— Я знаю, что он... был подвергнут низким обвинениям. Помните, я писал в адмиралтейство Центра?

— Да. Это было очень мило с вашей стороны. — Она снова встретила с ним взглядом.

— То был не просто мой долг, Луиза, — страх не оставил его, но он был рад тому, что говорит твердо. Ему даже удалось улыбнуться. — Империи нужны хорошие люди. Никто не мог бы предугадать ужас Скорпелуны, никто не мог бы потом сделать больше, чем сделал Хуан Кайал. Обвинять его, отдавать под суд, несомненно, бессмысленно, и я уверен, что ничего этого не будет.

— Но он сам себя винит, — она тихо заплакала.

«На это у меня ответа нет», — подумал он.

— Мы возвращаемся в Нью-Мексико, — сказала она.

— Я понимаю, что ему должно было быть невыносимо трудно, — попытался объяснить он. — Но должны ли ехать вы?

— Кто еще у него есть?

— Я. Возможно, мне удастся получить пост на Земле и...

— Мне жаль, Экрэм, — ресницы ее бросили тень на нежные щеки. — Земля тоже не подойдет. Я не позволю ему мучиться одному. Дома, среди ему подобных, ему будет легче. — Она не слишком уверенно улыбнулась губернатору и кивнула. — Нам подобных! Думаю, я и сама стосковалась по дому. Навестите нас как-нибудь. — Она старательно подбирала слова. — Я, конечно, выйду замуж. Думаю, вы не будете возражать, если я назову мальчика в вашу честь?

— Что вы, это такая честь, которую не могла бы мне дать

Империя, повесь она на мою грудь все возможные награды, — автоматически ответил он. — Не пройти ли нам в дом? Сейчас как раз время для коктейлей. К тому же, у нас особый случай.

«Что ж, — думал он сквозь щемящую боль, — дивная мечта — приятная гостья, но теперь я свободен от обязанностей хозяина. Я могу расслабиться и насладиться играми в губернаторство, рыцарство, высокородство, лорда-советника, государственного деятеля на покое, пишущего мемуары.

Завтра я должен исследовать местные возможности соседей. В конце концов, средний возраст бывает только раз в жизни!»

В Грее царило лето, когда известие достигло Авалона. Сначала было некоторое напряжение — кто может полностью доверять Империи? — но потом радость взяла свое и вылилась в общее празднество.

Кристофер Холм и Табита Фалкайн скоро оставили веселье. Соглашение, церемония, празднество могли подождать.

Они решили, что ночь окончательного мира станет их брачной ночью.

Но у них не было потребности спешить. Это было не в обычаях часа.

Сначала нужно оставить все заботы позади, иначе они не найдут способ стать единым целым в их мире, их судьбе, их смерти, иначе они не смогут свободно слиться друг с другом.

За северными землями холмы не были еще заселены, хотя растения, чьи семена прибыли с пионерами, давно уже перестали быть чужими. Крис и Тэбби приземлились на закате, чьи красные и золотые лучи сверкали над спокойным морем.

Они разбили лагерь, послали, выпили по маленькому бокалу вина, поцеловались.

Потом рука об руку они пошли по тропинке, ведущей к гряде.

Слева от них густо покрытая травой земля круто обрывалась к воде. Это сверкающее безмолвие, уходящее к горизонту, казалось совсем темным вдаль, фиолетовым, почти черным. Среди дремлющих созвездий поднялась вечерняя звезда. Справа от них был лес, наполненный сладковатым запахом сосны. Теплый ветерок перебирал ветви.

— Айат? — спросила она.

— Дома, — ответил он.

Его тон и то, как он скользнул губами по ее неясно светлеющим в полутьме волосам, сказало ей: «Я должен исцелить ее, как ты исцеляешь меня, дорогая».

Ее пальцы, тронувшие его щеку, ответили: «К моей радости, которая все растет и растет».

И все же он почувствовал ее невысказанный вопрос. Он подумал, что знает, в чем дело. Он часто поднимался в нем самом, но он —

читатель, философ, поэт — мог вопрошать столетия лучше, чем она, чьим даром было понимание настоящего.

Он не побуждал ее к тому, чтобы она произнесла его вслух. Достаточно этого часа — и она будет с ним.

Поднималась Моргана, усеянная темными пятнами, и менее яркая, чем раньше, так велики были ее раны. Тэбби остановилась.

— Стоила ли она этого? — спросила она.

— Война, ты имеешь в виду? — проговорил он.

— Да. — Она высвободила руку. — Посмотри! Посмотри вокруг: на наш мир, на эти солнца; смерть, увечья, агония, траур, руины, потери — вещи, о которых мы рассказываем своим детям — и все это ради политики.

— Я тоже спрашиваю себя, — признался он. — Вспомни, однако, что мы сохранили для детей нечто такое, что иначе потеряли бы. Мы сохранили их право быть самими собой.

— Ты имеешь в виду, быть теми, кем являемся мы? Предположим, мы бы потерпели поражение. Мы были так близки к этому! Следующее поколение выросло бы благоразумными, умеренными подданными Империи. Разве нет? Так имели ли мы право делать то, что сделали?

— Я пришел к выводу, что да, — сказал он. — Дело не в том, что существует какой-то принцип или что я не могу ошибиться. Но мне кажется, что то, чем мы являемся, наше общество или культура, или как ты хочешь назвать их, имеют право на жизнь. — Он перевел дыхание. — Ненаглядная моя, — сказал он. — Если общества не будут сопротивляться порабощению, они скоро будут проглочены самыми большими и прожорливыми. Разве нет? И восторжествует смертоносное однообразие. Никаких вызовов, никаких отклонений от нормы. Какую службу сослужило бы все это жизни во вселенной, позволь мы этому случиться? И ты знаешь, вражда не должна быть вечной. И у губернатора Саракоглу, например, и у адмирала Кайала есть прародители. — Он видел, что она не поняла его слов, но следует общему течению мыслей. — Суть в том, что обе половины наступали, обе сопротивлялись, обе выжили, чтобы что-то дать расе, нечто особое, что не может быть дано ничем другим. Можешь ли ты поверить в то, что здесь, на Авалоне, мы спасли часть будущего?

— Погрязнув в крови, — сказала она.

— И это не было необходимым, — согласился он. — Но все же, принимая во внимание, что мы такие, какие мы есть, это было неизбежным. Может быть, когда-нибудь где-нибудь путь истории будет лучше. Может быть, даже это наше «я», крылатое и бескрылое одновременно, поможет нам. Мы можем попытаться.

— И у нас есть мир на некоторое время, — прошептала она.

— Разве не можем мы быть в нем счастливы? — спросил он.

Тогда она улыбнулась сквозь блестящие в лунном свете слезы и сказала:

— Да, Крис, Аринниан, самый дорогой на свете, — и потянулась к нему...

Айат оставила Грей до наступления зари. В этот час, после отступления ночи, она имела все небо в своем распоряжении.

Поднявшись, она поймала ветер и помчалась в его течении. Он струился и пел.

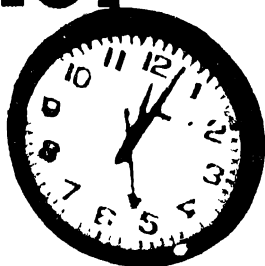
Последние звезды, опустившаяся луна превращали море и землю в таинственный мир. Впереди на белом фоне ясно поднимались горы и дома.

Было холодно, но этот холод лишь вливал жизнь в ее кровь.

Она подумала: «Он, который заботился об мне, он, который утешал меня, разделяя со мной эту участь. И этого довольно».

Мускулы ее танцевали; крылья били, до краев наполненные жизнью. Планета летела навстречу утру.

Настанет время

РОМАН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Успокойтесь, я не собираюсь утверждать, что вся эта история истинна. Во-первых, этому вы не поверите. Во-вторых, если под рассказом стоит мое имя, то ясно, что это развлекательная история. Я ведь писатель, а не пророк. В-третьих, композиция придумана мною. Места, где возникали какие-то сомнения или пробелы в массе заметок, вырезок, фотографий, воспоминаний, я заполнял своим воображением. Разумеется, имена и названия городов мне приходилось изменять. Короче, мне многое пришлось сочинить.

И, наконец, я сам во все это не верю. О, конечно, мы можем вместе полистать старые газеты, журналы, ежегодники, официальные документы. Все это займет очень много времени, а результаты, даже положительные, ничего не докажут. Так что нет смысла этим заниматься, сейчас перед нами стоят более важные и неотложные задачи.

В своем предисловии я задался целью рассказать немного о докторе Роберте Андерсоне. Своим появлением эта книга обязана только ему. И в ней я старался сохранить стиль его речи, его дух.

Я многим обязан ему. Во многих романах я использовал его идеи, моими героями я делал людей, о которых он мог рассказывать часами, сидя перед камином с бутылкой хорошего шерри и слушая Моцарта. Разумеется, все его рассказы я подвергал литературной обработке, но основные идеи принадлежали ему. Однако он решительно отказывался от своей доли гонорара.

— Если тебе удастся продать это, — смеялся он, — то угости Карен обедом в самом экстравагантном ресторане и опустоши бутылочку аквавиты за меня.

Конечно, мы говорили еще о многом. В моей памяти сохранились почти все наши разговоры. У него было очень развито чувство юмора.

Все его рассказы, которыми он просто заваливал меня, в конце концов сводились к шутке.

Правда, часть этих рассказов по своей сути была довольно мрачной.

Несколько раз при наших встречах присутствовали его внуки, и я заметил, что та радость, которую он испытывал от общения с ними, неожиданно прерывалась глубокой печалью, даже меланхолией. А когда мы виделись в последний раз, — мы говорили о будущем — он внезапно воскликнул: «Несчастливая молодежь! Мое и ваше поколение прожило жизнь удивительно легко. Все, о чем приходилось нам думать, так это о здоровье людей и о мире под солнцем. Но теперь история возвращается к своему нормальному течению, в нормальный климат Земли — наступает ледниковый период».

Он поставил стакан на стол и наполнил его дрожащей рукой.

— Выживут только самые стойкие и везучие. Остальные... остальные будут довольствоваться тем, что им дарует судьба. Медик ведь всегда должен говорить правду, не так ли? — он печально улыбнулся и сменил тему разговора.

В последние годы жизни Роберт Андерсон был высоким и стройным человеком, немного сутулым, но в прекрасной форме, которую он постоянно поддерживал прогулками на велосипеде и крикете. Его голубые глаза зорко смотрели из-за толстых стекол очков. Одежда и седые волосы всегда были в идеальном порядке. Речь была медленной, а особо важные места он подчеркивал жестами руки, в которой обычно держал трубку. Трубку он курил два раза в день. Своей независимостью он мог сравниться с собственным котом, но при этом сохранял непринужденную и дружескую манеру общения.

— В моем возрасте, — как-то заметил он, — для людей характерны старческие причуды, — он улыбнулся. — Но сейчас я отдаю предпочтение фактам. Вспомни эти слова, когда доживешь до моих лет.

Если посмотреть со стороны, то его жизнь была спокойной. Родился он в Филадельфии в 1895 году в семье дальних родственников моего отца. Хотя наша семья имела корни в Скандинавии, отдельные ее представители жили в Штатах еще со времен Гражданской войны. Однако ни я, ни он никогда не слышали друг о друге, пока один из его сыновей, интересовавшийся генеалогией, не узнал обо мне и не списался со мною. Затем Роберт сам нанес мне визит и пригласил меня с женой к себе.

Его отец был журналистом. В 1910 году он редактировал газету в маленьком городке Сенлак на Среднем Западе. Роберт Андерсон впоследствии говорил, что хотя его семья и была религиозной, но имела демократические взгляды. Андерсон получил медицинское образование. А потом началась Первая мировая война. Его взяли в армию, но за океан он так и не попал. После выхода в отставку он продолжил свое образование и получил степень доктора. Со временем он вернулся в Сенлак и женился на невесте, которая очень долго его ждала.

Работы у него, как и у любого практикующего доктора, было много. И семейная жизнь складывалась довольно счастливо. Они с женой вырастили троих детей.

В 1955 году он забросил практику и много путешествовал с женой. К сожалению, она умерла в 1958 году. Андерсон продал свой дом и купил поблизости небольшой коттедж. Теперь он путешествовал редко. Как он говорил, без Кейт даже путешествия не доставляют ему радости. И все же он сохранил живой интерес к жизни.

Он говорил мне о народе, который я, а не он, назвал Маури. И говорил так, словно сам придумал этот народ, но у него не хватило времени воплотить все это в роман или повесть. Лет десять назад он почему-то очень беспокоился обо мне, но потом все пришло в норму, и он стал самим собою, хотя время от времени на него нападала какая-то хандра, и он бывал угрюмым. Во всяком случае, не было сомнений в том, что он знал, что делает, когда вписывал меня в свое завещание. Он оставил мне свои записи и воспоминания. И мне предоставлялось право использовать их так, как я сочту нужным.

А затем совершенно неожиданно Роберт Андерсон умер во сне. Нам очень не хватает его сейчас.

ГЛАВА 1

Как известно, начала определяют окончания, хотя я ничего не могу сказать о происхождении Джека Хейвига, кроме того, что сам принял его в этом мире. Разве в холодное сентябрьское утро 1933 года кто-нибудь думал о генетических кодах, о теории Эйнштейна или о других высших материях, которыми занимались ученые боги на своих олимпах, или о силе тех стран, которые мы намеревались завоевать легко и просто? Я помню, как медленно и трудно он рождался. Это был первенец Элеоноры Хейвиг, очень молодой и маленькой. Мне очень не хотелось делать кесарево сечение. Может, это и было моей ошибкой, в результате которой она не рожала дважды от одного и того же мужа. Наконец маленькое сморщенное существо очутилось в моих ладонях. Я шлепнул его по задку, чтобы призвать к жизни, и он негодуяще закричал. А дальше все пошло как обычно.

Роды происходили на третьем, верхнем, этаже нашей больницы, расположенной на окраине города. Я снял халат и подошел к окну, откуда открывался вид на город. Я видел скопления домов вдоль замерзшей реки — кирпичных в центре города и деревянных на окраинах, — элеватор, резервуар для воды возле железнодорожной станции. Дальше под серым небом виднелись низкие холмы, между которыми тут и там можно было рассмотреть фермы. А еще дальше темнели леса Моргана. Стекла запотели от моего дыхания. От окна веяло холодом, и дрожь пробежала по моему потному телу.

— Ну что ж, — громко произнес я. — Земля приветствует твое появление, Джон Франклин Хейвиг. Надеюсь, жизнь для тебя будет приятной.

«Вообще-то, ты выбрал для себя не самое удачное время появления на свет, — подумал я. — Мировая депрессия, висящая над всеми государствами, как тяжелое зимнее небо. Захват Японией Маньчжурии в прошлом году. Марш голодных в Вашингтоне. Похищение Линдберга. Этот год начался в том же духе: Адольф Гитлер стал канцлером в Германии; первый президент собирается поселиться в Белом Доме; отмена сухого закона почти неизбежна... — в общем, в этом полушарии немного теплеет».

Я вошел в комнату ожидания. Томас Хейвиг вскочил с кресла. Этот человек никогда открыто не проявлял своих чувств, но вопрос, мучивший его, трепетал на губах. Я взял его за руку:

— Поздравляю, Том. У тебя мальчик.

Мне пришлось почти под руки вести его вниз, в холл.

Об этом мне пришлось вспомнить несколько месяцев спустя.

Сенлак был коммерческим центром небольшого сельскохозяйственного района. В нем было также несколько предприятий легкой промышленности, работающих на местном сырье.

У меня не было выбора, и мне пришлось участвовать в политической жизни города, хотя я старался свести к минимуму свою активность и оставаться подальше от политических интриг. Поймите меня правильно. Это мои люди. Я люблю их и даже восхищаюсь. Они и есть соль земли. Но человеку нужна не одна только соль.

У нас с Кейт был очень миленький, тесный кружок друзей. Банкир ее отца, который стал и моим банкиром. Я часто поддразнивал его, так как он считал себя демократом. Кроме того, одна леди, которая устроила у себя общественную библиотеку. Несколько профессоров из Хольберг колледжа. Правда, они жили в сорока милях от нас, а в те времена это было достаточно серьезное расстояние. И Хейвиги.

Они были уроженцами Новой Англии — и немного домоседами. Сам он преподавал физику в школе. Стройный, с острыми чертами лица, он был похож на тех, кого учил. Студенты очень любили его, к тому же он был неплохим футболистом. Элеонора была более смуглая, живая, хорошо играла в теннис и занималась благотворительностью. Она считала, что каждый должен приносить какую-нибудь пользу.

И я был удивлен, когда она однажды позвонила мне и попросила немедленно прийти. В ее голосе слышалась истерика.

В те времена квартира врача отличалась от нынешних, особенно в провинциальных городах. Я переоборудовал две комнаты в большом старом доме, в котором мы жили. Одна из них была предназначена для собеседования, другая — для осмотра и лечения, в том числе и для небольших хирургических операций. У меня были фармацевт и секретарь. Кейт помогала в различного рода бумажной работе. Оглядываясь сейчас назад, я понимаю, что основная ее работа

заклучалась в том, что она развлекала пациентов, ожидавших приема. Обходы клиентов я делал по утрам.

Я прекрасно помню, что то утро было чрезвычайно жарким. На небе ни облачка, совершенное безветрие. Деревья, мимо которых я шел, обдавали жаром, как раскаленные зеленые печи. В чахлой тени деревьев стонали от жары собаки и дети. Ни одна птица не нарушала своим пением знойную тишину. Мною овладел страх. Элеонора так выкрикнула имя своего Джонни, что мне стало не по себе.

Когда я вошел в освежаемую вентиляторами полутьму ее дома, она обняла меня, вся дрожа.

— Я сошла с ума, Боб? — спрашивала она снова и снова. — Скажи мне, я сошла с ума?

— Спокойно, спокойно, — промурлыкал я. — Ты звонила Тому?

Том сейчас был на работе, которой занимался во время каникул, контролировал качество работы на небольшой кондитерской фабрике.

— Нет, я... я думала...

— Сядь, Элли, — я оторвал ее руки от себя. — По-моему, ты вполне в своем уме. Может, ты перегрелась? Успокойся, расслабься, покрути головой. Вот так. Тебе уже лучше? Тогда расскажи, что произошло.

— Джонни. Два Джонни. А потом снова один, — она охнула, — ДРУГОЙ.

— Да? Элли, расскажи поподробнее.

В ее глазах был ужас, когда она рассказывала свою историю:

— Я... я мыла его, когда услышала детский крик. Я подумала, что это на улице, но он как будто слышался из спальни... да-да, из спальни. Я завернула Джонни в полотенце — не могла же я оставить его в воде — и пошла посмотреть. И там, в колыбели своего мальчика, я увидела другого ребенка, голенького, уже сырого. Он кричал и сучил ногами. Я была так удивлена, что... выронила своего ребенка. Я стояла над колыбелью, и он не мог упасть на пол. Но... Боб, он вообще не упал, он исчез... растворился в воздухе. Я инстинктивно попыталась схватить его, но ухватила только полотенце. Джонни исчез! Кажется, я потеряла на несколько секунд сознание. И когда очнулась, его не было.

— А другой мальчик?

— Он... он остался... мне кажется...

→ Идем, посмотрим...

Оказавшись в спальне, я сказал:

— Ну что ж, здесь никого нет, кроме старого доброго Джонни.

Она стиснула мою руку.

— Он как две капли воды похож на Джонни.

Ребенок уже успокоился и что-то довольно бормотал.

— Он совсем такой же, — говорила Элли, — но это не Джонни.

— Элли, у тебя просто галлюцинация. Это и не удивительно, ведь сейчас так жарко, а ты еще слишком слаба.

Никогда раньше я не сталкивался с подобным. Все это было весьма необычно, особенно для такой уравновешенной женщины, как

Элли. Но мой голос прозвучал убедительно, не хуже, чем у медицинских светил.

Однако она успокоилась не полностью, и мне пришлось достать сертификат новорожденного и сравнить отпечатки рук и ног Джонни и этого младенца в колыбели. После этого я напоил Элли кофе, прописал тоник и вернулся к своей работе.

Через неделю я совершенно забыл об этом случае. Это был год, когда наша единственная дочь схватила пневмонию и умерла сразу после того, как ей исполнилось два года.

Джонни Хейвиг рос очень умным, впечатлительным, но любил одиночество. Чем лучше он ходил и говорил, тем меньше проявлял склонность к общению. Он с большим удовольствием рисовал, лепил глиняных зверюшек, пускал по реке кораблики. Элеонора очень беспокоилась о нем, Том совершенно не беспокоился.

— Я был таким же, — говорил он. — У него будет ужасная юность, но он будет вознагражден за это, когда станет взрослым.

— Нужно внимательно смотреть за ним, — заявила Элеонора. — Ты не знаешь, как часто он исчезает. О, это для него игра, прятки. Он прячется везде. И когда-нибудь он найдет способ проникнуть через забор, и тогда... — ее пальцы сжались, — он может сбежать.

Кризис наступил, когда ему было четыре года. Сначала он прекратил свои прятки, как бы поняв, что это всех беспокоит. Но затем однажды утром его не нашли в постели. Нигде не нашли. Полицейские, соседи, весь город искал его.

В полночь зазвонил звонок у двери. Элеонора спала, выпив по моему наставлению снотворное. Том сидел возле стола один и курил. Услышав звонок, он вскочил, уронив стул и сигарету — пятно на ковре еще долго напоминало ему эту мучительную ночь, — и бросился к двери.

На пороге стоял человек. Воротник его пальто был поднят, широкие поля шляпы бросали тень на его лицо. Но Тому было не до этого. Все его внимание было обращено на мальчика, которого человек держал за руку.

— Добрый вечер, сэр, — сказал приятный голос. — Не этого ли юного джентльмена вы разыскиваете?

И когда Том упал на колени перед сыном, схватил его, плача и пытаясь выговорить слова благодарности, человек исчез.

— Странно, — впоследствии говорил мне Том. — Ты знаешь, Эльм-стрит хорошо освещена. Даже бегом ее невозможно пробежать из конца в конце за минуту. Кроме того, заслышав топот ног бегущего человека, все собаки залаяли бы. Но когда я через минуту посмотрел на улицу, она была пуста.

Джонни ничего не сказал о том, где он был. Он извинился, сказал, что больше не будет, и пошел спать.

И действительно, больше он не убегал. Более того, его одиночество закончилось: он нашел себе друга, сына Данберов. Пит был физически лучше развит, чем Джонни. Он не был дураком: сейчас он занимает довольно высокий пост в какой-то фирме. Но Джон — он потребовал, чтобы его теперь так называли — верховодил во всем. Они играли в игры Джона, ходили на его любимые места на реке, а позже — в лес Моргана.

Мать Пита вздыхала в моем пропахшем лекарствами кабинете: «Мне кажется, Джон гораздо более мечтателен и впечатлителен, чем Пит. Весь мир для него полон контрастов. Это тревожит меня». Шел уже второй год после его исчезновения, и я видел Джона всего пару раз во время обычных осмотров. Поэтому я был удивлен, когда Элеонора попросила встречи, чтобы обсудить кое-что. Она рассмеялась по телефону:

— Ты же знаешь, Том — истинный янки. Он не разрешает мне обсуждать с врачом социальные проблемы, касающиеся нашего сына. — Ее смех был каким-то резким.

Я откинулся на спинку своего скрипучего кресла, переплел пальцы и спросил:

— Значит, ты говоришь, что он рассказывает о том, чего не может быть, но во что он абсолютно верит? Ничего особенного. Обычное явление.

— Я думаю, Боб, — она нахмурилась, — что он слишком много знает.

— Возможно. Особенно в свете того, что за последние месяцы он очень сильно развился как физически, так и умственно. Однако у меня, как у врача-практика, давно сложилось убеждение, что «средний» и «нормальный» не одно и то же... Хорошо. У Джона есть воображаемые партнеры?

Она попыталась улыбнуться:

— Да. Воображаемый дядя.

Я поднял брови.

— В самом деле? Это он сам сказал тебе?

— Нет. Разве дети рассказывают что-нибудь своим родителям? Я просто слышала, как он говорил Питу, что дядя приходит и берет его в самые замечательные путешествия.

— Дядя Джек? Какие путешествия? В то королевство, о котором ты рассказывала? Где правит Леон Лев?

— Н-нет. Совсем другое. О Звериной стране он сам рассказывал мне и знал, что это чистая фантазия... Но эти путешествия с дядей... нет... они совсем другие. Все подробности, которые я слышала, очень реалистичны. Например, визит в лагерь индейцев... Он рассказал, что делают индейцы, описал, как пахнет сохнущая кожа, догорающий костер... А в другой раз он говорил о полете на самолете. Я могу понять, что он вообразил себе самолет величиной с дом. Но его самолет без пропеллера, летит бесшумно и очень быстро. В самом самолете показывают фильмы. Цветные. Он даже говорил, как самолет называется. Реактивный. Да, да, реактивный.

— Ты боишься, что у него воображение обгоняет развитие? — спросил я беззаботно. А когда она кивнула, проглотив комок в горле, я наклонился вперед и похлопал ее по руке. — Элли, воображение — это самое драгоценное, чем владеет ребенок. А способность воображать детали — вообще неоценимый дар. Твой сын не просто здоров. Он, может быть, гений. Постарайся не убить в нем это.

Я все еще верю, что я был прав. Ошибался, но был прав.

А тогда я хмыкнул и сказал:

— А что касается реактивного самолета и прочего, то я могу показать тебе десятки тайников, где они с Питом прячут книжки издательства Бака Роджерса.

Всем маленьким мальчикам приходит срок идти в школу. Этот срок настал и для Джона. Нет никакого сомнения, что он направился туда без особой охоты.

Впрочем, как и все остальные дети. Кому охота сидеть в помещении, когда вокруг столько интересных дел? Однако учился он прекрасно. И особенно его захватила история. «Звезда пролетела поблизости от Солнца и выпустила облако огненного газа, которое и стало планетами... Периоды мировой цивилизации — это Египет, Греция, Рим, Средние века и наше время, которое началось в 1492 году...»

Круг его друзей расширился. Их родители сетовали: «Мой Билли на четыре года старше... Мои Джимми и Стюарт младше Джонни на два года и четыре года...» На этом жизненном этапе такая разница в возрасте казалась непроходимой пропастью, но, тем не менее, Джонни умудрялся организовывать детей. Он вообще обладал организаторскими способностями. Например, Элеонора полностью доверяла ему подготовку празднования дня рождения Тома.

На восьмом году жизни он испытал новое ощущение. Два старших мальчика решили, что будет весьма забавно, если они подстерегут кого-нибудь из детей по дороге из школы и поколотят. В сентябре еще можно было найти пустынные места.

Но им не повезло: они нарвались на Джона Хейвига. Впоследствии они жаловались, что Джон созвал целую армию ребят себе на помощь.

Когда эти двое пожаловались своим родителям, то получили хорошую трепку. «Идиоты всегда трусы», — сказали отцы сыновьям.

Долгое время на Джонни все смотрели с обожанием и трепетом, хотя он отказывался рассказать подробности сражения.

Прошло время — и инцидент канул в Лету. Это был год, когда пала Франция.

— Какие-нибудь новости о воображаемом дяде? — спросил я Элеонору, когда мы встретились на какой-то вечеринке. Я подошел к ней, чтобы избавиться от политических разговоров.

— Что? — недоуменно спросила она. Мы стояли на крыльце дома. Из освещенных окон слышались смех, разговоры. С площадки доносились удары игроков в крикет. Полная луна висела над часовой колледжа Хольберга.

— О, — проговорила она, — ты имеешь в виду моего сына? Нет, ничего подобного. Ты был прав. Это прошло.

— Или он научился скрывать, — подумал я вслух.

Она была уязвлена.

— Значит, ты думаешь, что он не доверяет нам? Впрочем, да, он никогда не говорит нам ничего важного...

— Спокойно, — быстро сказал я. — Он во всем следует своему отцу. Элли, не беспокойся, все будет хорошо. Лучше пойдем выпьем.

В моих записях точно указан день, когда Джек Хейвиг — да, да, теперь я стал называть его Джеком — на время потерял над собой контроль.

Вторник, 14 апреля 1942 года. За день до того Том Хейвиг сделал гордое заявление своему сыну. До этого он ничего не говорил о своих надеждах, потому что не был уверен, что они сбудутся. И вот счастливый день настал. Школа приняла его отставку, а армия зачислила в свои ряды.

Несомненно, он мог бы остаться. Ему было больше тридцати лет, он был учителем. По правде говоря, он служил бы стране лучше, если бы остался. Но крестовый поход был объявлен, полетели «дикие гуси», и тень смерти нависла над крышами Сенлака. Даже я, человек средних лет, и то рассматривал возможность примерить форму. Но меня не взяли.

Звонок Элеоноры поднял меня с постели еще до рассвета.

— Боб, приезжай! Прямо сейчас, пожалуйста! Джонни! Он в истерике! Хуже, чем в истерике! Я боюсь... Мозговая лихорадка... Боб, приезжай!

Я поспешил и вскоре сжимал его худенькое тело, пытаюсь понять его выкрики, сделать инъекцию. Джек кричал, вешался на шею отца, расцарапал себя до крови, бился головой о стену.

— Папа! Папа, не уезжай! Они убьют тебя! Я знаю, я знаю! Я видел! Я видел, как возле этого окна плачет мама! Папа, папа! Не уезжай!

Я держал его под действием лекарств почти целую неделю. Столько времени потребовалось, чтобы успокоить его. И до самого мая он оставался тихим и бессловесным.

Это была совершенно ненормальная реакция. Другие дети гордились своими отцами, рассказывая об их истинных или выдуманных подвигах. Джек был не таким.

Постепенно он оправился и вернулся к занятиям в школе. Все свое свободное время он воображал, что находится рядом с Томом. И писал ему письма каждый день. Он писал отцу, который был убит в Италии 6 августа 1943 года.

ГЛАВА 2

Любой доктор не мог бы перенести свои профессиональные неудачи, если бы у него не было удач. Я считаю Джека Хейвига одной из своих несомненных удач. Пусть я не смог помочь ему как врач, зато я помог ему как человек.

Мой опыт позволил мне увидеть это. Я видел, что мальчик серьезно страдает.

В 1942 году в восточных штатах продажа бензина еще не была ограничена. Я распределил между коллегами свою практику, а когда закончились занятия в школе, мы с Биллом отправились в путешествие. И взяли с собой Джека.

В Миннесота Эрроухед мы наняли лодку и отправились в первозданную дикость озер, речек и ручьев, которые простирались вплоть до Канады. Целый месяц мы были предоставлены самим себе: я, мой тринадцатилетний сын и этот мальчик, которому, как я думал, было девять лет.

Это была страна москитов и дождей. Грести против течения — это очень трудная работа, но тем лучше. Чтобы устроить лагерь и приготовить пищу, тоже требовались значительные усилия. Джеку нужны были трудности, он должен был работать до изнеможения. Прошло несколько дней, и природа начала излечивать его.

Восхитительные рассветы, легкий холод по ночам, легкая рябь на поверхности воды, песни птиц, шелест листьев, ароматы леса, белки, бравшие пищу прямо из рук, неохотно удалявшиеся лани... Однажды даже появился медведь, и мы почтительно уступили ему место; закаты солнца, которые мы наблюдали через тучи стремительно кружащихся летучих мышей. Сумрак, костер, рассказы, ребячье удивление Билла, который впервые видел все это, спальный мешок, звездное небо... Из всего этого Джек должен был заключить, как огромен мир и как ничтожны мы в нем со своими радостями и горестями.

Такова была основа для излечения.

Когда мы вернулись, я сделал ошибку. Я сказал ему:

— Надеюсь, Джек, ты понял, что все рассказы о Томе — плод твоего воображения. Нет такой вещи, как предсказание будущего.

Он побледнел, отвернулся и убежал от меня. Я затратил несколько недель, пока снова не добился его доверия.

И то не полностью. Он не доверял мне ничего, кроме мыслей и надежд самого обычного мальчика. Я больше не поднимал вопроса об отце. Он тоже. Но, насколько позволяли мне время и обстоятельства, я старался понемногу заменять ему отца.

Пока шла война, мы не предпринимали больших путешествий. Однако у нас всегда были под рукой деревенские дороги для пеших прогулок, лес Моргана для пикников, река для рыбной ловли и купания. Недалеко было также озеро Винного с моей маленькой лодкой. Джек часто приходил в мою мастерскую при гараже и

мастерил там кормушки для птиц и всякую мелочь. Мы могли разговаривать там.

Я уверен, что к тому времени, когда пришло известие о гибели Тома, Джек уже обрел спокойствие. Все были уверены в том, что его предвидение было чистой случайностью, игрой воображения.

Элеонора начала работать в библиотеке плюс несколько часов в неделю в госпитале. Вдовство потрясло ее. Долгое время она была подавленной и необщительной. Кейт и я старались почаще вытаскивать ее в люди, но она чаще отклоняла предложения, чем принимала их.

А когда она наконец покинула свою раковину, то оказалась в кругу людей, которые раньше не были ее друзьями. Я не удержался, чтобы не заметить:

— Ты знаешь, Элли, я рад, что ты снова в обществе. Но прости, меня удивляют твои новые друзья.

Она покранесла и отвернулась.

— Да, — тихо сказала она.

— Хорошие люди, конечно. Но их нельзя назвать интеллигентными, верно?

— Д-да... — Она выпрямилась в кресле. — Боб, будем честными. Я не хочу умирать хотя бы из-за того, что есть Джек, есть ты. Но я не хочу быть и погребенной заживо, как это было со мной эти два года. Вы все... с кем мы раньше... вы все женаты...

И я прекратил бесполезный разговор. Она все равно не поняла бы, насколько ей чужды эти новые друзья, громко смеющиеся, громко разговаривающие, с чисто практическим умом, насколько далеки они от Джека, как глубоко он презирает их.

Ему было уже двенадцать лет, когда два атомных взрыва уничтожили два города и вместе с ними остатки девственности человечества. Хотя развитие Джона перестало идти с такой скоростью, как это было в 1942 году, он все же намного опережал своих сверстников. И это укрепило тот вакуум, который он сам создал вокруг себя. Больше у него не было близких друзей. Вежливо, но непреклонно Джек отклонял любые попытки сблизиться с ним. Он учился, и учился хорошо, но все свое свободное время он проводил один. Он читал много книг, в основном по истории, совершал далекие прогулки на велосипеде, рисовал или лепил из глины.

Не хочу сказать, что он был угрюмым бирюком. Я уверен, что в будущем он стал бы нормальным человеком. Так как он больше не зависел от меня, то хорошо относился ко мне. Разница в возрасте между ним и Биллом теперь сгладилась, и в 1948 году они вместе с Джимом и Стюартом совершили путешествие в Северную Миннесоту.

Когда они вернулись, мой второй сын спросил меня:

— Отец, ты не знаешь, что мне почитать по философии?

— Что? — я отложил газету. — Философия в тринадцать лет?

— А почему нет? — Кейт оторвалась от своего вышивания. — В Афинах он начал бы раньше.

— Ну что ж... Философия — пространная наука, Джим. Что именно тебя интересует?

— О... свободная воля... пространство... и все такое. Джек и Билл много говорили об этом во время путешествия.

Я узнал, что Билл, который теперь учился в колледже, начал было изображать из себя учителя, но очень скоро запутался в вопросах Джека. Как была написана история Вселенной, как возникла сама Вселенная? Или: почему ты считаешь, что мы сами сделали свой выбор? А если нет, то как мы можем воздействовать на свое будущее?

Когда я спросил сына, что подарить ему на Рождество, он ответил:

— Что-нибудь, что помогло бы мне понять теорию относительности.

В 1949 году Элеонора вторично вышла замуж. И ее выбор был катастрофическим.

Свен Биркелунд выглядел великолепно. Родители вывезли его из Норвегии, когда ему было три года, сейчас ему было сорок. Преуспевающий фермер с огромным хозяйством и прекрасным домом в десяти милях от города. Он был ветераном войны. Недавно овдовел, и у него росли два сына: Свен, шестнадцати лет, и Гарольд, девятнадцати лет. Огромный, рыжеволосый, громогласный, он произвел на нас с Кейт тягостное впечатление. Но он не был лишен и тяги к знанию: выписывал «Ридерс Дайджест», «Нейшл Джоиграфик», «Кантри Джентльмен», читал книги, которые ему изредка попадались. Кроме того, он любил путешествовать и был опасным соперником в бизнесе.

И все же... Элеонора. Она была полна жизни, а со времени смерти Тома прошло шесть лет.

Когда человек влюбляется, его бесполезно отговаривать. И мы с Кейт не пытались. Мы были на свадьбе, поздравили молодых, пожелали всего самого лучшего. Более всего меня беспокоил Джек. Мальчик рос замкнутым. Он двигался и говорил как робот.

Когда они переехали в новый дом, Джек стал редко видаться со мною. Впоследствии он ничего не говорил о жизни там. Я тоже не спрашивал. Но судите сами: Элеонора — приверженка епископальной церкви. Джек родился агностиком, Биркелунд был слепо верящим в Библию лютеранином. Элеонора с Джеком привыкли к легкой городской пище, Биркелунд и его сыновья обожали мясо и картошку. Том в свое время сделал из Элеоноры политического либсрала. Биркелунд, если не занимался счетами, то слушал радио, смотрел телевизор. По своим политическим взглядам он был ревностным и активным американским легионером. Он яростно поддерживал сенатора Джозефа Маккарти.

И так далее. Я не имею в виду, что Элеонора была полностью разочарована. Я уверен, что Биркелунд всячески старался завоевать ее уважение, но оставил эти попытки, когда потерпел поражение. Элеонора скоро забеременела, что несколько укрепило их союз, который по этой причине продлился несколько дольше.

Для Джека жизнь там была адом. Его новые братья, дубликаты своего отца, отрицательно отнеслись к его появлению в доме. Младший, интересы которого заключались в охоте и свиданиях с девушками, презирал его за то, что Джек не любит убивать животных и шупать девушек. Гарольд находил много способов мучить его. И это было нетрудно, так как Джек был младше и не мог защитить себя кулаками.

Джек страдал.

В конце 1950 года родилась Ингеборг. Биркелунд был разочарован, что родилась девочка, но все же шумно отпраздновал ее рождение. Все гости перепились, а Биркелунд неоднократно в течение вечера говорил с громким смехом о своем намерении сделать сына, как только доктор разрешит.

Мы с Кейт тоже были приглашены, но под благовидным предлогом отказались. Поэтому я сам не видел, а только слышал, как Джек покинул праздничный пир, и как негодовал по этому поводу Биркелунд. Позже Джек рассказывал мне: «Когда гости, которые могли двинуться и не уснули на полу, разошлись, он загнал меня в сарай и сказал, что сейчас будет вышибать из меня дерьмо. Я сказал, что если он попытается, я убью его. Я не шутил, и он понял это и, рыча, удалился. После этого мы перестали разговаривать. Я делал свою работу беспрекословно, но после обеда я всегда уходил к себе».

Вот так.

Равновесие держалось до декабря. Что нарушило его, я не знаю, да и не в этом дело. Как-то Элеонора спросила Джека, думал ли он, в каком колледже собирается учиться, Биркелунд закричал: «Я не дам ни доллара на его учение, пусть служит стране, как служил я!»

Разыгралась ссора, после которой Элеонора сбежала по лестнице в слезах.

На следующий день Джек исчез.

Он вернулся в конце января, не сказав ни слова, где был и что делал. Он заявил, что если Биркелунд будет вмешиваться в его дела, он убежит навсегда. Я уверен, что он завоевал право оставаться в одиночестве, и никто не лез к нему. Следует сказать, что его поведение и внешность заметно изменились после этого исчезновения.

Снова все пришло в зыбкое равновесие. Но через шесть недель, в воскресенье, Джек отправился на свою обычную прогулку. Гарольд заметил это, вошел в его комнату и обшарил стол. И свою находку он сразу же принес отцу. Это было концом всего.

Снег валил на землю густой пеленой. Все казалось бело-серебряным. На улице было удивительно тихо.

Элеонора сидела в гостиной и плакала.

— Боб, ты должен поговорить с ним, мы должны помочь ему снова... Что случилось, когда он убежал? Что он делал?

Кейт обняла ее и прижала ее голову к себе.

— Ничего страшного, моя дорогая, — проговорила она. — Не беспокойся. Всегда помни, что Джек — сын Тома.

Я ходил взад и вперед по пушистому ковру. В комнате царил полумрак, так как не зажигали свет.

— Давайте будем следовать фактам, — заговорил я более уверенно, нежели чувствовал сам. — У Джека оказалась эта брошюрка, которую Свен назвал коммунистической пропагандой. Свен хотел позвать шерифа, прокурора, всех, кто мог бы заставить Джека сознаться, с кем он общался во время своего отсутствия. Ты выскочила из дома, взяла машину, встретила мальчика по дороге и привезла сюда.

— Да-да... Боб, я не могу здесь остаться. Там Ингеборг... Свен будет разыскивать меня...

Я помолчал.

— Ты сказала, что выхватила эту брошюру?

— Я... — Элеонора отстранилась от Кейт. Сквозь слезы она с силой сказала: — Теперь, когда нет вещественного доказательства, ему нет смысла звать полицейских.

— Могу я посмотреть это?

Она колебалась.

— Это... чепуха, Боб. Ничего важного. Джек ждет...

Он ждал в моем кабинете, пока мы разговаривали. Он прекрасно владел собой.

— Мы поговорим, — сказал я, — а пока Кейт напоит тебя кофе и накормит. Кроме того, я же должен знать, о чем говорить.

Элеонора всхлипнула, кивнула, залезла в свою сумочку и подала мне несколько листов бумаги, сложенных вместе. Я устроился в своем любимом кресле, заложив ногу за ногу, закурил трубку и стал читать.

Я прочел ее дважды. И трижды. Я совершенно забыл о женщинах.

Вот это. Здесь вы не найдете загадок.

Но вернемся назад. Сейчас одиннадцатое марта 1951 года от Рождества Христова.

Гарри Трумен стал президентом Соединенных Штатов, победив на выборах Томаса Дейви плюс бывшего вице-президента, который впоследствии имел мужество признаться, что его партия была перчаткой на руке Москвы, столицы Советского Союза, которая, как когда-то уверяло нас наше обожаемое ФБР, была столицей мировой демократии, нашим верным союзником в святой войне за вечный мир. Но теперь многое изменилось. Молодые американцы умирали в боях через пять с половиной лет после победы! И их убивали северокорейцы и китайцы. Меньше чем два года назад взорвалась первая русская атомная бомба. Чуть раньше образовалось НАТО, державшее под ружьем сотни дивизий. Многие из нас сейчас

находились в каком-то эмоциональном параличе, мы вели обычную жизнь, но каждое мгновение ожидали, что разразится Третья мировая война...

Да, я не могу осуждать Свена Биркелунда за его реакцию на этот документ.

Но я читал и все больше удивлялся.

Тот, кто написал это, прекрасно знал терминологию коммунистов — я сам кое-что подобное читал, хотя не был коммунистом, и даже не сочувствовал им. А что же Джек?

Но вернемся назад. Попытаемся понять наш мир в 1951 году.

Мы прекрасно знали, что у нас, американцев, есть проблемы, но знали также, что при наличии времени и доброй воли мы разрешим их. Со временем люди всех рас, любого цвета кожи и вероисповедания будут жить бок о бок, вместе трудиться и вместе распевать песни. Дело «Браук против Министерства образования» будет еще не скоро. Студенческие волнения происходят только в других странах, а у нас правительство беспокоится только об апатии студентов. Французы в Индокитае чувствуют себя хозяевами и не испытывают заметных трудностей.

Только-только появились телевизоры, и мы обсуждаем последствия этого события. Межконтинентальные ядерные ракеты еще только разрабатываются, и никто еще не может представить себе, какое это грозное оружие. Много говорят о перенаселении, но эта тема скоро будет забыта. Пенициллин и ДДТ считаются друзьями человека. Смог пока что ощущается только в Лос-Анджелесе и иногда в Лондоне. Океан, бессмертный отец всего живого, вечно будет принимать и хранить в себе отходы человечества. Космические полеты предполагаются только в будущем веке, хотя какой-то сумасшедший миллионер предложил финансировать проект. Компьютеров очень мало. Это настоящие мастодонты, сверкающие лампочками и очень дорогие. Если вы следите за научными новостями, то немного знаете о транзисторах и, может быть, даже мечтаете о дешевом карманном радиоприемнике в руках американца. Все противозачаточные средства чисто механические. Кто-то говорит о генах, хромосомах. В общем, если человек не очутится в каменном веке, то ему суждено превратиться в машину.

Переселитесь в год 1951, если сможете, и прочтите, как это сделал я, эту брошюру, на первой странице которой напечатано: «Джек Ф. Хейвиг. 1970 год».

ГЛАВА 3

Словарь колледжа Уитхит

АКТИВИСТ — человек, борющийся за освобождение. Если это фашист, то он исповедует маккартизм.

АГРЕССИЯ — международная политика, проводимая фашистами.

ЧЕРНЫЙ — африканский житель, имеющий цвет кожи от коричневого до цвета слоновой кости. Не путать с **КОРИЧНЕВЫЙ**, **КРАСНЫЙ**, **БЕЛЫЙ** и **ЖЕЛТЫЙ**. Это слово заменило первичное **НЕГР**, считающееся оскорблением.

БОМБЕЖКА — метод проведения войны путем сбрасывания с самолета взрывчатых веществ. Осужден за возможность уничтожения детей, стариков, женщин и других мирных жителей, как это происходило в Берлине, Гамбурге, Дрездене, Осаке, Токио и т. д.

КОРИЧНЕВЫЙ — выходец из Мексики. Происходит от цвета кожи. Не смешивать с **ЧЕРНЫЙ**, **КРАСНЫЙ**, **БЕЛЫЙ**, **ЖЕЛТЫЙ**.

ЖЕСТОКОСТЬ — любое действие, производимое полисменом. См. **СВИНЬЯ**.

ШОВИНИЗМ — уверенность любого **БЕЛОГО**, что его страна превыше всего.

ШОВИНИСТ — человек любой расы, национальности, пола, исповедующий шовинизм. Любой фашист непременно шовинист.

КОЛОНИАЛИСТ — любой европеец или североамериканец, считающий, что имеет право сохранять в своей собственности территории вне своей страны, если на них когда-либо поселились его предки.

КОНЦЕНТРАЦИОННЫЙ ЛАГЕРЬ — замкнутый район, где содержатся люди, находящиеся в оппозиции к своему правительству или оккупационным силам. Ни одна прогрессивная страна или движение освобождения не используют концентрационные лагеря.

КОНФОРМИСТ — тот, кто принимает существующий порядок без лишних вопросов.

КОНСЕРВАТОР — см. **АГРЕССИЯ**, **БОМБЕЖКА**, **ЖЕСТОКОСТЬ**, **ШОВИНИЗМ**, **КОЛОНИАЛИЗМ** и т. д.

ПРЕСТУПНИК — фашист, в частности, арестованный и наказанный.

ДЕМОКРАТИЯ — нация, свободно выбирающая свое правительство, которое выражает волю народа.

РАЗВИТИЕ — в фашистских странах: создание военного потенциала для захвата чужих стран. В прогрессивных странах: использование естественных ресурсов для удовлетворения нужд народа.

ЭКОЛОГИЯ — наука, изучающая взаимодействие людей с окружающей средой.

ОСАДКИ — радиоактивные материалы, распространяющиеся в атмосфере и губительно воздействующие на здоровье людей.

ФАШИСТ — тот, кто делает все, чтобы обеспечить процветание Запада.

ГЕРОЙ — тот, кто рискует жизнью во имя прогресса.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ПРАВА — все права людей на свободу. Не путать с правами на собственность — это изобретение западной идеологии.

ИМПЕРИАЛИСТ — человек, утверждающий, что любая западная страна имеет право на свои заграничные территории.

ОСВОБОЖДЕНИЕ — свержение западных правительств, освобождение от западного влияния. Движение освобождения стремится создать народную республику.

ЛЮБОВЬ — чувство, которое могло бы разрешить все общечеловеческие проблемы.

ЖЕРТВА — человек, страдающий и умирающий во имя освобождения.

МАККАРТИЗМ — сокрушение политических противников путем ложного обвинения их в коммунистическом заговоре.

НАЕМНИК — солдат, служащий за деньги чужому правительству.

ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС — директорат военных и политических лидеров в США. Не путать с военными и индустриальными лидерами в СССР или других народных республиках.

РАКЕТА — самонаводящееся устройство, способное доставлять к месту назначения взрывные устройства.

НАПАЛИМ — желеобразный бензин. Осужден всеми либеральными правительствами как жестокое оружие.

НОНКОНФОРМИСТ — тот, кто принимает все прогрессивные взгляды, не задавая лишних вопросов.

ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ — оружие, в котором используется ядерная энергия. Применяется фашистскими правительствами для агрессии, а прогрессивными правительствами — для достижения мира.

ОРГАНИКА — пища, где применяются только натуральные продукты, следовательно, в ней не содержится никаких вредных для здоровья людей веществ.

МИР — окончательное решение проблемы фашизма. Мирное сосуществование — фаза, предшествующая наступлению мира.

ПЛУТОКРАТ — гражданин республики, обладающий огромными богатствами, но отказывающийся разделить их с бедными и использующий свое богатство для достижения власти. Не путать с КЕННЕДИ.

БЕДНЫЙ — класс людей, имеющий меньше, чем все.

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ — законное право людей на то, что они получили или заработали законным способом.

РАСИСТ — белый человек, который не бежит тушить пожар, если горит дом черного.

РЕАКЦИОННЫЙ — не прогрессивный.

КРАСНЫЙ — происходящий от американских индейцев. Борющийся за освобождение.

РЕПРЕССИИ — подавление активистов, отказ предоставить им прессу, радио, ТВ. Не смешивать с действиями прогрессивных правительств против вмешательства реакционных элементов.

РЕСПУБЛИКА — страна, где политическую власть получают при помощи выборов, а не по наследству.

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ — право этнической группы управлять самой собой. Например: Биафра, Восточный Пакистан, Гое, Катанга, Синай, Тибет, Украина и пр.

ОБЪЕДИНЕННЫЕ НАЦИИ — организация, использующая войска Швеции, Индии, Ирландии, Канады во всех частях света, чтобы способствовать самоопределению народов.

ВЕТЕР ПЕРЕМЕН — поэтическая метафора для определения поражения реакционных сил. Неприменима в случае поражения прогрессивных сил.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ — движение, противоположное по смыслу мужскому движению шовинизма.

КСЕНОФОБИЯ — недоверие к иностранцам.

ЖЕЛТЫЙ — выходец из Монголии или Восточной Азии.

ГЛАВА 4

Когда я вошел в свой кабинет, он показался мне чужим. Этот круглый стол, настольная лампа с гусиной шеей, обтянутое кожей кресло, шкаф с книгами, дипломы в рамках на стенах. Через раскрытую дверь видны шкафы с инструментами, многие из которых узнал бы даже Кох — все это было вне времени, маленький островок в океане, который скоро будет смыт волнами времени. Я теперь знал, что в ближайшие десять лет мне придется бросить практику.

Снегопад усилился, сумрак стал гуще. Джек включил лампу, чтобы можно было читать журнал. Вокруг пятна света сгустились тени. Урчал радиатор. Он делал воздух теплым и сухим.

Джек поднялся.

— Прошу простить меня за беспокойство, доктор Андерсон.

Я махнул ему рукой, чтобы он снова сел, сам устроился в кресле, достал табак для трубки. Я уже слишком много выкурил за сегодняшний день, но мои пальцы нужно было чем-то занять.

Джек кивнул на брошюру, которую я положил на стол.

— Как вы это находите? — ровным голосом спросил он.

Я стал протирать очки. Это был уже не тот мальчик, который знал, что потеряет отца, и не юноша, отстаивающий право на лучшую жизнь перед своим приемным отцом. Нет, передо мной был взрослый человек с усталыми глазами.

Это были серые глаза на узком длинном лице с прямым носом. Темно-серые волосы, стройное тело Тома, рот с полными подвижными губами Элеоноры. Нет, это был Хейвиг, и я в этом не сомневался.

Он всегда одевался довольно небрежно, и сейчас был одет так, как будто вернулся с прогулки в лес. Он был скорее насторожен, чем встревожен, но не отводил своего взгляда от моего.

— Ну что же, оригинально. — Я стал набивать трубку. — Правда, должен признать, что несколько необычно.

— Да, конечно. Это сувенир. Думаю, что мне не следовало приносить словарь сюда.

— Откуда? Где ты был, Джек?

— Так. Гулял.

Я вспомнил ответ того человека, который привел малыша к отцу. И кое-что еще.

Я чиркнул спичкой, и огонь показался мне неожиданно сильным. Затем долго раскуривал трубку, пока вкус табака не заполнил рот. И только после этого я смог заговорить.

— Послушай, Джек, у тебя будут неприятности. Еще больше их будет у твоей матери. — Такое начало удивило его. — Я ваш друг и хочу вам помочь. Но ты, черт побери, отказываешься помочь мне.

— Док, мне бы очень этого хотелось, — прошептал он.

Я похлопал по брошюре.

— О'кей. Скажи мне, ты работаешь над научно-фантастическим романом, действие которого происходит в 1970 году, и это заготовки для твоего романа? Прекрасно. Я думаю, ты зря скрываешь это. Но дело твое. Все осложняется тем, что твоя брошюра напечатана. Ни одна фирма не будет печатать для частного лица. Только для организации. Что это за организация?

— Нет никакой организации. Только несколько друзей. — Он весь напрягся. — Всего несколько среди громадного стада свиней.

Я встал.

— Как насчет того, чтобы выпить?

Теперь он улыбнулся.

— Благодарю. Это именно то, чего мне хочется.

Достав бутылку бренди, я разлил его по рюмкам. У меня всегда была в запасе бутылка. Иногда и мне, и моим пациентам требовалось выпить, особенно когда я выносил им окончательный приговор. Но Джек...

И я снова ощутил, что Джек уже не ребенок.

Он выпил очень умело. Где он мог научиться? Ведь его не было всего месяц.

Я снова сел и заговорил:

— Я не собираюсь выпытывать у тебя никаких тайн, Джек, хотя ты знаешь, что в моей работе приходится выслушивать много тайных признаний людей, и я всегда свято хранил доверенные мне секреты. Нам стоит продумать твое дальнейшее поведение, чтобы избавить твою мать от лишних забот, и ты обязан мне помочь.

Он нахмурился.

— Вы правы. Но самое неприятное в том, что я не знаю, что же сказать вам.

— Может быть, правду?

— Док, вам этого не хочется. Поверьте мне.

— Красота — правда, правда — красота... Помнишь Китса? Он был врач, он знал лучше, Джек. Ставлю десять долларов на то, что я расскажу тебе десяток правдивых историй, которые изумят тебя больше, чем твоя история изумит меня.

— Я не приму пари, — хрипло сказал он. — Это будет нечестно. Я ждал.

Он допил бренди, поставил стакан на стол. В желтом свете его лицо казалось совсем изможденным. Но вот на нем выразилась решимость.

— Налейте мне еще, — сказал он, — и я расскажу вам.

— Отлично. — Бутылка немного дрожала у меня в руке, когда я наполнял стакан. — Клянусь хранить твою тайну.

Он рассмеялся странным смехом:

— Не надо клясть, док. Вы и так будете молчать.

Я ждал.

Он сделал глоток, посмотрел куда-то за меня и пробормотал:

— Я очень рад. Я всю жизнь несу в себе огромную тяжесть, а теперь могу разделить ее с вами.

Я выпустил клуб дыма.

И тут он пылко заговорил:

— В основном я был в округе Сан-Франциско, в Беркли. Больше года я провел там.

Мои пальцы сжали трубку.

Он кивнул:

— Да, да. Меня не было дома месяц, но на самом деле прошло почти восемнадцать месяцев. 1969-й — 1970-й годы, — после паузы он добавил: — Да, примерно полтора года. Но из этого времени нужно вычесть время, которое я затратил на путешествие в более далекое будущее.

Пар шипел в радиаторе. На лбу Джека выступили капельки пота. Он крепко стиснул свой стакан. Но, несмотря на напряжение, голос его был ровным.

— У тебя есть машина времени? — выдохнул я.

Он покачал головой.

— Нет, я могу передвигаться во времени сам. Не спрашивайте меня, как, я не знаю. — Он слабо улыбнулся. — Что, док? Паранойя? Иллюзия того, что я представляю собой что-то необычное в космосе? О'кей. Я проведу демонстрацию. — Он обвел рукой кабинет. — Проверьте, что здесь нет никаких ходов, никаких таинственных аппаратов. Ведь это же ваш кабинет.

Я тупо повиновался и обошел кабинет, хотя был уверен, что здесь нет ничего такого, да и не может быть.

— Все в порядке? — спросил он. — Хорошо. Тогда я перенесу себя в будущее. Полчаса? Нет, вам придется слишком долго сидеть и курить. Пятнадцать минут, — он сверил свои часы с настенными. — Сейчас 4.17. Я отправляюсь в 4.30 плюс-минус несколько секунд. Только пусть никто не занимает это кресло в течение этого времени.

Меня всего трясло.

— Хорошо, Джек. — Кровь бурными толчками текла по венам.

Он улыбнулся, тронул меня за руку:

— Старый добрый док. Ну, пока.

И он исчез. Я услышал только легкий вздох воздуха, и ничего больше. Кресло было пусто. Я пощупал. Ничего.

Я сидел за столом четверть часа. Совершенно не помню, о чем я думал в то время.

И вдруг он снова очутился в кресле.

Я постарался не упасть в обморок. Джек поспешил ко мне.

— Успокойтесь, док. Все в порядке. Выпейте.

Потом он продемонстрировал мне путешествие в прошлое. На пару минут...

Была уже ночь.

— Нет, я не знаю, как это происходит, — сказал он. — Но я ведь многого не знаю о себе. Я не знаю, как работают мои мускулы, какие химические процессы происходят во мне. Док, вы должны согласиться, что наши научные познания всего лишь легкая зыбь на поверхности тайны.

— Что ты чувствуешь при этом? — спросил я, с удивлением обнаруживая, что спокойствие вернулось ко мне. Хиросима вывела меня из равновесия на более долгое время. Может быть, в глубине души я подозревал в Джеке что-то подобное?

— Трудно описать, — он нахмурился. — Я... я просто хочу попасть в прошлое или будущее. Совсем так, словно я хочу сделать что-то, взять что-то... И это происходит, — он старательно подыскивал слова. — Пока я путешествую во времени, я нахожусь в темноте. В темноте, где мелькает свет при чередовании дня и ночи. Затем я решаю остановиться — и останавливаюсь, становясь обычным человеком в обычном мире. Во время путешествия я совершенно не воспринимаю движения воздуха. При этом я задерживаю дыхание и не дышу.

— Подожди. Если ты при этом не можешь дышать, то как ты видишь мелькание света? — спросил я.

— Не знаю, док. Я читал учебники физики, чтобы понять хоть что-то, но ничего не узнал. Видимо, меня перемещает какая-то сила, сила, действующая в четвертом измерении. Если она электромагнитной природы, то я еще могу как-то объяснить, что фотоны захватываются ее полем и я улавливаю их. А вещество, материя не воспринимаются мною. Но это только предположение. Я не специалист. Мне бы хотелось, чтобы этим явлением занялся настоящий ученый.

— Твоя теория слишком сложна для меня, мой друг. Но ты сказал, что твое перемещение не мгновенно. Сколько же времени оно длится? Какова его скорость? Сколько лет в минуту, например?

— Все зависит от меня. От силы моего желания. Однако я заметил, что чем больше скорость перемещения, тем больше я устаю. Значит, я трачу свою энергию на перемещение во времени. Правда, я никогда не путешествовал больше нескольких минут — на несколько столетий.

— Когда ты был ребенком... — Я замолчал.

Он кивнул:

— Да, я слышал об этом. Когда мать выронила меня, я переместил себя в прошлое чисто инстинктивно — и оказался в колыбели.

Он сделал глоток бренди.

— Моя способность перемещаться во времени росла вместе со мной. Мне кажется, что сейчас для меня нет границ. Однако я ограничен по массе вещей, которую могу брать с собой. Это всего несколько фунтов, считая одежду. Чуть больше — и я не смогу переместиться. Если, к примеру, вы схватите меня, то я останусь на месте, пока вы меня не отпустите. Кроме того, я возвращаюсь на то же самое географическое место, откуда отправился в путешествие, независимо от вращения Земли.

— Странно, что ты с детских лет тщательно хранил эту тайну.

— Да. Но я причинил матери много беспокойства. Правда, я не помню всего. Кто может припомнить свои первые шаги? Потребовалось много времени, чтобы я оценил свою уникальность. А когда я наконец-то понял, то испугался. Может быть, это плохо? Или я урод? Но дядя Джек объяснил мне все.

— Это тот неизвестный, который привел тебя обратно, когда ты исчез в детстве?

— Да. Я тогда отправился в прошлое, чтобы посмотреть на индейцев. Но я нашел только лес. Он меня отыскал, и мы с ним вместе путешествовали во времени, это было очень приятно. Потом он взял меня за руку и показал, как вернуться домой. Он не выпускал меня несколько минут, чтобы я увидел страдания своих родителей. И он достиг своей цели. Я понял, что мой дар приносит страдания другим.

Он говорил так, словно переживал все заново.

— Мы совершили впоследствии много интересных путешествий. Дядя Джек был прекрасным гидом и наставником. Я полностью подчинился его требованиям соблюдать тайну. И только кое-где намекнул своему другу Питу. Дядя Джек многое показал мне, чего я сам никогда бы не увидел.

— Но ты путешествовал и сам, — напомнил я ему.

— Изредка. А вы помните, когда на меня напали два идиота? Я тогда совершил несколько переходов в близкое прошлое, чтобы меня стало восемь.

— А когда ты узнал, что отец идет на войну, ты решил убедиться, что он вернется живым?

— Да, — он нахмурился. — Я стал передвигаться в будущее с небольшими интервалами. И однажды я увидел, как мать плачет у окна. Тогда я отправился обратно и нашел телеграмму. О, я думал, что никогда больше не смогу путешествовать во времени. Просто не захочу.

Тишина окутала нас. За окном медленно падал снег.

Я прервал наше молчание вопросом:

— Когда в последний раз ты видел своего ментора?

— В 1969 году. А перед этим незадолго до того, как узнал о своем отце. Дядя Джек был очень добр ко мне. Мы с ним отправились в круглый цирк, видимо, конца XIX века. Я спросил, почему он так печален, а он снова напомнил мне о необходимости соблюдать тайну.

— И ты знаешь, кто он?

У него приподнялся уголок рта.

— А как вы думаете, кто он? В прошлом году я отправился в прошлое. Мне нужно было сбежать с фермы. Вы понятия не имеете, как прекрасна была эта страна до того, как пришли поселенцы. И индейцы! У меня появились друзья среди них. Мне не нужно было даже знать их языка, кроме нескольких слов. А девушки... они всегда были так ласковы, так готовы на все для меня...

Я не мог не улыбнуться.

— А Биркелунд-младший издевается над тобой, потому что ты не назначаешь свидания девушкам.

Он ухмыльнулся.

— Можете себе представить, как эти путешествия облегчали мою душу, — затем он заговорил серьезно: — И вы можете себе представить, каким невыносимым становился для меня этот дом Биркелунда. И не только дом — весь этот мир. Что я буду делать в колледже? Слушать глупое хихиканье девчонок и монотонные голоса преподавателей? Я ведь уже вырос, вырос, и видел столько разных чудес!

— Значит, именно твое положение в доме заставило тебя отправиться в будущее?

— Да. Я был вне себя от ярости. Я надеялся увидеть могилу Биркелунда. Двадцати лет, думал я, будет достаточно. И я переместился в конец 1969 года. Дом стоял на месте.

— А Свен?

— Думаю, что он был жив, — голос его был свирепым. — Я не стал проверять. Моя мать к этому времени разведется с ним.

— И?..

— Вернется в Массачусетс. Третье ее замужество будет счастливым. Мне не следовало причинять ей в то время беспокойство, и я вернулся. Отсутствовал я месяц, а по возвращении показал Биркелунду, что в мои дела соваться не стоит.

Я видел, что Джек очень страдает.

Сколько раз я видел такое выражение лица у своих больных. Я поспешно спросил его:

— Ты сказал, что встречался с дядей Джеком, твоим вторым «я»?

— Да, — он был рад перемене темы. — Он поджидал меня в 1969 году. Я прибыл ночью в дубовую рощу, так как не хотел лишних свидетелей. В то время роща была уже вырублена, а участок засажен кукурузой. Он снял для меня комнату в отеле, и мы несколько дней провели вместе. Он рассказал мне о моей матери, показал старые газеты с объявлениями, показал ее письмо к нему... ко мне. Потом он дал мне тысячу долларов. Док, какие цены через двадцать лет! Он предложил мне посмотреть страну.

Из газеты я узнал, что Беркли остался там же, где и был. А на другом краю бухты — Сан-Франциско. Я всегда хотел посмотреть его.

— А как Беркли? — спросил я, вспомнив свои визиты в этот университетский городок.

Он рассказал, как мог, но никакие слова в 1951 году не могли бы описать того дикого, феерического, возбуждающего, ужасающего, гротескного удара по всем чувствам, которые наносил этот город в конце семидесятых годов, семнадцатой декады двадцатого столетия.

— У тебя не было неприятностей с полицией?

— Нет. Я остановился в 1960 году, зарегистрировался под фальшивым именем и явился в 1969 году с регистрационной картой, где было сказано, что мне двадцать один год. Люди на улицах притягивали меня. Я бродил среди них, слушал их разговоры, оценки происходящего... Целый месяц я провел с радикалами. Странное существование со строгой конспирацией, демонстрации, попойки, неопрятные девушки...

— Да, твоё описание не слишком привлекает, — заметил я.

— Я уверен, что дядя Джек хотел, чтобы я почувствовал жизнь изнутри, чтобы я узнал, куда катится цивилизация, вскормившая меня. И теперь я изменился.

— М-м-м... Я бы сказал, что ты увидел какую-то новую роль, новое поле деятельности. Что случилось?

— Я предпринял путешествие в более далекое будущее.

— И?

— Док, — сказал он чересчур спокойно. — Вы можете считать себя счастливым. Вы уже старик.

— Значит, я умру? — сердце мое застучало.

— Ко времени катастрофы — несомненно. Правда, я не проверял. Однако я установил, что в 1970 году вы все еще были живы и здоровы.

Я удивился, почему он не улыбнулся, но потом понял: он не упомянул о Кейт.

— Война... Война со всеми ее ужасами придет позже, — продолжал он тем же звенящим металлическим голосом. — Но все ведет к нему, к этому шабашу ведьм, часть которого я видел в Беркли.

Он вздохнул, потер уставшие глаза.

— Я вернулся в 1970 год с ощущением, что волна надвигается, грозя затопить все. Но очень мало людей в 1970 году видели это. Очень мало. Они помогли мне напечатать и распространить это. Они считали меня ярым республиканцем.

— А ты не республиканец?

— О, боже, нет. Я не вижу ни одной политической партии, которая могла бы сделать что-нибудь полезное в течение трех-четырех поколений. Все они будут только хуже.

Он допил свой стакан, отклонив предложение наполнить его снова.

— Мне нужно сохранить голову свежей, док. Ведь мы должны разработать подходящую версию. Теперь я понимаю, что навлек на

себя серьезные неприятности. Правда, в том времени было бы то же самое.

— Время не меняется? — удивился я. — Значит, мы завязли в нем, как мухи в застывшем янтаре?

— Не знаю, не знаю. Но я знаю, что все мои усилия были напрасны. Мои первые друзья называли меня предателем, а других, новых, совсем мало. Мы не сможем распространять свои взгляды на всю страну, на весь мир.

— В политике нельзя ожидать чудес, — сказал я. — И нельзя верить тому, кто обещает их.

— Правильно. Я это тоже понял. Поэтому я решил, что мой долг — вернуться назад и оставаться с матерью. По крайней мере я смогу сделать этот мир менее ужасным для нее, — его тон смягчился. — Конечно, я сделал глупость, сохранив эту копию. Мне помогла сделать ее очень милая девушка... Ну что же, мне хотя бы повезло в одном: еще один человек будет знать тайну моей жизни. Только теперь я стал понимать, как был одинок.

— Ты один такой? — спросил я.

— Не знаю. Думаю, что не один. Таких, как я, конечно, очень мало. Но я думаю, что есть и другие путешественники во времени. Как мне найти их? — воскликнул он. — А если мы соберемся вместе, что мы сможем сделать?

ГЛАВА 5

Биркелунд ничего не смог извлечь из этого. Я увиделся с ним, рассказал, что этот памфлет написан для любительского спектакля и носит чисто сатирический характер. После этого я прочел ему нотацию, как нужно вести себя с приемным сыном и женой. Он выслушал ее, хотя и неохотно. В конце концов, как я уже говорил, он не был злым человеком.

И все же ситуация осталась взрывной. Джек добавлял к ней пороку своим надменным поведением.

— Он так изменился, — со слезами говорила мне Элеонора. — Даже внешне. И я не могу винить за эти трения Свена и его мальчиков. Джек ведет себя возмутительно.

Конечно, так оно и было. Как мог вести себя человек, ненавидящий этот дом, скукающий в школе, имеющий на плечах тяжкий груз знания будущего?

— Я думаю, — сказал я, — лучше всего предоставить ему свободу.

— Боб, но ему же всего восемнадцать лет, — запротестовала она.

Ему был уже двадцать один, а может, и больше, по моим подсчетам.

— Он достаточно взрослый, чтобы пойти в армию, — после паузы я продолжил: — Это даст ему шанс найти себя. Раз он пойдет добровольно, срок службы будет минимальным.

— Только после того, как он получит образование.

Я понимал ее разочарование.

— Он может учиться заочно, Элли. Или учиться во время службы. Там организуются курсы. Он способный мальчик и справится с учебой. Боюсь, что это единственное, что можно сделать для него.

Джек сразу же согласился. Он выяснил, что его могут послать в Европу.

— Там я буду изучать историю, — сказал он. — Кроме того, я буду изучать оружие и технику войны. Ведь в двадцать первом веке я, скорее всего, буду убит.

Армия, конечно, не была приспособлена для его темперамента, но он, тем не менее, получил необходимую тренировку, знания по электронике. И постоянно совершал путешествия в будущее, став старше еще на два года.

Его письма ко мне содержали лишь слабые намеки на происходящие события, так как они прочитывались Кейт. Мне было очень трудно скрывать от нее эту ужасную тайну.

И вот однажды он пришел ко мне и несколько часов показывал фотографии и рассказывал, рассказывал, рассказывал...

— Док, вы и представить себе не можете, как отличались друг от друга люди средних веков. Они были разными в разных местах, в разные годы...

Он видел легионы Цезаря, триумфально шествующие по Риму, видел узкие серые тени кораблей викингов в фиордах Осло, видел Леонардо да Винчи за работой... Однако у него не было времени посвятить себя наблюдениям. Много ли может узнать человек, попавший в совершенно чужую эпоху, если он едва может произнести несколько слов, если его каждую минуту могут арестовать, — уж слишком подозрительно он выглядит.

Я чувствовал себя предателем по отношению к Кейт. Но уж если Джек мог хранить тайну от своей матери, то и я должен хранить ее.

Представьте, если все узнают о том, что человек может путешествовать во времени? Ведь начнется столпотворение. Он станет жертвой тех, кто захочет узнать свое будущее, или попадет в руки жаждущих власти людей, станет игрушкой в руках тех, кто делает идеологию; другие будут пытаться уничтожить его, чтобы он не рассказал людям, что ждет нашу цивилизацию. И если он сможет пережить все это, то у него не останется другого выбора, как только бежать в иное время и там скрыть свой дар.

Нет, лучше хранить эту тайну с самого начала.

Но тогда какой смысл в этом фантастическом даре судьбы? Или проклятии?

— В конце своей службы я больше думал, чем путешествовал, — сказал он.

Мы плыли на лодке по озеру Винного. Джек вернулся домой уже две недели назад, но ему еще многое нужно было рассказать мне. У

него были дела и дома. Его мать разводилась с Биркелундом, оставляя дом, где испытала столько страданий, и ей требовалась моральная поддержка сына. Прошло два моих года — и теперь передо мной сидел мужчина, молодой мужчина, но уже испытывавший боль и смятение жизни. Джек Хейвиг, сидевший передо мной, теперь полностью владел собой.

Я отложил весла и достал трубку. Весна отражалась в голубой глади озера. Сладостью дышало от полей, зелени лесов, яблоневых садов. Дул легкий ветер. В его потоке медленно плыл в высоте ястреб.

— Да, у тебя было над чем подумать, — отозвался я.

— Во-первых, как происходит перемещение во времени.

— О, скажи мне, как оно происходит?

Он даже не улыбнулся.

— Я изучал физику, электронику, я стал специалистом в этих областях. И читал много специальной литературы. И все теории в один голос утверждают, что это невозможно. Все начинается с того, что для этого требуется огромное количество энергии.

— Э пур си муове, и все-таки она вертится.

— Что?.. А, да, док, я изучал итальянский, перед тем как посетить Италию эпохи Ренессанса. Я обнаружил, что Галилей никогда этого не говорил. Более того, он даже не бросал шаров с наклонной башни в Пизе. — Он открыл еще по бутылке пива для каждого из нас. — Но в этих разговорах об энергии есть кое-что, о чем не подозревает современная наука. Математики говорят, что путешествие во времени эквивалентно передвижению со скоростью, большей скорости света, что также не допускает современная наука.

Я смотрел, как кольца дыма тают в воздухе.

— Ты оставил меня далеко позади, — заметил я. — Я ничего не понимаю в твоих словах, кроме уверенности, что в твоём даре не замешана никакая нечистая сила.

Он кивнул:

— Да. Что бы это ни было, оно связано с законами природы, с соотношением «энергия-масса». Но тогда почему только я способен на это и никто больше? Поэтому я предположил, что это связано со структурой моих генов.

— Генов?

— Да. Через несколько лет будет открыт молекулярный базис наследственности.

— Что? — я резко выпрямился. — Ты должен рассказать мне об этом.

— Потом... потом. Я сообщу вам всю информацию по этому вопросу, хотя там еще многое неясно. Главное в том, что наши гены — это не просто матрица для воспроизведения организма. Они действуют всю жизнь, управляя организмом. Их можно назвать веществом жизни. Но весь механизм до конца наша цивилизация, пожалуй, не сможет понять. Она еще раньше уничтожит сама себя. Однако лично я предполагаю, что существует что-то вроде резонанса

в этих огромных молекулах. И если частота резонанса всех генов одинакова, то человек — путешественник во времени.

— Интересная гипотеза, — промямлил я. Для меня в его присутствии уже становилось обычным состояние ничегонепонимания.

— Я — эмпирическое доказательство этому, — сказал он с усилием. — Док, у меня было несколько женщин. Правда, не в этом времени. Для него я слишком застенчив и скован. Нет, в будущем времени и в прошлом. Там все это происходит гораздо проще. Тем более, что я окутан какой-то завесой таинственности.

— Поздравляю, — сказал я, не сумев придумать ничего лучше. Он смотрел на воду.

— Я не влюблен в них, — сказал он. — Если постель — это все, что от меня требуется, как, например, с девушкой из Дакоты три сотни лет назад, прекрасно. Но если требуется нечто большее, то я не могу на это пойти. Ведь тогда мне придется жить с нею всю жизнь. Думаю, что я никогда не свяжу себя женитьбой. Прежде чем вступить в связь с девушкой, я заглядываю на несколько лет вперед, чтобы убедиться, что связь со мной не причинит ей вреда.

После паузы он продолжал:

— Я отклоняюсь, но это важно для меня. Возьмем, к примеру, Мэг. Я был в Елизаветинском Лондоне. У меня почти не возникало проблем из-за незнания эпохи, хотя мне нужно было постичь произношение и жаргон того времени. Слиток серебра, который был со мною, мне удалось легко превратить в деньги, хотя я подозреваю, что торговец обманул меня. Во всяком случае, моего капитала хватило, чтобы снять комнату в маленькой гостинице и пойти в «Глобус». В общем, мне не хотелось особенно стеснять себя.

Однажды я оказался в бедном квартале. Какая-то женщина схватила меня за рукав и стала предлагать мне свою молодую дочь. Сначала я возмутился, а потом решил встретиться с бедной девочкой. Может, я смогу ей чем-нибудь помочь?

Она очень нервничала, но была решительной, и когда она мне все объяснила, я вынужден был признать, что для человека с независимой натурой лучше быть проституткой, чем вести честный образ жизни, но находиться у кого-либо в услужении.

Она была очень веселая, красивая, и она сказала, что с большим удовольствием будет иметь дело со мной, чем с кем-нибудь другим. Что мне было делать? Если бы я начал ее перевоспитывать, она не поняла бы ничего и прогнала бы меня или убежала бы сама, — он сделал глоток пива. — Олл райт, — сказал он. — Я переехал в более просторную квартиру и взял ее с собой. Мэг была женщиной очень молодой, но женщиной. Мы прожили вместе четыре года ее жизни.

О, разумеется, я совершал путешествия во времени, возвращаясь в двадцатый век. Иногда не очень часто я перемещался во Францию, хотя такие путешествия длились довольно долго. И я верил, что Мэг оставалась верна мне. Вам следовало бы видеть, как она отшивала

своих родственников, требующих, чтобы она облапошила меня. Я сказал ей, что нахожусь на службе Дании...

Впрочем, к чему детали? В конце концов, какой-то молодой коммивояжер влюбился в нее. Я дал ей приданое и благословил ее. Я даже проверил, что в ближайшие десять лет у них все будет нормально.

Он вздохнул:

— Док, она подарила ему полдюжины ребятишек, начиная с первого года семейной жизни. Но от менч у нее никого не было. И я решил, что ни одна женщина не может подарить мне ребенка...

Джек сообщил мне, что он даже прошел тест на дееспособность, который показал, что у него все в норме. И он, и я были смущены его откровенностью.

— Может быть, — медленно проговорил я, — ты мутант? Мутант до такой степени, что слишком сильно отличаешься от обычного человека?

— Да. Я думаю, что мои гены совершенно иные.

— Но если есть женщина, путешествующая во времени...

— Верно, док.

Он долго сидел молча, потом сказал:

— Главное, конечно, не в этом. Пожалуй, самое главное — найти других таких же, как я, если они есть, и попытаться предотвратить все грядущие ужасы. Я не могу поверить, что я — всего лишь бессмысленная случайность.

— Как ты предполагаешь найти их?

Его взгляд был пронзительно-холодным.

— Начну с того, что стану богатым.

Прошли годы, но я мало что знал о его делах. Время от времени он появлялся у нас, но я думаю, только для того, чтобы сохранить нашу дружбу, а не для того, чтобы держать меня в курсе дел. Все чаще и чаще он казался мне плодом моего воображения, настолько чужим он был в заботах нашего маленького городка, ритм жизни которого убыстрялся с каждым годом с ростом наших сыновей и другими повседневными проблемами. Но когда он появлялся вновь, как бы вынырнув из ночи, я снова бывал захвачен странной судьбой этого необычного человека.

Не хочу сказать, что он был фанатиком, хотя последовательно вынашивал идею спасения мира. Его интеллект развивался в самых разных направлениях, хотя преобладала история и антропология. К тому же судьба подарила ему способность быстрого познания языков. Мы с ним часто обсуждали, как незнание языков и способность быстро изучать их подрезает крылья путешественникам во времени. Сардонический юмор, сочетающийся в нем со среднезападной вежливостью, делали его весьма приятным собеседником. Он полюбил роскошную жизнь, но мог жить и в весьма скромных условиях, не жалуясь. Я заметил, что он очень равнодушен к красоте, как

естественной, так и к красоте настоящего искусства. Особенно он любил классицизм, барокко, китайскую музыку, красивые корабли и оружие, а также эллинискую архитектуру. Боже, если ты существуешь, я от всего сердца благодарен тебе, что мне удалось увидеть фотографию Джека Хейвига на фоне неразрушенного Акрополя.

Я был единственным, с кем он поделился своей тайной, но не единственным, кто был его другом. Теоретически он мог завести дружбу со всеми знаменитостями прошлого и будущего, такими, как Перикл, Эйнштейн, Шекспир, Линкольн... но практически это было трудно сделать. Кроме трудностей, связанных с языком, законами, обычаями, всем укладом жизни, существовали трудности вхождения в контакт: все знаменитости обычно очень заняты. Нет, Хейвиг рассказывал мне о таких людях, как его маленькая Мэг, которая уже триста лет назад обратилась в прах, или горный человек, сопровождавший еще Льюиса и Кларка, или старый усатый солдат армии Наполеона...

— История не стремится быть лучше, док, совсем не стремится. Мы только воображаем себе это. Но подумайте, отбросьте все романтические легенды и оставьте только голые факты. Ведь, к примеру, в 1800 году, когда Франция захватила всю Европу, никак не могла бы возникнуть Первая мировая война, в которой западная цивилизация сама бы стремилась перерезать себе горло. А мы сейчас еще кровоточим от ран, которые нанесли сами себе в 1914 году.

Иногда он предпринимал путешествия во времени в чисто развлекательных целях.

— Если быть честным, — как-то ухмыльнулся он, — то мне все больше и больше нравятся низкопробные развлечения.

— Париж Тулуз-Лотрека? — спросил я. Он уже сообщил мне, что ранний декаданс, в основном, был создан людьми из высших классов, которые подвизались — и не без успеха — в искусстве.

— Нет, там я еще не был, — признался он. — Как-нибудь побываю. Но Старквилль в цвету...

Его не интересовала проституция. Он уже много знал о том, какими жестокими могут быть условия жизни людей, и к чему это может привести. Он любил ранний джаз, любил компанию тех молодых людей, о которых он сказал, что эти парни гораздо более реальны, чем молодежь нашего времени, не говоря уже о семидесятых годах.

А тем временем он делал себе состояние.

Вы можете подумать, что это было легко. Достаточно посмотреть на цены в 1929 году и в наше время.

На самом деле это не так. Что он мог делать?

Он мог покупать в Европе серебро или золото и обменивать его на деньги в XIX или XVIII веке. Он мог покупать марки или монеты прошлого и продавать их коллекционерам. Он мог взять с собой

алюминиевые предметы и переместить их в ту эпоху, когда алюминий стоил дороже золота. Но это все были мизерные сделки. К тому же они были ограничены тем, что Джек не мог переносить больших тяжестей. Кроме того, он не хотел обращать на себя внимание.

Он рассматривал возможность вкладывания денег в предприятия, чтобы стричь купоны, но правила этой игры были настолько сложны, что он не хотел тратить время на их изучение. И еще: ему хотелось основать свое богатство в своем собственном времени.

В конце концов он преуспел в своем намерении. Правда, он не рассказал мне подробностей операции. Я знал только самую общую картину.

Джон Франклин Хейвиг основал фонд, который доверил одному из самых надежных банков, и распорядился, чтобы проценты выплачивались «любому его наследнику мужского пола» по достижении двадцати одного года. А затем Джон Франклин Хейвиг в 1964 году обратился в банк и стал обладателем миллионного состояния. Сенлакская «Трампет» с трепетом сообщила о рождении нового миллионера, получившего наследство от дальнего родственника.

— Вот и все, — сказал он мне. — Теперь мне нужно только выписывать чеки.

Я должен еще упомянуть о помощи, которую он оказал матери и некоторым другим людям. Но в целом благотворительностью он не занимался.

— Это не выход, док, — говорил он мне. — Благотворительность — это все равно, что лечить насморк, когда надвигается эпидемия чумы.

Но я знал, что он, тем не менее, помог нескольким несчастным и сделал большой вклад в какую-то либеральную организацию.

— Мы нуждаемся в резервах для жизни, — сказал он. — Всех форм жизни. Нетронутые уголки природы нужны нам сегодня для духовного совершенства. А завтра — для сохранения самой жизни на Земле.

— Будущая война, — говорил Джек, — будет не просто выяснением отношений между капиталистическим и коммунистическим миром, как мы представляли в пятидесятых годах. Я могу лишь очень слабо представить себе, что произойдет. И неудивительно. Никто сейчас, да и в будущем, не может дать точного анализа последствий. Док, ученые много спорят о причинах и последствиях прошлых войн, но никто не задумывался, к чему может привести будущая. А ведь достаточно вспомнить о гигантском облаке пыли, которое окутает землю после ядерных взрывов, чтобы понять: Землю ждет новый ледниковый период.

У него сложилось впечатление, что Третья мировая война, как и Первая, — это конфликт, которого все ждут, но никто не хочет, и о последствиях которого никто не задумывается. Он считал, что более

важны экологические послевоенные проблемы, чем политические и идеологические.

— Я уверен, что в пустыню обратятся огромные области планеты. И не только в пространственном смысле, но и во временном. Вы знаете, док, что океан снабжает атмосферу половиной кислорода? В 1970 году инсектициды будут обнаружены и в планктоне. А в 1998 году океан превратится в зловонную клоаку, к которой даже подойти будет страшно.

— Но это все можно предсказать и представить, — заметил я.

Он поморщился:

— О, да. Сейчас много говорят о защите окружающей среды. А она буквально бьется о ветровые стекла огромных автомобилей, принадлежащих волосатым бесцеремонным молодым людям. И эти автомобили загаживают землю и воздух... Люди стали совершенно беззаботными.

Это логическое заключение из общей тенденции. Я знаю, глупо всю вину возлагать на тех, кто готовит будущую войну. Тем более, что я до сих пор не знаю, как она возникла. Но, док, я имею моральное право утверждать, что большая часть зла произрастает в этой стране, самой могущественной в мире, передовой как в хорошем смысле, так и в плохом. Америка не хочет ощутить свою ответственность за ту мощь, которой она обладает.

Америка сделает попытку наказать своих врагов в Азии, но эта попытка будет не очень уверенной, и Америка потеряет много своих сынов из-за ничтожной цели. Надеясь сложить нескладываемое, Америка растеряет своих последних друзей. Люди, которые будут выбраны в правительство, будут бороться с инфляцией, повышением цен, повышением налогов, а это все равно, что заклеивать бумагой трещины в фундаменте. Экономический комплекс приведет к немощной международной политике. Белое большинство попытается свалить все экономические трудности на спину цветного меньшинства, последние начнут бунтовать, и в этом мятеже погибнут последние остатки прогресса. А наши глупые попытки сбалансировать то, что мы берем из окружающей среды, и то, что мы вкладываем в нее...

Сначала американцев схватит чувство вины. Затем постепенно они станут апатичными. В Америке создадутся огромные запасы денег. Их жизненные потребности будут полностью удовлетворены, но что касается духовной жизни...

И вот в феврале 1964 года Хейвиг вступил во владение наследством, которое создал сам для себя. После этого он постарался зачеркнуть свое прошлое, и всю оставшуюся жизнь он называл себя не иначе, как «дядюшка Джек». Я спросил его, что он намеревается делать дальше, и он ответил:

— Я хочу узнать как можно больше о том, что нас ждет.

Я задумался, но подавил желание спросить его о своем будущем.

Теперь я понимаю, сколько бы ему пришлось рассказывать о моем будущем до дня смерти Кейт.

Я никогда не спрашивал Хейвига, видел ли он раньше могилу Кейт. Может, он и знал все, но молчал об этом. Как врач, я знаю, что такую информацию очень трудно хранить и при этом улыбаться.

Теперь Хейвиг занимался в нашем университете, а в перерывах между занятиями делал визиты в прошлое... Он больше не хотел, попадая в чужое общество, оставаться немым. Более того, он хотел иметь базу, с помощью которой он мог бы изучать изменения языка со временем, в прошлом и будущем.

Он сконцентрировался на латинском и греческом, который был более распространен во времени и пространстве, чем классический. Кроме того он занимался французским, немецким, итальянским, испанским, португальским, еврейским, арабским, арамейским и одним из языков полинезийской группы.

— Там была цивилизация еще до наших темных веков, — сказал он мне. — Я никак не мог попасть в ту эпоху, попадал либо в ее начало, либо в конец. Ты понимаешь, очень трудно понять чужую эпоху. Предположим, ты — путешественник во времени из Египта времен фараонов. И ты попадаешь в сегодняшний мир и изучаешь его. Многие действия людей абсолютно непонятны тебе, более того, ты даже не можешь понять, хорошо то, что они делают, или плохо. Потребуются многие годы, чтобы хоть немножко научиться понимать мир.

Поэтому я хочу начать со старых эпох, откуда можно перекинуть мостик к будущим временам.

Он подробно изучал историю. Можно даже сказать, стал профессиональным историком. Побывав во многих жестоких эпохах, он говорил, что ни мрачное средневековье с его сожжением еретиков, ни массовая резня где-нибудь в Турции не сравнятся по жестокости и ужасу с тем, что ждет Землю в будущем.

— Тогда погибнут почти все люди. Надеюсь, что моих коллег, путешественников во времени, эта участь не постигнет, и я смогу встретиться с ними когда-нибудь в более счастливых или, вернее, в менее несчастных эпохах.

А когда ему биологически исполнилось тридцать лет, ему повезло. Это случилось в Иерусалиме, в день Распятия на Кресте.

ГЛАВА 6

Он рассказал мне о своих планах в 1964 году. Его политика заключалась в следующем: разделить эти двадцать веков так, чтобы его личный календарь и официальные календари не слишком расходились.

После этого я долго не виделся с ним. Он больше не жил в Сенлаке, а переехал в Нью-Йорк, где устроил себе штаб-квартиру. Правда, он иногда наведывался и к нам. Кейт находила это очень

трогательным. Я тоже, хотя знал, что он просто нуждается во мне, ведь я был его единственным доверенным лицом.

— Ну что ж, ты был прав, — сказал я, выслушав его. — Это именно тот момент, когда каждый путешественник во времени, если он христианин, захочет оказаться в Иерусалиме. Почему ты не сделал этого раньше?

— Это не так просто, док. Это очень сложное путешествие на абсолютно чужую территорию. А точная дата? Или даже сам факт?

— Ты имеешь в виду, что сомневался в исторической личности Христа. Я знаю, ты атеист, но тайна вокруг его имени...

— Док, кем он был, был ли он, представляет для меня не только академический интерес. Люди с тех пор прожили века с этой верой. Моя жизнь, я уверен в этом, дана мне не для того, чтобы я занимался чистыми исследованиями, хотя мне бы очень хотелось. Я видел слишком много человеческих несчастий. Путешествие во времени имеет свою реальную ценность: с его помощью можно попытаться спасти человечество, — он улыбнулся. — Вы знаете, док, что я не святой. Но я хочу что-то сделать.

Он улетел из Нью-Йорка в Израиль в 1969 году. К этому времени евреи уже закрепились в Иерусалиме, и по нему можно было ходить более или менее спокойно. Из своего отеля он направился по иерихонской дороге, неся с собой сумку, пока не добрался до апельсиновой рощи, где можно было укрыться. Здесь он дождался ночи и начал готовиться.

Арабский костюм он купил в лавке для туристов. Продавец заверил его, что именно так одевались арабы в библейские времена. Нож, больше для еды, чем в качестве оружия, он прицепил к поясу. Огнестрельное оружие он почти никогда не брал с собой. В кожаном мешке был арабский разговорник (для американских студентов), пища, кое-какая посуда, желудочные таблетки, антибиотики, дезинфицирующие средства и деньги (несколько монет эпохи Римской империи и небольшой слиток золота, который можно было обменять).

Хейвиг сложил современную одежду в мешок, затем взял последнее из своего снаряжения. Он называл этот прибор «хронолог». Тот был разработан им и изготовлен по его указаниям в 1980 году на основе последних достижений электроники.

Я видел этот аппарат. Это был ящик с ручкой для переноски, размером 24 и 12 и на 6 дюймов. Открыв крышку, можно было увидеть ручки управления и индикаторы. В ящике размещался миниатюрный компьютер, питающийся от никель-кадмиевой батареи. Вес аппарата составлял пять фунтов, половину того веса, который Хейвиг мог брать с собой. Этот прибор представлял для него большую ценность.

Представляете: он планирует перенестись в прошлое или будущее и в определенный момент. Как ему это сделать? На небольшом промежутке времени можно ориентироваться по смене дня и ночи, отсчитывать их. А если дальше? На тысячи лет? Здесь-то его и выручает хронолог, отсчитывая время с большой точностью.

Ночь была ясная, холодная. Даже пар шел изо рта при дыхании. На севере светились огни Иерусалима, а со всех сторон плотная тьма, пересекаемая лишь огнями редких домов и фарами проезжающих машин. Хейвиг сориентировался по Луне и звездам, выставил точное время по Гринвичу, затем pokrutil верньер, установил стрелку на деление, соответствующее определенной дате.

Дата точно не установлена, напомнил он себе. Но, во всяком случае, эта дата больше похожа на правду, чем все остальные. Он рассмеялся. Единственное, в чем можно быть уверенным, это то, что все произошло в середине зимы. Иначе как бы пастухи могли уйти из своих домов пасти стада?

Он сделал несколько глубоких вдохов и выдохов, чтобы насытить кровь кислородом. Затем набрал полную грудь воздуха, но не напрягаясь, чтобы не тратить энергии, — и погрузился в силовое поле Земли.

Как он мне рассказывал, ощущение было примерно такое, как у пловца, преодолевающего сильное приливное течение. Он перемещался во времени, и тишина окружала его. Он замечал только солнечные восходы и закаты.

Вот он увидел взрыв, призрачный, бесшумный. Может, это Война за Независимость? Или эпизод Первой мировой? Но это было уже позади. В туманной ночи XIX века он решил остановиться, чтобы снова глотнуть свежего воздуха. Еще он хотел сориентироваться по звездам, хотя хронолог никогда еще его не подводил. Однако ему это не удалось. Поблизости оказались несколько всадников, видимо, турецкие воины. Они не увидели его в темноте, и он продолжил свой путь.

Остановившись в другой раз, он заметил, что местность вокруг изменилась. Контуры оставались те же самые, но вокруг росли деревья, простирались возделанные поля. Видимо, эта местность периодически страдала от засух, так как ранее он видел здесь пустыню и знал, что она будет пустыней в том времени, куда он направлялся. Вдали он увидел огромный стадион. Видимо, здесь крестоносцы устраивали свои турниры, пока Салладин не вышвырнул их из своего пропахшего кровью королевства.

Остановки для дыхания становились все чаще. Путешествие истощало его силы. И им овладело возбуждение: ведь всего через несколько часов осуществится его мечта. Сердце тяжелым молотом бухало в груди.

На панели хронолога замигала лампочка.

Маленький прибор с огромной скоростью проделал все вычисления, учитывая возможные возмущения электромагнитного и гравитационного полей Земли, и определил нужное время с большой точностью.

Вспыхнул красный свет. Хейвиг прибыл на место назначения.

Заканчивалась ночь с четверга на пятницу. Если верить Библии, то уже состоялась Тайная Вечеря, канули в прошлое душевные муки в Гефсиманском саду, и Иисус уже лежал связанный, ожидая решения своей судьбы. Его скоро приведут к Пилату, осудят, распнут на кресте, пронзят копьем, объявят мертвым и похоронят.

— Они привязывают на кресте, — говорил мне Хейвиг. — Гвозди не выдержат тяжести тела, и ладони порвутся. Иногда гвозди все же вбивают, но в дополнение к веревкам. Это просто специальное наказание, так что можно сказать, что Библия в этом вопросе правдива, — он закрыл лицо руками. — Док, я видел, как они висят: черные, распухшие, языки высунулись наружу, они не могут даже стонать, только хрипят, никаких мыслей в их обезумевших глазах. Ужас, ужас. Воистину счастлив тот, у кого слабое здоровье, и он может быстро дожидаться смерти... В огромной толпе, может быть, найдется несколько родственников или друзей, но они не могут выказать свое горе, не могут даже плакать. Остальные в толпе отпускают шуточки, смеются, едят, пьют, поднимают на руки детишек, чтобы им было лучше видно... Что же такое человек?

А чем мы лучше? Ведь наш век — это век Воркуты и Бухенвальда, век Бельгийского Конго и юга Соединенных Штатов. Может быть, в такие моменты я совсем не завидовал его способности путешествовать во времени.

Утро высветило восточное небо. У него за спиной оказался чей-то сад, а вдаль он увидел дома. Дорога представляла собой сплошную грязную жижу. Вдалеке, прячась в утреннем полумраке, раскинулся на холмах Иерусалим — город царей Иродов и римских проконсулов. Он был гораздо меньше того Иерусалима, каким он стал через два тысячелетия. Вблизи городских ворот были раскинуты шатры и палатки. Это окрестные жители пришли в священный город на святую неделю. Воздух был холодным и пах землей. Слышалось пение птиц.

— Раньше всегда было много птиц, — говорил мне Хейвиг.

Он сидел на земле, задыхаясь, пока наконец не пришел в себя. Почувствовав сильный голод, он взял кусок овечьего сыра и ломоть хлеба. Жадно пережевывая, он с удивлением подумал, что ест самую обычную для этого периода времени и места на Земле пищу. Пищу, которую ел сам Христос.

Если он существовал. Никогда на Земле не переводились ученые, считавшие, что Христос — это просто миф, вроде какого-то Озириса-Митры. Предположим, что его не было. Вернее, был, но совсем не такой, каким его изображают церковные книги, не живым воплощением Создателя Вселенной. Была бы жизнь на Земле лучше, если бы люди следовали его заветам?

Хейвиг задумался, но вдруг вспомнил о своей цели. Он вздохнул и поднялся. Из-за горизонта появилось солнце.

Хейвиг пошел по дороге. Вскоре к нему присоединилась группа людей.

Люди встали затемно. Они убрали дома, приготовили пищу, сделали все дела, так как завтра была суббота. Бородатые люди в лохмотьях подгоняли тощих ослов, нагруженных товарами. Дети, едва начавшие ходить, перебирали зерно возле шатров, а те, что были чуть постарше, выгоняли овец на пастбище. Хейвиг шел по дороге, и вместе с ним шли к городу шейхи, священники, бродяги, крестьяне, какие-то полупьяные девицы, два торговца из Анатолии в широкополых шляпах. И вдруг он услышал топот копыт и лязг железа. Это проехал отряд римлян, возвращающихся в город после ночного патрулирования.

Я видел его фотографии, и легко могу представить себе эту картину. Она была гораздо менее красочна, чем вы можете вообразить, вы, живущие в мире анилиновых красителей. Ткани тогда были, в основном, серого, тускло-коричневого, грязно-голубого тонов. Но шум стоял невероятный. Пронзительные вопли, смех, ругательства, обрывки песен, звучание музыкальных инструментов, шарканье ног, скрип колес, стук копыт, лай собак, блеяние овец, фыркание верблюдов — и над всем этим птичьи трели. Эти люди не были чопорными англичанами: при разговоре они отчаянно жестикулировали, рубили воздух ладонями, хлопали друг друга по спине или по плечу, стискивали зубы, хватались за кинжалы, чтобы через секунду, отбросив свою ярость, залиться жизнерадостным смехом. А запахи! Едкий лошадиный пот, пот людей, дым угасающих костров, запахи готовящейся пищи, запах навоза, запах седельной кожи, нагретой на солнце. Хейвиг ненавидел это время, когда в живых людей вбивали гвозди, но, наблюдая жизнь простых людей, он не испытывал ни омерзения, ни презрения.

Ворота Иерусалима были открыты. Сердце Хейвига забилося еще сильнее...

И он нашел.

Это случилось почти сразу. Пальцы коснулись его спины. Он повернулся и увидел невысокого широколицего человека, одетого, как и Джек, тоже безбородого, с короткими волосами и светлой кожей.

Лицо незнакомца было покрыто потом. Стараясь перекричать шум толпы, он спросил:

— Эс ту перегинатор темпорис?

Он говорил с сильным акцентом поляка XIII века, но Хейвиг, изучавший как классическую, так и вульгарную латынь, понял его.

— Ты путешественник во времени?

Хейвиг в первый момент даже не мог ответить. Он утратил чувство реальности. Вот конец его поискам!

Или их поискам.

Хейвиг был высокого роста, необычайного для этой местности. Он оставил голову непокрытой, чтобы можно было видеть его

волосы и нордические черты лица. Иерусалим в те годы был достаточно космополитичен. И в нем свободно могли жить иностранцы. Хейвиг надеялся, что его собраты узнают в нем одного из своих, узнают человека, чуждого этому времени. И вот его надежда сбылась.

Они сидели в таверне и разговаривали: Вацлав Красицкий из Варшавы 1738 года, Хуан Мендоза из Тихуаны 1924 года, и те, кого они нашли.

Джек Хейвиг. И Конрад ван Левен, воин, прибыл сюда, чтобы с помощью меча освободить Спасителя, когда тот понесет свой крест на Голгофу. Его спас Красицкий за мгновение до того, как римский легионер был готов выпустить ему кишки. Он ошеломил брабантца вопросом: «Откуда ты знаешь, что этот человек — твой Господь?» И седобородый монах-ортодокс, говоривший только на хорватском языке и отзывающийся на имя Борис. Видимо, он прибыл из семнадцатого века. И тощая женщина, которая сидела, не поднимая глаз от своей миски, и говорила на языке, которого никто не мог понять.

— И это все? — недоверчиво спросил Хейвиг.

— У нас есть еще несколько агентов в городе, — ответил Красицкий. Они говорили по-английски. — Мы встретимся в понедельник, а потом... хм, после Вознесения. Предположим, что они найдут еще несколько путешественников, но все же нас будет слишком мало, чтобы мы могли надеяться совершить что-нибудь существенное.

Хейвиг осмотрелся. Посетители сидели, скрестив ноги на грязных коврах, и пили из глиняных чашек, которые мальчик-слуга наполнял из бурдюка. Вокруг бурлил Иерусалим. О, Святая Пятница!

Краицкий был спокоен. Он сказал, что оставил свой город и свою эпоху ради Французского Просвещения. Шепотом он сообщил, что его партнер Мендоза — гангстер. Вернее, он сказал «наемник», но смысл этого слова Хейвигу был понятен. «Мне лично плевать на то, что какого-то еврейского портного, страдающего излишней любовью к проповедям, казнят, — сказал он, ухмыляясь. — Но ты относишься к этому иначе, да? Что ж, по крайней мере среди нас появился один разумный человек».

Хейвиг спросил:

— Неужели нас, путешественников во времени, так мало?

Краицкий пожал плечами:

— Кто знает? Многим не так просто прибыть сюда. В твоё время достаточно сесть на самолет — и ты здесь через несколько часов. А в другие эпохи это связано с большими трудностями. Мы читали о средневековых пилигримах. Но сколько было их в пропорции к общему населению? Сколько их погибало в пути? Кроме того, некоторых путешественников во времени нам просто не найти, так как они не желают быть найденными. А может, они даже не подозревают, что есть подобные им, которые ищут их.

Хейвиг посмотрел на него, на непроницаемого Хуана Мендозу,

на полупьяного Конрада, грязного Бориса, неизвестную сумасшедшую женщину и подумал: «Естественно. Нельзя же было ожидать, что дар путешествия во времени будет распространяться выборочно. Нет, им обладают люди самого разнообразного интеллекта и направления ума. С какой стати я решил, что представляю собой нечто необычное, специфическое?»

— Мы не можем тратить много времени на поиски, — сказал Красицкий. — Нас слишком мало, — он хлопнул Хейвига по колену. — О, Святая Богородица, как обрадуется Сахэм, когда узнает, что мы нашли тебя!

В конце вечера еще были найдены отшельник из Сирии третьего века и авантюрист из Ионии второго века после Рождества Христова. Сказали еще об одной женщине, видимо, коптской христианке. Но она скрылась прежде, чем ее успели задержать.

— Плохой урожай, — хмыкнул Красицкий. — И все же...

И он повел свою группу. Сначала они остановились после Пятидесятницы, затем отправились в двадцать первый век.

Пыль клубилась над пустыней. От Иерусалима ничего не осталось, кроме костей и нескольких руин. Но тут их ждал остроносый самолет, с вытянутыми назад крыльями и атомным реактором. Видимо, командование так и не успело ввести этот военный корабль в действие, застигнутое врасплох нападением противника.

— Мы летели через Атлантику, — говорил мне Хейвиг. — Штаб-квартира была устроена там, где когда-то был Висконсин. Да, они позволили мне забрать хронолог из моего тайника. Хотя они никак не могли понять, зачем он мне нужен. Сами они пользовались для определения точного времени возвращения маяком. И не любили долгих путешествий в прошлое, так как это укорачивало длительность жизни.

В конце двадцать первого века жизнь в Америке только-только начала возобновляться. Все селения, в том числе и наша штаб-квартира, были под сильной охраной, так как в любую минуту могли подвергнуться нападению бандитов и мародеров...

Я не знаю, видел ли мой друг Хейвиг Иисуса Христа.

ГЛАВА 7

После сотни лет разрухи и опустошения изменения были довольно значительными. Почва оправилась от загрязнения и начала плодоносить, что способствовало росту населения. Хлебные поля раскинулись среди низких холмов под летним небом, по которому гуляли легкие облака. Выросли деревья, в листья которых пели птицы и шумел ветер. Люди были заняты работой. У них не было ничего, кроме ручных инструментов и машин, приводимых в движение животными, но зато это были прекрасно изготовленные вещи. Опыт человечества не пропал даром. Все люди были похожи друг на друга, так как мужчины и женщины были одеты абсолютно одинаково, в

голубые рабочие брюки и куртки. Их лица были обветрены, покрыты прочным загаром, волосы отросли до самых плеч, все мужчины носили бороду. Люди были довольно низкие, по стандартам нашего времени, у многих были очень плохие зубы — или же их не было совсем. И все же они были гораздо счастливее своих предков эпохи Судного Дня.

Люди поднимались, чтобы поприветствовать путешественников, возвращавшихся с аэродрома, а затем сразу же возобновляли свою работу. Иногда встречались солдаты верхом на лошадях. Они были одеты в голубую форму, стальные шлемы, вооружены кинжалами, луками со стрелами, топорами и пиками, на которых развевались красные флажки. Они почтительно салютовали путешественникам.

— Видимо, вам приходится быть готовыми ко всему? — беспокойно заметил Хейвиг.

— А что делать? — рявкнул Красицкий. — Большая часть мира, в том числе и этот континент, находится в состоянии варварства и дикости. Мы не можем снабжать всех продуктами и другими средствами жизни. Нас окружают монголы. Они могут нахлынуть, как торнадо, если мы снимем наши защитные линии. Наши солдаты охраняют рабочих от бандитов. Эти люди должны быть благодарны нам за все то, что мы делаем для них.

Средневековый уклад жизни повторялся и в городе. Семьи не жили в отдельных домах. Они селились вместе вблизи крепости, под ее защитой, и вместе работали. В отличие от средневековых городов, здесь было довольно чисто, хотя и недоставало того шарма, которым отличались города древности. Однообразные кирпичные дома, стоящие вдоль асфальтовой полосы дороги — все было размеренно и скучно, как в любом городке Викторианской эпохи. Должно быть, пришло на ум Хейвигу, это следствие полной разрухи и необходимости быстрого восстановления, а в таких условиях приоритет приобретают быстрота и прочность, а не красота. Да и экономические соображения играли здесь не последнюю роль. Компания двигалась дальше. Хейвиг заметил деревянное здание причудливой архитектуры, какой-то азиатский стиль. Красицкий сказал ему, что это замок, где люди молятся Ясу и приносят жертвы Октаю, божеству монголов.

— Дайте людям религию, сделайте жрецов своими союзниками — и люди будут подчиняться вам, — сказал Красицкий.

Хейвиг поморщился:

— А где же тогда виселицы?

Краицкий удивленно посмотрел на него:

— Мы не практикуем публичных повешений. За кого ты нас принимаешь?

После паузы он добавил:

— Неужели ты думаешь, что мы могли бы сохранить человечество в эти жестокие десятилетия только с помощью сладкой водички проповеди?

Впереди показалась крепость. Высокие кирпичные стены с

бойницами, ров с водой из реки, окружающий стены. Архитектура замка тоже носила печать функциональной направленности, которая лежала на всем городе. По обеим сторонам ворот и вдоль всех стен были установлены тяжелые пулеметы, несомненно, собранные из частей, оставшихся от прошлого. По равномерному шуму Хейвиг догадался, что в крепости работают несколько генераторов, приводимых в движение моторами.

Часовые приветствовали подъезжающих. Запели трубы. Опустился подъемный мост, и копыта лошадей зацокали по каменным плитам небольшой площади.

Группа Красицкого прибыла в замок. Со всех сторон к ним сбегались люди, что-то возбужденно крича. Судя по ливреям, это были, в основном, слуги. Но Хейвиг почти не обратил на них внимания, так как оно было поглощено той, что уверенно прокладывала путь через толпу, пока не встала прямо перед ними.

Она заговорила громко, возбужденно. Хейвиг едва понимал ее хриплую речь.

Женщина была почти одного роста с Джеком. Крепко сбитая, с широкими плечами и бедрами, сравнительно маленькой грудью, большим ртом, прекрасными зубами. Правда, двух зубов у нее не было. Потом он узнал, что их ей выбили в драке. Волосы, густые и тяжелые, спускались до пояса, в ушах болтались варварские серьги — большие медные кольца. Глаза у нее были карие и немного раскосые, под тяжелыми густыми ресницами, загорелая кожа в нескольких местах была обезображена шрамами. В общем, в ней чувствовалась примесь азиатской или индейской крови. Одета она была в просторную красную тунiku и кожаные сапоги. На поясе нож, револьвер, лента с патронами, на цепочке болтался вырезанный из кости череп ласки.

— Откуда ты? — ее палец ткнулся в грудь Хейвига. Затем последовал взрыв хохота. — Ты должен все рассказать, приятель.

— Сахэм ждет нас, — напомнил ей Красицкий.

— О'кей. Я тоже буду ждать, но не очень долго, слышишь?

Когда Хейвиг прыгнул с лошади, она обхватила его руками за шею и крепко поцеловала в губы. От нее пахло солнечным светом, кожей, потом, дымом... и женщиной. Так он встретился с Леонсой Народа Ледников, Скулой Вахорна.

Они находились в кабинете, размеры которого и роскошь убранства поражали. Пол был покрыт темно-серым ковром с густым ворсом, стены отделаны панелями темного дуба. Шторы на окнах тяжелые, отливающие мягким блеском. Хейвиг присмотрелся и понял, что они сшиты из меха норки. Благодаря своей массивности и тщательности отделки, стол, стулья и диван были неотъемлемой частью этой эпохи, этого замка, но, насколько смог заметить Хейвиг через открытые двери, они контрастировали с аскетизмом обстановки в других помещениях. На стенах в серебряных рамках

висели фотографии. На одной из них, старинном дагерротипе, была изображена печальная женщина в платье девятнадцатого века. Остальные фотографии были сделаны современными камерами с телеобъективом. Хейвиг узнал Сесилия Роде, Бисмарка, молодого Наполеона. Однако не смог узнать желтобородого человека в восточном халате.

Из окон кабинета, находившегося на пятом этаже замка, открывался вид на город и его окрестности. Полуденный свет лился через стекло. Приглушенно стучали двигатели генераторов.

— Не хочешь послушать музыку? — Калев Уоллис включил миниатюрный магнитофон, сделанный во время, непосредственно предшествующее Судному Дню. Зазвучала музыка. Уоллис уменьшил громкость и сказал:

— Это произведение очень подходит к данному моменту. Я ужасно рад, что ты с нами, Хейвиг! — Хейвиг узнал Шествие Богов из «Золота Рейна».

Все остальные, что пришли с ним, включая и проводников, уже исчезли. У Уоллиса была с ними лишь коротенькая беседа, причем он не скрывал своего пренебрежения к этим людям.

— Но ты совсем другое дело, — сказал Сахэм Хейвигу. — Ты именно такой, какие нам очень нужны. Хочешь сигарету?

— Я не курю.

Уоллис долго стоял, а затем произнес как бы про себя, но достаточно громко:

— Я основатель и господин этого государства. Мы здесь поддерживаем дисциплину и субординацию. Меня называют «сэр».

Хейвиг взглянул на него. Человек среднего роста, среднего телосложения, с грубо слепленным плосконосым лицом, густыми бровями, серо-рыжими усами, которые переходили в бакенбарды. Он весь был в черном, с серебряными пуговицами и эмблемами. Воротник, эполеты и обшлага были украшены золотом. За поясом были кинжал в богатой оправе и автоматический пистолет. Однако, в нем не было ничего смешного. Напротив, он внушал почтение. Голос его звучал уверенно и мог бы производить гипнотическое воздействие, если бы Уоллис захотел этого. Его маленькие светлые глаза смотрели уверенно, с превосходством.

— Вы понимаете, это все ново для меня, — наконец сказал Хейвиг. — Мне нужно время, чтобы привыкнуть... сэр.

— Конечно, конечно, — просиял Уоллис. Он хлопнул Хейвига по спине. — Все будет в порядке. Ты далеко пойдешь, мой мальчик. Здесь нет границ для человека, который знает, что он хочет, и имеет все, чтобы добиться своей цели. Ты ведь тоже американец. Честный добрый американец! Из той Америки, которая была сама собой. К сожалению, среди нас мало таких, как ты.

Он опустил в кресло:

— Садись. Нет, подожди. Видишь мой бар? Я выпью бурбона на два пальца. А себе налей что хочешь.

Хейвиг поискал глазами соду и лед, но, к своему удивлению, не

нашел. Ну что ж, видимо, Уоллису это и не нужно, а вкусы других его не интересуют.

Усевшись в кресло со стаканом рома в руке, он посмотрел на Сахэма и сказал:

— Я мог бы рассказать свою биографию, сэр, но думаю, что будет полезно сначала познакомиться с этим государством, 'Ээрией...

— Конечно, конечно, — Уоллис кивнул большой головой и затянулся сигаретой. Дым был очень едким и кислым. — Но сначала несколько фактов из твоей биографии. Родился в... 1933, ты сказал? Что ты думаешь о своем времени?

— Что? Хм... Ничего хорошего. Я перемещался в будущее, чтобы узнать, что ждет впереди.

— Это все моральное разложение, Хейвиг. Ты понимаешь это, не правда ли? — внезапно голос Уоллиса загремел. — Цивилизованные люди стали врагами друг другу: сначала — в войне, затем — в моральном плане. Империя белого человека рухнула быстрее, чем Римская. Все, что было завоевано лучшими сынами расы, было потеряно за одно поколение. Раса потеряла свою гордость. Предатели — большевики и международные евреи, занимающие высокое положение — внушили простому белому человеку, что будущее мира за черными. Я видел все это, я изучал твою эру. Ты, живущий в то время, видел это?

Хейвиг задумался:

— Я видел глупость, предубеждение, суеверия. Грехи отцов часто передаются детям.

Уоллис решил не обращать внимания на отсутствие почтительного обращения. Он улыбнулся и снова заговорил:

— Знаю, знаю. Не думай, что я расист. Многие из цветных вполне приличные люди. Зулусы, например, или индейцы апачи, или японцы. Путешественники этих рас, которых мы можем найти, займут достаточно высокое положение среди наших агентов, какое займешь и ты. Черт побери, я восхищаюсь вашими израильтянами, по крайней мере, теми их действиями, о которых я слышал. Нечистокровный народ, не имеющий ничего общего с библейскими евреями. Прекрасные солдаты и умницы. Я вообще отношусь с симпатией к тем, кто сохраняет свое национальное лицо и гордость. И меня выводят из себя те, кто использует такие выражения, как ниггер, краснокожий, чанк, кайк, уоп... Ты знаешь, о чем я говорю. И среди таких очень много чистокровных белых, которые либо полностью утратили разум, либо продались врагам.

Хейвиг гадал, что же послужило основой для расистских взглядов Сахэма. И вспомнил, что еще Авраам Линкольн говорил о врожденной неполноценности негров.

— Сэр, — осторожно начал он, — я думаю, что нам не стоит спорить, пока мы окончательно не выясним терминологию друг друга. А сейчас лучше поговорить о чисто практических вопросах.

— Ну, конечно, — прорычал Уоллис. — У тебя есть мозги, Хейвиг. Ты человек действия, хотя, конечно, в известных пределах.

Но я буду честным: мозги — вот что нам требуется в данный момент. Особенно, если эти мозги получили профессиональную подготовку в реалистической философии. — Он махнул сигарой. — Посмотрим на этих, кто прибыл сегодня в Иерусалим. Брабантца и грека еще можно потренировать, и тогда они смогут быть солдатами, разведчиками, служить прикрытием в путешествиях во времени. А остальные... — он прищелкнул языком, — не знаю. Это просто какая-то отрыжка прошлого. Единственная надежда, что женщина сможет рожать детей.

— Что? — Хейвиг привстал в кресле. Что-то внутри него подпрыгнуло. — Мы можем иметь детей?

— Друг с другом, да. Мы уже успели это выяснить. Но не с обычными людьми. Это мы тоже выяснили. Но ты можешь взять себе какую-нибудь крошку, чтобы она согревала тебе постель. У нас есть рабы, захваченные нами во время рейдов. Только не нужно читать мне мораль. Бандиты постоянно нападают на нас, и если мы не будем брать пленников, нам придется убивать их, — он стал серьезным. — У нас очень мало женщин — путешественниц во времени. И к тому же не все из них стремятся стать матерями. Правда, способность путешествовать во времени не передается по наследству. Так что нам не удастся создать новую расу. Мы, разумеется, даем детям хорошее образование, предоставляем привилегированные посты в администрации, когда они вырастают. Так я гарантирую преданность своих агентов. Но, по правде говоря, мне иногда нелегко подыскать такую должность, где бы такой ставленник не приносил вреда. Да, что-то вроде аристократии, но нам не сделать ее наследственной. Да я и не хочу делать этого.

— Чего же вы хотите, сэр? — осторожно спросил Хейвиг.

Уоллис отложил сигарету, сделал глоток, сложил руки на столе:

— Восстановить цивилизацию. Иначе для чего же нас создал Бог?

— Но... когда я путешествовал в будущее...

— Федерация Маури? — его лицо исказилось гневом, тяжелый кулак грохнул по столу. — Ты много успел увидеть? Думаю, что нет. Я изучал ту эпоху, Хейвиг. Говорю тебе, что это сборище нигтеров, которые сейчас, пока мы здесь сидим, набирают силу. И это происходит только потому, что они меньше всех пострадали от войны. Они хотят завоевать весь мир, оседлать все человечество, в том числе и нас, белую расу. Они хотят навеки остановить прогресс... — он откинулся назад, тяжело дыша, глотнул виски и заявил: — Но у них ничего не выйдет. Я боюсь только одного: что люди привыкнут к их ярму. Но потом... Вот для чего я создал Ээрию, Хейвиг! Чтобы подготовить будущее...

— Я родился в Нью-Йорке в 1853 году, — сказал Сахэм. — Мой отец был мелким торговцем и убежденным баптистом. Мать... вот ее фотография, — он показал на бледную фотографию печальной женщины, и нежность проступила на его лице. — Я был последним из семи детей, и отец не тратил на меня много сил и энергии, так

как его любимым сыном был старший. Я с ранних лет научился быть замкнутым, держать язык за зубами. Когда мне официально исполнилось семнадцать лет, я поехал в Питсбург. К этому времени мое второе, более старшее «я» из будущего хорошо поработало надо мною. К этому времени я уже знал свое предназначение.

— А как вы сделали себе состояние? — спросил Хейвиг из чисто дипломатических соображений.

— Просто спекуляция землей, так это называется в деловых кругах. Во всяком случае, когда мне исполнилось тридцать пять лет, я решил, что пришло время заняться тем, для чего меня создал Бог.

Конечно, я не оправдал надежд отца, но, я полагаю, это судьба всех путешественников. И я верю, что Бог предопределил каждому человеку то, что он должен сделать на Земле.

Затем Уоллис рассмеялся так, что его живот заходил волнами.

— Да, я понял, что жизнь дается человеку только затем, чтобы он совершил то, что ему предназначено!

Он протянул свой пустой стакан.

— Налей. Я обычно мало пью, но видит Бог, как мне хотелось поговорить с умным человеком. Тут есть несколько умных людей, вроде Красицкого, но он иностранец. Кроме того, есть пара американцев, но я с ними провел столько времени, что могу заранее сказать, как они ответят на любое мое слово. Налей себе и мне, и поболтаем немного.

Теперь и Хейвиг мог задать вопрос:

— А как вы вошли в свой первый контакт, сэр?

— О, я нанял множество агентов, разбросанных по всему девятнадцатому веку. Они печатали объявления в газетах, журналах, альманахах. Разумеется, они не употребляли слов «путешественник во времени», более того, они даже не знали, зачем мне это. Сам я не писатель, а человек действий, но у меня были деньги, и я мог нанять себе мозги.

Хейвиг кивнул.

— Это и мне приходило в голову, сэр. Но в мое время идея путешествия во времени была уже затрепана авторами научно-фантастических романов. Так что если бы я предпринял что-либо подобное, то неминуемо привлек бы к себе общее внимание. Так сколько же вы собрали?

— Сэр!

— Прошу прощения, сэр.

Уоллис тяжело вздохнул.

— Одиннадцать. Из всего этого проклятого столетия одиннадцать, — он пренебрежительно махнул рукой. — Лучший из них — Остин Колдуэлл. Он был заросшим щетиной пограничным жителем, когда пришел ко мне, но потом стал одним из моих лучших помощников. Это он назвал меня Сахэм. Я очень люблю его.

Затем маг и предсказатель будущего с ярмарки, профессиональный игрок и девушка с юга. Это все американцы. За границей мы нашли баварского солдата, агента Инквизиции в Испании, венгер-

скую еврейку, студента из Эдинбурга, который чуть не тронулся, отыскивая в книгах объяснение своему дару, кокетку из Парижа и молодую крестьянскую чету из Австралии. С последними нам просто повезло. Они сами нашли друг друга, это единственный случай среди путешественников, когда они оказались соседями...

Ты видишь, какое разнообразие характеров, и можешь представить языковые проблемы, проблемы транспортировки, проблемы убеждений.

— Но не более, чем с последними из найденных? — Хейвиг почувствовал себя уязвленным.

— Да, примерно столько же. Ты же понимаешь: одни боятся присоединиться к нам, другие просто не хотят оставлять старую жизнь, третьи считают, что им выгодно оставаться в таком состоянии, так как можно торговать предсказаниями будущего, кто-то не хочет бросать жену и детей. Я даже обдумывал план похищения у такого жены, но какой толк от путешественника, который крайне неохотно отправляется за тобой? Мужчину можно запугать и добиться от него повиновения, но женщины... они чересчур трусливы, чтобы бояться чего-то определенного.

Хейвиг вспомнил ту бесшабашную девушку, которая поцеловала его во дворе, но ничего не сказал.

— Как только у меня появились подчиненные, — продолжал Уоллис, — я смог расширить сферу своих действий. Теперь я мог изучать большие временные интервалы, и на основе полученных наблюдений формировать план действий. В первую очередь следовало создать фонды и опорные пункты в различных эпохах. Теперь я мог собирать путешественников из различных эпох, мог выбрать место, где лучше всего основать Ээрику. Изголодавшиеся местные жители с радостью встретили меня как своего повелителя, принесшего им зерно для посевов и обеспечившего им защиту.

Хейвиг потер подбородок:

— Могу я спросить, сэр, почему вы выбрали именно это место?

— Разумеется, спрашивай, что хочешь. Сначала я подумал о прошлом, но даже в доколумбовой Америке мы могли бы оставить следы, которые озадачили бы будущих археологов. В этом же столетии феодализм, подобный нашему, распространен по всей планете, поэтому мы здесь не будем уникальными. Конечно, наши подданные знают, что мы обладаем неким могуществом, и они называют нас магами, детьми богов, духов, кому что нравится. К моменту возрождения цивилизации о нас останутся только неясные слухи, ученые будут считать, что когда-то здесь существовал религиозный культ, один из многих.

Хейвиг задал еще один вопрос:

— Насколько я знаю, как раз в настоящее время формируется культура Маури в Тихом океане. Их будущие археологи наверняка будут больше заинтересованы твоей колонией, чем поселениями темных варваров.

— Ты, разумеется, прав, согласился Уоллис. — С точки зрения

Маури. Но не следует забывать, что именно мы наследники великой культуры. Просто нам не повезло.

Хейвиг должен был согласиться. Действительно, Океания была слишком незначительна, чтобы подвергнуться атомной бомбардировке. Омывающие острова воды были загрязнены меньше всего и быстрее очистились. Но к этому времени человек уже стал редким явлением на планете. Люди на этих островах жили почти в примитивном состоянии, и их жизнь почти не зависела от современной технологии. А в развитых странах Северной Америки, Европы, Азии люди начали погибать миллионами, когда был уничтожен индустриально-сельскохозяйственно-медицинский комплекс.

Теперь, когда все погибло, требовалось либо время, либо информация, чтобы восстановить индустрию.

Хейвиг отважился спросить:

— Сэр, вы не думаете, что Маури в своем прогрессе послужат нам?

— Естественно, — вскинулся Уоллис. — Я даже буду помогать этим ублюдкам. Но только так, чтобы они смогли сесть в седло — и ни на йоту больше. Мы будем пристально наблюдать за их развитием, чтобы не отпустить слишком далеко.

Казалось, он хочет сменить тему разговора, так как он продолжал:

— Мы должны быть очень осторожны, чтобы не упустить лидерство. Сейчас мы управляем территорией двух штатов. Необходимо добиться, чтобы мы управляли не только в пространстве, но и во времени. Мы должны подбирать руководителей из числа необычных людей. Для этого, к примеру, можно проследить жизненный путь какого-нибудь способного мальчишки. Убедившись в его способностях и преданности, можно будет готовить его к занятию соответствующего поста.

— Но ты не думай, мы не чудовища и не паразиты. Иногда нам приходится быть жестокими. Но наша цель одна: вернуть человечество на тот путь, по которому его направил Бог.

Он наклонился вперед.

— И мы это сделаем, — прошептал он. — Я путешествовал в будущее. И хотя пройдут тысячелетия, я видел... Ты с нами?

ГЛАВА 8

— Следующие несколько месяцев все было хорошо, — сказал мне Хейвиг. — Я был очень осторожен. Например, я скрыл некоторые биографические события и точные даты. Более того, я не стал раскрывать истинное назначение хронолога, и Уоллис потерял к нему интерес. После этого я припрятал его. Если эти люди именно таковы, какими я хотел бы их видеть, они потом простят мне мои колебания и недоверие.

— Но что заставляет тебя тревожиться?

Он поморщился:

— О, сначала мелкие детали. Вроде общего стиля поведения Уоллиса. Хотя мне не удалось завести с ним более близкого знакомства, так как он сразу же переместился в будущий год. Представляешь, какие возможности для контроля за своими подчиненными?

— Да, если во время его отсутствия подчиненные не устроят заговор.

Джек покачал головой:

— Не та ситуация. В каждой эпохе у него есть преданные сторонники, а кроме того, целый отряд преданных путешественников, которые постоянно курсируют во времени туда-обратно, контролируя положение вещей в любой точке пространства и времени.

— К тому же, как можно устроить заговор с тупыми фермерами, рабочими, надменными солдатами и чиновниками. Ведь все они — разноязыкая толпа, не объединенная никакими общими интересами. Почти все они собраны из средней Западной Европы.

— Почему? Разве в других эпохах меньше путешественников?

— Нет, не меньше. Просто в этом случае препятствием служит языковой барьер, культурное наследие. Трудности слишком велики, и результаты не оправдывают затраченных усилий. Путешествие в Иерусалим было только экспериментом. И, если не считать меня, результаты поиска оказались разочаровывающими.

— В Ээрии официальным языком был английский, и каждый был обязан изучать его. Но, несмотря на это, я с трудом общался с обитателями замка. Дело не в том ужасающем акценте, с которым они говорили. Дело в том, что наше мышление было в корне различно. С моей точки зрения все они были мошенниками. С их точки зрения я был чистоплюем, сосунком. Они все с подозрением относились друг к другу, следили друг за другом, каждого считали своим врагом. Как можно было объединить их?

— А почему они должны были быть иными? Ведь им приходилось жить как петухам, в постоянной драке. Драка за лучшую пищу, за удобства, за слуг, за женщин для постели, за развлечения, за должность. Каждый из них обучался тому, к чему был способен. Наиболее умные занимали посты в администрации, наиболее сильные становились командирами воинских отрядов, остальные превращались в клерков. Меня стали тренировать на должность разведчика во времени. Нет, в целом, поначалу, мне не на что было жаловаться.

— Но все же тебе не понравились твои новые приятели, — заметил я.

— Почему, некоторые понравились. Например, Уоллис вызывает симпатию своей целеустремленностью. Или его лейтенант Остин Колдуэлл, уже седой, но крепко сбитый, большой шутник, прекрасный наездник. Он любит выпить и знает много разных историй. К тому же, он полон юмора и весьма дружески ко мне относится, что облегчило мое существование там в первое время. Рэйел Оррик, бывший ярмарочный маг, восхитительный старый

мошенник; Джерри Дженнингс, английский школьник из 1918 года. И еще некоторые. И Леонса... — он зачарованно улыбнулся, — особенно Леонса...

Он только въехал в свои двухкомнатные апартаменты в замке, как тут же получил подарок. Леонса подарила ему медвежью шкуру и бутылку гленливета из прошлого. Он не был уверен, что подарок вызван сердечностью, как не был уверен и в расположении остальных, но ее манеры поражали Хейвига еще больше, чем ее ужасный диалект. Жадный поцелуй всего через пять минут после знакомства, затем ее неприкрытое внимание... Но Хейvig был занят обдумыванием более важных вещей и не обратил на это внимания.

Он отказался от предложенной ему девушки. Ему это совсем не понравилось. Это послужило еще одной причиной, чтобы согласиться на предложение Леонсы провести вместе день.

Бандиты были давно изгнаны из близлежащих областей, и конные патрули постоянно следили, чтобы они не появлялись вновь. Так что можно было без охраны поехать в лес. Они взяли с собой пистолеты, но не для защиты, а скорее как знак принадлежности к привилегированной касте, которой разрешено иметь оружие.

Леонса выбрала дорогу, которая пролегла среди полей, дремавших под утренним солнцем. Затем они поехали по извилистой тропе и оказались в лесу, который всколыхнул в душе Хейвига воспоминания о лесе Моргана. Запах свежескошенного сена смешивался с запахом прелых листьев и сырого мха. Было тепло, но свежий ветерок шевелил листву и заставлял плясать солнечные зайчики в траве и на лице. Вверху между веток шныряли белки. Глухой стук копыт эхом отдавался в тишине леса.

По пути она расспрашивала его, и он с готовностью отвечал. Какой мужчина откажется рассказать о себе привлекательной женщине? Особенно, когда для нее твое прошлое кажется непостижимым. Языковой барьер рухнул. Она была здесь недавно, всего год, если учитывать путешествия во времени, но уже сносно говорила по-английски, особенно сейчас, когда не была возбуждена. К тому же, он привык к особенностям ее произношения.

— Значит, ты из Высоких Лет? — вздохнула она, наклонилась в седле и погладила его руку.

— Что ты называешь этим именем? — спросил Хейvig. — Эпоху перед Судным Днем?

— О, это когда люди научились летать к луне и к звездам, — он понял, что несмотря на свои внушительные формы, эта девушка еще совсем юна. Ее раскосые глаза излучали свет, когда она смотрела на него. Они буквально светились под ее рыжими волосами, которые сегодня были зачесаны и перетянуты лентой.

«Когда мы сами себя осудили на смерть и подписали приговор», — подумал Хейvig. Но он не стал говорить это вслух.

— А ты, кажется, пришла из более благополучного времени, — сказал он.

Она улыбнулась, потом сразу сделалась задумчивой, потерла подбородок и долго смотрела на уши своей лошади. Наконец она сказала:

— И да, и нет. Думаю, что и у тебя так же.

— Может, ты мне объяснишь? Я слышал, что ты из будущего, но больше ничего не знаю.

Она кивнула, и волны розового света прокатились по ее волосам.

— Примерно сто пятьдесят лет. Народ Гласьер.

Когда они въехали в лес, им стало невозможно передвигаться рядом. Она поехала впереди, а Хейвиг сзади, восхищаясь ее грациозной посадкой в седле. Она рассказывала, изредка поворачиваясь и посылая ему солнечную улыбку.

По ее описанию своей родины он узнал гористую и красивую местность, известную ему сейчас как Гласьер и Ватертон Парк. Сейчас ее предки находились где-то в восточной части, оттесненные ордами монголов, захватывающих пространства для своих стад. Они были больше охотники, чем фермеры, изредка грабили соседние племена, торговали мехами, кожей, шкурами. Пока что они не были объединены и жили замкнутыми кланами.

Но со временем их численность и территория увеличатся, и тогда без твердой организации, без законов им не обойтись. Дикие люди перестают быть дикими, когда преимущества закона и порядка входят в их умы. Несомненно, их вождь Инджун Самель, когда начнет вколачивать им новые понятия, разобьет много голов.

— Когда я оставила свою родину, — говорила Леонса, — все уже было спокойно. Монголы ушли, и мой народ продолжал торговать и воевать с соседями. Причем все больше и больше он стал заимствовать от них. Как я узнала, через сотню лет после моего ухода Гласьер объединился с Союзом Норвес. Но я не хочу возвращаться к ним.

— Мне кажется, что здесь ты тоже ведешь довольно суровую жизнь.

— Могло быть и хуже. Да и не в этом дело. Я могла бы уйти и в другую эпоху... Вот мы и приехали.

Они привязали лошадей на небольшой лужайке. Вокруг них склонились деревья, шелестя листвой. В густой траве мелькали поздние одуванчики. Леонса распаковала пакет с провизией, огромное количество разнообразных фруктов и сэндвичей. Хейвигу этого количества еды хватило бы на неделю.

Сначала они решили выпить и немного отдохнуть. Леонса села, прислонившись к стволу дерева, и разлила вино в серебряные стаканчики.

— Продолжай, — напомнил он. — Я хочу услышать о тебе.

Ее ресницы затрепетали. Он заметил легкие морщинки на лице.

— А, ничего интересного для тебя, Джек.

— Пожалуйста, мне интересно.

Она радостно рассмеялась. И все же история, которую она рассказала, была скорее печальной, чем веселой.

В роду Гласьер существовали традиции равенства между полами, которые либо никогда не умирали, либо возродились в ту эпоху. Женщины, как и мужчины, ходили на охоту, участвовали в сражениях. Разумеется, существовала и некоторая специализация. Мужчины выполняли тяжелую работу, требующую физической силы, а женщины делали то, что требовало терпения, усидчивости. Кроме того, прерогативой женщин было то, что Леонса называла Скулой: предсказания, толкование снов, чтение и письмо, лечение некоторых болезней, изгнание злых духов. И еще... напускание тумана на глаза, наведение порчи.

И никто из женщин не делал тайны из своего умения.

Ее отец был (или будет) воином по имени Вольфскин-Джем. Он погиб во время нападения враждебного клана Лафи. Его жена Онда вместе с детьми спаслась и нашла убежище в клане Донналь. Затем последовали годы войн и интриг. И только потом остатки Раньянов нашли союзников и после кровопролитного сражения вернулись в свою страну. Леонса, шпионка во времени, играла ключевую роль в этой войне. И она неизбежно стала новой Скулой племени.

Сначала она внушала друзьям не ужас, а почтение. Она жила и развлекалась, как все остальные юноши и девушки. Но постепенно дар выделил ее из всех, окружил благоговейным трепетом. И, обладая такой Скулой, Вахорн приобрел могущество среди других кланов.

А Леонса стала совсем одинокой. Все ее сверстницы выходили замуж, и постепенно она осталась одна с Ондой в старом вигваме Джема. У нее были любовники, как это принято среди незамужних, но ни один не просил ее стать женой, словно она была нечто неприкосновенное, запретное. А затем даже любовники оставили ее. Нет, они иногда приходили, но приходили искать совета, а не наслаждения. Разочаровавшись в дружбе, Леонса стала требовать, чтобы ее брали в разбойничьи набеги на соседей. В этих набегах погибали люди, и она уже не раз слышала, что ее соплеменники требуют, чтобы она заколдовала их от смерти. Ведь она наверняка может, ведь она же Скула... или не хочет? Затем умерла Онда.

Вскоре прибыли разведчики во времени и нашли ее по слухам. Она с радостью и слезами приветствовала их. Вахорн больше никогда не увидит ее.

— О боже, — Хейвиг обнял ее за плечи. — С тобой поступили так жестоко.

— Там было так хорошо: охота, игры, лыжи, песни, — она выпила немного вина. — Я неплохо пою. Хочешь послушать?

— Конечно.

Она вскочила, вынула из сумки маленькую гитару и тут же вернулась обратно.

— Я также играю на костяной флейте. Но не могу же я играть на флейте и петь. Вот песня, которую я сочинила сама. Когда я была одинока, я все время сочиняла песни.

К его удивлению, пела она прекрасно. И те слова песни, которые он мог понять, наполнили его трепетом.

— Ну как? — спросил она, закончив.

— Прекрасно, — ответил Хейвиг. — А что ты еще умеешь делать?

— О, я умею читать и писать. Играть в шахматы. Конечно, здесь правила игры несколько отличаются от тех, что были у меня дома, но я быстро освоила их. Остин научил меня играть в покер, и я много выигрываю. И еще я умею шутить.

— Что?

Она улыбнулась и прижалась к нему.

— Я думала, мы пошутим после ленча, Джек, сладкий мой, — прошептала она. — Но почему бы нам не пошутить до и после?

И вскоре он узнал, когда неопишемое наслаждение поглотило его, что еще одно слово к этому времени изменило свой первоначальный смысл.

— Вот так, — сказал он мне. — Мы жили вместе, пока я не покинул ту эпоху — несколько месяцев. И это было восхитительно. Мне нравилась эта девушка.

— Но ты не любил ее?

— Я — нет. Думаю, нет. Хотя — что такое любовь? Впрочем, оставим это, — он посмотрел в окно. Там была ночь. — У нее горячий характер, и она часто заводилась по пустякам. Еще больше ее злило то, что я не вступаю с ней в ссоры, — он потер усталые глаза. — Не похоже на мой темперамент, да, док? И, к тому же, я ревновал ее. Она спала со многими до того, как появился я. Она продолжала делать это и после, хотя и не так часто. Она просто не представляла, как можно не лечь в постель с мужчиной, если он тебе понравился. Естественно, она предоставила мне такую же свободу относительно других женщин. Но... мне она была не нужна.

— Почему же она ни от кого не заберемелла?

Лицо Джека исказила гримаса.

— Она потребовала, чтобы ее отправили в годы, непосредственно предшествовавшие Судному Дню. Отчасти для того, чтобы посмотреть, но ее главной целью было запастись противозачаточными средствами. Она хотела иметь детей, но только тогда, когда будет к этому готова. А до тех пор она хотела наслаждаться жизнью. Она любила наслаждения.

— Но раз она все время оставалась с тобой, значит, между вами существовали какие-то узы, привязанность.

— Конечно. Я пытался разъяснить тебе, что меня притягивало в Леонсе. Что же касается нее... трудно сказать. Хорошо ли мы знали друг друга? Да, и насколько вообще могут узнать друг друга мужчина и женщина? Мои знания и интеллигентность возбуждали ее. Буду честным, пожалуй, у меня там был самый высокий уровень интеллектуального развития. А я полагаю, люди всегда чувствуют

тягу к своим антиподам. Я вовсе не был похож на какого-нибудь дикого горца или твердолобого наемника эпохи Ренессанса.

Он снова загадочно улыбнулся.

— Тем не менее, она подарила мне много радости, и я всегда буду благодарен ей за это и за то, что произошло потом.

Подозрения Хейвига развивались постепенно. Он старался сопротивляться им, но они крепили, особенно когда он заметил, что здесь в разговорах стараются не касаться некоторых тем и не отвечать на некоторые вопросы. Остин Колдуэлл заметно терялся, когда Хейvig затевал беседы на запретные темы, а Рэйел Оррик старался перевести разговор на выпивку или, когда выхода не было, неохотно цедил: «Придет время, ты все узнаешь, сын мой». Другие же просто советовали ему заткнуться.

Он был не один в подобной изоляции. Но другие просто не обращали внимания на это, и только юный Джерри Дженнингс воскликнул: «Клянусь Богом, ты прав!»

То же самое сказала и Леонса, правда, в более крепких выражениях, и сразу же постаралась оправдать этот заговор молчания:

— Мы с Конрадом появились в одно время. А ты еще раньше.

— Я пробудил ее любопытство, и она нашла свои методы удовлетворить его. О, совсем не то, что ты думаешь, док. Нет, она просто воспользовалась тем, что могла перепить любого мужчину, и, спойв того или иного, начинала выпытывать у него то, что ее интересовало. А по ночам, хихикая, как нашкодившая школьница, она рассказывала мне о том, как проникала в самые заповедные тайны Ээрии, проскальзывала в самые различные периоды времени существования Ээрии, чтобы узнать, вынюхать.

— Насколько я могу понять, — сказала она, — Уоллис просто боится, что ты и подобные тебе возмутитесь, когда увидите, что делают его агенты в некоторых временах и некоторых местах.

— Впрочем, я и сам пришел к такому выводу, — сказал Джек. — Я видел ранние века и знаю, какие люди рождаются в них. Путешественники ничем не отличаются от людей своего времени. То, что они приходят сюда, не меняет их природы.

— Судя по всему, тебя будут постепенно вводить в курс дела, — сказала Леонса. — А от меня все это скрывали только потому, что я с тобой.

— И ты примиришься со всем этим?

— А что? Иногда приходится быть жестоким. Разве люди твоего времени не такие?

И он с болью вспомнил свое время, бесчеловечные деяния той эпохи: жестокую эксплуатацию коренных жителей в колониях, изгнание индейских племен с их исконных земель и так далее.

Леонса просто продолжала:

— Слабых всегда притесняют и угнетают, если только им не

повезет и кто-либо сильный не встанет на их защиту. Если бы я была бессмертна, я никогда бы не убила ни одного животного, даже для пищи, мой дорогой. Так давай же играть так, чтобы получить выигрыш.

Он долго раздумывал над этими словами.

— Во всяком случае, — сказал он, и в его голосе я услышал горечь, — я еще раз убедился, что золото лучше, чем дерьмо.

— И то, что цель не всегда оправдывает средства, — заметил я. — Иначе говоря, совершенства достигнуть невозможно. Хотя в реальном мире всегда можно выбрать меньшее из зол. Как врач, могу сказать, что иногда выбор очень труден. Например, чтобы излечить пациента от неизлечимой мучительной болезни, кажется милосердием дать ему яд. Но продолжай, пожалуйста.

— Мне показали эпоху Маури, чтобы я сам мог убедиться, что их лидеры стали тиранами и делают все, чтобы остановить прогресс. Правда, это был переходный период, и мне пришлось согласиться, что когда гегемония Маури начнет распространяться по всему миру, нам необходимо будет вмешаться, остановить рост их могущества и обусловить возврат к прогрессу.

— Разумеется, не открыто, — возразил я. — Так как человечество не будет готово воспринять ваше появление.

— Конечно, конечно. Нам придется ждать целые столетия, пока мы не станем достаточно сильными для такого вмешательства.

— Леонсе разрешили путешествовать в будущее?

— Да. Уоллис благоволил ей. Она много рассказывала мне о том, каких высот достигла будущая цивилизация. Правда, она не была уверена, что это и есть прогресс. Она говорила о воздушных кораблях, о дирижаблях с электромоторами, ранчо в океане, солнечных батареях, широком использовании бактерий для изготовления топлива, развитии теоретических и прикладных наук, особенно биологии.

Он остановился передохнуть, и я вставил вопрос:

— Неужели именно в таких выражениях твоя дикарка обо всем рассказывала?

— Нет-нет. Ее впечатления были более общими. Но она как охотница и шаманка прекрасно умела наблюдать и делать выводы. Она могла проследить общий ход событий. Я понял, что будущие люди, достигнув одной высоты, не спешат к следующей. Они не совершенствуют свои достижения, только расширяют сферу их применения.

Вряд ли это устраивало Уоллиса с его стремлением к постоянному совершенствованию, к идеальному обществу. Общество быстро двигалось к своей последней стадии, как мне показалось, ретрогрессии, всеобщей жестокости. Агенты Ээрии еще не создали достаточно мощной организации, и поэтому они не рисковали проводить детальные исследования. И они не понимали, что лежит за всем этим.

Все казалось достаточно мирным, спокойным, но непонятным. По опыту своих редких путешествий в будущее я уже готов был поверить Уоллису.

— Что же это было за общество? — спросил я. — Ты можешь мне что-нибудь сказать?

— Очень немного. У меня не было времени. Странно звучит, не правда ли? Но это так. Не забывай, что я это делал почти в полном секрете от всех.

— Насколько я понимаю, путешествия в будущее не уничтожили твой скептицизм в отношении цели Уоллиса? — спокойно спросил я, несмотря на бурю в душе.

Он пробежал пальцами по волосам:

— Подумай, док. Вспомни таких высокоинтеллигентных людей, как Бертран Рассел и Генри Уоллис. Они совершили путешествие по сталинской России и по возвращении домой заявили, что там, конечно, как и везде, есть свои проблемы, но они, в основном, обусловлены чисто внешними факторами и при доброй воле правительства могут быть успешно решены. И будут решены. Не забывай также, что их проводники послушно следовали инструкциям Кремля и показывали только то, что иностранные визитеры могут правильно, с их точки зрения, интерпретировать. — Его улыбка была неприятной. — Может, проклятие моей жизни состоит в том, что я потерял желание верить?

— Значит, ты не веришь в то, что Ээрия принесет миру пользу? И ты думаешь, что у Маури тебе показывали только нетипичные, плохие черты цивилизации?

— Не совсем так... Все зависит от интерпретации. А вот вам пример...

В одном из своих путешествий в будущее он сумел познакомиться с одним сверхсекретным документом. В нем говорилось, что ученые Хиндурая разработали водородный генератор, который покончит с извечной нехваткой горючего на Земле. Однако правительство Маури сделало все, чтобы сведения об этом открытии не стали известны народу.

Мотивом служило то, что такой генератор послужит возрождению машинной цивилизации, а Земля не вынесет второго такого удара.

И все же... в будущем цивилизации Маури Хейвиг видел огромные бесшумные машины, видел людей, животных, свежую траву... и чистый воздух.

— Были ли социологи Ээрии искренни в своей вере? Или же они просто старались сохранить свое положение? Или и то, и другое? Или ни то, ни другое? Или что? И несет ли людям это будущее только добро? Откуда я могу знать?

— А ты спрашивал об этом своих компаньонов? — спросил я.

— Конечно. Во-первых, Остина Коддуэлла, честного человека, твердого, как те индейцы, которые охотились за его скальпом.

— Что же он сказал тебе?

— Прекратить свои дурацкие вопросы и во всем довериться Сахэму. Сахэм уже сделал очень много, не так ли? Сахэм все изучил и все обдумал. Он не считает, что знает все, но для этого у него есть мы. Он пользуется нашей объединенной мудростью и ведет по правильному пути.

Я извинился и вернулся в Ээрию вместе с ним.

ГЛАВА 9

Вскоре после этого Джек получил два дня, которые провел в обществе Леонсы, залечивая свои душевные раны. Период его тренировок и обучения затянулся; уже наступила зима, так что он мог с удовольствием отдаться зимним видам спорта. Кроме того, он перечитал Историю Будущего, написанную Уоллисом, и сделал некоторые выводы, учитывая те события, которым он был свидетелем. Он даже обсудил некоторые проблемы с Вацлавом Красицким, который был самым образованным из нынешних правителей замка.

Сахэм признавал, что его труд далек от совершенства, но в своих путешествиях он видел больше, чем кто-либо. Он побывал в самых разных уголках Земли, что было недоступно его подчиненным из-за ограниченности транспортных средств. Он разговаривал с очень многими людьми самых разных эпох.

Уоллис знал, что Ээрия будет существовать под его контролем следующие два столетия. Он встретился с самим собой и выяснил, что первая фаза плана успешно претворяется в жизнь. К тому времени эта крепость подлежала эвакуации. Новая цивилизация распространилась повсюду, и государство, подобное Ээрии, уже не могло существовать изолированно. Оно должно было выйти на широкую арену.

Новая база будет создана в будущем. Хейвиг посетил ее и обнаружил, что она в корне отличается от старой. Широко использовались новые материалы, изощренные конструкции. Все было, в основном, сосредоточено под землей. Там была новейшая техника, автоматизация, термоядерные реакторы.

Это была эра восстаний против Маури. Их попытки навязать свою философию всему человечеству с треском провалились. Сомнения, недовольства, мятежи вспыхивали в разных уголках Земли. В одной из стран был разработан водородный реактор, и она не делала из этого секрета. Разваливались старые союзы и блоки, на их обломках возникали новые.

— Нам постоянно нужны терпение и жестокость, — писал Уоллис. — Теперь у нас гораздо больше материальных ресурсов, чем в эру Первой фазы, и гораздо больше опыта и умения для их

эффективного использования. Главное, что нам нужно сейчас сделать — это увеличить наши военные силы за счет пересылки в эту эпоху путешественников. Я прекрасно понимаю, что подобная операция связана с большими трудностями. У нас нет надежды победить весь мир. Наша империя должна двигаться к цели медленно, но неуклонно.

Так чем же должна закончиться Фаза-2? Уоллис был уверен, что на планете люди Ээрии с ее высокоразвитой энергетикой и техникой будут вне конкуренции. Уоллис был уверен, что Фаза-3 пойдет под знаком объединения всех народов планеты под эгидой новых хозяев, под знаком создания человека нового типа. Заглянув в далекое будущее, Уоллис увидел такие чудеса, что был не в состоянии описать их.

Однако эта часть книги была довольно смутной. Точную информацию было трудно собрать. Уоллис продолжал описывать будущее, но уже без подробностей. Он уже знал, что его жизнь закончится в Первой Фазе. Он встречал там самого себя, уже довольно старого человека.

— И я рад, что послужил воле Бога, выполнил его предназначение. Вряд ли наука найдет возможность делать старого человека молодым, найдет способ сделать человека бессмертным. Но я уверен, что природа путешествий во времени будет открыта, и, возможно, они будут доступны каждому. И тогда люди найдут нас, тех, кто создал их будущее, и отдадут нам должное!

Хейвиг сжал губы. Он подумал: «Я уже видел, что происходит, когда человеку навязывают идеологию. Впрочем, здесь он выступает скорее учителем, чем хозяином. — А потом он задумался. — Служить этому человеку значит превратить мой дар в ничто, а жизнь сделать никчемной».

Его вызвал Красицкий. Это был холодный день. Солнечные лучи играли на сосульках, свисающих со стен башен и крыш. Хейвиг съежился от холода, пересекая двор.

Красицкий был в форме. Он сидел в служебном помещении.

— Садись, — приказал он.

Жесткий стул скрипнул под Хейвигом.

— Как ты думаешь, ты готов к своей работе?

Дрожь пробежала по телу Хейвига. Его пульс участился.

— Д-да, начинать страшно. Я... — он выпрямился. — Да.

Красицкий достал какие-то бумаги из стола.

— Я посмотрел, каковы твои успехи, и решил как лучше использовать тебя с минимальным риском. Я знаю, что ты сам приобрел богатый опыт в путешествиях и уже сейчас представляешь ценность для нас. Однако ты еще не выполнял наших заданий, — он коротко улыбнулся. — Моя идея базируется на твоих индивидуальных особенностях.

На лице Хейвига ничего не отразилось.

— Нам нужно расширять нашу деятельность. Особенно в части поиска путешественников. Ты рассказывал о своем визите в Константинополь периода Византии. По-видимому, это самое удобное место, откуда можно начать системный поиск в средних веках.

— Прекрасно! — возбужденно воскликнул Хейвиг. Радость охватила его. — Центр цивилизации! Все торговые пути проходят через него...

Красицкий поднял руку:

— Постой. Это позже. Когда у нас будет достаточно людей, широкая сеть агентов. А сейчас мы ограничены в своих возможностях. Не забывай, мы должны к определенному времени завершить Фазу-1. Нет, Хейвиг, сейчас требуется сделать нечто иное, более важное.

— Что?

— Если бы у нас было много денег той эпохи, нам было бы там легче работать. Но ты же знаешь, как сложно переправлять ценности через время. Следовательно, мы должны раздобыть их на месте. И быстро.

Хейвига охватили неясные подозрения.

— Не думаешь же ты о грабеже?

— Нет, — Красицкий покачал головой. — Слушай. Нападение на мирный город, достаточно мощное, обязательно попало бы в книги историков, о нем узнали бы все. Кроме того, что опасно само по себе. Ведь наши люди не могут применять огнестрельное оружие, а византийская армия и полиция сильны и дисциплинированы. Нет, это было бы сумасшествием.

— Что же тогда?

— Воспользоваться хаосом и забрать то, что в противном случае стало бы добычей безжалостных грабителей.

Хейвиг молча ждал.

— В 1204 году Константинополь был разграблен крестоносцами во время Четвертого Крестового Похода. После них Константинополь был полностью разрушен, — Вацлав махнул рукой. — Почему бы нам не получить свою долю? — он всмотрелся в лицо Хейвига. — К тому же, мы выплатим компенсацию жителям, поможем им сохранить свою жизнь.

Хейвиг выругался в сердцах.

Джек провел много времени в библиотеке, просматривая пленки и стараясь подобрать костюм, соответствующий эпохе. Самолет доставил его в окрестности Стамбула двадцать первого века, где сейчас были только развалины. Самолет улетел сразу же, как только Хейвиг отправился в прошлое. Здесь все еще было заражено радиоактивностью. Он еще не открыл наличия у него хронолога и теперь должен был отсчитывать время по восходам и закатам солнца.

Леонса была в ярости от того, что Хейвиг не взял ее с собой. Она не принесла бы пользы, даже наоборот, привлекла бы к ним излишнее внимание.

Хейвиг решил изобразить пилигрима-скандинава, разумеется, католика, но менее твердолобого, чем французы, венецианцы,

арагонцы и другие западноевропейцы, которые, подобно волкам, старались задушить умирающую империю. Конечно, лучше всего было бы предстать в роли русского — их было много в Византии, — но русские уже тогда отличались крайней ортодоксальностью взглядов. Хейвиг не стал рисковать, боясь провала, и сразу отбросил эту мысль.

Он также решил, что появляться в год нападения слишком рискованно. Ведь любой чужестранец в годы войны подозрителен, особенно такой, который обо всем расспрашивает, всем интересуется. В 1203 году после морского штурма крестоносцы захватили Константинополь. Они посадили на трон своего ставленника и начали грабить страну, прежде чем отправились в Святые Земли. Ставленник обнаружил, что сундуки царской казны пусты, и исчез. Начались трения между франками и восточными римлянами, в результате которых в январе 1204 года трон занял Алексиус, сын римского императора. Три месяца он и его сторонники старались изгнать из страны крестоносцев. Но надежда, что Бог поможет им, лопнула, и Алексиус, не отличавшийся мужеством, сбежал. Крестоносцы снова вошли в Константинополь, и началась резня.

Хейвиг выбрал весну 1195 года. Это было прекрасное время года, кроме того, у него было время акклиматизироваться здесь. У него были прекрасные документы, которые дали ему возможность спокойно пройти в город, и слитки золота для обмена на деньги. Подобрав комнату в приличной гостинице — приличную комнату, не имеющую ничего общего с комнатой в современных американских отелях даже высокого класса, — он начал вживаться в ситуацию.

Свой первый визит он нанес в 1050 год. Здесь была та же роскошь, та же космополитическая многоцветность, которую он встретил и в 1195 году. Новый Рим все еще оставался королем Европы.

Хейвиг увидел его с теневой стороны.

Дом и лавка Дукаса Манассиса, ювелира, стояла на холме близ центра города. Этот дом, окруженный соседними зданиями, был обращен глухой стеной к вымощенной плитами улице. Но с его плоской крыши открывался чудесный вид: был виден весь город, и даже местность за городскими стенами. Отсюда были видны домики городских предместий, многочисленные церкви, монастыри, где хранились великолепные библиотеки с трудами Эсхила и Сафо, ипподром, величественный комплекс дворцовых зданий. Если посмотреть в другую сторону, можно было увидеть сверкающую гладь Мраморного моря, бухту Золотой рог, где теснились торговые парусники.

На улицах города было оживленно. Шум колес, цоканье копыт, шарканье подошв, крики, песни, смех — все смешалось в одном биении сердца большого города. Ветер приносил запахи моря, которые смешивались с запахом жареного мяса, конского навоза, запахами человека. Хейвиг с наслаждением вдыхал этот воздух.

— Благодарю тебя, кириос Хаук, — сказал Дукас Манассис. — Я очень рад, что тебе тут нравится. — По всему было видно, что он очень удивлен тем, что франк не охаивает все греческое. Впрочем, Хаук Томассон не был франком или кем-нибудь из союзников англичан. Он приехал сюда из какого-то северного королевства.

— Это я должен благодарить тебя, кириос Манассис, за то, что ты показал мне все это, — ответил Хейвиг.

Они обменялись поклонами. Византийцы никогда не были скованы строгими правилами поведения. Это был пылкий народ, отличавшийся во все времена врожденным вкусом, чувством прекрасного. Однако отношения между людьми высших классов характеризовались утонченной церемонной вежливостью.

— Ты проявил интерес, — ответил Дукас. Это был седобородый человек с красивым лицом, на котором выделялись близорукие глаза. Его щуплое тело, казалось, терялось в свободном хитоне.

— Ты очень добр ко мне, — пробормотал ювелир. — Однако я чувствую, что все хорошее и прекрасное от Бога, и мы, подданные Рима, должны больше думать о нем, а не об удобствах своей жизни.

— Что это? — Хейвиг показал на раскидистое дерево перед домом.

Дукас улыбнулся:

— Это для моей дочери. Она очень любит цветы, но мы не можем слишком часто вывозить ее за город.

Женщины в Византии имели довольно почетный статус и пользовались многочисленными привилегиями. Дукас решил, что его собеседник нуждается в дальнейших пояснениях, и продолжал:

— Возможно, мы, я и Анна, слишком балуем ее. Но она у нас одна. Я был женат раньше, но мои сыновья от Евдокии уже выросли. Ксения — первый ребенок Анны и моя первая дочь. — Повинуясь импульсу, он добавил: — Кириос Хаук, не считай меня слишком гордым, но я действительно рад встретить дружески настроенного иностранца. Мне очень приятно говорить с тобой. Не согласишься ли ты принять приглашение на ужин?

— Почему нет? Благодарю тебя, — Хейвиг решил, что это хорошая возможность разузнать все о Византии. Все византийские торговцы и ремесленники были объединены в гильдии, управляемые префектами. А этот ювелир, весьма искусный в своем деле, наверняка много знал о своих коллегах. Да и много другой полезной информации мог узнать от него Хейвиг.

— Ты не будешь возражать, почтенный гость, если мои жена и дочь разделят с нами трапезу? — спросил Дукас. — Они не будут мешать нам. Мне очень хочется послушать тебя. Ксения, прости мою гордость, еще ребенок, ей пять лет, но она уже умеет читать.

Она оказалась прекрасным ребенком.

Хаук Томассон вернулся на следующий год и рассказал, какое он занял положение в одной из афинских фирм. Греция входила в

состав империи, но большая часть ее торговли находилась под контролем иностранцев. Деятельность Томассона часто заставляла его бывать в Константинополе, и он был рад возобновить знакомство с мудрым Манассисом и надеялся, что его дочь примет небольшой презент...

— Афины, — благоговейно прошептал старый ювелир. — Теперь ты живешь в самом сердце Эллады! — он положил руки на плечи посетителя. Слезы стояли в его глазах. — О, как это чудесно! Так чудесно! Ты воочию увидишь то, что снится мне всю жизнь! Это даже лучше, чем посетить святые места!

Ксения с благодарностью приняла игрушку. Как зачарованная, она за обедом и после него слушала рассказы иностранца, пока старшие не отправили ее спать. «Славный ребенок, — думал Хейвиг. — Совсем не избалованный, хотя и единственный, а Анна не собирается иметь еще детей».

Джек и сам наслаждался этими приездами. Встреча с человеком умным, наблюдательным, чувствительным — это удовольствие в любую эпоху. И он в будущем поможет Манассису избежать кошмаров и катастроф.

Хейвиг знал это, так как тщательно исследовал будущее. Но он задавал себе вопрос: не слишком ли он внимателен к семье Манассиса? Нужно ли так часто наносить ему визиты, проводить с ними праздники, приглашать на обеды? Ему пришлось немного превысить расходы по сравнению с тем, что ему было позволено. Наплевать. Он мог и сам финансировать себя при помощи ставок на ипподроме. Беспроигрышных ставок. У агента, работающего в одиночку, большие возможности.

Ему было противно лгать своим друзьям. И только одно утешало его: он делает это ради их спасения.

Голос Ксении был тонок и звонок, слыша или вспоминая его, Хейвиг думал о птичьих трелях. Она всегда радовалась его появлению и болтала с ним до тех пор, пока родители не заставляли ее уйти в свою комнату.

Она была тоненькой, как тростинка. Хейвиг не знал ни одного живого существа, которое бы двигалось с такой грацией. Когда позволяли приличия, ее ноги пританцовывали, а не ступали по полу. Ее волосы цвета полуночи полностью закрывали нежную точеную шею. Кожа была светлой и чистой, овал лица правильный, губы всегда чуть приоткрыты. А на лице выделялись глаза, огромные, бездонно-черные, под большими пушистыми ресницами. Такие глаза можно было увидеть только на мозаике Равенны, на лице императрицы Теодоры Великой. И эти глаза невозможно забыть.

Странно было видеть эти глаза раз в несколько месяцев, которые для Хейвига были часами и днями. Каждый раз Хейвиг видел, как девочка с поразительной быстротой превращается в девушку. И еще

он понял, что сам свободно плывет по бескрайней реке времени, тогда как ей приходится барахтаться практически на одном месте.

Дом стоял в саду, где было много цветов, апельсиновых деревьев, играл фонтан. Дукас с гордостью показал Хейвигу свое последнее приобретение: бюст Константина на пьедестале, того самого, кто признал христианство Рима и по чьему имени был назван Новый Рим.

— Хотя мастерство древних ваятелей давно утрачено, — говорил Дукас, — но все же посмотри, как величественно его лицо с твердо сжатыми губами...

Десятилетняя Ксения хихикнула.

— В чем дело, дорогая? — спросил отец.

— Ни в чем, — ответила она, но хихикать не перестала.

— Нет, скажи нам. Я не буду сердиться.

— Он... он не хочет произносить важную речь, но ему очень хочется пукнуть...

— Клянусь Вакхом! — воскликнул Хейвиг. — Она права.

Дукас долго крепился, но затем не выдержал и присоединился к общему веселью.

— О, неужели ты не пойдешь с нами в церковь? — взмолилась девочка. — Ты не знаешь, как там красиво поют, как таинственно сверкает пламя свечей, как удивительно пахнет ладаном... — ей уже одиннадцать лет, и она переполнена Богом.

— Мне очень жаль, — сказал Хейвиг. — Я ведь католик.

— Святым все равно. Я спрашивала папу и маму. Они тоже не против. Мы можем сказать, что ты русский. Я покажу тебе, что нужно делать, — она схватила его за руку. — Идем!

Он пошел за нею, не понимая, хочет ли она обратить его в свою веру или действительно просто стремится показать своему обожаемому дядюшке что-то интересное и красивое.

— Это так чудесно! — на ее глазах выступили слезы, когда она прижала к груди драгоценный подарок к своему тринадцатому дню рождения. — Папа, мама, посмотрите! Хаук подарил мне книгу! Все пьесы Еврипида! И это мне!

Когда она ушла, чтобы переодеться к праздничному обеду, Дукас сказал:

— Это поистине королевский подарок. Не только из-за высокой стоимости, это подарок для души.

— Я знал, что она любит древних классиков, как и ты.

— Простите меня, — вмешалась Анна, — но, может, в ее возрасте Еврипид слишком сложен...

— Сейчас сложные времена, — ответил Хейвиг. — Трагические судьбы древних могут укрепить ее сердце, и она мужественно встретит свою судьбу. — Он повернулся к ювелиру. — Дукас, я еще

раз говорю тебе. Я клянусь, я знаю, что венецианцы ведут сейчас переговоры с другими франками...

— Ты говорил это, — ювелир кивнул. Его волосы и борода были почти белыми.

— Тебе с семьей еще не поздно выехать куда-нибудь в безопасное место. Я помогу.

— Где же может быть более безопасно, чем здесь, за этими стенами, куда не может ворваться ни один враг. А если я брошу свою лавку, мы все будем страдать от бедности и голода. А что делать моим слугам и ученикам? Они же не могут поехать со мной. Нет, мой друг, нам следует оставаться здесь и довериться Богу, — с печальной усмешкой произнес Дукас. — Послушай, дружище, ты совсем не меняешься. Ты такой же, каким я увидел тебя впервые.

Хейвиг проглотил слюну.

— Я думаю, что не скоро вновь появлюсь в Константинополе. Мои хозяева, учитывая складывающиеся обстоятельства... Будь осторожен. Старайся быть незаметным. Прячь золото и поменьше бывай на улице. Особенно по ночам. Я знаю франков.

— Хорошо, я буду иметь это в виду, Хаук. Но ты преувеличиваешь. Ведь это же Новый Рим.

Анна взяла их обоих под руки, неуверенно улыбаясь.

— Может, хватит политики, мужчины, — сказала она. — Украсьте улыбками свои постные лица. Сегодня день рождения Ксении. Разве вы забыли?

Хейвиг вышел от Манассиса весьма озабоченный.

Он вернулся назад, в более счастливое время, снял комнату в гостинице, плотно поужинал и лег спать. Утром он хорошо позавтракал. Это было не лишне для человека, которому скоро предстоит сражаться.

Вскоре после этого он переместился вперед, в апрель 1204 года.

Он должен был быть просто сторонним наблюдателем. Полученный им приказ был до неприличия прост: оставаться вне опасности, ни во что не вмешиваться, под страхом наказания не влиять на события. Сделать все, чтобы вернуться живым, так как им нужны сведения.

По городу ревели пожары. Клубился горький дым. Люди, как обезумевшие крысы, то прятались в домах, то выбегали из них. И везде их ждало одно и то же: убийства, насилия, грабежи, избиения, издевательства. На улицах валялись трупы. Кровь текла по сточным канавам. Матери оплакивали детей, дети с громким плачем искали своих матерей, пока не становились жертвами обезумевших от крови и убийств вандалов. Всех служителей церкви подвергали жестоким пыткам, чтобы они выдали тайники с церковной утварью. Все было разграблено: предметы искусства, драгоценности рассыпались по всему континенту. Мало что сохранилось. Не думая о культурной ценности вещей, варвары выламывали драгоценные металлы и камни, остальное сжигалось. Так погибло многое из того культурного

наследия, что хранил Константинополь до этого ужасного дня. И турки были здесь ни при чем. Все сделали крестоносцы.

Таким было начало тринадцатого столетия, которое католицизм называл апогеем цивилизации, хотя именно тогда западные церковники нанесли удар по восточному оплоту христианства.

А через полтора столетия, опустошив Малую Азию, турки вошли в Европу.

Хейвиг вернулся назад и стал постепенно перемещаться в будущее, время от времени переходя в нормальное время. Так он добрался до того момента, когда франки вошли в город. И он снова видел убийства, грабежи, разрушения, видел бандитов, насытившихся убийствами, подгоняющих своих пленников, нагруженных добычей. Он знал, что не может изменить ни прошлого, ни будущего, но он должен был взять из прошлого то, что ему нужно.

Хейвиг отмечал места, где останавливались мародеры с добычей, и передавал записи людям из Ээрии, которые, переодетые крестоносцами, «забирали» награбленное. В этом бедламе можно было сделать все что угодно, не привлекая особого внимания. Добыча переносилась на корабль, стоящий в безопасном месте.

Красицкий обещал Хейвигу, что они, насколько возможно, позаботятся о жителях. Им ничего не угрожало, и даже оставалось немного денег, чтобы они могли переселиться в другое место и начать новую жизнь.

Можно было не опасаться, что такие добрые поступки демонов-франков попадут в хроники, хотя, наверное, рассказы о них будут жить в фольклоре. Правда, через пятьдесят семь лет, когда Михаил Палеолог покончит с зависимостью от римлян, все рассказы об этом забудутся.

Хейвиг не участвовал в действиях агентов. Он и так многое сделал и многое видел. А то, что он видел, было ужасно. Поэтому он перенесся в прошлое и там плакал, спал, приходил в себя, набирался сил для будущего.

Дом Манассиса был в числе первых, которые он исследовал. Хотя и не самый первый. Хейвиг хотел сначала немного приучить себя к картине разрушения.

Он лелеял надежду, что дом Манассиса останется нетронутым. Константинополь был слишком велик, в нем было много храмов, где можно было спокойно взять огромные ценности, чтобы грабители лопочились в каждую дверь.

Хейвиг не испытывал особого страха. Если что-то потребуется сделать, то кто, кроме него, сделает это? Тем не менее, когда он, приближаясь к дому Манассиса, увидел десяток грязных мужчин, направляющихся к распахнутой двери, сердце его оборвалось. Ярость охватила его, и вскоре три франка упали на землю и больше не шевелились, а остальные с криками разбежались. Хейвиг был очень доволен.

Его возвращение было сложной операцией. Ему пришлось

долго ждать самолета в зараженном радиоактивностью мертвом Стамбуле.

Ему было о чем подумать. Он только удивлялся, почему раньше это не пришло ему в голову. Но теперь он понял, что несмотря на то, что Уоллис и его лейтенанты использовали технику двадцатого века, они оставались людьми своего, девятнадцатого столетия. Нет, теперь ему нужно было хорошенько обдумать все, чему он был свидетелем, в чем принимал участие.

— Прекрасная работа, — сказал Красицкий, прочтя отчет Хейвига. — Превосходно. Я уверен, что Сахэм наградит тебя за это.

— Да? Благодарю, — ответил Хейвиг.

Красицкий долго рассматривал его:

— По-моему, ты похудел.

— Можешь называть меня Рип ван Винкль, — пробормотал Хейвиг.

Красицкий понял, откуда у него такой изможденный вид, ввалившиеся глаза, тик на щеке.

— Я понимаю. Ты заработал отдых. Думаю, тебе захочется побыть в своем времени. Больше не думай о Константинополе. Если нам понадобится узнать что-то, мы подождем твоего возвращения, — на его лице появилась теплая улыбка. — Иди. Мы поговорим потом. Полагаю, нам удастся сделать так, чтобы твоя подружка сопровождала тебя. Хейвиг... Хейвиг...

Хейвиг спал.

Все началось позже. Вместо того, чтобы наслаждаться отдыхом, он начал размышлять.

ГЛАВА 10

Он проснулся с выкристаллизовавшимся решением. Было еще рано. Утренний свет падал на высокие серые крыши зданий Рив Гош, Париж, 1965 год, такие же холодные, как и воздух, спокойствие которого еще не нарушало движения транспорта. В номере отеля стоял полумрак. Леонса мирно посапывала в постели. Они всю ночь провели в ночном клубе, слушая шансонье, по желанию Хейвига, хотя Леонса предпочитала яркие и красочные шоу в мюзик-холле. После этого они вернулись в отель и долго занимались любовью, несколько лениво и утомленно, но ласково. Леонса даже не пошевелилась, когда несколько часов спустя в дверь постучали, и горничная принесла кофе с рогалями.

Хейвиг был удивлен своей решимостью. Все больше и больше он ощущал, что просто идет навстречу неизбежному. Совесть уже устала мучить его и предъявила ультиматум.

И, несмотря на опасность, он впервые ощутил в своей душе мир и покой.

Он поднялся, умылся, оделся, собрал свое снаряжение, которое было уже подготовлено. Два небольших блока в его багаже. Обычное

снаряжение агента во времени, такое же, какое он брал с собой в Иерусалим, плюс пистолет и хронолог. Ему пришлось выдержать борьбу с Леонсой, так как хронолог не позволял взять сюда побольше серебра, но он смог настоять на своем. Затем Джек взял паспорт, сертификат о прививках и толстый кошелек с деньгами.

После этого он долго смотрел на спящую девушку, ему было жаль расставаться с нею. Она радовалась жизни и доставляла ему радость. Неприятно тайком покидать ее. Может, оставить записку? Нет, нет. Он всегда может вернуться. Если же он не вернется... ну что ж, она прилично знает язык, обычаи, у нее достаточно денег. Не пропадет.

Любила ли она его? Может, ей просто нужны мужчины? Впрочем, теперь это не важно. Главное, он ее любил.

Он наклонился над нею.

— Пока, Рыжая, — прошептал он и коснулся губами ее губ. Затем он выпрямился, подхватил чемоданы и вышел из комнаты. Вечером он уже был в Стамбуле.

Это путешествие заняло очень много времени, проведенного в самолетах, аэропортах, автобусах.

Потом Джек говорил мне с угрюмой улыбкой:

— Ты знаешь, какое самое удобное место для проведения тайного хронокинеза? Телефонная будка? Нет. Туалетная комната. Очень романтично, не правда ли?

Перед последним рывком он хорошо поужинал в одиночестве, затем принял снотворное: нужно было хорошенько отдохнуть перед делом.

Константинополь, вторая половина дня 13 апреля 1204 года... Хейвиг вышел на аллею, ведущую на холм. Тишина давила на него: не было привычного стука копыт, скрипа колес, звона колоколов, смеха, голосов, криков детей. Но в этой тишине слышался отдаленный рев пожаров и вопли перепуганных людей. Где-то совсем рядом послышался лай собаки.

Он приготовился. Девятимиллиметровый «смитт-и-вессон» висел на поясе, карманы куртки были набиты патронами. Остальное снаряжение и хронолог он засунул в металлический ящик, который сейчас висел у него за спиной.

Он шел по улице и видел закрытые двери, окна с закрытыми ставнями. Все люди спрятались в домах; голодные, перепуганные, они пытались найти спасение в молитвах. Это был район ювелиров. Разумеется, здесь жили не только ювелиры. Бедняки жили везде. По внешнему виду домов никак нельзя было сказать кто здесь живет, богач или бедняк. Видимо, те, кто разрушил дом Манассиса, руководили толпой. Здесь ли они еще? Хейвиг не был уверен, что прибыл в нужное время, но вскоре увидел их.

Он завернул за угол. На мостовой лежал труп мужчины с разбитой головой. Над ним склонилась женщина. Хейвиг, проходя мимо, услышал: «Разве недостаточно того, что тебя заставили предать нашего соседа? Во имя Христа, разве этого недостаточно?»

«Нет», — подумал он.

Он прошел мимо. Что он мог сделать для этой несчастной женщины. Ведь в своей одежде он был для нее франком. Хотя в то время, когда он родился, она сама, ее горе было погребено пылью столетий.

По крайней мере, подумал он, теперь я знаю, как крестоносцы обнаружили лавку Дукаса. Видимо, прежде чем грабить город, разведчики, знающие греческий язык, тщательно изучили этот район и теперь со своими товарищами решили тут пожить. И еще пришла уверенность, что время прибытия рассчитано правильно.

Вопли, звон оружия, стук каблуков по мостовой разносились по улицам, металась среди домов. Хейвиг оскалил зубы. Да, подумал он, я пришел вовремя.

Он ускорил шаг. Он хотел скорее подойти к дому, чтобы знать, с кем придется иметь дело.

Вот и эта улица. Тяжесть навалилась на него, мускулы одеревенели, подошвы стучали по камням в такт ударам сердца, во рту пересохло, горький дым раздражал ноздри.

Один из раненых крестоносцев увидел его, с трудом встал на колени, поднял руки. Кровь залила его плащ, капая на мостовую.

— Друг, — прохрипел он. — Брат, ради Иисуса...

Другой, еще живой крестоносец мог только стонать.

Хейвигу очень хотелось ударом ноги выбить ему зубы, но он устыдился своего порыва. Он шагнул мимо стоящего на коленях крестоносца, тянувшегося к нему, поднял руки и крикнул по-английски:

— Прекратите огонь. Я из Ээрии! Инспекция! Прекратите огонь и впустите меня, — и, чувствуя тяжесть в животе, пошел к двери.

Возле двери стояла повозка, запряженная мулом. Животное было привязано к дверной скобе. Оно двигало ушами, отгоняя мух, и без интереса смотрело на умирающих крестоносцев. Видимо, в повозке предполагалось везти драгоценности, золото, серебро к поджидающему кораблю.

Вход никем не охранялся. Хейвиг остановился, осмотрел дверь. Тяжелая, массивная. Видимо, франки хотели взломать ее. Внезапно она открылась. Хейвиг понял, почему: засов был взорван. Кажется, мальчики Уоллиса воспользовались динамитом. Почему они ворвались сюда силой? Такое появление напугает всех в доме, затруднит задачу переправки их в безопасное место.

До него донесся крик из дома:

— Нет, о, нет, пожалуйста!

Это был крик Ксении, сопровождаемый ругательствами и хохотом. Хейвиг отшатнулся, словно его ударили.

Как он ни старался, он пришел поздно. К моменту его прибытия агенты взломали дверь и проникли в дом. Они поставили человека у дверей, чтобы тот встретил грабителей, о которых предупредил Хейвиг. Сейчас он сделал свое дело и присоединился к остальным, чтобы поразвлечься вместе с ними.

Секунду, которая показалась ему вечностью, Хейвиг ругал себя

за свою глупость. Или наивность, он был еще новичком в таких делах. Хватит. Сейчас он здесь, и нужно спасти хотя бы то, что можно спасти.

Его крика никто не слышал. Он крикнул еще раз и пошел в дом, в знакомые комнаты. Крик о помощи слышался в той части дома, где находились лавка и кладовые.

Туда согнали всю семью, учеников, слуг. В большой комнате было светло, так как двери и окна, выходившие в маленький дворик, патио, были открыты. Хейвиг увидел цветочные клумбы, апельсиновые деревья в темной густой зелени, фонтан, разбрызгивающий воду... даже бюст Константина, который безразличным взглядом смотрел на все вокруг. В комнате рядами стояли шкафы и столы, где находились произведения искусства, созданные Дукасом и его учениками.

Сам Дукас лежал возле входа. Его череп был расколот. Кровь залила пол, впилась в белую тунику, окрасила седую бороду. Его рука все еще сжимала миниатюрный ювелирный молоточек, которым он хотел защитить своих женщин.

Здесь находились четыре агента, одетые крестоносцами. Хейвиг сразу узнал их. Мендоза, преступник из Испании двадцатого века. Хейвиг встречался с ним в Иерусалиме. Мориарти, бруклинский маклер и гангстер девятнадцатого века. Он держал в руках наготове большой пулемет. Ганс, ландскнехт шестнадцатого века, с любопытством наблюдал, как Конрад из Брабанта борется с Ксенией, спасая Инсуса.

Девушка кричала и кричала. Ей было только четырнадцать лет. Ее волосы растрепались, слезы текли по лицу, оставляя следы на щеках. Конрад обхватил ее за талию одной рукой, а другой срывал с нее одежду. Тяжелая палица висела у него на поясе. На ней запеклась кровь и мозги убитых людей.

— Я за тобой, — ухмылялся Ганс. — Я за тобой...

Конрад, повалив Ксению на влажный пол, стал расстегивать броуки. Анна стояла, словно слепая и глухая ко всему, над телом мужа. Затем она бросилась к дочери. Ганс свалил ее на землю одним ударом.

— А тебя потом, может быть, — сказал он.

Мориарти смотрел на них и смеялся.

Окрик Хейвига снова не был услышан ими, настолько они были захвачены происходящим. Мендоза первым увидел Хейвига и вскрикнул. Конрад отпустил Ксению и встал.

Ксения умоляюще смотрела на Хейвига. Никогда еще он не видел такого света в ее глазах.

— Хаук! — крикнула она. — Хаук!

Мендоза поднял пистолет.

— В чем дело? — спросил он.

Хейвиг теперь понял, как далеко его рука от оружия, но не ощущал страха, только бешенство, ярость, душевную боль, отвращение.

— Это я должен спросить, в чем дело? — процедил он.

— Ты забыл, что тебе приказано? Я знаю все. Твоя задача — разведка. Ты не должен был подвергаться риску, появляясь в такое время.

— Я сделал свое дело, Мендоза, и вернулся, чтобы закончить свои личные дела.

— Это запрещено! Уходи отсюда, и мы позже поговорим, докладывать мне о тебе или нет.

— А если я не уйду? — Хоть он и старался сохранить спокойствие, его голос постепенно повысился до крика. — Я увидел то, что не ожидал увидеть, не все сразу, а небольшими фрагментами. Поэтому я каждый раз шел на компромиссы, и в конце концов дошел до того, что вынужден либо стать как все вы, либо убить себя.

Мендоза пожал плечами, но дуло его пистолета было все время направлено в живот Хейвига.

— Чего же ты хотел? Мы пользуемся тем человеческим материалом, который нам удастся добыть. Эти ребята ничем не хуже крестоносцев. Как все люди. Разве не так, Джек, скажи честно?

— Они хуже. Потому что они имеют возможность появляться в любом месте, в любой эпохе и творить зло, не боясь возмездия. Представляю, как они проводят свои отпуска. Наслаждение причинять боль и страдания другим усиливается с практикой и опытом.

— Послушай...

— А Уоллис, черт бы его побрал! Неужели у него нет способа контролировать этих животных?

— Хейвиг, ты слишком много говоришь. Убирайся отсюда, или я арестую тебя!

— Таких, как я, вы все время держите в неведении, пока мы не примиримся с этой болтовней относительно того, что миссия Ээрии слишком важна для всего человечества, чтобы мы могли тратить свои драгоценные жизни на обычную гуманность. Верно?

Мендоза сплюнул:

— Ну, хватит. Ты и так наговорил слишком много. Ты арестован. Ты будешь препровожден в будущее, и Сахэм будет судить тебя. Веди себя хорошо, и, может быть, тебе удастся легко отделаться.

Наступила тишина, нарушаемая только всхлипами Ксении, которая держала на коленях голову матери и не отрывала глаз от Хейвига. Все остальные — и домашние Дукаса, и приспешники Мендозы — тоже смотрели на него.

Хейвиг принял решение в эти мгновения. Он оценил положение каждого в комнате, переместился назад во времени на несколько минут, выхватил пистолет и снова вернулся в это время. Прогремели выстрелы, и голова ландскнехта разлетелась на куски. Хейвиг снова переместился назад во времени, чтобы появиться в другом конце комнаты.

Впоследствии он не мог даже припомнить, как все это происходило. Сражение было чересчур яростным и коротким. Ведь

его противники тоже были способны к таким действиям. Мориарти уже исчез из комнаты, когда Хейвиг появился снова. Прогремел выстрел Мендозы. Хейвиг, не задерживаясь, переместился вперед во времени, где сразу заметил убегающего Мориарти. Хейвиг застрелил гангстера и вернулся назад.

Мексиканца уже не было. Джек проскользнул в прошлое на целые сутки. Ему нужно было вдохнуть свежего воздуха, вытереть пот с лица и успокоиться. Наконец он пришел в себя и смог вернуться, чтобы просканировать во времени всю битву. Но Мендозу он так и не смог обнаружить. Видимо, мексиканец переместился далеко вперед, в эпоху Ээрии, чтобы вызвать помощь.

Это означало, что действовать надо быстро. Друзья Хейвига не могли перемещаться во времени. Враги не смогут точно попасть в это время, так что у Хейвига и византийцев еще была возможность скрыться. Но времени у них было совсем немного.

Хейвиг вернулся в комнату. Возле стены лежал умирающий Мориарти. Домашние, слуги и ученики Дукаса сбились в кучу. Некоторые из них были ранены. Бардас лежал мертвым.

— Я пришел спасти вас, — сказал Хейвиг. Голос его прозвучал странно в этой комнате, где повисла атмосфера страха и смерти. Он перекрестился: — Во имя Отца, Сына и Святого Духа. Во имя Девы Марии и всех святых. Быстро идите за мной, иначе вы все погибнете.

Он помог Ксении подняться. Девушка вцепилась в него обеими руками, и он погладил ее длинные спутанные волосы, вспомнив, как держал ее, когда она была ребенком. Через плечо он крикнул остальным:

— Иоханнес, Ницефорус, вы понесете свою хозяйку Анну. Остальные, кто может, будут помогать раненым. — Затем у него вырвалось по-английски: — Черт бы вас побрал! Нужно убираться отсюда побыстрее!

Они тупо повиновались Хейвигу. На улице он остановился, снял плащ с убитого крестоносца. С другого трупа — меч. Ножны он не стал брать, чтобы не терять времени. Меч крестоносца давал ему возможность провести свой небольшой отряд через город, не боясь, что их остановят.

Вскоре силы оставили его, и он был вынужден сесть, опустив голову, чтобы немного прийти в себя.

Ксения опустилась возле него на колени, гладила его и шептала:

— Хаук! Милый Хаук, что с тобой?

— Все нормально, — наконец смог произнести он.

По крайней мере, пока. Впрочем, вряд ли Ээрия будет обшаривать весь город в его поисках. И все же ему следовало обеспечить безопасность своим подопечным и себе. Он поднялся и, пошатываясь, повел их дальше.

— Я оставил их в каком-то монастыре, — рассказывал он мне впоследствии. — Монастырь был переполнен беженцами. В следую-

щие несколько дней я устроил их получше, вручив настоятелю монастыря богатые дары. Мне это было нетрудно сделать, так как я просто грабил крестоносцев. Это было противно, но просто. Благодаря моим взносам монастырь смог покупать пищу для тех, кто искал здесь убежище.

— А как насчет крестоносцев?

— Что я мог сделать? Их было слишком много.

Я потрепал его по плечу.

— Успокойся, ты ни в чем не повинен. Зла всегда больше.

Он слабо улыбнулся:

— Благодарю, док.

Я уже давно превысил свой табачный рацион, но час был поздний, и мои нервы требовали помощи. Взяв трубку, я начал ужасную церемонию ее чистки. Жуткий запах табака распространился по комнате.

— Что ты сделал дальше?

— Вернулся в двадцатое столетие — разумеется, в другой отель — и хорошенько выпался. А потом... Что касается моих византийцев, то я уже больше ничем не мог им помочь. Но я предупредил их, чтобы они не болтали о моей помощи. Пусть говорят, что они просто сбежали. Чтобы не привлекать к себе внимания, самое лучшее было предоставить их своей судьбе. Теперь мне нужно было позаботиться о себе.

Я сделал глубокую затяжку:

— И что же ты сделал?

Он глотнул. Виски обожгло ему горло.

— Я знаю дату, когда я последний раз был Дж. Ф. Хейвигом, — сказал он. — В 1965 году. Это было мое последнее пребывание в нормальном времени, так что с этого момента мое существование безопасно.

— А агенты Ээрии не могли нанести удар раньше?

— О, они могли бы появиться и подстроить что-нибудь. Но я сомневаюсь, что они стали бы даже пытаться. Никто из них не знает жизни в двадцатом веке.

— Значит, ты считаешь, что происшедшее и зафиксированное событие изменить невозможно?

От его улыбки мороз пошел у меня по коже.

— Я знаю, что путешественник во времени не может ничего изменить. Я пытался сделать это, но безуспешно. Это было еще в юности, когда я хотел вернуться назад и предупредить отца, что его ждет.

— И?... — выдохнул я.

— Док, помнишь мою сломанную ногу?

— Да. Подожди... Так значит, это...

— Я зацепился за проволоку на лестнице как раз в тот день, когда решил отправиться в путешествие... А когда я выздоровел и был готов начать снова, то получил экстренный вызов от моей страховой компании, и мне пришлось заняться срочными делами. А когда я

вернулся в Сенлак, оказалось, что мать окончательно порвала с Биркелундом и нуждается в моем присутствии. Я посмотрел на двух невинных детей, которых она принесла в этот мир — и принял на себя эту ношу.

— Ты думаешь, это вмешался Бог?

— Нет-нет. Это просто логическая невозможность изменить прошлое. Каждое мгновение времени — это прошлое бесконечного множества других мгновений.

— Значит, мы все просто марионетки в руках Времени?

— Я не говорил этого, док. Более того, я не верю в это. Мне кажется, что все мы являемся частью какого-то грандиозного механизма. И чем меньше мы знаем, тем шире диапазон нашей свободы.

— Значит, это похоже на наркотики. Человек добровольно принимает химическое соединение, которое закрепощает его мозг.

— Может быть, может быть, — Хейвиг шевельнулся в кресле, глядя в ночь. Затем сделал еще глоток виски. — Пожалуй, у нас нет времени на философские размышления. Ищейки Уоллиса охотятся за мной. Они кое-что знают о моей биографии и могут выследить меня.

— Поэтому ты так долго избегал встреч со мной?

— Да, — он положил руку на мое колено. — Пока была жива Кейт. Ты помнишь?

Я кивнул.

После этого он заговорил быстро, не вдаваясь в подробности, давая только общую схему своих действий. Он быстро распределил свое состояние по банкам, положив вклады на вымышленные имена. Таким образом Дж. Ф. Хейвиг исчез со сцены. А так как в двадцатом столетии у него не было близких, кроме матери и доктора, то никто не удивился его внезапному исчезновению. А их он может предупредить письмом.

— Мне ты посылал, в основном, почтовые карточки, открытки, — сказал я. — Ты заставил меня понервничать. — И, после паузы: — Где же ты был?

— Замаскировав свои следы, насколько это возможно, я отправился обратно в Константинополь.

На пожарищах и развалинах Нового Рима был восстановлен относительный порядок. Прежде всего, правительство и оккупационные войска нуждались в пище и воде. Поэтому жителей города нельзя было больше грабить и держать под страхом смерти. Им нужно было обеспечить возможность спокойно трудиться. Позже Болдуин Фландрский, наместник императора в той части мира, куда входил Константинополь, решил выжимать из своих подданных побольше. Но вскоре в войне с болгарами он был захвачен в плен и умер в тюрьме. Его преемник, Анри Первый, продолжал ту же политику. Король латинян мог принижать греков, ввергать их в бедность, брать в солдаты. Но за все это он должен был обеспечить им относительную безопасность.

Ксения уже находилась в женском монастыре. Хотя она была здесь всего лишь гостьей, ее содержание было довольно строгим. Она встретила с Хейвигом в холодной комнате с кирпичными стенами под неусыпным надзором сестры-монахини. Ксения была одета в накидку из грубой темной шерсти и не смела даже коснуться руки своего посетителя-мужчины, несмотря на его щедрые дары монастырю. Хейвиг смог увидеть ее глубокие темные глаза, заметил, что, несмотря на все трудности и лишения, которые ей пришлось перенести, ее тело округлилось, наполнилось женственностью, а звуки ее голоса вернули его назад, в те счастливые дни, когда она и ее отец...

— О Хаук, милый Хаук! — она тут же испуганно отшатнулась, перекрестилась, стала опускаться на колени, бормоча:

— Я... извините меня... благословенный...

Старая монахиня нахмурилась и шагнула к ним.

Хейвиг замахал руками.

— Нет, Ксения, — воскликнул он. — Я такой же смертный, как и ты. Клянусь. Случилось нечто странное. Может быть, я смогу объяснить тебе позже. Но поверь мне, моя дорогая, я всего лишь человек, и ничего больше.

Она вскрикнула, но вовсе не от разочарования.

— Я... я так рада... я рада, что ты пойдешь в рай после смерти, но...

Но сегодня он не входил в число ее строгих и хмурых византийских святых.

— Как твоя мать? — спросил он.

— Она постриглась в монахини, — едва расслышал он. — И убеждает меня сделать то же самое.

Тонкие пальцы стиснулись в кулачки так, что даже косточки побелели; глаза, полные ужаса, смотрели на него.

— Я должна сделать это? Я ждала тебя, чтобы ты сказал мне...

— Пойми меня правильно, док, — сказал Хейвиг. — В монастыре было все нормально. Однако там были слишком строгие правила, слишком много ограничений. Ты же католик и можешь себе представить. Ксения любила своего Бога, но и книги она тоже любила. Они были частью ее жизни. В ней был слишком силен дух классической античности, и у меня не хватило духа разочаровать ее. Ведь, в конце концов, и я приложил усилия, чтобы она так рано познала реальный живой мир. А сейчас впереди у нее были лишь молитвы и служение Богу, и ничего, кроме Смерти, не откроет перед нею двери монастыря. А ведь она родилась свободным ребенком, жившим под вечно ласковым солнцем.

— И что же ты сделал?

— Я нашел престарелых супругов, которые согласились взять ее. Они были бедны, но я помог им деньгами. Они были бездетны и чрезвычайно радовались, когда Всевышний в моем лице подарил им дитя. Она тоже привязалась к ним. Так что все устроилось хорошо.

— Разумеется, ты периодически появлялся у них.

Хейвиг кивнул. Мягкая улыбка тронула его губы.

— У меня было много своих дел, но в последующие три года я несколько раз навещал Ксению. И мои посещения становились все чаще и чаще.

ГЛАВА 11

Этот корабль был огромным тримараном. С мостика Хейвиг смотрел на чистую широкую палубу, отделанную твердыми сортами дерева. Он видел люки, стрелы грузовых лебедок, моторы, элементы солнечных батарей. Цивилизация Маури испытывала недостаток металла, и поэтому он использовался только в самых крайних случаях. Каюты тримарана были украшены пышными тропическими цветами. На каждом носу корабля стояла вырезанная из дерева фигура, представляющая одного из божественной троицы: создатель Танароа в центре, Лезу Харисти со своим крестом слева, а справа Пан с зубами акулы, олицетворяющий смерть и темные стороны жизни.

Но вовсе не варвары создали этот огромный корабль. Его тройной киль обеспечивал великолепные гидродинамические свойства корабля. Три мачты были, разумеется, оснащены парусами, но эти паруса управлялись небольшими двигателями на биологическом горючем. Эти паруса, управляемые компьютером, постоянно отслеживали направление ветра, чтобы максимально использовать его тянущую силу. Экипаж состоял из четырех конаков и двух женщин-вахин, которые не были перегружены работой.

Капитан Реву Лоханессо получил образование в университете Веллингтона. Он говорил на нескольких языках, и его английский вовсе не был какой-то искаженной версией вульгарного американского.

Могучий загорелый капитан, в саронге и с босыми ногами, медленно произнес, чтобы его понял пассажир, только-только приспособившийся к современному языку:

— Мы разрабатываем новую технологию, ведь мир машин был полностью уничтожен. Нам нужно найти новые пути развития на отравленной Земле. Мы еще не полностью разрешили свои проблемы. Но сделано много, и я уверен, что будет сделано еще больше.

Океан медленно гнал аквамариновые волны. Они накатывались на тримаран, обдавая тело могучего корабля веселыми брызгами. Солнце сверкало на крыльях альбатросов. Где-то вдали вверх взметнулся фонтан, выпущенный китом. Ветер не свистел в ушах — тримаран и ветер летели с одинаковой скоростью, — но освежал кожу, приносил соленый аромат моря и далеких цветущих островов. На палубе полуголый юноша извлекал из деревянной флейты чарующие звуки, а девушка танцевала перед ним, изгибаясь стройным телом. Оба они были почти совсем обнажены, и смотреть на них было очень приятно.

— Ты создал великую вещь, брат Томас, — сказал Лоханессо. — Тебя будут чествовать, когда ты прибудешь. — Он поколебался и сообщил: — Я не радировал, чтобы Федерация прислала за тобой самолет. Честно говоря, дирижабли, конечно, быстрее, но менее надежны, чем корабли. Двигатели там слабые, а противопожарный катализатор для водорода еще только проходит испытания.

— Я прибыл туда, — говорил мне впоследствии Хейвиг, — чтобы узнать правду о цивилизации Маури в момент ее взлета. И я увидел, что это совсем не дикари, вернувшиеся в лоно природы. Даже их мозг был более конструктивно устроен, чем у многих людей двадцатого века. Правда, пока они не могли получить хорошего горючего для летательных аппаратов. У них не было даже гелия для создания безопасных дирижаблей. Мы перестарались, уничтожив все, что могли.

— Твоего открытия ждали несколько столетий, — сказал капитан. — Так что ничего, если в Веллингтоне подождут еще несколько недель.

— Если я собирался глубоко изучить цивилизацию Маури, понять, какой процент правды заключался в рассказах Уоллиса о ней, я должен был проникнуть туда. Я мог бы легко прикинуться одним из обитателей островов. Но какая польза была бы правительству от еще одного варвара? И тут мне пришлось в голову... — Хейвиг ухмыльнулся. — Ты можешь отгадать, док? Нет? О'кей. В двадцатом веке я приобрел партию радиоизотопов, вроде углерода-14. Я упрятал их в надежном месте и направился в будущее. Здесь я стал братом Томасом, человеком с далекого материка, получившим неплохое образование. Ты понимаешь, док? Основное направление их исследования чисто биологическое. Во-первых, оно обусловлено необходимостью заживления ран Земли, ее животного и растительного мира, во-вторых, организм человека — натуральный преобразователь солнечной энергии. Но у Маури не было ядерного реактора, позволявшего метить атомы для исследований. Поэтому моя находка была для них «божьим даром».

— Ты думаешь, что меня примут как ученого? — тревожно спросил Хейвиг капитана. — Но это совсем не так. У нас все такие, как я.

Лоханессо положил руку ему на плечо:

— Не бойся, друг. Мы торговый народ. Мы платим за то, что имеет цену для нас, а то, что предлагаешь ты — бесценно. Кроме того, мы хотим распространять цивилизацию и знания повсюду. А для этого нам нужны союзники. Умные и знающие люди.

— Вы действительно хотите переделать все человечество?

— Переделать? Ты имеешь в виду, создать наши копии? Нет, конечно. Я не вхожу в правительство, но я читаю отчеты о дебатах, труды наших философов. Основная причина гибели предыдущей цивилизации, машинной культуры заключалась в том, что она стремилась сделать всех людей одинаковыми. Разумеется, это не единственная причина, но одна из тех, что привели мир к

катастрофе. — Лоханессо ударил могучим кулаком по поручням. — Черт побери, Томас, нам нужно все человеческое многообразие, многообразие обликов, способов мышления, образов жизни!

Он рассмеялся и закончил:

— Конечно, в разумных пределах. Например, от пиратов нужно избавляться. Ну, хватит на сегодня. Уже полдень. Мне нужно проделать кое-какие измерения, а потом мы пообедаем. Считай, что ты еще не жил, раз не пробовал моего пива.

— Я провел больше года среди ранних Маури, — рассказывал Хейвиг. — И получил там именно те знания, которые мне были нужны для достижения моей цели. Это были очень милые добрые люди. О, разумеется, среди них были и подлецы, и мошенники. У них были свои недостатки, но в целом Федерация того времени была самой счастливой и наиболее пригодной для нормальной жизни человека. Чего не скажешь о более ранних стадиях развития, которые я прошел вплоть до двадцатого столетия. Там я сел на самолет и перелетел из Веллингтона в Стамбул. Я хотел увидеться с Ксенией. Вскоре мы поженились.

Об их совместной жизни, о пяти счастливых годах, проведенных с нею, он рассказывал мало. Да это и понятно. Я тоже никому не рассказывал о своей жизни с Кейт.

Впрочем, их жизнь была довольно сложной. Им приходилось жить затворниками, скрываясь от агентов Ээрии.

К тому же, ему было не так просто заниматься предпринимательством. Он не мог начать свое дело в этом мире гильдий, монополий, сложных взаимоотношений, ибо даже тогда, когда отсутствовала регулярная связь с метрополией, слухи и сплетни разносились со скоростью курьерского поезда. Ему стоило немалых усилий утвердиться в роли агента некоего датского торгового дома, выполняющего скорее роль наблюдателя, чем комиссионера, и, следовательно, не связанного с франками. Финансы не были для него проблемой, ведь он сумел захватить с собой достаточно золота. Однако он должен был иметь разумное объяснение своему богатству.

Хейвиг подумывал о том, чтобы им с Ксенией перебраться куда-нибудь в безопасное место, например, в Россию или Западную Европу. Но в Россию нахлынули татары, а в Европе господствовала Святая Инквизиция. Следовательно, перед ними всегда будут разворачиваться жуткие сцены, свидетелями которых они здесь были. Кроме того, они не останутся незамеченными. Каждому будет ясно, что они выдают себя не за тех, кто они есть на самом деле. Поэтому Хейвиг купил дом в пригороде Константинополя. Там обычно жили чужестранцы.

Чтобы еще больше обезопасить себя от агентов Ээрии, он придумал себе новое имя, Джон Андерсон, и приучил Ксению называть себя так. К счастью, она была нелюбопытна и не задавала глупых вопросов вроде: почему он сменил имя, почему он, такой богатый и знатный, решил жениться на ней, бедной девушке. Если

ему так захотелось иметь ее, почему он не сделал ее своей наложницей?

— Насколько ты посвящал Ксению в свои дела? — спросил я.

— Я ничего ей не сказал. Правда могла только повредить ей. Она всегда была простодушной девушкой с открытым сердцем. Она совершенно спокойно приняла мои объяснения относительно моего имени. И она никогда не спрашивала меня о делах, так как понимала, что, когда я с ней, мне совсем не хочется думать о делах. И она была права.

— Но как ты объяснил ее чудесное спасение?

— Я ответил, что молился своему святому, который, видимо, принял мои молитвы. Она была так напугана насильниками, что едва помнила, как все тогда происходило. Поэтому она мне безоговорочно поверила. Мне было больно смотреть на нее, такую нежную, такую юную, как ребенок. Я ведь знал, что нам не суждено иметь детей.

— Хм. Кстати, о религии. Она стала католичкой, или ты перешел в ортодоксальную веру?

— Ни то, ни другое. Я не требовал от нее перемены веры. Что же касается меня, то я должен был оставаться примерным католиком, чтобы не потерять доверие у своих торговых партнеров, итальянцев и франков. Мы нашли священника, который обвенчал нас, а потом западного епископа, который за определенную мзду отпустил мне грехи. Ксения же вообще не заботилась об этом. Она вполне терпимо относилась к вопросам веры и религии. Она была уверена, что я не буду гореть в аду после смерти, ведь мой святой так хорошо относился ко мне. А кроме того, она была так счастлива, — он рассмеялся. — И она постоянно пребывала в таком состоянии.

Сначала их дом был совершенно пуст, но со временем был обставлен и украшен со вкусом, который она унаследовала от отца. С крыши дома был виден залив Золотой Рог, стены и купола Константинополя на другом берегу. С такого расстояния Константинополь казался богатым, неразграбленным городом.

В доме жили трое слуг. Совсем немного для того времени, когда работы было очень много, а нанять людей — очень непросто. У Хейвига в услужении был грум-каппадокиец с лицом мошенника. Он был женат на кухарке, которая работала у них же. Ксения с удовольствием возилась с их детьми, баловала их. Она ухаживала за садом, который вскоре стал настоящим уголком рая. Остальное время она занималась шитьем, проявляя при этом настоящий талант, читала книги, которые приносил Хейвиг.

— Византийцы, — говорил Хейвиг, — были полны суеверий. Магия, гадания, амулеты от дурного глаза, предзнаменования, приворотные зелья... Ксения увлекалась астрологией. Естественно, ее увлечение было безвредным. Она составляла гороскопы, интерпретируя их так, как ей казалось интересным. Часто ночью мы вместе ходили наблюдать звезды. О, как она была прекрасна в лунном свете. Я постоянно боролся с искушением принести ей телескоп. Хотя бы маленький. Но это было слишком рискованно.

— Ты многое сделал, чтобы преодолеть интеллектуальную пропасть между вами, — заметил я. — В случае с Леонсой тебе было проще. Ты заполнил эту пропасть сексуальными наслаждениями.

— Ничего особенно я не сделал, док. Она была моложе меня лет на пятнадцать. Она многое не знала из того, что знал я, но знала много такого, чего не знал я. Во-первых, она с детства читала классиков, что не принято в нашем веке. Поэтому у нее сформировалось идеальное чувство прекрасного. Она наизусть читала из Эсхила и Софокла, Сафо и Аристотеля. Она хорошо знала древнюю историю, искусство, архитектуру, обычаи.

Он остановился, переводя дыхание. Я ждал.

— Мы любили друг друга; я с удовольствием наблюдал за ней, когда она легко передвигалась по дому, делая свои дела, постоянно напевая нежные мелодии.

Они оба не любили гостей, хотя Хейвигу время от времени приходилось приглашать в дом своих компаньонов и агентов. Но Ксения тогда скрывалась в своей комнате. К счастью, в то время было не принято, чтобы хозяйка присутствовала при таких встречах. А если в гости приходили ее друзья, тогда Хейвигу приходилось скрываться. Ведь он был Джоном Андерсоном, чужим в этой стране.

Когда ему приходилось исчезать, он, с одной стороны, был рад переменам, а с другой — очень грустил при разлуке с Ксенией. Правда, ему, чтобы оправдать свою роль коммерсанта, довольно часто приходилось отлучаться. Хотя его канцелярия находилась прямо в доме, дела фирмы требовали, чтобы он встречался со своими агентами в городе или даже в других городах.

— Вот так и протекала моя жизнь, — говорил мне Хейвиг. — Я вел жизнь преуспевающего коммерсанта с солидным капиталом и любимой женой и в то же время перемещался в будущее, чтобы изучить Федерацию Маури, ее расцвет, ее величие, ее постепенное угасание и конец.

Сумерки медленно наползали на остров. Внизу, у подножия холмов, уже начинали зажигаться фонари, но вода еще излучала свет дня. В темно-голубом небе зажглась Венера. На веранде дома Карело Кeadзиму курилась ароматная кадильня. Старик пробормотал:

— Увы. Мы идем к концу. Умиравший мир. Смерть так же реальна для целого народа, как и для отдельных личностей...

Хейвиг молчал, стоя возле умирающего друга на коленях.

— Я следовал за ним всю его жизнь, — говорил мне Хейвиг. — Он начал, как блестящий молодой философ. А закончил жизнь государственным деятелем. Я говорю тебе о нем, так как ты один из тех двоих моих современников, которым я могу доверять свои тайны. Видишь ли, я не мудрец, я могу лишь скользить по поверхности жизни, собирая информацию. Но могу ли я интерпретировать собранные факты, могу ли я понять, что происходит? Откуда мне знать, что должно быть сделано, что может быть сделано... Я просто

пролетел по поверхности лет, а Карело Кeadзиму жил, работал, мыслил в самой гуще событий. Мне была нужна его помощь.

— Вы видите, — сказал Хейвиг, — один элемент вашей культуры слишком развит за счет остальных.

— Судя по тому, что вы рассказали мне, да, — его хозяин надолго задумался, но эти минуты ожидания не показались Хейвигу бесконечными. — Вернее, тебе кажется, что в будущем возникнет конфликт между двумя концепциями, которые мы, Маури, стараемся сохранить в равновесии: наука, рационализм, планирование, контроль... и мифы, освобожденная психика, человек, как часть природы, откуда он черпает знания и мудрость...

— Мы, Маури, — продолжал старик, — когда-то возвели то доброе, что нам казалось важным, в ранг идола, фетиша, совершенно забыв о другом, хорошем, выбросив его из обращения. Во имя сохранения национальных культур мы старались заморозить целые народы в таком состоянии, которое казалось нам наилучшим. Опаснейший анахронизм! Во имя сохранения экологии мы старались запретить все работы, которые могли проложить путь к звездам. Неудивительно, что такая стратегия породила множество оппонентов.

После долгого молчания он сказал:

— Но, согласно твоим рассказам, Джек, друг мой, в будущем человечество откажется от науки и сохранит только минимум технологии, необходимый для поддержания жизни на планете. Люди еще больше углубятся в себя, в мистицизм... Я правильно тебя понял?

— Не знаю. У меня сложилось такое впечатление. Но это только впечатление. Я многого не понимаю, и от меня потребовались бы годы жизни, чтобы понять все. Даже не все, а хотя бы столько же, сколько я понял в вашей жизни. А жизнь будущих Маури ускользнула от меня.

— И парадокс углубляется, — сказал Кeadзиму. — Посреди пасторальных пейзажей стоят могучие заводы, которые вибрируют и гудят, наполненные загадочной энергией. В небеса взлетают громадные бесшумные корабли... Это ты и не можешь понять. Ты не можешь себе представить, откуда это у них... Я прав?

— Да, — с несчастным видом сказал Хейвиг. — Карело, что мне делать?

— Мы находимся с тобой на одной ступени знаний. Чему я могу научить тебя?

— Карело, я единственный человек, который пытается увидеть через тысячелетия. Но я не могу! Я чувствую, это невозможно. Ээрия внесет машинные аспекты в будущую жизнь. И что тогда будет?

Кeadзиму легонько коснулся его.

— Успокойся. Человек мало что может сделать. Но если это малое принесет пользу, то этого достаточно.

— Принесет пользу? Но если будущему человечеству предстоит жить под тиранией нескольких человек, обладающих техникой? Разве это нужно людям? И что можно сделать?

— Как политик я уклоняюсь от ответа, — его внезапная сухость

удивила Хейвига. — Но думаю, что ты видишь будущее в слишком черном цвете. Деспотизм можно уничтожить. Маури, со своей концентрацией на биологии, тоже могут оставить будущему очень плохое наследство.

— Что? — Хейvig даже привстал.

— Отточенный металл может рубить дерево и человеческую плоть, — сказал Кeadзиму. — Взрывчатка делает котлованы, но может уничтожить и людей. Наркотики... да, да. Уверяю тебя, что это главная из проблем, которая очень беспокоит наше правительство. И это не обычные наркотики, стимулирующие воображение, нет, мы уже имеем химические вещества, которые могут заставить человека поверять во все, что ему скажут.

Я, в общем, рад, что гегемония Федерации в будущем прекратится. Следовательно, вина за то, что произойдет с человечеством, ляжет не на нас. — Кeadзиму нагнул к Хейвигу. — Но ты, несчастный путешественник во времени, ты вынужден думать о будущем. Этот вечер — вечер мирного неба. Смотри на звезды, вдыхай ароматы, слушай пение птиц, ощущай дыхание ветра. Будь заодно с Землей.

Я сидел в своем коттедже над книгой. Сенлак, ноябрь 1969 года. Ночь была удивительно ясной и пронзительно холодной. Мороз украсил невиданными узорами окна.

Проигрыватель излучал музыку Моцарта, на моих коленях лежал томик стихов Китса, возле меня на столе стоял стакан, куда было налито на два пальца виски. Воспоминания роились в моей голове и иногда заставляли улыбаться. Прекрасное время для старого человека.

Кто-то постучал в дверь. Я произнес нечто невнятное, с трудом поднялся с кресла и, придумывая предлоги для извинения и отказа, пошел к двери. Мое настроение не улучшилось, когда собака, едва не сбив меня с ног, бросилась к двери. Я держал этого бесцеремонного пса только потому, что его любила Кейт. Еще совсем щенок, когда умерла его хозяйка, сейчас он уже сам был близок к могиле.

Когда я открыл дверь, морозный воздух окутал меня. Снега еще не было, земля промерзла насквозь, казалось, до самого экватора. А за дверью стоял человек, который буквально трясся от холода в своем легком не по сезону пальтишке. Он был среднего роста, шуплый, светловолосый, с острыми чертами лица.

Хотя я не видел его уже пять лет, эти годы не стерли его из моей памяти.

— Джек! — воскликнул я. Волна слабости нахлынула на меня.

Он вошел, закрыл дверь и сказал неровным, прерывающимся голосом:

— Док, ты должен мне помочь. Моя жена умирает.

ГЛАВА 12

— Жар и озноб, боль в груди, красные пятна на щеках, кашель... все это похоже на пневмонию, — кивнул я. — И все это сопровождается головной болью, болью в спине и шее... Возможно, развивается менингит.

Сидя на краешке стула, Хейвиг спросил:

— Что же делать? Антибиотики...

— Да, да. Я не люблю прописывать лекарства заочно, а тем более, давать рекомендации тому, кто не имеет права этим заниматься. Так что сейчас бы я предпочел порекомендовать кислородную палатку...

— Я могу... — воскликнул он, но затем угас. — Нет, баллон с газом слишком тяжел.

— Ну что ж, она молода, — я попытался его успокоить. — Возможно, стрептомицин... — я поднялся, похлопал его по согнутой спине. — Успокойся, сынок. Послушай, что я скажу... — и я признался, что пять лет назад в беседе с одним писателем из Калифорнии не смог удержаться и рассказал ему отдельные детали эпохи Маури, о которых узнал от Хейвига. Эта странная культура заинтриговала меня, и я подумал, что этот человек, писатель, тренированный в размышлениях и предположениях, сможет объяснить мне некоторые загадки и парадоксы. Естественно, я ничего не сказал ему о Хейвиге и об источнике информации. Выслушав меня, писатель попросил разрешения использовать некоторые мысли в своих произведениях, и я не нашел причин для отказа.

— И рассказы были опубликованы, — с виноватым видом сказал я Хейвигу. — Интересно, что в некоторых рассказах он даже сумел предсказать то, что я узнал от тебя лишь позже, например, борьбу правительства с теми, кто пытается возродить машинную технологию. Что, если агенты Ээрии выйдут на след?

— У вас есть эти рассказы? — спросил Хейвиг.

Я дал ему книгу. Хейвиг быстро просмотрел ее. Озабоченность исчезла с его лица.

— Не думаю, что следует беспокоиться, — сказал он. — Он изменил имена, место действия, и кроме того, ошибался гораздо больше, чем оказывался прав. Если кто-нибудь из знающих будущее прочтет эти книги, он подумает, что это простое совпадение, случайное попадание в цель. Но я сомневаюсь, что кто-нибудь прочтет это. Эта книга скоро забудется. Агенты Ээрии не могут просматривать все издаваемые книги.

Мне кажется, что я чрезмерно осторожен. Если за столько времени на нас не вышел еще ни один агент, значит, вряд ли это случится. Несомненно, они проверили вас и решили, что вы бесполезны для них. И все равно, я не посещал тебя столько времени только ради твоей безопасности.

Помолчав, он добавил:

— Более того, они даже не устроили мне ловушку там, где живет

моя мать. Видимо, это кажется им слишком рискованным, ведь они плохо знают нашу эпоху. Так что будь спокоен, док, я думаю, все будет о'кей. Но сейчас ты должен помочь мне.

— Почему ты пришел ко мне? Ведь в эпоху Маури медицина получила хорошее развитие.

— Слишком хорошее. Она там носит только профилактический характер. Поэтому я считаю, что в случае с Ксенией лучше воспользоваться современными мне знаниями.

Я потер подбородок. Затрещала отросшая за ночь щетина.

— Я всегда знал, что хемотерапия имеет свои пределы.

Хейвиг беспокойно шевельнулся:

— Дай мне шприц и ампулы, и я пойду.

— Полегче, полегче, — заметил я. — Помни, что я не практикую, и у меня нет лекарств. Нам придется ждать, когда откроется аптека. Кроме того, я хочу немного почитать о лекарствах. Антибиотики могут иметь побочные эффекты, так что я должен подготовить тебя. Но прежде всего тебе нужно немного выпить и поспать.

— Ээрия...

— Успокойся, — сказал я этому усталому, издерганному человеку, в котором я все еще видел мальчика. — Ты сам только что сказал, что эти бандиты потеряли интерес ко мне. Если бы они следили за моим домом, то они уже были бы здесь. Согласен?

Он тяжело кивнул.

— Вероятно.

— Я одобряю твою осторожность, но все же настаиваю, чтобы ты сообщил мне о всех стадиях болезни твоей жены.

— Могу ли я?.. Сначала у нее была сильная простуда. В те времена болезни протекают гораздо сильнее, чем сейчас. Дети мрут как мухи. Родители не проявляют особой любви к ребенку первую пару лет. Вероятно, именно потому, что высока детская смертность, и родители не хотят привязываться к ребенку. Ксения, заболев, не ложилась в постель, хотя чувствовала себя плохо... А тем вечером... — он не мог договорить.

— Ты просмотрел ее будущее?

Запавшие глаза дико посмотрели на меня.

Я не могу понять, почему он боялся заглянуть в будущее Ксении, узнать, когда она умрет. Неужели он считал, что незнание спасет его свободу, вернее, иллюзию свободы. Я ничего не знаю, кроме того, что он оставался у меня два дня, давая отдых телу и учась делать инъекции. Затем мы распрощались. Ни он, ни я не знали, увидимся ли снова. Он уехал на такси в аэропорт, сел в самолет и полетел в Стамбул, чтобы там переместиться в прошлое, где его захватят агенты Ээрии.

Был ноябрь 1213 года. Хейвиг выбрал этот месяц, потому что знал: будет грязь, слякоть, холод, и агенты Ээрии не будут дежурить у моего дома. Но на берегу бухты Золотой Рог погода будет не такая холодная, хотя пронзительный ветер дул через Черное море из

России, неся с собой дождь. В домах византийцев для защиты от холода имелись только медные жаровни, каминные здесь были слишком дороги. Маленькое тело Ксении содрогалось от холода, в легких слышались хрипы.

Хейвиг прибыл в Стамбул в район доков и пошел окружной дорогой, чтобы не навести шпионов. Дорога была почти пустой. В одной руке он нес хронолог, в другой — плоский чемоданчик, где заключалась жизнь Ксении. Дождь сыпал с серого неба, и вскоре вся его одежда промокла до нитки, холод подступил к телу. Звук его шагов по скользким камням гулко разносился по пустынным улицам. Он торопился. Ведь прошло уже больше пятнадцати минут с тех пор, как он покинул Ксению. Было три часа дня, а сумерки уже повисли над городом.

Дверь его дома была заперта, ставни опущены, а сквозь щели пробивался свет.

Он постучал, ожидая, что новая служанка, Зулалия, так, кажется, ее зовут, откроет дверь и впустит его. Она, конечно, удивится, увидев, что он так быстро вернулся, ну да и черт с нею.

Заскрипели петли, дверь открылась. В дверном проеме стоял бородатый человек в византийской одежде. Дуло пистолета в его руке показалось Хейвигу огромным.

— Не двигайся, Хейвиг, — сказал человек по-английски. — Не пытайся бежать. Помни, что женщина у нас.

Единственное, что напоминало о строгости византийских нравов в их спальне, была Икона Девы Марии. Свет, проникавший через щели в ставнях, освещал стены, разрисованные яркими цветами и веселыми зверушками. Ксения лежала в постели. Она была такая маленькая, такая худенькая в своей ночной рубашке. Кожа, обтягивающая ее хрупкие кости, была как свежеснеженный снег, слегка окрашенный розовым рассветом. Губы ее пересохли, потрескались. Густые волосы разметались по подушке, с бледного лица смотрели огромные испуганные глаза.

Человек в одежде римлянина, которого Хейвиг не знал, крепко и профессионально держал Джека за левую руку. Справа его держал Хуан Мендоза. Он был одет как римлянин с запада, точно так же, как и Вацлав Красицкий, стоявший у постели Ксении.

— Где слуги? — автоматически спросил Хейвиг.

— Мы пристрелили их, — сказал Мендоза.

— Что?..

— Они не знали, что такое пистолет, и поэтому смерть не испугала их. Мы не могли позволить, чтобы они своими криками предупредили тебя. Заткнись.

Мысль об убитых слугах, о том, что их дети станут сиротами, оглушила Хейвига. Его страдания усугубились тем, что он услышал кашель Ксении.

— Хаук... — прохрипела она. — Нет, нет, Джон...

Она протянула к нему тонкие бессильные руки, но он не двинулся с места.

Широкое лицо Красицкого заметно постарело. Он сказал с холодным удовлетворением:

— Должно быть, тебе интересно узнать, что мы потратили большую часть своей жизни, чтобы выследить тебя. Ты много должен нам, Хейвиг.

— Но... к чему это вам?

— Не думал же ты, что мы оставим тебя в покое? И не только потому, что ты убил наших людей. Ты много знаешь, умен и поэтому опасен для нас. Мне поручили разыскать тебя.

«Они слишком меня переоценивают», — тупо подумал Хейвиг.

— Мы должны знать, что ты делал, — сказал Красицкий. — Прими мой совет и Расскажи правду.

— Но как...

— Чисто детективная работа. Мы предположили, что эти греки дороги тебе, раз ты поступил так, и ты непременно вступишь с ними в контакт. Признаю, ты неплохо запутал следы. Но, тем не менее, мы сумели выследить тебя. Узнав от соседей, что твоя жена серьезно больна, мы стали ждать, когда ты выйдешь, зная, что ты скоро вернешься. — Красицкий посмотрел на Ксению.

Она содрогнулась и тихонько заскулила, как скулит собака, когда убивают ее хозяина.

— Ради Христа! — воскликнул Хейвиг. — Отпустите меня, дайте мне вылечить ее.

— Кто они, Джон? — спросила Ксения. — Что они хотят? Где твой святой?

— А кроме того, — сказал Мендоза и еще сильнее заломил руку Хейвига, — Пат Морнарти был моим другом.

Боль заполнила все сознание Хейвига, и он как будто издали услышал голос Красицкого:

— Если ты будешь хорошо себя вести и пойдешь с нами без шума, мы оставим ее в покое. Я даже сделаю ей укол, ведь, насколько я понимаю, в чемоданчике шприц и лекарства?

— Этого... недостаточно... пожалуйста, пожалуйста.

— Хватит. Я тебе сказал, что мы истратили на тебя целый год жизни. Не заставляй нас терять еще больше. К тому же, мы рискуем. Слушай, ты хочешь, чтобы тебе сломали руку?

Хейвиг вздрогнул и заплакал.

Красицкий выполнил свое обещание и сделал укол Ксении, но сделал неумело, и она вскрикнула от боли.

— Все хорошо, моя дорогая, все хорошо. Святые будут хранить тебя... — сказал Хейвиг и повернулся к Красицкому. — Дайте мне попрощаться с нею. Я сделаю все, что вы требуете, только дайте попрощаться...

Красицкий пожал плечами:

— О'кей, если ты поторопишься.

Мендоза и другой человек держали Хейвига, когда он склонился над Ксенией.

— Я люблю тебя, — сказал он ей, не зная, слышит ли она его,

охваченная болезнью и ужасом. Губы, которых он коснулся своими губами, были совсем не такими, какие сохранились в его памяти.

— Олл райт, — сказал Красицкий. — Идем.

Перемещаясь во времени, Хейвиг потерял ощущение людей, держащих его. Они как бы стали частью его самого. Только мелькание света в комнате стало реальностью. Он видел, как Ксения исчезла, слышал ее крик, в следующее мгновение он уже видел ее неподвижной, увидел, что кто-то вошел в комнату, затем в комнате толпились люди, плачущие, воздевающие руки к небу... и затем в комнате было пусто, в следующее мгновение в ней уже оказались другие люди, чужие люди...

Теперь при первой же остановке он мог начать сопротивляться, но должен был обуздать себя. Нельзя прибыть в Ээриу с искалеченными телом и душой, нужно быть готовым ко всему, что придумает для него Калев Уоллис. Нужно сохранить способность мстить.

Но эти мысли мелькали у него в голове как нечто постороннее. Всю его душу заполнила смерть Ксении. Он уже едва видел, как их дом вспыхнул от пожара, когда турки взяли город, как затем город стал отстраиваться, как перед ним мелькали лица, лица, лица... до тех самых пор, когда город был стерт с лица земли гигантским взрывом. Они остановились среди радиоактивных развалин и полетели на самолете через океан, чтобы продолжить путешествие в будущее, где их ждал Сахэм. Но в Джеке не было ничего, кроме Ксении.

Он видел, как она осталась одна умирать в пустой комнате.

Хотя в Ээрии стояло жаркое лето, камера башни, куда поместили Хейвига, была сумрачная и холодная. В ней было пусто, если не считать умывальника, матраца и двух прямых стульев. Из единственного окна открывался вид на поля, где трудились крестьяне.

Металлический трос длиной в пять футов, закрепленный на ноге, был прикован к кольцу, вмурованному в стену. Да, это был единственный способ удержать в заключении путешественника во времени.

— Садись, — приказал Калев Уоллис.

Он пристроил свой широкий зад на одном из стульев вне досягаемости Хейвига. Черная борода с эполетами, тщательно уложенные рыжие бакенбарды — все это подчеркивало превосходство Уоллиса над Хейвигом, который так и остался в древней одежде. На лице Хейвига были синяки, глаза обведены черными кругами.

Уоллис махнул сигарой.

— Я не очень зол на тебя, — сказал он. — Я даже восхищаюсь твоей энергией, умом. Мне бы хотелось, чтобы ты использовал их для меня. Именно поэтому я приказал своим мальчикам дать тебе отдохнуть перед этим интервью. Надеюсь, твои нервы пришли в норму. Садись.

Хейвиг повиновался. Он все еще был в подавленном состоянии духа. Всю ночь ему снилась Ксения. Он был с нею в огромном тримаране, который скользил по водной глади. А затем его паруса превратились в крылья, и он взмыл в небо к звездам.

— Мы здесь одни, — сказал Уоллис. Конвой ждал за дверью, тяжелой и закрытой. — Ты можешь говорить свободно.

— А если я не буду?

Глаза, устремленные на него, ударили, как пули.

— Ты будешь. Я человек терпеливый. И я не позволю тебе и дальше разрушать то, что я создаю. Я оставил тебе жизнь только потому, что надеюсь, что ты компенсируешь тот вред, который нанес нашему делу. Например, ты хорошо ориентируешься во второй половине двадцатого века. У тебя там есть деньги. Это может оказаться полезным для нас.

Хейвиг запустил руку под тунику и почесался. Он тупо подумал: «Драма превратилась в комедию. Я, потерявший жену, любимую жену, нахожусь в плену, ожидаю пытки. Мне даже не позволено вымыться, так что у меня чешется все тело, и от меня дурно пахнет».

Как-то он сказал Ксении, что ее любимые классические поэты весьма далеки от реальной жизни. И она, чтобы доказать ему обратное, прочла Гомера, греческие драмы, гимны... Голос ее звучал вдохновенно, палец бегал по строчкам, а среди роз гудели пчелы...

— Я слышал, что ты завел себе женщину в Константинополе, — сказал Уоллис. — Она заболела и умерла. Я сочувствую тебе. И все же, ты сам виноват во всем, — он качнул тяжелой лысой головой. — Да, да. Ты виноват в том, что случилось с нею. Я не говорю, что твой Бог наказал тебя. Природа сама делает с человеком то, чего он заслуживает. Белый человек не имеет права связываться с такими женщинами. Она же левантийка, а это значит, что в ней кровь азиатская, может, еврейская, может, и примесь негритянской. — Уоллис снова выразительно махнул сигарой. — Я ничего не имею против, когда мои мальчики развлекаются, — сказал он с игривой улыбкой. — Они имеют на это право, так как выполняют трудную работу. Но ты, Джек, ты женился на ней!

Хейвиг попытался не слушать его. Но слова Уоллиса проникали в его мозг.

— Это еще хуже, чем кажется на первый взгляд. Это символично. Ты опустился на низший уровень, ибо такая, как она, не могла подняться до тебя. И ты уронил достоинство целой расы, — его голос стал жестким. — Ты не понимаешь? Это всегда было проклятием белого человека. Он всегда более интеллигентен и чувствителен, и он всегда открывался тем, кто ненавидит его. Он впускал в свой дом лживых лицемерных людей, и проходило много времени, прежде чем он убеждался, что открылся врагам, хитрым и жестоким. О да, я изучал твой век. Именно тогда произошло то, что готовилось десятилетиями, пришел в действие заговор, уничтоживший мир белого человека, открывший ворота монголам и Маури. Ты знаешь, что я считаю величайшей трагедией всех времен? Это когда два величайших гения, каких когда-либо создавала раса белых людей, возможные спасители от нашествия славян и китайцев, оказались в состоянии войны друг с другом. Дуглас Макартур и Адольф Гитлер.

Хейвиг сплюнул на пол в негодовании и ярости:

— Если бы генерал слышал это, я не дал бы и гроша за твою жизнь!

Странно, но Сахэм не выказал гнева.

— Ты как раз подтверждаешь мои слова. — В его тоне вдруг появилось что-то похожее на жалость к Хейвигу. — Джек, я хочу, чтобы ты понял всю перспективу. Я знаю, в тебе сильны инстинкты самосохранения. Они только погребены в тебе под грудой коварной лжи и лицемерия. Ты видел эту негритянскую империю будущего, и ты просто не видишь, что нужно сделать, что можно сделать, чтобы снова направить белую расу по дороге эволюции.

Уоллис раскурил сигару, ее кончик ярко засветился.

— Разумеется, сегодня ты не в себе. Ты потерял свою жену и скорбишь по ней. Я тебе очень сочувствую. К этому времени она все равно давно была бы мертва. Разве не так? — Голос его ужесточился. — Все умирают. Кроме нас. Я не верю, что мы, путешественники во времени, смертны. Ты можешь быть среди нас и будешь жить вечно.

Хейвиг очень хотел сказать, что он не желает входить в их число, пока там Уоллис, но сдержался. Он ждал продолжения.

— Да, в далеком будущем нас ждет награда. Мы найдем бессмертие, мы войдем в число богов...

Где-то вдаль закаркала ворона. Трубные звуки угасли в голосе Уоллиса.

— Я надеюсь, ты будешь с нами, Джек. Надеюсь. Ты сделал много полезного для нас, до того как сошел с ума. Ты позволил нам широко внедриться в ту эпоху. Поверь мне, Калев Уоллис помнит добро.

Разумеется, ты, подробнее узнав о нашей миссии, был шокирован. Но что ты скажешь о Хиросиме? Что ты скажешь о многих солдатах, твоих товарищах, Джек, которые были вынуждены умереть за американскую свободу? И ты противопоставил им эту гречанку, в которую ненароком влюбился.

Ты провел там несколько лет. И собрал много информации. Как насчет того, чтобы поделиться ею? И передать нам свои деньги? Этим ты заслужишь возвращение в наше братство.

Или ты хочешь раскаленное железо, щипцы для выдиранья ногтей, свидание с теми, кто имеет огромный опыт заставлять людей тщетно мечтать о смерти? Я не позволю тебе быстро умереть...

Ночь сначала пришла в камеру, затем заглянула в окно. Хейвиг тупо смотрел на ужин, принесенный ему, пока тарелка не скрылась во тьме.

Он должен принять решение. Уоллис, возможно, врет о будущем Ээрии. Если Хейвиг не может сбежать отсюда, то должен присоединиться к ним в надежде, что добрый дух Ксении спасет его.

Ведь если, например, Уоллис узнал о психонаркотиках Маури и послал за ними людей...

Ну что же, Юлий Цезарь тоже отошел от своих принципов и

заложил основы западной цивилизации, которая дала миру собор в Шартре, Франциска Ассизского, пенициллин, Баха, Билль о Правах, Рембрандта, астрономию, Шекспира, эмансипацию женщин, Джейн Адамс, следы человека на Луне, космос... и ядерную боеголовку, тоталитаризм, автомобили, Четвертый Крестовый поход... но в целом, с точки зрения бесконечности...

Может ли он, Джон Хейвиг, противостоять будущему во имя маленького обожаемого комочка праха?

Может ли он? Скоро придет слуга Уоллиса, чтобы просмотреть, записал ли что-нибудь Хейвиг на оставленный ему магнитофон.

Он, Хейвиг, должен помнить, что заслуживает бессмертия не больше, чем Дукас Манассис, Ксения или кто-нибудь другой...

И все же он не должен развязывать врагу руки, не должен давать ему возможности свободно ориентироваться в той эпохе. Пусть враги истратят на это хоть всю свою жизнь...

Чья-то рука коснулась его. Он с трудом вынырнул из объятий беспокойного сна. Мягкая ладонь зажала ему рот. И в темноте ночи послышался шепот Леонсы:

— Тихо, дурачок...

Вспыхнул луч фонарика. Он высветил металлический трос, затянутый на ногу Хейвига.

— Ах, — выдохнула она. — Вот как они тебя... Держи, — она протянула ему фонарик, но Хейвиг, сердце которого отчаянно колотилось, не мог держать его ровно. Леонса выругалась, взяла фонарик обратно и, зажав его в зубах, стала пилить трос напильником.

ГЛАВА 13

— Леонса, моя дорогая, ты не должна... — пробормотал он.

Она сердито проворчала что-то. Хейвиг покорно замолчал. Звезды смотрели в окно.

Когда трос был перепилен, он выпрямился. На ноге осталось металлическое кольцо. Она выключила фонарик, сунула его в карман: Джек успел заметить, что Леонса в джинсах, куртке, с ножом и пистолетом.

— Слушай, — прошептала она. — Ты переместишься вперед, в утро. Пусть они принесут тебе завтрак, а потом возвращайся сюда. Ты понял? Я хочу, чтобы они считали, что ты сбежал утром. Ты можешь перемещаться? Если нет, ты погиб.

— Я попытаюсь, — слабо сказал он.

— Хорошо, — она коротко поцеловала его. — Иди.

Хейвиг стал медленно перемещаться вперед во времени. Когда за окном стало совсем светло, он остановился, аккуратно поправил перерезанный трос, чтобы не был замечен разрез, и стал ждать. Никогда еще время не тянулось так медленно.

Вскоре пришел охранник с кофе и едой.

— Привет, — со сдержанным спокойствием поздоровался Хейвиг.

Охранник бросил на него суровый взгляд и предупредил:

— Ешь быстро. Тебя ждут для разговора.

Хейвиг с ужасом подумал, что охранник останется в камере. Но тот ушел. Когда дверь закрылась, Хейвиг в изнеможении сел. Ноги не держали его.

Леонса... Он глотнул кофе. Воля и силы вернулись к нему. Когда он вернулся в нормальное время, то услышал хриплый шепот:

— Ты можешь перемещаться? Если нет, ты погиб.

— Я попытаюсь.

— Хорошо, — пауза. — Иди.

Он услышал легкий шелест воздуха, заполняющего вакуум, где он только что был, и понял, что исчез.

— Где я? — тихо спросил он.

Она, вероятно, видела в темноте лучше, чем он, так как сразу подошла к нему.

— Все о'кей?

— Да. Вероятно.

— Не болтай, — сказала она. — Возможно, они решат проверить и это время. Держись за меня, и полетим в прошлое. Не торопись. Я буду приспосабливаться к тебе.

В тренировки людей Ээрии входило и совместное перемещение, когда партнер, ощущая скорость перемещения другого, увеличивал или уменьшал свою хронокинетическую энергию.

Прошло несколько суток. Дверь в камере не была заперта. Они спустились по лестнице, прошли через двор и вышли в ворота, которые в то время всегда были открыты. Вскоре они оказались в лесу и стали перемещаться в прошлое, останавливаясь для отдыха только по ночам.

Страдая от усталости и горя, Хейвиг едва поспевал за Леонсой. Она освободила его. Освободила ли?

Она действительно подарила ему свободу. Ему только требовалось время, чтобы поверить в это.

Они сидели в лесу. Было лето. Колумб еще не родился. Гигантские деревья сплетались друг с другом, образуя непроходимую чашу. Их густые запахи заполняли воздух. На земле лежала плотная тень. Где-то барабанил дятел. В очаге, сложенном из камней, горел огонь. На нем жарился глухарь, которого принесла Леонса.

— Я никогда не думала, — сказала она, — что мир был так чудесен до того, как люди испакостили его машинами. Я больше не мечтаю о Высоких Годах, когда люди летали в космос. Я там побывала, с меня достаточно.

Хейвиг, прислонившись к стволу дерева, испытывал странное ощущение «дежавю» — уже виденного. И он сразу понял причину: через несколько тысячелетий он и она... Он посмотрел на нее более внимательно. Ярко-рыжие волосы, собранные в узел, померкший

загар, мальчишеская одежда на сильном теле — она, казалось, появилась прямо из его времени. В ее английском совершенно исчез акцент родного языка. Но она и сейчас была всегда вооружена, и ее опасная кошачья грация осталась при ней.

— Сколько времени ты там была? — спросил он.

— После того, как ты бросил меня в Париже? Три года. — Она наклонилась и перевернула птицу на углях.

— Прости. Я поступил жестоко. Почему ты решила освободить меня?

Она нахмурилась.

— Я хотела, чтобы ты рассказал мне, что произошло.

— А ты не знаешь? — с удивлением воскликнул он. — Но если ты не знала, за что меня арестовали, как ты могла освободить меня?

— Ты расскажешь мне?

Он стал говорить без лишних подробностей. Ее раскосые глаза внимательно смотрели на него, хотя на лице ничего не отражалось. В конце концов она сказала:

— Ну что же, кажется, я поступила правильно.

Он подумал, почему? Вряд ли бы она протестовала против убийства и грабежей...

Она заговорила, как бы отвечая на его мысли:

— Если бы борьба была честной: сила против силы, ум против ума... Но эти шакалы... они напали на беспомощных. И больше для развлечения, чем для наживы, — она с хищным видом ткнула ножом птицу. Жир стал капать на раскаленные угли. Вспыхнули языки желтого пламени.

— Кроме того, какого черта мы должны помогать машинам вернуться в мир? Чтобы люди могли назвать Калеба Уоллиса богом?

— Когда ты узнала, что меня схватили, почему ты решила освободить меня? Почему пошла на открытый бунт против Уоллиса?

Леонса пожала плечами:

— Мы сможем наслаждаться жизнью вместе с тобой, не думая о том, что произойдет или должно произойти, — она внимательно посмотрела на него. — Это мы с тобой можем сделать. Найдем себе укромное местечко для житья... Ведь мы же не собираемся жить в Ээрии?

— Я совсем не уверен, что победа Ээрии предрешена. Из того, что я смог узнать... — размышления позволили ему заполнить пустоту, которая образовалась в нем со смертью Ксении. — Леонса, ты не права, отрицая начисто науку и технологию. Их только нужно правильно использовать. Природа никогда не была в идеальном равновесии. Всегда находились виды, лучше других приспособленные к жизни в данных условиях. И первобытный человек был так же легко уязвим, как и цивилизованный. Почти все люди умирали довольно молодыми от болезней, которые, как ты знаешь, в будущем научились лечить. Маури делают больше, чем просто стараются возродить жизнь на Земле. Они пытаются создать сбалансированную экологию. Но это

возможно только в том случае, если у них будет развита наука и технология.

— Кажется, они не добьются успеха.

— Я не могу ничего сказать по этому поводу. Это таинственное будущее. Его еще предстоит изучить. — Хейвиг протер глаза. — Позже, гораздо позже. Сейчас я слишком устал. Одолжи мне свой нож, я нарежу после обеда веток, чтобы хорошенько выспаться за это время.

Она опустила руку возле него на колени, обняла одной рукой, другой пробежала по его волосам.

— Бедный Джек, — прошептала она. — Я была жестока к тебе, прости. Но ты, когда ушел, тоже причинил мне боль. Спи, спи. Сейчас у нас мир.

— Я не поблагодарил тебя за спасение, — сказал он. — Я в вечном долгу перед тобой.

— Тупица. — Леонса крепко обняла его. — Почему, ты полагаешь, я вытащила тебя оттуда?

— Но... но... Леонса, я видел, как умерла моя жена...

— Да, да, — всхлинула она. — Как бы мне хотелось попасть туда и познакомиться с этой девочкой... Если она дала тебе счастье... Но это невозможно, я знаю. Ну что ж, я буду ждать, Джек, я буду ждать столько, сколько понадобится...

Они не были подготовлены для жизни в доколумбовой Америке и могли там остаться лишь очень ненадолго. Они могли перенестись вперед во времени, купить необходимое и вернуться обратно. Но после того, что они оба выстрадали, безмятежная идиллия была для них невозможна.

Самым главным было состояние здоровья Хейвига. Его душевная рана залечивалась медленно, но она залечивалась, хотя после нее остался шрам — решимость объявить войну Ээрии.

Он думал, что это просто желание отомстить убийцам Ксении. Леонса встала на его сторону, как любая женщина ледникового периода встает рядом со своим мужчиной. Он признал, что до некоторой степени она права.

— Самое странное, — говорил он Леонсе, — что в эпоху Маури и позже не рождались путешественники во времени. Хотя, может, они остаются инкогнито, как это случалось в ранней истории. Может, они боятся продемонстрировать свою уникальность. Ах, если бы мы знали хотя бы одного...

— Ты интересовался?

Они сейчас находились в гостинице середины двадцатого века. Вокруг бурлила ночная жизнь Канзас-Сити. Хейвиг не прикасался к своим вкладам в банках. Он сначала хотел убедиться, что не находится на крючке агентов Уоллиса. Мягкий свет лампы падал на Леонсу, которая сидела в прозрачном пеньюаре на постели, прижав колени к подбородку. Она ничем не проявляла своих чувств к нему, и была для него только сестрой. Охотница научилась терпению, а Скула умела читать в душах людей.

— Да, — сказал он. — Я тебе рассказывал о Карело Кeadзиму. У него есть связи по всему миру. Если он не знает о путешественниках во времени, значит, никто не знает. Леонса, нам придется рискнуть и отправиться в будущее, к Маури.

Снова проблемы, снова освоение нового мира.

Подумайте. Одна эпоха не мгновенно и полностью заменяет другую. Каждая тенденция замаскирована многочисленными подводными течениями. Так, например, Мартин Лютер вовсе не был первым протестантом. Просто он был первым, кто поднял эту проблему. И его успех был обусловлен многочисленными поражениями его предшественников. Гуситы, лолларды, эльбигензианцы — вот фундамент его успеха. Но и они уже имели под собой основу, заложенную в предыдущих веках.

Если вы хотите изучить эпоху, то в какой ее год следует перенестись?

Вы можете путешествовать во времени, но чтобы остановиться у цели, необходимо обеспечить базу для жизни, крышу над головой. Поэтому предварительно следует сделать несколько путешествий в будущее для подготовки всего необходимого.

Хейвиг переместился на западный берег Северной Америки тридцать первого столетия. Там существовал некий гибрид англо-испано-маури. Хейвиг взял там грамматику, словарь, материалы для чтения. После недолгой, но интенсивной практики он и Леонса почувствовали себя готовыми к переселению.

Этот город притягивал к себе посетителей с разных частей света, и еще два чужака не могли привлечь к себе особого внимания. Да, Сансиско был Меккой пилигримов: ведь знаменитый гуру Дуаго Самито здесь провозгласил свои откровения. Никто не верил в чудеса, но люди верили в то, что если стать на высоких холмах над городом, слиться с небом над головой и морем под ногами, то тебя может посетить особый дар внутреннего видения.

Перед пилигримами не стояла финансовая проблема. Эта эпоха была эпохой процветания. Каждый из жителей мог разделить пищу и кров с пилигримами, получая в награду рассказы бывалых людей, много повидавших на свете.

— Если вы ищете Хозяев Звезд, — сказал хозяин, у которого они остановились, — то действительно, они здесь есть. Но они есть везде, и в вашей стране тоже.

— Мы просто хотели узнать, они такие же, как у нас, или нет, — ответил Хейвиг. — Я слышал, Хозяева отличаются большим разнообразием.

— Верно.

— К тому же, это несколько не удлинит наше путешествие.

— Тут можно не ходить самим. Достаточно связаться с помощью этой системы, — хозяин дома показал на аппарат голографической связи, стоящий в углу. Это была странная конструкция, которая

смотрелась здесь примерно так же, как японский замок в средневековой Европе или готическая церковь в Японии эпохи Мэйдзи.

— Хотя, полагаю, у них на станции сейчас никого нет, — заметил хозяин. — Они приходят не часто.

— Мы, по крайней мере, посмотрим, где они живут.

Смуглый человек кивнул:

— Да, вы получите ощущение спасения. Идите с Богом.

Утром, после часового пения и медитации семья вернулась к обычным делам. Отец вручную обрабатывал небольшой сад. Для него это было чисто психологической необходимостью, а не экономической. Мать продолжала работу над параматематической проблемой. При одном взгляде на ее записи у Хейвига закружилась голова. Дети занялись сложной электронной системой, которая выполняла функции преподавателя и воспитателя.

Шагая по дороге, где грязь налипала на сапоги, в то время, как в небе проносились сложные машины, Леонса вздохнула:

— Ты прав. Мне никогда не понять их.

— Для этого может потребоваться целая жизнь, — согласился Хейвиг. — В историю человечества вошло что-то новое. Не обязательно плохое, но новое.

И, немного погодя, он добавил:

— Впрочем, подобное уже бывало. Разве мог палеолитический охотник понять неолитического земледельца? Разве мог сравниться человек, живущий под божественной властью короля, с живущим в свободном государстве? Я не всегда понимаю тебя, Леонса.

— И я тебя, — она схватила его за руку. — Давай постараемся.

— Мне кажется, — сказал Хейвиг, — повторяю, кажется, что эти Хозяева Звезд живут в ультрамеханизированном мире, что находится в вопиющем контрасте с жизнью на остальной Земле. Они появляются нерегулярно, их жилища, в основном, пусты. Не кажется ли тебе, что они — путешественники во времени?

— Но ведь они несут добро, разве не так?

— Значит, они не из Ээрии? Почему нет? Вполне возможно, что они начинали именно там. Внук пирата вполне может стать обожаемым королем. — Хейвиг привел свои мысли в порядок. — Насколько я могу понять, причем следует учесть, что я плохо понимаю их новейший язык, они появляются, чтобы торговать идеями и знаниями, а не материальными ценностями. Их влияние на Земле, с одной стороны, ничтожно, но с другой — весьма впечатляюще. И, насколько я мог заметить, оно постоянно растет. Видимо, они провозвестники новой цивилизации, которую я не могу себе даже представить.

— Но местные описывают их иногда похожими на людей, иногда — нет.

— У меня тоже сложилось такое впечатление. Может, это просто фигуральное выражение?

Он посмотрел на нее. Солнце сверкало в ее волосах, на лице

блестели капельки пота. Он остро ощутил запах ее тела. Плащ пилигрима прилип к ее ногам, совершенно не скрывая их формы. Где-то поблизости слышалось пение птицы.

— Посмотрим, если удастся, — сказал он.

Она улыбнулась.

Город с устремленными в небо шпилями и изящно закругленными куполами был пуст. Невидимый барьер задержал их. Они двинулись вперед во времени, пока не увидели в воздухе корабль. Тогда они остановились.

Корабль приземлился. Команда спустилась на землю по невидимому трапу. Хейвиг видел мужчин и женщин. Сверкающая одежда обтягивала их тела. Хейвиг понял, что подобных совершенных существ Земля не могла создать ни раньше, в эпоху динозавров, и не создаст позже, когда болезненно распухшее красное солнце будет медленно сжигать ее.

Леонса вскрикнула. Хейвиг едва успел схватить ее, прежде чем она исчезла, уносясь в прошлое.

— Неужели ты не поняла? — спрашивал он. — Неужели ты не поняла все чудо этого события?

Они стояли на высоком хребте. Бесчисленные звезды были рассыпаны на небе от одного горизонта до другого. Метеориты прочерчивали небо. Воздух был холодный, при дыхании образовывались облака пара. Леонса прижалась к Хейвигу. Вечная тишина космоса окружала их.

— Посмотри, — сказал он. — Каждая из этих звезд — солнце. Неужели ты думаешь, что во Вселенной больше нет планет, населенных живыми существами?

Она содрогнулась.

— Но то, что мы видели...

— То, что мы видели — чудо... — он старался подыскать слова. Ведь они росли в разное время. Что для него было реальностью, достижимым будущим, для нее являлось всего лишь туманной легендой.

— Откуда человечество может получить толчок к вливанию нового духа, новых возможностей? После эпохи Маури человечество не замкнулось в себе. Оно начало распространяться дальше во Вселенную, за пределы, которых не достигало раньше.

— Расскажи мне, — молила она. — Помоги мне!

Неожиданно для себя Хейвиг поцеловал ее. Они остались одни во Вселенной, слились воедино.

Но счастливых концов нет. Нет никаких концов. Ничто не кончается. Правда, нам выпадают счастливые мгновения.

Пришло утро, когда Хейвиг проснулся возле Леонсы. Она еще спала, теплая, мягкая, положив руки ему на грудь. На этот раз ее утомили его мысли и рассуждения, а не его тело.

— Док, — говорил он мне хриплым от отчаяния голосом, — я не мог оставаться там, в этом подобии рая. Я нигде не мог оставаться, не мог позволить себе не вмешиваться в будущее.

Я верю, что будущее идет туда, куда надо. Но могу ли я в этом быть по-настоящему уверен? Да, да, меня зовут Джек, а не Иисус. Моя ответственность за будущее где-то должна кончаться, но где?

И даже если человечеству предназначено счастливое будущее, где дорога, которая ведет туда? Помнишь, однажды я высказал мнение, что Наполеон должен был выполнить свою миссию: объединить Европу, собрать ее вместе. Но Гитлеру этого нельзя было позволить. Нельзя было допустить его победы. А как мне рассматривать Ээрию?

Он разбудил Леонсу. Девушка быстро собралась, чтобы следовать за своим мужчиной.

Они могли посетить Карело Кеадзиму, но он мало чем мог помочь им. Кроме того, он занимал слишком высокое положение, жизнь его была у всех на виду.

Меня не очень интересовало, кого хотят найти Джек Хейвиг и Леонса из Вахорна.

ГЛАВА 14

12 апреля 1970 года. Весна, только что нарождающаяся зелень, еще сырая после ночного дождя, белые облака на небе, отражающиеся в лужах на дорожках, сырая холодная земля, липнувшая к пальцам, когда я стоял на коленях, сажая луковицы ирисов.

И тут под колесами машины заскрипел гравий. В ворота въехала машина и остановилась на лужайке возле небольшого каштана. Машина была мне незнакома, и я выругался про себя, поднимаясь с колен, чтобы встретить посетителей. Когда из машины вышли люди, я сразу же узнал мужчину, но не смог опознать его спутницу.

— Док! — Хейвиг бросился ко мне с раскрытыми объятиями. — Боже, как я рад тебя видеть!

Я не очень удивился. После того, как он несколько месяцев назад был у меня, я все ждал, что он вернется, если еще жив. Но только сейчас я понял, как мне не хватало его.

— Как твоя жена? — спросил я его.

Его лицо сразу стало печальным.

— Ее больше нет. Я расскажу... позже...

— О, Джек... Прости...

— Ничего. Ведь для меня это произошло полтора года назад.

А когда он обернулся к рыжеволосой девушке, приехавшей вместе с ним, улыбка вновь появилась на его лице.

— Док, Леонса, вы уже много слышали друг о друге. А теперь встретились.

Как и он, Леонса совершенно не обратила внимания на то, что мои руки запаханы землей. Встреча была для меня очень неожиданной. Я ведь еще не видел никого, прибывшего из времени. Хейвиг не в счет. А эта женщина совершенно из другой эпохи.

Охотница, шаманка, прорицательница, любовница многих и убийца многих.. И вот она передо мною, одетая в самую обыкновенную одежду: модный костюм, нейлоновые чулки, туфли на высоких каблуках, в руке сумочка, на губах обычная помада, и говорит она на английском языке, совершенно не отличающемся от моего.

— Здравствуйте, доктор Андерсон! Я давно мечтала встретиться с вами.

— Входите в дом, — с трудом выговорил я. — Пойду умоюсь, а потом я угощу вас чаем.

Леонса очень старалась остаться невозмутимой, но это ей плохо удавалось. Хейвиг рассказывал, а она то и дело вставала со стула, подходила к окну, смотрела на тихую улицу.

— Успокойся, — сказал он ей наконец. — Мы же все проверили, просканировали этот промежуток времени. Помнишь? Никаких агентов Ээрии мы не обнаружили.

— Не могли же мы проверить каждое мгновение, — возразила она.

— Нет, но... я через неделю буду тебе звонить и спрошу, все ли у вас было в порядке, так что не удивляйся.

— Может, они что-нибудь подготовили, — сказала Леонса.

— Вряд ли. Мы списаны со счета. Я уверен.

— Вероятно, я нервничаю чисто по-женски.

Поколебавшись, Хейвиг сказал:

— Если бы они следили за нами и знали о наших контактах с доком, они нанесли бы мне удар через него. Нет, — обратился он ко мне, — я могу навлечь на тебя неприятности, док. Прости меня. Именно поэтому я не поддерживаю контакта с матерью.

— Все в порядке, Джек, — я попытался изобразить улыбку. — Это немного развлекает меня с тех пор, как я отошел от практической работы.

— Но все будет о'кей, — сказал Джек. — Я позабочусь об этом.

Леонса вздохнула. Долгое время стояла тишина, только с улицы доносился шелест ветвей на ветру. По небу проносились облака.

— Значит, ты считаешь, что я спокойно доживу до смерти?

Он кивнул.

— Ты знаешь, когда это случится?

Он сидел неподвижно.

— Хорошо, не говори. Но не потому, что я боюсь. Я простой смертный, и я знаю, что это случится. Однако я не завидую тебе. Когда я умру, ты потеряешь друга.

Засвистел чайник.

— Значит, — говорил я несколько часов спустя, — ты не

собираешься быть пассивным? Ты хочешь что-то предпринять относительно Ээрии?

— Если смогу, — тихо ответил Хейвиг.

Леонса, сидевшая рядом с ним, стиснула его руку.

— Что ты говоришь! — воскликнула она. — Я сама была там, в будущем. Недолго, но я видела, как Ээрия стала могущественной. Я видела Калеба Уоллиса, выходящего из самолета. Он был стар, но я его видела, — она стиснула кулаки. — И никто не убил этого ублюдка!

Я взял свою трубку. После обеда мы сидели в моем кабинете среди книг и картин. Солнце уже поднялось высоко, и я объявил, что теперь можно выпить немного виски. Но все же атмосфера в кабинете оставалась напряженной. Я почти физически ощущал горе и гнев, который хранили в себе эти двое.

— Ты не полностью изучил будущее Ээрии? — поинтересовался я.

— Да, мы читали книги Уоллиса и слушали его рассказы. Я не думаю, что он лгал. Он эгоист, но в таких вопросах лгать не будет.

— Ты не понял меня, — я махнул трубкой. — Я спросил, изучал ли ты Ээрию внимательно, год за годом?

— Нет, — ответила Леонса. — Раньше не было причин, а теперь слишком опасно, — она внимательно взглянула на меня. Все-таки она была очень привлекательна. — Вы что-то имеете в виду, док?

— Может быть, — я достал спички, зажег трубку. Этот маленький очаг в моей руке всегда действовал на меня успокаивающе. — Джек, я думал о том, что ты рассказал мне в последний визит. Это естественно. У меня было время для размышлений. И ты сам сейчас пришел ко мне в надежде, что я дам тебе совет. Верно?

Он кивнул. Мелкая дрожь била его тело.

— Я, разумеется, не могу сказать, что решил ваши проблемы, — предупредил я. — Я могу сказать только то, что ты сам говорил мне когда-то: свобода таится в неизвестном.

— Продолжайте, — выдохнула Леонса. Она сидела, стиснув кулаки.

— Ну что ж, — сказал я, глубоко затянувшись. — Твое последнее утверждение еще больше укрепило меня в моем мнении. Уоллис верит, что его организация, модифицированная, но базирующаяся на том, что он создал, будет доминировать после эпохи Маури. Из того, что вы видели, это кажется мне сомнительным. Следовательно, где-то когда-то произойдет упадок Ээрии. И вообще, о будущем Ээрии вы знаете только со слов Калеба Уоллиса, который крайне тщеславен и родился более сотни лет назад.

— А какое имеет значение дата его рождения? — спросил Хейвиг.

— Большое. Наш век — жестокий век. Мы получили жестокие уроки, каких себе даже представить не может поколение Уоллиса. Кроме того, общий стиль жизни, уровень науки... Он наверняка

слышал что-то, например, об операционном анализе, но никогда не пользовался им.

Хейвиг напрягся.

— Твой хронолог — это пример мышления человека двадцатого века. Кстати, что с ним?

— Я оставил его в Стамбуле, когда меня схватили. Думаю, что люди, которые стали жить в этом доме, либо выбросили его, либо разобрали на части из любопытства. Я уже сделал себе новый.

Мне стало не по себе. Я начал понимать Леонсу, охотницу из дикого племени.

— Те люди, которые тебя схватили, даже такой неординарный и изощренный человек, как Красицкий, не подумали взять этот прибор для изучения. И это прекрасная иллюстрация моей точки зрения, Джек. У каждого путешественника во времени есть проблема попадания точно в нужный момент. И только ты подошел к разрешению этой проблемы научно: разработал прибор и нашел компанию, которая изготовила его для тебя.

Я выдохнул облачко голубого дыма:

— Это никогда не приходило в голову Уоллису. И никому из его окружения. Для них это недоступно. У них совсем не такой образ мышления.

Снова наступила тишина.

— Ну что ж, — заговорил Хейвиг, — я путешественник во времени, рожденный в самый поздний период.

Я кивнул.

— И воспользуйся своим преимуществом. Ты уже сделал это, решив изучить эпоху после Маури. Никто бы из окружения Уоллиса не осмелился бы на это. Помни, что Уоллис — выходец из века, где главным было не тщательное изучение с обоснованными выводами, а предсказания, предположения. Это век Максвелла, Пирса, Рикардо, Клаузевица — мыслителей, гениев. Но семена, которые они посеяли, не вззошли в то время. Я уверен, что Уоллис, как и другие путешественники во времени, — дитя своего века, хотя он и смог отбросить кое-какие предрассудки и стать суперменом.

У Леонсы был озадаченный вид. Естественно, моя философия была непонятна ей. Хейвиг тоже не все понимал.

— Что ты предлагаешь? — спросил он.

— Ничего конкретного. Только общую концепцию. Сконцентрируйся на стратегии, а не на тактике. Не пытайся в одиночку воевать с целой организацией. Заручись союзниками.

— Откуда мне их взять?

— Везде и во всех временах. Уоллис неплохо поставил дело с набором агентов. Но он действует слишком грубо, и, наверняка, многие не попадают в его сети. Тогда, в Иерусалиме, в день казни, вероятно, было много путешественников. Его агенты смогли найти только тех, кто не очень старался скрыть свою уникальность. Нужно попытаться найти остальных.

— Хм. Я уже и сам думал об этом, — Хейвиг потер

подбородок. — Может, стоит пройти по улицам, напевая мессу на греческом языке.

— И на латинском тоже, — я сжал трубку. — И еще одно. Может, тебе не стоит слишком уж засекречивать себя. Ты уже не ребенок.

Я говорил о тебе в Беркли, в Колледже Хольберга, разумеется, не называя тебя. В Беркли хорошие люди и настоящие ученые. Я могу назвать тебе тех, с кем я говорил и кто принял факт твоего существования. Они могут помочь тебе, уважая твое доверие.

— Но почему? — спросила Леонса.

Хейвиг вскочил и стал метаться по комнате, объясняя ей:

— Чтобы открыть мир, дорогая. Не может быть, чтобы такие, как мы, рождались только на Западе. Это бессмысленно. Китай, Япония, Индия, Африка, Америка — миллиарды людей! И мы... — он замолчал, чтобы перевести дух. — Мы можем отбросить плохих, отобрать лучших, молодых, вывести их на правильный путь, черт побери! О боже! Что нам эти тупицы из Ээри? Мы будем делать будущее, а не они!

Конечно, это было непросто. Они провели много лет в подготовке. Это позволило им наладить отношения и между собой. Когда я увидел их в следующий раз, они вели себя по отношению друг к другу как давно женатая и счастливая пара. И все равно, это было трудное время для них.

Это время требовало четкого мышления и трезвого реализма. Благодаря мне Хейвиг встретился с теми учеными, о которых я говорил. Когда он сумел убедить их, они познакомили его со своими коллегами, и у Хейвига образовался настоящий мозговой центр, который руководил его действиями. Некоторые из этих ученых ради Хейвига и его миссии даже ушли в отставку, что озадачило непосвященных коллег. Временами я слышал кое-что об их успехах. Они разработали много методов вступления в контакт с путешественниками, если перечислять их все, нужно было бы написать еще одну книгу. Многие из них не увенчались успехом, но некоторые работали.

Например, тот, кто ищет своих собратьев, должен обращать внимание на необычайность, отличие того или иного человека от окружающих. Шаманы, ведьмы, колдуны, совершающие чудеса. Крестьянин, который среди засух и прочих бедствий умудряется получать хорошие урожаи. Торговец, чьи корабли регулярно возвращаются домой, несмотря на штормы и ураганы. Воин, прославившийся как неуловимый шпион и разведчик. А когда путешественник выявлен, встает не менее сложная задача привлечь его на свою сторону.

Найти путешественников во времени — это только начало. Их нужно организовать. Как? Почему они должны согласиться покинуть свои дома, привычное окружение, пойти на определенные ограничения, положить свои жизни на что-то призрачное, неясное? И что

может остановить их, когда они устанут от одиночества и захотят вернуться домой?

То, что они встретятся с подобными себе, конечно, окажет свое воздействие. На этом сыграл Уоллис, сыграл и Хейвиг. Но этого, конечно, мало. Кроме того, Уоллис обещал всем власть, величие, он утверждал, что каждый из них — творец будущего.

Что же мог сказать своим товарищам Хейвиг, чтобы они прониклись ненавистью к Ээрии, поняли необходимость войны с нею?

Я завидовал громадности задачи Хейвига. Представьте: отыскать, а затем выковать твердый сплав из конфуцианского учителя, охотника на кенгуру, польского школьника, месопотамского крестьянина, западноафриканского кузнеца, мексиканского вакеро, эскимосской девушки... Даже просто собрать вместе этот причудливый калейдоскоп потребовалось много сил. А потом еще многим из них приходилось говорить, что они путешественники во времени...

Они проходили тренировки в разных местах и эрах. После чего подвергались тесту на правдивость, определялись их способности. В отдельных случаях — очень небольшой процент — люди отправлялись обратно по домам. Им платили и с ними прощались. К этому времени они почти не получали информации о враге, с которым предстояло бороться, и не могли вступить в контакт с Ээрией.

Остальные отправлялись на главную базу для дальнейшего обучения.

База находилась именно там, где в будущем расположится Ээрия, но только на много тысяч лет назад в эпоху раннего плейстоцена. Такая предосторожность создавала множество проблем. Например, чтобы перемещаться в будущее, нужно было создавать промежуточные базы для отдыха, где можно было бы не только передохнуть и набраться сил, но и переодеться в соответствии с требованиями эпохи.

Но безопасность была дороже всего. Их крепость стояла на высоком холме, у подножия которого мирно катила воды река. Она сверкала на солнце, как бронза.

Хейвиг собрал общество, в котором женщины и мужчины были примерно в равном количестве. Это было настоящее общество, спянное общими целями. У них уже появились свои обычаи, ритуалы, законы... Да, это был настоящий триумф Хейвига. Сахэм создал армию, а человек, поклявшийся уничтожить его, создал племя.

Хейвиг и Леонса были у меня в марте, тогда их работа была в самом разгаре. И только в День Всех Святых я услышал продолжение истории.

ГЛАВА 15

Тени проносились мимо нас, когда время неудержимо рвалось вперед. Они имели форму и цвет, массу и размеры только тогда, когда мы останавливались поесть, поспать, глотнуть воздуха. Над этими холмами проносились годы, десятилетия, столетия. Менялся ланд-

шафт, наступали ледники, сопровождаемые снежными бурями. Затем они таяли, оставляя после себя громадные озера, из которых пили воду мастодонты. Затем эти озера зарастали травой, превращались в болота... И снова приходили ледники, и снова они таяли, но теперь по окружающим бескрайним прериям бродили стада бизонов, чья тяжелая поступь заставляла землю содрогаться. И вот появились первые люди, меднокожие, вооруженные копьями с кремниевыми наконечниками. А затем снова наступила Большая Зима — и снова потепление, и снова люди, но уже вооруженные луками и стрелами. Потом пришли завоеватели, огнем и мечом добывающие себе право жить на этой благословенной земле...

Для последнего отдыха группа Хейвига остановилась в доме одного фермера, который не был путешественником, но которому можно было доверять.

Свет фонаря отражался от гладкой поверхности кухонного стола. В печи горели, потрескивая, поленья. На печи стоял громадный кофейник. Хотя до ближайших соседей было полдня езды на лошадях, и дом стоял среди деревьев, Олаф Торстад всегда принимал гостей после наступления темноты. То, что кто-нибудь увидит свет в его окнах, не смущало его: подумают, что он страдает бессонницей.

— Вы уже собираетесь? — спросил он.

— Да, — ответил Хейvig. — Мы уйдем перед рассветом.

Торстад взглянул на Леонсу:

— О, леди как будто собралась на войну.

— Женщина должна идти за своим мужчиной. — И с ухмылкой добавила: — Джеку не удастся отделаться от меня.

— Да, другие времена, другие нравы, — вздохнул Торстад. — Но я рад, что родился в 1850 году. Хотя я очень благодарен вам за то, что вы сделали для меня.

— Для нас ты сделал больше, — ответил Хейvig. — Мы поселили тебя именно здесь потому, что нам нужна база поблизости от Ээрии. Ты все время рискуешь, когда мы прячем у тебя свои вещи. Но сегодня все кончится. — Джек изобразил улыбку. — Ты можешь пользоваться всем тем, что осталось после нас, жениться на девушке, с которой помолвлен, и прожить остальную жизнь в мире и покое.

Несколько секунд Торстад смотрел на него. И затем коротко спросил:

— В мире? Но ведь вы вернетесь? Расскажите, что случилось? Пожалуйста...

— Если победим, — ответил Хейvig и подумал, сколько таких обещаний он дал своим помощникам, разбросанным по разным эпохам. Он вскочил с кресла. — Принеси оружие для моих людей. Нам пора действовать.

У Хейвига не было огромной армии. Отряд состоял из трех тысяч человек. Туда входили и женщины. Это было слишком большое число, чтобы держать их на одной промежуточной базе, так как могли возникнуть различные слухи, которые дошли бы до врага и насторожили его. Поэтому небольшие группы были разбросаны по

разным эрам. Теперь все пришло в движение. Все группы стали собираться к исходной точке.

Хейвиг и полдюжины его друзей стояли в первое утро 1077 года непрерывного существования Ээрии. Звезды ярко сверкали в западной части неба, но уже начали блекнуть на востоке. В призрачном свете виднелись кирпичи стен и башен, стекла окон, покрытые инеем булыжники мостовой. Необычайная тишина царила над миром, словно все звуки вымерли на этом холоде, который пощипывал гортань и легкие при дыхании.

Эти ребята хорошо знали, что им нужно делать, и, тем не менее, Хейвиг испытующе посмотрел на них, на тех, кого он выбрал для выполнения самого важного дела.

Все они были одеты одинаково: темно-зеленые парки, брюки, заправленные в кожаные сапоги, шлемы, оружие, пояс с патронами. Он знал эти лица лучше, чем свою ладонь. Ведь он провел с ними много лет. Леонса с широкими скулами, выпуклым лбом, чувственными губами, которые он так часто целовал. Чао, Индхлову, Гуттиерез, Белявский, Маатук ибн Пахаль. Они на мгновение скрестили руки и приготовили оружие, так как часовые могли заметить их и поднять тревогу.

Крепость всегда тщательно охранялась, но теперь, когда Ээрия процветала уже столько лет, никто бы не осудил часовых, которые в утро Нового Года решили покинуть свои посты и отметить праздник.

— О'кей, — сказал Хейвиг. — Я люблю тебя, Леонса.

Ее губы скользнули по его губам. Отряд прошел к двери башни, где жил Калек Уоллис.

Она была заперта. Ругательство сорвалось с прекрасных губ Леонсы. Пистолет Маатука выпустил пулю в замок. Звук выстрела ударил по барабанным перепонкам, заметался между спящими стенами.

Хейвиг повел отряд в башню. Позади он услышал крик, который только удивил его, но не встревожил. Вперед, на лестницу!

Звуки шагов по каменному полу гулко раздавались в тишине. Они быстро поднимались по темной и пыльной спиральной лестнице. Гуттиерез и Белявский остались внизу охранять главный вход в лифт. Индхлову и Чао начали обыскивать второй и третий этажи, чтобы обнаружить апартаменты секретаря Уоллиса. Хейвиг не знал, кто сейчас секретарь. И апартаменты Остина Колдуэлла. А Хейвиг был уже на следующем этаже, перед обитой медью дверью в апартаменты Уоллиса.

Она даже не была заперта. Сюда никто не мог войти без разрешения. Если он, конечно, не намеревался уничтожить все, созданное Сахэмом. Хейвиг широко распахнул дверь.

Он сразу узнал этот мохнатый ковер, тяжелую мебель, фотографии на стенах. Воздух был сырой и спертый. Через морозные узоры на окнах свет едва проникал сюда. Маатук остался охранять вход.

Хейвиг и Леонса прошли через кабинет в спальню.

Уоллис вскочил с огромной двухспальной кровати, закрытой пологом. Хейвиг был поражен, увидев, как прошедшие годы действовали на Уоллиса. Он был совершенно седой, кожа на лице изборождена сетью красных прожилок. Жалкое впечатление, которое он производил, увеличилось ночной рубашкой. Он бросился к столу, где лежал пистолет.

— Ка-а-а! — крикнула Леонса, прыгая вперед.

Уоллис исчез из вида. Она тоже, успев ухватиться за него. Через мгновение они появились вновь, катаясь по полу. Он не мог исчезнуть во времени, так как Леонса не пускала его. На фоне их хриплого дыхания слышались всхлипывания наложницы за пологом. Хейвиг бегал вокруг, пытаясь помочь. Но они так крепко сплелись, что он не находил просвета, куда бы мог ударить.

В прихожей прогремели выстрелы.

Хейвиг бросился к двери и, распластавшись на полу, выглянул. В коридоре неподвижно лежал Маатук. Он хрипло дышал, истекая кровью. Видимо, ему прострелили легкие. Пистолет Колдуэлла искал следующего врага. Видимо, ветеран войн в Индии сумел убить Чао, который успел все же ранить Остина. Однако Колдуэлл убил и Маатука.

— Вы окружены! Сдавайтесь! — крикнул Хейвиг.

— Иди... к дьяволу... предатель... — и снова рывкнул кольт.

Хейвиг проскользнул во времени на минуту вперед, вышел из двери и выстрелил.

Его пуля пробурвила воздух и разбила стекло на фотографии Шарлеманя. Колдуэлл был мертв.

Во дворе слышались взрывы. Хейвиг поспешил к Леонсе. Она зажала ногами нижнюю часть тела Уоллиса и пальцами рук сдавливала сонную артерию. Уоллис бил ее кулаками по рукам, но она сдавливала и сдавливала. Удары Сахэма все слабели, и вот его руки безвольно упали.

— Быстро! — простонала она. — Быстро!

Хейвиг достал из кармана наручники и тонкую цепочку. Он быстро приковал Уоллиса к ножке кровати.

— Он никуда не денется, если кто-нибудь не освободит его. Ты будешь охранять его.

— И пропустить все самое интересное? — вскрикнула она.

— Это приказ! — рывкнул Джек. Леонса бросила на него испепеляющий взгляд, но повиновалась. — Этот пленник — сердцевина всего плана. Я пришлю кого-нибудь сменить тебя, — сказал он и про себя добавил: — После боя.

Он ушел. Наложница тоже исчезла. Хейвиг подумал, обрадовалась она неожиданному освобождению или огорчилась?

На следующем этаже был балкон, с которого обозревался весь двор. Отсюда Сахэм произносил свои проповеди. Хейвиг вышел на балкон и в бледном свете наступающего утра посмотрел вниз. Там царил хаос боя, слышались крики, стоны, выстрелы. Тут и там валялись мертвые, раненые, искалеченные.

Шум боя оскорблял мирные небеса.

Хейвиг не мог понять общей картины боя и достал бинокль. С его помощью он мог узнавать отдельных людей. Или трупы... да, Хуан Мендоза... и... О боже, Джерри Дженнингс, которого он надеялся спасти...

Новый отряд его армии вынырнул из времени и вступил в бой. Внезапно на крепость опустился парашютный десант: его люди, выпрыгнувшие из самолета в двадцатом веке, приземлились сейчас, в точно назначенный час, так как каждый из них был снабжен хронометром. В рядах воинов Ээрии было полнейшее смятение. Они не ожидали нападения. К тому же, они еще не отошли от празднования Нового Года. А если добавить, что им противостояли воины, специально подготовленные для такой битвы, четко знающие свои обязанности, победа Хейвига была неизбежной.

Сейчас для Хейвига главным было не позволить ускользнуть как можно большему числу агентов Уоллиса. Он опустил бинокль, взял в руки микрофон передатчика и стал руководить боем.

— Скрыться удалось немногим, — рассказывал он мне. — Но и тех мы поймали позже. Ведь из регистрационных книг Уоллиса мы узнали о них все, так что нам не составляло труда определить, куда они могли скрыться. Никто из них не был суперменом. Все они были либо хлюпиками, поставленными Уоллисом выполнять работу клерков, либо воинами, тупоголовыми, суеверными и жестокими. Уоллис никогда не старался дать своим людям разностороннее образование. Он развивал в каждом только то, что хотел взять от него. Ведь если человек образован, он начинает думать, начинает задавать лишние вопросы.

Следовательно, те, кто успел бежать из империи, не были высокоморальными людьми, и единственное, о чем они думали — это о спасении собственной шкуры. Я не думаю, что такие люди без денег, без образования смогут жить спокойно в какой-либо эпохе цивилизованного мира. Нет, единственное, куда они могут скрыться — это дикие племена. Там они могут стать знахарями, прорицателями. Во всяком случае, они кончат жизнь полезными членами общества.

— Так было покончено с Ээрией, — мурлыкающим голосом сытой тигрицы сказала Леонса.

— Да, в военном смысле, — быстро вступил ее муж. — Но работы предстояло много. Нам нужно было превратить всех леонов Ээрии в свободных граждан. Фаза-2 характеризовалась тем, что мы уничтожили рабство. И наши агенты тоже стали самими собою, а не воинами. Они могли свободно посещать прошлое, но только для исследования и поиска новых членов нашего братства. И если для операции требовались деньги, мы добывали их посредством справедливого обмена ценностями.

Леонса ласково погладила его по щеке.

— Джек родился в сентиментальное время, — промурлыкала она.

Я нахмурился, желая понять все до конца.

— Подождите, — сказал я, — но перед вами стояла еще одна важная проблема, проблема пленников. Что вы сделали с ними?

Вспоминание об этом заставило Хейвига сдвинуть брови.

— Да, трудно было найти правильное решение, — сказал он. — Мы не могли освободить их. И мы не могли вечно держать их заточенными в секретной тюрьме.

Леонса сморщилась:

— Уж лучше тогда быть расстрелянным.

— Так вот, — продолжал Хейвиг. — Ты помнишь, я рассказывал о психопрепаратах, изобретенных в эру Маури? Мой друг Карело Кeadзиму боялся их. Человек, находящийся под действием такого наркотика, подвержен стойкому внушению. Он верит всему, что ему скажут. Абсолютно. Это становится частью его существа, его убеждением. И его собственный мозг изобретет для него какое угодно объяснение. Ты понимаешь, что все это значит? Полнейшее промывание мозгов! Такое полное, что жертва даже не будет подозревать, что когда-то у нее в голове было что-либо другое.

Я присвистнул:

— Боже, неужели ты привлек на свою сторону всех этих мясников?

Хейвига передернуло.

— Нет. Я никогда бы не смог работать с бандой... зомби. Ведь мне пришлось бы стереть в их памяти всю прошлую жизнь и... нет, это непрактично. Кeadзиму устроил нескольких моих парней в школы обучения психотехнологии, но все равно работа была слишком большой.

Он перевел дыхание, как бы собираясь с силами.

— Нет, мы просто уничтожили в наших пленниках веру в путешествие во времени. Затем перенесли их по их домам в их времена. Там им было сказано, что у них было помешательство, дьявольское наваждение, словом, то, что соответствовало времени. Теперь все кончено, они здоровы, они никогда не смогут даже думать о путешествиях во времени, и вернутся к нормальной жизни.

Я улыбнулся:

— Ну что ж, должен признать, что идея неплохая. Мне самому нередко приходилось лгать пациентам.

— Но у нас было два исключения, док, — сказала Леонса.

— Иди за мной, — сказал психотерапевт. Его голос был мягким. Одурманенный наркотиками Кaleb Уоллис ухватился за его руку. Они ушли, а Хейвиг остался в томительном ожидании. Время текло очень медленно, но наконец психотехник сказал ему, что он может войти.

Пожалуй, самым удивительным для Хейвига было то, что Уоллис

прекрасно выглядел. Он величественно сидел за столом в своем кабинете, где уже были убраны следы сражения и пятна крови.

— Привет! — воскликнул он. — Добрый день, мой мальчик, добрый день! Садись. Нет, сначала налей нам. Ты знаешь, что я люблю. — Значит, ты вернулся с трудного задания? Тебя долго не было. Ты постарел. Я уверен, что ты прекрасно справился. Я еще не читал твоего отчета, но собираюсь. А пока давай выпьем, — он поднял стакан. — За наше здоровье.

Хейвиг заставил себя сделать глоток и опустил в кресло.

— Ты, несомненно, слышал, что я немного приболел, — продолжал Уоллис. — Что-то вроде мозговой лихорадки. Сейчас уже все позади, и я решил, что мы должны сосредоточивать все усилия на том, чтобы увеличивать наше могущество в нормальном времени. Что ты думаешь об этом?

— Мне это кажется мудрым решением, — прошептал Хейвиг.

— Мое решение вызвано тем, что мы потеряли много людей, пока тебя не было. Плошное невезение. Ты слышал? Остин Колдуэлл. И Вацлав Красицкий... Эй, ты побледнел. Тебе плохо?

— Да, сэр. Просто устал... Я провел столько лет в прошлом...

Это Леонса нашла Красицкого, прикованного цепью, вытащила пистолет, сказала «Ксения» и пристрелила его. И Хейвиг даже не испытал никакого сожаления по этому поводу.

— Я скоро приду в себя, сэр.

— Прекрасно, прекрасно. Нам нужны такие люди, как ты. — Уоллис потер лоб и снова заговорил пронзительным голосом, в котором явственно слышалось недоумение: — Здесь так много людей. А все старые ушли... Куда? Я не знаю. Я смотрю с балкона и вижу только незнакомых. Я знаю, что должен увидеть кого-то, кого зовут Хуан... Ганс... других... Но я не вижу их. Может, они мне приснились, когда я болел?

Он поежился, словно зимний ветер проник в этот кабинет, наполненный тропическим теплом.

— Теперь я очень часто чувствую себя одиноким, совсем одиноким в пространстве и времени...

Хейвиг изобразил участие.

— Все, в чем вы нуждаетесь сейчас, сэр, — это в хорошем отдыхе. Вам нужно хорошенько отдохнуть. Могу предложить интересные места.

— Да, я думаю, ты прав. Я возьму отпуск. — Уоллис сделал глоток из стакана и взял сигару.

— После возвращения, сэр, вам не следует так много работать. Главное сделано, все налажено и течет по намеченному руслу.

— Знаю, знаю.

— Теперь нам уже не нужно ваше постоянное руководство. У нас много компетентных людей, знающих, что и как делать. Теперь нам, в основном, нужен ваш гений предвидения, ваш стратегический дар, который позволяет определить фундаментальные направления.

Уоллис явно был доволен, хотя и пытался скрыть это. Он раскурил сигару.

— Я говорил об этом с офицерами, — продолжал Хейвиг. — Они сказали, что уже обсуждали это с вами. Сэр, позвольте мне добавить свои слова к их просьбе. Мы считаем, что для вас нужно составить расписание для посещения будущего в разные моменты времени, где вы сможете посмотреть своими глазами, как идут дела, и дать соответствующие указания. Расписание будет составлено так, чтобы истратить как можно меньше вашей драгоценной жизни. Она нужна для осуществления больших проектов.

— Да. Я и сам уже думал об этом, — закивал Уоллис. — Сначала, как ты сказал, хороший отдых, чтобы привести в порядок свои мысли и избавиться от головокружения. Затем... затем путешествие в будущее, выдача указаний, оценка перспектив... да, да, да...

— Великолепно! — воскликнул я. — Такая месть...

— Это не месть, — сказал Хейвиг, поджав губы.

— И как же он выглядел, когда вернулся из путешествия?

— Меня тогда не было. Люди, которые сопровождали его, рассказывали мне, что представление удалось как нельзя лучше. Он посетил настоящие потемкинские деревни, где жизнь была именно такой, какую он хотел видеть. А затем его перенесли в прошлое, в уютное местечко, которым был бы доволен сам Потемкин, известный сибарит, и устроили ему настоящую оргию, чтобы облегчить ему конец...

Кулак Хейвига стукнул по подлокотнику кресла.

— И он закончил свою жизнь. Ночью он вскрикнул, а затем его комната опустела. Видимо, он куда-то швырнул себя во времени, так как его искали и в прошлом, и в будущем, но не нашли.

Хейвиг допил стакан. Я видел, что он нуждается в подкрепляющем, и предложил еще.

Леонса погладила его.

— Не казни себя, дорогой, — промурлыкала она. — Он не стоит этого.

— Скорее я не стою, — хрипло ответил он. — Лучше не обсуждать этот вопрос.

— Я... я не понимаю, — я не мог остаться без объяснений.

Леонса повернулась ко мне. Она мягко улыбнулась, как бы извиняясь за слабость и уязвимость ее мужчины. То, что она сказала, для нее было просто замечанием, не имеющим решительно никакого значения:

— Нам потом сказали, что умирающий мозг освободился от действия наркотика, и Уоллис перед смертью вспомнил то, что произошло на самом деле.

31 октября 1971 года пришлось на воскресенье. Это значит, что завтра дети пойдут в школу. Глядя на детей, я вспомнил о своих детях, когда они были в этом же возрасте, и Кейт. Я развел огонь в камине, приготовил свою любимую кружку с горячим сидром, набил трубку, поставил любимую пластинку Кейт на проигрыватель и сел у огня, погруженный в воспоминания. Мне было спокойно, и я был счастлив.

Однако этот день чем-то тревожил меня. Он был холодным, втреным. Солнце сверкало в кристально-чистом небе. Деревья стояли алые, бронзовые, желтые, четко-вырисовываясь на фоне неба. Я вышел прогуляться.

На пешеходных дорожках Сенлака передо мной катились листья, подгоняемые ветром. Они издавали странные звуки, похожие на смех, когда домохозяйки пытались сгрести их в кучу. За городом раскинулись поля, пустынные, темные, чего-то ожидающие. Стаи ворон все еще кружились над ними, зловеще каркая. Я сошел с шоссе и направился по старой грязной дороге, которая вела в лес Моргана.

Я шел по ней, пока не добрался до ручья. Здесь я долго стоял на мосту, глядя, как вода пробирается между камнями. Белка прыгала по своим владениям на дубе, которому было больше ста лет. Я прислушивался к звукам, окружавшим меня, вдыхал воздух, словно пил холодную жидкость, ощущал запахи сырой земли... Я ни о чем конкретном не думал, не размышлял, я просто был здесь.

Но мои кости и тонкая плоть все-таки напомнили о себе, и я направился домой. Горячий чай и трубка казались мне высшим блаженством. А потом я напишу письмо Биллу и Джуди, что собираюсь этой зимой навестить их в Калифорнии.

Я не замечал автомобиля, стоящего возле каштана, пока почти не наткнулся на него. И сердце чуть не выпрыгнуло у меня из груди. Может быть... Машина другая, но... Я совсем забыл о больных ногах и пустился бежать.

Джек и Леонса выбежали мне навстречу. Мы обнялись. Все трое сразу.

— Привет, привет, — бормотал я. — Почему вы не предупредили? Я бы подготовился.

— Все о'кей, док, — отвечал он. — Мы сидим и наслаждаемся.

Я отступил назад и осмотрел Хейвига. Он похудел, глубокие морщины залегли по обеим сторонам рта и под глазами. Кожа была загорелая, но слишком сухая, в волосах уже появилась седина. Лет сорок с лишним, прикинул я. Значит, у него прошло десять лет с момента нашей последней встречи. Я повернулся к его жене. Высокая, гибкая, с такими же пышными формами... Да, прошедшие годы оставили на ней гораздо меньше следов, чем на Хейвиге. Конечно, она же моложе его. И все же я заметил сеть мелких морщинок возле глаз и проблески серебра в бронзовой гриве волос.

— Все в порядке? — спросил я и вздрогнул, но не от холода. — Вы победили Ээрию?

— Да, да, — с торжеством ответила Леонса. Хейвиг просто кивнул. Какая-то застылость ощущалась в нем. Но он все же обнял жену за талию. Я не думаю, что она могла бы оставаться счастливой, если бы чувствовала, что Джека что-то гнетет.

— Прекрасно! — воскликнул я. — Заходите в дом.

— Выпить чаю? — засмеялась она.

— О боже, нет. Такой случай требует аквавита Альборга или пива от Карлсберга и Гленливета. Я позвоню Свенсону, закажу хороший обед и... Сколько вы можете пробыть у меня?

— Боюсь, не очень долго, — сказал Хейвиг. — День или два. У нас впереди еще много дел.

Их рассказ занял несколько часов. Солнечный закат уже окрасил золотом западную часть неба, деревья, крыши соседних домов, когда до меня дошла общая схема событий. Ветер стучался в окна. Хотя в доме было еще тепло, я почувствовал, что пора подложить в камин еще немного дров. Я хотел встать, но Леонса сказала, что этим она займется сама. Руки ее еще не потеряли искусства обращения с деревом, и на нее приятно было смотреть. Приятно было и то, что, несмотря на все те ужасы, о которых я услышал, взгляд Хейвига с любовью следил за Леонсой.

— Плохо то, что ты не смог предотвратить основания Ээрии, — сказал я.

— Мы не могли, — ответил Хейвиг. — Но я не уверен, что это плохо. Разве мог бы такой человек, как я, принять жестокое решение? Нет, я все время надеялся бы на что-то, что изменит все к лучшему. Разве я стал бы создавать организацию для специальной цели, если бы не... — он замолчал.

— Ксения, — пробормотал я. — Да, конечно.

Леонса смотрела на нас.

— Даже Ксения не смогла нарушить баланс, — сказала она. — Крестоносцы не убили ее, она спаслась и прожила еще девять лет, — она улыбнулась. — И пять из них с Джеком. Да, она получила меньше счастья, чем я, но все же...

Я подумал, что Леонса изменилась меньше, чем Хейвиг, но больше, чем я думал сначала.

Так как Хейвиг молчал, я понял, что его рана затянулась. Шрам, конечно, остался, но раны больше нет. Так всегда бывает, если у человека здоровое тело и дух.

— Хорошо, — сказал я, стараясь уклониться от печальной темы. — Вы собрали вместе себе подобных, уничтожили зло, установили добро. Значит, теперь я принимаю у себя Короля и Королеву?

— Что? — Хейвиг удивленно вскинул брови. — Мы не король и королева.

— Разве вы не правите там, в будущем?

— Пока. Кто-то же должен править. Но с нами сотрудничают мудрейшие, кого мы смогли найти, и не обязательно путешественни-

ки во времени. Мы делаем все, чтобы превратить наше военное общество в свободную республику.

Леонса пошевелила поленья в камине; они потрескивали, зажигая искры в ее глазах.

— Я не понимаю, — сказал я уже в который раз за сегодняшний вечер.

Хейвиг подыскивал слово.

— Док, — сказал он наконец. — Когда мы уйдем отсюда, ты никогда больше не увидишь нас.

Я сидел спокойно. Солнце уже ушло за горизонт, наступил вечер.

Леонса подбежала ко мне, обняла, поцеловала. Меня окружил свежий аромат ее волос, к которому примешивался запах дыма.

— Нет, док! — воскликнула она. — Это вовсе не значит, что ты скоро умрешь.

— Я не хочу... — начал я.

— А-а, — в ней заговорило простодушие девушки варварского племени. — Ты хочешь сказать, что не хочешь знать даты своей смерти. Мы и не собираемся говорить тебе этого, но, черт побери, у тебя впереди еще много времени.

— Дело в том, — как всегда точно объяснил Хейвиг, — что мы, я и Леонса, покидаем Землю. Сомневаюсь, что мы вернемся.

— Что хорошего в путешествиях во времени? — спросил он, когда мы приобрели способность обсуждать дела.

— Но... — промямлил я.

— Контроль исторического развития? Неужели ты веришь, что горстка людей способна сделать это? Уоллис говорил и верил, но ты-то, надеюсь, нет? И ты не веришь, что они должны делать это.

— Ну... история... археология...

— Согласен, знания — вещь важная и нужная. Но судьбу предвидеть нельзя. Это смерть надежды. Получив знания, разве может человек остановиться, оставить их при себе? Неужели он не захочет использовать их?

— Зависит от результата, Джек.

Леонса, сидевшая рядом с ним, шевельнулась, и по стене запрыгали тени от притушенного торшера, от пляшущего огня в камине.

— Для нас, — сказал он, — результат ведет к звездам. Вот чем хороши путешествия во времени.

Джек улыбнулся. С виду он был спокоен, но в его голосе прорывались звенящие ноты.

— Почему, ты думаешь, мы решили завершить Фазу-2, Полярис Хауз, как мы ее называем? Я уже сказал тебе, что мы не собираемся править миром. Нет, Полярис Хауз предназначен для исследований и разработок. Эта работа будет завершена, когда будут готовы первые корабли.

— И они будут! — воскликнула Леонса. — Мы видели!

Страсть овладела Хейвигом. Его пальцы стиснули стакан, о котором он совсем забыл. Он горячо заговорил:

— Я еще не изучил технологические и научные детали. Именно поэтому нам нужно в будущее. Физики говорят о математическом эквиваленте путешествия в прошлое и о возможности лететь со сверхсветовой скоростью. Они надеются разработать теорию, которая поможет создать такой корабль. Может, у них это и получится, а может — нет. Я знаю, что в Полярис Хауз это не получится. Но, может, выйдет в далеком будущем или на другой планете, вращающейся вокруг другого солнца. Но это не меняет дела. Корабль может лететь и с небольшой скоростью, если команда состоит из путешественников во времени.

Ты понимаешь меня? Путешествие может длиться столетиями. Но для нас путешествие в будущее, даже если мы перемещаемся в пространстве, занимает минуты, часы...

Наши дети будут иными. Но они будут там! Мы начнем для человечества путь в бесконечность!

Я посмотрел в окно. Созвездия прятались в облачном небе.

— Я понимаю, — медленно сказал я. — Грандиозные планы.

— И необходимые, — добавил Хейвиг. — А без нас и без нашего главного врага это никогда не могло бы быть сделано. Маури могли бы собрать необходимые ресурсы для межпланетных путешествий, но они не сделали этого. Их запрещение разрабатывать энергетические установки вначале были жизненно необходимыми для спасения Земли, но затем, как всегда это бывает, этот закон стал тормозом на пути прогресса. Несомненно, культура, которая следует за Маури, не сможет подняться к звездам.

— Мы поднимемся! — экзальтированно воскликнула Леонса. — Звездные Хозяева — наша раса!

— И спасители жизни на Земле, — добавил Хейвиг. — Ведь цивилизация, которая сейчас владеет Землей, подходит к концу. И спасение придет только извне. Вселенная неизмеримо больше, чем может себе представить любое воображение.

— Насколько я понимаю, звездные пришельцы вдохнут жизнь в Землю, — сказал я неуверенно.

— О да. Причем более в идейном смысле, чем в смысле материальных благ. Опыт существ, рожденных в самых разных местах Вселенной, даст человечеству новый импульс. Особенно это коснется философов, мистиков. Я не знаю, к чему приведет единение с внеземными цивилизациями. Быть может, к новому, высшему состоянию души? Но я верю, что конец будет счастливым, и именно для этого мы, путешественники во времени, и рождены.

Леонса легонько тронула его:

— Джек, ты заболтался и ударился в слишком высокие материи. Кончай свои пророчества, милый, и обрати внимание на свой стакан.

— И вы оба намереваетесь быть среди первых исследователей?

— Мы имеем на это право, — сказала она.

— Простите, это не мое дело, но ваши дети не смогут унаследовать ваш дар...

Лицо ее стало серьезным.

— Может, мы найдем Новую Землю, чтобы вырастить их. Мы все-таки еще не так стары, — она посмотрела на острый профиль мужа. — А может, мы будем скитаться по Вселенной, пока не умрем.

Наступила тишина. Я встал с кресла, чтобы открыть дверь, в которую постукали. На пороге стояли три маленькие фигурки: клоун, медведь и астронавт. В руках у них были бумажные пакеты. Они запели старинную песенку, которую пели до них миллионы ряженных.

Прошел год с тех пор, как Джек Хейвиг и Леонса из Вахорна распрощались со мной. Я часто думаю о них. Разумеется, обычная суета заполняет мои дни, но и среди нее я всегда нахожу время вспомнить о них.

Они могут сейчас быть в любом месте планеты, предающиеся отчаянию или торжествующие. Ведь именно сейчас происходило все, о чем они рассказали мне. Но мы никогда больше не встретимся. Конец их жизни безмерно далек от момента моей смерти.

Что ж, такова жизнь человека. И Земли в космосе...

Я хочу... я иногда хочу. Я хочу, чтобы они были счастливы и свободны в это лето, которое для них уже прошло. Чтобы они заехали ко мне, и мы бы вместе купались в озере, гуляли в лесу. Они, наверняка, захотели бы увидеться с Элеонорой, его матерью, в один из тех моментов, когда Джек был уверен, что находится в безопасности. Он сказал ей... что? Она никогда не говорила мне.

Я хотел бы, чтобы он ответил на вопрос, который давно меня мучает. Как появилась раса путешественников во времени?

Мы с ним предположили, что уже знаем зачем. Но мы не задавались вопросом, кто — или что — почувствовал необходимость в них и создал эту расу?

Случайная бессмысленная мутация? Тогда любопытно, что после Хейвига не родился ни один путешественник. По правде говоря, когда они сделали свое дело, освободили человечество, открыв ему вечность, они стали не нужны. Их знание будущего стало лишним, никому не нужным, даже до некоторой степени вредным. Но кто решил все это? Кто формирует реальность, в которой мы живем?

Я недавно читал работы по экспериментальной генетике. Вероятно, можно создать вирус, который будет переносить гены от одного существа к другому, причем не обязательно существа того же вида. А природа, может быть, уже умеет это делать, и вполне возможно, что мы несем в себе гены тех живых существ, которые никогда не числились в наших предках. Хорошо, если это правда. Мне нравится чувствовать себя родственником всего живого.

Но не может ли быть создан вирус, который переносит эту странную способность — путешествие во времени? Может быть, он давно создан в будущем, и им засеяны отдельные прошлые эпохи. Засеяны людьми, пришедшими из невообразимо далекого будущего?

Почти каждый вечер я брожу по городу, стою под высокими осенними звездами, смотрю вверх и думаю...

СОДЕРЖАНИЕ

ОПЕРАЦИЯ «ХАОС»
5

ЛЮДИ ВЕТРА
205

НАСТАНЕТ ВРЕМЯ...
351

Редакторы *В. Подбельский, А. Комаров*
Художественный редактор *П. Храмцов*
Технический редактор *Т. Луговская*
Младший редактор *М. Грушецкая*
Корректоры *Л. Назарова, И. Потемина*

Сдано в набор 25.11.92. Подписано к печати 01.06.93. Формат 60 x 90/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 29,00. Усл. кр.-отт. 29,50. Уч.-изд. л. 34,03. Тираж 50 000 экз. Заказ 1737.

ПОО «Фабула». 117218 Москва, ул. Красикова, 27

Типография № 7. Министерство печати и информации Российской Федерации. 121019 Москва, пер. Аксакова, 13.

Серия «МАСТЕРА
АМЕРИКАНСКОЙ ФАНТАСТИКИ»
основана в 1992 г. Включает в себя
лучшие произведения
наиболее известных и популярных
писателей-фантастов США.

Пол АНДЕРСОН

